

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

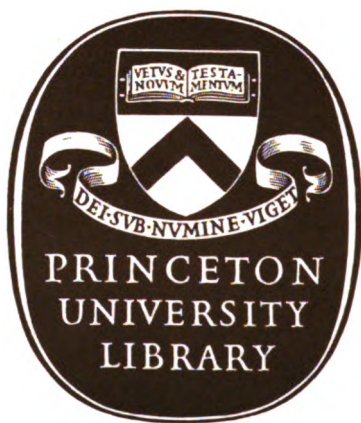
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Svĕt iz tĕni budushchikh blag

СВѢТЪ ИЗЪ ТѢНИ

БУДУЩИХЪ БЛАГЪ

или

ТРИДЦАТЬ ДВѢ БЕСѢДЫ

О СКИНИИ, ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯХЪ И СВЯЩЕНСТВѢ.

Составилъ И. КАРГЕЛЬ.

„Законъ имѣетъ ТѢНЬ будущихъ благъ,
а не самый образъ вещей . . . А ТѢЛО
во Христѣ“.

(Евр. 10,1. Кол. 2,17).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и переплетная Ю. А. Мансфельдъ, ул. Гоголя, № 9.
1908.

BS680
.T32S93

СВѢТЪ ИЗЪ ТѢНИ

БУДУЩИХЪ БЛАГЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
1. Скинiя вообще	1
2. Дворъ — завѣсы двора	15
3. Ворота, дверь и завѣса	27
4. Мѣдный жертвенникъ	41
5. Мѣдный умывальникъ	55
6. Серебро выкупа и употребленіе его.	67
7. Святилище — его брусъ	80
8. Священные цвѣта.	93
9. Покровъ изъ синихъ (барсучьихъ) и бараньихъ кожъ.	105
10. Покрывало изъ козьей шерсти и покрывало съ изображе- ніемъ херувимовъ	117
11. Золотой жертвенникъ для куренiя	130
12. Золотой свѣтильникъ	144
13. Столъ для хлѣбовъ предложенiя и хлѣбы предложенiя	157
14. Святое-святыхъ — ковчегъ завѣта	170
15. Жертва за грѣхъ.	185
16. Жертва повинности.	199
17. Жертва всесоженiя	213
18. Жертва благодарности, или мирная жертва	226
19. Жертва хлѣбнаго приношенiя	241
20. Жертва посвященiя.	255
21. Жертва куренiя	268
22. Первосвященникъ.	279
23. Священники	292
24. Хитонъ и верхняя риза	304
25. Ефодъ и нарамники	318
26. Поясъ.	330
27. Два камня оникса	342
28. Наперсникъ судный	354
29. Кидаръ съ золотой дощечкой	367
30. Священное миро для помазанiя.	379
31. Посвященіе священниковъ	391
32. Странствованіе Израиля со святилищемъ	405

86-00055816 P000191146

1133

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ эти бесѣды, авторъ имѣлъ въ виду исключительно прославленіе своего чуднаго Господа и Учителя; изъ личнаго опыта автору пришлось не разъ убѣдиться, что стремленіе къ прославленію Господа служило подкрѣпленіемъ и радостью Его чадамъ. Что касается его самого, то онъ съ радостью свидѣтельствуетъ, что его многолѣтнія изслѣдованія именно этой части Священнаго Писанія представили ему Господа несравненно удивительнѣе и славнѣе, чѣмъ Онъ для него былъ до изученія этой части Библіи; часто приходилось ему въ изумленіи поклоняться величію, которое въ „тѣни будущихъ благъ“ предшествовало Тому, Кто долженъ былъ придти, и Кто въ настоящее время уже давно пришелъ. Къ сожалѣнію, ни уста, ни перо не въ состояніи передать всего того, что часто испытывало переполненное сердце; несмотря на все это, онъ осмѣлился выпустить слабое свидѣтельство о своемъ Господѣ въ болѣе обширный кругъ читателей, будучи твердо увѣренъ, что это, несомнѣнно, послужитъ, съ своей стороны, къ прославленію Возлюбленнаго; дѣтямъ же Его, для которыхъ Онъ драгоцѣнность, это будетъ способствовать укрѣпленію вѣры, умноженію любви и большему утвержденію ихъ надежды. Авторъ съ тѣмъ болѣею радостью ожидаетъ осуществленія всего этого, что ему не разъ приходилось наблюдать появленіе подобныхъ плодовъ во многихъ своихъ слушателяхъ.

Эти лекціи обязаны своимъ возникновеніемъ зимнимъ мѣсяцамъ, давшимъ автору случай быть въ довольно значительномъ кругу дорогихъ дѣтей Божіихъ и душъ, ищущихъ Господа всѣмъ сердцемъ; лѣтніе же мѣсяцы посвящались обыкновенно проповѣднической дѣятельности и попутному собиранію матеріаловъ для бесѣдъ. Съ благодарностью приходится упомянуть о томъ, что авторъ имѣлъ счастье пользоваться мнѣніями писателей, занимающихся тѣмъ же предметомъ. Это были преимущественно сочиненія на англійскомъ языкѣ; изъ нихъ извлечены были нѣкоторыя чудныя мысли; во избѣжаніе же неудобства приводить дословно заимствованное и называть автора сказаннаго не-

однократно, мы предпочитаем упомянуть объ этомъ въ предисловіи. Для этой высокой цѣли нами были выбраны: *Роджерсъ*, *Макинтошъ*, *Соито*; каждый изъ нихъ по-своему, при изученіи скиніи или ветхозавѣтнаго Богослуженія, высказалъ цѣнное свидѣтельство. Въ остальномъ бесѣды являются самостоятельнымъ трудомъ; возникли онѣ не сразу, а въ продолженіе многихъ зимъ, причемъ онѣ велись въ различныхъ кружкахъ и постоянно обогащались новыми мыслями; наконецъ онѣ приняли настоящую форму.

Да не поставятъ любезные читатели автору въ вину то, что онъ приводитъ безъ сокращеній и дословно тѣ мѣста изъ Священнаго Писанія, которыя послужили или основаніемъ для этихъ бесѣдъ, или должны были освѣтить и подтвердить ту или другую истину; сдѣлано это было не съ той цѣлью, чтобы увеличить объемъ книги, а во избѣжаніе отыскиванія приводимыхъ мѣстъ въ Библии, такъ какъ автору не разъ пришлось убѣдиться, что дорогіе читатели мало справляются насчетъ приведенныхъ изъ Библии мѣстъ; случается, что они и вовсе объ этомъ не помышляютъ. Поступить такимъ образомъ оказалось особенно необходимымъ въ виду того, что предметъ нашихъ бесѣдъ менѣе извѣстенъ, нежели другіе, о которыхъ болѣе часто было писано. Неопровержимо вѣрнымъ останется притомъ слово, которое часто повторялось однимъ дорогимъ чадомъ Божиимъ, а именно, что „одно слово Божіе въ тысячу разъ драгоцѣннѣе, нежели многія слова чловѣческія“.

Духъ же Святой, постоянно прославляющій намъ Христа, да сопровождаетъ повсюду эту книгу; да осіаетъ Онъ Своимъ присутствіемъ тотъ малый свѣтъ, который она извлекла изъ „тѣни будущихъ благъ“ и да изольетъ Онъ несказанное благословеніе на каждого читателя.

Авторъ.

ЧАСТЬ I.

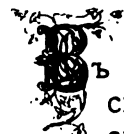
Скинiя и ея принадлежности.

I. Скинiя вообще.

Исх. 25, 8. „И устроятъ они Мнѣ святилище, и буду обитать посреди ихъ.

9. Все, какъ Я показываю тебѣ, и образецъ скинiи и образецъ всѣхъ сосудовъ ея, такъ и сдѣлайте“.

Въ одной изъ торжественнѣйшихъ бесѣдъ нашего Господа съ Іудеями, когда шла рѣчь о Немъ, какъ о посланномъ Богомъ Мессii, Онъ между прочимъ сказалъ слѣдующія многозначительныя слова: „Изслѣдуйте Писанiя: ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ“ (Іоан. 5, 39). Въ тѣ дни еще не существовало Новаго Завѣта, который мы вмѣстѣ съ Ветхимъ теперь привыкли называть „Писанiемъ“; по всей вѣроятности ни одна строчка его еще не была тогда написана. Потому ясно, что этими словами Іисусъ указываетъ Іудеямъ на Ветхій Завѣтъ, какъ на свидѣтеля Своего о Немъ, и если мы внимательно прослѣдимъ всю Его рѣчь, то увидимъ, что Онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Моисея, потому что, ссылаясь на него, Господь заключаетъ рѣчь эту слѣдующими словами: „Если бы вы вѣрили Моисею, то повѣрили бы и Мнѣ; потому что онъ писалъ о Мнѣ. Если же его писанiямъ не

вѣрите; какъ повѣрите Моимъ словамъ“ (Іоан. 5, 46. 47). Итакъ Ветхій Завѣтъ и, въ особенности, Моисей, по собственнымъ словамъ Іисуса, **свидѣтельствуютъ** о Немъ. И когда Онъ, по воскресеніи Своемъ, шелъ съ тѣми двумя учениками въ Эммаусъ, то „начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи“ (Лук. 24,27). Слѣдовательно, Онъ указалъ на Себя изъ Ветхаго Завѣта. Вопросъ состоитъ въ томъ, братія мои, „изслѣдуемъ“, изучаемъ ли **мы** такъ страницы Ветхаго Завѣта, чтобы на самомъ дѣлѣ Іисусъ былъ найденъ нами? Дѣйствительно, мы читаемъ главу за главой, но не углубляемся въ нихъ настоящимъ образомъ и потому не замѣчаемъ многихъ чудесъ, не слышимъ того, что тамъ сказано: часто наше изслѣдованіе бываетъ неуспѣшно, потому что мы не производимъ его подъ руководствомъ лучшаго наставника—Духа Святого. Еслибъ Онъ былъ нашимъ водителемъ при этомъ дѣлѣ, то, воистину, мы всегда видѣли бы Іисуса, и повсюду Іисуса.

„Видѣть Іисуса“, такова должна быть цѣль нашихъ собраній по воскресеньямъ, въ которыхъ мнѣ будетъ позволено возвѣщать Слово Божіе. Если только будетъ на то Его святая воля, то мы хотѣли бы увидѣть Его изъ Ветхаго Завѣта, а главнымъ образомъ изъ писаній Моисея. Для того, чтобы изслѣдовать и понять все сказанное о скинїи, жертвахъ и священствѣ, которыя такъ подробно описаны Богомъ, мы должны приложить къ этому предмету не менѣе вниманія и расположенія сердечнаго, какъ и ко всякому ясному изреченію Господа и Его апостоловъ, потому что они, хотя и картинно, но все же въ чудномъ свѣтѣ, представляютъ намъ Его. Поэтому я и желалъ бы, ради вашей пользы, предложить вамъ—нѣсколько разъ съ благоговѣніемъ прочесть отрывокъ Священнаго Писанія отъ 25 глав. Исхода до 8 гл. книги Левитъ, и, по возможности, запечатлѣть въ памяти прочитанное, потому что это должно послужить основаніемъ для нашихъ изслѣдованій. Прежде всего, мы постараемся увидѣть въ скинїи съ ея дворомъ, святилищемъ, Святымъ-святыхъ и въ принадлежностяхъ ея, какъ въ тѣни будущихъ благъ, Іисуса Христа и Его чудное дѣло искупленія. Далѣе, на то же самое укажутъ

намъ различныя жертвы, и, наконецъ, въ священствѣ мы увидимъ нашего прославленнаго Господа на небесахъ, и этимъ закончимъ бесѣды наши. Сегодня же мы прежде всего направимъ наше вниманіе на

скинію вообще.

Приказаніе Господне, чтобы Ему была построена скинія, было дано народу Израильскому, который только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ началъ быть народомъ, а именно съ того дня, когда Господь избавилъ его въ Египтѣ отъ рабства посредствомъ пасхальнаго агнца и вывелъ изъ Египта „Своей рукой крѣпкой и мышцей высокою“. Самъ Господь приказалъ имъ начать съ этого времени ихъ лѣтосчисленіе (Исх. 1. 2, 12), такъ какъ до того времени этотъ народъ былъ въ дѣйствительности горстью рабовъ, уже присужденныхъ къ смерти (Исх. 12, 1. 2). Слѣдовательно, это былъ незначительный народъ, призванный съ самой низкой ступени, но Богомъ избранный на то, чтобы явить среди него самыя чудныя откровенія Божіи. Отнынѣ имъ должны были „принадлежать усыновленіе, и слава, и завѣты, и законоположеніе, и богослуженіе, и обѣтованія; ихъ и отцы, и отъ нихъ Христосъ по плоти, сущій надъ всѣмъ Богъ, благословенный во вѣки, аминь“ (Римл. 9, 4.5). Со времени ихъ исхода всѣ особенныя обѣтованія Божіи относились **ко Христу**, причемъ они были даны или въ формѣ простыхъ словъ или, какъ это въ началѣ случалось чаще, картинно, въ прообразахъ. Послѣ освобожденія ихъ изъ Египта, Богъ не замедлилъ исполнить Свое намѣреніе, предвозвѣстивъ въ прообразѣ Свое явленіе во Христѣ Іисусѣ на землю и пребываніе Свое среди людей. А именно повелѣніе о постройкѣ скиніи для Него было откровеніемъ Его божественнаго намѣренія.

Израиль только что успѣлъ перейти Чермное море и совершить нѣсколько переходовъ въ пустынь, только что умолкъ гремѣвшій съ Синая громъ, отъ котораго народъ разбѣжался, только что успѣли Израильтяне попросить Бога не говорить съ ними больше непосредственно, и вотъ уже исходитъ слово изъ устъ Его: „**И устроятъ они Мнѣ святилище, и буду обитать среди ихъ**“.

Какое чудное повелѣніе! Оно свидѣтельствуемъ намъ о томъ, что **Господь жаждалъ приблизиться къ человѣку, снизойти до его немощи.** Въ страхѣ и трепетѣ стоялъ Израиль у подножія горы, горѣвшей огнемъ, въ станѣ, въ сознаніи отдаленности отъ своего Бога; отдѣленный чертой отъ святой горы, онъ не смѣлъ дерзнуть приблизиться къ Богу, зная, что даже всякая попытка въ этомъ направленіи навлекла бы на него неизбѣжную смерть. Такимъ образомъ, съ ихъ стороны не могло никогда возникнуть стремленіе приблизиться къ Богу, такъ какъ они убѣдились, что имъ невозможно перейти пропасть, лежавшую между ними и Богомъ. Поэтому ихъ единственное желаніе заключалось въ томъ, чтобы держаться какъ можно дальше отъ Бога, что они и выразили словами: „Говори ты съ нами, и мы будемъ слушать, но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть“ (Исх. 20, 19). Итакъ, **человѣкъ** не могъ подняться къ Богу, но зато—дивна милость Божія!—**Богъ** могъ сойти къ нему и, что еще удивительнѣе, Богъ **желалъ** къ нему сойти. Онъ Самъ возвѣстилъ Свое намѣреніе сойти съ горы величія Своего въ станъ немощи, къ человѣку, чтобы приблизиться къ нему.

Возлюбленные, Богъ показалъ въ skinii прообразомъ Свое приближеніе къ человѣку, во Христѣ же Іисусѣ мы имѣемъ дѣйствительное осуществленіе этого. И такъ какъ Израилю невозможно было снова войти съ Богомъ въ союзъ и общеніе, нарушенные грѣхопаденіемъ, такъ невозможно было бы это никакому человѣку на землѣ, еслибъ Богъ не принялъ рѣшенія снизойти чрезъ Христа и во Христѣ до нашего жалкаго положенія. И несомнѣнно, что мы погибли бы безвозвратно, какъ погибъ отъ водъ потопа первоначальный міръ, еслибъ Онъ Самъ не возстановилъ съ нами этой связи. Но, слава Ему, мы знаемъ, что это совершилось. Ветхозавѣтный вопль: „О, если бы Ты расторгъ небеса и сошелъ!“ (Ис. 64, 1) услышанъ и исполненъ славнѣйшимъ образомъ тогда, „когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына Своего Единороднаго, который родился отъ жены и подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе“

(Гал. 4, 4. 5). Онъ уничтожилъ пропасть, Онъ разрушилъ преграду, стоявшую между нами и Богомъ.

„Спасеніе даровать желая,
 „Пришелъ за мной на землю Богъ;
 „Свою грѣховность сознавая,
 „Къ Нему подняться я не могъ.
 „Влекомый чудною любовью;
 „Меня Онъ спасъ Своею кровью.“

И не свидѣтельствуемъ ли намъ самый способъ, избранный Богомъ для Своего пребыванія посреди Израиля, о намѣреніи Его, тѣсно сблизиться съ народомъ? Израиль жилъ въ шатрахъ и кущахъ, путешествуя по пустынѣ, Онъ—замѣтьте это—избралъ для Себя то же самое, рѣшилъ подойти къ нимъ, уподобиться имъ. Тамъ, на вершинѣ горы, было „подъ ногами Его нѣчто подобное работѣ изъ чистаго сапфира и, какъ самое небо, ясное“ (Исх. 24, 10); тамъ „Онъ обиталъ въ неприступномъ свѣтѣ;“ тамъ не видѣлъ Его ни одинъ человѣкъ, такъ что Онъ сказалъ даже Моисею, котораго Самъ приблизилъ къ Себѣ: „Человѣкъ не можетъ увидѣть Меня и остаться въ живыхъ“ (Исх. 33, 20). И вотъ, оставляя всю эту славу, какъ бы уничтожая Себя Самого, Онъ желаетъ для Себя только шатра—скиніи. Правда, Онъ повелѣлъ приготовить Себѣ чудный шатеръ, драгоценную постройку, но вѣдь все же, то былъ только шатеръ. скинія. И затѣмъ, когда Израильтяне уже вошли въ Ханаанъ и сами долгое время жили въ благоустроенныхъ домахъ, только тогда допустилъ Онъ, чтобъ и Ему, какъ и имъ, построенъ былъ домъ, храмъ: но и тогда не земное ли только было великолѣпіе храма? Да, такъ это было, но именно въ такомъ видѣ Израиль не только не страшился Бога, но радовался имѣть Его среди себя; такъ они могли и смѣли приближаться къ Нему.

Не такимъ же ли близкимъ сдѣлался и намъ Господь во Христѣ Іисусѣ? О Немъ сказано: „И Слово стало плотію, и обитало (собственно говоря, „жило въ шатрѣ“) съ нами, полное благодати и истины; и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца“ (Іоан. 1, 14). Что именно хочетъ сказать намъ этимъ Духъ Святой, внушая апостолу Іоанну сказать: не „Слово стало человѣкомъ,“ но

„Слово стало плотію?“ Не то ли это, чтобы мы восприняли эту великую тайну во всей ея простой дѣйствительности, чтобы мы поняли, что Онъ воистину взялъ на Себя человѣческую природу съ ея внѣшней нищетой, немощью и ничтожествомъ въ полномъ библейскомъ смыслѣ этихъ словъ. дабы мы могли безъ страха, дерзновенно, приближаться къ Нему? Если наше тѣло представляетъ собсю только „хижину, которая разрушится,“ то и его тѣло могло быть подвержено разрушенію; въ тѣлѣ Своемъ Онъ обиталъ какъ бы въ шатрѣ посреди насъ. „Разрушьте“, сказалъ Онъ однажды окружавшимъ Его обитателямъ земныхъ хижинъ, „разрушьте храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его“, причемъ Духъ Святой въ любви поясняетъ намъ это слово, говоря: „А Онъ говорилъ о храмѣ тѣла Своего“ (Іоан. 2, 19, 21). Да будетъ Ему слава и хвала за то, что Онъ, „будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу (не удерживалъ его судорожно, какъ добычу); но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ и по виду ставъ, какъ человекъ“ (Филип. 2, 6, 7) Неправда ли, мой дорогой грѣшный собратъ, въ такомъ видѣ тебѣ Его нечего бояться, при такихъ условіяхъ ты можешь съ дерзновеніемъ приблизиться къ Нему?

Далѣе мы находимъ ту удивительную истину относительно скиніи, что **Богъ желалъ вступать въ сношенія съ человекомъ исключительно чрезъ скинію**. Приведемъ нѣсколько мѣстъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ. „Тамъ Я буду открываться тебѣ и говорить съ тобою надъ крышкою, посреди двухъ херувимовъ, которые надъ ковчегомъ откровенія, о всемъ, что ни буду заповѣдывать чрезъ тебя сынамъ Израилевымъ“ (Исх. 25, 22).— „Когда Моисей входилъ въ скинію собранія, чтобы говорить съ Господомъ, слышалъ голосъ, говорящій ему съ крышки, которая надъ ковчегомъ откровенія, между двумя херувимами: и онъ говорилъ ему“ (Числ. 7, 89). И достойно замѣчанія то, что божественныя откровенія Моисею прекратились на горѣ въ то самое время, какъ только была построена скинія, хотя ему слѣдовало получить еще много указаній относительно послѣдней. Книга Левитъ начинается словами: „И воззвалъ Господь

къ Моисею и сказалъ изъ скиніи собранія“ (Лев. 1, 1). Богъ возвѣщалъ Свою волю чрезъ Моисея: Онъ говорилъ Израилю и чрезъ пророковъ, бывшихъ вѣстниками Его слова, такъ что черезъ нихъ народъ могъ получать нѣкоторое познаніе о Богѣ, но съ Богомъ Самимъ можно было встрѣтиться только здѣсь, почему скинія и называлась скиніей собранія. Здѣсь встрѣчался человѣкъ съ Богомъ: скинія была какъ бы звеномъ между Нимъ и Его народомъ. Если кто-нибудь хотѣлъ приблизиться къ Богу, — другого пути тогда для Израйля не было, — онъ шелъ въ скинію.

И теперь всякій, желающій приблизиться къ Богу, непременно долженъ идти къ Тому, Кого скинія была только прообразомъ, къ Иисусу. „Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“, — такъ подтверждаютъ это Его собственныя уста. Въ Немъ, въ Его личности слились Богъ и человѣкъ; Онъ есть Богъ, явившійся во плоти, и только чрезъ Него грѣшникъ снова можетъ соединиться съ Богомъ. Что бы ты ни дѣлалъ и кто бы ты ни былъ, мой дорогой слушатель, до тѣхъ поръ, пока ты безъ Христа, свидѣтельство Божіе называетъ тебя „отчужденнымъ отъ общества Израильскаго, чуждымъ завѣтовъ обѣтованія“; оно говоритъ о тебѣ, что ты „не имѣешь надежды и безбожникъ въ мірѣ“ (Еф. 2, 12). Тебѣ можетъ быть тяжело выслушать это свидѣтельство, но оно непременно истинно, потому что это свидѣтельство Божіе. Послушай, однако, также, что Господь говоритъ о тѣхъ, которые чрезъ Сына пришли къ Нему: „Теперь во Христѣ Иисусѣ вы, бывшіе нѣкогда далеко, стали близки кровію Христовою... потому что чрезъ Него и тѣ и другіе имѣемъ доступъ къ Отцу, въ одномъ Духѣ“ (Еф. 2, 13. 18). Итакъ, будьте увѣрены, что не пришедшій къ Сыну, не пришелъ и къ Отцу: какъ бы такой человѣкъ ни былъ честенъ, достоинъ уваженія, религіозенъ и благочестивъ, онъ безбожникъ въ мірѣ. Апостолъ Іоаннъ намъ это категорически подтверждаетъ слѣдующими словами: „Всякій, отвергающій Сына, не имѣетъ и Отца“ (1 Іоан. 2, 23). Только Сынъ представляетъ Собой ту лѣстницу, которую Іаковъ видѣлъ нѣкогда во снѣ, лѣстницу, соединяющую небо и землю, грѣш-

ника и Святого, человѣка и Бога. О, если бы ея были соединены всѣ!

Эту же чудную истину подтверждаетъ намъ еще то, что у Израиля была вообще только одна скинія. Почему во всемъ этомъ огромномъ станѣ не было нѣсколькихъ, а позже, въ землѣ Ханаанской, не существовало многихъ святилищъ? Не хотѣлъ ли Богъ и тогда уже показать народу Израильскому, что между Нимъ и человѣкомъ можетъ существовать только одинъ Посредникъ? Когда народъ Израильскій провелъ уже многіе годы въ своей землѣ и сдѣлался великимъ народомъ, мы читаемъ, какъ однажды десять колѣнъ отдѣлились отъ Іуды и Веніамина и установили у себя отдѣльное богослуженіе; они оставили скинію или, вѣрнѣе сказать, храмъ и собирались въ Веѣиль; но Бога тамъ не было; тамъ Его невозможно было найти, и все ихъ богослуженіе было имъ зачтено за идолопоклонство, до котораго оно вскорѣ и опустилось. Почему же не было тамъ Бога? Не потому, чтобы Онъ не былъ вездѣ-сущимъ, какъ въ наши дни и какъ будетъ во вѣки вѣковъ; но для Іеговы былъ въ то время только одинъ путь для сношенія съ человѣкомъ, какъ и теперь, исключительно чрезъ Христа и чрезъ Него **Одного**. Тогда это происходило, конечно, въ прообразѣ, теперь же въ дѣйствительности; тогда у Израиля была только тѣнь, между тѣмъ какъ мы теперь обладаемъ самымъ существомъ благъ. Не имѣй мы этой истины въ виду не были бы мы поражены тѣмъ, что во всемъ Израилѣ, отъ Дана до Вирсавіи, было только **одно** святилище, причемъ и богослуженіе могло совершаться только на **одномъ** мѣстѣ, такъ что изъ года въ годъ всѣ колѣна Израилевы должны были восходить въ Іерусалимъ и тамъ только могли совершать свои жертвоприношенія? Мы знаемъ причину этого: существовала только одна скинія, было только одно мѣсто откровенія Божія, гдѣ обитала слава имени Его. Пожалуй въ этомъ свѣтѣ намъ будетъ понятнѣе, почему Спаситель могъ сказать Самарянкѣ: „Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся, ибо спасеніе отъ Іудеевъ“ (Іоан. 4, 22).

„Единъ Богъ“, свидѣтельствуетъ намъ апостолъ, и

„единъ Посредникъ (не два, не три посредника) между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Іисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ“,—**вотъ** истина, къ познанію которой должны придти **всѣ** люди и которая спасительна для каждой души. Внѣ ея не существуетъ ни спасенія, ни искупленія. Да, мои братья, и для насъ также, если я могу такъ выразиться, существуетъ одно только мѣсто соединенія съ Богомъ, одинъ центръ встрѣчи съ Нимъ, и мѣсто это, центръ этотъ—Христосъ. Здѣсь соединяются воедино всѣ племена Израиля Божія, подъ какимъ бы знаменемъ они ни шли, какое бы наименованіе они ни носили; только въ Немъ они пріобрѣтаютъ благоволеніе Божіе, только чрезъ Него могутъ они узрѣть Бога и только въ Немъ приносимыя ими жертвы являются пріятнымъ благоуханіемъ для Отца. Вся разница между Израилемъ и нами заключается въ томъ, что Израильскій народъ служилъ Богу въ прообразѣ, тогда какъ мы имѣемъ Его Самого. Для насъ уже нѣтъ тѣни будущихъ благъ,—она исчезла навсегда; и хорошо, что исчезла, потому что тѣнь могла находиться только на одномъ мѣстѣ земли и никогда бы не могла удовлетворить всѣхъ; теперь же мы входимъ во святилище на всякомъ мѣстѣ земли, потому что Посредникъ нашъ вездѣсущъ. Да, **настало** уже время, когда, не связанные болѣе ни временемъ ни мѣстомъ, **истинные** поклонники поклоняются Богу во Христѣ Іисусѣ въ Духѣ и истинѣ. Всѣ ли мы принадлежимъ къ числу такихъ поклонниковъ?

Вернемся, однако, къ скиніи и посмотримъ, не научить ли насъ также чему-нибудь и **мѣсто, на которомъ Господь повелѣлъ воздвигнуть ее**. Замѣтьте, что Богъ не думалъ воздвигнуть ее въ Египтѣ; нѣтъ, Онъ избралъ пустыню для этой чудной постройки. „Отпусти народъ Мой, чтобъ онъ совершилъ Мнѣ праздникъ въ пустынѣ“, таково было повелѣніе Божіе, пока они не оставили Египетъ позади. Богъ не могъ обитать среди Израильтянъ, пока они были невольниками и рабами, но когда, выведенные Рукою Крѣпкою, они разъ навсегда покинули домъ рабства и, отдѣлившись отъ страны мрака и смерти, жили въ пустынѣ, какъ странники и пришельцы, тогда Онъ поста-

вилъ Свой походный шатеръ среди нихъ, обиталь посреди нихъ, ходилъ съ ними и былъ Богомъ ихъ.

Такъ и въ настоящее время. Для живущихъ въ Египтѣ, т. е. для грѣшниковъ, живущихъ въ мірѣ и грѣхѣ, и сегодня еще нѣтъ пребывающаго съ ними Бога и Христа. Какъ бы ни утверждалъ человѣкъ, что въ сердцѣ его живетъ Богъ, если при этомъ онъ мирится съ грѣхомъ, или довольствуется своей старой жизнью, какъ живетъ весь міръ вокругъ него, онъ обманываетъ самого себя: Бога онъ имѣетъ только въ воображеніи. Присутствію Божію предшествуетъ освобожденіе, отдѣленіе, разлученіе, обновленіе, и гдѣ этого нѣтъ, тамъ господствуетъ не Искупитель, не Богъ, а рабство и служеніе грѣху. Но да не подумаетъ кто-нибудь, говоря себѣ: „Хорошо же: съ этой минуты я буду избѣгать міра, буду тщательно остерегаться грѣха и стараться вести, по мѣрѣ силъ, лучшую жизнь, и этимъ докажу, что имѣю Бога“. Но такъ это не совершится, мой другъ, потому что ты долженъ **быть выведенъ** и выведенъ непременно кровью истиннаго Пасхальнаго Агнца и Рукою Крѣпкою, и, слава Богу, то и другое предложено тебѣ. О, рѣшишь только довѣриться рукъ Искупителя, скрыться за кровью Агнца, какъ Израиль это сдѣлалъ въ Пасхальную ночь, и ты увидишь, какъ скоро ты освободишься отъ міра и всего мірскаго. И если, когда ты на это рѣшишься, тебѣ покажется, что ты, подобно Израилю, идешь въ сухую и дикую пустыню, что за бѣда? Сердце твое тогда дѣлается святилищемъ Господа: Онъ обитаетъ, Онъ ходитъ въ тебѣ, и съ этой минуты ты, хотя и живешь еще въ мірѣ, не будешь уже отъ міра.

Общеніе съ Богомъ при отдѣленіи отъ міра и похотей его— эта истина еще разъ выражается скиніей, а именно въ положеніи, которое она занимала въ станѣ Израильскомъ. Въ Исх. 33, 7 мы читаемъ: „Моисей же взялъ и поставилъ шатеръ **внѣ стана**, **вдали отъ стана**, и назвалъ его скиніей собранія; и каждый, ищущій Господа, приходилъ въ скинію собранія, находившуюся **внѣ стана**“. Итакъ, она не стояла въ рядахъ другихъ жилищъ, но на мѣстѣ, совершенно отдѣленномъ. Никакое дѣло, касавшееся Бога и человѣка, никакой вопросъ сердца къ Іеговѣ, какъ единичнаго Из-

раильтянина, такъ и всего народа, не могли рѣшиться въ станѣ; всѣ тѣ вещи, которыя заключали въ себѣ какое-либо отношеніе къ Богу, непременно требовали выхода изъ стана.

Совершенно таково же положеніе чада Божія, даже еще въ высшемъ смыслѣ, потому что апостолъ насъ такъ поучаетъ въ посланіи къ Евреямъ: „И Иисусъ, дабы **освятить** людей кровію Своею, пострадалъ **внѣ вратъ**. Итакъ **выйдемъ къ Нему за станъ**, нося Его поруганіе (Евр. 13, 12. 13)“. Итакъ, намъ нечего ждать, пока насъ вытѣснятъ, какъ вытѣснили Египтяне Израильтянъ, нѣтъ, выходъ долженъ быть добровольный, выходъ **къ Нему**, ради Него, чтобы соединиться съ Нимъ. Выходи, братъ мой, выходи, моя сестра, изъ внѣшняго міра, изъ міра, тебя окружающаго и тебя къ себѣ влекущаго. Но выйди также изъ твоего внутренняго міра, изъ міра чувствъ и помышленій, которыя тысячу картинъ и представленій отвлекаютъ тебя отъ Него, Возлюбленнаго! Выходи, чтобъ ты могъ войти въ общеніе съ Нимъ! Да, возлюбленные, не только внѣшній міръ, такъ называемый Египетъ настоящаго времени, необходимо долженъ быть оставленъ позади насъ, потому что часто это еще не самое для насъ трудное; но существуетъ еще другой внутренній, намъ болѣе близкій міръ, который мы беремъ всюду съ собою, хотя бы и пошли въ настоящую пустыню, подобно Израилю, всюду несшему съ собой свой станъ. Но, слава и хвала Богу, что мы знаемъ Одного, Кто „отдалъ Себя Самого за грѣхи наши, чтобъ **избавить насъ отъ настоящаго лукаваго вѣка**, по волѣ Бога и Отца нашего“ (Гал. 1, 4). Укрыться въ Немъ — вотъ наше спасеніе.

О, дорогіе друзья, позвольте вамъ сказать откровенно: это ложь врага, когда думаютъ, что возможно одновременно быть одно со Христомъ и одно съ міромъ, что можно хотя бы своими наклонностями и сердечными помышленіями, своимъ образомъ мыслей и своими стремленіями оставаться въ мірѣ, и все-таки быть соединенными со Христомъ. Нѣтъ, обращеніе ко Христу, общеніе съ Нимъ есть отвращеніе отъ міра, а гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ нѣтъ и обращенія къ Нему.

Мы не можемъ покончить съ этимъ вопросомъ, не упомянувъ еще объ одномъ важномъ обстоятельстве, находившемся во время путешествія Израильтянъ въ непосредственной связи со скиніей, именно о столпѣ облачномъ. Послѣдняя часть послѣдней главы Исхода даетъ намъ желанное поясненіе по этому поводу: „Ибо облако Господне стояло надъ скиніей днемъ и огонь былъ ночью въ ней предъ глазами всего дома Израилева, во все время путешествія ихъ“. Станъ Израильскій, насколько намъ извѣстно, былъ очень обширенъ, такъ какъ включалъ въ себѣ жилища, по меньшей мѣрѣ, около 2¹/₂ милліоновъ людей. Какое огромное пространство тамъ было занято шатрами! Валааму пришлось подняться на семь разныхъ холмовъ, чтобы разсмотрѣть этотъ станъ весь и со всѣхъ сторонъ. Спрашивается, какъ же могъ Израильтянинъ тотчасъ же отыскать скинію, когда сердечная потребность влекла его къ Іеговѣ? Возвышалась ли она настолько надъ всѣми другими шатрами, что ее можно было видѣть отовсюду? Никакъ. И однако объ этомъ не приходилось много спрашивать; слѣдовало только открыть глаза, находясь даже на самомъ отдаленномъ краю стана, чтобы тотчасъ опредѣлить мѣсто, гдѣ она находилась, потому что она была нераздѣльно связана съ облачнымъ столпомъ. И этотъ облачный столпъ поднимался прямо отъ нея къ небу, ни днемъ ни ночью не отступая отъ жилища Божія, и не оставлялъ ни одного ищущаго въ сомнѣніи о томъ, гдѣ можно найти Іегову. Какъ утѣшительно, что ни сумерки, ни густѣйшій мракъ не были помѣхой этому, потому что „огонь былъ ночью въ ней предъ глазами всего дома Израилева“.

Мы, возлюбленные, видимъ въ облачномъ столпѣ чудный прообразъ слова Божія, которое Отецъ ниспослалъ къ намъ подобно тому, какъ Онъ поставилъ облачный столпъ надъ скиніей собранія. Да, слово написанное и Слово воплощенное неразрывно связаны другъ съ другомъ, доколѣ мы странствуемъ здѣсь на землѣ. Ты, стоящій близко, и ты, стоящій далеко, оба вы можете найти Іисуса; ты, ходящій, такъ сказать, днемъ и въ свѣтѣ, потому что ты „съ дѣтства знаешь Священные Писанія“, и ты, пребывающій во мракѣ невѣжества и грѣха, загляните оба

въ слово Божіе,—оно поведетъ васъ къ Нему. И еслибъ вначалѣ вамъ пришлось увидѣть только облачный столпъ слова Божія, пусть онъ привлечетъ васъ къ себѣ все ближе и ближе, пока вы не достигнете Того, о Комъ онъ свидѣтельствуетъ, т. е. до вашего Господа и Искупителя.

И неправда ли, что, **имѣя Его и слово Его, мы имѣемъ вѣрныхъ путеводителей по пустынь этого міра?** Израиль не могъ заблудиться во всѣхъ своихъ странствованіяхъ, имѣя среди себя скинію и столпъ облачный, пока они добровольно слѣдовали за ними. Они еще никогда не шли этимъ путемъ, онъ еще не былъ проложенъ предъ ними, и однако мы никогда не читаемъ, чтобы они заблудились въ пустынь, какъ это случилось съ Агарью (Быт. 21, 14), хотя враги ихъ однажды это объ нихъ думали, смот. Исх. 14, 3; нѣтъ, имъ надлежало только бодро идти впередъ, потому что Господь шелъ предъ ними, указывая имъ каждый шагъ.

Такъ Иисусъ и слово Его должны быть путеводителемъ нашимъ, если мы не хотимъ блуждать. И наше странствованіе ведетъ насъ также на темные непроложенные пути; о, да не отвратятся никогда отъ Него глаза наши, и уши наши да будутъ всегда открыты, чтобы мы слышали говорящее позади насъ слово: „Вотъ путь; идите по нему, если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налѣво“ (Ис. 30, 21). И еще одно: никогда не дѣлите слова отъ Христа или Христа отъ слова, и путь вашъ будетъ постоянно свѣтель предъ вами. Израиль имѣлъ, какъ мы знаемъ, отъ Египта до Синая только облачный столпъ; отсюда же шелъ Господь Самъ **сознательно для нихъ** съ ними. Такъ идутъ нѣкоторыя дѣти Божіи, имѣя мало общенія со Христомъ Иисусомъ Самимъ; они въ очень незначительной степени осуществляютъ для себя лично Его присутствіе; они руководятся **исключительно** словомъ Божіимъ и часто только буквой его. И такимъ образомъ мы сплошь и рядомъ находимъ у нихъ много знанія, то или другое вѣрное пониманіе, но въ нихъ почти не ощущается дыханія жизни, могущаго исходить только отъ Него и всегда приносимаго Его присутствіемъ. Они раздѣлили то, что Господь сочеталъ; или же они извратили Его порядокъ, отведя слову Его первое мѣсто, которое

принадлежитъ Тому, о Комъ оно свидѣтельствуется. Да не будетъ это положеніемъ многихъ, какъ это случается въ дѣйствительности!

Намъ же да укажетъ разъ навсегда наше вѣрное положеніе благое свидѣтельство Его собственныхъ устъ: „Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“ (Іоан. 8, 12). Аминь.

---

2. Дворъ — завѣсы двора.

Исх. 27, 9. „Сдѣлай дворъ скиніи: съ полуденной стороны къ югу завѣсы для двора должны быть изъ крученаго виссона, длиною въ

10. сто локтей по одной сторонѣ. Столбовъ для нихъ двадцать, и подножій для нихъ двадцать мѣдныхъ; крючки у столбовъ и
11. связи на нихъ изъ серебра. Также и вдоль по сѣверной сторонѣ завѣсы ста локтей длиною; столбовъ для нихъ двадцать и подножій для нихъ двадцать мѣдныхъ; крючки у столбовъ и связи на нихъ изъ серебра.
12. Въ ширину же двора съ западной стороны завѣсы пятидесяти локтей; столбовъ для нихъ десять, и подножій къ нимъ десять.
13. И въ ширину двора съ передней стороны
14. къ востоку завѣсы пятидесяти локтей. Къ одной сторонѣ—завѣсы въ пятнадцать локтей вышиною; столбовъ для нихъ три, и
15. подножій для нихъ три. И къ другой сторонѣ завѣсы въ пятнадцать локтей; столбовъ для нихъ три, и подножій для нихъ
16. три. А для воротъ двора завѣса въ двадцать локтей изъ голубой и пурпуровой и червленной шерсти и изъ крученаго виссона узорчатой работы; столбовъ для нихъ че-
17. тыре, и подножій къ нимъ четыре. Всѣ столбы вокругъ двора должны быть соединены связями изъ серебра; крючки у нихъ изъ серебра, а подножія къ нимъ
18. изъ мѣди. Длина двора сто локтей, а ширина по всему протяженію пятьдесятъ, высота пять локтей; завѣсы изъ крученаго виссона, а подножія у столбовъ изъ мѣди“.

ри изученіи скиніи прежде всего мы остановимся на ея дворѣ, потому что, будь скинія доступна нашему взору, первое, на что упалъ бы нашъ взглядъ, былъ бы дворъ скиніи. Если вы прочли указанный отрывокъ Исхода съ 25-ой гл. до конца книги, то вы вѣроятно замѣтили, что

Богъ, намѣчая планъ постройки скиніи, начинаетъ отнюдь не со двора, а съ внутреннѣйшаго мѣста Своего жилища. Первое, о чемъ Онъ даетъ Моисею указаніе, это о ковчегѣ завѣта во Святомъ-святыхъ; затѣмъ слѣдуетъ святилище со столомъ для хлѣбовъ предложенія, золотымъ свѣтильникомъ и золотымъ жертвенникомъ, точно такъ же, какъ и самая скинія; и только въ концѣ идутъ мѣдный умывальникъ и мѣдный жертвенникъ, вокругъ которыхъ столбы съ ихъ завѣсами составляютъ ограду всего, или дворъ. Вотъ, это тотъ путь, возлюбленные, который Богъ избралъ во Христѣ Иисусѣ, чтобы Ему приблизиться къ намъ. Изъ Святого-святыхъ небесъ, съ престола Своего Божескаго величія, спустился Онъ „чрезъ завѣсу, т. е. плоть Свою“ (Евр. 10, 20), чтобы во святилищѣ Своей земной жизни, въ совершенной отдачѣ и непоколебимой преданности, исполнить волю Отца и затѣмъ, дойдя до крайняго предѣла, предать Себя, какъ Агнца Божія, на мѣдный жертвенникъ креста для искупленія грѣшниковъ. Таковъ, какъ уже сказано, путь Божій; это тѣ чудные факты, которые прежде всего должны быть усвоены вѣрою; это тотъ фундаментъ, „твердое основаніе Божіе“, на которомъ радостно покоится упованіе нашего спасенія. Это благая вѣсть о томъ, что спасеніе мое исходитъ отъ Него, что оно совершено Имъ. **Раньше**, чѣмъ я буду въ состояніи направить шаги свои къ небу, чтобы быть тамъ, гдѣ Онъ, мнѣ необходимо увидѣть и вѣрою себѣ усвоить, какъ Онъ **ко мнѣ** и **для меня** сходитъ съ небесъ.

Однако же, при нашемъ изученіи, мы сдѣлаемъ, пожалуй, лучше, если пойдемъ отъ внѣшняго къ внутреннему, т. е. тѣмъ путемъ, которымъ долженъ идти человѣкъ, чтобы достичь Бога во Святомъ-святыхъ. И такъ какъ мы всѣ по природѣ находимся внѣ святилища, то намъ, во всякомъ случаѣ, надо раньше всего достигнуть двора. Постараемся объяснить себѣ всѣ части двора отдѣльно и, насколько Господь намъ дастъ свѣта, уяснить себѣ ихъ значеніе. Сегодня же обратимъ наше вниманіе на

завѣсы двора.

Если бы, возлюбленные, какой-нибудь посторонній че-

ловѣкъ, не знавшій ничего о скиніи, нечаянно на нее наткнулся, онъ не могъ бы составить себѣ никакого понятія о томъ, что она въ себѣ заключала и для какой цѣли была построена. Меньше всего могъ-бы онъ узнать что-либо относительно блеска и славы, скрытыхъ внутри, потому что туда взоръ его не могъ проникнуть. Все внутреннее было бы для него скрытой тайной, о которой онъ не могъ составить себѣ никакого представленія, и развѣ только могъ узнать кое-что изъ рассказовъ другихъ. Его глазъ раньше всего остановился бы на дворѣ во сто локтей длиной и пятьдесятъ шириной, который былъ образованъ безукоризненно бѣлыми завѣсами, поддерживаемыми шестьюдесятью столбами. Эти завѣсы заключали въ себѣ внутреннія сокровища, выключая въ то же время всякаго посторонняго.

Это живо напоминаетъ намъ невозрожденнаго природнаго человѣка, стоящаго еще внѣ Христа и Его спасенія; онъ, собственно, еще не знаетъ, что ему дѣлать со Христомъ, когда онъ, наконецъ, серьезно начинаетъ думать о Христѣ и Его жизни, и ему также не ясно, какое значеніе имѣетъ для него смерть Его, хотя бы онъ слышалъ объ этомъ безчисленныя объясненія. Онъ смотритъ и смотритъ и не видитъ ничего для себя привлекательнаго, потому что онъ ничего не знаетъ о славѣ и божественномъ величїи, присущихъ Христу; не знаетъ, что „въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно“, а потому и не можетъ увидѣть „славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца, полного благодати и истины“, какъ могутъ видѣть открытымъ лицомъ ученики Его. Все, что онъ въ концѣ концовъ смогъ бы открыть въ Немъ, это, можетъ быть, **безукоризненная чистота, невинность Его существа**, которыя, если ихъ рассматриваетъ человѣческій глазъ безъ свѣта свыше, способны скорѣе изгнать и исключить человѣка изъ Его близости, чѣмъ его ободрить для радостнаго приближенія. Что завѣсы двора были въ дѣйствительности символомъ этихъ славныхъ совершенствъ Христа, это кажется намъ яснымъ и впослѣдствїи станетъ еще яснѣе.

Разсмотримъ прежде всего ткань, изъ которой были, сдѣланы эти завѣсы. Онѣ были, какъ это видно изъ текста,

приготовлены изъ **крученаго бѣлаго виссона**. То была очень дорогая ткань, много превосходившая обыкновенный шелкъ и цѣнившаяся на вѣсь золота. Цвѣтъ ея былъ бѣлый, чрезвычайной чистоты и прекраснѣйшаго блеска. Мы видимъ skinію со всѣхъ сторонъ заключенную въ этотъ драгоценный виссонъ такъ, что нѣтъ нигдѣ мѣста, гдѣ можно бы замѣтить какую-либо другую ткань.

Въ книгѣ Откровенія 19, 8 мы читаемъ слѣдующее отъ носительно невѣсты Агнца: „И дано было ей облечься въ виссонъ чистый и свѣтлый; виссонъ же есть праведность святыхъ“. Не желая оставить насъ въ сомнѣніи относительно значенія виссона, Духу Божію благоугодно было въ этой символической книгѣ пояснить намъ его настоящій духовный смыслъ: „**Это праведность святыхъ**“, и, замѣтьте хорошо, не ихъ собственная, а праведность, имъ **данная**; и отъ кого же иного могла она происходить, какъ не отъ ея Жениха? Если мы теперь это самое значеніе придадимъ завѣсамъ изъ бѣлаго виссона, принадлежащимъ къ однимъ изъ прообразовъ или тѣней будущихъ благъ, то онѣ показываютъ намъ Христа въ Его человѣческой праведности и чистотѣ. Здѣсь является Онъ намъ безгрѣшнымъ и безпорочнымъ. Я предлагаю вамъ прослѣдить всю Его жизнь, Его страданія, даже до смерти, и смѣю заранѣе васъ увѣрить въ томъ, что, гдѣ бы вы Его ни встрѣтили, вы всегда найдете Его таковымъ. Въ пустынѣ ли, въ жестокихъ ли искушеніяхъ, въ храмѣ ли, учащимъ и наставляющимъ, въ пути ли, дома ли, среди друзей или враговъ,—никогда не было лести въ устахъ Его и лукавства въ сердцахъ. Всѣ, кто зналъ Его, должны были засвидѣтельствовать это. Когда Онъ предлагаетъ Своимъ врагамъ вопросъ: „Кто можетъ обличить Меня въ грѣхъ?“—мы не слышимъ отвѣта, у нихъ не нашлось его. Видя приближеніе „князя міра сего“, Онъ выразительно могъ сказать: „Во Мнѣ онъ не имѣетъ ничего“, потому что Онъ не находилъ ни одного пятна на бѣломъ виссонѣ Своей праведности. Враждебный Ему и отпавшій отъ Него ученикъ, который получилъ бы, можетъ быть, нѣкоторое утѣшеніе въ своемъ предательствѣ, если бы могъ найти въ Немъ хоть какую-нибудь вину, вынужденъ былъ, прежде, чѣмъ ушелъ изъ этого

міра, сознаться, что, измѣняя Ему, онъ предалъ „**кровь невинную**“. И судья, осудившій Его на смерть, вынесъ изъ короткаго пребыванія съ Нимъ такое глубокое впечатлѣніе Его непорочности, что вынужденъ былъ разъ за разомъ признаться тысячной толпѣ: „Я не нахожу никакой вины въ Немъ“. А вы, могли ли вы найти въ Немъ хотя бы единое пятно?

Между тѣмъ, если мы всмотримся немного глубже въ происхожденіе виссона, то намъ откроется новая истина. Эта драгоценная бѣлая ткань была самая тонкая, самая чистая хлопчатая бумага, которая добывалась изъ сѣмени, положеннаго въ землю, умершаго и затѣмъ какъ бы воскресшаго къ жизни, приносившаго этотъ драгоценный плодъ,—и такимъ образомъ возвѣщала о смерти и воскресеніи.

Это являетъ намъ Христа, какъ **нашу праведность**, потому что написано: „Онъ былъ преданъ за грѣхи наши и воскресъ для **оправданія нашего**“ (Римл. 4, 25). Когда Онъ шелъ на смерть, наше бремя грѣховъ лежало на Немъ, оно низвело Его въ темницу; Онъ долженъ былъ „вкусить смерть за всѣхъ“; когда же вина была искуплена, „смерти невозможно было удержать Его“ (Дѣян. 2, 24). Онъ явился снова, но уже безъ вины нашей, „плѣнивъ плѣнъ“ (Пс. 68, 19), и впредь никогда никакой грѣхъ не можетъ быть больше возложенъ на Него. И въ Него, какъ воскресшаго, вѣчно непорочнаго, блистающаго Своею праведностью, должны мы облечься. О, братья мои, Онъ никогда не могъ бы сдѣлаться нашей праведностью, если бы Онъ сошелъ съ нашими грѣхами, и они могли бы безвозвратно удержать Его въ могилѣ. Мы до сегодня считали бы Его плѣнникомъ; и кто могъ бы сказать, каковы будутъ послѣдствія Его плѣна? Мы также ничего не знали бы объ уничтоженіи рукописанія, бывшаго противъ насъ. Но теперь Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ и какъ Онъ освободился, такъ и мы. Понимаемъ ли мы теперь изреченіе апостола: „А если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна; вы еще въ грѣхахъ вашихъ“ (1 Кор. 15, 17)

Если мы снова обратимся ко двору, то найдемъ ту чудную истину, что **каждый Израильянинъ имѣлъ право войти во дворъ**

и, такимъ образомъ, пребывать внутри, за бѣлыми завѣсами. Не всякій Израильтянинъ могъ проникать во святилище, таковыхъ было небольшое число,—это были именно священники; а въ Святое—святыхъ могъ входить только одинъ человѣкъ и однажды въ годъ,—то былъ первосвященникъ; но сюда, во дворъ, доступъ былъ открытъ каждому Израильтянину. Представьте же себѣ Израильтянина, вступающаго въ ворота: онъ, можетъ быть, бѣдный и къ тому же невѣжественный человѣкъ; онъ, подобно всѣмъ другимъ, человѣкъ грѣшный, не имѣющій собственной праведности, съ которой онъ могъ бы предстать передъ Богомъ; но коль скоро онъ сдѣлалъ первый шагъ во дворъ, вы видите его **окруженнымъ, облеченнымъ и защищеннымъ** этими чудными бѣлыми завѣсами. Онъ стоитъ здѣсь въ присутствіи Божіемъ и смѣетъ дѣлать это безъ страха, потому что бѣлый блестящій виссонъ, одежающій Самого Іегову, облачаетъ и его: онъ облеченъ въ одежду Божію.

Неправда ли, мнѣ кажется излишнимъ примѣнять это ко Христу и вамъ; вы уже сами сдѣлали примѣненіе, потому что это ясно, какъ на ладони. Если ты, грѣшникъ, бѣденъ и немощенъ, лишенъ всякой праведности и обремененъ грѣхами, то ты не можешь предстать предъ Богомъ, ты былъ бы отвергнутъ Имъ навѣки: но вотъ, въ лицѣ Іисуса Христа, Искупителя твоего, въ Его непорочной праведности предлагается тебѣ настоящая „брачная одежда,“ „ризы спасенія:“ скройся въ Него.—Онъ хочетъ быть твоимъ покровомъ. Коль скоро ты Его примешь, какъ своего Искупителя, дѣтски довѣряясь Ему, ты получаешь возможность тотчасъ же предстать предъ Лицо Божіе безъ всякаго страха, потому что Онъ уже не страшитъ тебя, какъ прежде, ибо теперь ты обладаешь праведностью Божіею, которая вполне удовлетворяетъ всѣмъ Его требованіямъ. Жизнь Христова, дѣла и хожденіе Его, послушаніе, послушаніе до смерти и даже смерти крестной—все это вмѣнено тебѣ и поставлено на твой счетъ; съ этой минуты Богъ видитъ тебя во Христѣ, ты „облагодатствованъ въ Возлюбленномъ“. Ты радостно поешь съ поэтомъ:

„Христа Спасителя дѣла

„Господь вмѣняетъ мнѣ:

„За милость дивную хвала,
 „Господь, во вѣкъ Тебѣ!
 „Жиль на землѣ для насъ Святой.
 „И этимъ купленъ мой покой.
 „Меня навѣкъ Онъ оправдалъ.
 „Мнѣ ризы даровалъ спасенья.
 „Моею праведностью сталъ.---
 „Ему, Христу, мои хваленья!“

Возлюбленные слушатели, во что облечены вы? Носите ли вы все еще запятнанную одежду плоти? Или, можетъ быть, одежду собственной праведности? Не знаете ли вы, что „вся праведность наша. какъ запачканная одежда“ (Ис. 64, 6)? Если вы облечены въ нее, рано или поздно вы сдѣлаете неожиданное открытіе, что вы одѣты только въ смоковные листья, которые заставятъ васъ, подобно трепещущему Адаму, бѣжать, чтобы скрыться; но это вамъ не удастся, они принудятъ васъ воскликнуть и признаться: „Я нагъ, нагъ, нагъ и потому скрылся“. О, отбросьте всякую вашу собственную оболочку и облекитесь въ Господа Іисуса Христа: тогда вы съ торжествомъ можете спросить передъ небомъ, землею и самимъ адомъ: „Кто будетъ обвинять избранныхъ Божиихъ? Богъ оправдываетъ ихъ. Кто осуждаетъ? Христосъ Іисусъ умеръ, но и воскресъ: Онъ и одесную Бога, Онъ и ходатайствуетъ за насъ“ (Римл. 8, 33. 34). Тогда ты смѣешь радостно изъ глубины души повторять за тѣмъ же поэтомъ:

„Кто праведность можетъ мою обличить,
 „Которую Богъ даровалъ?
 „И время не можетъ ее измѣнить,
 „Напрасно бы врагъ ожидалъ...
 „И ангелъ святой не такъ чистъ въ небесахъ.
 „Какъ я въ Іисусѣ Христѣ!
 „Одѣвшая душу святая краса
 „Есть дѣло Его, возлюбившаго меня“.

Остановившись на чудныхъ завѣсахъ, не упустимъ также изъ виду и того, что они исключали. Тамъ, внѣ завѣсъ, грѣхъ и грѣшникъ могли существовать и дѣйствовать, тамъ была нечистота и проказа, проклятіе и осужденіе; сюда ничто изъ всего этого не имѣло доступа, потому что, если обремененный грѣхами Израильтянинъ и вступалъ сюда, то

никогда не иначе, какъ съ жертвой за грѣхъ или жертвой повинности, которая, претерпѣвъ смерть, выносилась отсюда, тогда какъ грѣшникъ могъ оставаться предъ лицомъ Божиимъ, какъ освобожденный отъ грѣха. Эти бѣлыя стѣны были одновременно и преградой, границей для всего несвятого и нечистаго, поэтому находившагося внутри ихъ по справедливости можно было назвать „благословеннымъ Господа“. Этимъ, можетъ быть, объясняется горячее, стремительное желаніе древнихъ занять мѣсто хотя бы во дворахъ Господнихъ. Перечтите псалмы Давида и другихъ святыхъ псалмопѣвцевъ, и вы найдете, что „дворъ“ былъ постояннымъ предметомъ какъ ихъ пѣсенъ, такъ и ихъ пламенныхъ стремленій; вы найдете, какъ они жаждали туда попасть и, если возможно, постоянно тамъ пребывать. „Одного просилъ я у Господа, того только ищущу“, восклицаетъ такъ часто и много гонимый и преслѣдуемый Давидъ, „чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей. созерцать красоту Господню и посѣщать храмъ Его, ибо Онъ укрылъ бы меня въ скиніи Своей въ день бѣдствія, скрылъ бы меня въ потаенномъ мѣстѣ селенія Своего, вознесъ бы меня на скалу“ (Пс. 26, 4, 5). Итакъ Давидъ видѣлъ здѣсь для себя мѣсто, гдѣ онъ находилъ покровъ, защиту, убѣжище и возвышеніе. Въ другомъ мѣстѣ сыны Кореевы какъ бы завидуютъ птицамъ и ласточкамъ, нашедшимъ себѣ жилье и свившимъ себѣ здѣсь гнѣзда: „Какъ вождельнны жилища Твои, Господи силъ!“—восклицаютъ они,— „Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются къ Богу живому. И птичка находитъ себѣ жилье, и ласточка гнѣздо себѣ, гдѣ положить птенцовъ своихъ, у алтарей Твоихъ, Господи силъ, Царь мой и Богъ мой! Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ: они непрестанно будутъ восхвалять Тебя.“ Они готовы были отдать много дней своей жизни за одинъ день, проведенный во дворахъ Господнихъ: „Ибо одинъ день во дворахъ Твоихъ“, — такъ говорятъ они, „лучше тысячи. Желая лучше быть у порога въ домѣ Божіемъ, нежели жить въ шатрахъ нечестія“ (Пс. 83, 2—5. 11). Какъ часто мы встрѣчаемъ возгласы, подобные слѣдующему: „Входите во врата Его со славославіемъ, во дворы Его—съ хвалою.

Славьте Его, благословляйте имя Его“ (Пс. 99, 4).—„Воздайте Господу славу имени Его, несите дары и идите во дворы“ (Пс. 95, 8). И, однако, все, что Израиль тамъ видѣлъ и имѣлъ, было только прообразомъ.

Насколько больше можемъ мы теперь назвать блаженнымъ того человѣка, кто сокрытъ во Христѣ, сокрытъ въ Господѣ, „праведности нашей“; такой человѣкъ дѣйствительно находится въ той башнѣ, куда грѣхъ проникнуть и войти не можетъ, гдѣ онъ защищенъ отъ рыкающаго льва, ищущаго насъ поглотить, гдѣ уже не существуетъ никакого осужденія, ибо „нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Иисусѣ“ (Римл. 8, 1). Если дѣти Божіи часто плачутъ, жалуются, сѣтуютъ и безпомощно опускаютъ руки, потому что возвращается воспоминаніе о ихъ прежней винѣ, и врагъ представляетъ имъ списокъ ихъ бывшихъ беззаконій, то это происходитъ только оттого, что по невѣрію они оставляютъ положеніе свое во Христѣ, ихъ святынѣ, и снова встаютъ на свою **собственную** почву. Все это не можетъ касаться ихъ, пока они живой вѣрой скрыты въ Немъ. Посмотрите, какимъ вполне укрытымъ во Христѣ видѣлъ себя, очень недавно ушедшій къ Господу, Густавъ Кнакъ:

„Извѣстна-ль тебѣ та твердыня святая,
„Гдѣ вражьи нападки, меня не страша,
„Всю силу теряютъ, гдѣ, бури не зная,
„Отраду находить больная душа?
„Узнай же скорѣй: башня крѣпкая та —
„Глубокія раны Иисуса Христа“.

Если мы многое открыли, остановившись на томъ, что изъ себя исключали чудныя завѣсы, то насколько же еще важнѣе обратить вниманіе на то, что онѣ въ себя включали. Прежде всего, по нашему мнѣнію, онѣ заключали въ себѣ **чудное познаніе**. Каждому, ими окруженному, открывалась тайна Господня: онъ получалъ способность постичь нѣчто изъ плана Божія относительно своего искупленія. Первое, на что падалъ его взоръ, внутри двора, былъ тотъ мѣдный жертвенникъ, на которомъ огонь поядалъ возложенную на него жертву; это свидѣтельствовало объ отдачѣ невинной жизни за виновную, о мерзости грѣха и

наказывающей справедливости Божіей; сейчасъ за жертвенникомъ онъ видѣлъ мѣдный же умывальникъ, до верху наполненный водою: онъ напоминалъ ему объ источникѣ, изъ котораго „ручѣемъ святая кровь течетъ для бѣдныхъ грѣшниковъ“. И оба они, и жертвенникъ и умывальникъ, стояли какъ разъ на пути къ святилищу и Святому-святыхъ, слѣдовательно, на пути къ Богу. Какъ ясно говорятъ они о Христѣ распятомъ, объ очищеніи грѣховъ чрезъ Него и о томъ, какимъ образомъ мы можемъ получить доступъ къ Богу.

О вы, стоящіе внѣ, т. е. живущіе безъ Христа и Его праведности, какъ мало понимаете вы планъ Божій и путь къ вашему спасенію, какъ мало сознаете весь ужасъ грѣха и всѣ его послѣдствія, какъ мало знаете о томъ, какъ вы можете освободиться отъ грѣха и получить общеніе съ Богомъ. Все это темно для васъ, совершенно темно; но примите спасеніе, предложенное вамъ во Христѣ, примите Его Самого, сокройтесь въ Немъ, и что за чудный свѣтъ озарить васъ тотчасъ же! То, чего не дастъ вамъ стократное объясненіе, вдругъ сдѣлается дѣйствительностью для васъ, сдѣлается опытомъ вашимъ; вамъ останется только воскликнуть; „какъ могъ я до сихъ поръ не видѣть всего этого!“

Далѣе завѣсы включали въ себя миръ, и именно миръ Божій. Израильтянинъ, находясь внутри этихъ завѣсъ, хотя среди пустыни и въ чужой странѣ, стоялъ на одной почвѣ съ Іеговой. Грѣхъ, имѣвшій власть отдѣлять его отъ Бога какъ мы видѣли, былъ исключенъ отсюда, и праведность Божія окружала здѣсь грѣшника; итакъ, не было преграды, которая препятствовала бы его приближенію къ Богу, всякая вражда была устранена, и царство безмятежнаго мира здѣсь начиналось.

Что же говоритъ намъ Новый Завѣтъ относительно этого драгоцѣннаго блага, мира съ Богомъ? Вотъ, дорогіе слушатели, одно изъ словъ его: „Итакъ, оправдавшись вѣрою, мы имѣемъ миръ съ Богомъ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа“ (Рим. 5, 1). Какъ тѣсно здѣсь связаны эти два факта—оправданіе и миръ съ Богомъ, посредствомъ третьяго—вѣры въ Господа Іисуса Христа. То же самое было

намъ возвѣщено еще въ Ветхомъ Заветѣ чрезъ пророка Исаю: „И дѣломъ правды будетъ миръ, и плодомъ правосудія—спокойствіе и безопасность вѣки“ (Ис. 32, 17). Да, во Христѣ, братья мои, „милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются“ (Пс. 84, 11). Если Христосъ—нашъ, то и праведность Его—наша, нашъ—и миръ съ Богомъ; тогда мы стоимъ на чудной почвѣ, на которой Богъ и человѣкъ слились во-едино.

Далѣе завѣсы эти заключали въ себѣ близость Господа и принатіе Имъ грѣшника. Израильтянинъ, исключенный изъ двора скиніи, былъ отлученъ какъ отъ Бога, такъ и отъ Его народа, и это по причинѣ какого-нибудь грѣха, нечистоты или проказы. Представить себѣ печальное положеніе подобнаго человѣка въ настоящее время совершенно невозможно, такъ какъ мы живемъ при совсѣмъ другихъ условіяхъ. Исключеніе изъ этого мѣста означало тогда самое ужасное, что мы только можемъ себѣ представить: отверженіе и отлученіе отъ Бога Израилева и, къ тому, изгнаніе изъ своего народа съ лишеніемъ всѣхъ его преимуществъ и обѣтованій, тогда какъ включеніе въ это святое мѣсто означало усыновленіе, общеніе и участіе въ наслѣдіи и всѣхъ благословенійхъ Божіихъ.

Такъ и во Христѣ. Лишь только примирились мы чрезъ Него съ Богомъ, мы тотчасъ же перестаемъ быть „странниками и пришельцами“; наше новое положеніе тогда—быть „согражданами святымъ и своими Богу“, и Духъ Святой немедленно свидѣтельствуемъ духу нашему, что это такъ, чтобы мы могли радостно, чрезъ того же Духа Божія, заключить слѣдующее: „Мы дѣти Божіи, а если дѣти, то и наслѣдники, наслѣдники Божіи, сонаслѣдники же Христу“ (Рим. 8, 16, 17). Съ этого времени мы знаемъ также, что „благость и милость сопровождаютъ насъ во всѣ дни жизни нашей“ и что „мы пребудемъ въ домѣ Господнемъ многіе дни“ (Пс. 22, 6).

И теперь, отходя отъ разсмотрѣнныхъ нами завѣсъ, мы не можемъ не коснуться еще одного обстоятельства, а именно, что Христосъ не только нашъ Спаситель и Искупитель, оправдавшій насъ, но также нашъ образецъ и примѣръ. Безукоризненно чистою, облеченною въ бѣлый виссонъ, видѣли

мы скинію; безукоризненно чистымъ стоитъ и Христосъ передъ нами. Какая чудная картина! Да не отвратится никогда отъ Него взоръ нашъ! О, еслибъ онъ дѣйствительно покоился на Немъ все время, пока мы не сдѣлаемся подобными Ему! Вѣдь мы же предназначены быть подобными образу Сына Его и призваны идти по Его слѣдамъ. Апостолъ Іоаннъ говоритъ намъ знаменательное слово: „поступаемъ въ міръ семъ, какъ Онъ“ (1 Іоан. 4, 17). Да, братья мои, каждое чадо Божіе, подобно Ему, есть жилище Божіе, святой храмъ Его, какъ написано: **„Вы храмъ Бога живого, какъ сказалъ Богъ: вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ и буду ихъ Богомъ, и они будутъ Моимъ народомъ“** (2 Кор. 6, 16). И въ другомъ мѣстѣ: „Не знаете ли, что **тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святого Духа, Котораго имѣете вы отъ Бога**“ (1 Кор. 6, 19)? Но ни мы ни другіе люди не можемъ видѣть того, что **живетъ въ васъ**; намъ очевидно только то, что выступаетъ наружу. оросается въ глаза; пусть же это всегда будетъ бѣлый виссонъ праведности, безукоризненная чистота жизни, бѣлизна и непорочность хожденія. И да станутъ явными для каждаго эти чудныя украшенія, при первомъ же взглядѣ на васъ. Праведность въ жизни какъ и праведность по вѣрѣ—**вотъ первое**, что должно украшать васъ, если вы имѣете участіе въ Царствіи Божіемъ; только за ними послѣдуютъ всѣ остальные благословенія. Потому апостолъ Павелъ говоритъ Римлянамъ со святой строгостью: „Царство Божіе не пища и питіе, но праведность, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ“ (Рим. 14, 17). Миру и радости во Святомъ Духѣ непосредственно предшествуетъ праведность. Да облакаетъ она насъ постоянно, да блистаетъ она на насъ, какъ бѣлый виссонъ во дворѣ скинии.

Гдѣ же находитесь вы, дорогіе друзья, тѣ изъ васъ, для которыхъ чужды еще всѣ эти предметы? Находитесь ли вы внѣ или внутри двора? **Внѣ Христа или въ Немъ?** Внемлите, внемлите этому слову! Внѣ Его господствуетъ грѣхъ, смерть, осужденіе; только въ Немъ одномъ царствуетъ праведность, миръ и радость во Святомъ Духѣ! Примите Его, и вы приняли съ Нимъ ваше спасеніе. Аминь.

3. Ворота, дверь и завѣса.

- Иск. 27, 16. „А для воротъ завѣса въ двадцать локтей изъ голубой и пурпуровой и червленой шерсти и изъ крученаго виссона узорчатой работы: столбовъ для него четыре и подножій къ нимъ четыре“.
- гл. 26, 36. „И сдѣлай завѣсу для входа въ скинію изъ голубой и пурпуровой и червленой шерсти и изъ крученаго виссона узорчатой работы“.
- гл. 26, 31. „И сдѣлай завѣсу изъ голубой пурпуровой и червленой шерсти и крученаго виссона; искусною работою должны быть сдѣланы на ней херувимы“.
33. „И повѣсь завѣсу на крючкахъ, и внеси туда, за завѣсу, ковчегъ откровенія; и будетъ завѣса отдѣлять вамъ святилище отъ Святого-святыхъ“.

же въ прошломъ нашемъ изслѣдованіи мы бросили нѣсколько бѣглыхъ взглядовъ во внутренность двора скиніи, не упомянувъ при этомъ о значеніи воротъ. И, однако, при первомъ взглядѣ хотя бы и неопытнаго наблюдателя на дворъ скиніи, ему не могла не броситься въ глаза поразительная разница между тканями воротъ и тканями завѣсъ двора. Послѣднія были бѣлы, какъ снѣгъ, не имѣя въ себѣ рѣшительно ничего цвѣтнаго, тогда какъ на воротахъ мы видимъ четыре часто повторяющіеся цвѣта, а именно: голубой, пурпуровый, червлёный и затѣмъ знакомый намъ, встрѣченный нами уже въ завѣсахъ, бѣлый цвѣтъ. Это должно имѣть значеніе и требуетъ объясненія, почему ворота такъ исключительно выдѣлялись. Чтобы дать подобающее объясненіе этому предмету, мы должны бы сначала дать подробное толкованіе значенія священ-ныхъ цвѣтовъ, что въ данную минуту не желательно, такъ

какъ въ послѣдствіи намъ еще представится случай для этого, а теперь это насъ только отвлекло бы отъ нашего предмета. Потому ограничимся сегодня только обозначеніемъ смысла названныхъ цвѣтовъ. Голубой цвѣтъ— это цвѣтъ неба и всего небеснаго; красный, или пурпуровый, свидѣтельствуеетъ о человѣческой царственной **высотѣ** и величіи: червленый цвѣтъ указываетъ на кровь, и въ немъ же заключается мысль о жизни („Ибо душа всякаго тѣла есть кровь его“. Лев. 17, 14), но также и о смерти, или о преданной на смерть жизни; затѣмъ слѣдуетъ бѣлый цвѣтъ **виссона**, означающій, какъ мы уже видѣли, непорочность и праведность.

Вы уже, конечно, видите, что чрезъ эти цвѣта ворота получаютъ высокое значеніе. При самомъ входѣ во дворъ они представляютъ намъ въ немногихъ чертахъ **всего Христа**; голубымъ цвѣтомъ они указываютъ Его намъ, какъ Сшедшаго съ небесъ, пурпуровымъ—какъ Царя **человѣчества** или, соединивъ эти двѣ мысли вмѣстѣ, какъ Бога воплотившагося, Который, согласно значенію червленаго цвѣта, отдалъ на смерть Свою жизнь и сдѣлалъ это, какъ указываетъ бѣлый цвѣтъ, въ качествѣ Праведнаго за неправедныхъ. Не будемъ же упускать всего этого изъ виду.

Затѣмъ намъ хотѣлось бы обратить ваше вниманіе на то, что кромѣ **воротъ** для входа во дворъ, о которыхъ только что шла рѣчь, существовала еще **дверь**, которая вела во святилище, а внутри святилища—**завѣса**, отдѣлявшая его отъ Святого-святыхъ. Онѣ всѣ три были сдѣланы изъ одного и того же матеріала, совершенно одинаковые цвѣта украшали ихъ, и размѣры ихъ также были одинаковы. Уже изъ этого ясно, что ко всѣмъ этимъ тремъ входамъ должны примѣняться тѣ же самыя истины. А именно они проповѣдуютъ намъ Христа, какъ дверь, чрезъ которую мы достигаемъ Бога. Но эти три различныя двери не означаютъ трехъ различныхъ Христовъ, но представляютъ собою **Одного и Того же Христа**, какъ входъ къ различнымъ положеніямъ предъ Богомъ. Пусть бы эта истина стала намъ особенно ясна при разсмотрѣніи

воротъ, двери и завѣсы.

Начнемъ сперва съ вѣрою въ Христа. Они научаютъ насъ, что Христосъ есть дверь, чрезъ которую мы достигаемъ примиренія съ Богомъ. Вотъ то положеніе предъ Богомъ, къ которому мы, какъ грѣшники, прежде всего должны стремиться. Это яснѣе всего видно надъ Израильтянами. По природѣ они не составляли исключенія въ глазахъ Божіихъ: подобно другимъ, они „всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей“, почему въ обрядномъ законѣ имъ былъ прообразно указанъ тотъ же путь къ Іеговѣ, какой намъ предлагаетъ теперь Евангеліе въ лицѣ Христа Іисуса. Нравственный законъ не зналъ прощенія, какъ бы нарушитель его ни старался исправить свою вину, рѣшаясь впредь служить Богу вѣрнѣе и быть готовымъ начать новую жизнь. Не общалъ онъ также и примиренія съ Богомъ, хотя бы горькое раскаяніе и горячія слезы сокрушали сердце грѣшника. Примиреніе съ Богомъ могло состояться только на одномъ пути, на одномъ мѣстѣ, а именно внутри святаго двора, у воротъ котораго мы сейчасъ находимся.

И когда обремененный виною грѣшникъ изъ Израиля, изнемогая подъ тяжестью своихъ преступленій, съ сознаніемъ приговора, метался по стану, сокрушенный и согбенный, или, пораженный проказою, даже исключался изъ стана, какъ нечистый, то онъ все же зналъ, что существуютъ ворота, чрезъ которыя онъ можетъ пройти, существуетъ входъ, чрезъ который ему возможно приблизиться къ Богу; онъ зналъ, что за этими воротами находится тотъ жертвенникъ, гдѣ онъ можетъ встрѣтить Бога и примириться съ Нимъ. Какъ горячо, должно быть, стремился онъ къ тому мгновенію, когда ему будетъ позволено войти черезъ эти ворота! Какъ только онъ могъ туда проникнуть, онъ зналъ, что наступалъ конецъ его отлученію, что при его входѣ въ ворота skinіи сердце Бога Израилева снова для него открывалось, чтобы его снова благословить, и возстановить утраченныя имъ человѣческія, гражданскія и священныя права его. Этимъ объясняется намъ поспѣшность, съ которой ушли тѣ девять изъ десяти исцѣленныхъ Іисусомъ прокаженныхъ, забывая даже поблагодарить Господа, очистившаго ихъ. Они спѣшили, какъ можно скорѣе получить удостовѣреніе въ возстановленіи своего по-

ложенія и правъ въ Израилѣ, и этотъ личный интересъ помѣшалъ имъ, по выраженію Господа „воздать славу Богу“.

Возлюбленные, мы всѣ по природѣ принадлежимъ къ стоящимъ внѣ, пребывающимъ въ станѣ грѣха, нечистымъ и прокаженнымъ. Путь къ Богу, Святому и Чистому, со дня грѣхопаденія закрытъ для насъ. Намъ нельзя вернуться тѣмъ путемъ, которымъ мы вышли. Уничтоженіе нашей невинности, запятнаніе созданной въ насъ праведности и нарушеніе воли Божіей своимъ собственнымъ рѣшеніемъ—вотъ та дверь, чрезъ которую мы постыдно вышли. Можемъ ли мы этимъ же путемъ вернуться назадъ? Можемъ ли мы своими собственными усиліями и желаніемъ самоусовершенствованія вернуть себѣ невинность, исполнить волю Божію и приобрѣсти праведность, могущую устоять предъ Богомъ? Нѣтъ, вовѣки нѣтъ! Мы сами навсегда закрыли предъ собою дверь. Но, благодареніе Господу вовѣкъ, Онъ снова открылъ ее намъ въ Сына Своемъ, Иисуса Христа. Сшедшій съ небесъ второй Адамъ, Царь человѣчества, Праведникъ, положившій Свою жизнь за неправедныхъ, и возставшій изъ мертвыхъ, Онъ—наша дверь, чрезъ нее мы имѣемъ доступъ въ Его вѣчное царство.

И теперь посмотрите, какъ Онъ сдѣлался ею. Если грѣхъ и лежащее на немъ проклятiе заградили намъ путь къ Богу, то Онъ, Безгрѣшный, сошелъ съ небесъ не въ грѣховной плоти, но „въ подобіи плоти грѣховной“ и осудилъ грѣхъ во плоти. Грѣхъ получилъ свой смертный приговоръ и заслуженное имъ наказаніе въ то время, когда, вися на древѣ, Онъ понесъ на Своемъ собственномъ тѣлѣ проклятiе. Поэтому апостоль и можетъ безъ всякой оговорки принести намъ эту радостную вѣсть: „Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою; ибо написано: проклятъ всякъ, висящій на древѣ“ (Гал. 3, 13). Такъ „рукописаніе, свидѣтельствовавшее противъ насъ, было уничтожено, изъято изъ среды и пригвождено ко кресту“ (Кол. 2, 14),—доступъ теперь открытъ. Открывъ посл. къ Евреямъ гл. 10, 19. 20. 22, мы ясно и отчетливо читаемъ это съ примѣненіемъ, именно, къ ветхоза-

вѣтнымъ прообразамъ, которые мы теперь разсматриваемъ: тамъ сказано: „Итакъ, братія, имѣя дерзновеніе входить во святилище посредствомъ крови Іисуса Христа, путемъ новымъ и живымъ, который Онъ вновь открылъ намъ чрезъ завѣсу, то есть плоть Свою, да приступаемъ съ искреннимъ сердцемъ, съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца отъ порочной совѣсти и омывъ тѣло водою чистою“. Въ знакъ того, что впредь не существуетъ больше преграды между Богомъ и грѣшникомъ и что дверь теперь открыта, — разорвалась надвое при смерти Господней единственная завѣса, существовавшая тогда въ храмѣ, и именно сверху до низу (Матѣ. 27, 51). Это не должно означать ничего другого, какъ: доступъ во Святое—святыхъ свободенъ чрезъ Христа, всякое препятствіе снято, грѣшный человѣкъ, стоящій внѣ его и не смѣвшій войти туда, имѣетъ теперь доступъ во Христѣ: ему не нужно болѣе оставаться внѣ, если онъ самъ этого не желаетъ. Это также значило: Самъ Богъ открылъ дверь, потому что завѣса разорвалась безъ участія руки человѣческой, она разорвалась непосредственно,—разорвалась не снизу вверхъ, что люди могли бы сдѣлать, но разорвалась сверху внизъ: Богъ сдѣлалъ это, Онъ открылъ входъ. Священное Писаніе такъ преисполнено изреченіями, что **Отецъ проложилъ намъ путь посредствомъ отдачи Сына Своего**, какъ будто оно старается въ этомъ превзойти самого себя; опять и опять ставится Онъ на первый планъ. Выслушаемъ нѣкоторыя изъ этихъ изреченій: „Такъ возлюбилъ **Богъ** міръ, что **отдалъ** Сына Своего Единороднаго“ (Іоан. 3. 16);— „**Господь возложилъ на Него** грѣхи всѣхъ насъ“;— „**Господу** угодно было поразить Его“ (Ис. 53, 6. 10);— „**Незнавшаго грѣха Онъ** сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ“ (2 Кор. 5, 21); такимъ образомъ всякій, приходящій черезъ Сына къ Богу, можетъ быть вполне спасеннымъ и блаженнымъ. А вы, возлюбленные, **спасены ли вы. пришли ли вы къ Богу, пришли ли** чрезъ Христа? Внѣ Его нѣтъ спасенія, внѣ Его нѣтъ пути!

На это указываетъ и то обстоятельство, что былъ только этотъ **единственный входъ** во дворъ, эти **единствен-**

ныя ворота, чрезъ которыя грѣшникъ имѣлъ доступъ въ присутствіе Божіе. Раньше всего онъ долженъ былъ подумать о нихъ и затѣмъ **направить сюда свои шаги** или навѣки остаться вдали отъ лица Божія. И потому какъ безумно поступаетъ еще сегодня тотъ грѣшникъ, который старается придти къ Богу чрезъ какую-нибудь другую дверь, а не чрезъ Христа, и воображаетъ себѣ, что нашелъ ее. Къ сожалѣнію, существуетъ множество такихъ людей, которые ищутъ возстановить свою связь съ Богомъ помимо Христа. Это **путь собственныхъ усилій**; они ищутъ **сдѣлаться угодными** Богу вмѣсто того, чтобы чрезъ Посредника **прежде всего получить примиреніе**. Это значитъ отстранять Христа, не имѣть въ Немъ нужды, желать сдѣлаться своимъ собственнымъ спасителемъ. Но это никакъ не можетъ удасться: они лица Божія не увидятъ! И знаете ли вы, кто былъ предшественникомъ этихъ людей? То былъ Каинъ. Онъ первый избралъ иной путь, вмѣсто пути примиренія: онъ явился не съ агнцемъ для жертвы за грѣхъ, подобно Авелю, онъ пришелъ съ жертвой благодаренія, какъ порывающійся проникнуть во святилище, прежде чѣмъ прошелъ черезъ ворота, ведущія къ примиренію: но, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Богу, попытка эта кончилась бѣгствомъ отъ лица Божія въ землю Нодъ, что значитъ изгнаніе. Этотъ одинокій и пустынный путь, на который въ началѣ вступилъ только одинъ злой челоуѣкъ, превратился съ тѣхъ поръ въ „широкій путь“, называемый въ посланіи Іуды „путемъ Каиновымъ“ (Іуд. 11). Тысячи людей идутъ по стопамъ его и хотятъ жертвовать и молиться во святилищѣ, не пройдя черезъ ворота примиренія. Это имъ никогда не удасться, ибо непоколебимо вѣрнымъ остается собственное слово Господне, когда Онъ намъ говоритъ: „Я **есмь дверь** (а не **одна изъ дверей**); кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ, и выйдетъ, и пажить найдетъ“ (Іоан. 10, 9).

Перенесемъ теперь нашъ взоръ съ воротъ двора на **дверь святилища** и посмотримъ, чему она насъ научить.

Она **научаетъ насъ тому, что Христосъ есть также и входъ къ истинному освященію**. Намъ дается чрезъ Христа не только оправданіе и примиреніе, но и дѣйствительное

освященіе. Богъ сдѣлалъ Его для насъ „премудростію и праведностію“, и точно такъ же „освященіемъ и искупленіемъ“ (1 Кор. 1, 30). Объ этомъ особенно ясно свидѣтельствуєть дверь, ведущая въ жилище Іеговы. Если, напримеръ, кто-нибудь вошелъ въ ворота двора и принесъ на мѣдномъ жертвенникѣ своего агнца, примирился съ Богомъ, и послѣ этого пожелалъ проникнуть дальше, то онъ приходилъ къ мѣдному умывальнику, наполненному прозрачной водой для очищенія. Здѣсь омывались священники предъ своимъ посвященіемъ, здѣсь облекали ихъ въ ихъ славныя одежды и здѣсь помазывали ихъ елеємъ; затѣмъ открывалась дверь во святилище, чрезъ которую они вступали во внутреннее жилище Божіе, чтобы съ этой минуты служить только **Ему Одному** и **предстоять предъ Нимъ**. Съ этой минуты ихъ ежедневныя обязанности состояли въ священныхъ занятіяхъ въ присутствіи Іеговы. Отдѣленные даже отъ своихъ братьевъ, находились они внутри святилища, совершая всѣ дѣла свои предъ лицомъ Іеговы.

Да, братія мои, это одно отношеніе къ Богу—стоять во дворѣ, какъ чадо Божіе, помилованное и оправданное Богомъ, и другое—когда радостной дѣтской вѣрой принимаешь славное, дарованное во Христѣ положеніе — стоять передъ Нимъ, какъ **освященный** и **посвященный Ему**. Въ первомъ случаѣ отдаешь за себя въ жертву Христа и берешь чрезъ Него благодать и миръ; во второмъ же—приносишь чрезъ Христа **самого себя** въ жертву на служеніе Богу, какъ бы говоря Господу: „Вотъ я, вотъ я! Отданный Тебѣ на святое употребленіе, не принадлежа отнынѣ самому себѣ, воистину и на самомъ дѣлѣ будучи Твоею собственностью, стою въ Твоемъ полномъ распоряженіи“. Это то, къ чему настойчиво побуждаетъ апостоль Павелъ римскихъ христіанъ, предварительно назвавъ ихъ „возлюбленными Божіими и призванными святыми“: „Умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божіимъ, представьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу для разумнаго служенія вашего“ (Рим. 12, 1).

Но въ то святилище, воздвигнутое руками человѣческими, могли вступать только священники, только немногія отдѣльныя личности. Такъ ли обстоитъ дѣло и въ Новомъ

Завѣтъ? Могутъ ли только нѣкоторыя отдѣльныя личности войти въ святую отдачу и посвященіе для хожденія предъ лицомъ Божиимъ? Не преимущество ли это всѣхъ и каждого изъ дѣтей Божіихъ? Непремѣнно; потому что здѣсь нѣтъ никакого различія, какъ Святой Духъ говоритъ: „Нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, Скиѳа, раба, свободного, но все и **во всемъ Христосъ**“ (Кол. 3, 11). А если Христосъ **во всѣхъ**, можетъ ли возникнуть различіе? И не свидѣтельствуетъ ли намъ также Священное Писаніе, что тотъ же Христосъ „содѣлалъ насъ **царями и священниками** Богу и Отцу Своему“ (Откр. 1, 6)? И апостолъ Петръ такъ же отзывается о всѣхъ чадахъ Божіихъ: „**Вы** родъ избранный, **царственное священство**, народъ святой, люди, взятые въ удѣлъ, дабы возвѣщать совершенства Призвавшаго васъ изъ тмы въ чудный Свѣтъ“ (1 Пет. 2, 9). Благодареніе Богу! Во Христѣ не существуетъ между членами Его никакихъ степеней, никакихъ классныхъ чиновъ, никакихъ кастъ. Въ Немъ не только проповѣдникъ Его Евангелія, миссіонеръ или евангелистъ есть священникъ Божій, но всякое, даже только сегодня возрожденное чадо Его. Всѣ, всѣ Ему посвящены; всѣ должны стоять въ Его присутствіи, пребывать въ Его святилищѣ. Какъ часто плачетъ мое сердце о томъ, что большинство изъ васъ не понимаютъ этого своего положенія, а потому и остаются во дворѣ и никогда не входятъ во святилище. Вошли ли вы, братія мои?

Я боюсь, недоразумѣніе есть причина того, что многіе не занимаютъ своего священническаго положенія и не достигаютъ истиннаго освященія. Дѣло въ томъ, что они хотятъ **сами** созершать свое освященіе, хотятъ сами пробиваться впередъ. Они думаютъ, какъ годами думалъ я: **Христосъ** искупилъ насъ Своею кровью, а **намъ** теперь надо изъ любви и благодарности къ Нему напредъ всѣ наши силы, чтобы не впасть снова въ грѣхъ, но творить добро и вести истинно-христіанскую жизнь. О, еслибъ они хоть разъ могли убѣдиться, какъ жалка и любовь и благодарность наша и насколько мало могутъ онѣ быть рычагомъ,двигающимъ **насъ** впередъ! Христосъ — дверь, чрезъ которую ты можешь достигъ святого хожденія предъ Богомъ;

Онъ не только освящаетъ тебя, братъ мой, но Онъ Самъ лично—освященіе твое, Онъ—сила твоя, жизнь Его—твоя жизнь. Ты все это знаешь и даже исповѣдуешь; но весь вопросъ въ томъ, насколько твое знаніе и исповѣдываніе представляютъ для тебя только ученіе, догматъ, и насколько они для тебя осуществленная истина и дѣйствительность? Сдѣлался ли Господь для тебя относительно твоего освященія „силой Божіей“, какъ о Немъ проповѣдуетъ апостолъ Его (1 Кор. 1, 23, 24)? Достаточно ли Ему простора, чтобы Онъ могъ „могущественно дѣйствовать“ въ тебѣ, какъ свидѣтельствуешь о себѣ апостолъ Павелъ? Можешь ли ты все „въ укрѣпляющемъ тебя **Исусѣ** Христѣ“ (Фил. 4, 13)? Исполненъ ли ты плодовъ праведности **Исусомъ Христомъ** (Фил. 1, 16)? Вотъ о чемъ идетъ рѣчь, а не о какомъ-нибудь собственномъ дѣлѣ, которое мы можемъ совершить сами по себѣ. О, какъ часто приходится мнѣ стыдиться самого себя, что я такъ долго думалъ, что я чрезъ Него оправданъ и, наконецъ, буду принять чрезъ Него на небеса, но что для этого я долженъ утомительными усиліями освятить себя! Я какъ бы отдалъ Ему начало и конецъ, но взялъ середину въ свои собственные руки и по невѣдѣнію уклонился отъ Его жизни, Его руководства и Его силы. И какъ много пришлось Ему меня учить, пока я не понялъ, что **безъ Него** я не могу ничего: но теперь я знаю, что. „Онъ дѣйствуетъ во мнѣ, производя и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволѣнію“ (Фил. 2, 13). Да, Онъ есть дверь и къ истинному освященію.

Дальше, дверь во святилище вела входящаго, какъ ясно видно, къ чудному свѣту. Какъ только священникъ входилъ чрезъ нее въ тѣ святаго помѣщенія, онъ былъ окруженъ совершенно другимъ свѣтомъ, нежели тотъ, который свѣтилъ во дворѣ. Тамъ свѣтилъ естественный дневной свѣтъ, здѣсь же священника окружало удивительно пріятное сіяніе, святой свѣтъ, исходившій изъ семилампаднаго свѣтильника, бросавшаго лучи свои на позолоченныя стѣны и на всѣ другіе предметы. Послѣдніе отражали отъ себя полученный свѣтъ, и, такимъ образомъ, вошедшій сюда былъ охваченъ имъ одинаково со всѣхъ сторонъ и видѣлъ здѣсь всѣ предметы во всей привлекательности и красотѣ этого свѣта. Кто никогда туда не проникалъ, тотъ не могъ себѣ соста-

вить никакого понятія о царившихъ внутри сіяніи и славі.

Конечно, свѣтъ необходимъ, чтобы подойти къ Богу и сдѣлать наше хожденіе благоугоднымъ Ему, но въ комъ же найти свѣтъ, какъ не въ Немъ Самомъ? А между тѣмъ, какъ много собственнаго, природнаго свѣта, какъ много свѣта, заимствованнаго у нашего человѣческаго разума, мы видимъ у многихъ дѣтей Божіихъ примѣнено къ святымъ и божественнымъ истинамъ! Сколько въ нихъ еще существуетъ мрака и тьмы и какъ незначительна ясность пониманія и познанія слова Божія, воли Божіей и путей Господнихъ; какъ ничтожно познаніе даже Бога и Самого Іисуса Христа! Многіе, которымъ давно надлежало бы быть учителями, нуждаются сами въ изученіи первыхъ началъ слова Божія, нуждаются въ молокѣ, а не въ твердой пищѣ; годами они не подвигаются впередъ, „оставаясь младенцами по разуму“ и удивляясь даже, когда другіе рассказываютъ имъ о славі и красотѣ, ими найденныхъ во Христѣ. Отчего это происходитъ? Да оттого, что своимъ познаніемъ, своей вѣрой, а, слѣдовательно, и своей жизнью и своимъ хожденіемъ они остаются во дворѣ; оттого, что они слишкомъ мало двинулись впередъ. Это вовсе не удивительно, потому что имъ недостаетъ свѣта святилища! Да, жалка жизнь того, кто, даже будучи чадомъ Божіимъ, вмѣстѣ съ Асафомъ внѣ святилища разсматриваетъ всѣ предметы и о нихъ размышляетъ. Прочтите 72-ой Псаломъ до 18-го стиха и замѣтте, какими темными и загадочными кажутся ему тамъ всѣ предметы; онъ и хотѣлъ бы уразумѣть ихъ значеніе, но это было слишкомъ трудно въ глазахъ его; онъ даже доходитъ до признанія, что „едва не пошатнулись ноги его, едва не поскользнулись стопы его“. И не удивительно: природный свѣтъ не могъ ему дать разъясненія на всѣ его загадки. Но посмотрите, какъ все сразу мѣняется съ минуты его вступленія во святилище Божіе. Тамъ свѣтилъ ему святой божественный свѣтъ, тамъ раскрылись предъ нимъ тайны, тамъ его собственное положеніе и состояніе, которое раньше давало ему поводъ „пошатнуться“ и поскользнуться, выяснилось, какъ „руководство создѣтомъ Божіимъ“. Онъ теперь увидѣлъ себя бо-

гатымъ, блаженнымъ и почувствовалъ себя такъ переполненнымъ въ своемъ Богѣ, что ему больше нечего было желать ни на небѣ, ни на землѣ,—въ Немъ онъ нашель полное удовлетвореніе. Братія мои, Христось—дверь къ освященію, Христось святилище, въ которомъ мы всегда должны стоять и ходить: Онъ же и чудный свѣтъ, въ которомъ мы должны видѣть все въ насъ, вокругъ насъ и надъ нами. если хотимъ все это видѣть въ истинномъ свѣтѣ. „Кто послѣдуетъ за Мною“,—такъ возвѣстили намъ Его уста истины,—„тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“ (Іоан. 8, 12). Находиться въ Немъ значитъ „ходить во свѣтѣ“.

Но дверь во святилище вела входящаго въ нее еще и къ святому наслажденію. Священникъ, вошедшій въ нее, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, стоялъ передъ накрытой трапезой. Тамъ, во святилищѣ, находился золотой столъ съ хлѣбами предложенія, всегда лежавшими предъ Господомъ; каждую Субботу они съѣдались священниками и замѣнялись новыми. Это наслажденіе можно было найти только во святилищѣ.

И намъ, неправда ли, необходима жизнь, необходима сила, необходимо подкрѣпленіе пищей? Какъ часто мы гонимся за этими дарами, мы глубоко нуждаемся въ нихъ, но какъ рѣдко они выпадаютъ намъ на долю, потому что мы ищемъ ихъ не тамъ, гдѣ Богъ уготовалъ ихъ для насъ, то есть **во Христѣ**. Какъ часто, когда находимъ, что ихъ намъ не достаетъ, мы начинаемъ пѣть какую-нибудь прекрасную духовную пѣснь съ чуднымъ, хорошо разученнымъ напѣвомъ, охотно идемъ слушать мѣткія и краснорѣчивыя проповѣди, сближаемся съ тѣмъ или другимъ изъ дѣтей Божіихъ, изъ котораго какъ бы исходитъ жизнь, участвуемъ въ богослуженіяхъ, надѣясь во всемъ этомъ наслаждаться и найти силу и жизнь; но... но не приходимъ ли мы часто къ убѣжденію, что при всемъ этомъ мы истощаемся, ослабѣваемъ и теряемъ даже жизнь. Все это чудныя и прекрасныя вещи, когда онѣ на своемъ мѣстѣ, когда онѣ насъ ведутъ ко Христу, истинному хлѣбу, истинной трапезѣ нашей души: но, если онѣ къ этому не приводятъ, тогда онѣ не достигаютъ своей цѣли; если чрезъ нихъ мы надѣемся

найти **что-нибудь другое**, или же ищемъ въ нихъ силу и жизнь, то этимъ мы ихъ ставимъ на мѣсто Господа, приписывая имъ то, что на самомъ дѣлѣ заключается въ Немъ Однимъ. Онъ Одинъ — хлѣбъ жизни; Имъ Однимъ мы должны питаться, чтобы, какъ говоритъ Пророкъ, „течь и не устать, идти и не утомиться“ (Ис. 40, 31). Но если мы хотимъ Его вкушать, то мѣсто наше должно быть во святилищѣ, въ постоянномъ присутствіи Божіемъ, потому что только тамъ можно питаться святымъ хлѣбомъ, но никакъ не на дворѣ.

Далѣе, дверь во святилище вела къ блаженному общенію. Скинія, подъ которой подразумѣвается, главнымъ образомъ, жилище Божіе, т. е. святилище и Святое-святыхъ, носила также названіе „скинии собранія“. Богъ и человѣкъ встрѣчались здѣсь. Что эта встрѣча происходила уже во дворѣ—это очевидно; такъ очевидно должно быть для насъ и то, что стоять и дѣйствовать, жить и ходить во святилищѣ означаетъ вступить въ болѣе тѣсное общеніе, большую близость съ Господомъ. Все, здѣсь находящееся, свидѣтельствуется о непосредственной близости Іеговы. Одной лишь тонкой виссонной завѣсой священникъ былъ отдѣленъ отъ Пресвятого и Вездѣсущаго, и эта завѣса съ вотканными въ нее изображеніями херувимовъ, служившихъ символомъ величія и всемогущества Божія, возвѣщала, что здѣсь обитаетъ Онъ Самъ.

„Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“, — сказалъ нашъ прославленный Спаситель, и, въ извѣстномъ смыслѣ, это сбывается уже теперь, здѣсь, на землѣ. Хожденіе во святилищѣ, хожденіе во свѣтѣ, жизнь въ присутствіи Божіемъ устраняетъ преграду, прорываетъ заслоняющія свѣтъ облака и дѣлаетъ око чистымъ, и не только это, но ведетъ насъ къ блаженному, дружескому, общительному отношенію съ Тѣмъ, Котораго мы еще не видимъ, но Котораго несказанно любимъ. Да, дорогіе слушатели, существуетъ такая жизнь общенія съ Богомъ, въ которой можно постоянно лицезрѣть Его, въ которой Онъ составляетъ любимое сокровище сердца, центръ всѣхъ мыслей и чувствъ, тему разговоровъ и причину всѣхъ нашихъ поступковъ, причемъ уже здѣсь на землѣ душа наша, насколько она можетъ это въ себя вмѣстить, вполне насыщена и

блаженствуетъ. Но позвольте спросить васъ: въ такомъ ли вы состояніи? Если нѣтъ, то не старайтесь его создать силой представленія или воображенія, потому что оно скоро разсѣялось бы, будучи жалкимъ самообманомъ; постарайтесь лучше скорѣе перейти изъ двора жалкаго существованія грѣшника во святилище священническихъ правъ, дарованныхъ вамъ во **Христѣ Іисусѣ** въ неотъемлемую собственность; и ваше общеніе будетъ „съ Отцомъ и Сыномъ Его, Іисусомъ Христомъ“ (1 Іоан. 1, 3).

Остановимся, наконецъ, еще предъ завѣсою во Святое-святыхъ.

Она проповѣдуетъ намъ, что **Христось естъ также и дверь къ вѣчной славѣ**. Святое-святыхъ было прообразомъ небесъ, на что неоднократно указывается въ посланіи къ Евреямъ. Туда могъ входить только первосвященникъ и притомъ **только однажды въ годъ**; и, окропивъ кровію, онъ долженъ былъ тотчасъ же оттуда выйти, чѣмъ Духъ Святой показывалъ, что „еще не былъ открытъ путь во святилище, доколѣ стояла прежняя скинія“ (Евр. 9, 7. 8). Въ ветхозавѣтномъ домостроительствѣ никто другой, кромѣ первосвященника, не смѣлъ даже заглянуть за завѣсу Святого-Святыхъ; первосвященникъ же, который самъ не имѣлъ права тамъ оставаться, не имѣлъ также права и вводить туда съ собой кого-нибудь.

Благодареніе Богу, теперь это измѣнилось: первой скиніи уже не существуетъ, путь открытъ, потому что великій нашъ Первосвященникъ вошелъ и навсегда остался въ нерукотворенной скиніи, воздвигнутой помимо человѣка. И, входя туда, Онъ разорвалъ завѣсу, отдѣлявшую святилище отъ Святого-святыхъ, путь туда теперь для насъ открытъ. И чтобы намъ какъ бы дать наглядную картину объ этой истинѣ, Онъ вошелъ во славу **не Одинъ**, но взялъ съ Собою предъ нашими глазами того бѣднаго разбойника, предварительно сказавъ ему: „Нынѣ же будешь со Мною въ раю“. Онъ, великая Глава, взялъ съ Собою и членовъ Своихъ, такъ что въ настоящую минуту уже исполнилось слово, что Богъ насъ „воскресилъ съ Нимъ и **посадилъ на небесахъ во Христѣ Іисусѣ**“ (Еф. 2, 6). Еще только короткое пребываніе во святилищѣ, недолгое стояніе въ Его свѣтѣ,

хождение вѣрой въ теченіе немногихъ дней, и всѣ искупленные кровію Его пойдутъ за Нимъ, чтобы увидѣть Его, какъ Онъ есть. Это для нихъ такъ же несомнѣнно, какъ ихъ собственное существованіе. Потому они „имѣютъ желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ“ (Фил. 1, 23) и „воздыхаютъ, желая облечься въ небесное ихъ жилище“ (2 Кор. 5, 2). Да будетъ хвала Ему, что Онъ взялся „соблюсти ихъ отъ паденія и поставить предъ славою Своею непорочными въ радости“ (Іуд. 24). О, еслибъ все это относилось и къ намъ!

Путь, ведущій туда, мы видѣли: онъ простъ, онъ свободенъ, онъ указанъ; путь этотъ—Онъ Самъ, Господь, Который сказалъ: „Я есмь дверь; кто войдетъ Мною, тотъ спасется; и войдетъ, и выйдетъ, и пажить найдетъ“ (Іоан. 10, 9). Христосъ—наше примиреніе, Христосъ наше освященіе и Христосъ—наше прославленіе,—вотъ основаніе нашей вѣры, но и основаніе нашего ходженія и нашей жизни, на славу Ему! Аминь.

---

4. МѢДНЫЙ ЖЕРТВЕННИКЪ.

- Исх. 27, 1. „И сдѣлай жертвенникъ изъ дерева ситтимъ длиною пяти локтей и шириною пяти локтей, такъ, чтобы онъ былъ четыреугольный и вышиною трехъ локтей. И сдѣлай роги на четырехъ углахъ его, такъ, чтобы роги выходили изъ него; и обложи его мѣдью. Сдѣлай къ нему горшки для высыпанія въ нихъ пепла, и лопатки, и чаши, и вилки, и угольницы; всѣ принадлежности сдѣлай изъ мѣди. Сдѣлай къ нему рѣшетку, родъ сѣтки, изъ мѣди, и сдѣлай на сѣткѣ, на четырехъ углахъ ея, четыре кольца мѣдныхъ. И положи ее по окраинѣ жертвенника внизу, такъ, чтобы сѣтка была до половины жертвенника. И сдѣлай шести для жертвенника, шести изъ дерева ситтимъ, и обложи ихъ мѣдью. И вкладывай шести его въ кольца, такъ, чтобы шести были по обоимъ бокамъ жертвенника, когда нести его. Сдѣлай его пустой внутри, досчатый; какъ показано тебѣ на горѣ, такъ пусть сдѣлаютъ“.

Стремясь понять духовный смыслъ трехъ входовъ въ жилище Божіе, мы проникли въ прошлый разъ изъ двора во святилище и Святое-святыхъ. Но мы не можемъ тамъ остановиться, такъ какъ намъ необходимо вернуться во дворъ и ближе осмотрѣть его, чтобы познакомиться съ предметами, которые по волѣ Божіей были здѣсь поставлены. Главный предметъ внутри двора былъ неоспоримо жертвенникъ, воздвигнутый между входными воротами и мѣднымъ умывальникомъ. Онъ былъ приблизительно семи съ половиной футовъ въ длину, столько же въ ширину и четыре съ половиной фута въ вышину. Для краткости онъ назывался просто „жертвенникомъ“, иногда же „мѣднымъ жерт-“

венникомъ“ или „жертвенникомъ всесожженія“, а иногда и „трапезой Господней“, а возложенная на него жертва— „пищей“ жертвенника. Въ дѣйствительности онъ постоянно былъ похожъ на накрытую трапезу, потому что на немъ день и ночь сжигались различныя жертвы, въ особенности же жертва всесожженія, такъ что огонь на немъ никогда не угасалъ. На этотъ то жертвенникъ раньше всего падаль взгляды Израильтянина, и на него смотрѣлъ онъ, какъ на мѣсто, гдѣ онъ могъ встрѣтиться съ Богомъ, гдѣ онъ могъ примириться съ Нимъ и придти къ полному миру и истинной радости. Онъ былъ, такъ сказать, посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ; Богъ, Святой и Праведный, получалъ здѣсь отъ грѣшнаго человѣка удовлетвореніе, а грѣшный человѣкъ получалъ отъ Бога удостовѣреніе въ примиреніи, залогъ мира и принятія его Богомъ. Воистину чудное мѣсто! Остановимся же и мы сегодня у такого благословеннаго мѣста, какимъ былъ

жертвенникъ всесожженія.

Займемся, прежде всего, матеріаломъ, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ.

Главной его составной частью было дерево ситтимъ, какъ мы это читаемъ въ повелѣніи Божиѣмъ. Это было то же самое дерево, изъ котораго былъ изготовленъ золотой жертвенникъ, столъ для хлѣбовъ предложенія, все святилище, даже самый ковчегъ завѣта и, вообще, всякій предметъ въ скинии, сдѣланный изъ дерева. Уже это одно обстоятельство должно насъ наводить на мысль, что этотъ матеріалъ долженъ былъ имѣть выдающееся значеніе между драгоценными прообразами Ветхаго Завѣта. Точными изслѣдованіями пришли къ рѣшительному выводу, что это была египетская акація, дерево, которое, такъ сказать, можно бы назвать нетлѣннымъ, такъ какъ оно противостоитъ гніенію даже въ водѣ, дѣлаясь, чѣмъ старше, тѣмъ крѣпче. Благодаря этой неизмѣнной прочности, оно, съ одной стороны, было образомъ жизни, противостоящей смерти; съ другой же, въ виду того, что гніеніе въ Св. Писаніи обозначаетъ нечистоту и испорченность, а это дерево гніенію не подвержено, оно является прообразомъ совершенной чистоты и неиспорчен-

ности. Мы, конечно, не ошибемся, видя въ этомъ деревѣ **человѣческую природу** Сына Божія. Согласно съ ней, Онъ, подобно египетской акаціи, „взошелъ, какъ ростокъ изъ сухой земли“ (Ис. 53, 2), который, съ теченіемъ времени, оказался чуднымъ деревомъ жизни. Онъ не зналъ ни грѣха, ни порока; въ Немъ не было никакого пятна, а, слѣдовательно, и никакой причины смерти, и, когда, вопреки всему этому, Онъ былъ преданъ ей, Онъ ее побѣдилъ, отнявъ у нея силу, и явилъ жизнь и нетлѣніе черезъ благовѣстіе. Конечно, Христосъ былъ причастенъ „плоти и крови“ (Евр. 2, 14), Онъ былъ „сѣменемъ жены“ (Быт. 3, 15.— Гал. 4, 4), Онъ—Сынъ Давидовъ; но Онъ былъ въ то же время и родоначальникомъ новаго поколѣнія, „вторымъ Адамомъ“ (Рим. 5, 14), „Господомъ съ неба“ (1 Кор. 15, 45. 47). Онъ пришелъ „въ подобіи плоти грѣховной“ (Рим. 8, 3) и, Сынъ дѣвы Маріи, Онъ въ то же время и Богъ, „явившійся во плоти“ (1 Тим. 3, 16). Онъ былъ человѣкъ, совершенный человѣкъ по виду и въ то же время безконечно отличался отъ насъ, будучи Благословеннымъ во вѣки Богомъ; и именно потому, что Онъ соединилъ въ Себѣ двѣ природы, могъ Онъ сдѣлаться **посредническимъ жертвенникомъ**, у котораго Богъ и человѣкъ могли встрѣтиться. Въ этомъ смыслѣ апостолъ просто называетъ Его человѣкомъ Христомъ Иисусомъ. Это мѣсто гласитъ: „Единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Иисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ“ (1 Тим. 2, 5. 6). Такимъ образомъ, во всемъ Св. Писаніи постоянно выступаютъ наружу обѣ природы Господа; но гдѣ дѣло идетъ объ **отдачѣ Его Себя за насъ**, тотчасъ же, какъ и у мѣднаго жертвенника, согласно его значенію, выдвигается особенно Его **человѣческая природа**. Постараемся имѣть это въ виду.

Другой составной частью жертвенника, какъ мы читаемъ далѣе, была мѣдь. „Обложи его мѣдью“—таково было повелѣніе Божіе. Такимъ образомъ онъ былъ покрытъ и одѣтъ ею совершенно, со всѣхъ сторонъ. Мѣдь есть символъ силы, но, прежде всего,—символъ **неумолимой строгости, осуждающаго и наказывающаго правосудія**. Нѣкоторыя мѣста Св. Писанія прольютъ намъ, можетъ быть, на это свѣтъ. Такъ о пророкѣ Іереміи сказано: „Я поставилъ тебя нынѣ укрѣпленнымъ

городомъ, и **желѣзнымъ** столбомъ, и **мѣдною** стѣною на всей этой землѣ, противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли сей“ (Іер. 1, 18). Это значило, что онъ будетъ непобѣдимъ и непоколебимо стоять за Бога противъ всего этого народа; и, дѣйствительно, Іеремія былъ человѣкомъ, который, подобно неподкупному судіи Израиля, напоминалъ царю и князьямъ всѣ ихъ беззаконія и осуждалъ ихъ, защищая права Божіи даже и тогда, когда казалось, что онъ идетъ на погибель. И мы знаемъ, что онъ непреклонно сохранилъ этотъ характеръ до конца своей жизни. О нечестивомъ мы читаемъ у Іов. 20, 24: „Убѣжить ли онъ отъ оружія **желѣзнаго**, пронзить его лукъ **мѣдный**“. Это указываетъ намъ очень ясно на осуждающую и карающую руку правосудія Божія, поспѣшающую за нечестивымъ. Угрожая наказать Израиля за его отпаденіе, Господь ему говоритъ: „Небеса твои, которыя надъ головою твоею, сдѣлаются **мѣдью** и земля подъ тобою **желѣзомъ**“ (Втор. 28, 23). Наконецъ, въ Откровеніи, когда мы видимъ Господа Самого во славѣ Своей, то ноги Его являются „подобными халколивану, или мѣди, какъ раскаленные въ печи“; онѣ раскалены, потому что Онъ еще страдаетъ здѣсь на землѣ въ лицѣ Своихъ членовъ; онѣ мѣдныя, потому что Онъ готовится совершить неумолимый судъ надъ зломъ. Онъ не можетъ терпѣть его и растопчетъ и сокрушитъ Своими ногами. Цѣлый рядъ грозныхъ судовъ въ Откровеніи служитъ доказательствомъ этой истины.

Если мы здѣсь въ жертвенникѣ изъ дерева ситтимъ видимъ, съ одной стороны, человѣка Христа Іисуса и, съ другой, въ мѣди, которой онъ весь обложенъ, строгое, неумолимое правосудіе Божіе, связанное такъ тѣсно съ нимъ, то, конечно, не трудно найти въ Новомъ Завѣтѣ, въ жизни нашего Господа, образъ, соотвѣтствующій этому ветхозавѣтному прообразу. Не тамъ ли онъ, братія мои, гдѣ неумолимое правосудіе Божіе чинитъ судъ и рассчитывается съ Нимъ за насъ? Не тамъ ли, гдѣ отъ Него, непорочнаго, было потребовано то, чего Онъ не задолжалъ? Не на крестѣ ли, гдѣ этому правосудію Божію была дана полная свобода дѣйствія до конца? Въ теченіе всей Его жизни оно стояло надъ Нимъ, Онъ былъ подчиненъ его закону, но

оно не нашло въ Немъ ничего, кромѣ чистоты, невинности и полного удовлетворенія всѣмъ своимъ требованіямъ; но когда онъ занялъ **наше мѣсто**, и **наша вина** легла на Него, такъ же какъ и вся отвѣтственность за нее, тогда правосудіе Божіе предстало предъ Нимъ со своими требованіями. Наши удары постигли Его; Онъ долженъ былъ испить всю горькую чашу, которую мы сами себѣ приготовили: Онъ долженъ былъ пострадать за насъ. Никто не можетъ разить это лучше Самого Господа, когда Онъ влагаетъ въ уста Своего народа слѣдующія слова о Немъ: „Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи **наши** и мучимъ за беззаконія **наши**; наказаніе **мира нашего** было на **Немъ**. и ранами **Его мы исцѣлились**“ (Ис. 53, 5). Но правосудіе Божіе достигло своей цѣли не тѣмъ, что Онъ былъ изъязвленъ и мучимъ,—оно требовало большаго, требовало Его жизни, Его гибели; оно потребовало, чтобъ Онъ нисшелъ въ погибель, какъ должны были погибнуть мы; и Онъ дѣйствительно погибъ, былъ всецѣло окруженъ, охваченъ его разъяренными волнами, какъ этотъ жертвенникъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ мѣдью. Итакъ, въ этой тѣни будущихъ благъ предъ нами стоитъ страдающій Христосъ, или Христосъ распятый.

Что это такъ, разъясняется еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь, **во дворѣ, мѣдь была главнымъ металломъ**. Если вы осмотритесь хорошенько, то скоро откроете, что она встрѣчается рѣшительно вездѣ. Правда, не все здѣсь сдѣлано изъ мѣди, но все же болѣшая часть. Не только самый жертвенникъ, но и всѣ его принадлежности, какъ то: лопатки, чаши, вилки и угольницы, затѣмъ умывальникъ и всѣ подножія столбовъ—все было мѣдное. Все это свидѣтельствовало о происшедшемъ здѣсь безпощадномъ судѣ Божіемъ надъ грѣхомъ, надъ которымъ, безъ малѣйшаго снисхожденія, совершилось исполненіе приговора. Совершенно другая картина вамъ представилась бы, еслибъ вы захотѣли идти дальше и вступили бы во святилище. Какая большая разница! Здѣсь глазъ не встрѣчаетъ больше ничего мѣднаго, даже ни одного мѣднаго гвоздя или крючка; нѣтъ, здѣсь вездѣ золото, и исключительно одно золото. Что бы это значило? Вотъ что: во дворѣ

мы имѣемъ Христа распятаго, а здѣсь имѣемъ Христа прославленнаго; тамъ Онъ страждущій и искупающій, здѣсь превознесенный, Князь мира и Спаситель, „принявшій дары для человековъ, даже и для противящихся“. Благо тому, кто проникъ до этого мѣста! Тотъ, кто пошелъ далѣе креста, оставляетъ позади себя совершившійся уже надъ грѣхомъ его судъ, подобно тому, какъ Израильтянинъ, принеся жертву здѣсь на мѣдномъ жертвенникѣ, могъ съ легкимъ сердцемъ идти дальше, потому что судъ надъ нимъ былъ конченъ и долгъ былъ уплаченъ. Тотъ, кто достигъ Голгофы и увидалъ тамъ преданнаго за него на смерть Христа, тотчасъ же видитъ себя въ совершенно новомъ положеніи предъ Богомъ; какъ нѣкогда Христосъ стоялъ на его мѣстѣ, такъ теперь онъ стоитъ предъ Богомъ на мѣстѣ Христа, уже не какъ грѣшникъ, но какъ святой: уже не какъ трепещущій врагъ, но какъ поклоняющійся другъ Божій; словомъ, онъ, по выраженію Спасителя, „перешелъ отъ смерти въ жизнь“.

Еще нѣчто выступаетъ съ особенной ясностью изъ установки мѣднаго жертвенника и святилища, а именно то, что **мы должны непременно подойти къ первому раньше, чѣмъ войти во второе**; мы должны подойти ко Христу страдающему, чтобы имѣть возможность войти ко Христу прославленному и прославляющему. Прежде свести съ Богомъ счеты у мѣднаго жертвенника, затѣмъ уже идти къ золотому жертвеннику, дабы тамъ принести Господу на святомъ огнѣ еиміамъ нашего поклоненія и жертву хвалы устъ нашихъ. Какъ Израильтянинъ, прежде всего, останавливалъ свой взглядъ на мѣдномъ жертвенникѣ, такъ должны и ваши глаза вначалѣ взглянуть на Голгофу, чтобы потоки благословеній оттуда облагодатствовали васъ и сдѣлали васъ благоугодными Богу. Тысячи людей начали не съ того конца, а потому никогда не достигли цѣли Божіей; они начали съ золотого жертвенника, захотѣли служить Богу прежде, нежели примирились съ Нимъ, и, въ концѣ концовъ, они остались далекими и чуждыми Ему. Позвольте мнѣ сказать вамъ: вы не можете служить Богу, не можете придти къ Нему, не идя къ Нему чрезъ Примирителя. Таковъ путь Божій отъ вѣка.

Жертвенникъ одинъ могъ только дать намекъ относительно способа примиренія; полную же и ясную картину онъ могъ дать лишь съ возложенными на него жертвами. И хотя мы надѣемся посвятить рядъ бесѣдъ изученію жертвъ, все же намъ хочется здѣсь, въ связи съ мѣднымъ жертвенникомъ, сдѣлать относительно нихъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Посмотримъ сперва, какъ происходили жертвоприношенія. Лишь только Израильтянинъ приходилъ къ сознанію своего грѣха или своей вины, какъ ему надо было идти къ своему стаду, выбрать изъ него жертвенное животное безъ порока и направиться сюда, во дворъ. Здѣсь животное это принималось изъ его рукъ и, вѣроятно, привязывалось къ рогамъ жертвенника. Затѣмъ подходилъ сюда приносившій жертву, возлагалъ свои руки на голову животного и исповѣдывалъ свои грѣхи, возлагая ихъ, такимъ образомъ, на свою жертву. Такъ стояла она вмѣсто него предъ Богомъ, и къ ней предъявлялись требованія за вину грѣшника, затѣмъ слѣдовалъ ударъ, предававшій животное смерти и проливавшій его кровь. Послѣдняя часть вносилась въ Святое—святыхъ или ею окроплялся жертвенникъ со всѣхъ сторонъ, большая же часть ея выливалась къ подножію жертвенника. Все вокругъ, за исключеніемъ мѣста, гдѣ стоялъ священникъ, было залито кровью. Пролитую кровь встрѣчаемъ мы, такимъ образомъ, въ связи съ мѣднымъ жертвенникомъ и притомъ въ большомъ изобиліи, потому что временами она текла здѣсь буквально потоками. Кровь же, не забудемъ этого никогда, обозначаетъ принесенную въ жертву жизнь.

Кто же, спрашиваемъ мы, былъ здѣсь виновнымъ лицомъ, Израильтянинъ или его жертва? Конечно, Израильтянинъ. И все же мы видимъ, что виновный отпускался на свободу, а невинный искупалъ его вину, Праведный умиралъ за нечестиваго. — Я могу себѣ представить, какъ часто несчастное жертвенное животное приводилось сюда силой; какъ оно должно было дрожать и сопротивляться при видѣ непривычной для него крови, заранѣе возвѣщавшей ему о предстоявшей насильственной смерти, которую оно должно было претерпѣть. Смотрите, такъ открылъ Богъ Свой чудный планъ, какъ Онъ осудитъ и накажетъ

грѣхъ, милуя и спасая грѣшника, и какъ Онъ совершить все это путемъ неумолимаго, строжайшаго правосудія. Такимъ образомъ, уже въ Ветхомъ Завѣтѣ было ясно указано, что Богъ не прощаетъ произвольно ни одного грѣха, а прѣщаетъ только, если правосудіе Его получить за него полное удовлетвореніе.

Взгляните же теперь на великій соотвѣтствующій образъ, на Христа Иисуса, Который есть сущность самыхъ благъ. О Немъ написано: „Вотъ Агнецъ **Божій**, Который беретъ на Себя грѣхъ міра“. Тамъ были агнцы человѣческіе, не могшіе истребить ни **одного грѣха**, „ибо **невозможно**, чтобы кровь тельцовъ и козловъ уничтожала грѣхи“ (Евр. 10, 4); этотъ же Агнецъ Божій беретъ **грѣхи всего міра**. И вѣдь Самъ Господь „возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ“ (Ис. 53, 6), и Онъ ихъ „вознесъ тѣломъ Своимъ на древо, дабы мы, избавившись отъ грѣховъ, жили для правды“ (1 Пет. 2, 24). Тогда исполнилось, что Богъ „Незнавшаго грѣха сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ“ (2 Кор. 5, 21). Онъ сдѣлался тогда, по вѣрному замѣчанію Лютера, тѣмъ, чѣмъ Онъ никогда не былъ, а именно грѣшникомъ, я же сдѣлался тѣмъ, чѣмъ никогда не могъ бы сдѣлаться, т. е. праведникомъ. Мы спрашиваемъ: кто же былъ тутъ виновнымъ лицомъ: Онъ или я? Безъ малѣйшаго сомнѣнія **я, ты, всѣ мы!**

Какъ тяжело все это легло на Него! Взгляните на Него тамъ, въ Геѳсиманіи, при приближеніи часа, когда бремя грѣховъ нашихъ должно было быть возложено на Него, и Ему предстояло вкусить смерть за насъ. Какъ трепеталъ въ эту минуту Агнецъ Божій, какъ струились съ Его чела на землю тяжелыя капли почернѣвшаго кроваваго пота! Посмотрите, какъ Онъ падаетъ на лицо Свое, изливая Свое сердце въ скорбномъ, настойчивомъ возгласѣ: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія: впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты“ (Матѣ. 26, 39).

Не приходила ли вамъ мысль, будто Онъ тамъ противился исполнить волю Божію, будто Онъ хотѣлъ сойти теперь съ Его пути и исполнить волю Его только въ томъ случаѣ, если не будетъ другого выхода? Нѣтъ, никакъ! О,

если бы мы имѣли истинный свѣтъ относительно Геѳсиманіи, тогда мы вскорѣ ясно бы увидѣли, насколько, особенно здѣсь, не было у Него ни малѣйшаго колебанія въ исполненіи узнанной Имъ воли Отца. Чаша, о которой Онъ здѣсь говоритъ, не есть крестная смерть на Голгоѣ, которую Онъ всегда видѣлъ предъ Собою, навстрѣчу которой Онъ спокойно шелъ во время Своего послѣдняго путешествія и которая была у Него передъ глазами, когда Онъ на Вечери преломилъ хлѣбъ и сказалъ: „Сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое“: нѣтъ, отъ смерти крестной Онъ никогда не отвращался и не о ней молилъ Онъ: „Отче Мой, если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“. Здѣсь навязывалась Ему другая чаша, не та, которую давалъ Ему Отецъ Его, но чаша, которая, если бы Онъ ее долженъ былъ пить, не позволила бы Ему вкусить смерти крестной на Голгоѣ, и наше спасеніе никогда бы не совершилось. По этой то причинѣ и боролся Онъ въ молитвѣ и моленіи, чтобы она миновала Его, если это возможно.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ въ Геѳсиманіи, въ связи съ Евр. 5, 7, явствуется, что Онъ тамъ былъ близокъ къ тому, чтобы сдѣлаться добычею смерти. т. е. умереть, прежде чѣмъ Онъ былъ пригвожденъ ко кресту. Сатана со всѣми властями тмы старался помѣшати Ему умереть той смертью, которая по Писанію обозначала проклятіе за грѣхъ, какъ написано: „Проклятъ всякъ, висящій на древѣ“ (Втор. 21, 23. Гал. 3, 13), и потому онъ хотѣлъ погубить Его здѣсь, прежде чѣмъ Онъ Самъ, добровольно, возложить Себя на жертвенникъ креста въ приношеніе и жертву Богу, въ благоуханіе пріятное. Эту то смерть хотѣлъ Онъ миновать, чтобы быть въ состояніи умереть смертью жертвы, и, о чемъ Онъ умолялъ, въ томъ и былъ услышанъ, эта чаша была отъ Него взята. Вотъ, это—то, что описываетъ намъ апостолъ въ посл. къ Евр. 5, 7, когда говоритъ: „Онъ во дни плоти Своей, съ сильнымъ воплемъ и со слезами, принесъ молитвы и моленія могущему спасти Его отъ смерти; и услышанъ былъ за Свое благоговѣніе“. Онъ хотѣлъ быть избавленнымъ отъ смерти, говоритъ апостолъ, и прибавляетъ, что Онъ былъ услышанъ. Отъ какой же смерти, спросимъ мы, не отъ смерти ли крестной на Гол-

гоѣ? Нѣтъ, отъ той Онъ не желалъ быть избавленъ, вѣдь этой смертью и умеръ Онъ добровольно очень скоро послѣ того, а былъ спасенъ отъ смерти въ Геѳсиманіи, Онъ не подвергся ей тамъ.

Итакъ, что же происходило въ Геѳсиманіи? Слушайте, Онъ Самъ говоритъ намъ: „**Душа Моя скорбитъ смертельно**“ (Матѣ. 26, 38). Неописуемая душевная мука, которая могли бы положить конецъ Его жизни, овладѣли Имъ, каждое мгновеніе она готова была улетѣть отъ Него. Евангелистъ Лука говоритъ намъ: „И находясь въ бореніи (со смертью), прилежнѣе молился; и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю“ (Лук. 22, 44). Одинъ христіанскій писатель дѣлаетъ приблизительно слѣдующую замѣтку къ этому мѣсту: во всей всемірной исторіи извѣстно еще только объ одномъ человѣкѣ, у котораго во время предсмертной борьбы изъ поръ выступала кровь: это былъ Карлъ XII, король шведскій, который, въ своихъ угрызенияхъ совѣсти за множество пролитой имъ во время его многочисленныхъ войнъ крови, дошелъ до такой ужасной агоніи. И спрошенные по этому поводу врачи всѣ того убѣжденія, что при такихъ обстоятельствахъ должно быть порвано такое множество тонкихъ кровеносныхъ сосудовъ, что исключается возможность всякой дальнѣйшей жизни. Нашъ Господь побѣдилъ, но какъ? Только посредствомъ молитвы и моленія, и Онъ былъ услышанъ. Онъ продолжалъ жить, но только чудомъ, потому что Священная Исторія говоритъ намъ: „Явился же Ему Ангелъ съ небесъ и укрѣплялъ Его“ (Лук. 22, 43). Такимъ образомъ, Онъ какъ бы прошелъ черезъ одну смерть, душевную, только для того, чтобы имѣть возможность претерпѣть смерть за грѣхъ (чтобы имѣть возможность быть вознесеннымъ отъ земли). Въ этомъ свѣтѣ оказывается Его смерть на Голгоѣ еще добровольнѣе, чѣмъ если бы не было борьбы со смертью въ Геѳсиманіи. И какъ Онъ спокойно смотрѣлъ въ глаза смерти еще задолго до этого, когда Онъ говорилъ ученикамъ Своимъ: „Сыну человѣческому много дѣлжно пострадать, быть отвержену старѣйшинами, первосвященниками и книжниками и быть убиту“ (Мар. 8, 31), такъ идетъ Онъ и послѣ борьбы въ Геѳсиманіи безъ всякаго содроганія навстрѣчу толпѣ, которая

пришла съ мечами и кольями, чтобы взять Его. Не медля, даетъ Онъ Себя связать и вести на судъ. И когда Петръ хотѣлъ этому воспрепятствовать, говоритъ Онъ рѣшительно: „Возврати мечъ твой въ его мѣсто; ...Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легионовъ Ангеловъ? Какъ же сбудутся Писанія, что такъ должно быть“ (Матѣ. 26, 52 — 54)? И опять: „Неужели Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ“ (Іоан. 18, 11)? Да, крестная смерть была чаша Отца, противъ этой чаши не было у Него ни молитвы ни моленія, ее выпилъ Онъ добровольно до дна. Да будетъ Ему слава и поклоненіе за это.

Но вернемся къ мѣдному жертвеннику двора и рассмотримъ, до какой степени заколотая здѣсь жертва должна была удовлетворить правосудіе Божіе. Лишенная здѣсь жизни, она полагалась на жертвенникъ, на которомъ уже пылалъ огонь, готовясь ее сжечь. Жаръ, не остывавшій здѣсь ни днемъ ни ночью, тотчасъ ее охватывалъ и поядалъ и поядалъ, пока не оставалось ничего, кромѣ пепла. Этотъ пепелъ возвѣщалъ Израильтянину, что все, рѣшительно все, было **выполнено**, что не оставалось болѣе пищи для огня; онъ радостно могъ поднять взоръ,—судъ надъ нимъ былъ конченъ, въ лицѣ его жертвы грѣхъ его сгорѣлъ въ пепелъ.

Неправда ли, всѣ требованія были исполнены тамъ до послѣдняго; состоялся полный расчетъ между Богомъ и грѣшникомъ, такъ что ничего не оставалось больше нерасчитаннымъ. И въ заключеніе пепелъ собирался съ жертвенника и выносился вонъ изъ святилища, какъ бы прочь отъ лица Божія. Съ этой минуты Богъ уже ничего не видѣлъ отъ грѣха грѣшника, ни даже отъ того, что напоминало о немъ; и человѣкъ также ничего больше не видѣлъ, и это двойное сознаніе,—что грѣхъ уже не существуетъ ни для Бога ни для человѣка,—должно было давать неизреченный миръ.

Да, дорогой мой собратъ, пойми, что Богъ непремѣнно долженъ получить удовлетвореніе, и притомъ удовлетвореніе полное, или отъ тебя, или отъ твоей жертвы. На чьемъ счету считаешь ты свой долгъ? Пострадалъ ли **за тебя** Христосъ, возложилъ ли ты, исполненный вѣры, руки твои на

этого жертвеннаго Агнца и перенесъ ли ты на Него грѣхи свои? Если да, то ты покончилъ съ ними; ихъ уже нѣтъ, потому что Богъ въ Его святомъ тѣлѣ осудилъ грѣхъ во плоти, когда огонь Его правосудія поядаль и поядаль свою жертву, пока она вся не исчезла, и Онъ могъ сказать: „Совершилось!“ Теперь, взирая на Распятаго и ухватившись за Него, и ты имѣешь право сказать: „Совершилось для меня!“ Грѣхъ истребленъ, и, еслибъ начать искать его, его не нашлось бы болѣе, потому что Богъ его бросилъ далеко **за хребетъ Свой** (Ис. 38, 17) и во вѣки не вспомнить его болѣе. Какой покой, какой миръ Божій должно дать сознаніе принесенной Самимъ Христомъ для насъ жертвы! Всѣ ли вы имѣете это сознаніе, дорогіе друзья? Если нѣкоторые изъ васъ не имѣютъ его, то позвольте дать вамъ еще нѣсколько указаній, которыя ободряютъ васъ еще сегодня подойти къ этому мѣдному жертвеннику.

Послѣ всего, что мы слышали объ этомъ святомъ мѣстѣ, казалось бы очень рискованнымъ подходить къ нему; но подойдите и посмотрите, здѣсь есть многое, что приглашаетъ насъ подходить къ нему съ дерзновеніемъ.

Прежде всего его простота должна привлекать къ себѣ каждого, даже самаго ничтожнаго. Если вы внимательно перечтете его описаніе, то вы увидите, что онъ представлялъ собою не что иное, какъ простой четырехугольный ящикъ, пустой внутри (Исх. 38, 7). Неправда ли, теперь возникаетъ вопросъ, какъ же на него возлагали жертву? Отвѣтъ на это мы находимъ въ Исх. 20, 24: „Сдѣлай Мнѣ жертвенникъ изъ земли и приноси на немъ всесоженія твои и мирныя жертвы твои, овецъ твоихъ и воловъ твоихъ“. Всюду, гдѣ бы станъ ни располагался, внутренность жертвенника заполнялась землею, и въ такомъ видѣ онъ былъ готовъ. Замѣьте здѣсь разницу между нашимъ Богомъ и богами языческими и всякой другой религіозной системой, утверждающими, что къ Богу нельзя приступить безъ шума и блеска, что необходимо воздвигать Ему украшенные золотомъ и драгоценностями алтари. Нашъ Богъ не нуждается ни въ какомъ украшеніи, ни въ какой славѣ и красотѣ, которыя мы были бы въ состояніи создать; Онъ даже запрещаетъ это. Мы можемъ приходить таковыми, какъ мы есмы.

Землю, неправда ли, всюду можно легко найти, чтобы воздвигнуть Ему жертвенникъ? Земля очень дешева, ничего не стоитъ, и жертвенникъ изъ нея -- вещь ничтожная. Да, такимъ образомъ, Голгоѳа и крестъ на ней не представляютъ никакой привлекательности для человѣческаго глаза; и Тотъ, Кто висѣлъ тамъ, былъ всѣми презрѣнъ и отверженъ. Онъ былъ такъ презираемъ, что люди отвращали отъ Него лицо свое; но именно такъ Онъ и можетъ привлечь къ Своему великому сердцу изъ всѣхъ укромныхъ уголковъ даже и самыхъ робкихъ. О, еслибъ только они всѣ пришли!

Затѣмъ мѣдный жертвенникъ привлекаетъ къ себѣ еще и тѣмъ, что онъ долженъ стоять на плоскомъ мѣстѣ. Въ Исх. 20, 26, ясно выражается повелѣніе Божіе: „Не восходи по ступенямъ къ жертвеннику Моему, дабы не открылась при немъ нагота твоя.“ Итакъ, жертвенникъ стоялъ на томъ же уровнѣ, какъ и приближающійся грѣшникъ, а именно, въ прахѣ земли, почему могъ легко и подойти къ нему всякій, не имѣя нужды съ трудомъ подниматься къ нему постепенно выше и выше.

Это—чудный прообразъ Христа Распятаго, какъ Богъ являетъ Его всему погибшему міру. Здѣсь, между мной и Богомъ, не нужны ни святые, ни священники, чтобы съ ихъ помощью мнѣ подняться и быть представленнымъ Богу, чтобы, наконецъ, мнѣ получить доступъ къ Нему; нѣтъ, мнѣ никого не надо, я могу самъ лично подойти къ этому славному жертвеннику. Не приходится мнѣ также переходить съ одной ступени на другую по пути самоусовершенствованія, раньше, чѣмъ дерзнуть приблизиться къ жертвѣ, заранѣе уготованной Богомъ; всякая моя попытка, помочь самому себѣ или постепенно подниматься по лѣстницѣ нравственности, послужила бы только къ обнаруженію моихъ слабыхъ сторонъ и моей наготы. Поэтому благодареніе Господу, что я смѣю придти, какъ я есмь, и придти прямымъ путемъ къ Нему!

Наконецъ, мы видимъ еще, что Господь желаетъ, чтобы этотъ путь ко спасенію сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ. Разсмотрите еще разъ жертвенникъ, взгляните на мѣдныя кольца по сторонамъ, а затѣмъ и на шесты, продѣтые черезъ

нихъ. Къ чему, собственно, они находились тамъ? Да чтобы „посредствомъ ихъ носить его“, какъ звучало поясненіе Господне. И замѣтите особенно, что шесты эти не вынимались никогда, даже когда Израиль оставался долгое время на одномъ мѣстѣ; они постоянно напоминали, что жертвеннику вскорѣ предстояло опять двинуться въ путь.

Такъ Христосъ Распятый принадлежитъ всему міру. Онъ не долженъ жить только въ одномъ, въ моемъ или твоёмъ сердцѣ; нѣтъ, неси Его дальше, неси Его дальше! Онъ не долженъ быть только въ нашемъ городѣ; нѣтъ, Онъ долженъ сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ городамъ, деревнямъ и мѣстечкамъ! Не въ одной только нашей странѣ долженъ быть воздвигнутъ этотъ жертвенникъ, но во всѣ страны, отъ сѣвернаго до южнаго полюса, отъ Атлантическаго до Великаго и отъ Великаго до Атлантическаго океана, долженъ Онъ быть понесенъ; вотъ, таково намѣреніе Божіе. О, какая любовь съ Его стороны къ погибшему міру! О, еслибы мы, нашедшіе спасеніе, миръ, прощеніе и блаженство у этого жертвенника, оказались достойными носителями Его! Дорогіе братья, всѣ окружающіе васъ и живущіе въ далекихъ странахъ люди погибнуть, уже находятся на прямомъ пути къ гибели, если вы не понесете къ нимъ этого жертвенника, если вы имъ не укажете его, какъ мѣсто, гдѣ всякая приближающаяся къ нему душа находитъ вѣчный миръ и полное прощеніе. Что касается меня, то я имѣю только одно желаніе: не знать и не проповѣдывать ничего, кромѣ Христа Распятаго.

Но, можетъ быть, и среди насъ есть еще души, далеко стоящія отъ спасенія. Придите, придите, примиритесь съ Богомъ! Приступите ближе! Мѣдный жертвенникъ воздвигнутъ и здѣсь; по Своему обѣщанію Христосъ присутствуетъ и здѣсь. Онъ теперь предлагаетъ вамъ жизнь вѣчную; примите же ее съ благодареніемъ и идите съ благоговѣніемъ отъ этого благословеннаго мѣста. Аминь

5. Мѣдный умывальникъ.

- Исх. 30, 17. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: Сдѣлай умывальникъ мѣдный для омовенія и подножіе его мѣдное, и поставь его между скиніей собранія и между жертвенникомъ, 19. и налей въ него воды. И пусть Ааронъ и сыны его омывають изъ него руки свои и 20. ноги свои. Когда они должны входить въ скинію собранія, пусть они омываются водою, чтобы имъ не умереть; или когда должны приступать къ жертвеннику для служенія, для жертвоприношенія Господу... 21. И будетъ имъ это уставомъ вѣчнымъ, ему и потомкамъ его въ роды ихъ“.

Между мѣднымъ жертвенникомъ и дверью во святилище встрѣчаемъ мы другой важный предметъ во дворѣ—мѣдный умывальникъ. Стоялъ онъ прямо позади жертвенника, на пути во святилище. Свое названіе „умывальника“ онъ получилъ по той причинѣ, что здѣсь въ назначенное время происходило омовеніе священниковъ, чаще же всего священники мыли здѣсь руки. Это былъ большой круглый котелъ, сдѣланный изъ мѣдныхъ женскихъ зеркалъ, что мы узнаемъ изъ Исх. 38, 8. Почти всѣ извѣстные переводчики такъ передаютъ этотъ текстъ: „И онъ сдѣлалъ умывальникъ изъ мѣди и подножіе его мѣдное изъ зеркалъ женщинъ, собиравшихся предъ входомъ скиніи собранія“. Нѣкоторые представляютъ его въ видѣ котла, со всѣхъ сторонъ снабженнаго кранами, что весьма правдоподобно, потому что трудно допустить, чтобы руки и ноги омывались въ одномъ и томъ же бассейнѣ. Такимъ образомъ, священникамъ надо было здѣсь, просто подставивъ подъ кранъ руки и ноги, омыть нечистоту свою, чтобы имѣть право войти во святилище, для приношенія

жертвы или благовоннаго куренія предъ Господомъ. Излишне будетъ говорить, что омовеніе это, какъ и все остальное, связанное со служеніемъ левитовъ Богу, было символическое и имѣло таинственный, глубокой смыслъ.

О размѣрахъ этого умывальника мы не имѣемъ ближайшихъ указаній; однако, онъ долженъ былъ обладать значительной вмѣстимостью, если принять въ соображеніе что замѣнившее его впослѣдствіи въ Соломоновомъ храмѣ литое (мѣдное) море заключало въ себѣ около трехъ тысячъ батовъ или ведеръ воды (2 Пар. 4, 5). Хотя въ храмѣ все было величественнѣе и въ большихъ размѣрахъ, но и этотъ умывальникъ скинии долженъ былъ также содержать все же относительно большое количество воды. Впрочемъ, это не такъ важно, по той простой причинѣ, что все святилище постоянно съ большой точностью снабжалось всѣмъ необходимымъ. Изслѣдуемъ же теперь духовный смыслъ или значеніе этого

мѣднаго умывальника.

Мы начнемъ, какъ и при мѣдномъ жертвенникѣ; съ **матеріала, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ**. Повелѣніе Божіе было: „Сдѣлай умывальникъ мѣдный для омовенія и подножіе его мѣдное“. Слѣдовательно, онъ былъ весь мѣдный и стоялъ на мѣдномъ же основаніи. Здѣсь нѣтъ и слѣда дерева ситтимъ, которое мы видимъ у жертвенника; такимъ образомъ, мѣдь и дерево ситтимъ не находились въ связи въ этомъ священномъ предметѣ, что имѣетъ особенно важное значеніе. Едва ли намъ надо напоминать, что мѣдь представляетъ собой осуждающее правосудіе Божіе; послѣднее наше размышленіе привело насъ къ этому выводу. Тамъ мы видѣли также, на кого обрушилось это правосудіе Божіе — именно на Него, на Самого Сына человѣческаго. Здѣсь намъ снова встрѣчается мѣдь, и возникаетъ вопросъ: къ кому же примѣняется здѣсь правосудіе Божіе, и каковъ его смыслъ здѣсь? Тамъ оно относилось къ Богочеловѣку, Христу Иисусу, **какъ къ нашей жертвѣ**; судъ совершился надъ Нимъ; здѣсь же оно представляется въ связи съ **нашей собственной личностью**, потому что къ этому мѣдному умывальнику подходили люди. Это были тѣ же

самые священники, бывшіе только что у мѣднаго жертвенника. И необходимо замѣтить, что они являлись здѣсь совершенно иначе, нежели тамъ: сюда они не приводили никакого замѣстителя, никакого жертвеннаго агнца; они подходили къ мѣдному умывальнику одни, лично, со своей нечистотой. Уже ихъ появленіе здѣсь доказывало, что они желали очиститься, и было дѣйствительной картиной исповѣданія своей духовной нечистоты и грѣха, надъ которыми они здѣсь какъ бы давали дѣйствовать нелицепріятному суду Божию. Здѣсь они сами осуждали свою нечистоту, не дерзая предстать на служеніе предъ Богомъ, прежде чѣмъ она не была съ нихъ снята, и этимъ самымъ признавая справедливымъ приговоръ Божій.

Происходившее здѣсь вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительному обращенію грѣшника отъ его грѣховнаго пути, заключающемуся, собственно говоря, въ измѣненіи образа мыслей, потому что внутреннее направленіе грѣшника мѣняется и обновляется согласно образу мыслей Божіихъ. Онъ начинаетъ думать, какъ думаетъ Богъ, особенно относительно себя, своей личности, своей ужасной испорченности и своего грѣха. Онъ начинаетъ теперь примѣнять не существовавшее для него до сихъ поръ правосудіе Божіе къ себѣ и ко всему, что онъ есть и что сдѣлалъ, и оно осуждаетъ и произноситъ свой приговоръ надъ каждымъ обнаруженнымъ грѣхомъ, совершеннымъ въ мысляхъ, словахъ или дѣйствіяхъ. Нѣкогда, въ своемъ грѣховномъ снѣ, онъ не считалъ грѣхъ такимъ ужаснымъ, любилъ его и даже иногда имъ хвалился; но, съ той минуты, какъ онъ былъ у мѣднаго жертвенника, т. е. у креста Христова, и увидѣлъ, какъ Богъ въ Своемъ правосудіи относится къ грѣху, что не пощадилъ ради него Сына Своего Единороднаго, онъ узнаетъ лично всю мерзость грѣха и осуждаетъ его вмѣстѣ съ Богомъ; теперь онъ уже не можетъ любить его, предаетъ его на смерть, начинаетъ его ненавидѣть, какъ его ненавидитъ Господь, и ничего такъ горячо не желаетъ, какъ полного отъ него освобожденія. Этотъ внутренній судъ Божій, котораго не видитъ и не подозрѣваетъ ни одинъ посторонній человѣкъ, но который долженъ быть непремѣнно извѣданъ и пережитъ сердцемъ человѣка, алчу-

щаго и жаждущаго благодати, объясняетъ, можетъ быть, до нѣкоторой степени, какимъ образомъ новообращенный въ состояніи **тотчасъ** ходить въ обновленной жизни. Въ большинствѣ случаевъ обращеній, описанныхъ въ Св. Писаніи, мы находимъ выдвинутымъ моментъ, когда грѣшникъ осуждается на смерть свой грѣхъ, сознавая себя уничтоженнымъ предъ правосудіемъ Божиимъ. Довольно вспомнить о сокрушеніи великой грѣшницы у ногъ Іисуса; о Закхеѣ, исповѣдующемся въ обманѣ передъ лицомъ ропщущей толпы; о тѣхъ трехъ тысячахъ людей, которые **въ смущеніи и тревогѣ сердца** восклицали въ день Пятидесятницы: „Что намъ дѣлать, мужи братія?“ И не удивительно ли, что всѣ эти сокрушенныя души мы всегда встрѣчаемъ у **источника**, который „**открылся** для омытія грѣха и нечистоты“, мѣткимъ прообразомъ котораго былъ мѣдный умывальникъ. Но самой яркой иллюстраціей этой истины служить, по моему, все-таки исторія разбойника, распятаго вмѣстѣ съ Господомъ. Уже вися на крестѣ, онъ въ ослѣпленіи своемъ поносилъ Господа вмѣстѣ со своимъ товарищемъ; но, затѣмъ, онъ взглянулъ на Него, и ему стало ясно, что „Онъ ничего худого не сдѣлалъ“, и между тѣмъ невыразимо страдаетъ; и вотъ, судъ Божій, какъ неудержимая сила обрушивается на него, онъ осуждаетъ себя и свои достойныя осужденія дѣла, восклицая: „Мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли!“ Затѣмъ, обращаясь съ мольбой ко Христу, онъ погружается въ очищающій источникъ и выходитъ оттуда омытымъ, бѣлымъ какъ снѣгъ, такъ что онъ готовъ тотчасъ же войти со Христомъ въ небесную скинію, даже въ самое Святое-святыхъ небесъ.

Дорогіе друзья, вы видѣли судъ Божій надъ грѣхомъ въ смерти Христа, на мѣдномъ жертвенникѣ. Теперь весь вопросъ въ томъ, какъ **вы** относитесь къ нему? я говорю, къ вашему **собственному, личному грѣху**? Не сдѣлался ли онъ ужаснымъ для васъ? Если вы его не осуждаете, не ненавидите, какъ его ненавидитъ Господь, то онъ васъ осудитъ, и наступитъ день, когда вамъ придется пожать плоды вашихъ дѣлъ. Тогда вы еще никогда и не подходили ни къ мѣдному жертвеннику примѣренія, ни къ мѣдному умы-

вальнику самоосужденія и очищенія; вашъ образъ мыслей еще не измѣненъ, вы еще не обращены, какъ бы благочестивы вы ни были, какъ ни совершенно было ваше познаніе о смерти Христа и ею данномъ удовлетвореніи. Пока вы имѣете только ученіе о томъ, но никакого личнаго опыта. О, еслибъ вы еще сегодня достигли его!

Обратимъ теперь наше вниманіе на содержимое мѣднаго умывальника. Какая разница между мѣднымъ жертвенникомъ и мѣднымъ умывальникомъ! Не бросается ли вамъ это въ глаза каждый разъ, когда вы ихъ сравниваете? Тамъ горѣлъ огонь, пылало пламя; тамъ огонь поядалъ и поядалъ, пока не исчезало все, возложенное на жертвенникъ: здѣсь, напротивъ, имѣлось изобиліе освѣжающаго и очищающаго вещества, свободно изливавшагося, омывавшаго и очищавшаго, пока не исчезало всякое, даже самое малѣйшее **пятно**; и приходящему сюда нечего было бояться, онъ могъ смѣло и безъ всякаго опасенія подойти и уйти отсюда очищеннымъ. Что за чудное и драгоцѣнное вещество содержалъ мѣдный умывальникъ!

Да, дорогіе друзья мои, Христосъ, Агнецъ Божій, обремененный нашими грѣхами, долженъ былъ встрѣтиться съ огнемъ гнѣва Божія; и Онъ встрѣтился съ нимъ и былъ имъ истребленъ: мы же, вслѣдствіе этого, хотя и соглашаемся съ приговоромъ Божиимъ, можемъ подойти къ источнику, который убѣляетъ багряныя пятна грѣха. Одно только нужно, апостолъ Іоаннъ говоритъ намъ это: „Если исповѣдуемъ грѣхи наши (т. е. предаемъ ихъ суду Божію), то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, **проститъ** намъ грѣхи наши и **очиститъ** насъ **отъ всякой неправды**“ (1 Іоан. 1, 9). О, еслибъ всѣ мы пошли этимъ спасительнымъ путемъ, ведущимъ къ чудесному источнику, тогда пѣснь пророка Исаии вскорѣ сдѣлалась бы нашей пѣснью, и мы начали бы пѣть, говоря: „Славлю Тебя, Господи: Ты **гнѣвался** на меня, но отвратилъ гнѣвъ Твой и утѣшилъ меня. Вотъ, Богъ—спасеніе мое: уповаю на Него и не боюсь, ибо Господь—сила моя, и пѣніе мое—Господь; и Онъ былъ мнѣ во спасеніе. И въ радости будете почерпать воду изъ источниковъ спасенія“ (Ис. 12, 1—3).

Какую ясную картину представляютъ собой жертвен-

никъ и умывальникъ, если мы въ ихъ свѣтѣ видимъ наше спасеніе и обращеніе. У жертвенника Богъ осудилъ и наказалъ нашъ грѣхъ по Своему правосудію, у мѣднаго умывальника мы соглашаемся съ Его приговоромъ и сами осуждаемъ грѣхъ: тамъ видѣли мы пролитую кровь, безусловно необходимую для уплаты нашего долга; здѣсь мы видимъ воду, безусловно необходимую для очищенія и освященія души, чтобъ она была въ состояніи предстать предъ Богомъ. Жертвенникъ исправляетъ испорченное нами, мѣдный же умывальникъ дѣлаетъ его забытымъ, такъ сказать, не существовавшимъ: дѣлаетъ такъ, какъ бы грѣшникъ никогда не согрѣшалъ, дѣлаетъ его невиннымъ и незапятнаннымъ. Онъ, дѣйствительно, дѣлается предъ Богомъ новою тварью. Потому то принятіе совершеннаго Христомъ спасенія и усвоеніе вѣрой Его искупленія и называется „возрожденіемъ“ и поставлено въ связь съ водою, которая, какъ мнѣ это теперь же хочется замѣтить, не имѣетъ ничего общаго съ водою крещенія. Разговоръ Господа съ Никодимомъ служить самымъ подходящимъ къ этому примѣромъ. Никодимъ, по словамъ Господа, долженъ возродиться, и возродиться отъ воды и Духа. Но какимъ образомъ долженъ онъ это сдѣлать? Всѣ разъясненія Господа объ этомъ внутреннемъ переворотѣ только обнаруживаютъ его невѣдѣніе и невѣріе, такъ что становится вполне яснымъ, что никакія поученія и объясненія, хотя бы доведенныя до такой ясности, что можно почти видѣть, какъ это случается, не могутъ еще возродить человѣка. Что же дѣлаетъ Господь? Онъ ведетъ Никодима прообразомъ вознесеннаго мѣднаго змѣя въ пустынь къ Своему кресту. Онъ показываетъ ему Сына человѣческаго на немъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предстоящее дѣло искупленія; затѣмъ, Онъ велитъ ему взглянуть на это дѣло, какъ должны были Израильтяне смотрѣть на мѣднаго змѣя; и слѣдствіемъ должно быть то, что онъ, какъ всякій вѣрующій въ вознесеннаго на крестъ Сына человѣческаго, не погибнетъ, но получитъ жизнь вѣчную. Дорогіе, если Никодимъ не возродился этимъ путемъ, то онъ никогда и не былъ возрожденъ. Иисусъ Самъ ставитъ наше возрожденіе и Свою крестную смерть подъ то извѣстное намъ, безусловное

слово „должно“: „Должно вамъ родиться свыше“, и: „Такъ должно вознесену быть Сыну человѣческому“.

Мы подойдемъ къ этому нѣсколько ближе, когда рассмотримъ разнаго рода омовенія, совершавшіяся у мѣднаго умывальника. Во-первыхъ, здѣсь производилось однократное полное омовеніе священниковъ при ихъ посвященіи. Какъ только Ааронъ и сыны его предстали предъ лицо Господа для посвященія ихъ въ священство, Моисей тотчасъ же привелъ ихъ къ этому умывальнику и омылъ ихъ водою. Онъ омылъ ихъ самихъ, не только ихъ руки и ноги; онъ омылъ все тѣло и одѣлъ ихъ, затѣмъ, въ ихъ священническія одежды. Это омовеніе совершалось одинъ единственный разъ, никогда не повторялось и означало, что они съ ногъ до головы были совершенно чисты; такимъ образомъ, они были омыты разъ навсегда. Нельзя также не замѣтить, что это омовеніе они совершали не сами надъ собой; другой долженъ былъ совершить это надъ ними, то есть посредникъ Ветхаго Завѣта. Такъ повелѣлъ Богъ, и еслибъ они поступили иначе, то это было бы съ ихъ стороны неповиновеніемъ Богу; Богъ считалъ бы ихъ нечистыми, и они никогда не могли бы приблизиться къ Нему.

Это однократное и полное омовеніе священниковъ изображаетъ вполнѣ наше единократное полное очищеніе, которое мы испытываемъ, приближаясь вѣрой ко Христу и съ полнымъ довѣріемъ полагаясь на Его дѣло искупленія, возвѣщенное намъ въ Евангеліи. Грѣшникъ, такимъ образомъ, не самъ себя оmyваетъ, но предоставляетъ это сдѣлать другому; и, подобно тому, какъ однажды надъ Аарономъ и сынами его это совершалъ посредникъ Ветхаго Завѣта, здѣсь это совершаетъ Христосъ, Посредникъ лучшаго, Новаго Завѣта. Это не рука человѣческая, ни даже священническая (которая, конечно, можетъ совершить наружное омовеніе, крещеніе) совершаетъ это чудное омовеніе, но прославленный Сынъ Божій посредствомъ слова, которому грѣшникъ просто вѣритъ и которое Духъ Святой запечатлѣваетъ. Выслушаемъ нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, доказывающія эту истину. Въ Откр. 1, 5 о Христѣ сказано: „Ему, возлюбившему насъ и оmyвшему насъ отъ грѣховъ нашихъ кровію Своею“. Итакъ Іисусъ возлюбилъ, Іисусъ и

омылъ. Въ Еф. 5, 25: „Какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною посредствомъ слова“. Здѣсь мы имѣемъ то же самое. Христосъ возлюбилъ, Христосъ и очистилъ „банею водною посредствомъ слова“, не водою, но словомъ. Въ Евангеліи Іоан. 15, 3 мы читаемъ: „**Вы уже очищены** чрезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ“. Не только ихъ руки и ноги, но и сами они были чисты; вѣра въ это слово или упованіе на него сняло съ нихъ вину ихъ. Подобное же мы находимъ и въ 1 Кор. 6. 9—11, гдѣ апостоль перечисляетъ цѣлый рядъ грѣховъ и пороковъ, которые исключали изъ Царствія Божія тѣхъ, кто совершалъ ихъ; но далѣе онъ прибавляетъ: „И такими были нѣкоторые изъ васъ, **но омылись, но освятились, но оправдались** именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего“. Это было полное и совершенное омовеніе, какъ это видно изъ словъ „**но омылись, но освятились, но оправдались**“. И кто же совершилъ это? Апостоль ли Павелъ или который-нибудь изъ ихъ проповѣдниковъ? Или было это очищеніе совершено чрезъ какое-нибудь наружное средство? Нѣтъ! Они омылись, очистились, освятились и оправдались именемъ Господа Іисуса и Духомъ Бога нашего. Также не находимъ мы нигдѣ указанія, чтобъ это святое духовное омовеніе когда-нибудь повторялось, потому что Христосъ „однимъ приношеніемъ навсегда сдѣлалъ совершенными освящаемыхъ“ (Евр. 10, 14).

Дорогіе слушатели, могу ли я подойти къ вамъ ближе, могу ли я спросить васъ: всѣ ли вы такъ омыты Христомъ? Сдѣлалось ли это такою же дѣйствительностью для васъ лично, какою оно было для тѣхъ, о которыхъ говоритъ Св. Писаніе въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, а также и во многихъ другихъ? Дѣйствительно ли грѣхи ваши сняты съ васъ, такъ что освященными и оправданными вы можете предстать предъ Богомъ? Возможно ли, что послѣ всего, нами только что слышаннаго въ словѣ, вы все еще, можете быть, придерживаетесь мнѣнія, что подобная увѣренность не что иное, какъ воображеніе или духовная гордость? Если это такъ, то я молю Господа, да откроетъ Онъ глаза ваши, чтобъ вы могли увидѣть истину Божию

въ Его свѣтъ, потому что съ ней нераздѣльно связано ваше благо и ваше несчастіе.

У этого мѣднаго умывальника, однако, происходило еще и другого рода омовеніе, а именно омовеніе рукъ и ногъ. Тѣ же священники, получившіе здѣсь въ день своего посвященія полное омовеніе, должны были ежедневно и, вѣроятно многократно, приходить къ этому, ихъ всюду сопровождавшему, источнику и омывать свои руки, которыя, быть можетъ, прикасались къ нечистымъ предметамъ, и свои ноги, ходившія въ прилипающемъ прахѣ земномъ. Они должны были приходить такъ часто, какъ только у нихъ являлась потребность въ очищеніи. И это омовеніе для нихъ и надъ ними надлежало совершать уже не Моисею; нѣтъ, они должны были дѣлать это сами, и еслибъ они этого не исполняли, они были бы повинны смерти.

Въ жизни по вѣрѣ существуетъ также двоякое омовеніе: единократное, о которомъ мы только что говорили, и, затѣмъ, другое постоянно повторяющееся. Объ единократномъ омовеніи, которое въ порывѣ рвенія жаждалъ получить вторично апостолъ Петръ, говоря Іисусу: „Господи, не только ноги мои, но и руки и голову“, Іисусъ сказалъ: „Омытому нужно только ноги умыть, потому что чистъ весь“ (Іоан. 13, 10). Такимъ образомъ, первое омовеніе не должно и не можетъ повторяться, тогда какъ второе **должно** совершаться постоянно. Въ то время какъ первое имѣетъ дѣло съ нашимъ **оправданіемъ**, второе имѣетъ дѣло съ нашимъ **освященіемъ**; то касается нашихъ грѣховъ, это — нашей природы. Тамъ мы облеклись въ „новаго человѣка“, здѣсь же этотъ новый человѣкъ, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, „обновляется въ познаніи по образу создавшего его“ (Кол. 3, 10). Потому о великомъ множествѣ людей, пришедшихъ отъ великой скорби и стоящихъ въ бѣлыхъ одеждахъ предъ престоломъ Божиимъ, сказано, что они совершили два дѣла: „Они омыли одежды свои и убѣлили одежды свои кровію Агнца“ (Откр. 7, 14). Это и была причина, почему они предстали предъ престоломъ Божиимъ и, подобно священникамъ, двояко омытымъ, они „служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его“ (Откр. 7, 15). Они не только были оправданы, но и освящены.

Дорогія дѣти Божіи, оправданныя кровью Христа, какъ обстоитъ дѣло вашего освященія? Дѣлаются ли ваши одежды все свѣтлѣе и свѣтлѣе? Если вы, какъ священники, ходите во святилищѣ предъ лицомъ Господа, то несомнѣнно, что вами откроются еще незамѣченныя пятна; тогда вы будете все яснѣе и яснѣе видѣть, гдѣ ваши ноги приходятъ въ соприкосновеніе съ липкимъ прахомъ земнымъ, и гдѣ дѣла рукъ вашихъ были не вполне чисты. Свѣтъ присутствія Божія откроетъ и осудитъ это, и благо вамъ, если вы тогда тотчасъ же поспѣшите предать мѣдному правосудію Божію всѣ промахи вашего хожденія, вашихъ словъ, мыслей и всѣхъ вашихъ внутреннихъ побужденій, чтобы тутъ же произнесенъ былъ заслуженный ими приговоръ и чтобы, подобно Ахану, они тутъ же были казнены и преданы смерти; и затѣмъ принесите ихъ немедленно подъ силу крови, которая навсегда омоетъ и самые ихъ слѣды: Вы всѣ знаете, что написано: „Безъ святости никто не увидитъ Господа“ (Евр. 12, 14), и что мы должны совершать „святыню въ страхъ Божию“ (2 Кор. 7, 1). Поэтому будемъ же внимательно, съ нѣжной совѣстью ходить предъ Нимъ, чтобы намъ не поскользнуться и не лишиться созерцанія чуднаго лица Его; но гдѣ обнаруживается пятно, порокъ или что-либо подобное, не замедлимъ направляться къ мѣдному умывальнику, чтобы все это тутъ же разъ навсегда было осуждено и отстранено.

Наконецъ, глубокое значеніе имѣетъ еще и мѣсто, которое этотъ умывальникъ занималъ въ ряду другихъ священныхъ предметовъ. Онъ стоялъ, какъ мы уже это видѣли, между жертвенникомъ и святилищемъ. На жертвенникѣ грѣшникъ приносилъ удовлетвореніе, у умывальника онъ получалъ очищеніе; и только уже послѣ всего этого онъ вступалъ во святилище для служенія. Вы видите, таковъ былъ порядокъ Божій. Богъ точно придерживался его, даже когда дѣло шло о тѣни будущихъ благъ. Приходилось начинать не со служенія, а съ признанія: „Я погибшій человекъ и повиненъ смерти!“ И затѣмъ слѣдовало другое признаніе: „Я запятнанъ и нечистъ, я не смѣю предстать предъ Бога, пока Онъ меня не очиститъ!“ И только по полученіи при-

мирения и очищения открывалась дверь во святилище для служения Богу.

О, какъ многіе еще и сегодня стараются измѣнить путь Божій, они хотятъ непременно навязать Богу служеніе своихъ нечистыхъ и никогда еще не омытыхъ рукъ; все хотятъ предстать предъ Нимъ, минуя Христа Распятаго, и не испытавъ на своихъ сердцахъ силу Его очищающей крови. Они думаютъ о себѣ, какъ о людяхъ, описанныхъ пророкомъ Исаіей, которые считали себя народомъ, „поступающимъ праведно и не оставляющимъ законовъ Бога своего“ (Ис. 58, 2). Не будетъ ли конецъ ихъ подобенъ участи Озы, котораго поразилъ Господь за то, что онъ простеръ руку свою къ святому ковчегу (1 Пар. 13, 9—11)? Да, Богъ не хочетъ видѣть ихъ, пока они не будутъ „облагодатствованы въ Возлюбленномъ“.

Итакъ, кто хочетъ служить Богу, долженъ быть весь омытъ и омытъ Самимъ Христомъ Іисусомъ; съ своей же стороны онъ долженъ омывать руки и ноги и очищаться „отъ всякой скверны плоти и духа“ (2 Кор. 7, 1), и такъ приближаться къ Нему въ чистомъ хожденіи и святыхъ дѣйствіяхъ, иначе же онъ не можетъ вступать въ Его святилище. Объ этомъ картинно свидѣлствуетъ намъ мѣдный умывальникъ; то же самое говоритъ намъ прямо Господь всюду въ словѣ Своемъ. Во времена пророка Исаи одно богослуженіе слѣдовало за другимъ, все было исполнено въ немъ по закону, и при этомъ они прилагали заботу и страхъ; но все это не было угодно Господу. „Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ?“ восклицать Онъ, обращаясь къ народу, его князьямъ и священникамъ,— „Я пресыщенъ всесоженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота; и крови тельцовъ и агнцевъ и козловъ не хочу. Когда вы приходите являться предъ лицо Мое,—кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали дворы Мои?“ Въ такомъ духѣ Онъ продолжаетъ, высказываетъ имъ все Свое отвращеніе къ подобному богослуженію и затѣмъ отсылаетъ ихъ прочь отъ Себя со словами: „Омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ“ и т. д.; наконецъ заключаетъ Онъ: „Тогда придите и разсудимъ“ (Ис. 1, 11—18). Итакъ, не можетъ быть прибли-

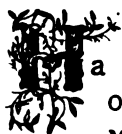
женія къ Нему, ни служенія Ему, пока не порвана связь съ грѣхомъ, раздѣляющимъ насъ съ Богомъ. На это такъ настойчиво указываетъ Давидъ, предлагая въ 23 Псалмѣ два вопроса: „Кто взойдетъ на гору Господню, и кто станетъ на святомъ мѣстѣ Его“? И далѣе, когда онъ даетъ на нихъ торжественный отвѣтъ: „Тотъ, у котораго руки не повинны и сердце чисто; кто не клялся душой своей напрасно и не божился ложно“. Неповинныя руки, чистое сердце — есть ли у васъ они? Есть ли они у васъ, дѣти Божіи? Есть ли они у всѣхъ васъ, дорогіе слушатели? Я знаю, вы всѣ скажете, что ихъ у васъ нѣтъ. Но что же мѣшаетъ вамъ, тѣмъ изъ васъ, которые никогда еще не были омыты Господомъ, дать омытъ себя такъ, какъ просилъ апостоль Петръ, и руки, и голову, и ноги, т. е. дать омытъ себя всецѣло? Онъ пошелъ на смерть за васъ, жизнь Его была отдана за васъ, и кровь, за васъ пролитая, готова васъ очистить; встаньте только вѣрой подъ могущество этой крови, чтобъ вамъ сдѣлаться бѣлѣе снѣга.

Вы же дорогіе братія, слѣдите за тѣмъ, чтобы, омывшись, вы не оскверняли одеждъ вашихъ, какъ это было съ людьми въ Сардисѣ, о которыхъ мы читаемъ, что тамъ осталось только нѣсколько человѣкъ, которые не осквернили одеждъ своихъ, и только потому немногіе получили отъ Господа обѣтованіе: „Они будутъ ходить со Мною въ бѣлыхъ одеждахъ, ибо они достойны“ (Откр. 3, 4). Да будетъ же все свѣтлѣе и свѣтлѣе ваше хожденіе, ваша дѣятельность; да пребываютъ ноги ваши постоянно во дворѣ и во святилищѣ Господнемъ, и да омываются ваши руки въ невинности, дабы изобразился въ васъ Христосъ къ прославленію Своему, и вы вскорѣ могли бы Его увидѣть, какъ Онъ есть! Аминь.

---

6. Серебро выкупа и употребленіе его.

- Исх. 30, 11. „И сказалъ Господь Моисею, говоря:
 12. Когда будешь дѣлать исчисленіе сыновъ Израилевыхъ при пересмотрѣ ихъ, то пусть каждый дастъ выкупъ за душу свою Господу при исчисленіи ихъ, и не будетъ между ними язвы губительной гри исчисленіи ихъ. Всякій, поступающій въ исчисленіе, долженъ давать половину сикля, сикля священнаго; въ сиклѣ двадцать
 14. геръ: полсикля приношеніе Господу. Всякій, поступающій въ исчисленіе отъ двадцати лѣтъ и выше, долженъ давать
 15. приношеніе Господу. Богатый не больше и бѣдный не меньше полсикля должны давать въ приношеніе Господу, для выкупа душъ вашихъ. И возьми серебро выкупа отъ сыновъ Израилевыхъ и употребляй его на служеніе скинии собранія; и будетъ это для сыновъ Израилевыхъ въ память предъ Господомъ, для искупленія душъ вашихъ“.
- Исх. 27, 17. „Всѣ столбы вокругъ двора должны быть соединены связями изъ серебра; крючки у нихъ изъ серебра, а подножія къ нимъ изъ мѣди“.
- Исх. 26, 18. „Такъ сдѣлай брусъ для скинии: двадцать брусевъ для полуденной стороны
 19. къ югу. И подъ двадцать брусъ въ сдѣлай сорокъ серебряныхъ подножій: два подножія подъ одинъ брусъ для двухъ шиповъ его и два подножія подъ другой
 20. брусъ для двухъ шиповъ его. И двадцать брусевъ для другой стороны скинии къ
 21. сѣверу. И для нихъ сорокъ подножій серебряныхъ: два подножія подъ одинъ брусъ и два подножія подъ другой брусъ“.

На этотъ разъ насъ должно занять одно повелѣніе, особенно важное при постройкѣ скинии, данное Самимъ Господомъ. Израиль, освобожденный и выведенный мощной рукой народъ, долженъ былъ смотрѣть на себя не какъ на народъ, завоеванный одной силой или

властью, но какъ на народъ, обошедшійся очень дорого. за который была положена высокая цѣна. И это должно было какъ можно яснѣе выражаться на skinii, какъ для утѣшенія самихъ Израильтянъ, такъ и для „постоянной памяти предъ Господомъ“, чтобы, уже при вступленіи ихъ во дворъ skinii, они тотчасъ же могли это видѣть. Съ этой цѣлью Богъ далъ чрезъ Моисея особое повелѣніе, по которому всякій, отъ двадцати лѣтъ и выше, зачислявшійся въ ополченіе Божіе, долженъ былъ вносить за свою душу полсикля серебра, и при этомъ ясно указывалась причина. почему это должно было совершаться, то есть, **чтобы не было „между ними язвы губительной“**. Именно это послѣднее добавленіе говорило очень ясно: Каждый изъ васъ -- грѣшникъ, подлежащій по справедливости и правосудію язвѣ и гибели, но грѣхъ и вина его можетъ быть покрыта предъ Богомъ **установленной Имъ цѣной**, и гибель можетъ быть такимъ образомъ, отвращена. Серебромъ выкупа Богъ какъ бы указывалъ путь, которымъ Онъ могъ быть примиренъ и Израильтянинъ могъ не считаться болѣе должникомъ.

Это постановленіе даетъ намъ богатый матеріалъ снова указать вамъ на Христа, даннаго Богомъ для **нашего искупленія**. Пусть же будетъ угодно Господу дать намъ великое благословеніе при разсмотрѣніи

серебра выкупа Израиля и его примѣненія.

Прежде всего мнѣ кажется особенно знаменательнымъ тотъ фактъ, что цѣна выкупа выплачивалась серебромъ. Известно, что въ то время, при всякой куплѣ и продажѣ, а также при совершеніи всевозможныхъ денежныхъ сдѣлокъ, употреблялось почти исключительно серебро. Это былъ, такъ сказать, металлъ торговца, и его называли просто „деньгами“. Во многихъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ встрѣчается слово „деньги“, въ подлинникѣ стоитъ слово „серебро“, что, конечно, не ошибка, такъ какъ въ то время оба эти слова выражали часто одно и то же понятіе. Первый торгъ, описанный въ словѣ Божіемъ, покупка Авраамомъ пещеры Махпелы, былъ оплаченъ серебромъ. Іосифъ былъ проданъ за серебро; за серебро же былъ проданъ и Христосъ. Обычная торговая монета „сикль“ — была сереб-

рянная. Итакъ, въ Св. Писаніи понятіе о куплѣ и продажѣ, о стоимости, цѣнѣ и платѣ тѣсно связано съ этимъ металломъ; такъ что мы не впадемъ въ ошибку, если вездѣ, гдѣ намъ въ skinіи встрѣтится серебро, мы подумаемъ тотчасъ же о цѣнѣ выкупа. Тѣмъ менѣе можемъ мы ошибиться, что апостолъ Петръ, говоря о выкупѣ за наши души, на первомъ же планѣ противопоставляетъ этотъ металлъ выкупу Христову, напоминая объ этомъ такъ: „Зная, что не **тлѣннымъ серебромъ** или золотомъ искуплены вы отъ суетной жизни, преданной вамъ отъ отцовъ, но драгоценною кровію Христа, какъ непорочнаго и чистаго Агнца“ (1 Пет. 1, 18. 19)

Подобно тому, какъ серебро въ skinіи вездѣ говоритъ о приобрѣтеніи или искупленіи, такъ всякій разъ, гдѣ въ словѣ Божіемъ упоминается кровь Христа, она свидѣтельствуется о подобномъ же, но для насъ несравненно славнѣйшемъ событіи. Въ Ев. отъ Матѳ. 20, 28 мы читаемъ слова Самого Господа относительно этого: „Сынъ Человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и **отдать душу Свою для искупленія многихъ**“. Итакъ, Онъ называетъ здѣсь отдачу Своей жизни, Свою жертву,—цѣною выкупа для многихъ. И когда апостолъ Павелъ призываетъ Коринѳяны къ жизни освященія и желаетъ особенно, чтобы и тѣла ихъ были всецѣло вручены Господу, то онъ подтверждаетъ необходимость этого такими словами: „**Вы не свои, ибо вы куплены дорогою цѣною**. Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи“ (1 Кор. 6, 19. 20). Да, даже искупленные во славѣ не могутъ умолчать объ этой цѣнѣ искупленія; они воспѣваютъ ее тамъ въ новѣй, намъ уже 1800 лѣтъ извѣстной пѣснѣ, говоря: „Достоинъ Ты взять книгу и снять съ нея печати, ибо Ты **былъ закланъ и кровію Своею искупилъ насъ Богу** изъ всякаго колѣна, и языка, и народа, и племени“ (Откр. 5, 9). Итакъ, Св. Писаніе намъ показываетъ, какъ цѣна нашего выкупа является причиной нашего вѣчнаго спасенія, основнымъ побужденіемъ къ жизни, посвященной Богу, и предметомъ вѣчнаго славословія. Да будетъ она для насъ съ каждымъ днемъ все дороже и дороже!

Серебро выкупа, приносившееся Израильтянами, свидѣтельствоvalo имъ, прежде всего, о томъ, что человекъ не можетъ угодить Богу или оправдаться дѣлами закона. Израиль, какъ намъ всѣмъ извѣстно, находился подъ закономъ, предписывавшимъ ясныя и опредѣленныя повелѣнія и запрещенія. Имъ было также сказано: „Душа, исполняющая ихъ, будетъ жить ими“. И они напрягали всѣ свои силы, чтобы исполнить весь законъ. На то, что они изнемогутъ при этомъ, такъ какъ силъ ихъ на это не достанетъ, Богъ очень ясно указалъ имъ, давая одинъ прообразъ за другимъ, которые говорили объ искупленіи, примиреніи или платѣ за нихъ. Ихъ бы, конечно, и не понадобилось, еслибы они были въ состояніи сами всецѣло исполнить волю Божію и Его законъ; потому что къ чему и плата за долги, если таковыхъ нѣтъ? И это серебро было такой же прообразъ, и не только въ пустынь, но впослѣдствіи и въ землѣ Ханаанской постоянно вносилось оно, лишь только кто-либо причислялся къ воинству Господню. И удивительно то, что даже самый благочестивый Израильтянинъ былъ обязанъ вносить его; это показывало, что онъ, подобно всякому другому, вполне несостоятеленъ предъ Богомъ, и при всемъ своемъ благочестіи не можетъ устоять предъ Нимъ, и только на основаніи выкупа, наравнѣ со всѣми другими, могъ быть угоднымъ Господу и войти въ Его исчисленіе.

Совершенно такъ же обстоитъ дѣло и теперь. Находящійся подъ закономъ, какъ бы благочестивъ онъ ни былъ, находится подъ проклятіемъ. Онъ не можетъ исполнить его въ совершенствѣ, и потому законъ, при всѣхъ его усиліяхъ и самомъ высокомъ благочестіи, приноситъ ему не жизнь, а смерть. Дорогіе друзья, мы уже вполне несостоятельны; въ насъ нѣтъ нравственной силы, мы безсильны и мертвы, даже когда только хотимъ начать исполнять законъ Божій. Каждый изъ насъ, даже самый лучшій, нуждается въ цѣнѣ выкупа предъ Господомъ, если онъ хочетъ войти въ исчисленіе Божіе. Благодареніе Богу, что онъ заплоченъ во Христѣ Іисусѣ и намъ остается только вѣрою усвоить это.

Это вносившееся серебро научаетъ насъ еще другой

важной истинѣ: именно, что рожденіе по плоти не дѣлало Израильтянина угоднымъ Богу. Израильтянинъ, входя въ исчисленіе, какъ бы вступалъ изъ несовершеннolѣтія въ совершеннolѣтіе предъ Богомъ; начиная съ этой минуты, онъ дѣйствительно принадлежалъ къ народу, потому что входилъ въ его исчисленіе. И впредь, какъ бы часто ни исчислялся Израиль, теперь его уже не могли обойти, какъ прежде, когда его не считали. Но онъ, можетъ быть, могъ бы встать и сказать: „Для чего выкупъ, для чего серебро? Къ народу Божію я вѣдь принадлежу по рожденію; вотъ вся моя родословная, восходящая безъ перерыва до Авраама. Избраніе Божіе простерлось и на меня, когда Онъ въ Авраамѣ избралъ Себѣ этотъ народъ. Не довольно ли этого? Неужели пагуба постигнетъ и меня, если я не внесу за себя серебра выкупа“? Несомнѣнно, пагуба и мука постигли бы его, какъ сказалъ Богъ. Ему не было бы части въ Израилѣ, онъ не былъ бы причисленъ къ нему и остался бы безъ всякихъ правъ. Происхожденіе по плоти, ведущее свое начало хотя бы отъ самаго лучшаго изъ Израильтянъ, безъ платы выкупа, не давало еще преимущества принадлежать къ ополченію Божію.

Такъ было во дни Моисея предъ Богомъ, такъ во дни Іоанна Крестителя и такъ же со дней Іисуса Христа до сегодняшняго дня. Во дни Іоанна Крестителя этотъ вѣрный свидѣтель Господа могъ сказать приближавшимся къ нему фарисеямъ и саддукеямъ: „Не думайте говорить въ себѣ: отецъ у насъ Авраамъ, ибо говорю вамъ, что Богъ можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть дѣтей Аврааму“ (Матѣ. 3; 9). Ихъ, вообще, столь высоко цѣнимое право рожденія не вмѣнялось ни невѣрующимъ саддукеямъ, ни казавшимся благочестивыми фарисеямъ, коль скоро они хотѣли предстать предъ Богомъ. И нашъ Господь даетъ богобоязненному и прямому Никодиму, а чрезъ него и намъ всѣмъ, никогда не теряющее своей силы царственное правило Божіе: „Истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія“ (Іоан. 3, 3). Никакіе предки, никакое потомство, никакое родство или какое-либо право рожденія не вводитъ насъ въ исчисленіе ополченія Божія. Только искупленный отъ грѣха

найдетъ себѣ тамъ мѣсто; сумма же выкупа, наша цѣна примиренія — это кровь Іисуса. Пусть всякій замѣтитъ себѣ это!

Но замѣтите, что всякій самъ за себя долженъ принести Богу эту цѣну выкупа, подобно тому, какъ здѣсь въ прообразѣ каждый Израильянинъ долженъ былъ самъ вносить за себя свое серебро. Очень удивительно, какъ въ повелѣніи съ особымъ удареніемъ повторяется слово „всякій“. Тутъ не могъ одинъ человѣкъ заплатить за другого, но каждый долженъ былъ лично внести свой выкупъ.

И наше искупленіе въ Іисусѣ Христѣ должно быть личнымъ дѣломъ каждого, дѣйствительно происходящимъ между нимъ и его Богомъ и не допускающимъ никакихъ „если“, „но“ или „можетъ быть“. Одна изъ хитростей и уловокъ сатаны, распространенная въ наше время по лицу всей земли, заключается въ томъ, что для миллионовъ душъ онъ сумѣлъ уничтожить эту истину, убѣдивъ цѣлыя общества людей вѣрить, что они всѣ уже христіане, что они достигли этого или чрезъ совершенные надъ ними обряды, или своимъ воспитаніемъ, или тѣмъ, что принадлежатъ къ признанной или непризнанной церкви, или, наконецъ, внѣшнимъ исповѣданіемъ. Бѣдные! они думаютъ, что вѣдь вѣрують же они въ то, во что вѣрують всѣ другіе, вѣрують въ то, чему вѣритъ церковь, и чего же еще больше можно отъ нихъ требовать? И думая, что и они включены въ то **общее искупленіе** человѣчества, которое во всякомъ случаѣ вмѣняется всему роду человѣческому, они въ своемъ самообманѣ никогда не доходятъ до того, чтобы серьезно подумать, что имъ самимъ нужно позаботиться о своемъ личномъ спасеніи. Имъ кажется до того само собой понятнымъ, что въ обществѣ со всѣми другими спасутся и они, что даже удивленно смотрятъ на всякаго, кто спрашиваетъ ихъ о достовѣрности **ихъ** личнаго спасенія. Да, это хитрый и искусный пріемъ врага, которымъ ему удалось опутать многія души.

И не слышимъ ли мы среди насъ всѣмъ извѣстныя рѣчи: „Да, конечно, вѣдь **мы всѣ** грѣшныя“, и еще: „Христосъ вѣдь **за всѣхъ насъ** умеръ?“ Быть можетъ тотъ или другой изъ этого собранія и самъ нерѣдко повторялъ эти слова. Сознавалъ ли ты, другъ мой, что, обобщая этими вы-

раженіями заключенныя въ нихъ важныя истины, ты поступалъ крайне легкомысленно по отношенію къ самому себѣ? Ты сливалъ свое положеніе погибшаго съ судьбой другихъ людей, называя себя грѣшникомъ заодно со всѣми. какъ бы отнимая этимъ жало у страшной истины, такъ что она не могла затронуть тебя такъ, какъ должна была бы; и, съ другой стороны, ты такъ обобщалъ смерть Господню, что изъ словъ твоихъ легко замѣтить, ты личнаго права на нее не имѣешь, чего ты, опять-таки, сказать не хотѣлъ. Итакъ, ты находишься въ совершенно неясномъ положеніи относительно этихъ обѣихъ основныхъ истинъ, которыя рѣшаютъ временную и вѣчную твою участь. Выслушай же: ты не долженъ больше быть грѣшникомъ въ обществѣ со всѣми другими. Сдѣлайся хоть разъ лично таковымъ наединѣ съ Богомъ и тогда позаботься, чтобы тебѣ имѣть для себя лично твое личное искупленіе. Только то личная собственность, настоящее владѣніе, что ты можешь опредѣлить маленькимъ, но цѣннымъ словечкомъ „мое“. Однажды Іисусъ сказалъ: „Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 6, 54). Ъда и питіе дѣйствія, конечно, личныя. Я вовсе не могу ѣсть за другого, также и пить ни за кого не могу, и никто не можетъ этого сдѣлать за меня. Если я желаю получить жизнь вѣчную, то я долженъ дѣйствовать самъ и самъ долженъ вкусить ее. Ъдѣ въ ежедневной же жизни такъ, что только та пища, которую я самъ беру въ ротъ и вкушаю, усвоится тѣломъ моимъ, составляетъ одно со мной; и только эта пища даетъ мнѣ питаніе, силу и жизнь. Такъ и со смертію Христа, этой удивительной цѣной искупленія грѣшниковъ; каждый изъ нихъ отдѣльно долженъ ее лично присвоить себѣ и представить себя затѣмъ Богу. Каждая душа должна быть въ состояніи сказать отъ всего сердца Христу: „Спаситель мой, Господь мой и Богъ мой!“

Далѣе, и въ отношеніи опредѣленнаго, точнаго вѣса приносимаго серебра заключается еще дивная истина. Тамъ Богъ Самъ какъ бы держалъ вѣсы. Онъ не позволялъ Израильтянину оцѣнять себя самого; Израильтянинъ не смѣлъ и не могъ по собственному мнѣнію рѣшать: „столько то или столько будетъ довольно“. Нѣтъ! Полсикля, и сикля

священнаго—таково было постановленіе Божіе. И священникъ Божій, стоявшій въ скинии для полученія серебра, ни за что не принялъ бы вмѣсто серебра изгари, не принялъ бы и серебра низшей пробы или хоть немного меньшаго вѣса, чѣмъ это было назначено Господомъ. И я представляю себѣ, что всякій истинный Израилѣтянинъ непремѣнно приносилъ серебро настоящее, чистое и установленнаго вѣса, такъ что онъ могъ совершенно спокойно трясти свою монету, зная, что ея звонкость доказываетъ ея высокое качество: и съ такой же увѣренностью смотрѣлъ онъ далѣе, когда ее клали на вѣсы святилища.

Да, Богъ требуетъ и сегодня отъ каждой души не что-либо меньшее и не что иное, какъ назначенный Имъ полный вѣсъ истинной цѣны выкупа, а именно кровь Христа. Онъ не можетъ принять что бы ты ни захотѣлъ самъ назначить и дать Ему, хотя бы это было наилучшее, что только можетъ дать человѣкъ или всѣ люди вмѣстѣ: Онъ не можетъ этого принять, вѣсъ этого приношенія не соотвѣтствовалъ бы вѣсу священному, это были бы не настоящія деньги, но фальшивая монета, накупъ и изгарь. Кровь и только кровь Христова—вотъ единственная, признаваемая Богомъ цѣна. Если ты ее имѣешь, то ты можешь съ полнымъ дерзновеніемъ предстать предъ Богомъ: она имѣетъ достаточный, полный вѣсъ и совершенно удовлетворитъ какъ твои потребности, такъ и требованія Божіи. Однажды она была взвѣшена Богомъ и найдена совершенной. Все, не достигающее этой стоимости, и всякій, не приносящій этой настоящей цѣны, остается подъ проклятіемъ; его приговоръ звучитъ подобно приговору надъ Вавилонскимъ царемъ Валтасаромъ, написанному Господомъ пламенными буквами на стѣнѣ: „Ты взвѣшенъ и найденъ очень легкимъ“. Не забудьте никогда, дорогие друзья, что предъ Богомъ мы только настолько существуемъ, столько вѣсимъ и во столько цѣнимся, сколько цѣны имѣетъ предъ Нимъ нашъ выкупъ; если мы имѣемъ то, что Онъ Самъ назначилъ, тогда, безъ всякаго сомнѣнія, мы обладаемъ Его полнымъ благоволеніемъ. И насколько Любовь Божія превышаетъ всякое наше разумѣніе, что она не пощадила Сына Своего Единороднаго, но

подвергла Его суду, наказанію и смерти ради насъ, чтобы мы были искуплены и спасены чрезъ Него! Не должна ли эта цѣна выкупа быть для насъ дороже всего?

Далѣе, въ Израильскомъ серебрѣ выкупа заключалась еще мысль высокаго значенія, что за всякую душу вносилась одна и та же цѣна. Одинаковая цѣна была назначена, какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго. Богатый, которому легко было бы внести болѣе полсикля, который могъ дать десять, двадцать и болѣе, не смѣлъ заплатить и полгеры сверхъ назначеннаго; бѣдный же не могъ принести на полгеры меньше. Здѣсь всѣ они стояли на одномъ уровнѣ предъ Богомъ.

Такъ же и относительно нашего искупленія: бѣденъ или богатъ, ученъ или неученъ, молодъ или старъ, нравственъ или безнравственъ, великъ ли или малъ грѣшникъ по нашей оцѣнкѣ,—все здѣсь вполнѣ безразлично. Всѣ стоятъ на одномъ и томъ же уровнѣ и носятъ одно общее названіе: „грѣшникъ“. „Ибо нѣтъ различія, потому что всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей (Рим. 3, 22. 23); поэтому Богъ и не знаетъ другой платы за каждого изъ нихъ, кромѣ той, которая **освобождаетъ грѣшника.** Потому они и получаютъ „оправданіе даромъ, по благодати Его, **искупленіемъ во Христѣ Иисусѣ**“ (Рим. 3, 24). Что тотъ или другой человѣкъ есть самъ по себѣ, это не принимается въ соображеніе Богомъ: у Него нѣтъ лицепріятія. И хотя бы это намъ и не понравилось, все же дѣло отъ этого не мѣняется, потому что Богъ измѣниться не можетъ. Да, да, дорогой мой благочестивый согрѣшникъ, ты, который постоянно думаешь, что ты не такъ худъ, какъ нѣкоторые изъ твоихъ знакомыхъ, ты, мужъ съ добрыми намѣреніями, и ты, жена съ нѣжнымъ и мягкимъ сердцемъ, что ты, можешь быть, ставишь себѣ въ заслугу, ты такъ же нуждаешься въ крови Христа, какъ цѣнѣ выкупа, какъ воръ и убійца, желающіе получить спасеніе, точно такъ же, какъ та жалкая женщина съ наглымъ выраженіемъ нарумяннаго лица, какъ та личность, мимо которой ты недавно прошла, говоря: „Бѣдное, погибшее созданіе!“ Одна и та же цѣна нужна какъ тебѣ, такъ и той; здѣсь нѣтъ различія, никакого различія, никакого лицепріятія!

Думаете ли вы иначе, дорогіе слушатели? Думаете ли вы все-таки, что должно же быть какое-нибудь различіе? Въ такомъ случаѣ я могу допустить, что оно могло бы возникнуть, но такое, котораго вы вовсе не ожидаете. Выслушайте здѣсь различіе, которое выставляетъ Господь предъ первосвященниками и старѣйшинами народа Израильскаго, когда Онъ говоритъ имъ: „Мытари и блудницы впередъ васъ идутъ въ Царство Божіе“ (Матѣ. 21, 31). Почему такъ? спрашиваете вы. Потому что они скорѣе поймутъ свое погибельное положеніе и изъ-за того скорѣе ухватятся за единственно дѣйствительную цѣну, кровь Христову. По разбойнику на крестѣ и по богатому юношѣ вы легко можете судить объ этой разницѣ, если хотите. Тотъ—поддонокъ человѣчества, вытолкнутый и отверженный, но который въ своей великой нуждѣ ухватывается за Спасителя и спасается; этотъ—уважаемый и чтимый человѣкъ, имѣвшій за собою безпорочную, незапятнанную молодость, такъ что Іисусъ, взглянувъ на него, полюбилъ его, но который тѣмъ не менѣе остается вдали отъ Царствія Божія и отходитъ съ печалію отъ Спасителя. О, да не будетъ участь послѣдняго участію какой-либо души среди насъ!

Научимся, наконецъ, еще кое-чему изъ названія, которое Господь далъ этой цѣнѣ выкупа. Богъ назвалъ ее „приношеніемъ Господу“ или—по другому переводу—„жертвой возношенія“. Онъ сказалъ Моисею: „Полсикля—приношеніе, т. е. жертва возношенія Господу“. Слово „возношеніе“ на еврейскомъ языкѣ обозначало то, что поднималось, возносилось отъ земли. Все, приносившееся для скиніи, опредѣлялось этимъ названіемъ. Это было нѣчто опредѣленное для Бога, и какъ бы внесенное въ Его вышнюю сокровищницу для выкупа за душу. Какая чудная мысль, для каждаго Израильтянина, знать, что цѣна его примиренія уже въ сокровищницѣ Божіей.

Воистину, во Христѣ мы видимъ совершенное исполненіе этого прообраза. Онъ былъ и есть истинная жертва возношенія; Онъ также былъ поднятъ и вознесенъ отъ земли, сперва, правда, на крестѣ, чтобы пролить кровь Свою для „искупленія многихъ“, но, затѣмъ, Онъ былъ поднятъ и вознесенъ въ „большую и совершеннѣйшую

нерукотворенную скинію“, въ самое небо, чтобы предстать и остаться предъ Богомъ. Какъ должно осчастливить и радовать насъ блаженное сознаніе того, что и наша цѣна выкупа находится уже тамъ, предъ Богомъ: Онъ вполнѣ удовлетворенъ, и мы спасены.

Посмотримъ, однако, на что именно употреблялось это серебро въ скиніи собранія.

Прежде всего мы находимъ, что оно было лучшимъ украшеніемъ столбовъ двора, которые поддерживали бѣлыя завѣсы. „Возьми серебро выкупа отъ сыновъ Израилевыхъ и употребляй его на служеніе скиніи собранія; и будетъ это для сыновъ Израилевыхъ въ память предъ Господомъ“ (Исх. 30, 16). Таково было общее повеленіе, а о ближайшемъ назначеніи было сказано: „Крючки у столбовъ и связи на нихъ изъ серебра“ (Исх. 27, 10). Подъ этимъ, собственно, подразумѣвались серебрянные крючки и серебрянные же прутья, которые были протянуты отъ одного столба до другого. Блестящіе, бѣлые, красивые, они достойнымъ образомъ соотвѣтствовали бѣлымъ виссоннымъ завѣсамъ, носителями которыхъ они, собственно, и были. Входявшій въ ворота Израильтянинъ, поднимая глаза свои, видѣлъ свое серебро выкупа на верху столбовъ, онъ видѣлъ, какъ тѣсно оно было связано съ его праведностью, прообразомъ которой были завѣсы изъ бѣлаго виссона; онъ видѣлъ, что одно сдѣлалось носителемъ другого.

Не то же ли случается и съ каждымъ чадомъ Божіимъ? Не видитъ ли и оно, прежде всего, свое примиреніе, которое оно имѣетъ во Христѣ, какъ одну изъ лучшихъ драгоценностей, украшающихъ его, и не бросается ли это сокровище ему въ глаза первымъ? Въ какой тѣсной связи стоитъ передъ нимъ примирительная смерть Господня и праведность, облекающая его, которая одна имѣетъ цѣну предъ Богомъ! Чадо Божіе знаетъ, что не существуетъ такой праведности, въ которой оно могло бы устоять предъ Іеговой, еслибъ Господь не „отдалъ души Своей для искупленія многихъ“. Но лишь только оно вѣрою поднимаетъ свой взоръ ко кресту и слышитъ изъ устъ своего Икупителя возгласъ: „Совершилось“! оно знаетъ, что всѣ счеты сведены, долговое обязательство разорвано, долга уже бо-

лѣе нѣтъ. Тогда предъ нимъ начинается раскрываться загадка, глубокая тайна, какимъ образомъ, несмотря на Свое правосудіе, Богъ можетъ счесть оправданнымъ нечестиваго, увѣровавшаго во Христа. Какъ отрадно у него на душѣ, оно имѣетъ полный покой, истинный миръ, потому что знаетъ, что **Богъ** удовлетворенъ, **Онъ** сполна получилъ цѣну выкупа. Для того, чтобъ Израиль всегда видѣлъ это серебро, всегда имѣлъ его передъ глазами, Господь повелѣлъ помѣстить его на самомъ видномъ мѣстѣ. Безъ сомнѣнія это—дивный намекъ для тебя и для меня. Итакъ, да покоится непрестанно нашъ взоръ на драгоцѣнной дѣйствительности нашего примиренія съ Богомъ, дабы мы могли пребывать въ безмятежномъ мирѣ!

Другое употребленіе серебра выкупа было таково, что изъ него вылили подножія для брусевъ святилища. Такъ мы читаемъ въ Исх. 38, 27: „Сто талантовъ серебра употреблено на вылитіе подножій святилища и подножій у завѣсы; сто подножій изъ ста талантовъ, по таланту на подножіе“. Если вошедшій во дворъ Израильтянинъ шелъ дальше, внимательно вглядываясь, то онъ скоро дѣлалъ открытіе, что вся скинія собранія покоилась на серебрѣ; это серебро выкупа, выплаченное ими, составляло ея основаніе, или ея фундаментъ.

Какая чудная, драгоцѣнная мысль, если мы примемъ во вниманіе, что святилище, какъ мы и дальше еще увидимъ, являлось прообразомъ не только Христа, но и Его Церкви, о которой многократно говорится въ Писаніи, что она **составляетъ одно съ Нимъ**; она — „Его тѣло, полнота Наполняющаго все во всемъ“. Здѣсь мы видимъ ее покоящуюся на удовлетвореніи Христовомъ, на Его великомъ искупленіи. Здѣсь Онъ и все Его дѣло—тотъ избранный, испытанный и драгоцѣнный краеугольный камень, на которомъ покоится все зданіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ всего этого вытекаетъ, что только искупленные и спасенные могутъ принадлежать къ церкви Его,—и никто болѣе. Правда, здѣсь на землѣ къ внѣшнимъ рядамъ чадъ Божіихъ могутъ причислиться и такіе, которые еще не получили части въ Его искупленіи посредствомъ крови Христовой; но знайте, они тогда все-

таки не включены Богомъ въ Его славное, вѣчное строеніе, имъ недостаетъ серебрянаго подножія, которое каждый долженъ имѣть **лично для себя**, точно такъ, какъ въ skinii собранія всякій брусъ подъ всякимъ шипомъ имѣлъ фундаментомъ свой талантъ драгоцѣннаго серебра.

Затѣмъ, если мы вспомнимъ, что вхожденіе и предстояние предъ Господомъ во святилищѣ, какъ брусъ, которые, стоя въ немъ, его составляли, обозначали вступленіе въ освященіе и служеніе Господу, какъ мы это видѣли раньше, то мнѣ кажется, что это драгоцѣнное серебряное основаніе какъ бы **взываетъ** ко всякому, на немъ покоющемуся: „Христосъ за всѣхъ умеръ, чтобы живущіе **уже не для себя жили**, но для умершаго за нихъ и воскресшаго“ (2 Кор. 5, 15); и они какъ бы говорятъ намъ, чтобы намъ „по избавленіи отъ руки враговъ нашихъ, служить Ему въ святости и правдѣ предъ Нимъ, во всѣ дни жизни нашей“ (Лук. 1, 74. 75).

Будемъ же и мы, братія мои, всякій разъ, когда мы въ духѣ вступаемъ предъ Богомъ въ Его святилище, искать глазами драгоцѣнное серебро Его искупленія; но намъ слѣдуетъ не только искать его глазами и смотрѣть на него, — мы должны на немъ покоиться, чтобы оно, во всякое время, могло служить намъ утѣшеніемъ, радостью и поощреніемъ къ новой, безусловной отдачѣ Господу. Васъ же, не знающихъ еще, каково ваше положеніе предъ Богомъ, васъ я желалъ бы умолять: ухватитесь за Христа Распятаго, да содѣлается Онъ вашей цѣной выкупа; принесите Его въ сокровищницу Божию за себя и будьте увѣрены, что отвѣтъ Его будетъ: „Да, чадо, Онъ достаточенъ; иди съ миромъ“! Да совершитъ Онъ сіе ради имени Своего! Аминь.

---

7. Святилище — его брусъя.

- Исх. 26, 15. „И сдѣлай брусъя для скиніи изъ дерева
16. ситтимъ, чтобы они стояли. Длинною въ десять локтей брусъ, и полтора локтя
  17. каждому брусу ширина. У`каждаго бруса по два шипа, одинъ протівъ другого: такъ
  18. сдѣлай у всѣхъ брусевъ скиніи. Такъ сдѣлай брусъя для скиніи: двадцать брусевъ для полуденной стороны къ югу.
  19. И подъ двадцать брусевъ сдѣлай сорокъ серебряныхъ подножій; два подножія подъ одинъ брусъ для двухъ шиповъ его, и два подножія подъ другой брусъ для двухъ
  20. шиповъ его. И двадцать брусевъ для дру-
  21. гой стороны скиніи къ сѣверу. И для нихъ сорокъ подножій серебряныхъ: два
  22. подножія подъ одинъ брусъ, и два подножія подъ другой брусъ. Для задней же стороны скиніи къ западу сдѣлай шесть
  23. брусевъ. И два бруса сдѣлай для угловъ
  24. скиніи на заднюю сторону. Они должны быть соединены внизу и соединены вверху къ одному кольцу: такъ должно быть съ ними обоими; для обоихъ угловъ пусть
  25. они будутъ. И такъ будетъ восемь брусевъ, и для нихъ серебряныхъ подножій шестнадцать: два подножія подъ одинъ брусъ и два подножія подъ другой брусъ.
  26. И сдѣлай шесты изъ дерева ситтимъ, пять для брусевъ одной стороны скиніи.
  27. и пять шестовъ для брусевъ другой стороны скиніи, и пять шестовъ для брусевъ задней стороны, сзади скиніи, къ западу.
  28. А внутренній шестъ будетъ проходить по срединѣ брусевъ отъ одного конца до дру-
  29. гого. Брусъя же обложи золотомъ и кольца, для вкладыванія шестовъ, сдѣлай изъ зо-
  30. лота, и шесты обложи золотомъ. И поставь скинію по образцу, который показанъ тебѣ на горѣ.

Мы только что рассматривали дворъ скиніи и заключающіеся въ немъ предметы, получивъ въ нихъ нѣкоторые драгоценные намеки на тѣни будущихъ благъ, давно уже принадлежащихъ намъ, по своему существу, во Христѣ Іисусѣ. Хорошо, если бы каждый изъ насъ въ отдѣльности продолжалъ самъ изслѣдовать эти предметы и не откладывалъ бы ихъ въ сторону, когда кончается наша бесѣда, потому что въ только что початыхъ золотыхъ розсыпяхъ содержатся еще богатые сокровища, которыя открываются тому, кто, подобно Даніилу, „расположилъ сердце свое, чтобы достигнуть разумѣнія“. Мы же, продолжая наше изученіе, подходимъ сегодня къ жилищу Божію, именно къ самой скиніи собранія.

Наружный видъ скиніи и все ея внѣшнее устройство не имѣли въ себѣ ничего привлекательнаго. Это, во всякомъ случаѣ, не была искусная постройка изящной архитектуры, могущая приковывать къ себѣ глаза; нѣтъ, даже нельзя было сказать, чтобы что-либо въ ней преслѣдовало эту цѣль. Въ ней не было ничего, что не указывало бы исключительно на Господа и Его чудный планъ искупленія; каждый отдѣльный предметъ, точно такъ же какъ и все вмѣстѣ, имѣло отношеніе только къ этому.

Если смотрѣли на скинію снаружи, тогда видѣли только ящикъ необыкновенно большихъ размѣровъ, именно въ 30 локтей длиною, въ 12 локтей шириною и 10 вышиною. Если мы измѣряемъ локоть приблизительно въ 1½ фута, то мы очень скоро можемъ представить себѣ его настоящую величину. Снаружи этотъ ящикъ былъ совершенно покрытъ различными распростертыми надъ нимъ покрывалами и внутри раздѣлялся большой завѣсой на двѣ части. Передняя часть заключала въ себѣ двѣ трети всего пространства и называлась святилищемъ, между тѣмъ какъ остальная треть составляла Святое-святыхъ. Въ слѣдующихъ нашихъ бесѣдахъ мы будемъ рассматривать преимущественно первую часть, т. е. святилище. Сегодня же займемся прежде всего

брусьями святилища.

Остановимся, сначала, на матеріалѣ, изъ котораго они были изготовлены. Подобно всѣмъ остальнымъ деревяннымъ принадлежностямъ скинии собранія, они были сдѣланы изъ уже извѣстнаго намъ дерева ситтимъ. При разсмотрѣніи мѣднаго жертвенника мы ближе познакомились съ его качествами, указывавшими, какъ мы видѣли, на человѣческую природу Христа. Мы не намѣрены здѣсь повторяться и снова приводить предъ вами это объясненіе, но хотимъ только напомнить, что дерево ситтимъ во всемъ зданіи скинии имѣло вездѣ одинаковое значеніе.

Здѣсь, однако, мы встрѣчаемъ эти брусья изъ дерева ситтимъ въ связи съ совершенно другимъ металломъ, нежели въ мѣдномъ жертвенникѣ. Тамъ все было покрыто мѣдью, здѣсь же все, и внутри и снаружи, было обложено золотомъ; каждый брусъ во всемъ жилищѣ Божіемъ былъ какъ бы въ него одѣтъ. Конечно, золото должно имѣть совершенно другое значеніе, чѣмъ мѣдь: это ясно. Золото представляетъ собой самый чистый, самый благородный, прекраснѣйшій, совершеннѣйшій и драгоцѣннѣйшій металлъ. Блескъ его превосходитъ блескъ всѣхъ, металловъ, оставляя ихъ далеко позади. Поэтому оно не только—символъ свѣта и чистоты, но, прежде всего, величія и славы; это, такъ сказать, божественный, небесный металлъ, и здѣсь, какъ и во всей скинии, онъ обозначаетъ **божескую природу Христа**. Христосъ, **Богочеловѣкъ**, виденъ намъ здѣсь въ каждомъ золотомъ или деревянномъ, отдѣланномъ золотомъ, предметѣ. Онъ здѣсь уже—не Христосъ страдающій, Котораго мы встрѣчали на дворѣ и въ Которомъ очень мало были замѣтны признаки Его божественности. Тамъ мы видѣли, что Онъ „уничжилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ челоѣкамъ и по виду ставъ, какъ челоѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной“ (Фил. 2, 7. 8); здѣсь мы видимъ Его, какъ Того, Кого „Богъ превознесъ и далъ Ему имя выше всякаго имени“ (Фил. 2, 9). Онъ стоитъ здѣсь предъ нами, прославленный Отцомъ славою, которую Онъ имѣлъ у Него прежде бытія міра, какъ божественно величественный Князь міра и Спаситель, какимъ мы узнали Его послѣ Его воскресенія, Который именно чрезъ это

Свое „воскресенье изъ мертвыхъ открылся Сыномъ Божиимъ въ силѣ“ (Рим. 1, 4).

Таково значеніе скиніи собранія, или жилища Божія, когда мы разсматриваемъ ее какъ одно цѣлое. Разсматривая же ея отдѣльные предметы, мы найдемъ, что все, принимаемое здѣсь ко Христу, имѣетъ примѣненіе и къ принадлежащимъ Ему чадамъ, которые съ Нимъ —одно въ Его смерти, воскресеніи и прославленіи. Все это относится и къ Его Церкви, прообразомъ которой служили эти брусья. Объ отдѣльныхъ же членахъ этой Церкви Господней сказано то же, что могло бы быть сказано объ отношеніи этихъ брусьевъ ко святилищу, что нѣкогда они были „далеко“, были внѣ, въ мирѣ и грѣхѣ, но „стали близки кровію Христовою“ (Еф. 2, 13), такъ что теперь они „уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу, бывъ утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя Самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ“ (Еф. 2, 19. 20). Они соединены съ Богомъ, подобно тому, какъ эти брусья были соединены съ облакавшимъ ихъ золотомъ; они, по словамъ Писанія, „содѣлались причастниками Божескаго естества“ (2 Пет. 1, 4). Самъ Христосъ есть **превознесенная глава** Своей Церкви, которая представлена Богомъ, во многихъ мѣстахъ Писанія, какъ **„тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ“** (Еф. 1, 22. 23), каждый же въ отдѣльности есть „членъ тѣла Его, **отъ плоти Его и отъ костей Его**“ (Еф. 5, 30). Да, такъ близко и такъ тѣсно соединены они съ Нимъ, что **они въ Немъ, и Онъ въ нихъ** (Іоан. 14, 20) и даже **„одинъ духъ съ Господомъ“** (1 Кор. 6, 17). Во всемъ этомъ мы еще больше убѣдимся въ послѣдствіи, разсматривая въ этомъ свѣтѣ брусья скиніи собранія.

Замѣчательно, что, хотя одиночныхъ брусьевъ было много, они, соединенные вмѣстѣ, составляли одно чудное зданіе Божіе. Въ текстѣ мы читаемъ, что 20 брусьевъ должны были входить въ составъ стѣны, обращенной къ сѣверу, 20 брусьевъ—въ составъ стѣны, обращенной къ югу, и 8—въ составъ стѣны, обращенной къ западу; такимъ образомъ, всего брусьевъ было 48. Каждый изъ этихъ брусьевъ, въ отдѣльности, имѣлъ одинаковую съ прочими брусьями длину,

одинаковую ширину и одинаковое съ ними достоинство; всѣ же вмѣстѣ они составляли одно нераздѣльное цѣлое, а именно, жилище Іеговы. И не слѣдуетъ забывать, что не только брусья святилища, но и брусья Святого-святыхъ составляли одно зданіе.

Въ этомъ, несомнѣнно, скрыта особенно драгоцѣнная мысль по отношенію къ Церкви Христовой. И она состоитъ изъ **многихъ отдѣльныхъ душъ**, какъ говоритъ слово Божіе, „**великое множество людей**“, котораго никто не могъ перечестъ изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ и народовъ и языковъ“ (Откр. 7, 9); она состоитъ изъ милліоновъ, уже умершихъ во Христѣ, изъ милліоновъ, живущихъ на землѣ въ настоящее время, и изъ тѣхъ милліоновъ, которые еще придутъ ко Христу. Хотя теперь разлученные временемъ и пространствомъ, хотя исповѣданіе или названіе раздѣляетъ ихъ, они всѣ составляютъ одно великое цѣлое, а именно храмъ Бога, Господа нашего. Да наступитъ скорѣе время, когда они всѣ признаютъ эту неопровержимую, созданную Самимъ Господомъ, истину!

Что же касается положенія и достоинства людей, то всѣ они имѣютъ одинаковое положеніе и то же самое достоинство въ Господѣ. Тутъ одинъ не больше и другой не меньше, одинъ не выше и другой не ниже, такъ какъ одна и та же цѣна была заплачена Христомъ за cadaго изъ нихъ. Одна Глава, отъ которой зависятъ всѣ они; одинъ у нихъ Учитель, руководящій ими всѣми, Христосъ; и, по Его собственному распредѣленію, они всѣ между собою братья. Ни національность, ни образованіе, ни положеніе въ жизни не могутъ сдѣлать разницы предъ Богомъ, какъ написано: „Нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, Скиѳа, раба, свободнаго, но все и во всемъ Христосъ“ (Кол. 3, 11). Что же удивительнаго, если въ глазахъ Божіихъ, а также и въ глазахъ дѣтской вѣры, принимающей слово Божіе такъ, какъ даетъ его Богъ, соединеніе всѣхъ этихъ, стоящихъ во Христѣ, дѣтей Божіихъ—такъ тѣсно, что не существуетъ раздѣленія даже между Церковью Божіей, находящейся здѣсь на землѣ, и Церковью, уже взятой на небеса, подобно тому, какъ святилище и Святое-святыхъ составляли одно цѣлое, раздѣляясь только

одной тонкой завѣсой, но которая разодралась со смертью Господа. Да, дорогіе мои братія, и насъ отдѣляетъ лишь одно тонкое покрывало отъ небснаго Святого-святыхъ и нашихъ братьевъ, находящихся тамъ; чистое око вѣры и теперь уже можетъ взирать туда и вкушать небесную радость вмѣстѣ съ душами, находящимися уже позади завѣсы, потому что оно принимаетъ за дѣйствительность то, о чемъ свидѣтельствуетъ Духъ Святой, говоря: „Вы приступили къ горѣ Сіону и ко граду Бога живого, къ небесному Іерусалиму и тѣмамъ Ангеловъ, къ торжествующему собору и Церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ Судіи всѣхъ Богу, и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства“ (Евр. 12, 22. 23). Плотское око не можетъ видѣть этого, и нашъ разумъ не можетъ понять, но это такъ: камни, находящіеся здѣсь внизу, и уже вполне готовые тамъ вверху, образуютъ одинъ великій и чудный храмъ Господень.

Другое еще обстоятельство также ясно свидѣтельствуетъ, что брусья эти указываютъ на Церковь Христову, — именно ихъ основаніе, на которомъ они были воздвигнуты. Мы видѣли уже изъ предыдущаго изслѣдованія, что эти брусья стояли въ скиніи собранія не на собственной, природной почвѣ; отъ своей природной почвы они были однажды отрублены топоромъ и затѣмъ поставлены на новое основаніе. Вамъ уже извѣстно это основаніе: это было серебро выкупа, на которомъ крѣпко и безопасно покоились брусья.

Нѣчто подобное произошло и съ каждымъ отдѣльнымъ истиннымъ членомъ великой Церкви Божіей. Нѣкогда каждый изъ нихъ былъ по природѣ грѣшникъ и стоялъ на почвѣ смерти и гибели, это была опасная почва. Каждый изъ нихъ представлялъ изъ себя вѣтвь дикой маслины, у корня которой уже лежала сѣкира, такъ какъ ей надлежало быть срубленной и брошенной въ огонь и — о ужасъ! — въ огонь вѣчный. Но тогда Богъ явилъ имъ Того, Кто однажды, вмѣсто нихъ, вошелъ въ этотъ огонь и былъ имъ уничтоженъ. Они видѣли, какъ Онъ принялъ на Себя возмездіе за ихъ грѣхъ и вкусилъ за нихъ смерть, чтобы они освободились. Живой вѣрой ухватились они тогда за Него и Имъ совершенное дѣло, только въ этомъ видя свое спасе-

ніе; и Господь вмѣнилъ имъ вѣру въ праведность. Основываясь такъ на Его страданіяхъ и смерти, на почвѣ Его славныхъ заслугъ, они освободились отъ своего собственнаго грѣховнаго основанія. Тамъ стоятъ они теперь на серебряномъ фундаментѣ вѣчнаго искупленія Христова, зачисленные въ ряды тѣхъ, чья хвалебная пѣснь звучитъ: „Ты кровію Своею искупилъ насъ Богу“.

Дорогіе друзья мои, всѣ ли вы стоите на этой почвѣ? Имѣете ли вы подъ ногами основаніемъ камень, о которомъ Давидъ могъ сказать по отношенію къ Господу: Онъ **утвердилъ** стопы мои? То основаніе, которое стоитъ непоколебимо, если даже небо и земля прейдутъ? Я вовсе не спрашиваю: знаете ли вы что-либо объ этомъ основаніи? Вы всѣ безъ исключенія знаете о дорогой цѣнѣ выкупа Христова; но знать еще не значитъ имѣть; это еще не опора и то упованіе, которыя необходимы для вашего спасенія. Къ сожалѣнію, многіе простое знаніе считаютъ приобрѣтеніемъ и потому воображаютъ себѣ, что они уже стоятъ на непоколебимомъ серебряномъ основаніи примиренія кровію Господа. О, дорогія души, не идите, обольщая себя, на встрѣчу гибели, отъ которой нѣтъ возврата!

Новый свѣтъ проливаетъ на этотъ предметъ также и взаимное отношеніе этихъ брусевъ. Они стояли и сіяли другъ на друга тѣмъ блескомъ, который исходилъ изъ золота, покрывавшаго ихъ; это было чудно и прекрасно; но они должны были существовать другъ для друга еще и въ другомъ, гораздо болѣе славномъ смыслѣ. Они должны были укрѣплять и поддерживать другъ друга. Упираясь обоими шипами своего нижняго конца въ серебряное подножіе, они съ обѣихъ сторонъ плотно и тѣсно прилегали своими краями одинъ къ другому. Снаружи каждый такой брусъ имѣлъ свои пять золотыхъ колецъ, чрезъ которыя съ одного конца скиніи до другого было продѣто пять пестовъ, крѣпко связывавшихъ ихъ другъ съ другомъ; и именно этой тѣсной связью они поддерживали другъ друга въ **стоячемъ положеніи**. Безъ этой тѣсной связи между ними, безъ этой взаимной поддержки, и самое жилище Божіе не могло бы быть выстроено.

Вотъ, возлюбленные, одна изъ причинъ, почему Господь

оставляетъ Свою Церковь здѣсь на землѣ: чтобы они, т. е. отдѣльные члены ея, поддерживали другъ друга въ божественномъ помышленіи,[†] направленномъ исключительно къ горнему (Кол. 3, 1). Чтобы, какъ говоритъ апостолъ, „**святые совершались** на дѣло служенія, для **созиданія тѣла Христова**, доколѣ **всѣ придемъ** въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова“ (Еф. 4, 12. 13). Это пребываніе вмѣстѣ, эта поддержка другъ друга такъ же необходимы, какъ необходимо держаться Его, великой и превознесенной Главы, „отъ которой **все тѣло, составами и связями будучи соединяемо и скрѣпляемо, растетъ** возрастомъ Божиимъ“ (Кол. 2, 19).

Таковъ ли и вашъ взглядъ, братія мои, что вы для того существуете въ домѣ Господнемъ, чтобы каждый изъ васъ носилъ бремена другого, поддерживалъ, ободрялъ и увѣщевалъ его, пока еще продолжается день? А если таковъ вашъ взглядъ, такъ ли между вами ежедневно на практикѣ? Даете ли вы слову Христову вселяться въ васъ обильно? Научаете ли и вразумляете ли вы другъ друга псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, встрѣчаясь и сходясь вмѣстѣ? Помощники ли вы другъ другу на славномъ пути вѣчной жизни?

Долженъ ли я напомнить вамъ о драгоцѣнныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ узахъ, соединяющихъ васъ для такой славной цѣли? Дѣло, конечно, не въ общемъ наименованіи, подъ которымъ вы значитесь, не въ общемъ мѣстѣ, куда вы имѣете обыкновеніе собираться, не въ общей церковной книгѣ, въ которую вы, можетъ быть, вписаны: нѣтъ, нѣтъ, это были бы жалкія узы; но тѣ узы, которыя васъ связываютъ, можно выразить немногими словами: „**все и во всемъ Христосъ**“. Апостолъ перечисляетъ эти тѣсныя узы такъ: „Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ нашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ“ (Еф. 4, 4 — 6). Существуютъ ли узы тѣсныя тѣхъ, которыя созданы Самимъ Богомъ и которыми Онъ Самъ хочетъ сдѣлаться? О, еслибъ теперь вы и любили другъ друга такъ, какъ васъ любитъ Пребывающій въ васъ, и никто не искалъ бы своего, но

каждый пользы другого! Силой Его и любовью, данными Господомъ, вы это можете. Если эта сила васъ наполняетъ, и вы живой вѣрой почерпаете эту любовь, то, безъ сомнѣнія, ваше общеніе другъ съ другомъ станетъ все тѣснѣе, все крѣпче и будетъ общеніемъ съ Отцомъ и Сыномъ Его, Іисусомъ Христомъ, чрезъ Духа Святого.

Вернемся, однако, къ скинии собранія и бросимъ еще одинъ взглядъ на общую цѣль, для которой служили здѣсь эти вызолоченные брусья изъ дерева ситтимъ. Цѣль эта была многообразна и въ высшей степени поучительна.

Въ своей тѣсной связи между собою, они были хранителями тайнъ Божіихъ здѣсь, на землѣ. Эти вызолоченные брусья заключали въ себѣ драгоцѣнные и таинственные предметы, видѣть которые приходилось не всякому, и еще гораздо меньшее число людей понимало ихъ значеніе. Внутри стѣнъ, образованныхъ ими, находился золотой жертвенникъ, съ котораго восходили къ Господу благовонныя куренія; тутъ стоялъ золотой свѣтильникъ, озарявшій своимъ семикратнымъ свѣтомъ всю внутренность; здѣсь же находился и столъ, съ золотымъ вѣнцомъ вокругъ, со своими двѣнадцатью хлѣбами предложенія, выложенными предъ Господомъ и составлявшими пищу тѣхъ, которые выполняли здѣсь служеніе; даже святой ковчегъ завѣта, олицетвореніе святости, праведности, а также безграничной благодати Божіей, помѣщался здѣсь. Это были, какъ говорилъ апостолъ Евреямъ, „образы небеснаго“ (Евр. 9, 23), но всѣ они пріютились внутри этихъ стѣнъ и здѣсь ими охранялись.

Какъ живо все это указываетъ на Церковь Господню. Когда идетъ рѣчь о тайнѣ Христовой и Его неизслѣдимомъ богатствѣ, которыя не были возвѣщены въ прежнія времена сынамъ человѣческимъ, нынѣ же открыты святымъ апостоламъ Его и пророкамъ, то Св. Писаніе ставитъ ихъ всегда въ тѣсную связь съ Церковью Господней. Ей возвѣщена, открыта эта чудная тайна: предъ ней раскрылось это неизслѣдимое богатство, сдѣлавшись ея достояніемъ, да, только чрезъ нее „содѣлалась извѣстною начальствамъ и властямъ на небесахъ многообразная премудрость Божія“ (См. Еф. 3, 4—10 и Кол. 1, 24—27). Но и для этого міра

она является какъ бы хранительницей и стражемъ всѣхъ небесныхъ благъ во Христѣ Иисусѣ; только въ ней одной можно найти ихъ; она носитъ ихъ въ средѣ своей, какъ чудное сокровище, невидимое и непостигнутое міромъ. Поэтому то онъ часто недоумѣваетъ и не можетъ понять, откуда тотъ огонь, та жизнь и сила, тотъ свѣтъ и то блаженство, которые, хотя и каплями, но все-таки время отъ времени доходятъ до него. Міру вѣдь неизвѣстно, что посреди Церкви горитъ жертвенникъ, никогда не угасающій, огонь котораго непрерывно поддерживается великимъ Первосвященникомъ, никогда не перестающимъ полагать на него Свои благовонныя куренія; такъ что ко всякому, принадлежащему къ Его народу, можно отнести слова:

„Хотя молчать уста,
„Но молится душа,
„И мысли непрестанно
„Восходятъ въ небеса“.

Міръ ничего не знаетъ и о пищѣ, дающей жизнь, и о хлѣбѣ, спешемъ съ небесъ и непрестанно здѣсь вкушаемъ; ничего не знаетъ о ярко сіяющемъ свѣтѣ, освѣщающемъ всякую ночь, дѣлающемъ всякое чадо Божіе разумнѣе всѣхъ учителей его. И какъ много еще другихъ благъ, которыми владѣетъ и пользуется Церковь Божія, но которыя невѣдомы міру. О, да сохраняетъ ихъ народъ Божій и да пользуется ими такъ, чтобы изъ него исходили силы ихъ, могущія побѣдить міръ и привести его къ ногамъ Иисуса.

Другая цѣль этихъ позолоченныхъ брусевъ изъ дерева ситтимъ была: **образовать жилище Божіе здѣсь на землѣ**. Это зданіе носило названіе скиніи собранія, жилища Божія. Богъ ясно сказалъ, что именно на этомъ мѣстѣ Онъ будетъ присутствовать, отсюда будетъ свидѣтельствовать имъ и говорить съ ними; и даже будетъ обитать во Святомъ-святыхъ. И какъ Онъ сказалъ, такъ и случилось, потому что, лишь только скинія была воздвигнута, то, какъ мы читаемъ въ концѣ книги Исхода, тотчасъ же „облако покрыло скинію собранія, и слава Господня наполнила скинію“; и съ этой минуты Онъ обиталъ здѣсь, потому что съ этихъ поръ всѣ послѣдующія откровенія Божіи Моисею и

его преемникамъ исходили изъ этого мѣста, какъ это видно изъ перваго стиха книги Левитъ, гдѣ сказано: „И воззвалъ Господь къ Моисею и сказалъ ему изъ скинии собранія“.

Но это водвореніе Бога все же было только тѣнью будущихъ благъ, тѣмъ не менѣе указывавшею на нѣчто такое, что должно было осуществиться, сдѣлаться воистину дѣйствительностью, потому что „Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ“ (Дѣян. 17, 24). Но гдѣ же, спрашиваемъ мы, живетъ Онъ? Пусть же Онъ Самъ скажетъ это, чтобы мы это навѣрно знали. Существуетъ, возлюбленные, только два мѣста, гдѣ Онъ обитаетъ: „Ибо такъ говоритъ Высокій и Превознесенный, вѣчно Живущій,—Святой имя Его: Я живу на **высотѣ и во святилищѣ** и также **съ сокрушенными и смиренными духомъ**, чтобы оживлять духъ смиренныхъ и оживлять сердца сокрушенныхъ“ (Ис. 57, 15). Такимъ образомъ, жилище Его, съ одной стороны, находится въ той славѣ, гдѣ Онъ живетъ въ неприступномъ свѣтѣ и куда приблизиться никто не можетъ, а, съ другой стороны, въ каждой отдѣльной душѣ, въ которой Ему данъ просторъ, и гдѣ все остальное, все, что не Онъ, разбито, сокрушено и уничтожено. И изъ этихъ отдѣльныхъ душъ состоитъ жилище Господне, Его чудный храмъ на землѣ, какъ Богъ говоритъ: „**Вы храмъ Бога живого** (не „должны быть“ храмомъ), какъ сказалъ Богъ: вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ; и буду ихъ Богомъ, и они будутъ Моимъ народомъ“ (2 Кор. 6, 16). И въ другомъ мѣстѣ: „Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, **тамъ Я посреди ихъ**“ (Матѣ. 18, 20). Въ Еф. 2, 21. 22 онѣ называются **зданіемъ**, „которое, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святой храмъ въ Господѣ и въ жилище Божіе Духомъ“. Итакъ не трудно указать мѣсто пребыванія Господа здѣсь на землѣ: тамъ, гдѣ есть душа, омытая Имъ, искупленная Имъ, тамъ, гдѣ ихъ нѣсколько или много или даже только двѣ или три, нашедшія въ Немъ праведность и силу, тамъ пребываетъ и Господь, тамъ обитаетъ Высокій и Превознесенный. Напрасно вы бы искали Его въ другомъ мѣстѣ,—какъ бы велико и прекрасно ни было помѣщеніе, какое бы великое множество людей ни

собралось, съ какой торжественностью и съ какимъ великолѣпемъ ни совершалось богослуженіе,—если это люди, не очищенные кровью Христовой и не облагодатствованные въ Возлюбленномъ, то относительно Господа можно сказать: „Его нѣтъ здѣсь, — что вы ищете живого между мертвыми“?

Наконецъ, тѣ брусья изъ дерева ситтимъ были еще предназначены **быть носителями чудныхъ покрываль, распростертыхъ надъ ними.** Покрытые чистымъ блестящимъ золотомъ, они сами по себѣ были прекрасны, но ихъ назначеніе состояло не въ томъ, чтобы выставлять себя на видъ, но чтобы обнаруживать великолѣпіе покрываль, которыя вполнѣ закрывали ихъ. Распростертая на брусьяхъ, они поддерживались на такой высотѣ, что были видны черезъ дворъ даже изъ самаго стана. Въ этихъ же покрывалахъ мы видимъ многостороннія, чудныя красоты Христа, Его великолѣпіе и славу, высоту и величіе Его, проявились ли они въ Его униженіи или открываются ли они въ Его прославленіи.

Такъ надлежитъ и Церкви Христовой быть носительницей чудныхъ совершенствъ Христовыхъ; на ней должно быть видно, каковъ Онъ. Въ ней долженъ изобразиться Христосъ (Гал. 4, 19). Но что же такое изображеніе? Это, конечно, нѣчто осязательное, нѣчто, имѣющее дѣйствительное очертаніе, нѣчто видимое; такъ должно отражаться Христу во всѣхъ членахъ Его. Они для того и сдѣланы членами Его, чтобы „возвѣщать совершенства Призвавшаго ихъ изъ тмы въ чудный Свой свѣтъ“ (1 Пет. 2, 9). И какъ **каждый** брусъ скинии собранія выполнялъ **одну и ту же** цѣль, такъ надлежитъ и **каждому** чадю Божію являть Христа, высоко вознося Его.

Да, братія мои, не только для васъ и для тѣснаго круга, въ которомъ вы находитесь, надо вамъ высоко вознести Іисуса, но и въ станъ, въ окружающій васъ міръ вы должны нести Христа. Кто же другой сдѣлаетъ это, если не вы? Не знающіе его не въ состояніи этого сдѣлать, они дали бы о Немъ превратное понятіе, и многіе упали бы вмѣстѣ съ ними въ яму. О васъ же Онъ сказалъ: „Этотъ народъ Я образовалъ для Себя, онъ будетъ возвѣщать

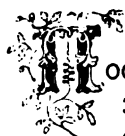
славу Мою“ (Ис. 43, 21). Каждый изъ васъ есть памятникъ Его милости. Да свѣтитъ же каждый изъ васъ этому міру такъ, чтобы онъ подъ глубокимъ впечатлѣніемъ являемаго вами Христа воскликнулъ бы и засвидѣтельствовалъ: „Господь совершилъ надъ вами великое“! Аминь.

---

8. Священные цвѣта.

- Исх. 25, 3. „Вотъ приношенія, которыя вы должны
4. принимать отъ нихъ... Шерсть голубую,
пурпуровую и червленую, и виссонъ“.
26, 1. „Скинію же сдѣлай изъ десяти покрываль
крученаго виссона, и изъ голубой, пурпу-
ровой и червленной шерсти“.
28, 6. „И сдѣлають ефодъ изъ золота, изъ голу-
бой, пурпуровой и червленной шерсти, и изъ
крученаго виссона“.

Послѣ того, какъ намъ въ прошлой бесѣдѣ открылось значеніе брусевъ скиніи, и мы видѣли, какъ ихъ постановкой устроились стѣны ея, было бы очень удобно приступить къ разсмотрѣнію покрываль, которыми было покрыто жилище Іеговы, и которыя, собственно, довершали его. Но тамъ мы встрѣтились снова съ различными цвѣтами святилища; и снова передъ нами выступила необходимость сначала заняться ими, чтобы, затѣмъ, легче уяснить себѣ значеніе вышеуказанныхъ тканей. При этомъ свѣтъ приобрѣтають большую цѣну не только эти покрывала и завѣсы, но и всѣ остальные предметы, въ которыхъ они намъ встрѣтятся.

Что эти цвѣта не случайно попали въ священные предметы, но, скорѣе, имѣли особенно важное значеніе въ глазахъ Божіихъ, этому будетъ вѣрить, безъ всякаго довода, каждый серьезный, вѣрующій въ Библію христіанинъ, потому что онъ знаетъ, что Св. Писаніе „изрекали (и такъ и писали) святыя Божіи человеки, будучи движимы Духомъ Святымъ“, Который во всякомъ постановленіи, во всякомъ словѣ открываетъ намъ чудные планы и предназначенія Божіи. Но уже и то обстоятельство, что эти цвѣта намъ встрѣчаются всюду во святилищѣ, должно показывать намъ ихъ важность и привлекать къ себѣ наше вниманіе. Куда

бы мы ни обратили нашъ взглядъ, вездѣ онъ упадетъ непременно на нихъ. Мы видѣли ихъ на воротахъ двора, на двери святилища, на завѣсѣ Святого-святыхъ и снова ихъ увидимъ на облакающихъ skinю покрывалахъ; не отсутствуютъ они даже и въ священныхъ одеждахъ Первосвященника; вездѣ голубой, пурпуровый, червлёный и бѣлый цвѣтъ, искусно сотканные въ миловидномъ сочетаніи, представляются внимательному взгляду наблюдателя. По точному вычисленію, эти цвѣта повторяются въ Пятикнижии Моисея въ одномъ и томъ же порядкѣ 24 раза. Да будетъ же Господу угодно показать намъ ихъ значеніе по благоволенію Его. Впереди всѣхъ

СВЯЩЕННЫХЪ ЦВѢТОВЪ

стоитъ, какъ мы видимъ, **голубой цвѣтъ**. За очень немногими исключеніями, этотъ цвѣтъ всегда занимаетъ первое мѣсто въ перечисленіи вышеозначенныхъ четырехъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ, онъ является первымъ по порядку; Богъ далъ ему первое мѣсто. Самъ по себѣ онъ едва ли былъ бы въ состояніи бросаться въ глаза наблюдателю, такъ какъ оба красные цвѣта далеко его превосходили въ этомъ отношеніи; во всякомъ случаѣ ткани эти казались скорѣе красными, нежели голубыми. Богъ, однако, далъ ему предпочтеніе, заставляя другіе цвѣта обыкновенно слѣдовать за нимъ. Цвѣтъ же этотъ— цвѣтъ неба и всего небснаго. Вѣдь онъ простирается по всему небосклону въ безконечное пространство. Съ какой точки земли ни поднѣлъ бы человѣкъ глаза свои и не поглядѣлъ бы на небо, всюду встрѣчается ему этотъ мягкій, милый голубой цвѣтъ.

И вотъ, мы находимъ этотъ голубой цвѣтъ во многихъ прообразахъ небснаго, которые имѣютъ осуществленіе во Христѣ Иисусѣ. Это очень живо указываетъ намъ на **небсннй характеръ Христа Иисуса**. Онъ былъ ниспосланный къ намъ съ небесъ Искупитель. На землѣ не было для насъ спасителя; Ему надлежало придти къ намъ изъ иного Царства: Онъ долженъ былъ для насъ сойти съ неба; вотъ первый важный урокъ, который Господь хотѣлъ намъ дать и глубоко запечатлѣть въ поставленіи голубого цвѣта впереди всѣхъ цвѣтовъ. Мы знаемъ, что Онъ былъ человѣкъ,

дѣйствительно человѣкъ, по виду ничѣмъ не отличавшійся отъ человѣка, и вошедшій во всѣ человѣческія положенія и обстоятельства, кромѣ грѣха; и при всемъ томъ Онъ былъ все-таки совершенно инымъ человѣкомъ, нежели мы, потому что Онъ не былъ, подобно намъ, прахомъ изъ праха и землей изъ земли, но былъ, какъ назвалъ Его апостоль Павелъ „Господь съ неба“ (1 Кор. 15, 47). Онъ **только** „**посѣтилъ** насъ по благоутробному милосердію Бога нашего“, и посѣтилъ насъ, какъ „**Востокъ свыше**“, чтобы „просвѣтитъ сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной, направить ноги наши на путь мира“ (Лук. 1, 78. 79). Итакъ, Онъ былъ здѣсь на землѣ небеснымъ пришельцемъ съ небесной цѣлью, пришельцемъ постоянно сознающимъ это свое положеніе и странствующимъ сообразно ему. Ни на мгновеніе не забывалъ Онъ, откуда Онъ исшелъ, гдѣ находился и куда шелъ. Самыя серьезныя и самыя важныя бесѣды, поглощавшія всю Его душу, не отстраняли никогда отъ Него этого сознанія. Посмотрите на Него, какъ, въ ту столь благословенную для Никодима ночь, Онъ свидѣтельствуемъ ему, откуда Онъ исшелъ и гдѣ Онъ пребываетъ, говоря ему: „Никто не восходилъ на небо, какъ только **сшедшій съ небесъ** Сынъ человѣческій, **сущій на небесахъ**“ (Іоан. 3, 13). И Іудеямъ онъ открыто высказалъ это: „Вы отъ нижнихъ. Я отъ вышнихъ; вы отъ міра сего, Я не отъ сего міра“ (Іоан. 8, 23). И какъ Самъ Онъ не былъ отъ міра, то и всѣ мысли, слова и дѣла Его были небесныя, какъ свидѣтельствуемъ о Немъ Іоаннъ Креститель: „**Приходящій свыше** и есть выше всѣхъ; а сущій отъ земли земной и есть и говоритъ, какъ сущій отъ земли; **приходящій съ небесъ** есть выше всѣхъ. И что **Онъ видѣлъ и слышалъ. о томъ и свидѣтельствуемъ**“ (Іоан. 3, 31. 32). Во время своего пребыванія здѣсь, на землѣ, Онъ пріобрѣталъ для неба: Онъ пришелъ установить Царство небесное на землѣ, вернулся назадъ на небеса и, наконецъ, придетъ еще разъ съ неба, взять къ Себѣ Своихъ, чтобы и они были тамъ, гдѣ Онъ.

Этотъ небесный Его характеръ обнаруживался тотчасъ же предъ наблюдателемъ съ искреннимъ сердцемъ и открытымъ окомъ. Пока Наѳанаиль не узналъ Іисуса ближе, онъ могъ спросить: „Изъ Назарета можетъ ли быть

что доброе"? Но дайте ему подойти ближе, дайте ему взглянуть на Него настоящимъ взглядомъ, и онъ долженъ будетъ воскликнуть: „Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ!“ И слѣдующій опытъ, который онъ отнынѣ будетъ приобрѣтаетъ въ общеніи съ Нимъ, по словамъ Самого Господа, будетъ таковъ, что онъ увидитъ „отнынѣ небо отверстымъ и Ангеловъ Божиихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну человѣческому“ (Іоан. 1, 49. 51).

Тотъ же опытъ повторяется еще до сегодняшняго дня. Пока душа остается Ему чужой и далекой, она не видитъ въ Немъ ничего небеснаго. Иисусъ для нея все то, что дѣлаютъ изъ Него люди. Онъ для нея „Іоаннъ Креститель, Іилія, Іеремія или одинъ изъ пророковъ“, или, при переводѣ на нашъ современный языкъ, великій, благочестивый мужъ, Котораго надо почитать и передъ Которымъ надо преклоняться— и больше ничего; но если душа дѣйствительно придетъ въ соприкосновеніе съ Нимъ, Духъ Божій открываетъ ей глаза и если она вступитъ въ святое общеніе съ Нимъ, какъ тамъ Нааанаилъ, то съ этого времени она не видитъ ничего, кромѣ славы, кромѣ самаго неба. Ей приходится только удивляться, какъ могла она быть такой слѣпой и не видѣть всего этого раньше.

Если голубой цвѣтъ, съ одной стороны, показываетъ небесный характеръ Христа, то, по отношенію къ намъ, онъ показываетъ Христову любовь, благодать и милосердіе. Нѣкто отозвался однажды объ этомъ цвѣтѣ такъ: „Онъ привлекаетъ глазъ, не ослѣпляя его, и прилагательное „милый“ можно прибавить къ нему съ полнымъ правомъ“. Независимо отъ того, правильно ли и вѣрно ли это сужденіе,—ясно, что сошествіе съ неба нашего Господа является намъ не что иное, какъ любовь Его и любовь Отца къ намъ. „Ибо“, свидѣтельствуютъ уста Сшедшаго къ намъ съ небесъ, **„такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“** (Іоан. 3, 16). Да, Богъ есть любовь, но мы не познали бы Его, какъ любовь, безъ отдачи Сына Его, потому что Онъ въ Своей Собственной личности пришелъ открыть и показать намъ Отца. Мы никогда не узнали бы, какъ сердце Отца настроено отно-

сительно насъ, еслибъ Онъ не пришелъ къ намъ съ неба; Его пришествіе свидѣтельствовало о любви Его и о любви Отца, и, когда Онъ былъ у насъ, Онъ доказалъ намъ ее, выставляя ее во всѣхъ Своихъ дѣйствіяхъ. „Бога не видѣлъ никто никогда“, такъ свидѣтельствуемъ Онъ Самъ, „Единородный Сынъ“, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, Онъ явилъ“ (Іоан. 1, 18). И въ другомъ мѣстѣ: „Видѣвшій Меня видѣлъ Отца“ (Іоан. 14, 9). И можемъ ли мы сказать, что что-либо другое, кромѣ любви, самой чистой, божественной любви, можно было видѣть въ чудныхъ поступкахъ Сына? Она была нераздѣльно связана съ Нимъ, что была, собственно, Его природой, и, если Отца называютъ любовью, то только чрезъ Него, Кто далъ неопровержимыя доказательства этой любви.

И теперь, когда вы видите гдѣ-либо въ скиніи собранія этотъ милый цвѣтъ, вспоминайте о синевѣ небесной во всей ея безпредѣльности и неизмѣримомъ пространствѣ, говорящей намъ о широтѣ, и долготѣ, и высотѣ, и глубинѣ спешей съ небесъ любви, любви, превосходящей всякое разумніе.

Перейдемъ теперь къ слѣдующему цвѣту—**багряному, или пурпуровому**. Какъ голубой цвѣтъ составляетъ особенный цвѣтъ неба, такъ багряный, или пурпуровый является характернымъ цвѣтомъ земного великолѣпія. Почти всѣ царства міра сего искали въ немъ выраженія своей славы и величія. Таковъ былъ обычай въ старину и отчасти онъ удержался и до нашего времени. Даже слово Божіе употребляетъ его, какъ символъ человѣческой царственной власти. Напримѣръ, въ Откровеніи Іоанна въ этотъ цвѣтъ облеченъ звѣрь съ десятью рогами, о которомъ намъ ясно сказано, что это будетъ господствующая на землѣ власть до второго пришествія Христа; точно такъ же сатана, великій похититель власти, который и звѣрю дастъ власть, названъ на священномъ языкѣ „краснымъ дракономъ“ не потому, чтобы въ этомъ цвѣтѣ было что-либо злое, но потому, что зло здѣсь присвоило себѣ **величіе и господство**. Сатана, духъ злобы, похитилъ то, что должно принадлежать Христу; вотъ, что показываетъ намъ здѣсь Богъ. Далѣе, мы читаемъ, что, желая въ насмѣшку представить

Господа нашего, какъ земного царя, Его облекли въ багряницу, вложивъ Ему въ руку трость, вмѣсто скипетра, и этимъ издѣваясь надъ Его царскимъ достоинствомъ. Этихъ примѣровъ, думаю, вполне достаточно, чтобы убѣдить насъ, что багряный, или пурпуровый цвѣтъ обозначаетъ царское величіе.

Пурпуровый цвѣтъ, гдѣ бы онъ ни встрѣчался въ богослуженіи левитовъ, возвѣщаетъ намъ Христа, какъ **Царя земли** И, безъ сомнѣнія, если Богъ Своимъ искупленіемъ, посланнымъ въ міръ во Христа, создалъ новое твореніе, то никто, **кромя Него**, не можетъ быть его главой и царемъ. Человѣкъ, вѣнецъ творенія, получилъ, какъ царь его, широкое, божественное полномочіе: „**Наполняйте землю и обладайте ею и владычествуйте** надъ рыбами морскими и надъ птицами небесными, и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимся по землѣ“ (Быт. 1, 28). Сотворенный по образу и подобию Божію и вооруженный этимъ полномочіемъ, онъ былъ представитель Іеговы здѣсь на землѣ; но какъ скоро онъ потерялъ чрезъ грѣхъ свой царскій престолъ и свое царственное достоинство, какъ скоро онъ, **повелитель**, попалъ въ узы и подданство сатаны и, вмѣсто того, чтобы господствовать, самъ былъ подчиненъ господству, сталъ жалкимъ рабомъ сатаны и всѣхъ его похотей. Освободиться самому было для него навѣки невозможно, его престолъ былъ для него безвозвратно потерянъ. Но, благодареніе Богу, тогда пришелъ второй Адамъ, „Господь съ неба“, „Наслѣдникъ всего“ (Евр. 1, 2), „Сильнѣйшій“, и, напавъ на домъ сильнаго, т. е. діавола, отнялъ у него имущество, имъ противозаконно присвоенное, потому что, какъ говоритъ Писаніе, Онъ пришелъ, чтобы стереть главу змѣю и „разрушить дѣла діавола“. Сатана зналъ и съ ужасомъ чувствовалъ, что дѣло шло объ уничтоженіи его владычества; отсюда этотъ трепетъ и этотъ вопль страха бѣсноватыхъ, говорившихъ его языкомъ: „Пришелъ Ты сюда прежде времени мучить насъ“ (Матѣ. 8, 29), они знали, что Онъ былъ Сынъ, Наслѣдникъ. И потому что сатана зналъ, что въ концѣ концовъ въ руку Іисуса отдана будетъ всякая власть на небѣ и на землѣ и что всѣ царства міра сего должны будутъ принадлежать Богу и Христу,

т. е. Помазаннику Его, онъ и сдѣлалъ въ пустынѣ отчаянную попытку, хитростью покорить Его себѣ, показывая Ему въ одно мгновеніе ока всѣ царства міра сего и дѣлая Ему богохульное предложеніе: „Все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ“. Но,—слава Ему!—всякое искушеніе разбивалось этимъ вторымъ Адамомъ; Онъ преодолѣлъ. Онъ остался побѣдителемъ.

Будучи заранѣе предназначеннымъ царемъ земли, таковымъ былъ Онъ и по своему рожденію, потому что, какъ Онъ былъ Сыномъ Давида, такъ былъ и Господомъ его. Онъ былъ рожденный царь Израиля, и для того, чтобъ быть имъ, Онъ пришелъ въ этотъ міръ, и даже въ самый страшный часъ Своей жизни и Своихъ страданій, когда человѣческій глазъ не могъ открытъ никакихъ слѣдовъ Его царскаго достоинства, Онъ не побоялся засвидѣтельствовать передъ Понтіемъ Пилатомъ, что Онъ Царь. Первосвященникамъ же и старѣйшинамъ Своего народа Онъ сказалъ: „Вы узрите Сына человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“ (Марк. 14, 62). Богъ не приминулъ возвѣстить эту чудную дѣйствительность всему міру, когда, въ минуту Его самаго глубокаго униженія, Онъ, сопричисленный къ злодѣямъ, висѣлъ между двумя разбойниками на крестѣ, давъ надписать надъ Его головой на трехъ языкахъ того времени, религіозномъ, научномъ и государственномъ, т. е. еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ: Іисусъ Назорей, Царь Іудейскій (Іоан. 19, 19). Никакіе протесты Его враждебнаго народа противъ этой надписи тутъ не помогли; они, которые легко могли достигнуть всякой неправды у трусливаго судьи Господня, должны были въ отношеніи этой надписи, казавшейся имъ почти невыносимымъ позоромъ, принять непреклонный, рѣшительный отвѣтъ: „Что я написалъ, то написалъ“.

Итакъ, эта земля не признала въ Немъ избраннаго Богомъ Царя, она оттолкнула Его отъ себя: люди „не хотѣли, чтобъ Онъ царствовалъ надъ ними“, какъ они этого не хотятъ еще и теперь, потому что и до сихъ поръ Онъ отверженъ большинствомъ; но опредѣленіе Божіе остается непоколебимо: Какъ ни мятутся народы и ни замышляютъ тщетное племена, какъ бы ни возставали цари, и сколько бы

ни совѣщались князья земли вмѣстѣ противъ Господа и противъ помазанника Его, какъ бы ни силились они расторгнуть ихъ узы и свергнуть съ себя ихъ оковы,—Живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ; Его опредѣленіе таково: „Я помазалъ Царя **Моего** надъ Сіономъ, святою горою **Моею**“ (Пс. 2, 1—6). Да, этому Царю Его все-таки дана всякая власть на небѣ и на землѣ, и только согласно Его плану должны дѣйствовать всѣ владыки и цари земные, какъ бы враждебно они ни относились къ Нему, „потому что Богъ положилъ имъ на сердце исполнить волю Его, исполнить одну волю“ (Откр. 17, 17).

Въ то время, какъ одни служатъ Ему, противъ своей воли выполняя Его планъ, мы видимъ въ наши дни малочисленный народъ, который добровольно подчинился Ему, и добровольно приноситъ Ему жертвы въ святомъ благолѣпіи; разсѣянный по всей землѣ, среди всѣхъ народовъ, племенъ и языковъ, онъ ежедневно возрастаетъ числомъ, пока не сдѣлается великимъ множествомъ, котораго никто не можегъ перечестъ. Они смотрятъ на Него съ наслажденіемъ, какъ на своего Царя. И скоро придетъ время, когда „преклонится всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ будетъ исповѣдывать, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца“ (Фил. 2, 10. 11). И мнѣ кажется, будто я уже вижу Его въ духѣ, грядущаго на облакахъ небесныхъ, и **много** діадимъ на челѣ Его, потому что всѣ царства міра принадлежатъ Ему: мнѣ кажется, что я читаю написанныя на одеждѣ и бедрѣ Его слова: „Царь царей и Господь господствующихъ“ (Откр. 19, 16), потому что „Онъ сокрушилъ голову въ землѣ обширной“ (Пс. 109, 6); я вижу, какъ Онъ занимаетъ „престолъ Давида, что владычество Его умножается и нѣтъ предѣла миру Его“. Блаженное время, заставляющее насъ воскликнуть: „Аминь: Ей, гряди, Господи Іисусе!“

Но, дорогіе друзья, раньше, чѣмъ продолжать нашу бесѣду, позвольте васъ спросить: всѣ ли вы Его подданные, Его ли вы подданные въ настоящую минуту? Дѣйствительно ли вы принадлежите къ народу Его? Стоите ли вы душой и тѣломъ на Его сторонѣ? Здѣсь нѣтъ никакой нейтральной почвы. Не будемъ обманывать себя: или мы

Христовы или принадлежимъ врагу; подданные Одного или другого, потому что рѣшающее слово Христа въ этомъ отношеніи таково: „Кто не со мною, тотъ противъ Меня“.

„О присягните же Ему предъ знаменемъ креста,
„Какъ подданные, воины Христа!“

Но перейдемъ теперь къ третьему цвѣту, т. е. червленому. Этотъ цвѣтъ цвѣтъ крови и имѣетъ отношеніе ко Христу, „пострадавшему за насъ во плоти“ (1 Пет. 4, 1). Безъ смерти „Господа съ неба“, „второго Адама“, Царя земли, не оказалось бы никого, принадлежащаго къ сѣмени Его, никого, могущаго воити въ славу; теперь же черезъ смерть Его принадлежащіе Ему **освободились** отъ **вѣчной смерти**; только смертію Своею явилъ **Онъ жизнь и нетлѣніе**, потому что, „какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ“ (1 Кор. 15, 22). Наслѣдство, оставленное намъ первымъ Адамомъ,—смерть, достигшая всѣхъ людей; наслѣдство же, даруемое намъ Христомъ, заключается въ вѣчной жизни. приобрѣтенной смертію Его.

Когда Онъ ходилъ нѣкогда на землѣ, Онъ былъ единственнымъ пшеничнымъ зерномъ совершенно новаго, небеснаго сѣмени, полнымъ небесной, вѣчной жизни, тогда какъ окружавшіе Его плевелы были полны смерти; еслибъ это пшеничное зерно не упало въ землю и не умерло, то оно осталось бы **навѣки одно**, какъ это Онъ Самъ сказалъ намъ. Но, благодареніе Богу, оно умерло и принесло много плода! — Неправда ли, вы знаете эту чудную притчу, которая, какъ никакая другая, указываетъ путь, которымъ черезъ Его смерть жизнь вѣчная, Его собственная жизнь, сдѣлалась нашимъ достояніемъ. Извѣстно, что пшеничное зерно, какъ и всякое другое сѣмя, если оно хочетъ передать жизнь своему, происходящему отъ него, сѣмени, т. е. другимъ пшеничнымъ зернамъ, должно впередъ умереть и отдать свою жизнь, чтобы она, какъ бы черезъ воскресеніе, перешла въ эти его сѣмена: другого пути не существуетъ. Такимъ образомъ оно умножается и не остается одно; то же было и со Христомъ, пришедшимъ къ намъ съ небесъ, какъ сказано: „Когда душа Его принесетъ жертву умилоствленія, Онъ узритъ потомство долго-вѣчное“ (Ис. 53, 10). Почти девятнадцать столѣтій протекло

съ того потрясшаго весь міръ событія, когда Сынъ Божій пошелъ на смерть, и наши очи видятъ до сегодняшняго дня, какъ появляются все новыя пшеничныя зерна; плоды не прекращаются, и снопами собирается великая жатва. О, если бы мы всѣ вошли въ составъ этихъ сноповъ!

Да, возлюбленные, этотъ червленый цвѣтъ въ чудной ткани искупительнаго плана Божія сіяетъ не меньшимъ блескомъ, нежели голубой и пурпуровый. Безъ смерти Господа и все прочее вѣдь было бы напрасно для насъ. Можетъ быть нашъ взглядъ съ удивленіемъ смотрѣлъ бы на **чудный голубой цвѣтъ** Его небесной природы и Его безконечной любви, сведшей Его къ намъ; со страхомъ и почтеніемъ смотрѣли бы мы на **пурпуровый цвѣтъ** Его прославленнаго величія, если бы мы видѣли, какъ все Ему покорено, даже и сами мы, хотя, быть можетъ, съ трепетомъ и вынужденно, склонили бы предъ Нимъ наши колѣна, и уста наши засвидѣтельствовали бы, что Онъ Господь во славу Бога Отца; но **во всемъ этомъ** не было бы для насъ ни спасенія, ни освобожденія, потому что лишь Своею „смертію лишилъ Онъ силы имѣющаго державу смерти, то есть діавола, и **избавилъ тѣхъ**, которые отъ страха смерти чрезъ всю жизнь были **подвержены рабству**“ (Евр. 2, 14. 15). Только чрезъ отдачу жизни Его было совершено „**искупленіе многихъ**“ (Мат. 20, 28), и только Его смертію **мы могли быть привлечены**: „И когда Я вознесенъ буду отъ земли“, говорилъ Онъ Самъ, „всѣхъ привлеку къ Себѣ. Сіе говорилъ Онъ, давая разумѣть, какою смертію Онъ умретъ“ (Іоан. 12, 32. 33). Да, какъ ни величественно, какъ ни превосходно, славно и чудно все, что въ Немъ есть, что могутъ открыть наши очи и очи всѣхъ людей, все-таки средоточіемъ нашего спасенія и того, что влечетъ и привлекаетъ наши сердца къ Нему и навѣки связываетъ съ Нимъ, это есть и всегда будетъ смерть Его, вершина Его любви. Стихотворецъ сказалъ правду, воспѣвая:

„Не славныя царства Твои привлекаютъ,
„Великое сердце, къ Тебѣ всѣ сердца,—
„Но здѣсь, въ свое время, явленіе святое
„И путь Твой земной, полный скорби, труда“.

И правъ этотъ же пѣснопѣвецъ, говоря далѣе:

„Когда предъ нами Тотъ, Кто насъ спасаетъ
 „И, умирая, Свою кровь Онъ льетъ,
 „Когда прообразъ намъ Его являетъ,
 „То наше сердце счастливо, душа живетъ“.

Намъ остается только остановиться еще у послѣдняго бѣлаго цвѣта. Онъ уже встрѣчался въ завѣсахъ двора и тогда мы узнали его, какъ невинность и праведность Господа. Мы видимъ въ немъ также и нашу праведность, которую, какъ говоритъ апостолъ, мы получаемъ „даромъ по благодати Его“, облекшись во Христа. Вотъ этотъ бѣлый цвѣтъ обыкновенно ставится послѣднимъ, какъ это сдѣлали и мы, остановившись на немъ послѣ только что нами разсмотрѣннаго червленаго цвѣта крови. Что касается нашего отношенія къ нему, то мы находимъ, что это самое вѣрное мѣсто для него, потому что наша праведность можетъ быть только плодомъ смерти Господа. Сперва „Богъ незнавшаго грѣха сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ“, потомъ только „мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ“ (2 Кор. 5, 21). Что же касается его отношенія ко Христу, то мы должны сознаться, что онъ, по своему значенію, составляетъ **основаніе и заключеніе**, альфу и омегу красоты и славы нашего Господа. Уже въ самыхъ тканяхъ лежитъ этотъ намекъ, потому что мы не должны забывать, что всѣ эти разноцвѣтныя, чудныя матеріи изъ виссона первоначально были совершенно бѣлыя и только впослѣдствіи имъ были приданы эти многозначительные цвѣта. Такъ же и бѣлый цвѣтъ праведности, святости и непорочности Христа есть то основаніе, на которомъ всѣ другія красоты и совершенства Его получили свое полное достоинство. Онъ вѣдь не могъ бы сдѣлаться „Сшедшимъ съ небесъ“, какимъ Его изображаетъ голубой цвѣтъ, еслибъ Онъ не былъ неповиннымъ и праведнымъ; не могъ бы Онъ получить и престолъ владычества Своего, какъ свидѣтельствуется багряный, или пурпуровый цвѣтъ, еслибъ въ Немъ былъ хоть одинъ недостатокъ: и кровь Его не могла бы быть цѣной выкупа для меня и тебя, какъ это явствуетъ изъ червленаго цвѣта, еслибъ Ему пришлось искупать Свой собственный грѣхъ. Итакъ, мы видимъ, что бѣлый цвѣтъ Его праведности представляетъ

основной тонъ чуднаго сочетанія всѣхъ Его совершенныхъ качествъ и всего Его существа.

Взглянемъ, наконецъ, на чудную тѣсную связь, соединяющую всѣ эти цвѣта вмѣстѣ, и, замѣчая, какъ они были сотканы въ одно въ покрывалахъ, завѣсахъ, ефодѣ и поясѣ, мы видимъ въ нихъ **Христа, „Чуднаго“**, какъ названъ Онъ еще въ Вѣтхомъ Завѣтѣ. И не должна ли Его прославленная личность возбуждать въ насъ изумленіе, когда мы взираемъ на Него во свѣтѣ этихъ цвѣтовъ, и видимъ соединенными въ Немъ небо и землю, Бога и человѣка, высшую славу и глубочайшее униженіе, даже время и вѣчность: когда мы видимъ въ Немъ единственнаго Праведника и какъ Онъ есть и остается праведнымъ, оправдывая грѣшника и нечестиваго; какъ Онъ, „будучи сіяніе славы и образъ вѣчности Бога и держа все словомъ силы. Своей, совершилъ въ то же время очищеніе грѣховъ нашихъ **Самимъ Собою**“? Да, въ изумленіи и благоговѣніи повергаемся мы къ Его ногамъ, присоединяясь къ славословію праведниковъ, достигшихъ совершенства: „Достоинъ Агнецъ закланный принять силу, и богатство, и премудрость, и крѣпость, и честь, и славу, и державу во вѣки вѣковъ. Аминь“ (Откр. 5, 12. 13).

---

9. Покрышки изъ синихъ (барсучьихъ) и бараньихъ кожъ.

Исх. 26, 14. „И сдѣлай покрыву для покрова изъ кожъ бараньихъ красныхъ, и еще покровъ верхній изъ кожъ синихъ“.

Навѣрно мы еще не забыли нашей предпоследней бесѣды, гдѣ мы рассматривали роскошную постройку изъ дерева ситтимъ, а также привлекательный блестящій ея видъ, который она должна была имѣть, покрытая снаружи и внутри чистымъ золотомъ. Но эти вызолоченныя стѣны не стояли видимыя каждому взгляду, какъ, можетъ быть, многіе думаютъ, и какъ мы представили ихъ въ нашей бесѣдѣ. Нѣтъ, напротивъ, вся skinія была такъ закрыта покрывалами и покрышками, что наружу не пробивался ни одинъ лучъ ея внутренняго блеска. Благодаря четыремъ покровамъ, она скрывала свою красу отъ всякаго, стоящаго внѣ. Два покрывала и двѣ покрышки окутывали ее со всѣхъ сторонъ. Покрывала состояли—одно изъ искусно вытканной виссонной ткани, а другое—изъ бѣлой козьей шерсти; покрышки же были сдѣланы изъ кожъ животныхъ.

Разсмотримъ немного поближе всѣ эти четыре покрова. Прежде всего и непосредственно на позолоченныхъ стѣнахъ изъ брусевъ дерева ситтимъ было распростерто покрывало съ изображеніями херувимовъ, искусныя вышивки котораго были видны внутри святилища. Составленное изъ десяти отдѣльныхъ широкихъ полотнищъ, оно закрывало обѣ длинныя боковыя стѣны, заднюю стѣну и, само собою разумѣется, образовывало потолокъ. Затѣмъ слѣдовало второе покрывало, именно покрывало изъ козьей шерсти, бывшее длиннѣе и шире перваго, и потому вполне закрывавшее

лежавшее подъ нимъ покрывало съ херувимами, такъ что снаружи отъ него ничего не было видно. На этихъ двухъ покрывалахъ лежали двѣ покрышки изъ кожъ. Въ приведенномъ нами мѣстѣ Св. Писанія подразумѣваются именно эти двѣ послѣднія, которыя мы думаемъ рассмотреть поближе; это были

покрышки изъ синихъ (барсучьихъ) и бараньихъ кожъ.

При нѣкоторомъ серьезномъ размышленіи, всякому освященному уму, я думаю, станетъ ясно, что два вышеупомянутыя покрывала, съ одной стороны, и двѣ разсматриваемыя нами покрышки, съ другой, изображаютъ двѣ различныя стороны одного и того же Христа. Въ то время, какъ первыя указываютъ на Его возвышеніе, послѣднія говорятъ объ униженіи Его, и такъ какъ оба рода этихъ покрововъ покоились на тѣхъ вызолоченныхъ брусьяхъ, представлявшихъ, какъ мы видѣли, Церковь Господню, ясно, что истины, которыя они возвѣщаютъ о Христѣ, имѣютъ примѣненіе и къ послѣдней.

Остановимся, прежде всего, на грубой покрышкѣ изъ барсучьихъ кожъ. (Въ русскомъ переводѣ онѣ названы просто „синими“). Она была самымъ верхнимъ и, слѣдовательно, снаружи видимымъ покровомъ; въ ней Христосъ является намъ въ Своемъ **внѣшнемъ видѣ, въ образѣ раба**. Представимъ себѣ, что какой-нибудь совершенно непосвященный человѣкъ невзначай увидѣлъ бы скинію, одѣтую этимъ грубымъ и невзрачнымъ синимъ покровомъ: могъ ли онъ предположить, хотя бы только приблизительно, какое высокое значеніе имѣетъ эта сѣровато-синяя хижина? Могъ ли онъ подозрѣвать, какое великолѣпіе, какая красота и какія глубокія тайны скрываются внутри ея,—что **это жилище Всевышняго?** Нѣтъ! Именно эта грубая покрышка изъ барсучьей кожи, казалось, должна была удалять подобныя мысли, и даже не позволять имъ возникнуть. Совершенно иначе и гораздо славнѣе представилъ бы онъ себѣ домъ, жилище Іеговы! Только ознакомленіе поближе, проникновеніе вглубь въ этотъ невзрачный ящикъ, а не голая поверхность его, дали бы желаемый свѣтъ непосвященному.

И если мы смотримъ на Христа въ Его униженіи и въ образѣ раба непросвѣщеннымъ окомъ, какое мы имѣемъ отъ природы, то не придемъ ли и мы къ такому же заключенію? Не приходятъ ли миллионы къ такому результату еще и въ наши дни? Возлюбленные, необращенный и по сейчасъ не находитъ ничего особеннаго въ Немъ; онъ только можетъ удивляться, что другіе видятъ въ Немъ такъ много и такъ Имъ заняты; онъ, съ своей стороны, проходитъ мимо Него холодно и равнодушно, не испытывая къ Нему ни малѣйшаго влеченія; и слово пророка о Христѣ остается въ полной силѣ, какъ для **единичнаго лица**, такъ и для **толпы**, какъ для **всѣхъ** временъ, такъ и для **всѣхъ** странъ свѣта и всѣхъ царствъ земныхъ, — для непосвященныхъ Онъ всегда Тотъ же „не имѣющій ни вида, ни величія“; „мы видѣли Его“, говорятъ они единогласно, „и не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему“. Итакъ, въ ихъ глазахъ Онъ человѣкъ, который не можетъ приобрести ни милости, ни благоволенія у людей. Но еще одной ступенью ниже изображаетъ Его пророкъ, говоря, что въ ихъ глазахъ „былъ обезображенъ паче всякаго человѣка ликъ Его, и видъ Его паче сыновъ человѣческихъ“. Тутъ они уже сдѣлали сравненіе, положили Его вмѣстѣ съ другими на вѣсы, и какой же получился результатъ? Сравненіе это было не въ Его пользу; Онъ оказался легче. Эта дѣйствительность, возлюбленные, часто глубоко возмущала мое сердце, потому что ежедневно можно слышать и видѣть, какъ многіе люди привлекаются гораздо сильнѣе сынами человѣческими, составившими себѣ хотя немного извѣстное имя въ этомъ мірѣ, чѣмъ Христомъ. Всякое слово, вышедшее изъ-подъ пера Шиллера или Гете, все, что пишутъ объ Александрѣ Великомъ и Наполеонѣ, что повѣствуетъ исторія о Платонѣ и Пифагорѣ, о древнихъ и современныхъ государственныхъ мужахъ и герояхъ, все это съ жадностью читается, поглощается, повторяется тысячи разъ, и всѣ эти мужи стоятъ предъ ними въ превосходномъ изображеніи, въ золотыхъ лаврахъ, они возвели ихъ на пьедесталы и въ благоговѣніи склоняютъ предъ ними свои колѣна; но Христосъ, да, Христосъ, Онъ стоитъ подъ кожанымъ покровомъ. И когда пророкъ вынужденъ

(чтобы болѣе ясно изобразить отношеніе нѣкоторыхъ къ Нему) еще сильнѣе сгустить краски этой картины, влагая имъ въ уста: „Мы отвращали отъ Него лицо свое; Онъ былъ презираемъ, и мы ни во что ставили Его“ (Ис. 53), то и это слово вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. У тысячей презрѣніе—часть Его и только потому, что другіе Его презираютъ; не хватаетъ мужества сказать одно слово въ Его пользу: Онъ этого не стоитъ! И, право, намъ не приходится идти далеко, чтобы своими собственными глазами убѣдиться въ этомъ, потому что нѣтъ города, гдѣ не нашлось бы большаго числа людей, **ставящихъ Его ни во что**. Да, Его видъ человѣка, и въ немъ образъ раба, и униженіе, на которые указываетъ та сѣровато-синяя покрывка, мѣшали тогда природному оку необращеннаго человѣка, мѣшаютъ и теперь видѣть въ Немъ Того, о Которомъ писали Моисей и Пророки,—Помазанника Божія. Онъ есть и остается для нихъ „Иисусомъ, сыномъ плотника Іосифа“, и ихъ бѣдное ослѣпленное око узнаетъ Его не раньше, чѣмъ Онъ явится въ облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою; развѣ только Отецъ въ милости благоволитъ открыть имъ блаженную тайну, озаривъ ихъ ослѣпленные очи; тогда Онъ сдѣлается и для нихъ Избраннымъ среди многихъ тысячъ. Дай Богъ, чтобы это послѣднее было участью всѣхъ насъ!

Если синяя (барсучья) покрывка являетъ Христа въ образѣ раба, то красная показываетъ Его во всей красѣ Его глубочайшихъ страданій. Онъ является въ ней Тѣмъ, Чье „одѣяніе красно“ и Чьи ризы, „какъ у топтавшаго въ точилѣ“ (Ис. 63, 2); но это не кровь другихъ, а Его собственная, которая такъ Его обагрила. Если мы идемъ за Нимъ по пути Его глубочайшаго униженія и по пути его страданій, то мы ежеминутно, шагъ за шагомъ, встрѣчаемъ Его въ этой красной покрывкѣ. Лишь только мы приближаемся къ Геѳсиманіи, какъ изъ глубины этого, навсегда памятнаго намъ сада, доносится до нашего слуха жалобный стонъ, который, какъ никакой другой, трогаетъ наше сердце. Мыдвигаемся впередъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и вотъ Нѣкто лежитъ предъ нами на землѣ; Онъ упалъ на лицо Свое, все покрытое потомъ; и какимъ потомъ? Тяжелыми красными каплями крови струится онъ по челу Его, стекая на хо-

лодную землю, прямо къ нашимъ ногамъ. Вставъ отсюда, Онъ спѣшитъ навстрѣчу ищущимъ Его, простирая къ нимъ Свои руки, чтобы этимъ сохранить Своихъ. „Если Меня ищите, оставьте ихъ, пусть идутъ“ (Іоан. 18, 8),—вотъ Его отражающій возгласъ ради учениковъ, которымъ Онъ выдаетъ Себя, какъ овца стригущимъ ее. Тѣ связываютъ Ему руки,—и вотъ Онъ уже стоитъ предъ верховнымъ судищемъ и на Гавваѣ, и здѣсь, да, здѣсь, два раза срываютъ съ Него одежду и терзаютъ Его святое тѣло римскимъ бичомъ, такъ что Онъ весь обливается кровью, и одежда Его обагряется ею. Хочешь ли ты видѣть Его въ красномъ покровѣ изъ бараньихъ кожъ? Вотъ здѣсь вѣрная картина!

Но, дорогіе друзья, это еще не все; прообразъ указываетъ еще на болѣе жестокія страданія, онъ указываетъ на **послѣдовавшую насильственную смерть**. Тѣ красныя кожи, какъ обыкновенно предполагаютъ, принадлежали овнамъ, принесеннымъ во всесоженіе Господу; итакъ, ихъ жребіемъ была смерть. Такъ и со Христомъ. Онъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою за насъ и, какъ мы всѣ знаемъ, Онъ сдѣлался ею, умирая самой постыдной смертью. Вы знаете смерть Его,—какъ онъ сдѣлался за насъ клятвою, чтобы искупить насъ отъ клятвы закона, какъ написано: „Проклятъ всякъ, висящій на древѣ“ (Гал. 3, 13). Да, тамъ на древѣ, куда Онъ вознесъ Самъ тѣломъ Своимъ грѣхи наши (1 Пет. 2, 24), тамъ сдѣлался Онъ истиннымъ **„мужемъ скорбей“** и **„извѣдалъ болѣзни“**; тамъ былъ Онъ **„изъявленъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши“**, тамъ было на Немъ **„наказаніе мира нашего, и ранами Его мы исцѣлились“**. И чрезъ какое страшное истязаніе прошелъ Онъ тамъ! Никакая картина не можетъ точнѣе представить Его, какъ та красная покрышка изъ кожъ овновъ. Я не удивляюсь, что въ этомъ образѣ Христосъ еще менѣе привлекателенъ для міра, чѣмъ въ синей покрышкѣ изъ барсучьихъ кожъ. Здѣсь именно Онъ для него камень преткновенія и соблазна, потому что міръ не знаетъ ни Его, ни любви, которая открывается сердцамъ нашимъ въ такомъ видѣ. Что же касается меня

и всѣхъ знающихъ Его, наше святое рѣшеніе высказалъ покойный рабъ Божій, воспѣвая Возлюбленнаго:

„Радостно сердце Тебя величаетъ,
 „Съ любовію мысль въ Тебѣ отдыхаетъ,
 „На древѣ распятый, святой „Мужъ скорбей“!
 „Для меня на землѣ Ты жизни дороже,
 „На небѣ же, въ вѣчности, вѣрю я, Боже,
 „Пребуду съ Тобой въ славѣ чудной Твоей“.

Разсматривая точнѣе, мы очень скоро найдемъ, что **эта грубая покрывка изъ синей барсучьей кожи и красная покрывка изъ бараньихъ кожъ были такъ же необходимы, какъ и роскошныя ковровыя украшенія подъ ними.** Уничженіе Господа нашего было столь же важно для Его славнаго дѣла искупленія, для славы Божіей и для спасенія всѣхъ насъ, какъ и Его прославленіе. Какъ могъ бы Онъ сдѣлаться Спасителемъ нашимъ безъ этого униженія? Какъ могъ бы Онъ сдѣлаться наслѣдникомъ, будучи Самъ Богомъ, Іеговой, Который все сотворилъ и **чрезъ Котораго** было сотворено все на небѣ и на землѣ? Вѣдь Ему же принадлежало все само по себѣ. Чтобы сдѣлаться наслѣдникомъ и имѣть Себѣ сонаслѣдниковъ, Онъ долженъ былъ снизойти со Своего положенія, встать въ зависимое отношеніе къ Отцу, совлечься, т. е. выступить изъ Своей божественности и Своего величія, потому что то, что Ему принадлежало **по природному праву,** могло быть предложено Ему въ униженномъ положеніи только **въ видѣ подарка или дара.** Объ этомъ говоритъ Господь, обращаясь къ Нему: „Проси у Меня, и дамъ народы въ наслѣдіе Тебѣ и предѣлы земли во владѣніе Тебѣ“ (Пс. 2, 8). На это состояніе Господь прямо указываетъ послѣ того, какъ говорилъ о Его послушаніи до смерти и даже до смерти крестной, продолжая: „**Посему** и Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца“ (Фил. 2, 9—11).

И какъ посредствомъ этого униженія достигъ Онъ Своего совершенства, какъ Икупителя, такъ изъ него истекаетъ и наше спасеніе и участіе въ наслѣдіи Его, какъ

это сказано въ Посланіи къ Евреямъ 5, 8. 9: „Хотя Онъ и Сынъ, однако страданіями навѣкъ послушанію и, совершившись, сдѣлался для всѣхъ послушныхъ Ему виновникомъ спасенія вѣчнаго“. Къ этому нашему спасенію сводилось все; сдѣлать насъ наслѣдниками и сонаслѣдниками, было цѣлью Его и, чтобы достичь этого, не было другой возможности, какъ сойти Ему въ „преисподнія мѣста земли“, „уподобившись во всемъ братіямъ“ (Евр. 2, 17), дабы „Ему, по благодати Божіей, вкусить смерть **за всѣхъ**“ (Евр. 2, 9). Только такъ удалилъ Онъ всѣ препятствія, находившіяся между нами и Богомъ, разрушилъ стоявшую посреди преграду и примирилъ насъ съ Нимъ; да, Онъ же вознесъ насъ и въ славу, которую Онъ имѣлъ у Отца прежде созданія міра. Послушайте, какъ чудныя слова „**со Христомъ**“, „**со Христомъ**“ возносятъ Его искупленныхъ со ступени на ступень все выше и выше, пока мы не видимъ ихъ съ Нимъ тамъ, гдѣ Онъ: „И насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, оживотворилъ **со Христомъ** (благодатію вы спасены), и воскресилъ съ Нимъ и посадилъ на небесахъ во Христъ Іисусъ“ (Еф. 2, 5. 6). И во 2 Кор. 8, 9 мы читаемъ: „Ибо вы знаете благодать Господа нашего Іисуса Христа, что Онъ, будучи богатъ, обнищалъ ради васъ, дабы вы обогатились Его нищетою“. Здѣсь Онъ показываетъ намъ чудную мѣну, какъ Онъ, будучи богатымъ, вошелъ въ нашу нищету, дабы мы, нищіе, могли войти въ Его богатство. Да будетъ слава Ему за эту неизрѣченную милость! Потому что не было другого пути къ нашему спасенію. Неправда ли, такимъ образомъ то, что міру кажется соблазномъ и камнемъ преткновенія во Христъ, что для него безуміе, есть „**сила Божія**“ и „**Божія премудрость**“ для всѣхъ вѣрующихъ. И они одинаково въ благоговѣніи повергаются предъ Нимъ во прахъ, стоитъ ли Онъ предъ ними облеченный синей покрышкой изъ барсучьихъ или красной изъ бараньихъ кожъ или же въ одеждѣ изъ драгоценныхъ и славныхъ покрываль-ковровъ, находившихся подъ ними. Онъ для нихъ одинаково великъ, Онъ для нихъ „весь любезность“ (Пѣс. Пѣс. 5, 16).

Обращаясь снова къ скиніи, намъ невольно приходитъ мысль, что эти кожаныя покрышки предназначены были, главнымъ образомъ, для ея защиты. Читая 4-ую гл. Чисель, мы нахо-

димъ, что всѣ сосуды святилища и Святого-святыхъ, когда укладывались въ путь, послѣ того, какъ были завернуты въ синее покрывало, закрывались еще сверху покрываломъ изъ барсучьихъ кожъ. Послѣднее, благодаря своей плотности и прочности, могло противостоять всякому внѣшнему разрушительному вліянію. Во время всего путешествія чрезъ пустыню, скинии приходилось выносить вѣтеръ и дождь, росу и солнечное сіяніе, бурю и непогоду; ясно, что при такихъ условіяхъ вся чудная постройка должна бы была вскорѣ сильно пострадать; но обѣ прочныя кожаныя покрывши предохраняли красивыя покрывала, вызолоченные брусья и всѣ другія священныя принадлежности отъ всякаго рода порчи и оскверненія.

И кто, возлюбленные, былъ столь выставленъ, какъ Онъ, всѣмъ нападкамъ и искушеніямъ, которыми такъ изобилуетъ міръ? Могъ бы Онъ устоять, еслибъ Онъ не избралъ отвергнуться Себя, идти по пути смиренія, пути стыда и презрѣнія? Да, Онъ избралъ даже путь страданія и, наконецъ, смерти, чтобы пребыть непоколебимо въ послушаніи и пройти мимо грѣха. Какъ тяжело должно было быть Ему, ходить въ покрывкѣ изъ синей барсучьей кожи и какъ ужасенъ былъ Ему покровъ изъ красныхъ бараньихъ кожъ, повѣдать намъ это могъ бы лишь Онъ Самъ; но Онъ носилъ ихъ добровольно, Онъ носилъ ихъ охотно, потому что въ нихъ Онъ оставался отдѣленнымъ отъ грѣшниковъ и превознесеннымъ выше небесъ.

Не соединилось ли все для того, чтобы довести Его до паденія? Сатана со своимъ ополченіемъ приступилъ къ Нему со всей хитростью и злобой, какую только можно выдумать; его сообщники и ихъ помощники среди сыновъ человѣческихъ ежедневно подстерегали Его; міръ приближался къ Нему со своими требованіями и угрозами, и даже тѣхъ, которые были ближайшіе Его, и пользовались Его любовью, Онъ долженъ былъ устранять отъ Себя съ ихъ предложеніями. Вспомните только Петра, какъ онъ разъ за разомъ хочетъ отклонить Его отъ крестнаго пути, и Господь только тѣснѣе прижимается къ красному кожаному покрову и скрывается въ немъ, говоря Петру: „Отойди отъ Меня, сатана, ты Мнѣ соблазнъ, потому что

думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое“ (Матѣ. 16, 23). И въ другой разъ: „Вложи мечъ въ ножны; неужели Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ“? (Іоан. 18, 11). Такъ устремлялись на Него стрѣлы одна за другою, но никогда ни одна не могла проникнуть въ невозмутимое внутреннее святилище Его сердца. Онъ остался неуязвленнымъ на всемъ пути Своего странствованія; все дошло до Него, но ничто не вошло въ Него. Ему пришлось перенести все бремя, весь гнетъ разразившихся надъ Нимъ бурь и испытать сильный ударъ раскаленныхъ стрѣлъ, но ихъ ядъ не коснулся Его. Сильные удары сдѣлались такъ жестоки, что, какъ мы уже видѣли, смерть объяла Его. Онъ могъ умереть, Онъ могъ отдать жизнь Свою, но не могъ отступить ни на волосъ отъ пути Отца Своего. Да, Онъ преодолѣлъ и побѣдилъ, отдавъ **Себя Самого** и пожертвовавъ **всѣмъ, что Онъ былъ и что имѣлъ**.

Существуетъ, однако, еще другое направленіе, на которое мы можемъ обратить наше вниманіе относительно этихъ истинъ Божіихъ: именно къ **Церкви Божіей здѣсь на землѣ**. Подобно Христу, мы находимъ ее, составляющую одно съ Нимъ, въ такомъ же образѣ раба во время странствованія ея по пустынь этого міра. Ту же синюю покрышку уничтоженія изъ барсучьихъ кожъ и образъ раба, и ту же красную покрышку страданій изъ бараньихъ кожъ носить она, вмѣстѣ со Христомъ, до сегодняшняго дня. Конечно, до глубины Его страданій и униженія она никогда не дошла и дойти не можетъ, но рѣчь ея звучитъ и должна такъ звучать: „Дщери Іерусалимскія! Черна я, но красива, какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣсы Соломоновы“ (Пѣс. Пѣс. 1, 4). Черна она, черна снаружи для взора природныхъ, еще никогда не открывшихся очей; презираема, какъ и Онъ, Возлюбленный ея сердца; попираема и отвержена такъ же, какъ и Святой Божій. Это не чернота грѣха, о которой она говоритъ здѣсь; нѣтъ, напротивъ, насмѣшки, презрѣніе и жаръ преслѣдованій преобразили ее такъ въ глазахъ этого міра; потому что, послушайте, какъ она выражается объ этомъ: „Не смотрите на меня, что я смугла; ибо солнце опалило меня“ (Пѣс. Пѣс. 1, 5). „Сама по себѣ“, хочетъ она сказать, „я совсѣмъ не такова, какъ вы меня

видите; нѣтъ, это внѣшнее вліяніе, независимое отъ меня самой, дало мнѣ этотъ мрачный отпечатокъ". Она осмѣлилась, она выступила открыто, и солнечный зной поражалъ ее. Еслибы она была подобна сѣмени, упавшему на мѣста каменистыя, она навѣрно „увяла и засохла бы“ (Матѣ. 13, 6. 21); но, теперь, солнце только было въ состояніи сдѣлать ее смуглой. И до какой же степени загорѣла она! По ея словамъ, „какъ шатры Кидарскіе“. Вѣроятно,—картина, очень похожая на покрывку изъ барсучьихъ кожъ. Шатры Кидарскіе были палатки Арабовъ, жившихъ въ пустынѣ того же имени; они были сдѣланы изъ шкуръ, по всей вѣроятности, верблюжьихъ, но вѣтеръ..дождь и нанесенный на нихъ песокъ пустыни обращали ихъ въ какой то неопредѣленный матеріалъ, такъ что нельзя было узнать ихъ первоначальнаго, настоящаго происхожденія. Это, возлюбленные, поистинѣ образъ, данный народу Божию міромъ, и такъ онъ и смотритъ на него. Да не тяготится же народъ Его этимъ видомъ и да не стремится онъ скорѣе облечься въ ризы свѣта: ему надлежитъ, до конца своего странствованія въ пустынѣ этого міра, носить, подобно превознесенной Главѣ своей, одежду изъ барсучьей и бараньей кожи; потому что, благодареніе Богу, онъ знаетъ о себѣ, что ему присущъ другой обликъ, который и есть настоящій. Невѣста въ Пѣсни Пѣсней описываетъ его такъ: „Но красива... какъ завѣсы Соломоновы“. Это представляетъ, неправда ли, совершенно другую сторону народа Божія, такъ чудно соотвѣтствующую нашимъ коврамъ-покрываламъ скиніи, находившимся подъ кожаными покрывами. Завѣсы Соломоновы принадлежали къ роскошнѣйшему украшенію этого царя Израильскаго; онѣ были тончайшая, искусно сработанная ткань самыхъ прелестныхъ цвѣтовъ и пріятнаго вида. Онѣ украшали внутренніе покои царя и служили, такимъ образомъ, его славы. И это, говоритъ Невѣста,—ея настоящій видъ. Но чье око видитъ ее таковую? Конечно, ужъ не око человѣка мірскаго, нѣтъ, у него нѣтъ его для этого, пока Господь не дастъ ему зрѣнія. И, кромѣ того, мы читаемъ въ Псалмѣ 44-мъ, что она выглядитъ такъ „внутри“, такъ что не призванный, стоящій внѣ, тотъ, чье око не можетъ проникнуть глубже, чѣмъ поверхность,

никогда не узрять Невѣсту Господню въ этомъ убранствѣ, онъ постоянно будетъ видѣть ее облеченною въ синюю покрышку изъ барсучьихъ или красную изъ бараньихъ кожъ. До сихъ поръ остается въ силѣ изреченіе ученика, котораго любилъ Господь: „Еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть“ (Іоан. 3, 2). До тѣхъ же поръ мы идемъ неузнанными въ синей кожаной покрышкѣ черезъ этотъ міръ.

Но что истинно относительно Христа и Его народа вообще, должно находить примѣненіе и къ каждому въ отдѣльности. Если я, если ты, если мы всѣ идемъ за Христомъ во все время нашего странствованія на землѣ, покровомъ нашимъ должна служить также одежда изъ синей барсучьей кожи, одежда смиренія и униженія, а. если надо, такъ и красная кожа овна, т. е. образъ страданія. Каждому изъ насъ надлежитъ идти путемъ униженія, радостно избрать его и, отвергшись себя, научиться отъ Того, Кто сказалъ о Себѣ: „Я кротокъ и смиренъ сердцемъ“ (Матѣ. 11, 29). Ахъ, нѣтъ, это не то, что такъ называемое христіанство поняло подъ этимъ, одѣвъ своихъ святыхъ въ монашескія одежды и вретища, не принимая при этомъ въ соображеніе, что подъ этимъ жалкимъ рубищемъ бились совершенно несокрушенныя и необращенныя сердца, которыя, исполненныя гордости, хвалились своимъ смиреніемъ. Подобный же видъ принимали на себя и ложные ветхозавѣтные пророки, ставшіеся подражать пророкамъ Божиимъ: въ сущности же, будучи волками въ овечьей шкурѣ, они приходили съ цѣлью совратить народъ. Нѣтъ, здѣсь долженъ быть предъ Богомъ сокровенный сердца человѣкъ, изъ котораго должно истекать смиреніе и хожденіе въ униженіи; оно должно истекать изъ новой твари, изъ жизни, сокрытой со Христомъ въ Богѣ, гдѣ не ищутъ того, что на землѣ, но помышляютъ о горнемъ. Несомнѣнно, что подобное хожденіе вскорѣ сдѣлаетъ тебя и меня и cadaго отдѣльно странниками и пришельцами въ этомъ мірѣ; вскорѣ также ты или я сдѣлаемся подобными голубямъ среди вороновъ, всюду осмѣиваемымъ, презираемымъ и также гонимымъ; не обойдется и безъ насмѣшливаго прозвища Галилеянина и

Назарянина, какъ это было у нашего Учителя. Но что намъ до этого? Приходитъ часъ,—и радоваться этому мы можемъ уже заранѣе, часъ, когда кожаняя синія и красныя одежды будутъ сброшены, и сброшены навѣкъ, и вза-мѣнъ ихъ намъ даны будутъ вѣчно пребывающія одежды священниковъ и царей Господа во славѣ Его. И тогда все получить соотвѣтствующую награду. Относительно самихъ себя мы знаемъ, что „**кратковременное легкое** страданіе наше производитъ въ **безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную** славу, когда мы смотримъ не на видимое, но на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вѣчно“ (2 Кор. 4, 17. 18). Да будутъ очи наши закрыты для временнаго и видимаго, и да принадлежать наше время, наша жизнь и наше хожденіе уже теперь вѣчности, во славу нашего чуднаго Господа! Аминь.

Покрывало изъ козьей шерсти и покрывало съ изображеніемъ херувимовъ.

- Исх. 26.
1. „Скинiю же сдѣлай изъ десяти покрываль крученаго виссона, и изъ голубой, пурпуровой и червленой шерсти, и херувимовъ
  2. сдѣлай на нихъ искусною работою. Длина каждого покрывала двадцать восемь локтей, а ширина каждого покрывала четыре локтя:
  3. мѣра одна всѣмъ покрываламъ. Пять покрываль пусть будутъ соединены одно съ другимъ, и другія пять покрываль соединены одно съ
  4. другимъ. Сдѣлай петли голубого цвѣта на краю перваго покрывала, въ концѣ соединяющаго обѣ половины; такъ сдѣлай и на краю послѣдняго покрывала, соединяющаго
  5. обѣ половины. Пятьдесятъ петлей сдѣлай у одного покрывала и пятьдесятъ петлей сдѣлай на краю покрывала, которое соединяется съ другимъ; петли должны соответствовать
  6. одна другой. И сдѣлай пятьдесятъ крючковъ золотыхъ, и крючками соедини покрывало одно съ другимъ, и будетъ скинiя одноцѣ-
  7. лое. И сдѣлай покрывала изъ козьей шерсти, чтобы покрывать скинiю; одиннадцать по-
  8. крываль сдѣлай такихъ. Длина одного покрывала тридцать локтей, а ширина четыре локтя; это одно покрывало: одиннадцати
  9. покрываламъ одна мѣра. И соедини пять покрываль особо, и шесть покрываль особо; шестое покрывало сдѣлай двойное съ пер-
  10. редней стороны скинiи. Сдѣлай пятьдесятъ петлей на краю крайняго покрывала, для соединенiя его съ другимъ, и пятьдесятъ
  11. петлей на краю другого покрывала, для соединенiя съ нимъ. Сдѣлай пятьдесятъ крючковъ мѣдныхъ, и вложи крючки въ
  12. петли, и соедини покровъ, чтобы онъ составлялъ одно. А излишекъ, остающійся отъ

- покрываль скинии,—половина излишняго покрывала пусть будетъ свѣшена на задней
 13. сторонѣ скинии. А излишекъ отъ длины покрываль скинии, на локоть съ одной и на локоть съ другой стороны, пусть будетъ свѣшенъ по бокамъ скинии съ той и съ другой стороны, для покрытія ея“.

Въ послѣдней бесѣдѣ мы видѣли, какъ въ обѣихъ верхнихъ покрывкахъ скинии изображался образъ раба и страданія Христова и народа Его; сегодня, проникая глубже къ тканымъ покрываламъ, лежавшимъ подъ тѣми покрывками, мы надѣмся увидѣть превознесеннаго и прославленнаго Господа, а вмѣстѣ съ Нимъ и возведенный Имъ въ славу народъ Его. Если въ первыхъ покровахъ мы видѣли дѣло, совершенное Имъ здѣсь, на землѣ, для искупленія нашего, то теперь намъ будетъ дано увидѣть въ тканыхъ покрывалахъ плодъ этого дѣла какъ для Самого Христа, такъ и для насъ; потому что, какъ мы уже много разъ это слышали, Господь, совлекшійся и пережившій уничиженіе, былъ и вознесенъ; такъ же и мы, принадлежащіе къ народу Его, не только спасены были отъ клятвы закона и наказанія ада, но и облагодатствованы въ Немъ, сдѣлавшись участниками славы Его. Въ Его чудномъ планѣ искупленія относительно насъ присоединяется звено къ звену, причемъ каждое послѣдующее становится все великолѣпнѣе предыдущаго, пока конецъ этой цѣпи изъ драгоцѣнностей не достигаетъ самой славы небесной. Апостолъ такъ описываетъ ее: „Кого Онъ **предопредѣлилъ**, тѣхъ и **призвалъ**; а кого призвалъ, тѣхъ и **оправдалъ**; а кого оправдалъ, тѣхъ и **прославилъ**“ (Рим. 8, 30). И Онъ Самъ объявилъ нѣкогда, я сказалъ бы, почти въ самый торжественный часъ здѣсь на землѣ, потому что это было сказано среди Его первосвященнической молитвы: „Славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ“ (Іоан. 17, 22). Да послужатъ намъ эти, уже **данныя** во Христѣ милости практическимъ благословеніемъ въ этой жизни и да осуществляютъ они все болѣе и болѣе для вѣры нашей и тогда, когда мы увидимъ ихъ при разсматриваніи обѣихъ покрываль—

покрывала изъ козьей шерсти и покрывала съ изображеніемъ херувимовъ.

Переходя въ изслѣдованіи нашемъ отъ внѣшнихъ покрововъ къ внутреннимъ, мы теперь встрѣчаемъ покрывало изъ козьей шерсти. **Замѣьте, что оно преимущественно напоминаетъ намъ своимъ происхожденіемъ.** Изучая подробно ветхозавѣтныя богослуженія, мы скоро найдемъ, что козы и козлы приносились **во время главнѣйшихъ праздниковъ въ жертву Богу, главнымъ образомъ, за грѣхъ народа.** Не рассматривая всѣхъ праздниковъ, выберемъ только одинъ изъ нихъ, быть можетъ наибольшій для Израиля, праздникъ Очищенія. Въ книгѣ Левитъ, 16 гл., вы найдете его описаніе. Весь Израиль былъ тогда собранъ предъ Господомъ для того, чтобы примириться съ Нимъ, очистившись отъ грѣховъ своихъ. Ихъ счеты съ Богомъ должны быть сведены. Будучи должниками, они приносили Іеговѣ жертву за грѣхъ въ видѣ двухъ козловъ, такъ какъ одного не было достаточно для представленія прообраза. О нихъ бросался жребій, и одинъ изъ козловъ доставался Господу. Онъ тотчасъ же предавался смерти, тогда какъ другого оставляли живымъ. Кровь перваго вносилась во дворъ, во святилище, даже во Святое-святыхъ для примиренія съ Богомъ; надъ головой другого первосвященникъ исповѣдывалъ грѣхъ всего народа, а затѣмъ назначенный для этого челоѣкъ отводилъ его въ пустыню и оставлялъ его тамъ. Это были удивительныя происшествія, ясно показывавшія народу Израильскому, съ одной стороны, какимъ путемъ Господь получалъ удовлетвореніе и наказывался грѣхъ,—съ другой стороны, какимъ образомъ они могли совершенно успокоиться, потому что грѣхъ ихъ былъ уже отстраненъ отъ очей ихъ и Божіихъ, и ничто уже не стояло болѣе между ними и Богомъ. Они были теперь освобождены отъ своей вины.

Покрывало изъ козьей шерсти, во всякомъ случаѣ, не свидѣтельствовало болѣе о той **кровавой** жертвѣ, преданной на смерть за грѣхъ; но мы не можемъ отрицать, что оно очень живо напоминало ее своей свѣтлой бѣлой наружностью; оно тѣмъ живѣе говорило о **плодѣ** той жертвы,

принесшей съ собой непорочность и чистоту, потому что было вѣрнымъ символомъ ихъ. Въ немъ не видно больше „багрянаго“ грѣховъ нашихъ и багрянаго Его страданій, оно исчезло; но тѣмъ ярче является намъ въ немъ снѣжная бѣлизна, бѣлое „какъ волна“ очищеніе и славный блескъ Его возвышенія и прославленія. Онъ, Господь, стоитъ въ этомъ бѣломъ покрывалѣ изъ козьеѣ шерсти передъ нами, какъ Тотъ, Который вышелъ оправданнымъ изъ страданій и смерти за грѣхъ и грѣшниковъ, какъ воскресшій, Котораго узы смерти не могли удержать, потому что князь міра сего не нашелъ „въ Немъ ничего“. Обремененный виною, сошелъ Онъ въ пасть смерти: это была чужая вина, нашъ грѣхъ; но освобожденный отъ него, вернулся Онъ въ утро воскресенія: никакого грѣха не осталось на Немъ, и никакой вѣвки не могъ быть возложенъ на Него. Красная кожаная покрывка навсегда уступила мѣсто бѣлому покрывалу изъ козьеѣ шерсти. „Пострадалъ за грѣхи наши“— вотъ что возвѣщаетъ намъ жертва за грѣхъ, при которой козелъ терялъ свою жизнь и затѣмъ сжигался на жертвенникѣ, но „воскресъ для оправданія нашего“—твердитъ бѣлое покрывало изъ козьеѣ шерсти. И смотрите, оно должно было постоянно напоминать объ этомъ Израильтянину; онъ долженъ былъ имѣть его предъ глазами каждый разъ при входѣ во дворъ скиніи, потому что преимущественно для этого покрывало это и было сдѣлано на четыре локтя шире всѣхъ другихъ, и этотъ излишекъ долженъ былъ свѣшиваться передъ дверью во святилище. Израильтянинъ, входившій во дворъ и поднимавшій свой взглядъ на скинію, видѣлъ изъ всѣхъ покрывекъ и покрывалъ только одно это покрывало, свѣтящееся ему навстрѣчу. Правда, оно скрывало лежавшее подъ нимъ покрывало съ изображеніемъ херувимовъ, закрывало роскошные золотые столбы и, казалось, препятствовало, такимъ образомъ, видѣть другія драгоценности; но оно давало Израильтянину зрѣлище, которое должно было быть для него самымъ великимъ и самымъ значительнымъ, зрѣлище, напоминавшее ему, что онъ могъ съ полнымъ правомъ являться сюда и смѣлъ стоять предъ Богомъ, потому что между нимъ и Іеговой все приведено въ порядокъ, и что онъ посредствомъ

своей жертвы за грѣхъ освободился отъ него и сдѣлался въ глазахъ Божіихъ „бѣлѣ снѣга“. Да, безъ сомнѣнія, это должно было дать драгоцѣнный миръ сердцу бѣднаго, слабого, нуждающагося въ утѣшеніи посѣтителя двора скиніи.

Это покрывало изъ козьей шерсти должно было не только напоминать о совершившейся, прошедшей дѣйствительности, но оно должно было также показывать, что **Христосъ постоянно есть для насъ**. Объ этомъ покрывалѣ сказано, что оно должно было „покрывать скинію“, потому что въ 7 ст. нашего описанія мы читаемъ: „И сдѣлай покрывала изъ козьей шерсти, чтобы покрывать скинію; одиннадцать покрывалъ сдѣлай такихъ“. Итакъ, жилище Божіе было готово, когда позолоченные брусья были поставлены на ихъ серебряныя основанія и **одно покрывало съ изображеніемъ херувимовъ** было распростерто надъ ними; изъ этихъ словъ вытекаетъ, что бѣлоснѣжное покрывало изъ козьей шерсти было шатромъ, заключавшимъ, или вмѣщавшимъ въ себя жилище. Если я вамъ еще разъ напомнимъ, что, какъ Христосъ, такъ и соединенная съ Нимъ Церковь есть жилище Божіе, какъ мы видѣли ее въ прообразѣ вызолоченныхъ брусевъ, то здѣсь она является всецѣло и со всѣхъ сторонъ облеченной Господомъ, Который есть „праведность ея“. Она какъ бы утонула въ Немъ, исчезла и скрылась совершенно. Читая о Немъ, что въ Немъ „обитала вся полнота Божества тѣлесно“, мы читаемъ вслѣдъ за этимъ и объ искупленныхъ Его: „И вы имѣете полноту въ Немъ“ (Кол. 2, 9. 10). Можетъ ли быть полнота обильнѣе полноты Его и оставляетъ ли она желать еще чего-либо? Если Тотъ покрываетъ насъ, въ Комъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно, тогда глазъ Божій навѣрно не можетъ открыть въ насъ никакого недостатка, а покоится на насъ съ благоволеніемъ. Онъ Самъ, всѣ Ангелы и люди, даже самъ врагъ Божій и народа Его, смотря на тѣхъ, которые принадлежатъ Христу, и видя ихъ сокрытыми въ Немъ, воскликнуть, подобно тому, какъ Господь заставилъ Валаама сдѣлать это: „Какъ прекрасны шатры твои, Іаковъ, жилища твои, Израиль!“ (Чис. 24, 5) — потому что Христосъ, праведность ихъ, Самъ сдѣлался шатромъ ихъ, распростертымъ

надъ ними; Онъ—жилище, въ которомъ имъ живетъ, какъ въ родномъ отцовскомъ домѣ. Теперь мы поймемъ апостола, когда онъ, опираясь на эту драгоценную дѣйствительность, вполне опредѣленно, безъ всякихъ „если“ и „но“ говоритъ намъ: „Итакъ нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ“ (Рим. 8, 1), и когда, вскорѣ послѣ того, торжествуя, спрашиваетъ: „Кто будетъ обвинять избранныхъ Божіихъ? Богъ оправдываетъ ихъ. Кто осуждаетъ? Христосъ Іисусъ умеръ, но и воскресъ: Онъ и одесную Бога, Онъ и ходатайствуетъ за насъ“ (Рим. 8, 33. 34). Посмотрите еще разъ на этотъ удивительный прообразъ и замѣтите, какъ съ востока и запада, съ юга и сѣвера, даже сверху, со стороны неба, эти одиннадцать частей блестящаго блага покрывала закрывали и скрывали это жилище и все, что къ нему принадлежало; и, скажите сами, зная, что Христосъ также совершенно и всецѣло скрываетъ васъ, можете ли вы найти еще лучшее убѣжище? О, я вполне увѣренъ, что оно можетъ удовлетворить васъ совершенно.

Но дѣло идетъ не о томъ, мои дорогіе братія, что вы все это знаете о Христѣ, знаете, что все это касается васъ,—но о томъ, что гораздо важнѣе, а именно, живете ли вы **въ постоянномъ, живомъ сознаніи**, что Христосъ окружаетъ васъ, окружаетъ васъ именно теперь? Тысячи людей говорятъ намъ о прошедшемъ времени, когда грѣхи ихъ были прощены и беззаконія покрыты, желая вернуть эти прежніе дни, сознавая, подобно Галатамъ, что они были тогда „такъ блаженны“. Что же случилось, что теперь это уже не такъ? Развѣ Христосъ пересталъ быть ихъ ярко-блестящимъ, вѣчно покрывающимъ ихъ шатромъ? Конечно нѣтъ! Онъ все тотъ же, Онъ не измѣняется, не можетъ отъ Себя отречься. И сегодня, братъ мой, именно теперь, Христосъ во всей Своей красотѣ покровъ твой, убѣжище и жилище, и все, все, въ чемъ ты нуждаешься, чтобы быть благоугоднымъ Богу, облагодатствованнымъ въ Немъ; тебѣ только недостаетъ ока, способнаго постоянно все это видѣть, и драгоценнаго сознанія, непрестанно жить въ этомъ. Поистинѣ, это дѣйствительно блаженное положеніе сознать себя всегда въ Немъ, облеченнымъ въ красоту Его. Тогда

только познается, что значить съ дерзновеніемъ входить во святилище предъ Бога, только тогда воззовешь ты: „Авва, Отче“! не какъ провинившееся и ожидающее наказанія, но какъ радостное и блаженное дитя; только тогда бываемъ мы защищены отъ обвиненій клеветника, старающагося всегда ввести насъ въ заблужденіе относительно нашего положенія предъ Богомъ; и только тогда мы знаемъ, что молитвы наши будутъ услышаны. Да научить же Господь и васъ, всегда видѣть себя такъ облеченными въ Него, праведность вашу, какъ ветхозавѣтное жилище Божіе всецѣло было облечено блестящимъ бѣлымъ покровомъ.

Но еще большія драгоцѣнности открываемъ мы, обращаясь къ покрывалу съ изображеніемъ херувимовъ.

Дайте мнѣ, прежде всего, замѣтить, что въ этомъ покрывалѣ мы имѣемъ дѣло съ личностью Самого Христа. Оглядываясь назадъ, мы находимъ, что въ другихъ покрывалахъ рѣчь шла больше о дѣлѣ, состояніи или плодахъ Его дѣлъ; это были лишь единичныя черты Его существа и сана. Здѣсь же, въ покрывалѣ съ изображеніемъ херувимовъ, все сосредоточено въ Его чудной и прославленной личности. Здѣсь вы снова встрѣчаете тѣ четыре священные цвѣта, значеніе которыхъ мы только недавно разбирали, и воспоминаніе о которыхъ еще такъ свѣжо въ нашей памяти. Но замѣтимъ, что эти цвѣта здѣсь не случайно соединены, какъ у воротъ двора и у двери святилища; они здѣсь искусно сотканы, подобраны одинъ къ другому въ изображеніи херувимовъ и приняли, такимъ образомъ, опредѣленный образъ. Христосъ, совершенный Господь и Искупитель, стоитъ въ нихъ Прославленный передъ нами. И это, возлюбленные, даетъ намъ указаніе, которое мнѣ отъ души хочется не только вложить, но даже вырѣзать въ вашемъ сердцѣ; и это указаніе звучитъ: „Прежде всего и постоянно имѣйте дѣло съ Его личностью“. Можетъ быть многіе изъ васъ убѣдились на самихъ себя и на другихъ, какъ испыталь, къ сожалѣнію, я лично и многіе мои дорогіе братія, что мы легко приходимъ къ тому, чтобы выбирать единичныя Его дары, единичныя плоды его дѣла искупленія и единичныя обѣтованія Божіи, относящіяся къ Нему, усваиваемъ ихъ и удовлетворяемся ими. Его прощеніе грѣховъ, Его оправ-

даніе, Его миръ, Его обѣтованія часто удовлетворяютъ насъ; а все же Онъ, Возлюбленный, Податель, долженъ быть для насъ выше Своихъ даровъ, Онъ, Обѣщающій,—выше, хотя бы и самыхъ драгоцѣнныхъ, обѣтованій. Ничто изъ всѣхъ этихъ драгоцѣнностей и сокровищъ не должно бы удовлетворить насъ, и, еслибъ мы всегда были въ угодномъ Ему состояніи, оно такъ бы и было. Богъ, въ неизреченной любви Своей, далъ намъ безконечно больше, нежели мы, при нашей ограниченности, ищемъ получить отъ Него; Онъ не только далъ намъ прощеніе, миръ, усыновленіе, радость и всѣ другіе дары,—но **Онъ далъ намъ Сына** Своего Единороднаго. Усвоеніе дѣтской вѣрой Сына Божія во всей полнотѣ Его личности должно заполнить въ насъ всякую пустоту и помочь во всякой нуждѣ, какъ бы велика она ни была и къ чему бы она не относилась; единичный же даръ, который, по нашему мнѣнію, намъ нуженъ для восполненія нашей пустоты и который мы вымаливаемъ у Господа, хотя бы онъ и былъ намъ дарованъ Богомъ, оставить насъ все-таки нищими и нуждающимися въ другихъ отношеніяхъ. Вотъ причина, по которой Господь часто оставляетъ безъ отвѣта тысячи подобныхъ прошеній; желаніе Его сердца заключается въ томъ, чтобы мы приняли богатѣйшее сокровище въ мірѣ, сокровище изъ сокровищъ, дабы мы „въ Немъ обогатились всѣмъ“ (1 Кор. 1, 5). Взгляните только на ветхозавѣтнаго мужа Господня, для котораго Господь былъ всѣмъ во всемъ, и посмотрите, какъ онъ всецѣло былъ удовлетворенъ Имъ. Онъ обнаружилъ предъ нами свой личный опытъ, записавъ чудный возгласъ своего сердца, обращенный къ Богу, въ словахъ: „Кто мнѣ на небѣ? и съ Тобою ничего не хочу на землѣ. Изнемогаетъ плоть моя и сердце мое: Богъ твердыня сердца моего и часть моя вѣвѣкъ“ (Пс. 72, 25. 26). И какъ могло бы быть иначе, вѣдь Онъ—богатѣйшая замѣна всего, что мы могли бы потерять на землѣ, Онъ—небо нашего сердца; и можно ли думать объ изнеможеніи, если мы имѣемъ Того, Который сказалъ о Себѣ: „Приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда“? Не забудемъ при этомъ, что вмѣстѣ съ Нимъ и дары Его и всѣ плоды дѣла Его—наши, и всѣ обѣтованія Его—„да“ и „аминь“;

все наше, коль скоро наша вѣра объемлетъ и удерживаетъ Его Самого. О, еслибъ мы, наконецъ, поняли это! Поняли бы, что общеніе наше должно быть съ Отцомъ и Сыномъ Его Иисусомъ Христомъ чрезъ Духа Святого; что мы имѣемъ дѣло непосредственно съ живымъ, воскресшимъ, всегда пребывающимъ съ нами и лично нашимъ Господомъ, могущимъ удовлетворить насъ во всѣхъ отношеніяхъ и Котораго отнять отъ насъ никто не можетъ.

И, наконецъ, въ какомъ видѣ предстаетъ Онъ предъ нами, когда мы ближе разсматриваемъ это роскошное покрывало? Мы видимъ Его въ немъ Прославленнымъ вѣчной славой. Не чудо ли изъ чудесъ представляетъ собой это покрывало? Всѣ десять полотнищъ его, съ одного конца до другого, покрываютъ тѣ величественныя изображенія высшихъ существъ творческой силы Божіей, представителей славы Его, которыя были и могли быть изображены искусной рукой по собственнымъ предначертаніямъ Божиимъ, потому что начертать или изобразить Самого Иисуса Христа не была въ состояніи никакая человѣческая рука. Еще разъ мы видимъ этихъ представителей Его славы въ драгоцѣнной завѣсѣ Святого-святыхъ, которая, какъ говоритъ ап. Евреямъ, означаетъ **плоть Его**; но тамъ они, подобно тѣлу Его, разорвались, когда Онъ умеръ, на-двое. „Мечъ поднялся на Пастыря Его и на Ближняго Его (Зах. 13, 7), потому что „Господу угодно было поразить его“ (Ис. 53, 10). И еще разъ встрѣчаемъ мы эти высшія существа во Святомъ-святыхъ, сдѣланныя изъ чистаго золота, на ковчегѣ завѣта, распростирающія надъ нимъ свои крылья, и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ Богъ въ милосердіи и милости открывался Израилю и которое называлось престоломъ благодати (крышкой). Если мы припомнимъ, что Богъ только чрезъ Христа говоритъ съ нами въ милосердіи и что Христосъ предложенъ намъ Богомъ въ жертву умиловленія (какъ „престолъ благодати“ — по другому переводу Рим. 3, 25), то, далѣе, не нужно никакихъ доказательствъ въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ Его личностью, какъ вошедшаго во славу. Если завѣсѣ во Святое-святыхъ надлежало разорваться на-двое, чтобы святилище и Святое-святыхъ были впредь одно цѣлое, то ничто не должно было коснуться этого покрыв-

вала съ изображеніемъ херувимовъ, потому что уже сначала оно соединяло оба эти помѣщенія въ одно, и только послѣ того, какъ завѣса разорвалась, оно могло быть видимымъ изнутри на всемъ своемъ протяженіи и во всемъ великолѣпіи.

Такъ и Христосъ. Только кое-гдѣ во время Его земной жизни слышится, почти можно сказать робкое, свидѣтельство изъ устъ Его учениковъ: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“; и какія понятія они часто связывали съ этимъ познаніемъ, какую славу они видѣли въ Немъ, — все это было, какъ мы видимъ, также очень мелко и полно человѣческихъ представленій; но лишь только разорвалась завѣса плоти Его, вотъ они поднимаются въ своемъ познаніи, какъ орлы, и видятъ Его, открывшагося во всей Его красотѣ. Для апостола Петра съ этой минуты Онъ дѣлается „Господомъ и Христомъ Іисусомъ, прославленнымъ Богомъ“, „Святымъ и Праведнымъ“, „Начальникомъ жизни“, „Начальникомъ и Спасителемъ, дабы дать Израилу покаяніе и прощеніе грѣховъ“; и все это открылось ему съ такой неудержимой силой, что онъ не могъ удержать это откровеніе лично для себя одного или возвѣстить его лишь въ средѣ другихъ учениковъ Іисуса, но вынужденъ былъ проповѣдывать громко и открыто среди враговъ Господа. И какъ чудно представляютъ Христа также и другіе апостолы въ своихъ Посланіяхъ: для всѣхъ ихъ Онъ „Господь славы“.

Однако, что пользы намъ, еслибъ мы могли только видѣть эту славу Его, но должны были бы оставаться чуждыми ей, или если она даже страшила бы насъ? Но, да будетъ вѣчная хвала Господу, что это не такъ, но, подобно тому, какъ это покрывало непосредственно закрывало и одѣвало тѣ золотые брусья изъ дерева ситтимъ, такъ и слава Его уже теперь облакаетъ Его народъ. Онъ распростеръ ее надъ Церковью Своею, она покрыта ею и прославлена въ Немъ. Позволю себѣ снова напомнить вамъ слово Его: „Славу, которую Ты далъ Мнѣ. Я далъ имъ“ (Іоан. 17, 22); правда, что слава эта внутри, сокрыта и не видна для постороннихъ, какъ и слава этого покрывала не существовала для человѣка, стоявшаго внѣ скиніи. Но недалекъ

тотъ день, когда Господь вполнѣ откроется, тогда и Церковь Его станетъ явной вмѣстѣ съ Нимъ во славу (Кол. 3, 4).

Далѣе, Христосъ является передъ нами въ этихъ чудныхъ символахъ еще какъ Тотъ, Которому дана всякая власть на небѣ и на землѣ. Эти красующіеся въ четырехъ, намъ хорошо знакомыхъ, цвѣтахъ херувимы представляютъ собою не только прообразы Его величія и славы, но также и власти и всемогущества Его, черезъ которыя Онъ приведетъ въ исполненіе какъ Свои намѣренія милости, такъ и суды Свои и судъ надъ всей вселенной. Одержавъ побѣду надъ смертью и надъ „имѣвшимъ державу смерти, т. е. діаволомъ“, „плѣнивъ плѣнъ“, Онъ могъ сказать: „Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ“ (Мат. 28, 18); и рукою Его, Превознесеннаго, должна „будеть благоуспѣшно исполняться воля Господня“ (Ис. 53, 10). Теперь „все покорено подъ ноги Его, и Ему надлежитъ царствовать, доколѣ низложитъ всѣхъ враговъ подъ ноги Свои“ (1 Кор. 15, 25. 27. — Евр. 10, 13). И все это будетъ въ недалекомъ будущемъ: покорится все Ему или могуществомъ Его любви, или же желѣзнымъ жезломъ Его владычества.

Какая это блаженная мысль, когда мы вспоминаемъ, что это всемогущество Его существуетъ для блага нашего, для насъ, вошедшихъ въ составъ Его святого строенія. Взгляните только наверхъ, на это покрывало съ распростертыми крыльями его херувимовъ: не показываетъ ли оно намъ Христа, какъ Онъ обнимаетъ все жилище Божіе Своими крыльями всемогущества? Заключение, и навѣки заключение въ Его объятія, покоится Церковь Его и каждая отдѣльная душа. Могутъ ли врата ада одолѣть ее? Не возшло ли надъ нею въ лицѣ Христа „Солнце правды и исцѣленіе въ лучахъ Его“ (Мат. 4, 2)? Какое удивительное зрѣлище! Исполнилось здѣсь Его любвеобильное намѣреніе, собрать ее подъ крыльями Своими, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья. Адскій орелъ, алча крови ихъ, можетъ въ ярости кружиться надъ ними, но онъ не можетъ и не смѣетъ прикоснуться къ нимъ, „ибо касающійся ихъ, касается зѣницы ока Его“ (Зах. 2. 8).

Что вы скажете, братія мои, о такомъ положеніи во

Христъ Иисусъ? Присвоили ли вы себѣ его въ той мѣрѣ, въ которой оно предложено вамъ Богомъ во Христѣ Иисусѣ? **Всѣ** ли вы усвоили его себѣ, а тѣ, которые это сдѣлали, пользуетесь ли вы имъ, какъ должно? Постоянная ли Онъ для васъ крѣпость и убѣжище противъ **всякаго искушенія**, приближающагося къ вамъ? Сдѣлался ли Онъ постояннымъ жилищемъ вашимъ, изъ котораго вы никогда не выходите? Если да, то какое прочное —положеніе ваше, потому что подъ тѣнью крылъ Его всякая опасность перестаетъ быть опасностью, нужда уже — не нужда; потому что ни одинъ клеветникъ не имѣетъ туда доступа, и губитель не смѣетъ ступать на эту святую почву: тамъ царствуетъ вѣчный миръ и покой и имъ сопутствуютъ радость и счастье. О, займите же, займите скорѣе это мѣсто и **укройтесь** подъ этимъ кровомъ Всевышняго; укrywшись же подъ нимъ, **пребудьте** подъ этой сѣнью Всемогущаго; сдѣлайте изъ этого практическое примѣненіе въ вашей повседневной жизни, и во всѣхъ обстоятельствахъ говорите Господу: „Прибѣжище мое и защита моя, Богъ мой, на Котораго я уповаю“, и тогда, что бы съ вами ни случилось, Онъ „перьями Своими осѣнитъ васъ, и подъ крыльями Его будете безопасны“, такъ что вы „**не убоитесь** ужасовъ въ ночи, стрѣлы, летящей днемъ, язвы, ходящей во мракѣ, и заразы, опустошающей въ полдень“, потому что вамъ принадлежитъ тогда ненарушимое обѣтованіе Его: „Падутъ подлѣ тебя тысяча и десять тысячъ одесную тебя; но къ тебѣ не приблизится“ (Пс. 90, 1--7). Тогда, встрѣчаясь тысячамъ, охраняющимъ самихъ себя и жалующимся на немощь и слабость свою, дѣтямъ Божиимъ, вы скажете, болѣе чѣмъ съ торжествомъ, вмѣстѣ съ поэтомъ, вопросъ и отвѣтъ:

„Ту крѣпость знаешь ли, гдѣ я нашелъ защиту,
 „Блаженный край, гдѣ не страшусь врага,
 „Гдѣ молніи, громъ покой мой не нарушать.
 „Гдѣ исцѣлѣтъ скорбная душа?
 „Не знаешь ты? Я назову тогда:
 „То крылья мощи моего Христа“.

Прежде, чѣмъ мы закончимъ этотъ разборъ, не забудемъ обратить вниманіе на то, **что созерцать и вкушать всю**

эту славу могли только одни священники Божіи. Мы не хотимъ этимъ сказать, что блаженное положеніе, пользоваться присутствіемъ Божіимъ, Его всемогущей защитой и **постоянной побѣдой въ Немъ**, есть участь только немногихъ избранныхъ изъ среды дѣтей Его, какъ представляли себѣ нѣкоторые. Нѣтъ, напротивъ, Онъ принадлежитъ всѣмъ и всецѣло, и всѣ, безъ исключенія, искуплены Имъ, чтобы быть царями и священниками Божіими. Но что мы хотѣли сказать, это то, что какъ тамъ, при skinii, необходимо было войти, проникнуть въ глубину, что могли сдѣлать только священники, такъ и мы, каждый изъ насъ въ отдѣльности, пользуясь по-священнически даннымъ намъ преимуществомъ, должны входить въ жилище славы и имъ завладѣвать. Во дворѣ skinii видны были только жертвы, кровь агнцевъ,—виденъ былъ Христосъ въ барсучьемъ и бараньемъ покровѣхъ, т. е. въ образѣ раба и въ страданіяхъ; для того же, чтобы видѣть славу Его и **нашу въ Немъ**, нужно было идти дальше, именно во святилище. О, какъ многія дѣти Божіи остаются и сегодня еще во дворѣ, они доходятъ до барсучьяго и бараньяго покрововъ Его страданій, они почерпаютъ здѣсь утѣшеніе въ прощеніи грѣховъ своихъ и въ мирѣ съ Богомъ: и это все, вмѣсто того, чтобы идти дальше до бѣлоснѣжнаго покрывала изъ козьей шерсти, т. е.—до сознанія, что они постоянно облечены въ Него, какъ свою праведность, въ которой они могутъ всегда предстоять въ Его присутствіи, и до покрывала съ изображеніемъ херувимовъ, т. е., чтобы видѣть себя обѣятыми, защищенными и прославленными въ Немъ. О, еслибъ мы возражали въ познаніи Господа нашего и Спасителя, Иисуса Христа! Воистину, тогда намъ не пришлось бы выслушивать столько жалобъ на бѣдность, немощь, нужду и духовную нищету; не страшно было бы намъ тогда при видѣ сатаны, плоти и міра, или когда мы взглянули бы вокругъ себя, предъ собою и въ самихъ себя, но, взирая на все это, мы восклицали бы: „Все могу въ укрѣпляющемъ меня Иисусѣ Христѣ“ (Фил. 4, 13) и: „Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ, Иисусомъ Христомъ“! (1 Кор. 15, 57). Аминь, да, да совершится это такъ! Аминь.

11. Золотой жертвенникъ для куренія.

- Исх. 30, 1. „И сдѣлай жертвенникъ для приношенія куреній, изъ дерева ситтимъ сдѣлай его.
2. Длина ему локоть, и ширина ему локоть; онъ долженъ быть четырехугольный; а вышина ему два локтя; изъ него должны выходить роги его. Обложи его чистымъ золотомъ, верхъ его и бока его кругомъ и роги его; и сдѣлай къ нему золотой вѣнецъ вокругъ. Подъ вѣнцомъ его на двухъ углахъ его, сдѣлай два кольца изъ золота; сдѣлай ихъ съ двухъ сторонъ его; и будутъ они влагалищемъ для шестовъ, чтобы носить его на нихъ. Шесты сдѣлай изъ дерева ситтимъ, и обложи ихъ золотомъ.
6. И поставь его предъ завѣсою, которая предъ ковчегомъ откровенія, противъ крышки, которая на ковчегѣ откровенія, гдѣ Я буду открываться тебѣ. На немъ Ааронъ будетъ курить благовоннымъ куреніемъ; каждое утро, когда онъ приготовляетъ лампады, будетъ курить имъ. И когда Ааронъ зажигаетъ лампады вечеромъ, онъ будетъ курить имъ. Это всегдашнее куреніе предъ
9. Господомъ въ роды ваши. Не приносите на на немъ никакого иного куренія, ни всежженія, ни приношенія хлѣбнаго, и возлиянія не возливайте на него. И будетъ совершать Ааронъ очищеніе надъ рогами его однажды въ годъ; кровью очистительной жертвы за грѣхъ онъ будетъ очищать его однажды въ годъ въ роды ваши. Это святыня великая у Господа“.

Внѣшность скиніи, а также и принадлежности ея двора, только-что прошли предъ нашими глазами, и, вотъ, мы готовы вступить во внутренность святилища. Многіе драгоцѣнные прообразы небеснаго ожидаютъ насъ тамъ; каждый изъ нихъ говоритъ своимъ собствен-

нымъ языкомъ и являетъ особую сторону нашего славнаго Господа. Первый предметъ, встрѣчающійся нашимъ глазамъ при вступленіи въ дверь святилища, это—золотой жертвенникъ. Онъ стоялъ въ прямомъ направленіи отъ входной двери, близко у завѣсы Святого—святыхъ, и его можно было видѣть, какъ только завѣса входной двери немного отодвигалась.

По строенію своему онъ былъ совсѣмъ похожъ на мѣдный жертвенникъ, только былъ въ пять разъ меньше его, что ясно указывало на то, что онъ имѣлъ совершенно иное назначеніе. Такъ оно и было, потому что ни одно изъ тѣхъ жертвенныхъ животныхъ, приносившихся въ жертву на мѣдномъ жертвенникѣ, не привязывалось къ рогамъ его, ни одно изъ нихъ никогда не сжигалось на немъ, и ни разу ни одна изъ безкровныхъ жертвъ благодаренія, или хлѣбнаго приношенія не возносились здѣсь; только однажды въ годъ, въ великій день Очищенія, послѣ того, какъ первосвященникъ былъ во Святомъ—святыхъ и семикратно окроплялъ тамъ кровью жертвы за грѣхъ крышку ковчега за вѣта, онъ возвращался во святилище, окроплялъ его кровью также и этотъ золотой жертвенникъ; и затѣмъ съ этого дня до слѣдующаго дня Очищенія кровь больше сюда не вносилась, но благовонныя куренія сжигались ежедневно Господу въ благоуханіе пріятное. Крайне важно глубже проникнуть въ духовное значеніе

ЗОЛОТОГО ЖЕРТВЕННИКА

и въ богослуженія, съ нимъ связанныя. Да дастъ намъ Господь мудрость свыше, чтобы уразумѣть истинный смыслъ этого прообраза.

Сначала намъ хотѣлось бы указать, что здѣсь мы имѣемъ предъ собой Христа, Господа превознесеннаго. Все въ золотомъ жертвенникѣ ясно указываетъ на это. Въ двоякомъ матеріалѣ, изъ котораго онъ былъ построенъ—деревѣ ситтимъ и золотѣ—мы видимъ Богочеловѣка Христа Ісуса; но это не Богочеловѣкъ во дворѣ скиніи, но во святилищѣ, т. е. не въ своемъ долготерпящемъ, униженномъ и страдающемъ образѣ, но въ сіяніи божественной славы. Правда, и здѣсь, въ своемъ золотомъ убранствѣ, Онъ носитъ еще

на Себѣ слѣды Его прежнихъ страданій: это—та кровь, которой окроплялся этотъ жертвенникъ, но она не проливалась здѣсь, гдѣ онъ находится, но вносилась сюда извнѣ, какъ мы это только-что видѣли. Всякое жертвоприношеніе на этомъ жертвенникѣ, какъ видно изъ текста, было разъ навсегда запрещено.

Такъ и Христосъ во славѣ; Онъ больше не будетъ и не можетъ страдать, ни приносить Себя въ жертву; и въ этомъ даже нѣтъ надобности послѣ того, какъ „Онъ **однимъ приношеніемъ навсегда сдѣлалъ совершенными** освящаемыхъ“ (Евр. 10, 14). Да и что можно бы прибавить тѣмъ, которые уже совершенны или сдѣланы совершенными навѣкъ? Рѣшительно ничего. Итакъ, страдать во славѣ нашъ Господь не можетъ, но слѣды Своихъ страданій Онъ взялъ съ Собой и туда, какъ говоритъ Писаніе, что „Онъ съ Своею кровію однажды вошелъ во святилище“, чтобы „предстать нынѣ за насъ предъ лицо Божіе“ (Евр. 9, 24). И апостолъ Іоаннъ, которому Господь позволилъ взглянуть въ славу, видѣлъ, что „посреди престола и четырехъ животныхъ, и посреди старцевъ стоялъ **Агнецъ, какъ бы закланный**“ (Откр. 5, 6), а въ другой разъ Іоаннъ видѣлъ, что Господь, идущій сразиться съ антихристомъ и воинствомъ его, „былъ облеченъ въ одежду, обагренную кровію“ (Откр. 19, 13). Такъ мы многократно встрѣчаемъ Господа во славѣ носящимъ слѣды Своихъ страданій.

Что золотой жертвенникъ стоитъ во святилищѣ, а не во Святомъ-святыхъ, но только въ непосредственной близости къ нему, не мѣшаетъ видѣть въ немъ прообразъ Господа въ небесахъ, потому что мы всѣ знаемъ, что въ скиніи было два отдѣленія только до тѣхъ поръ, пока она указывала на нѣчто будущее; но въ то мгновеніе, когда истинный Агнецъ Божій принесъ Свою жизнь въ жертву, и истинный великій Первосвященникъ вошелъ во Святое-святыхъ, когда Христосъ предсталъ со Своею собственною кровію предъ Богомъ, — исчезла преграда, разорвалась на-двое завѣса, и святилище и Святое-святыхъ слились въ **единое жилище Божіе**.

Еще другое обстоятельство ясно указываетъ на прославленную личность Христа: это именно тотъ золотой

вѣнецъ, который носить жертвенникъ для приношенія куреній и котораго мы до сихъ поръ не видѣли ни на одной изъ раньше разсмотрѣнныхъ принадлежностей святилища. такъ какъ во дворѣ, т. е. на томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ изображается въ видѣ раба или страдающаго, нигдѣ не является увѣнчаннымъ ни одинъ предметъ. Здѣсь, напротивъ, во святилищѣ, мы находимъ каждый предметъ украшеннымъ этимъ символомъ возвышенія и власти. Увѣнчанъ здѣсь и жертвенникъ, и столъ для хлѣбовъ предложенія, и золотой свѣтильникъ, и увѣнчаны они совершенно такимъ же образомъ, какъ и ковчегъ завѣта за завѣсой Святого-святыхъ. Нѣкогда Онъ, нашъ возлюбленный Господь, также носилъ короткое время вѣнецъ здѣсь на землѣ: то былъ вѣнецъ поруганія, насмѣшки и позора, колючій терновый венецъ; теперь онъ давно уже снятъ и діадима почести божественнаго величія и вѣчной славы украшаетъ Его чело. Это, возлюбленные, окажется особенно драгоцѣннымъ для насъ, какъ только мы узнаемъ, какая именно сторона нашего прославленнаго Спасителя намъ открывается здѣсь.

Но если это—Христосъ и снова Христосъ. Котораго мы встрѣчаемъ въ каждомъ изъ этихъ различныхъ предметовъ, то не станетъ ли вамъ этого слишкомъ много? Не кажется ли вамъ, что, какъ будто, самъ навязывается вопросъ: „Къ чему такое множество прообразовъ, зачѣмъ такое умноженіе ихъ“? Отвѣтъ не труденъ, его не придется долго искать. Очевидно, что каждый отдѣльный предметъ, сколько бы сторонъ въ немъ ни было, можетъ представить нашей душѣ только одну главную сторону личности нашего Господа, рядомъ съ нѣсколькими, можетъ быть, второстепенными; и вотъ, чтобы намъ дать возможность охватить Христа въ наибольшей мѣрѣ, насколько мы можемъ вмѣстить Его, Господу пришлось начертать предъ нами цѣлый рядъ прообразовъ о Немъ. Къ тому же намѣреніе Господа было—явить Его намъ, какъ Могущаго вполне удовлетворить насъ; открыть намъ въ Немъ сокровищницу неисчерпаемыхъ богатствъ, чтобы мы во всѣхъ нуждахъ нашихъ, когда бы мы ни почувствовали или ни наткнулись на нихъ, нашли бы въ Немъ полное удовлетвореніе. Какими неблагодарными оказались бы мы предъ этой любви-

обильной благостью Его, идущей намъ навстрѣчу, и какъ недостойны были бы мы обрѣтеннаго въ Немъ спасенія, еслибъ не захотѣли приложить всѣ свои старанія, чтобы разобрать таинственный языкъ, которымъ говорятъ эти прообразы, но просто отложили бы ихъ въ сторону. Напротивъ, какое благословеніе должно принести изученіе этихъ образовъ каждому чаду Божію, потому что они могутъ укрѣпить нашу вѣру въ Него, увеличить къ Нему нашу любовь и оживить нашу надежду, открыть во Христѣ еще несравненно больше. Что касается меня, то они съ каждымъ днемъ все больше и больше открываютъ мнѣ источникъ благодати, который есть Онъ Самъ, чтобы мнѣ, черпая, черезъ расширенное познаніе Іисуса Христа, имѣть жизнь вѣчную все въ большемъ избыткѣ. О, да будетъ это такъ и съ каждымъ изъ моихъ дорогихъ слушателей!

Пойдемъ, однако, дальше и посмотримъ, какую именно сторону прославленнаго Христа выдвигаетъ намъ этотъ золотой жертвенникъ. Возлюбленные, Христосъ, нашъ Ходатай, Христосъ, Посредникъ нашъ, возстаетъ передъ нами въ этомъ драгоценномъ предметѣ святилища. Слово Божіе во многихъ мѣстахъ показываетъ, что сжиганіе благовонныхъ куреній предъ Господомъ было символомъ молитвы, благоговѣнія. Выслушаемъ нѣсколько относящихся къ этому мѣстъ Писанія. Въ Пс. 140, 1. 2, Давидъ молится, говоря: „Господи! къ Тебѣ взываю; поспѣши ко мнѣ, внимли голосу моленія моего, когда взываю къ Тебѣ. Да направится молитва моя, какъ **ѡиміамъ**, предъ лицо Твое, воздѣяніе рукъ моихъ, какъ **жертва вечерняя**“. Какой ясный намекъ дѣлаетъ здѣсь этотъ „мужъ по сердцу Божію“ относительно своей молитвы и относительно того, что совершалось на этомъ жертвенникѣ. Онъ смотрѣлъ на жертву благовоннаго куренія, какъ на нѣчто, говорившее передъ Богомъ языкомъ, которому внималъ Господь, и какъ на нѣчто, имѣвшее большую цѣну, и самъ онъ желалъ только одного, чтобъ и его молитва считалась наравнѣ съ этимъ куреніемъ предъ Господомъ. Затѣмъ въ Откр. 5, 8 упоминается о „золотыхъ чашахъ, полныхъ ѡиміама, которыя суть молитвы святыхъ“, а въ главѣ 8, 3. 4 говорится: „И пришелъ иной Ангелъ и сталъ предъ **жертвенникомъ**, держа

золотую кадилаициу; и дано было ему множество еиміама, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ святыхъ возложилъ его на золотой жертвенникъ, который предъ престоломъ. И вознесся дымъ еиміама съ молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Бога“. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ обнаруживается тождественность значенія еиміама, т е. жертвы благовоннаго куренія и молитвы.

Подойдя же ко Христу во славѣ, мы читаемъ о Немъ, что въ Немъ мы имѣемъ „ходатая предъ Отцомъ (1 Іоан. 2, 1); что „Онъ и одесную Бога, Онъ и ходатайствуетъ за насъ“ (Рим. 8, 34)“; что Онъ „всегда живъ, чтобы ходатайствовать за насъ“ (Евр. 7, 25). Это одно изъ наиболѣе ясно и опредѣленно засвидѣтельствованныхъ служеній нашего Господа предъ престоломъ Божиимъ, что Онъ ходатайствуетъ тамъ за Своихъ; оно связано съ Его первосвященствомъ самымъ тѣснымъ образомъ, такъ какъ и здѣсь, во святилищѣ скинии, одинъ только первосвященникъ могъ возлагать драгоцѣнныя куренія на золотой жертвенникъ и совершать при немъ служеніе. Какое сладкое утѣшеніе содержитъ этотъ фактъ для каждаго отдѣльнаго чада Божія, когда оно знаетъ, что тамъ, предъ лицомъ Іеговы, предстоитъ Нѣкто, возносящій за него могущественныя моленія; Нѣкто, Который продолжаетъ и довершаетъ начатое въ немъ дѣло славнаго искупленія не только здѣсь, въ сердцѣ его, но и тамъ до полного совершенства и конца и не перестаетъ ходатайствовать за Своихъ, пока каждый спасенный, даже слабѣйшій и ничтожнѣйшій, не будетъ Имъ поставленъ безъ пятна и порока предъ Богомъ!

Приблизимся же къ чудному, сіяющему жертвеннику во святилищѣ и рассмотримъ въ немъ благодать Господа, ходатайствующаго за насъ. Моисей долженъ былъ поставить его совсѣмъ близко къ завѣсѣ, такъ что между всѣми другими предметами стоитъ онъ ближе всѣхъ къ ковчегу завѣта и находящейся на немъ крышкѣ, или престолу благодати. Такимъ образомъ, жертвенникъ и престолъ благодати расположены здѣсь, относительно другъ друга, совершенно такъ же, какъ золотой жертвенникъ и престолъ на небѣ, съ тою лишь разницею, что завѣсы на небѣ не существуетъ (см. Откр. 8, 3). Мы видимъ первосвященника

Аарона, входящаго съ золотой кадильницей, наполненной горящими углями; онъ только что взялъ ихъ изъ двора скинии съ **мѣднаго жертвенника**, потому что другой огонь былъ бы чуждымъ огнемъ; здѣсь онъ высыпаетъ ихъ, приносить уже заранѣе приготовленныя, мелко истолченныя благовонныя масти и возлагаетъ ихъ на горящіе угли, которые, сжигая ихъ, распространяютъ заключенное въ нихъ благовоніе. Каждое утро и каждый вечеръ насыпаются сюда свѣжіе угли и свѣжія благовонія, такъ что день и ночь непрерывно поднимается сладкое благоуханіе. И такъ какъ здѣсь нѣтъ для него никакого выхода, оно проникаетъ мало-по-малу чрезъ щель, оставленную завѣсой во Святое-святыхъ, и облакаетъ его облакомъ, скрывающимъ крышку ковчега, престолъ благодати. Мы нигдѣ не читаемъ, чтобы здѣсь произносилось хотя бы одно слово или молитва священниками или первосвященникомъ, ни за нихъ самихъ, ни за народъ, находившійся во дворѣ скинии или въ станѣ, но этотъ жертвенникъ говорилъ какъ бы могучую рѣчь за всѣхъ. Во дворѣ говорила непрестанно льющаяся кровь, указывая на кровь, говорящую лучше, нежели Авелева, она говорила за грѣшниковъ, повинныхъ смерти; здѣсь, во святилищѣ, говорилъ этотъ жертвенникъ со своими благовоніями и указывалъ на вошедшаго въ вышнее святилище Ходатая за Свой народъ, ходатайствующаго за него вовѣки. Этотъ увѣнчанный золотой жертвенникъ представляетъ Христа въ Его личности, благовонные же масти—Его свойства и совершенства. Но какъ эти благовонія должны были быть сначала истолчены и сожжены на огнѣ, чтобы издавать свое пріятное благоуханіе, такъ и Христу надлежало пройти чрезъ искушенія, страданія и смерть, перенести самыя тяжелыя внѣшнія условія жизни, чтобы сдѣлаться пріятнымъ благоуханіемъ за насъ предъ Богомъ. И слава Ему, что Онъ сдѣлался имъ навѣки! Никогда не умолкнетъ Его заступничество, никогда не потеряется благоуханіе Его. Да и нужно ли еще здѣсь произносить слова, разъ Онъ Самъ навѣки благоугоденъ Отцу, а въ Немъ также и мы? Нѣтъ, Онъ Самъ—Слово, и всѣми Своими совершенствами вѣчно за насъ говорящее Слово. Какъ блаженно, братія мои, покоиться на такой

драгоцѣнной дѣйствительности, покойно взирать на будущее и радостно приближаться къ Отцу, такъ какъ между нами и Имъ, и какъ бы на нашей сторонѣ, (какъ этотъ жертвенникъ по эту сторону завѣсы) стоитъ Тотъ, Кто отдалъ Отцу всѣ Свой превосходства за насъ!

Думали ли мы когда-нибудь, какъ слѣдовало, о неоцѣненныхъ послѣдствіяхъ этого ходатайства нашего Господа? Нашли ли мы, что оно низводитъ на насъ никогда не изсякающіе потоки благовоній? Если нѣтъ, то взгляните на скинію и посмотрите, что было частью Израиля, лишь только сладкое благоуханіе поднималось отъ золотого жертвенника. Посмотрите, тамъ во дворѣ стоитъ народъ, онъ только-что видѣлъ, какъ первосвященникъ съ кадильницей, наполненной горящими углями, исчезъ за дверью святилища, и знаетъ, что въ настоящую минуту онъ стоитъ у этого жертвенника, возлагая на него мелко истолченные благовонныя масти. Онъ возноситъ руки свои и возсылаетъ молитвы вмѣстѣ съ поднимающимися тамъ облаками къ Іеговѣ и ожидаетъ ихъ принятія. Тогда вдругъ отодвигается завѣса двери, за которой недавно только исчезъ первосвященникъ, и, съ сіяющимъ лицомъ и поднятыми руками, онъ снова появляется предъ народомъ, чтобы благословить его благословеніемъ, заповѣданнымъ Самимъ Іеговой. Въ то время, когда за нимъ несутся черезъ отверстыя двери цѣлые потоки благоуханія, доносясь и до нихъ, онъ громкимъ и внятнымъ голосомъ восклицаетъ: „Да благословить тебя Господь и сохранить тебя! Да призрѣть на тебя Господь свѣтлымъ лицомъ Своимъ и помиуетъ тебя! Да обратитъ Господь лицо Свое на тебя и дастъ тебѣ миръ“ (Чис. 6, 24—26). Что же это было, какъ не отвѣтъ на вознесенный еиміамъ, который Іегова выслалъ изъ святилища чрезъ первосвященника Своему народу?

И, возлюбленные, какія еще благословенія льются на насъ; какъ много такихъ благодатныхъ отвѣтовъ ниспосылаются намъ сюда ради Того, Кто говоритъ за насъ тамъ, во святилищѣ. Они неисчислимы, потому что это — потоки „всякаго духовнаго благословенія въ небесахъ“ (Еф. 1, 3). Ради Него милостиво встрѣчаетъ насъ любовь Отца, и любовь эта не измѣнится никогда и измѣниться

не можетъ: ради Него „не видно бѣдствія въ Іаковѣ, и не замѣтно несчастія въ Израилѣ“; ради Него нѣтъ границъ долготерпѣнію Божію; ради Него открыты для насъ всѣ сокровищницы благодати и даровъ, и ради Него же предоставлена въ наше пользованіе сила Іеговы, носящая и хранящая насъ до блаженнаго совершенства, да, и ради Него нѣтъ границы и мѣры въ желаніяхъ Его великаго отцовскаго сердца непрестанно благословлять насъ. Да и конца не видно благословеніямъ, которыми мы здѣсь пользуемся вслѣдствіе Его чуднаго ходатайства за насъ. И какъ важно, чтобъ душа наша всегда это памятовала, чтобы мы, какъ дѣти, могли радостно довѣряться Ему!

Но это, возлюбленные, только одна сторона картины. Самъ Христосъ и Его совершенства говорятъ за насъ предъ Богомъ, но посмотрите, **черезъ Него и мы сами поставлены въ возможность лично быть поклонниками предъ Богомъ.** Священники, сыны Аарона, не только знали о золотомъ жертвенникѣ во святилищѣ, но они входили сюда для того, чтобы поклоняться передъ жертвенникомъ. Тамъ, гдѣ поднималось пріятное благоуханіе, возносились, примѣшивась къ нему, ихъ благоговѣніе, ихъ сердечныя изліянія и ихъ искреннее, молитвенное прославленіе Іеговы. Они смѣли, предпочтительно предъ сотнями тысячъ Израильтянъ, принести на этомъ святомъ мѣстѣ собственное существо свое къ ногамъ Божіимъ.

Положеніе священниковъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, во времена тѣней будущихъ благъ, есть вѣрный прообразъ дѣтей Божіихъ въ Новомъ Завѣтѣ, во времена сущности; они настоящіе священники, истинные поклонники и они таковы чрезъ Христа, истиннаго Ходатая и Первосвященника. Вся задача ихъ заключается теперь въ томъ, чтобы приносить Господу жертвы, Ему благоугодныя, жертвы въ пріятное благоуханіе. Св. Писаніе всюду указываетъ имъ это чудное положеніе и эту блаженную задачу. Открывъ 1 Пет. 2, 9, мы читаемъ: „Но вы родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди, взятые въ удѣлъ, дабы возвѣщать совершенства Призвавшаго васъ изъ тмы въ чудный Свой свѣтъ“. Посмотрѣвъ на Израиля по плоти, мы видимъ, что онъ въ дѣйствительности раздѣлялся на

три перечисленные здѣсь класса: народъ, избранное изъ народа колѣно Левія, и, затѣмъ, священники Божіи. Петръ показываетъ между тѣмъ въ только что приведенныхъ словахъ, что всѣ эти три категоріи выступаютъ теперь снова въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ, т. е. въ дѣтяхъ Божіихъ Новаго Завѣта. Каждое изъ нихъ принадлежитъ къ святому народу, удѣлу Божію, каждое изъ нихъ — избранный левитъ, каждое — царь и священникъ Богу. Особенно многократно подчеркиваетъ онъ это послѣднее положеніе. Въ пятомъ стихѣ вышеуказанной главы онъ настойчиво напоминаетъ имъ ихъ положеніе такъ же, какъ и связанную съ нимъ чудную задачу: „И сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, **священство святое**, чтобы приносить духовныя жертвы, **благопріятныя Богу, Іисусомъ Христомъ**“. И Римл. 12, 1 сказано: „Итакъ, умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божіимъ, представьте тѣла ваши **въ жертву** живую, святую, благоугодную Богу, для разумаго служенія вашего“. Въ Евр. 13, 15, снова говорится: „Итакъ будемъ **чрезъ Него** **непрестанно приносить** Богу **жертву** хвалы, т. е. плодъ устъ, прославляющихъ имя Его. Не забывайте также благотворенія и общительности, ибо **таковыя жертвы благоугодны Богу**“. Въ другомъ мѣстѣ апостоль Павелъ пишетъ: „Я доволенъ, получивъ отъ Епафродита посланное вами, какъ **благовонное куреніе, жертву пріятную, благоугодную Богу**“ (Фил. 4, 18). Разсмотрѣвъ эти и подобныя мѣста, мы увидимъ наше священство доказаннымъ ими, какъ день, потому что оно все снова приводится, какъ побудительная причина къ священническимъ дѣйствіямъ. Мы должны приносить жертвы, потому что мы священники, и мы должны дѣлать это **чрезъ Христа**; Онъ — золотой жертвенникъ нашъ, и **только чрезъ Него** наши жертвы благоугодны Богу; таковъ истинный смыслъ этихъ словъ Божіихъ.

Остановимся немного на трехъ родахъ жертвоприношеній, которыя мы должны приносить Господу и которыя по своему характеру свойственны не мѣдному, а золотому жертвеннику. **Во-первыхъ, это — жертва хвалы устъ нашихъ, прославляющихъ имя Его.** Эта жертва можетъ состоять изъ нашей благодарности, нашей хвалы и нашего благоговѣнія,

громко нами выражаемыхъ среди народа Его въ этомъ духовномъ домѣ Господа, потому что это **исповѣдующія** уста, изъ которыхъ исходитъ эта жертва. Древнимъ были извѣстнѣе эти угодныя Богу изліянія сердець, нежели намъ въ настоящее время. Снова и снова мы читаемъ о нихъ въ Псалмахъ, снова и снова слышимъ въ нихъ рѣшенія, подобныя слѣдующимъ: „Буду возвѣщать имя Твое братьямъ моимъ, **посреди собранія** восхвалятъ Тебя“, или: „О Тебѣ хвала моя **въ собраніи великомъ**: воздамъ обѣты мои предъ боящимися Его“. И опять: „Обѣты мои воздамъ Господу **предъ всѣмъ народомъ Его**“; „Тебѣ принесу жертву хвалы, и имя Господне призову“ (Пс. 21, 23. 26.—115, 5. 8). И какое великое множество лицъ нашлось бы въ Библии, которые могли бы служить намъ примѣромъ подобныхъ жертвоприношеній, еслибъ мы вздумали ихъ перечислить. Назовемъ только немногихъ изъ подобныхъ жертвоприносителей Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Вспомнимъ Моисея у Чермнаго моря и Маріамъ, сестру его; Девору и Вараха послѣ пораженія Хананеевъ; Анну, мать Самуила; Іосафата послѣ побѣды надъ Аммонитянами и Моавитянами въ долинѣ благословенія; и въ Новомъ Завѣтѣ уже въ самомъ началѣ выступаютъ Дѣва Марія, Елисавета, Захарія и престарѣлый Симеонъ; далѣе, въ Дѣянїяхъ Апостоловъ мы видимъ цѣлую церковь, приносящую Богу жертву хвалы: на небѣ же, судя по Откровенію Іоанна, принесеніе этой жертвы составляетъ единственное и непрерывное занятіе искупленныхъ Божїихъ. Я боюсь, братія и сестры мои въ Господѣ, что мы слишкомъ рѣдко подходимъ къ золотому жертвеннику и слишкомъ мало разсыпаемъ на немъ еимїамъ благодаренія, благоговѣнія, хвалы и прославленія. Не должно ли густое облако благоуханія этого рода подниматься къ Богу изъ среды дѣтей Его всякій разъ, когда они собираются во имя Его? О, да исчезнетъ, наконецъ, изъ всякой общины дѣтей Божїихъ та изгоняющая и угашающая Духа Божїя привычка, предоставлять громкую молитву, хвалу и благодареніе одному, много двумъ, тремъ лицамъ. Навѣрно, черезъ ряды всего народа Божїя скоро прошло бы новое дуновеніе жизни, если бы Духу Божію была дана подобающая свобода, и каждая душа съ радостью

дала бы Ему мѣсто. Вскорѣ упали бы оковы съ сердець и устъ, и собранія здѣсь, на землѣ, носили бы на себѣ глубокой отпечатокъ собраній, происходящихъ на небѣ, предъ престоломъ Божиимъ.

Другая жертва, относящаяся сюда же, состоитъ въ томъ, чтобы мы отдали всецѣло Богу себя самихъ и все, что мы есть и что имѣемъ. Однихъ словъ и порывовъ сердца еще не достаточно, если и тѣло и душа не отданы Господу. Если на мѣдномъ жертвенникѣ—мѣсто отдачи Господа за насъ, то на золотомъ должно быть мѣсто нашей отдачи Ему и для Него. Въ то время, какъ Онъ выкупаетъ насъ тамъ, здѣсь Онъ осуществляетъ Свое право на владѣніе. Но не забудьте, что это осуществленіе вовсе не принужденіе съ Его стороны, но оно дѣлается дѣйствительностью добровольно, черезъ жертвоприношеніе, отдачу съ нашей стороны. Отсюда та увѣщающая просьба апостола къ уже искупленнымъ Божиимъ: „Умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божиимъ, **представьте тѣла ваши въ жертву** живую, святую, благоугодную Богу, для разумнаго служенія вашего“ (Рим. 12, 1). И еще: „Не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но **представьте себя Богу, какъ ожившихъ изъ мертвыхъ, и члены ваши Богу, въ орудія праведности**“ (Рим. 6, 13). Итакъ, наше тѣло, наши члены, глаза, уши, руки и ноги и всѣ наши тѣлесныя и душевныя силы, все наше имущество, наше время и наша жизнь принадлежатъ жертвеннику Божию. Только съ дѣйствительной ихъ отдачей Ему, мы можемъ быть истинными поклонниками Божиими.

Наконецъ, мы находимъ еще одинъ родъ жертвъ, представляющихъ собою благоуханіе Господу, — это благотвореніе, оказываемое нами дѣтямъ Его и другимъ людямъ. „Не забывайте также благотворенія и общительности, ибо таковыя жертвы благоугодны Богу“, напоминаетъ намъ апостоль. И эти жертвы также необыкновенно рѣдки въ наши дни, несмотря на то, что въ разныхъ странахъ нѣтъ недостатка во всевозможныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ для блага нашихъ собратій. Правда, пожертвованія даются туда, но безъ того, чтобы наше сердце было въ состояніи, черезъ личное соприкосновеніе съ тѣми, кто получаетъ, сдѣ-

латъ даръ благодѣланіемъ, драгоцѣнной жертвой. Да научимся мы сверхъ этихъ даровъ принимать личное участіе въ страданіяхъ и нуждахъ братьевъ нашихъ и окружающихъ насъ людей!

Но, главное, будемъ слѣдить за тѣмъ, чтобы эти жертвы приносились Господу достойнымъ образомъ. И какъ можемъ мы это сдѣлать? Мы должны совершенно устранить отъ нихъ наши собственныя кадила, наши собственные жертвенники и нашъ собственный огонь. Онѣ всѣ должны быть возложены на золотой жертвенникъ. „**Черезъ Него**“, говорится въ Евр. 13, 15, должны мы приносить жертвы, только чрезъ Христа онѣ благоугодны Богу, потому что даръ освящается только жертвенникомъ. Если Христосъ—жертвенникъ, на которомъ мы приносимъ все Богу, то и все, посвящаемое Ему нами, дѣлается благоуханіемъ Ему.

Братія мои, наши молитвы, наша хвала и прославленіе Бога, всѣ хвалебныя пѣсни устъ нашихъ не имѣютъ значенія, если приносятся Богу не „**черезъ Него**“; они должны занять свое мѣсто на этомъ жертвенникѣ. Они также не имѣютъ значенія, если не содержатъ въ себѣ еиміама Его совершенствъ, они не имѣютъ значенія, если нашъ огонь собственнаго энтузіазма зажегъ ихъ, а не огонь той любви, которая нѣкогда сокрушила Его за насъ на крестѣ. Нѣтъ, не наша личность имѣетъ какой-либо вѣсъ, не наше горячее рвеніе, не наши заслуги, но только Онъ, и Онъ одинъ.

То, что мы сказали о нашемъ поклоненіи и прославленіи, относится также и къ нашей отдачѣ себя и всего, что мы изъ себя представляемъ и что имѣемъ. Если мы не возложимъ **сперва** себя со всѣмъ имуществомъ нашимъ на **этотъ** жертвенникъ, не принесемъ тѣло наше и жизнь нашу **черезъ Христа** Богу и братіямъ нашимъ, то мы можемъ отдать тѣло наше на сожженіе и раздать нищимъ имѣніе наше, и не будетъ намъ отъ этого никакой пользы. Если бы мы отреклись отъ себя до послѣдней крайности, еслибы деньги наши тысячами шли на нужды народа Божія и нашихъ ближнихъ, еслибы даже мы претерпѣли мученическую смерть,—это все же не было бы благоуханіемъ Богу, еслибъ оно не вознеслось къ Нему посредствомъ этого золотого жертвенника. Мы сами сдѣлались благо-

угодными Богу въ **Возлюбленномъ**, также и все, приносимое нами Богу, должно **черезъ Него** сдѣлаться благоугоднымъ Господу. И какъ мы должны прославить Его за Его неизреченную любовь, сдѣлавшую Его готовымъ быть Посредникомъ нашимъ, нашимъ жертвенникомъ, чрезъ который мы свободно можемъ приближаться къ Богу, да и приближаться всегда и вездѣ, гдѣ бы сердце наше ни пожелало вознестись къ Нему! Теперь уже не на той горѣ или въ Іерусалимѣ мѣсто, гдѣ должно поклоняться, какъ нѣкогда, потому что только въ Іерусалимѣ находился Христосъ прообразно въ скиніи или храмѣ; нѣтъ, теперь Онъ пребываетъ повсюду, всюду находится этотъ драгоцѣнный золотой жертвенникъ, чрезъ который мы можемъ съ дерзновеніемъ приступать къ Богу и приносить Ему жертвы. О, только бы намъ быть поклонниками, поклоняющимися Ему здѣсь въ Духъ и истинѣ, поклонниками, которыхъ Отецъ ищетъ Себѣ, поклонниками, священный огонь которыхъ горитъ непрестанно и никогда не угасаетъ! Аминь.

---

12. Золотой свѣтильникъ.

- Исх. 25, 31. „И дѣлай свѣтильникъ изъ золота чистаго; чеканный долженъ быть сей свѣтильникъ; стебель его, вѣтви его. чашечки его, яблоки его и цвѣты его должны выходить изъ него.
32. Шесть вѣтвей должны выходить изъ боковъ его: три вѣтви свѣтильника изъ одного бока его, и три вѣтви свѣтильника
33. изъ другого бока его. Три чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка, съ яблокомъ и цвѣтами, дсжны быть на одной вѣтви, и три чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка на другой вѣтви, съ яблокомъ и цвѣтами. Такъ на всѣхъ шести вѣтвяхъ,
34. выходящихъ изъ свѣтильника. А на стеблѣ свѣтильника должны быть четыре чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка съ яблоками
35. и цвѣтами. У шести вѣтвей, выходящихъ изъ стебля свѣтильника, яблоко подъ двумя вѣтвями его, и яблоко подъ двумя другими вѣтвями, и яблоко подъ третьими
36. двумя вѣтвями его. Яблоки и вѣтви ихъ изъ него должны выходить: онъ весь долженъ быть чеканный, цѣльный, изъ чистаго
37. золота. И сдѣлай къ нему семь лампадъ, и поставь на него лампы его, чтобы
38. свѣтили на переднюю сторону его. И шипцы къ нему, и лотки къ нему изъ
39. чистаго золота. Изъ таланта золота чистаго пусть сдѣлаютъ его со всѣми сими принадлежностями. Смотри, сдѣлай ихъ по
40. тому образцу, какой показанъ тебѣ на горѣ“.

днимъ изъ главныхъ предметовъ во святилищѣ былъ золотой свѣтильникъ со своими принадлежностями. Изъ только-что прочитанныхъ словъ текста мы уже, вѣроятно, замѣтили, что онъ долженъ былъ представлять собой выдающееся произведеніе искусства, такъ кзкъ былъ

сдѣланъ весь изъ одного куска чистѣйшаго золота высшаго качества. вѣсомъ въ тогдашній талантъ, что соотвѣтствовало. приблизительно, ста нашимъ нынѣшнимъ фунтамъ. Его устройство, массивное подножіе, шесть выходящихъ изъ него на двѣ стороны вѣтвей, равно какъ и украшавшія его чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка, яблоки и цвѣты, все было вычеканено съ примѣненіемъ большой силы изъ одного и того же куска. Самъ Богъ не только далъ Моисею описаніе этого свѣтильника, но, какъ мы видимъ изъ заключительныхъ словъ повелѣнія Божія, показалъ ему на горѣ Синаѣ даже точную картину, или образецъ его; это ясно указываетъ, что онъ занималъ очень важное мѣсто среди проробцовъ будущихъ благъ. Это же вытекаетъ и изъ положенія, которое онъ занялъ во святилищѣ. Онъ былъ въ немъ прямо необходимъ, потому что безъ него внутри святилища господствовалъ бы полный мракъ, и богослуженіе пришлось бы тамъ совершать ошупью или сно сдѣлалось бы даже совершенно невозможнымъ. Внѣшній свѣтъ, освѣщавшій весь дворъ, не проникалъ въ эти священные покои. Ни солнце днемъ не сіяло здѣсь, ни луна и звѣзды не мерцали тамъ ночью, потому что въ скинии не было оконъ, и дверь ея оставалась всегда закрытой. Кромѣ того, это было тоже намѣреніемъ Божиимъ, чтобы не обыкновенный, естественный, но святой, божественный свѣтъ, носителемъ котораго долженъ былъ быть золотой свѣтильникъ, освѣщаль небесные прообразы и совершавшееся здѣсь богослуженіе. Итакъ, мы уже видимъ изъ этихъ различныхъ обстоятельствъ важное значеніе этого великолѣпнаго предмета. Да освѣтитъ и насъ истинный, божественный свѣтъ, чтобы въ немъ видѣть настоящее значеніе

ЗОЛОТОГО СВѢТИЛЬНИКА.

Это снова Христось, возлюбленные. Котораго мы имѣемъ предъ собою въ этомъ прообразѣ. Онъ стоитъ здѣсь въ такомъ образѣ, и мы видимъ Его съ такой стороны, какъ еще до сихъ поръ Его не видали, именно, какъ „свѣтъ міру“. Первое, что мы замѣчаемъ, при взглядѣ на этотъ свѣтильникъ, это, что въ немъ не видно ничего изъ изъ

вѣстнаго намъ дерева ситтимъ; онъ сдѣланъ весь, цѣликомъ, изъ одного металла, золота, означающаго, какъ мы знаемъ, божественную природу Христа. Такимъ образомъ, свѣтильникъ научаетъ насъ искать источникъ всякаго свѣта только въ Богѣ одномъ. Въ его нѣтъ ничего, кромѣ мрака и ночи. И такъ какъ Господь Иисусъ—истинный Богъ и жизнь вѣчная, то Онъ и истинный свѣтъ и носитель Его. Онъ былъ, какъ говоритъ намъ Іоаннъ въ началѣ своего славнаго Евангелія, „свѣтомъ человѣковъ“ еще **раньше, чѣмъ** сталъ **человѣкомъ**, „Онъ свѣтилъ во тьмѣ, и тьма не объяла Его“. Онъ „былъ въ мірѣ, и міръ чрезъ Него началъ быть“, продолжаетъ апостолъ дальше и, затѣмъ, сѣтуя, прибавляетъ: „И міръ Его не позналъ“ (Іоан. 1, 4. 5. 10). Изъ приведенныхъ здѣсь словъ апостола ясно вытекаетъ, что Господь нашъ сдѣлался свѣтомъ міру не только со дня Своего воплощенія на землѣ, но, что, будучи всегда Богомъ, Онъ всегда былъ и свѣтомъ, соотвѣтствуя вполнѣ этому ветхозавѣтному прообразу, сдѣланному изъ чистаго золота. Онъ **сдѣлался человѣкомъ**, чтобы принести намъ **именно этотъ самый, а не какой-либо другой свѣтъ**, чтобы мы, бывшіе тьмою, могли бы постичь Его и приблизиться къ Нему. Но ни одинъ лучъ этого чуднаго свѣта, ни одна искра божественнаго познанія и ни одно слово изъ всѣхъ удивительныхъ откровеній, которыя Онъ принесъ намъ, не были **изъ человѣческаго источника** или даже **изъ Его человѣческой природы**, въ которой Ему Самому приходилось „преуспѣвать въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ“ (Лук. 2, 52); все въ Немъ было, въ этомъ отношеніи, божественно, безъ малѣйшей человѣческой примѣси; только эти блаженныя откровенія, этотъ божественный свѣтъ пришли къ намъ въ нашихъ человѣческихъ, намъ понятныхъ словахъ въ наши человѣческіе опыты, которые Онъ пережилъ предъ глазами нашими, и они свѣтили намъ чрезъ завѣсу плоти Его, или, въ лицѣ Его, были перенесены въ ежедневную земную жизнь, и, въ такомъ уже видѣ, намъ предложены. Именно поэтому Онъ, „сіяніе славы и образъ вѣстности“ Бога, Обитавшій въ неприступномъ свѣтѣ, сдѣлался для насъ такимъ **привлекательнымъ свѣтомъ**; свѣтомъ, къ которому, какъ

бы испорчены и достойны осужденія мы ни были, мы все же **можемъ приблизиться и имѣли и имѣемъ право смотрѣть на Него**, не боясь и не будучи ослѣплены и осуждены имъ; свѣтомъ, настолько **нѣжнымъ и пріятнымъ**, что сидящіе во тьмѣ и тѣни смертной не только могутъ выносить его, но и радостно привѣтствовать его. Затѣмъ, какъ онъ **простъ и чистъ**! Онъ открывается дѣтямъ и младенцамъ, и они въ состояніи вмѣстить его; какъ **утѣшительно**, что тѣ, которые въ страхъ взываютъ изъ глубины нужды, встрѣчаютъ его, какъ зарю лучшей надежды. И, наконецъ, какъ **совершенъ** онъ! Подобно этому семилампадному свѣтильнику, который, своими семью огнями, слицетворяетъ совершенное освѣщеніе и озаряетъ своимъ сіяніемъ святыя символы святыхъ лицъ, равно какъ и совершающееся здѣсь богослуженіе, такъ озаряетъ и Христосъ Своимъ свѣтомъ вѣчный, Имъ Самимъ исполненный, совѣтъ Божій, въ который желаютъ проникнуть Ангелы. О, еслибъ и мы стремились впередъ! Чѣмъ болѣе познается свѣтъ Его, тѣмъ сильнѣе жаждешь Его Самого, такъ что, наконецъ, стремишься только къ тому дню, когда мы познаемъ Его, подобно какъ мы познаны.

Но пойдѣте, возлюбленные, дальше. **Не одинъ Христосъ, но Христосъ и Церковь Его показаны намъ здѣсь**. Золотой свѣтильникъ со своими семью вѣтвями показываетъ намъ Его не только, какъ **Источникъ свѣта**, но и представляетъ намъ **Его въ Его развитіи** на землѣ въ теченіе вѣковъ. Онъ, единственный въ родѣ Своемъ, корень, родословное дерево новаго поколѣнія, пустилъ отъ Себя много сучьевъ и вѣтвей, составляющихъ съ Нимъ одно, которые Онъ носитъ, и которые дѣлаютъ Его совершеннымъ, какъ эти семь вѣтвей, вышедшія изъ одного стебля и образовавшія одинъ свѣтильникъ. Апостолъ Іоаннъ, показывающій намъ Христа въ Его Откровеніи, или развитіи въ теченіи вѣковъ, въ первомъ своемъ видѣніи видитъ опять этотъ семичленный золотой свѣтильникъ, несомнѣнно похожій на свѣтильникъ скиніи, и значеніе этого свѣтильника было истолковано Іоанну Сыномъ Божиимъ такъ: „Семь свѣтильниковъ, которые ты видѣлъ, суть семь Церквей“. Подъ „ семью Церквами“, гдѣ число семь опять обозначаетъ полноту и совершенство, мы подразумѣваемъ всю воинствующую

щую церковь Божию всѣхъ временъ и всѣхъ странъ на землѣ. Въ ней Онъ развивается, въ ней является міру еще и въ наши дни.

Но какая чудная картина: Христосъ и Христовы въ продолженіе тысячи и тысячи лѣтъ пребывающіе во святилищѣ! Христосъ и искупленные Его такъ тѣсно соединены между собою, что они, вообще, составляютъ **одно** съ Нимъ, а также и одно другъ съ другомъ, потому что, хотя здѣсь выступаютъ семь вѣтвей, онѣ все же составляютъ не семь отдѣльныхъ предметовъ, но одинъ. И далѣе: Христосъ и Его искупленные причастны одного и того же естества, именно естества **Божескаго** (2 Пет. 1, 4); такъ что здѣсь наглядно то, что апостоль Павелъ говоритъ Евреямъ,ставляя намъ эту истину: „Ибо и Освящающій и освящаемые всѣ отъ Единаго“ (2, 11).

Подходя ближе къ этому золотому свѣтильнику, мы даже въ томъ, какъ онъ произошелъ, увидимъ Христа и Церковь Его. Благородный металлъ, чистое, высшаго сорта золото, употребленное на него, только подъ многими тяжелыми ударами молотовъ, обратилось въ чудо искусства, красовавшееся во святилищѣ. Тѣ семь вѣтвей должны были быть буквально выбиты изъ ствола, и чашечки, на подобіе миндальнаго цвѣтка, яблоки и цвѣты, такъ чудно украшавшіе его, обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ же ударамъ, на него падавшимъ.

Глядя на Христа, мы видимъ то же самое; совершенно подобнымъ же образомъ совершалось на нашихъ глазахъ и Его развитіе здѣсь на землѣ, какъ самой личности Его, такъ и Его членовъ. Развѣ мы не читаемъ о Немъ, что Онъ былъ „изъязвленъ и мучимъ“? Не сказано ли: „Господу было угодно поразить Его“? Какова же должна была быть сила ударовъ, нанесенныхъ Ему, чистому золоту, простертой надъ Нимъ рукой Божіей! И какова была цѣль всего этого? Слушайте, дорогіе мои, и внимайте: чтобы—позвольте мнѣ выразиться картинно, сообразуясь съ нашимъ символомъ,— чтобы семь золотыхъ вѣтвей вышли отъ Него. Потому что мы читаемъ о Немъ далѣе: „Когда душа Его (подъ ударами этими) принесетъ жертву умиловленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное, и воля Гос

подня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою Его“. (Ис. 53, 10). Да, народъ Господень есть потомство, сѣмя Его, рожденное Его страданіями; безъ этихъ страданій, безъ Его смерти, Онъ, по собственнымъ Своимъ словамъ, остался бы одинъ (См. Іоан. 12, 24). Но Онъ сдѣлался истинной лозой виноградной со многими вѣтвями, стволомъ, отъ котораго исходятъ дѣти Его, какъ побѣги, истиннымъ небеснымъ свѣтильникомъ съ вѣтвями, Его украшающими и, какъ мы уже говорили, дополняющими совершенство Его; потому что о Церкви Его сказано, что она есть полнота Наполняющаго все во всемъ.

Но какъ окончательный видъ свѣтильника образовался подъ ударами молотовъ, такъ и вѣтви его, и каждая изъ нихъ въ отдѣльности, нуждались въ подобныхъ же ударахъ, чтобы развиться во всей своей миловидности и красотѣ. Другими словами, какъ Христосъ Самъ страданіями достигъ совершенства (Евр. 2, 10), такъ надлежитъ и искупленнымъ Его „многими скорбями“ войти въ Царствіе Божіе. Если они золото, подобно Ему, то они, какъ и Онъ, пойдутъ подъ молотъ, какъ Онъ, войдутъ въ горнило и, подобно Ему, въ огонь; но они ничего не потеряютъ отъ этого, только сдѣлаются испытанными и драгоцѣнными.

При внимательномъ разсматриваніи золотого свѣтильника съ его вѣтвями, вѣроятно, можно было видѣть на немъ слѣды его изготовившаго орудія, такъ какъ на предметахъ, вычеканенныхъ изъ золота, всегда можно различить почти каждый отдѣльный ударъ. Такъ и мы „всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса“, но только единственно съ той цѣлью, „чтобы и жизнь Іисусова открылась въ смертномъ тѣлѣ нашемъ“ (2 Кор. 4, 10). Въ какой мѣрѣ дѣйствуетъ въ насъ смерть Его, въ такой же мѣрѣ изображается въ насъ и образъ Его и всякій ударъ, поражающій насъ, обращается, дѣйствіемъ Божіемъ, въ средство сдѣлать насъ подобными нашему возвышенному образцу. Посмотрите внимательно на эти цвѣточныя вѣнчики и цвѣты, на эти яблоки и чашечки на стеблѣ свѣтильника: они произошли отъ ударовъ, направленныхъ искусной рукою, такъ что вышли чуднымъ украшеніемъ; но и на вѣтвяхъ стебля вы находите совершенно подобныя

же украшенія, и они произошли совершенно такимъ же путемъ; итакъ, одинаковая краса и одинаковая слава на обоихъ, потому что они были подвержены одинаковой обработкѣ. И потому намъ не слѣдовало бы удивляться или чуждаться огненнаго искушенія, для испытанія намъ посылаемаго, но мы должны бы знать, разъ навсегда, что „любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу; ибо, кого Онъ предугадалъ (замѣтьте хорошенько, что здѣсь указывается причина, почему все содѣйствуетъ ко благу), тѣмъ и предопредѣлилъ **быть подобнымъ образу Сына Своего**, дабы Онъ былъ первороднымъ между многими братіями“ (Рим. 8, 28. 29). Поэтому непоколебимо вѣрно то, что „наше кратковременное легкое страданіе производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу“ (2 Кор. 4, 17).

Мы разсмотрѣли происхожденіе золотого свѣтильника и развитіе его великолѣпія, и видѣли въ немъ Христа и искупленныхъ Его; **обратимъ же теперь вниманіе на его назначеніе**. Другого назначенія, какъ свѣтитъ, онъ, конечно, имѣть не могъ. Онъ существовалъ не только для того, чтобы являть свой собственный блескъ, но, прежде всего, чтобы распространять свѣтъ во мракъ и озарять имъ предметы, высокое достоинство которыхъ не могло бы быть видимо безъ свѣта. Тамъ, во святилищѣ, находились славныя богатства, которыя въ окутывавшемъ ихъ мракѣ были бы совершенно бесполезны, такъ какъ никто не могъ бы пользоваться ихъ благословеніями безъ того яснаго свѣта семи лампадъ золотого свѣтильника. Тамъ, какъ мы уже видѣли, стоялъ золотой жертвенникъ благоговѣйнаго поклоненія Богу, накрытый столъ съ хлѣбами предложенія, драгоценная трапеза священниковъ Божіихъ; тамъ находилось искусно вытканное покрывало съ изображеніемъ херувимовъ, являвшее славу Божію; затѣмъ завѣса у входа во Святое-святыхъ и весь блескъ во всемъ святилищѣ — все предметы, не имѣвшіе цѣны безъ свѣта золотого свѣтильника, съ нимъ же — предметы, составляющіе наше блаженство.

Да, лишь во Христѣ Одномъ и чрезъ Него, Который воистину есть нашъ золотой свѣтильникъ, получаемъ мы

божественный свѣтъ, отверстія очи, познаніе, которое есть жизнь вѣчная, возможность вкушать Его благодать и искупленіе, намъ уготованныя; только во свѣтъ Его мы видимъ свѣтъ. Хотя всѣ тѣни будущихъ благъ существовали и до явленія Христа на землю, но какую пользу могли онѣ принести? Могли ли онѣ насъ приблизить къ Богу, напитать голодную душу или открыть истинный входъ въ вѣчную скинію? Нѣтъ, безъ Него онѣ были бы совершенно безсильны, мы не могли бы даже понять смысла ихъ; полный мракъ лежалъ на нихъ, и мы сами были тоже во мракѣ. Но Онъ, Востокъ свыше, Онъ, Солнце правды, не только принесъ съ Собой свѣтъ и озарилъ этотъ мракъ, но принесъ еще и дѣйствительное исцѣленіе въ лучахъ Своихъ.

И что Онъ дѣлалъ Самъ, то заповѣдалъ дѣлать и Церкви Своей: она должна, подобно Ему, нести свѣтъ во тьму, точно такъ, какъ тѣ вѣтви свѣтильника имѣли ту же цѣль, которую выполнялъ стебель его. „Потому что Богъ, повелѣвшій (въ первый день сотворенія міра) изъ тьмы возсіяť свѣту, **озарилъ** (это каждый членъ народа Божія можетъ засвидѣтельствовать какъ лично о себѣ, такъ и о братіяхъ своихъ) наши сердца, дабы просвѣтитъ насъ познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа“ (2 Кор. 4, 6). Мы подобны фонарямъ; внутри сердца горитъ яркій свѣтъ, но онъ долженъ изливаться наружѣ и озарять окружающихъ насъ. Іисусъ сказалъ нѣкогда ученикамъ Своимъ простую, намъ всѣмъ хорошо извѣстную, но тѣмъ не менѣе очень важную истину: „Никто, зажегши свѣчу, не покрываетъ ея сосудомъ, или не ставитъ подъ кровать а ставитъ на подсвѣчникъ, чтобы входящіе видѣли свѣтъ“ (Лук. 8, 16), и Онъ сказалъ это о тѣхъ, которые подобны сѣмени, упавшему на добрую землю; они были, слѣдовательно, всѣ зажженными свѣчами и всѣ поставлены на подсвѣчникъ, могу ли я прибавить, на золотомъ? Конечно на Немъ, на золотомъ свѣтильникѣ; потому что если, какъ Онъ говоритъ, **никто**, зажегши свѣчу, не покрываетъ ея сосудомъ или не ставитъ подъ кровать, покроеť ли **Онъ зажженные Имъ Самимъ свѣточѣ** и не поставитъ ли скорѣе ихъ на свѣтильникъ, чтобы свѣтили? О, дѣти Божіи, знай-

те, что ваше мѣсто на Немъ, золотомъ свѣтильникъ, и ваша цѣль одинакова съ цѣлью Его: свѣтитъ. Онъ, Кто о Себѣ сказалъ: „Я—свѣтъ міру“, сказалъ то же самое слово о васъ. Онъ теперь вошелъ къ Отцу, не оставилъ этого міра во тьмѣ; онъ оставилъ здѣсь Своихъ искупленныхъ, чтобы „среди строптивого и развращеннаго рода они сіяли какъ свѣтила въ мірѣ“ (Фил. 2, 15). Сами нѣкогда бывшіе тьмою, они сдѣлались „теперь свѣтомъ въ Господѣ“ (Еф. 5, 8). **Въ Господѣ**—это я желалъ бы особенно подчеркнуть, потому что безъ Него и внѣ Его даже самое лучшее изъ дѣтей Божіихъ, несмотря на всю свою мудрость, свое познаніе и благочестіе, не что иное, какъ дымящаяся головня.

И что же намъ раньше всего приходится освѣщать? Онъ, Сынъ Божій, отражалъ здѣсь, на землѣ, Отца: видѣвшій, Его, видѣлъ Отца; намъ же, возлюбленные, слѣдуетъ отражать Христа; Онъ долженъ быть виденъ въ насъ, и чрезъ насъ міръ долженъ Его познать. Подобно тому, какъ тотъ семичленный свѣтильникъ освѣщалъ своими огнями тѣни будущихъ благъ, такъ народомъ Божіимъ должна быть освѣщена истиннымъ свѣтомъ самая **сущность** благъ предъ всѣмъ міромъ. О немъ можно справедливо сказать то, что нѣкогда Господь сказалъ Самарянкѣ, что онъ не знаетъ, „чему кланяется“, но мы должны освѣтить ему путь къ золотому жертвеннику и показать ему, что значитъ поклоняться Богу въ Духъ и истинѣ. Онъ погибаетъ отъ душевнаго голода; намъ же надлежитъ подвести его къ столу съ хлѣбами предложенія, дающему хлѣбъ жизни и составляющему великую трапезу Агнца. Бѣдный міръ не знаетъ пути мира; онъ не знаетъ, какъ проникнуть изъ стана во дворъ, а затѣмъ во святилище и во Святое-святыхъ; мы же должны направлять наши лучи свѣта на этотъ путь, чтобы онъ вошелъ настоящей дверью къ Богу и къ благодати, въ которой стоимъ мы. Къ сожалѣнію, въ теченіе многихъ прошлыхъ вѣковъ лишь тусклый, едва мерцавшій и временами какъ бы замиравшій свѣтъ исходилъ отъ Церкви Божіей, и потому цѣлыя сотни милліоновъ язычниковъ и другихъ народовъ ходили во тьмѣ своего сердца и въ помраченіи своего разума. Только къ

вечеру, т. е. въ это послѣднее время, начинаетъ дѣлаться немного свѣтлѣе.

Но вопросъ, какъ свѣтилъ и свѣтитъ еще народъ Божій вообще, для насъ, братія мои, не главный вопросъ. Гораздо существеннѣе вопросъ: какъ свѣчу я, какъ свѣтишь ты, какъ свѣтимъ всѣ мы теперь, въ наши дни? **Видитъ ли міръ въ насъ дѣйствительно Христа? Привлекателенъ и, въ то же время, обличителенъ ли свѣтъ нашъ?** Влечетъ ли онъ съ неудержимой силой къ Нему? Распространяется ли нами познаніе о славѣ Божіей въ лицѣ Іисуса Христа на всякомъ мѣстѣ? И если бы каждый изъ насъ могъ отвѣтить на всѣ эти вопросы непринужденнымъ, радостнымъ „да“, тогда мы были бы украшеніемъ золотого свѣтильника, какъ бы мы ни были, вообще, мало видны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; тогда мы принадлежали бы къ тѣмъ, которые обратили многихъ къ правдѣ!

Но возвратимся еще разъ къ золотому свѣтильнику и посмотримъ, какими заботами онъ былъ окруженъ. Съ повелѣніемъ, сдѣлать его, Господь заповѣдалъ приготовить также всевозможные сосуды, необходимые для ухода за нимъ. Мы читаемъ о кружкахъ, щипцахъ, лсткахъ, а въ другомъ мѣстѣ и о золотой чашѣ для елея. Эта послѣдняя, постоянно наполненная чистымъ елеемъ, только ожидала руки первосвященника, который одинъ выполнялъ здѣсь славное служеніе, снова доливать выгорѣвшій елей, чтобы огонь имѣлъ необходимую пищу и чтобы свѣтъ могъ сіять во всей своей силѣ. Каждое утро и каждый вечеръ мы видимъ первосвященника, приходящаго сюда, чтобы предотвратить всякій недостатокъ отъ лампадъ.

Неправда ли, братія мои, мы знаемъ, какъ нашъ великій Первосвященникъ былъ помазанъ елеемъ радости Духа Святого болѣе соучастниковъ Своихъ, и какъ безмѣрно обширно было это помазаніе; но, хвала и поклоненіе Ему, чрезъ Него и мы сдѣлались участниками того же самаго Духа Святого, и чѣмъ больше изливаются отъ насъ лучи Его, тѣмъ болѣе будемъ мы наполнены Имъ. Въ этомъ случаѣ расходъ не оскудѣніе, но средство къ расширенію мѣста для большей полноты. Онъ Самъ, великій Первосвященникъ, ходитъ опоясанный между Своими золотыми

свѣтильниками; такимъ образомъ, Онъ готовъ заботиться о нихъ. О, если бы мы были такъ готовы принимать, какъ Его рука готова надѣлять!

Если, съ одной стороны, первосвященникъ ревностно старался постоянно доставлять пищу огню, то, съ другой стороны, онъ старался устранять и уничтожать всѣ препятствія, чтобы пламя давало ясный свѣтъ. Приходилось ему, въ свое время, прибѣгать и къ помощи щипцовъ, и чистить надлежащимъ образомъ свѣтильню, и это послѣднее было одинаково нужно, какъ и первое.

Мы, вѣроятно, тоже всѣ знаемъ о веществѣ, которое всегда способно угасить горящее въ насъ пламя; мы знаемъ, что огорчаетъ въ насъ Его, благого Духа Святого, и не приходится ли подчасъ и намъ внутренне содрогаться предъ щипцами, которые нашъ великій Первосвященникъ долженъ иногда примѣнять къ намъ. О, эти щипцы скорби и страданій, этотъ ножъ виноградаря, какъ часто они заставляютъ насъ содрогаться, и все же, пока Его рука управляетъ ими, они не могутъ повредить намъ, но только очищаютъ, чтобы огонь могъ сильнѣе разгорѣться. А потому не сѣтуй, дорогая душа, если тебѣ приходится теперь именно испытывать дѣйствіе Его острыхъ щипцовъ; они то и доказываютъ, что Онъ около тебя и въ разгарѣ работы надъ тобой! И благодареніе Ему, Онъ не утомляется отъ Своего служенія, но подобно тому, какъ Ааронъ тамъ, во святилищѣ, совершалъ каждый день то же самое, такъ и Онъ доведетъ Свое драгоценное дѣло до того великаго дня, когда народъ Его явится съ Нимъ во славѣ и будетъ сіять, какъ солнце, во всей силѣ своей.

И замѣтимъ при этомъ еще, какъ Господь заботился о томъ, чтобы свѣтъ этого свѣтильника непрерывно горѣлъ во всѣ времена. Въ Исх. 27, 21, гдѣ рѣчь идетъ объ уходѣ за свѣтильникомъ, о наполненіи утромъ и вечеромъ лампадъ его елеемъ, Господь торжественно прибавляетъ: „Это уставъ вѣчный для поколѣній ихъ отъ сыновъ Израилевыхъ“. Всегда наполненный, онъ всегда долженъ былъ горѣть. Поэтому то мы и читаемъ о щипцахъ и лоткахъ, объ очищеніи и уходѣ за нимъ, но нигдѣ нѣтъ ни слова объ его угашеніи, потому что онъ именно никогда не долженъ былъ

быть погашенъ. Свѣтъ свѣтильника горѣлъ, были ли тутъ священники Божіи, пользовавшіеся его пріятнымъ сіяніемъ, или нѣтъ; онъ горѣлъ, былъ ли внѣ скиніи ясный день или покоилась темная ночь надъ всѣмъ станомъ Израильскимъ; онъ горѣлъ лѣтомъ и зимой, днемъ и ночью, семью неослабѣвшими, никогда не угасавшими огнями.

Такъ и Христосъ, Господь нашъ. Съ неослабѣвющею силою непрестанно сіяетъ Онъ свѣтомъ жизни, близки ли мы къ Чему и пользуемся ли свѣтомъ Его, или же ходимъ въ пламени своего собственнаго огня, принимаетъ ли это къ сердцу міръ, сидящій въ тѣни смертной или гибнетъ онъ, продолжая идти путемъ мрака и ужаса. О, этого совсѣмъ не было бы нужно, только бы онъ позволилъ открыть себѣ глаза, лишь бы взглянулъ на Него, приблизился къ Нему, пересталъ бы любить тьму болѣе, нежели свѣтъ. Но какъ бы онъ ни относился къ этому свѣту, ему никакъ не удастся заставить Господа отнять отъ него Свое яркое сіяніе; потому что, какъ солнце неизбѣжно должно свѣтить и согрѣвать, такъ и Онъ будетъ всегда изливать свѣтъ Свой, пока самый послѣдній грѣшникъ въ мірѣ не озарится Имъ и не найдетъ пути къ Нему въ отчизну, гдѣ Онъ, Агнецъ, сдѣлается, самымъ совершеннымъ образомъ, его вѣчнымъ свѣтомъ.

Но какъ свѣтитъ Онъ, такъ непрестанно свѣтитъ долженъ и народъ Его, Его Церковь. Радостно ли привѣтствуетъ міръ свѣтъ этотъ, или ненавидитъ его, молчитъ ли діаволъ при этомъ или посылаетъ на него свои потоки водъ—все равно. Господь желаетъ, чтобы ты свѣтилъ, народъ Господень, потому Онъ и ходитъ посреди тебя, какъ среди Своихъ золотыхъ свѣтильниковъ, потому Онъ и восполняетъ всѣ нужды твои и заранѣе предотвращаетъ всякій недостатокъ. И замѣтилъ ли ты когда-либо, чтобы Онъ приходилъ къ тебѣ съ цѣлью потушить свѣтъ твой? Нѣтъ, какъ бы ничтоженъ временами ни былъ свѣтъ этотъ, какъ бы слабо онъ ни мерцалъ, Господь всегда оправдывалъ Свое обѣтованіе: „Трости надломленной не переломить, и льна курящагося не угасить“ (Мат. 12, 20); потому что, какъ бы мало ни являлъ Его этотъ свѣтъ, онъ все же свѣтъ Его.

Итакъ иди, свѣти, братъ мой, иди, свѣти, сестра моя въ Господѣ, и сегодня и завтра, изо дня въ день, все свѣтлѣе и ярче, куда Господь тебя ни поставитъ и доколѣ Онъ Самъ не придетъ. „Да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи; и вы будьте подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія господина своего“ (Лук. 12, 35. 36). чтобъ, когда бы Онъ ни пришелъ, вы могли выйти навстрѣчу Ему съ наполненными, украшенными свѣтильниками и войти съ Нимъ въ радость Его. „Богъ же всякой благости, призвавшій васъ въ вѣчную славу Свою во Христѣ Иисусѣ, да совершитъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да содѣлаетъ непоколебимыми“ (1 Пет. 5, 10). Аминь.

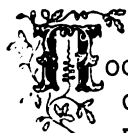
---

13. Столъ для хлѣбовъ предложенія и хлѣбы предложенія.

Исх. 25, 23. „И сдѣлай столъ изъ дерева ситтимъ, длиною въ два локтя. шириною въ локоть, а
 24. вышиною въ полтора локтя. И обложи его золотомъ чистымъ и сдѣлай вокругъ него
 25. золотой вѣнецъ. И сдѣлай вокругъ него стѣнки въ ладонь. и у стѣнскъ его сдѣлай
 26. золотой вѣнецъ вокругъ. И сдѣлай для него четыре кольца золотыхъ. и утверди кольца на четырехъ углахъ у четырехъ но-
 27. жекъ его. При стѣнкахъ должны быть кольца, чтобы вѣшать шести, для но-
 28. шенія на нихъ стола. А шести сдѣлай изъ дерева ситтимъ, и обложи ихъ золо-
 29. томъ, и будутъ носить на нихъ сей столъ.
 30. Сдѣлай также для него блюда, кадильницы, чаши и кружки, чтобы возливать ими: изъ
 30. золота чистаго сдѣлай ихъ. И полагай на столъ хлѣбы предложенія предъ лицомъ Моимъ постоянно“.

Лев. 24, 5. „И возьми пшеничной муки и испеки изъ нея двѣнадцать хлѣбовъ; въ каждомъ хлѣ-
 6. бѣ должны быть двѣ десятыхъ ефы. И положи ихъ въ два ряда, по шести въ рядъ,
 7. на чистомъ столѣ предъ Господомъ. И положи на каждый рядъ чистаго ливана, и будетъ это при хлѣбѣ, въ память. въ
 8. жертву Господу. Въ каждый день субботы постоянно должно полагать ихъ предъ Гос-
 9. подомъ отъ сыновъ Израилевыхъ: это за-
 9. вѣтъ вѣчный. Они будутъ принадлежать Аарону и сынамъ его, которые будутъ ѣсть ихъ на святомъ мѣстѣ; ибо это великая святыня для нихъ изъ жертвъ Господнихъ: это постановленіе вѣчное“.

Послѣдній предметъ во святилищѣ, который намъ остается еще разсмотрѣть, это—столъ для хлѣбовъ предложенія. Въ то время, какъ золотой жертвен-

никъ, какъ уже было замѣчено, стоялъ прямо посреди святилища, непосредственно предъ завѣсой, столъ для хлѣбовъ предложенія занималъ мѣсто къ сѣверу, направо отъ жертвенника, а къ югу, налѣво отъ послѣдняго, — семилампадный золотой свѣтильникъ, который мы разсматривали въ нашей прошлой бесѣдѣ. Сдѣланный изъ знакомаго уже намъ дерева ситтимъ и обложенный золотомъ, этотъ столъ, или, какъ Господь его называетъ, этотъ „чистый“ столъ былъ небольшого размѣра; онъ имѣлъ, какъ мы только что читали, два локтя въ длину, одинъ локоть въ ширину и полтора локтя въ вышину. Удивительно, что, при сравненіи съ другими предметами во святилищѣ, онъ былъ увѣнчанъ вдвойнѣ: вокругъ него шелъ золотой вѣнецъ, но кромѣ того къ нему были еще придѣланы кругомъ стѣнки въ ладонь шириной, представлявшія собой какъ бы ограду, или охрану для лежавшихъ на немъ хлѣбовъ, чтобы они не могли упасть на землю. Такимъ образомъ, это былъ столъ царской трапезы съ царской охраной, о которой напоминаетъ Давидъ, говоря въ 22-мъ Псалмѣ: „Ты приготовилъ предо мною трапезу въ виду враговъ моихъ“. Въ вышеописанной оградѣ полагались двѣнадцать хлѣбовъ въ два ряда, по числу двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, съ которыми Господь вступилъ въ завѣтъ. Такимъ образомъ, это были хлѣбы завѣта для народа завѣта и они должны были напоминать Господу и народу Его о союзѣ, заключенномъ между ними, почему Онъ и называетъ ихъ также хлѣбами „памяти“. Каждую субботу они снимались съ этого стола, и тотчасъ же замѣщались новыми, такъ что столъ никогда не оставался пустымъ, безъ хлѣба. Объясненіе этого драгоцѣннаго образа не должно показаться труднымъ никому изъ насъ, такъ какъ и Ветхій и Новый Завѣты изливаютъ на него достаточно свѣта. Въ виду того, что матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ былъ столъ, уже разсматривался нами въ другихъ предметахъ, намъ хочется, во избѣжаніе повторенія, обратить ваше вниманіе особенно на

хлѣбы предложенія.

Вамъ, конечно, не можетъ не быть очевиднымъ, что въ этомъ вызолоченномъ столѣ для хлѣбовъ предложенія съ его хлѣбами

намъ должно видѣть Христа Іисуса, Богочеловѣка, какъ хлѣбъ жизни, потому что другое объясненіе прямо невозможно. Нѣсколько времени тому назадъ мы видѣли во святилищѣ золотой жертвенникъ, а затѣмъ и золотой свѣтильникъ, оба — предметы, которые почти совершенно естественно могли бы принадлежать къ дому Божію; но когда мы видимъ здѣсь присущій всякому человѣческому хозяйству накрытый столъ съ хлѣбомъ, главнымъ питательнымъ веществомъ, то не спросимъ ли мы: зачѣмъ это здѣсь находится и чему Господь хотѣлъ этимъ научить насъ? Конечно, отвѣтъ одинъ: Господу угодно этимъ прообразомъ указать на истинную пищу, на истинный хлѣбъ души нашей, который мы должны вкушать въ домостроительствѣ уже не тѣни будущихъ благъ, а самой сущности ихъ; а такъ какъ Писаніе говоритъ, что тѣло во Христѣ, то прообразъ этотъ и указываетъ прямо на Него.

Благодареніе Богу, въ этомъ отношеніи ошибиться мы не можемъ, потому что это были Его собственныя слова, которыя Онъ нѣсколько разъ повторилъ предъ одними и тѣми же слушателями, когда Онъ, въ противоположность земному хлѣбу, розданному Имъ народу, и въ противоположность маннѣ, полученной отцами ихъ чрезъ Моисея, объявлялъ имъ о Себѣ: „Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда“ (Іоан. 6, 35). О, эти бѣдныя, которые удовлетворились бы, если бы Онъ продолжалъ умножать имъ земной хлѣбъ, и придавшіе такое важное значеніе полученной въ пустынѣ маннѣ, не знали, что при всемъ томъ душа ихъ должна была алкать и жаждать, и не знали объ истинномъ хлѣбѣ, который давалъ имъ Отецъ и который даетъ жизнь міру, хотя онъ въ лицѣ Христа стоялъ передъ ними, Самъ предлагая Себя имъ. Да, Іисусъ даетъ жизнь; не только влачимое нами жалкое существованіе, но жизнь вѣчную, божественную, ту, которую жизнью называлъ Самъ Господь. Онъ не только хлѣбъ, питающій и поддерживающій жизнь, уже существующую, но дающій **потерянную, утраченную и еще не существующую** жизнь, потому что такіе люди, люди, находившіеся въ смерти и бывшіе безъ жизни божественной, стояли передъ Нимъ. Онъ и съ небесъ со-

шелъ на эту жалкую землю для того, чтобы вернуть и принести въ Самомъ Себѣ потерянную жизнь человѣку, изгнанному изъ рая и терпящему нужду и бѣдствіе въ изгнаніи, такъ какъ доступъ къ дереву жизни былъ ему прегражденъ.

Какое счастье, что міръ, хотя и обрѣвшій себѣ смерть ядомъ грѣха, однако, не долженъ вѣчно погибнуть, если онъ только этого самъ не захочетъ, потому что **въ домѣ Отца** „всѣ избыточествуютъ хлѣбомъ“ (Лук. 15, 17). Въ Его домостроительство предложенъ хлѣбъ міру, если онъ только, подобно блудному сыну, захотѣлъ бы вернуться къ Отцу, чтобы занять мѣсто за накрытымъ столомъ и питаться. Но какъ несравненно блаженнѣе народъ Божій, уже вернувшійся къ Отцу и вкусившій, какъ благъ Господь, и имѣющій теперь право постоянно пребывать во святилищѣ у богатой трапезы, вполне насыщаясь ею. Въ то время, какъ **тѣ** должны еще только получить жизнь въ Немъ, хлѣбъ жизни, **эти** питаютъ уже полученную жизнь и живутъ въ полной сытости вѣрою въ единство съ Нимъ. Для нихъ-то прежде всего и предназначенъ прообразъ тамъ, во святилищѣ, что мы, я надѣюсь, увидимъ въ послѣдствіи совершенно ясно.

О хлѣбахъ предложенія, полагавшихся на столъ, мы читаемъ, что **они были испечены изъ лучшей пшеничной муки и не содержали въ себѣ закваски**. Пшеничная мука есть символъ Сына человѣческаго, назвавшего Себя Самого пшеничнымъ зерномъ, которому надлежало умереть, чтобы не остаться одному. Пшеничное зерно является въ видѣ муки, какъ приготовленное для пищи. Закваска же, напротивъ, почти вездѣ въ Св. Писаніи есть прообразъ лукаваго, грѣха и порока, и потому она должна была быть удалена отъ хлѣбовъ предложенія и отъ святилища. Она есть образъ скрыто дѣйствующаго зла, не виднаго снаружи, но тѣмъ успѣшнѣе развивающаго мало-по-малу свое разлагающее дѣйствіе. Иногда она обозначаетъ ложное ученіе, проникшее въ Царствіе Божіе здѣсь на землѣ посредствомъ ложной церкви, втѣснившей на мѣсто чистой Невѣсты Христовой (Матѣ. 13, 33); иногда представляетъ собою собственное благочестіе и лицемѣріе, подобныя фарисейскому и саддукейскому, о чемъ, увѣщевая, говорилъ Іисусъ: „Бере-

гитесь закваски фарисейской и саддукейской, которая есть лицемѣріе“ (Мат. 16, 6.—Лук. 12, 1). Также разумѣль Господь подъ закваской и религію, необходимую только ради политики, остерегая въ другомъ мѣстѣ не только отъ фарисейской, но и отъ **закваски Иродовой** (Мар. 8, 15). Этотъ хитрый, коварный властитель, будучи невѣрующимъ саддукеемъ, могъ придать себѣ видъ почитателя Бога Израилева; онъ даже охотно слушалъ Іоанна, и все-таки позорно его обезглавилъ; онъ примыкалъ то къ саддукеямъ, то къ фарисеямъ, а иногда сразу и къ тѣмъ и другимъ, такъ, какъ этого требовала его государственная политика. Наконецъ, закваска обозначаетъ еще и грѣхъ, терпимый нами какъ въ насъ самихъ, такъ и въ Церкви Божіей, въ какомъ бы видѣ онъ ни обнаруживался. Въ церкви Коринѣской это было такъ, и апостоль, черезъ Духа Святого, со всею строгостью обличаетъ ихъ такими словами: „Нечѣмъ вамъ хвалиться. Развѣ не знаете, что малая закваска кваситъ все тѣсто? Итакъ очистите старую закваску, чтобы быть вамъ новымъ тѣстомъ, такъ какъ вы безквасны, ибо Пасха наша, Христось, закланъ за насъ. Посему станемъ праздновать не со старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины“ (1 Кор. 5, 6—8). Высказываясь такъ рѣшительно и безпощадно о закваскѣ, онъ подразумѣваетъ того грѣшника, который, несмотря на открытый грѣхъ его, сохранилъ свое мѣсто въ Церкви Божіей, которая, какъ говоритъ апостоль, была безквасна, т. е. свята. Прѣсное тѣсто и испеченный изъ него хлѣбъ былъ прообразомъ чистоты, истины и святости, и тотъ столъ со своими прѣсными хлѣбами указывалъ на чистаго, непорочнаго Сына человѣческаго, въ Которомъ невозможно было найти и тѣни какого-либо зла.

Вглядываясь въ жизнь, хожденіе, рѣчи, дѣйствія и мысли Его, открытыя передъ всѣми, потому что Ему никогда не было нужно скрывать что-либо, мы не видимъ въ Немъ ничего, кромѣ свѣтлаго, правдиваго характера какъ отвнѣ, такъ и внутри Его. Онъ—истинный хлѣбъ предложенія, въ которомъ, какъ бы глубоко мы ни вглядывались въ Него, и какъ глубоко ни испытывало Его око Божіе, ни Онъ ни мы не могли бы открыть никакого грѣха и даже

вида грѣха. Мы видимъ Его въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ тяжелыхъ испытаніяхъ, среди ожесточенныхъ нападковъ, преслѣдуемаго людьми, искушеннаго сатаною и, наконецъ, пораженнаго и отданнаго на смерть, и все это для того, чтобы сдѣлать Его причастнымъ грѣху; но все было напрасно, — Онъ остался чуждъ ему. И Онъ остался не только чуждъ ему, но, въ то же время, былъ исполненъ благодати, состраданія, любви, кротости, исполненъ всѣхъ плодовъ Духа Святого, такъ что Отецъ разъ за разомъ выражалъ Ему Свое благоволеніе, громко засвидѣтельствовавъ его словами: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“ (Матѳ. 3, 17.—17, 5).

Но если мы возвратимся къ хлѣбамъ предложенія, то намъ является чудная мысль, что они были пріятны для глазъ не только потому, что были символомъ чистоты и правды, но также и тѣмъ, что служили для дѣйствительнаго питанія. Правда, въ теченіе семи дней они были выставлены на видъ во святилищѣ предъ Богомъ и въ сущности носили названіе „хлѣбовъ лица Божія“; но по истеченіи этого времени Самъ Богъ отдавалъ ихъ въ пищу священникамъ; такъ что бывшее пищей благоволенія Его дѣлалось пищей Его служителей.

Такъ и Христосъ, Господь нашъ, Который, послѣ того какъ прошелъ открыто передъ лицомъ Божиимъ всю Свою земную жизнь и въ Которомъ даже самое строгое изслѣдованіе не могло найти никакой закваски грѣха, былъ намъ данъ, какъ хлѣбъ жизни. Въ вышеуказанной 6 гл. Евангелія Іоанна, гдѣ Онъ Самъ Себя предлагаетъ какъ хлѣбъ жизни, Онъ связываетъ свою отдачу намъ со Своею смертію за насъ. Чтобы дать жизнь, хлѣбъ долженъ быть вкушенъ, но, чтобы вкусить, надо предварительно разломить его; такъ и Онъ былъ намъ данъ по окончаніи Его земного поприща. И что мы должны вкушать Его, Онъ Самъ показалъ Своимъ ученикамъ еще передъ Своимъ концомъ во время той святой вечери воспоминанія, которая должна впредь совершаться до Его личнаго возвращенія. „Я—пища ваша, Я—ваше питье“, сказалъ Онъ намъ, преломивъ хлѣбъ и подавъ полную чашу, и затѣмъ прибавилъ: Примите, ядите“ и „пейте изъ нея всѣ“.

Вкушеніе хлѣбовъ предложенія во святилищѣ должно было быть совершенно особеннымъ указаніемъ именно на эту вечерю. Какое торжественное событіе совершалось, когда въ опредѣленный часъ каждаго субботняго дня первосвященникъ и сыновья его, священники, открывъ дверь во святилище, подходили къ столу хлѣбовъ предложенія, чтобы быть при немъ гостями Господа! Они приходили сюда не исповѣдывать свои грѣхи или принести трудную жертву, но являлись сюда для совершенія праздника въ присутствіи Іеговы. Богъ былъ какъ бы Хозяиномъ дома, предлагавшимъ даровое угощеніе служителямъ. Своимъ. У Него былъ для нихъ накрытый столъ, къ которому они могли подойти и совершенно безвозмездно насыщаться. Намъ не сказано, предлагалось ли имъ при этомъ и питье, но это можно почти заключить по блюдамъ, чашамъ и кружкамъ, принадлежащимъ къ столу и сдѣланнымъ изъ чистаго золота, „чтобы возливать ими“. Какъ бы то ни было, священники Господни праздновали субботу, вкушая богатые дары дома Его.

Таковъ чудный жребій всѣхъ дѣтей Божіихъ, которыя вѣрою вошли въ покой, въ субботство Господне; какъ истинные священники Божіи, они имѣютъ блаженное преимущество вкушать Христа не только при совершеніи Вечери Господней или по воскреснымъ днямъ, но постоянно, что они и дѣлаютъ, дабы войти въ полноту жизни. Ихъ сердца, всегда жаждущія Его, непрестанно зываютъ:

„Ты нуженъ, ты мнѣ нуженъ
„Иль близка смерть моя,
„Ибо сей міръ ни крошки
„Хлѣба не дастъ душѣ“.

Да будетъ Ему искреннее благодареніе за то, что мы всегда можемъ имѣть Его, что, подобно насущному хлѣбу, поддерживающему наше смертное тѣло и почти не сходящему съ нашихъ столовъ, Онъ непрестанно предлагается намъ Богомъ. Что бы стало съ нашей новой жизнью, еслибъ, получивъ ее, мы не давали бы ей должнаго питанія. Какъ скоро она бы угасла! И у тысячи дѣтей Божіихъ немощь, болѣзни и постепенное угасаніе есть слѣдствіе того, что они пренебрегаютъ постоянно вкушать Христа. Не су-

ждено ли вѣтви, не наполненной силой лозы, остаться безъ плода и, наконецъ, засохнуть?

О, братія мои, мы должны не только возродиться чрезъ Христа къ новой жизни, но и возрастать чрезъ Него отъ одной ступени къ другой, изъ младенцевъ въ юношей, изъ юношей въ совершенный возрастъ мужа, мы должны усвоить Его себѣ не только, какъ наше оправданіе, но также и какъ наше освященіе; только этимъ путемъ мы можемъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь во славу благодати Его. Посмотрите, какъ идетъ дѣло съ нашимъ ростомъ въ нашей обыденной жизни: мы вкушаемъ пищу безъ всякаго принужденія,—насушная потребность влечетъ насъ къ ней, и принятый нами хлѣбъ настолько тѣсно соединяется съ нами, что уже никѣмъ не можетъ быть отдѣленъ отъ насъ; благодаря этому соединенію, онъ можетъ развивать въ насъ свои силы, сообщая ихъ намъ, и слѣдствіемъ этого является нашъ ростъ безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны. Примите такъ Христа, усвойте себѣ вѣрой такимъ же образомъ силу Его; дѣйствуйте, думайте, поступайте и живите чрезъ Него и для Него Одного, не заботясь о ростѣ вашемъ; онъ не преминетъ придти, Ему въ благословеніе.

Какъ Онъ долженъ быть пищей для нашей жизни вообще, такъ долженъ Онъ быть пищей нашей и для каждаго отдѣльнаго дара благодати. Если вы имѣете нужду въ одномъ изъ нихъ, если замѣтите, что въ одномъ отношеніи отстали болѣе, чѣмъ въ другихъ, возьмите Христа какъ вашу силу, отдайте Ему ваше слабое мѣсто и повѣрьте Ему, какъ дѣти, что Онъ, именно въ этомъ, сила ваша; и вамъ будетъ по вѣрѣ вашей.

Христосъ долженъ быть пищей **вѣры** моей, иначе моя дѣятельная, во всѣхъ случаяхъ жизни побѣждающая вѣра вскорѣ оскудѣетъ. Не будетъ ни побѣды надъ міромъ, ни торжества надъ врагомъ, ни покоренія своей собственной плоти, ни смерти своего собственного „я“—тамъ, гдѣ Онъ не лично скала моего покоя, на которой я твердо занялъ мѣсто. Ученики стремились къ истинному источнику, который долженъ былъ питать ихъ вѣру, когда они довѣрчиво обратились къ Нему съ просьбой: „Господи! умножь въ насъ вѣру“!

Христосъ долженъ быть пищей моей **любви**, или она скоро исчезнетъ изъ моего сердца. Правда, она излилась Духомъ Святымъ, даннымъ мнѣ, но Онъ—ея жизнь, Онъ—ея пульсъ, Онъ—ея удовлетвореніе. Чѣмъ меньше Христа, тѣмъ меньше любви; чѣмъ больше Христа, тѣмъ больше того огня, котораго не могутъ потушить и большія воды.

Христосъ долженъ быть пищей **надежды** моей, потому что Онъ великій предметъ ея. Къ Нему возвожу я очи мои, Его ожидаю въ терпѣнни и, исчезни Онъ отъ моего взора, скажите, что осталось бы еще привлекательнаго для меня въ будущности? Онъ Одинъ даетъ мнѣ возможность взирать на нее съ блаженной радостью, тогда какъ одна мысль о ней приводитъ въ трепетъ другихъ людей. И чѣмъ болѣе я вкушаю Его, тѣмъ пламеннѣе дѣлается мое желаніе осуществить надежду мою, т. е. увидѣть Его, какъ Онъ есть.

Такъ, возлюбленные, мы могли бы еще продолжать показывать вамъ, что Онъ, и Онъ одинъ есть жизнь наша, пища наша и источникъ всякаго блаженства нашего; но лучше узнать это лично, практическимъ опытомъ, лучше за этимъ, всегда накрытымъ столомъ постоянно вкушать, какъ Онъ благъ.

Но пойдемъ дальше. Для того, чтобы вкушать эти хлѣбы предложенія, **святилище должно быть нашимъ жилищемъ**. Тамъ, внѣ святилища, въ станѣ, была, конечно, манна, были даже въ теченіе цѣлаго мѣсяца перепела, но хлѣбовъ предложенія не было, и ни разу даже кусочка его не было вынесено въ станъ. Люди тамъ не имѣли никакого представленія о вкусѣ и питательности его, и именно изъ-за этого они не могли даже имѣть потребности въ немъ. Такъ случается и съ бѣднымъ міромъ; онъ и до сего дня умираетъ, не вкушая Христа, и, въ большинствѣ случаевъ, даже и не желаетъ этого. Онъ, конечно, слышитъ кое-что о привлекательности Его, но одно слышаніе не насыщаетъ голоднаго. Въ словахъ нѣтъ питательныхъ веществъ: только хлѣбъ содержитъ ихъ. О, еслибъ міръ пришелъ и вкусилъ Его! Но онъ знаетъ, что вкушать Его должно только во святилищѣ, а предъ этимъ онъ съ ужасомъ отступаетъ.

Скажу еще болѣе, дорогіе друзья: эти хлѣбы не существовали даже и для посѣтителей двора. Обыкновенный

Израильтянинъ, можетъ быть, могъ увидѣть, какъ священникъ вкушалъ эту драгоцѣнную пищу, но самъ не имѣлъ права ѣсть ее. Онъ, посѣтителъ двора, имѣлъ все свое наслажденіе во дворѣ скиніи, и—только. Это показываетъ, въ какомъ отношеніи должны мы стоять къ Богу, чтобы быть способными постоянно имѣть участіе во Христѣ, такъ, чтобы Онъ былъ нашей пищей, наслажденіемъ, силой и жизнью. Онъ есть **твердая пища**, уготованная для всѣхъ, но вкушаемая лишь немногими, потому что, какъ апостолъ говорилъ Коринѣянамъ, такъ можно сказать о многихъ: „Вы были еще не въ силахъ, да и теперь не въ силахъ, потому что вы еще плотскіе“ (1 Кор. 3, 2. 3). Они должны довольствоваться молокомъ, дѣтской пищей, искать себѣ наслажденія во дворѣ.

Да, братія мои, мы не можемъ вкушать Христа въ полнотѣ, когда между нами и Господомъ существуютъ такія пространства, какъ между станомъ и Святымъ-святыхъ. Домочадцы, т. е. люди, жившіе въ тѣсномъ общеніи, въ непосредственной близости, такъ сказать, на глазахъ высокаго Хозяина святилища, занимали мѣста за трапезой Его. **Мы не можемъ** вкушать Его, если наше наслажденіе частью во святилищѣ, частью же внѣ его, такъ какъ сказанное Коринѣянамъ сказано и намъ: „**Не можете** пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; **не можете** быть участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской“ (1 Кор. 10, 21) Итакъ, порвите всякія узы, связывающія васъ съ тѣмъ, что могло бы раздѣлить васъ съ Нимъ; священный разрывъ, божественная разлука должны состояться между чадомъ Божиимъ и тѣмъ, что въ мірѣ; тогда только Христосъ сдѣлается вашимъ повседневнымъ, непрестаннымъ наслажденіемъ. Поставьте впредь ноги ваши на святую почву, и вы увидите, что предъ вами приготовлена трапеза въ виду враговъ вашихъ, и что чаша ваша всегда будетъ исполнена.

Далѣе, мнѣ хотѣлось бы еще замѣтить, что хлѣбъ предложенія былъ хлѣбомъ святилища, который священники вкушали даромъ. Единственное условіе, дѣлавшее ихъ способными вкушать его, было ихъ званіе. Если они сознавали, что они священники, то ни ихъ бѣдность, ни молодость или

слабость, или сознание своей немощи—ничто не могло воспрепятствовать имъ подходить къ трапезѣ и ее вкушать. Ни полушки не требовалось отъ нихъ, никакого подарка не должны были они принести, чтобы быть участниками этого дара.

Это, именно, хотѣлось бы мнѣ особенно выдвинуть ради робкихъ душъ въ домѣ Божіемъ. Если ты— чадо Божіе, ты— и священникъ Всевышняго, братъ мой, и это положеніе даетъ тебѣ полное право вкушать Христа, какъ Его вкушалъ апостолъ Павелъ, Іоаннъ или всякій другой изъ выдающихся святыхъ Его. Христосъ есть неизреченный даръ „для каждаго изъ дѣтей Своихъ и, замѣть, даръ, который тебѣ не надо постоянно снова вымаливать и каждый разъ вновь получать, но даръ, который, ты уже имѣешь, въ пользованіе котораго ты долженъ входить ежедневно глубже. Это подобно только что начавшемуся пиру, на которомъ ты уже успѣлъ вкусить нѣчто изъ предложеннаго. Ты не соображаешь и не считаешь, сидя за столомъ, сколько тебѣ придется заплатить за слѣдующую перемѣну кушаній или за второе блюдо, но просто слѣдуешь приглашенію хозяина и слушаешь предложенное тебѣ, потому что все пиршество было заранѣе придумано и приготовлено для тебя. Итакъ, ты, я и всякій вѣрующій имѣетъ спокойный и радостный доступъ, который ему никѣмъ не будетъ возбраненъ. Не только не будетъ возбраненъ, нѣтъ, напротивъ, постоянно слышится приглашеніе Божіе: „Примите и ядите; насыщайтесь отъ тука дома Моего“. — „Желающій пусть беретъ воду жизни даромъ“. — „Жаждающій пусть приходитъ и пьетъ“. Господь даже громко сѣтуетъ на то, что мы не приходимъ и направляемся куда-нибудь въ другое мѣсто: „Меня“ восклицаетъ Онъ, „источникъ воды живой, оставили, и высѣкли себѣ водоемы разбитые, которые не могутъ держать воды“ (Іер. 2, 13). Онъ жалѣетъ старанія наши, трудъ нашъ въ поискахъ наслажденія тамъ, гдѣ его нѣтъ, и желалъ бы исправить нашъ извращенный вкусъ: „Для чего вамъ“, говоритъ Онъ, „отвѣшивать серебро за то, что не хлѣбъ, и трудовое свое за то, что не насыщаетъ? Послушайте внимательно и вкушайте благо и душа ваша да насладится тукѣмъ“ (Ис. 55, 2). О, еслибъ въ концѣ концовъ

Онъ могъ перестать приглашать насъ къ этой щедрой и доступной трапезѣ, чтобы мы пользовались дарованнымъ намъ преимуществомъ безъ приглашенія?

Еще одно: посмотрите на всѣхъ участниковъ въ трапезѣ хлѣбовъ предложенія и замѣьте это чудное дружественное отношеніе между ними, которое здѣсь проявлялось. Тутъ передъ нами различные священники, сыны Аарона, самъ Ааронъ, а также и Господь. Правда, Господь не вкушалъ преломлявшихся здѣсь хлѣбовъ, но Ему принадлежалъ ливанъ, лежавшій на хлѣбахъ сверху. Прежде всего получалъ Господь Свою часть—общее благоуханіе всей трапезы. Чудное отношеніе къ Богу проявлялось при этомъ святомъ пирѣ общенія: Онъ, Господь, приготовившій столъ этотъ, являлся здѣсь, какъ общій Отецъ Своихъ соучастниковъ трапезы, имѣющій въ нѣжной заботѣ о нихъ богатый запасъ для удовлетворенія ихъ потребностей, и они были предъ Нимъ какъ домочадцы, дѣти, которые въ дѣтской простотѣ, въ силу сыновняго права участвовали во всемъ, какъ въ своей собственности. Это было блаженное отношеніе.

Затѣмъ, обратимъ вниманіе и на отношенія другъ къ другу между участниками трапезы. Разъ они были дѣтьми одного Отца, то они были и братьями между собою; ни одинъ изъ нихъ не былъ выше, ни одинъ ничтожнѣе другого; каждый имѣлъ то же право на наслѣдство, кромѣ одного первосвященника, благодаря которому они, собственно, и могли всѣ приблизиться. Я хочу этимъ сказать, что изъ всѣхъ преимуществъ, сопровождавшихъ это собраніе священниковъ, ни одна черта такъ рѣзко не выступала, какъ ихъ полное равенство предъ этимъ столомъ. на которое ни различіе возраста, ни различіе дарованій или характера не оказывало ни малѣйшаго вліянія. И это никогда не должно было бы быть иначе, потому что всѣ они вѣдь были очищены одинаковой жертвой, омыты въ одномъ и томъ же умывальникѣ, облечены въ одинаковыя одежды „славы и величія“, призваны къ одинаковому служенію и стояли предъ однимъ великимъ Господомъ; все это было дѣйствительностью, нашедшей себѣ здѣсь прекраснѣйшее выраженіе.

О, если бы во всей Церкви Христовой скоро дошло до

того, чтобы Онъ, хлѣбъ жизни, Онъ, питающій ее всю и каждое отдѣльное изъ Его дѣтей, сдѣлался единственной точкой соединенія всѣхъ ихъ! Апостолъ Павелъ видѣлъ именно въ этой духовной трапезѣ народъ Божій соединеннымъ въ одно тѣло; онъ узналъ въ превознесенномъ Господѣ тотъ единый хлѣбъ, такъ соединившій ихъ; когда онъ сказалъ: „Одинъ—хлѣбъ, и мы, многіе,—одно тѣло; **ибо всѣ причащаемся отъ одного хлѣба**“ (1 Кор. 10, 17). Вкушая хлѣбъ, сшедшій съ небесъ, мы дѣлаемся причастниками Христу и причастниками тѣлу Его; общеніе съ Нимъ въ небесахъ и общеніе другъ съ другомъ на землѣ — все это достигается только чрезъ Него! Да видятъ это наши очи съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе и да осуществится оно затѣмъ главнымъ образомъ въ нашей жизни! Аминь.

---

14. Святое-святыхъ—ковчегъ завета.

Исх. 25, 10. „Сдѣлайте ковчегъ изъ дерева ситтимъ:

- длина ему два локтя съ половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя. И обложи его чистымъ золотомъ; извнутри и снаружи покрой его; и сдѣлай наверху вокругъ него золотой вѣнецъ. И вылей для него четыре кольца золотыхъ и утверди на четырехъ нижнихъ углахъ его: два кольца на одной сторонѣ его, два кольца на другой сторонѣ его.
13. Сдѣлай изъ дерева ситтимъ шесты и обложи
14. ихъ золотомъ. И вложи шесты въ кольца, по сторонамъ ковчега, чтобы посредствомъ
15. ихъ носить ковчегъ. Въ кольцахъ ковчега должны быть шесты и не должны отниматься отъ него. И положи въ ковчегъ
17. откровение, которое Я дамъ тебѣ. Сдѣлай также крышку изъ чистаго золота: длина ея два локтя съ половиною, а ширина ея
18. полтора локтя. И сдѣлай изъ золота двухъ херувимовъ: чеканной работы сдѣлай ихъ
19. на обоихъ концахъ крышки. Сдѣлай одного херувима съ одного края, а другого херувима съ другого края, выдавшимися изъ крышки сдѣлайте херувимовъ на обоихъ
20. краяхъ ея. И будутъ херувимы съ распростертыми вверхъ крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будутъ другъ къ другу; къ крышкѣ будутъ
21. лица херувимовъ. И положи крышку на ковчегъ сверху; въ ковчегъ же положи
22. откровение, которое Я дамъ тебѣ. Тамъ Я буду открываться тебѣ и говорить съ тобою надъ крышкою, посреди двухъ херувимовъ, которые надъ ковчегомъ откровения, о всемъ, что ни буду заповѣдывать чрезъ тебя сынамъ Израилевымъ“.

Водвигая великолѣпную завѣсу за золотымъ жертвенникомъ, мы покидаемъ сегодня святилище и вступаемъ во Святое-святыхъ. Оно представляетъ собой заднее помѣщеніе скиніи, ровно въ половину меньшее святилища. Доступъ сюда имѣлъ только первосвященникъ Израильскій, и то однажды въ годъ. Это было вполнѣ темное, ничѣмъ не освѣщенное мѣсто, потому что здѣсь обиталъ Непостижимый Богъ; и хотя всѣ откровенія Израилю исходили отсюда, тѣмъ не менѣе это мѣсто и Тотъ, Который жилъ здѣсь, оставались сокрытыми. Итакъ, Святое-святыхъ было прообразомъ неба, того мѣста славы и присутствія Божія, о которомъ мы получимъ совершенный свѣтъ лишь тогда, когда мы сами туда войдемъ; теперь же, какъ сказано въ Посланіи къ Евреямъ, туда „предтчею за насъ вошелъ великій Первосвященникъ нашъ, Іисусъ Христосъ“ (Евр. 6, 20); теперь, собственно, когда завѣса уничтожена, разорвана на-двое, и въ этомъ помѣщеніи уже не такъ темно, потому что лучи семилампднаго свѣтильника проникаютъ теперь и туда; взоръ и доступъ туда свободны, и мы смѣемъ безнаказанно и радостно разсматривать и наслаждаться всѣмъ, здѣсь находящимся. Въ дѣйствительности и небо сдѣлалось намъ извѣстнымъ чрезъ Христа и, особенно, какъ мѣсто, которое Богъ приготовилъ для насъ. Возьмите Ветхій Заветъ и читайте, не видя никогда Новаго Завета: какъ темно тамъ относительно славной отчизны всѣхъ избранныхъ и, напротивъ, какъ ясно все со времени Христа.

Во Святомъ-святыхъ скиніи находилось очень немного, точнѣе, всего только одинъ предметъ—ковчегъ завѣта. Это былъ снаружи и внутри обложенный золотомъ ящикъ, называемый во многихъ мѣстахъ Писанія просто „ковчегомъ“, который имѣлъ нѣсколько болѣе четырехъ футовъ длины, два съ половиной фута ширины и такую же высоту. На немъ помѣщалась крышка, въ нѣкоторыхъ переводахъ библіи на другіе языки (также и въ русскомъ переводѣ въ Посланіи Евр. 4, 16) названная „престоломъ благодати“, по обѣ стороны которой помѣщены были херувимы, сдѣланные изъ массивнаго золота. Это былъ престолъ Божій,

мѣсто, съ котораго Онъ говорилъ съ Израилемъ и гдѣ открывался ему. Остановимся же у этого единственнаго священнаго предмета святилища, т. е. у

ковчега завѣта.

Прежде всего мы обращаемъ вниманіе на то, что ковчегъ завѣта или откровенія былъ главнѣйшимъ предметомъ всей скиніи. Онъ былъ самой священной и славной принадлежностью всего святилища Божія, и мы, конечно, не ошибемся, говоря, что для него, собственно, все святилище и было воздвигнуто. Онъ какъ бы сообщалъ своимъ присутствіемъ освященіе и святость всѣмъ другимъ прообразамъ. Онъ былъ, какъ показываетъ намъ исторія, раньше всего изображенъ и описанъ Богомъ Моисеею и, такимъ образомъ, сдѣлался исходной точкой откровенія Божія. И послѣ онъ оставался мѣстомъ, съ котораго Богъ объявлялъ Свою волю.

Мы также не можемъ не усмотрѣть превосходства его и въ томъ, что онъ, отдѣленный отъ всѣхъ другихъ священныхъ предметовъ, занималъ особое помѣщеніе въ скиніи, куда не входилъ ни народъ, ни даже священники, но гдѣ обиталъ одинъ Богъ, Іегова, и гдѣ только одинъ первосвященникъ, съ кровью жертвы за грѣхъ и золотой кадильницей, имѣлъ право встрѣчаться съ Нимъ одинъ разъ въ годъ. И это мѣсто называется съ особенной силой, въ отличіе отъ святилища и двора, Святое-святыхъ.

Далѣе, ковчегъ завѣта имѣлъ преимущество и при странствованіяхъ Израильтянъ по пустынѣ; несомый священниками, онъ шелъ впереди большого стана въ то время, какъ облачный столпъ стоялъ надъ нимъ. При переходѣ черезъ быстро текущій Іорданъ, по повелѣнію Іисуса Навина, священники спокойно вошли въ воду, потому что были увѣрены, что воды его отступятъ предъ ковчегомъ Господнимъ; и, дѣйствительно, пока они стояли среди этого русла, былъ такой открытый путь для Израиля, что онъ прошелъ черезъ Іорданъ, какъ сказано, по сушѣ, потому что вода его, текущая сверху, остановилась и стала высокою стѣною. Затѣмъ, во время войнъ Израильскихъ, ковчегъ завѣта открывалъ шествіе, и другіе народы даже принимали

его за Бога Израилева (См. Ис. Нав. 6, 5.—1 Цар. 4, 3—7). Наконецъ, нельзя умолчать о томъ, что онъ былъ единственнымъ предметомъ, перешедшимъ изъ скинии собранія въ послѣдующій храмъ Соломоновъ. Всѣ остальные принадлежности были отстранены и другія, большія и славнѣйшія, заняли ихъ мѣсто: но этотъ ковчегъ былъ и остался тотъ же до тѣхъ поръ, пока, вообще, таковой существовалъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Евреи и до нашихъ дней все еще убѣждены, что онъ не уничтоженъ, но гдѣ-нибудь скрытъ и снова появится, когда наступитъ день посѣщенія ихъ и имъ позволено будетъ возвратиться въ ихъ страну.

Откуда, возлюбленные, такое высокое достоинство и что оно обозначаетъ? Это не что иное, какъ то, что ковчегъ изображалъ Христа болѣе совершеннымъ образомъ, нежели всѣ другіе священные предметы. Всѣ остальные представляли Его односторонне, онъ же—со многихъ сторонъ: всѣ другіе—отчасти, онъ же—вполнѣ. Къ сожалѣнію, въ одной бесѣдѣ мы можемъ дать лишь намеки на отдѣльныя части, тогда какъ каждой изъ нихъ стоило бы посвятить цѣлую бесѣду, но и это имѣетъ свою хорошую сторону, потому что, такимъ образомъ, остается возможность каждому глубже копать для себя самого въ этомъ безцѣнномъ рудникѣ.

Перейдемъ же отъ высокаго достоинства этого ковчега завѣта къ значенію его. Ящикъ употребляется почти всегда для того, чтобы положить въ него что-нибудь драгоценное, чтобы оно осталось въ сохранности, и ковчегъ завѣта былъ таковымъ. Поэтому, какъ же драгоценно должно было быть то, что Богу было угодно положить въ эту шкапу для драгоценностей, если мы смѣемъ назвать его такъ. И если Богъ называетъ его ковчегомъ свидѣтельства и ковчегомъ завѣта, то намъ не приходится долго искать и догадываться о сокровищѣ, нашедшемъ себѣ здѣсь вѣрное мѣсто: это—свидѣтельство Бога намъ, Его завѣтъ съ нами.

Еще въ раю Богъ заключилъ завѣтъ съ первымъ человекомъ, по благодати Своей благословивъ его и поставивъ его владыкою надъ всей вселенной; единственнымъ

условіемъ, вмѣненнымъ этимъ завѣтомъ въ обязанность человѣку, было дѣтское послушаніе Создателю его. Какъ скоро разрушился тотъ завѣтъ, извѣстно намъ всѣмъ. Черезъ короткій промежутокъ времени Господь вынужденъ былъ погубить въ потопѣ потомковъ перваго человѣка вслѣдствіе ихъ развращенности. Вскорѣ послѣ этого, въ милости Своей, Онъ обратилъ взглядъ любви Своей на Авраама, чтобы вступить съ нимъ въ завѣтъ обѣтованія; въ немъ всѣ обѣтованія Божіи относились къ будущему сѣмени Авраама, въ которомъ должны были благословиться всѣ народы земли; такъ что собственно сѣмя Авраамово сдѣлалось носителемъ этого завѣта. Авраамъ же былъ только получателемъ и хранителемъ его обѣтованій. Потомки отца вѣры переселяются въ Египетъ и здѣсь подпадаютъ рабству, пока Іегова, въ состраданіи Своемъ, не призрѣлъ на ихъ жалкое положеніе и, взявъ ихъ за руку, не освободилъ ихъ рукою крѣпкою и мышцею простертою. Привыкшіе къ рабскому послушанію, они готовы здѣсь, у подошвы горы Синайской, исполнять все, что ни повелитъ имъ Іегова. Они готовы войти съ Нимъ въ завѣтъ закононо какъ они опозорились, потому что, прежде чѣмъ постановленія завѣта были вручены имъ, онъ уже былъ нарушенъ ими. Богъ и Израиль были бы впредь навѣки раздѣлены другъ съ другомъ, еслибъ завѣтъ закона долженъ былъ быть основаніемъ между Богомъ и Израилемъ, на которомъ пришлось бы имъ соединиться; но Іегова держался завѣта обѣтованія, ссылаясь на него всякій разъ, когда поступалъ съ Израилемъ не по правосудію Своему, но по милости Своей; объ этомъ свидѣлствуютъ многія мѣста Писанія, гдѣ говорится, что Онъ вспоминалъ завѣтъ Свой съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ (Лев. 26, 42.—4 Цар. 13, 23). Онъ взиралъ на будущее сѣмя Авраамово, на Христа, Единороднаго Сына Своего, прообразомъ Котораго для Израиля служилъ этотъ ковчегъ завѣта. Онъ долженъ былъ быть носителемъ и хранителемъ **вѣчнаго завѣта**. Если завѣтъ Іеговы не былъ сохраненъ ни Адамомъ ни Израилемъ, то онъ долженъ былъ сохраниться вторымъ Адамомъ, Господомъ съ неба. Слава и хвала Господу, что Его славный завѣтъ относительно людей заключенъ не съ

подобнымъ намъ; Онъ заключилъ его съ Сыномъ Своимъ, заступившимъ нашу сторону, сдѣлавшимся представителемъ нашихъ интересовъ; поэтому онъ не можетъ уже нарушиться, такъ какъ не зависитъ уже ни отъ силы или слабости нашей, ни отъ способностей и достоинства нашего, но отъ Того, Кто вполнѣ и навѣки удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ Іеговы. Я, ты, всѣ мы исключены изъ числа союзниковъ, заключавшихъ завѣтъ съ Богомъ, но приняты Имъ, сѣменемъ Авраамовымъ, носителемъ и хранителемъ вѣчнаго завѣта, т. е. Христомъ, въ участники Его наслѣдія, чтобы быть сонаслѣдниками съ Нимъ во вѣки. О, на какое безконечно славное основаніе опирается теперь спасеніе наше, находясь всецѣло въ Его рукѣ! „Горы сдвинутся, и холмы поколеблются, а милость Моя не отступитъ отъ тебя, и завѣтъ мира Моего не поколеблется, говоритъ милующій тебя Господь“ (Ис. 54, 10). „Вотъ“, прибавляетъ все Тотъ же Господь, „Я далъ Его свидѣтелемъ для народовъ, вождемъ и начальникомъ народамъ“ (Ис. 55, 4). И въ другомъ мѣстѣ Господь говоритъ о Немъ: „Я, Господь, призвалъ Тебя въ правду, и буду держать Тебя за руку, и хранить Тебя, и поставлю Тебя въ завѣтъ для народа, во свѣтъ для язычниковъ“ (Ис. 42, 6). Онъ былъ истиннымъ ковчегомъ свидѣтельства, истиннымъ ковчегомъ завѣта Божія.

Обратимъ теперь взглядъ нашъ на то, что находилось въ ковчегѣ завѣта. Разсматривая подробнѣе, мы находимъ здѣсь основаніе и свидѣтельство славнаго завѣта, т. е. двѣ скрижали закона Божія. Не то, чтобы это былъ для насъ опять завѣтъ закона, нѣтъ, для насъ тамъ все благодать, исключительная благодать; но тѣмъ не менѣе, онъ покоится все-таки на полномъ исполненіи правосудія и закона Божія со стороны нашего Посредника и Поручителя Христосъ взялъ на Себя наши обязанности, Онъ удовлетворилъ требованіямъ Божиимъ; Онъ исполнилъ волю Его; потому мы всюду находимъ праведность, какъ основаніе характера Его, какъ мы это видѣли въ завѣсахъ двора, у воротъ скиніи, на двери святилища, завѣсѣ Святого-святыхъ и, далѣе, въ покровѣхъ святилища, такъ и здѣсь: на днѣ этого ковчега покоятся тѣ двѣ скрижали божескаго закона. Не упустимъ

также изъ виду того, что это были не тѣ первыя, разбитыя скрижали, которыя, послѣ того какъ человѣкъ разбилъ ихъ, уже никогда не могли быть снова восстановлены или сложены вмѣстѣ; нѣтъ, эти скрижали были новое, второе изданіе, которыя были положены тутъ цѣлыми, и такими и сохранились.

Да, возлюбленные, во Христѣ Богъ создалъ не улучшение, не пособіе, но Онъ сотворилъ въ Немъ нѣчто новое. Богъ началъ здѣсь все опять сначала, а потому Его завѣтъ есть **новый** завѣтъ (Іер. 31, 31); Его завѣщаніе по этому названо также **новымъ** завѣтомъ (Матѣ. 26, 28); наслѣдники Божіи сдѣлались **новой** тварью (2 Кор. 5, 17), **новыми** людьми, рожденными отъ Бога и въ Немъ созданными (Іоан. 3, 3.—Еф. 2, 15); путь же, ведущій ко всему этому, названъ путемъ **новымъ и живымъ** (Евр. 10, 20), который есть Христосъ. Наконецъ, за Его искупленіемъ слѣдуетъ **новое** небо и **новая** земля, на которыхъ обитаетъ правда (2 Пет. 3, 13); да, Онъ творитъ все **новое** (Откр. 21, 5). Но все это относится къ концу, мы же стоимъ теперь предъ основаніемъ, съ котораго началъ второй Адамъ: предъ исполненіемъ Имъ воли Отца. Поэтому первый Его обѣтъ, при вступленіи въ міръ, былъ: „Вотъ иду; въ свиткѣ книжномъ написано о Мнѣ: Я желаю исполнить волю Твою, Боже Мой, и законъ Твой у Меня въ сердцѣ“ (Пс. 39, 8. 9.—Евр. 10, 5 -- 7). Онъ какъ бы хотѣлъ этимъ сказать: „Всѣ они не исполнили воли Твоей, всѣ они нарушили законъ Твой, тѣмъ не менѣе воля Твоя должна быть вся, вполнѣ, совершиться, и законъ Твой долженъ быть исполненъ въ точности; и для этого то Я вступаю въ этотъ міръ“. И, возлюбленные, какъ эти неповрежденные скрижали лежали въ святомъ, посвященномъ ящикѣ ковчега завѣта, такъ неприкосновенна была всегда воля Отца Его въ Его святомъ сердцѣ; и „желая“ исполнить ее, Онъ вылился наружу въ мысляхъ Своихъ, волѣ, рѣчахъ и поступкахъ, исходя изъ этого средоточія Своей жизни. Съ торжественной твердостью могъ Онъ сказать предъ Отцомъ Своимъ: „Я всегда дѣлаю то, что Ему угодно“ (Іоан. 8, 29) и „Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 6, 38).

Какъ онъ охотно исполнялъ волю Отца, говоритъ Онъ намъ въ другой разъ, утверждая: „Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его“ (Іоан. 4, 34). Что вы на это скажете? Не даетъ ли это моей вѣрѣ покой, миръ, дерзновеніе и радостное приближеніе къ Богу? Вѣдь чрезъ Него въ совершенствѣ исполнена за меня воля Отца; вѣдь Онъ для меня конецъ закона. Онъ лишилъ законъ силы, не устраняя его, но удовлетворяя его требованіямъ совершеннѣйшимъ исполненіемъ. Законъ не можетъ открыть уста свои, чтобы осудить меня, если я могу такъ выразиться, потому что „нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ“ (Рим. 8, 1).

Но не только это, не только знаки Его безгрѣшной, совершенной жизни, но и слѣды Его смерти находятся на этомъ ковчегѣ, которые даютъ основанію новаго завѣта полную твердость для каждого грѣшника. Еслибъ Онъ и исполнилъ законъ, но не искупилъ нашихъ совершенныхъ грѣховъ, то намъ могла бы быть предложена ничѣмъ незапятнанная праведность; но что бы мы могли сдѣлать съ ней, если бы грѣхи не были съ насъ сняты? Могла бы она вмѣстѣ съ нами одновременно съ нашимъ грѣхомъ? Никакъ! Но придите и посмотрите: не видите ли вы тамъ, какъ разъ на крышкѣ ковчега, на престолѣ благодати, многочисленныя капли крови, крошечныя по всѣмъ направленіямъ? Какъ онѣ бросаются въ глаза и какъ рѣзко выдѣляются на блестящемъ золотѣ! Онѣ какъ бы даже привлекаютъ къ себѣ взглядъ херувимовъ, приводя ихъ въ изумленіе, потому что къ нимъ именно обращены ихъ лица. Это—кровь, пролитая за беззаконіе, кровь жертвы за грѣхъ, пострадавшей внѣ стана, доказательство наказаннаго грѣха, свидѣтельство о послѣдовавшей смерти, и о возмездіи грѣха. Онъ сдѣлался жертвой за грѣхъ, — вотъ что возвѣщаютъ намъ здѣсь капли крови. Я вижу Его Самого входящимъ „со Своею кровію, чтобы предстать нынѣ за насъ предъ лицо Божіе“ (Евр. 9, 24). Это—кровь, о которой сказано, что она „очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха“ (Іоан. 1, 7), такъ что мы сдѣлались бѣлѣе снѣга (Пс. 50, 9). О, драгоценное основаніе, о которомъ можетъ ликовать душа наша!

Въ силу этого основанія Господь является на этомъ ковчегѣ завѣта, какъ мы увидимъ дальше, Богомъ всякаго милосердія. Подойдя къ этому ковчегу, мы находимъ на немъ блестящее сѣдалище изъ чистаго золота, окруженное золотымъ вѣнцомъ. Это и называется престоломъ благодати. Гдѣ существуетъ престолъ, тамъ долженъ существовать и властелинъ; и если престолъ этотъ—престолъ благодати, то онъ можетъ имѣть свой характеръ только отъ Того, Кто управляетъ, сидя на немъ. Такъ оно и здѣсь. Тутъ уже не та сторона Божія, которую намъ показываетъ Его осуждающее и наказывающее правосудіе, но мы видимъ здѣсь открывающагося намъ Бога всякой благодати. По обѣимъ сторонамъ стоятъ представители славы и величія Его, золотые херувимы, не съ пламеннымъ мечемъ, какъ это было послѣ грѣхопаденія, но готовые исполнить всѣ предписанія милосердія Іегова. Правда, святой законъ находится въ непосредственной близости, но онъ не на престолѣ: онъ покрытъ престоломъ благодати, заключенъ имъ, лежитъ внутри ковчега, покрытъ его крышкою. Онъ основаніе самого престола благодати. Какъ наглядно, неправда ли, представлено здѣсь, что „благодать воцарилась чрезъ праведность къ жизни вѣчной Іисусомъ Христомъ. Господомъ нашимъ“ (Рим. 5, 21). Законъ не можетъ болѣе противорѣчить благодати, когда она осыпаетъ своими благословеніями грѣшника, повиннаго смерти, но уповающаго на Христа; нѣтъ, законъ, послѣ того, какъ онъ совершенно исполненъ, даже требуетъ этого благословенія для грѣшника. О, блаженное правленіе! Кто еще устрашится приблизиться сюда?

Вотъ причина, почему именно это мѣсто было мѣстомъ, гдѣ Богъ желалъ открываться человѣку и встрѣчаться съ нимъ. „Тамъ Я буду открываться тебѣ и говорить съ тобою надъ крышкою, посреди двухъ херувимовъ, которые надъ ковчегомъ откровенія“ (Ст. 22); таково было обѣтованіе Божіе. Существовала и другая встрѣча, встрѣча внѣ престола благодати, но она была ужасна. Она лучше всего изображается словами апостола, когда онъ говоритъ: „Страшно впасть въ руки Бога живого“ (Евр. 10, 31), потому что это—встрѣча Бога-ревнителя, Который есть огонь поядающій,

истребляющій всѣхъ, противящихся Ему. Такъ встрѣчался Господь иногда съ Израилемъ, когда народъ впадалъ въ грѣхъ и гнѣвъ Божій возгорался на него; тогда Онъ тоже говорилъ, но не съ престола благодати; Онъ говорилъ съ ними въ гнѣвъ Своемъ, и они ужасались. Онъ тоже явился и говорилъ съ сообщниками Корея, Даана и Авирона, но конецъ былъ тотъ, что они „сошли со всѣмъ, что принадлежало имъ, живые въ преисподнюю, и покрыла ихъ земля, и погибли они изъ среды общества“ (Чис. 16, 33). Какая, напротивъ, была разница, когда Моисей входилъ въ это благословенное мѣсто; тамъ было откровеніе съ любовью, бесѣда какъ друга съ другомъ Своимъ, разговоръ лицомъ къ лицу. Что же дѣлало эту разницу? Мы это знаемъ и вы также: здѣсь сношеніе происходило чрезъ Христа, Котораго, какъ сказано въ Римл. 3. 25, Богъ предложилъ въ „жертву умиловленія“ („престолъ благодати“—по другому переводу). При всякой другой встрѣчѣ грѣшникъ стоитъ во всей своей наготѣ предъ Святымъ и Праведнымъ, и тогда онъ не въ силахъ устоять: онъ можетъ приближаться къ Богу только черезъ престолъ благодати. О, замѣтьте себѣ это, вы, старающіеся приблизиться къ Богу помимо Христа, и вы, строящіе на своей праведности и ссылающіеся на свою благочестивую жизнь, а также и вы, продолжающіе наугадъ вашъ жизненный путь! До васъ не достигнетъ Божій голосъ милосердія и состраданія, если вы не придете черезъ Сына къ Отцу; только черезъ Сына можетъ Онъ благословить васъ. Есть и останется вѣчной истиной то, что „нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія“ и „нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись“ (Дѣян. 4, 11. 12). „Я“, сказалъ Онъ Самъ, „Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“ (Іоан. 14, 6). Онъ одинъ можетъ спасти, и спасать всегда, но только тѣхъ, которые приходятъ къ Богу **чрезъ Него** (Евр. 7, 25). Блаженъ былъ Израиль, имѣвшій свой престолъ благодати, знавшій его и могшій приближаться къ нему! Насколько же безконечно счастливѣе и блаженнѣе должны быть мы, имѣющіе дѣло уже не съ тѣнью, а съ дѣйствительностью, съ Самимъ Христомъ

Иисусомъ! Но знаемъ ли мы **всѣ** этотъ престолъ благодати и, главное, встрѣчались ли мы здѣсь съ нашимъ Богомъ? Слышали ли мы голосъ, обращенный къ намъ **съ этого престола**? Если да, то, несомнѣнно, мы облагодатствованы Имъ въ Возлюбленномъ.

И вы, братія мои, которые увѣрены, что Онъ уже говорилъ съ душою вашею чрезъ Него, пребудьте на этомъ мѣстѣ, охотно оставайтесь тамъ; Господь говоритъ не только одинъ разъ чрезъ Иисуса, но, если Онъ началъ, тогда Онъ говоритъ, какъ съ Моисеемъ, такъ часто, какъ только имѣетъ что-либо на сердцѣ для насъ. О, только бы мы были готовы всегда слушать Его, только бы мы слушали Его съ радостью, подобно Самуилу, который, убѣдившись, что это Господь, Который зоветъ его, съ радостью воскликнулъ: „Говори, Господи, ибо слышитъ рабъ Твой“! Поистинѣ, мы получили бы откровенія, которыя наполнили бы наши уста веселіемъ и языкъ нашъ пѣніемъ, потому что, это было бы то, чего не видѣлъ глазъ, не слышало ухо и не приходило на сердце человѣку, но что Богъ открылъ бы намъ Духомъ Своимъ. Неправда ли, вы охотно присоединитесь къ моей молитвѣ: „Сотвори мнѣ, Боже, ухо чуткое и всегда внимательно прислушивающееся“!

Но, прежде чѣмъ кончить, мы не можемъ не упомянуть о двухъ важныхъ предметахъ, вложенныхъ впослѣдствіи въ ковчегъ Божій, но тѣмъ не менѣе составляющихъ его существенную составную часть. То были расцвѣтшій жезлъ Аароновъ и сосудъ, заключавшій въ себѣ гоморъ манны (Чис. 17.—Исх. 16, 33). Въ Посл. Евреямъ 9, 3. 4 намъ ясно сказано, что оба эти предмета хранились въ ковчегѣ завѣта: „За вторую же завѣсою была скинія, называемая Святое-святыхъ, имѣвшая золотую кадильницу и обложенный со всѣхъ сторонъ золотомъ, ковчегъ завѣта, гдѣ были золотой сосудъ съ манною, жезлъ Аароновъ расцвѣтшій и скрижали завѣта“.

Посмотрите, прежде всего, на жезлъ Аароновъ, нашедшій себѣ мѣсто въ ковчегѣ Божіемъ. Онъ служилъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что Ааронъ былъ избранный Богомъ первосвященникъ. Исторія его вамъ извѣстна. Послѣ того, какъ Корей съ сообщниками своими

задумалъ оспаривать у Аарона первосвященническое достоинство и былъ истребленъ, Господу было угодно дать народу Израильскому неоспоримое доказательство первосвященническаго сана Аарона; поэтому Онъ повелѣлъ положить предъ лицомъ Своимъ двѣнадцать жезловъ начальниковъ колѣнъ Израилевыхъ, и тотъ, чей жезлъ позеленѣетъ, расцвѣтетъ и дастъ плодъ, и будетъ избраннымъ Божиимъ. И что за чудо совершилось тутъ! Отрѣзанный нѣкогда отъ ствола, сухой жезлъ Аароновъ, въ которомъ не было никакого признака жизни, вдругъ проявилъ въ себѣ, послѣ этой рѣшающей ночи, чудную новую жизнь, такъ какъ, когда утромъ жезлы были вынесены изъ святилища, жезлъ Аароновъ нашли зеленѣющимъ, расцвѣтшимъ и полнымъ сладкихъ миндалинъ. Это была печать Божія на первосвященничество Аарона, посягать на которое съ этого дня больше никто уже не могъ.

Не указываетъ ли это неопровержимое доказательство на Христа, дѣло Его и плоды этого дѣла? Онъ былъ отрасль корня Іессеева, взошедшая изъ сухой земли и затѣмъ отрѣзанная рукой смерти. Казалось, все кончилось съ Нимъ, когда, подобно другимъ умершимъ, Онъ лежалъ въ гробу. Но мы всѣ знаемъ то утро воскресенія, которое настало послѣ той ужаснѣйшей изъ ночей, и какимъ избыткомъ жизни видимъ мы Его наполненнымъ съ тѣхъ поръ. Онъ принесъ съ Собой изъ гроба новую жизнь, жизнь воскресенія, исполняющую не только Его, но и всѣхъ потомковъ Его. Плоды за плодами произошли отъ Него, и такъ продолжается, согласно предреченному пророчеству: „Когда душа Его принесетъ жертву умилоствленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное, и воля Господня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою Его“ (Ис. 53, 10). „Посему Я дамъ Ему часть между великими, и съ сильными будетъ дѣлить добычу; потомство будетъ служить Ему. Прійдутъ и будутъ возвѣщать правду Его людямъ, которые родятся, что сотворилъ Господь“ (Ис. 53, 12.—Пс. 21, 31. 32).—И не далъ ли Господь именно Его смерть и за ней послѣдовавшее воскресеніе для всѣхъ людей, какъ знакъ и доказательство чуднаго искупительнаго служенія Христова?

Черезъ Свое воскресеніе изъ мертвыхъ Онъ „открылся Сыномъ Божиимъ въ силѣ“ (Рим. 1, 4).

Остановимъ теперь наше вниманіе **еще на золотомъ сосудѣ съ манною**. И онъ имѣлъ свое мѣсто между тѣнями будущихъ благъ, что должно побудить насъ взглянуть на самое благо, которое онъ изображалъ. Мы только-что видѣли Христа, какъ хлѣбъ жизни, во святилищѣ. Здѣсь, во Святомъ-святыхъ, гдѣ въ одномъ ковчегѣ завѣта представлена вся личность Его, является Онъ въ этой маннѣ снова, какъ пища Своихъ искупленныхъ. Но при этомъ очень важно замѣтить—въ какомъ различномъ видѣ. Здѣсь, въ этой маннѣ, Онъ является пищей въ несравненно болѣе обширномъ смыслѣ.

Хлѣбы предложенія были исключительно пищей священниковъ, **хранившаяся же здѣсь манна служила пищей каждому**. Старый и молодой, большой и малый, левитъ, священникъ, первосвященникъ. Израильтянинъ и пришлецъ у Израиля, самъ народъ или слѣдовавшіе за нимъ наемники—всѣ, всѣ безъ исключенія, имѣли часть въ маннѣ во все время странствованія по пустынѣ. Она была пищей пустыни для всѣхъ находившихся тамъ душъ. Это указываетъ на одну сторону личности Христа, которую мы еще не видѣли: указываетъ на славную будущность, когда Христосъ будетъ принадлежать, какъ хлѣбъ жизни, всѣмъ народамъ земли, и всякій, странствующій по пустынѣ міра сего, будетъ имѣть въ Немъ участіе. Благодареніе Богу, мы живемъ именно въ это благословенное время. Только бы вкушали Его всѣ тѣ, кто это можетъ!

Далѣе, тѣ хлѣбы предложенія можно было найти и вкушать только во внутреннемъ святилищѣ: **эту же манну, напротивъ, Богъ разсыпалъ по землѣ всюду, вокругъ всего стана**, такъ что, для того чтобы получить ее, не требовалось никакого приготовленія, никакого званія или особаго положенія. Нечистый, такъ же какъ и чистый, безнравственный, какъ и праведный, всѣ безъ исключенія могли вкушать манну. Не напоминаетъ ли намъ это о предложеніи спасенія Христова всему міру? Христосъ предлагается всякому, кто бы онъ ни былъ, какъ бы ни выглядѣлъ въ глазахъ Бога и людей. Онъ вынесенъ въ станъ этого міра съ

тѣхъ поръ, какъ Онъ сказалъ: „Идите по всему міру, и проповѣдуйте Евангеліе всей твари“. Онъ предложенъ всѣмъ „на улицахъ и въ переулкахъ города“, даже „на дорогахъ и около изгородей“, и еще предстоитъ время, когда этой манной или „познаніемъ славы Господа“ наполнится вся земля, какъ воды наполняютъ море“ (Авв. 2, 14). Благодареніе Ему, что и мы вкушаемъ уже эту манну, хотя и не принадлежимъ къ тогдашнему святилищу!

И, наконецъ, посмотрите, что сохранялся ровно одинъ гоморъ, та мѣра, которую ежедневно собиралъ себѣ каждый Израильтянинъ. Сказано: „И мѣряли гоморомъ, и у того, кто собралъ много, не было лишняго, и у того, кто мало, не было недостатка. Каждый собралъ, сколько ему съѣсть“ (Исх. 16, 18). Полная мѣра, удовлетворяющая каждого въ отдѣльности, жаждущаго вкушать Христа, и полная мѣра, достаточная на каждый день,—вотъ что возвѣщаетъ намъ этотъ гоморъ манны въ ковчегѣ. Нѣтъ, не только одинъ разъ въ недѣлю, какъ тѣ священники вкушали хлѣбы предложенія, не только часть для отвѣдыванія, но Христосъ,—ежедневный хлѣбъ нашъ въ избыткѣ,—вотъ наша славная участь!

Какая неисчерпаемая полнота Христова, возлюбленные, представлена. такимъ образомъ, въ ковчегѣ завѣта! Мы сказали правду, утверждая, что онъ являетъ собой Христа не только частью, но Его всего. Въ этомъ ковчегѣ, сдѣланномъ изъ дерева ситтимъ, вы видите человека Христа Іисуса, въ золотѣ—божественную природу Его; какъ Богочеловѣкъ. Онъ—носитель, хранитель и исполнитель вѣчнаго завѣта Божія; законъ Іеговы, исполненный и сохраненный въ неприкосновенности въ сердцахъ Его, есть основаніе этого завѣта; такъ вотъ Онъ стоитъ передъ нами, какъ Искупитель, готовый совершить Свое чудное дѣло искупленія. Самос дѣло искупленія со всѣми его послѣдствіями вы видите въ жезлѣ Аароновомъ и маннѣ. Здѣсь вы находите и смерть, и воскресеніе Его и рожденных чрезъ нихъ искупленныхъ Его, имѣющихъ въ Немъ навѣки жизнь, пищу и полноту. Но пусть Господь Самъ раскроетъ предъ вами все это дальше, чтобъ вы могли увидѣть все въ Его свѣтѣ.

Между тѣмъ мы охотно и открыто признаемся, что мы бѣдны, очень бѣдны способностью раскрывать значеніе тѣхъ тѣней, предшествовавшихъ нѣкогда Ему, въ Которомъ заключается вся сущность; и мы чувствуемъ, насколько мы еще бѣднѣе, чтобы познавать Его Самого. Мнѣ все кажется, что я еще только начинаю, что я приступаю лишь къ первымъ начальнымъ буквамъ. Но и азбука познанія безконечно сладка для меня; что же будетъ, когда то, что отчасти, прекратится, когда мы познаемъ „глубины Божіи“ и познаемъ ихъ, какъ познаны мы. Это время приближается; съ каждымъ днемъ мы все ближе и ближе подходимъ къ нему; скоро мы будемъ подобны Ему и увидимъ Его, какъ Онъ есть. Между тѣмъ Онъ не перестаетъ свидѣтельствовать намъ: „Ей, гряди скоро! Аминь“. Да не перестанемъ и мы, подобнымъ же образомъ, отвѣчать Ему, восклицая: „Ей, гряди, Господи Іисусе“! Аминь.

ЧАСТЬ II.

Ж е р т в ы.

---

15. Жертва за грѣхъ.

- Лев. 4, 1. 2. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: Скажи сынамъ Израилевымъ: если какая душа согрѣшитъ по ошибкѣ противъ какихъ-либо заповѣдей Господнихъ, и сдѣлаетъ
3. что-нибудь, чего не должно дѣлать. Если священникъ помазанный согрѣшитъ и сдѣлаетъ виновнымъ народъ: то за грѣхъ свой, которымъ согрѣшилъ, пусть представитъ изъ крупнаго скота тельца, безъ порока, Господу въ жертву о грѣхѣ.
  4. И приведетъ тельца къ дверямъ скинии собранія предъ Господа, и возложитъ руки свои на голову тельца, и заколетъ тельца
  5. предъ Господомъ. И возьметъ священникъ помазанный крови тельца, и внесетъ ее въ
  6. скинію собранія. И омочитъ священникъ перстъ свой въ кровь, и покропитъ кровію семь разъ предъ Господомъ предъ завѣ-
  7. сою святилища. И возложитъ священникъ крови тельца предъ Господомъ на роги жертвенника благовонныхъ куреній, который въ скинии собранія, а остальную кровь тельца выльетъ къ подножію жертвенника всесожженій, который у входа скинии со-
  8. бранія. И вынетъ изъ тельца за грѣхъ весь тукъ его, тукъ, покрывающій внутренности, и весь тукъ, который на внутренностяхъ.

9. И обѣ почки и тукъ, который на нихъ, который на стегнахъ, и сальникъ на печени; съ почками отдѣлить онъ это, какъ
10. отдѣляется изъ тельца жертвы мирной; и сожжетъ ихъ священникъ на жертвенникъ
11. всесожженія. А кожу тельца и все мясо его съ головою и съ ногами его, и внутренности его, и нечистоту его, всего тельца пусть вынесетъ внѣ стана на чистое мѣсто, гдѣ высыпается пепель, и сожжетъ его огнемъ на дровахъ: гдѣ высыпается пепель, тамъ пусть сожженъ будетъ“. (Далѣе 4, 13—35 и 5, 1—13).

Въ нашей сегодняшней бесѣдѣ мы подходимъ ко второй части ветхозавѣтныхъ прообразовъ въ левитскомъ богослуженіи. Но мы хотѣли бы сначала замѣтить, что Св. Писаніе не знаетъ подобнаго раздѣленія, и мы допускаемъ его только, чтобы облегчить пониманіе этихъ прообразовъ и ближе ознакомиться съ каждой частью.

При милостивомъ содѣйствіи Господа мы могли остановиться нѣкоторое время на skinii и ея устройствѣ, причѣмъ мы стояли, размышляя надъ каждымъ предметомъ святилища и рассматривая каждый въ отдѣльности, пока не достигли послѣдняго изъ священныхъ предметовъ — ковчега завѣта. Мы видѣли все предметы, которые содержали чудныя тайны относительно одной великой тайны: „Бога, явившагося во плоти“. Это былъ Христосъ, и опять снова Христосъ, открывавшійся въ различныхъ образахъ предъ нашими очами. Но въ одномъ образѣ, въ которомъ, по словамъ графа Цинцендорфа, Онъ для насъ „**всего прекраснѣе**“, Онъ выступилъ еще въ очень недостаточной мѣрѣ предъ нашей душой. Лишь нѣсколькими общими штрихами изобразился Онъ въ красотѣ Его мученичества—при мѣдномъ жертвенникѣ и въ образѣ синихъ барсучьихъ и красныхъ бараньихъ кожаныхъ покрововъ. Смерть же Его между тѣмъ составляетъ центральную точку всего дѣла искупленія Его, верхъ послушанія Его и любви Его къ Отцу, такъ же, какъ и любви Его къ намъ. Только въ

смерти Его поκειται душа наша въ полномъ, безмятежномъ мирѣ, потому что видитъ въ ней совершенное удовлетвореніе за ея грѣхъ и испорченность. Не долженъ ли этотъ, столь превосходный предметъ быть представленъ Богомъ въ прообразѣ болѣе глубоко, обширно и подробно? Такъ оно, конечно, и случилось. Богъ позаботился о томъ, чтобы Израиль „въ своемъ богослуженіи постоянно возвѣщалъ смерть Господню“, доколѣ Онъ не пришелъ. Она была описана съ мельчайшими подробностями въ рядѣ жертвъ, очерченныхъ Моисеемъ въ восьми первыхъ главахъ книги Левита, которыя мы собираемся теперь разсмотрѣть поближе. По милости Господа душа наша найдетъ здѣсь новую пищу и богатое наслажденіе.

Съ перваго же взгляда мы тотчасъ увидимъ, что въ богослуженіи левитовъ существовало большое число **различныхъ** жертвъ. Каждая изъ нихъ, какъ и не могло быть иначе, имѣла свое особенное значеніе, и всякая посвященная душа хорошо сдѣлаетъ, если остановится надъ ними дольше, чѣмъ мы это можемъ, въ тихомъ благоговѣніи и размышленіи, руководимомъ Духомъ Божиимъ, такъ какъ мы здѣсь можемъ дать не болѣе, какъ только нѣкоторые намеки.

Существовало шесть главныхъ жертвъ, названныхъ въ порядкѣ ихъ описанія въ книгѣ Лев. 1—8: жертва всесожженія, хлѣбное приношеніе, жертва благодарности, или мирная жертва, затѣмъ жертва за грѣхъ, жертва повинности и жертва посвященія; какъ седьмую можно сюда причислить куреніе, или жертву куренія. Самъ Господь раздѣлилъ ихъ на двѣ категоріи, а именно на такія, о которыхъ постоянно говорится, что онѣ служатъ „пріятнымъ благоуханіемъ Господу“, и такія, о которыхъ этого не сказано. Къ послѣдней категоріи относятся жертва за грѣхъ и жертва повинности, къ первой — всѣ остальные. Жертвы „пріятнаго благоуханія“ соотвѣтствуютъ требованіямъ и наклонностямъ Господа, тогда какъ другія идутъ навстрѣчу вопіющимъ потребностямъ нашего грѣховнаго состоянія. И здѣсь также началъ Господь съ описанія жертвъ, представлявшихъ для Него „пріятное благоуханіе“, начавъ съ Себя, какъ это было при skinii; мы же, слѣдуя

съ самага начала проложенному нами пути, начнемъ съ того, съ чего намъ должно начать, чтобы придти къ Богу. Согласно съ этимъ, нашимъ предметомъ сегодня должна быть

жертва за грѣхъ.

Остановимся, прежде всего, на названіи этой жертвы. На немъ уже отражается ея значеніе, потому что Богъ всегда называетъ вещи своими именами. Она называется жертвой за грѣхъ или просто „грѣхомъ“, и это имя уже выражаетъ намъ ея особенныя свойства. Израильтянинъ, принесшій ее, совершенно безразлично отъ того, какое положеніе онъ занималъ, былъ ли онъ рабомъ, начальникомъ или священникомъ, стоялъ ли онъ на высокомъ или на болѣе низкомъ нравственномъ уровнѣ, являлся въ ней просто грѣшникомъ. Его жертва за грѣхъ свидѣтельствовала болѣе о его **состояніи**, чѣмъ о **поступкахъ**, болѣе о томъ, что онъ въ самомъ себѣ **былъ**, чѣмъ о томъ, что онъ **дѣлалъ**, хотя часто только изъ дѣйствій своихъ онъ узнавалъ, въ какомъ именно состояніи онъ находился, подобно тому, какъ у Адама открылись глаза на наготу его только по совершеніи грѣха. Потому то здѣсь все снова и снова повторяется: „Когда узнанъ будетъ грѣхъ имъ“ (Лев. 4, 14. 23. 28). **Когда**,—это значитъ послѣ какой-либо вины или ошибки.

Эта жертва, вполне соотвѣтствовавшая нашему положенію предъ Богомъ, была первая, которую человекъ могъ принести за себя; никакая другая не могла ей предшествовать, потому что въ ней онъ являлся на томъ уровнѣ, на которомъ **находился въ дѣйствительности**: именно онъ представлялъ въ ней предъ Господомъ, какъ **грѣшникъ**. Всякая другая жертва, которую онъ принесъ бы раньше, была бы доказательствомъ, что онъ посягалъ занять предъ Богомъ мѣсто, которое ему вовсе не подобало; онъ явился бы въ ложномъ свѣтѣ и не могъ бы быть принятъ Богомъ. Всѣ другія жертвы могли всегда слѣдовать только тогда, когда грѣховное состояніе было устранено посредствомъ жертвы за грѣхъ. Такъ мы видимъ, напримѣръ, въ великій день Очищенія, когда предъ Богомъ не примирялся какой-нибудь особенный или **опредѣленный** грѣхъ народа, что жертва за грѣхъ предшествовала **всѣмъ остальнымъ**; она приносилась за перво-

священника такъ же, какъ и за народъ, и даже за святилище (Лев. 16, 3. 5. 15. 16); также и при посвященіи первосвященника и священниковъ она стояла на первомъ мѣстѣ, хотя и не было совершено какого-либо прегрѣшенія (Исх. 29, 10—14).

Это ясно указываетъ, что здѣсь дѣло шло не о **поступкахъ** или **дѣйствіяхъ** этихъ лицъ, но о томъ, чѣмъ они были сами по себѣ, о состояніи ихъ предъ Богомъ. И состояніе это, какъ только они появлялись предъ Богомъ, требовало ихъ смерти, ихъ гибели. Жертва же, которую Богъ повелѣлъ имъ приносить за себя, замѣняла ихъ въ этомъ состояніи и, какъ при этомъ не могло быть иначе, также и въ послѣдствіяхъ его.

Это, возлюбленные, показываетъ намъ нашего Господа, въ прообразѣ, какъ Того, Который, хотя и не зналъ грѣха, но тѣмъ не менѣе „сдѣлался **за насъ** жертвой за грѣхъ“. Въ этомъ положеніи Онъ стоялъ на нашей почвѣ, на уровнѣ нашего состоянія предъ Богомъ и, такимъ образомъ, на самой низкой ступени, ниже которой Онъ не могъ спуститься ни предъ Богомъ ни предъ всякою тварью. Сойдя съ неба, Онъ сдѣлался человѣкомъ; это была неизмѣримо низшая ступень противъ прежняго Его положенія; но Онъ всю Свою жизнь былъ непорочнымъ, святымъ человѣкомъ; когда же Онъ сдѣлался жертвой за грѣхъ, или, по выраженію апостола Павла, „грѣхомъ“, то при этомъ Онъ занялъ мѣсто **падшаго** человѣка, вставъ на самую низкую изъ существующихъ въ мірѣ ступеней. Но, усвоивъ Себѣ всецѣло состояніе человѣка, Онъ долженъ былъ понести и послѣдствія этого состоянія. И какъ ужасны они были, мы скоро увидимъ изъ нашего прообраза жертвы за грѣхъ.

Если нашъ Господь вошелъ въ наше грѣховное, падшее состояніе (въ которомъ пребываетъ всякая живущая душа, начиная съ новорожденнаго младенца и кончая старѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ), то кто можетъ тогда сказать, какой глубокой покой, какой безконечный миръ даетъ душѣ нашей это сознаніе, что наша гибель смертью Христа понесена и уничтожена въ самомъ корнѣ и основаніи, даже въ первоначальной и глубочайшей своей причинѣ. И если бы это не было такъ, то никогда не суще-

ствовало бы для насъ обеспеченнаго мира; теперь же **Онъ**—миръ нашъ.

Перейдемъ, однако, къ свойствамъ жертвы за грѣхъ. Очень важно замѣтить, что та жертва, съ которой поступали, какъ съ грѣхомъ (этой мерзостью въ очахъ Божиихъ), сама по себѣ, подобно всѣмъ остальнымъ жертвамъ, должна была быть безъ всякаго недостатка и порока. Не допустили бы мы, чтобы, по крайней мѣрѣ при этой жертвѣ, можно бы снисходительнѣе относиться къ качествамъ ея? А между тѣмъ, мы постоянно читаемъ, что, приносился ли здѣсь въ жертву телець, козель или коза, каждый изъ нихъ долженъ былъ быть „**безъ малѣйшаго порока**“. Одинъ какой-нибудь самый ничтожный недостатокъ въ жертвенномъ животномъ дѣлалъ его негоднымъ для жертвы за грѣхъ, оно никакъ не было бы допущено. Ему приходилось страдать и претерпѣть смерть за зло, присутствующее не ему, а другому, но само не должно было имѣть никакого недостатка, чтобы быть годнымъ для жертвоприношенія.

Что можетъ яснѣе свидѣтельствовать о славной истинѣ замѣстительства Христова, единаго „**Праведника за неправедныхъ**“, чѣмъ это обстоятельство въ этомъ прообразѣ? Онъ, не сдѣлавшій никакого грѣха, и въ устахъ Котораго не было лести (1 Пет. 2, 22), да, Онъ, не знавшій грѣха, сдѣлался именно грѣхомъ, дѣйствительно сдѣлался клятвою; но, не забудемъ этого **никогда, никогда**, Онъ сдѣлался этимъ для насъ. О, повторяйте съ особымъ удареніемъ „**за насъ**“, пока это не сдѣлается мощью въ сердцахъ вашемъ, непрестанно побуждая васъ безконечно славить имя Его.

Но могло ли быть иначе, чѣмъ то, чтобы **Праведный** пострадалъ **за неправедныхъ**? Какъ могъ бы человѣкъ, самъ обремененный долгами, уплатить долги другого; и какъ могъ бы грѣшникъ взять на себя за другихъ возмездіе грѣха, т. е. смерть, если онъ самъ повиненъ смерти за грѣхъ свой? Ему самому пришлось бы услышать свой смертный приговоръ и претерпѣть казнь. Такъ только Онъ одинъ, Господь нашъ, „непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше не-

бесѣ“, могъ сдѣлаться нашей жертвой за грѣхъ, которая соотвѣтствовала бы нуждѣ нашей и удовлетворила бы Бога.

Но возвратимся къ нашему прообразу и **посмотримъ внимательно, какъ совершалось жертвоприношеніе**. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе четыре обстоятельства, а именно: представленіе жертвы предъ Господа, возложеніе на нее рукъ, закланіе и вынесеніе ея за станъ для сожженія. Все черты глубокаго священнаго значенія.

Прежде всего, мы читаемъ, что жертва была представляема предъ Господа приносившимъ ее. Оба, грѣшникъ и носитель его грѣха, появлялись предъ лицомъ Божиимъ, согласно повелѣнію: „И приведетъ тельца къ дверямъ скиніи собранія предъ Господа“ (ст. 4). Живое животное, какъ оно было, приводилось во дворъ скиніи въ присутствіе Іеговы. Въ совершенной непорочности, въ полнотѣ жизни своей, оно должно было предстать предъ глазами Божиими, чтобы они могли тутъ же, на святомъ мѣстѣ, испытать его. Здѣсь, предъ очами Его, должно было совершиться великое дѣло перенесенія грѣха на жертву, и тутъ же произносился и исполнялся приговоръ. Все это могло бы совершаться и внѣ стана, куда немедленно послѣ этого выносилось тѣло жертвеннаго животного: но тогда былъ бы уничтоженъ моментъ безконечной важности въ этомъ прообразѣ Христа Распятаго.

Подумай, дорогая душа, что все это случилось въ присутствіи Іеговы и со Христомъ, твоей жертвой за грѣхъ. За тебя Онъ предсталъ предъ Богомъ непорочный и полный жизни, которую Онъ имѣлъ въ Себѣ Самомъ. Богъ испыталъ Его и не нашелъ въ Немъ ничего, кромѣ святости и непорочности, и вотъ, предъ лицомъ Его, на Него былъ перенесенъ грѣхъ всего міра; Самъ Господь совершилъ это, какъ поучаетъ насъ чрезъ пророка Исаію Духъ Святой: „Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ“ (Ис. 53, 6). Но и ты былъ также при этомъ, т. е. въ очахъ Божіихъ, когда все это совершалось со Христомъ, подобно Израильянину, явившемуся съ жертвой своей. Какимъ сладкимъ утѣшеніемъ должно быть это для каждой алчущей благодати души, что нѣкогда, на крестѣ, со-

вершилась эта передача грѣховъ, которая навѣки спасла ее отъ проклятiя и власти грѣха. Итакъ, эта передача не должна совершиться еще въ будущемъ, но должна быть просто усвоена каждымъ грѣшникомъ въ отдѣльности. Теперь придите вы, всѣ здѣсь находящіеся грѣшники, вы, еще не знающіе, что ваше примиреніе съ Богомъ уже совершено, выступите **теперь** съ этой вашей жертвой за грѣхъ предъ Нимъ; и, хотя бы „грѣхи ваши были, какъ багряное, они убѣлятся, какъ снѣгъ, и если они красны, какъ пурпуръ, они сдѣлаются бѣлыми, какъ волна“ (Ис. 1, 18).

Послѣ представленiя жертвы предъ Господа, слѣдовало **возложеніе рукъ со стороны грѣшника**. Израильтянинъ подходилъ къ ней и возлагалъ руку свою на голову жертвеннаго животнаго. Это было дѣйствіе, которымъ онъ переносилъ свой грѣхъ или свое грѣховное состояніе на свою жертву. Въ великій день Очищенiя это дѣлалъ одинъ за всѣхъ; то былъ Ааронъ, совершавшій за весь народъ это дѣйствіе, громко исповѣдуя злодѣянiя, преступленiя и грѣхи народа и возлагая ихъ на голову жертвеннаго козла. Прочтемъ относящееся сюда мѣсто: „И возложитъ Ааронъ обѣ руки свои на голову живаго козла, и исповѣдаетъ надъ нимъ всѣ беззаконiя сыновъ Израилевыхъ и всѣ преступленiя ихъ и всѣ грѣхи ихъ, и возложитъ ихъ на голову козла, и отошлетъ съ нарочнымъ челоуѣкомъ въ пустыню“ (Лев. 16, 21). Все это очень ясно и понятно.

Мы уже видѣли, какъ **Богъ** возложилъ грѣхи наши на Христа, перенесъ ихъ на Него; но здѣсь, въ прообразѣ, представлена другая черта: это—дѣйствіе самого грѣшника, переносящаго вѣроу свой грѣхъ на Христа и оставляющаго его на Немъ, какъ намъ это показано. Это дѣйствіе сердца должно совершаться и сегодня такъ же дѣйствительно, какъ оно совершалось нѣкогда грѣшнымъ Израильтяниномъ при жертвоприношенiи за грѣхъ, если мы хотимъ освободиться отъ нашего собственнаго грѣховнаго бремени, и если оно состоитъ въ дѣтской вѣрѣ,—которую каждый долженъ имѣть лично для себя,—что и его грѣхи, именно всѣ грѣхи, узнанные и исповѣданные, а также тайные, понесены Иисусомъ и не будутъ болѣе носимы нами. Если Израильтянинъ, возлагая руки на голову жертвеннаго жи-

вотнаго, взираль на Христа **впередъ** и получаль прощеніе, то сегодня грѣшнику приходится взирать на Христа **назадъ**, чтобы вкусить теперь примиреніе.

Въ прообразѣ, за возложеніемъ рукъ, слѣдовало умерщвленіе. Какъ только состояніе грѣшника было перенесено на жертву его, наносился роковой ударъ, но не на голову жертвовавшего, а на ту голову, которая еще такъ недавно не знала никакого грѣха, въ эту же минуту приняла на себя грѣхъ другого. Грѣхъ требоваль смерти, а такъ какъ здѣсь, въ прообразѣ, представлялась не кажущаяся, а дѣйствительная передача грѣха другому, то за нею слѣдовала также не кажущаяся, а настоящая смертная казнь. И какъ удивительно, что при всемъ происходившемъ, кромѣ возложенія рукъ, грѣшникъ, приносившій жертву, оставался вполнѣ безучастнымъ; другой сводилъ счеты съ его жертвой; другой приводилъ надъ ней въ исполненіе смертный приговоръ.

Богъ, Іегова Самъ, на крестѣ сводить счеты съ нашей жертвой за грѣхъ, Іисусомъ Христомъ, Онъ даетъ Ему, Единородному, полное возмездіе, которое платить грѣхъ служителю своему, и Іисусъ принимаетъ его вполнѣ, не выговаривая Себѣ ни малѣйшей уступки. Какъ агнецъ, веденный на закланіе, не отверзаетъ устъ своихъ, такъ Онъ принимаетъ возложенное на Него беззаконіе всѣхъ людей, вмѣстѣ съ приговоромъ и послѣдствіями его, безъ одного слова оправданія, не проронивъ ни одного звука въ свою защиту. Если мы находились подъ проклятіемъ Божиимъ, то Онъ сдѣлался **за насъ** клятвою, потому что написано: „Проклятъ всякъ, висящій на деревѣ“ (Гал. 3, 13); а что Онъ висѣлъ на деревѣ, извѣстно всему міру. Если мы дошли до того, чтобы быть отверженными отъ лица Божія, то Онъ сдѣлался участникомъ въ этомъ, когда воскликнулъ: „Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ“? Если мы заслужили смерть, то Онъ вкусилъ ее за всѣхъ насъ. Возлюбленные, это вѣрныя и всякаго принятія достойныя слова. Но имѣетъ ли каждый изъ васъ въ нихъ участіе? Знаетъ ли каждый изъ васъ, что счетъ за его грѣхи уже покрытъ; и имѣете ли вы полный миръ въ этомъ сознаніи? Ахъ, вѣдь здѣсь рѣчь идетъ уже не о томъ, что

это дѣло еще должно случиться, или что вы должны совершить его. Нѣкто другой давно уже исполнилъ все это: вамъ приходится только стоять, возложивъ руку вѣры на голову Агнца: это—все.

Но не слѣдуетъ забыть при этомъ еще одно обстоятельство: **удаленіе закланной жертвы изъ стана отъ лица Божія** Это было, какъ могло показаться, очень страннымъ постановленіемъ, потому что, когда всѣ другія жертвы сжигались на мѣдномъ жертвенникѣ, одна эта жертва не могла быть сожжена здѣсь. Все совершалось, какъ мы только-что видѣли, предъ лицомъ Божиимъ: представленіе жертвы предъ Господа, возложеніе на нее рукъ и смерть ея; но лишь только совершалось послѣднее, она немедленно выносилась вонъ изъ святилища. На этомъ жертвенникѣ сжигались только жертвы пріятнаго благоуханія Господу; для грѣха же на немъ не было мѣста, онъ не долженъ былъ находиться и въ станѣ: онъ долженъ былъ быть выброшеннымъ вонъ изъ стана. И мы не должны забывать при этомъ, что грѣхъ былъ воплощенъ въ этой жертвѣ.

О, приди и научись, дорогая душа, какъ ужасенъ грѣхъ въ очахъ Божіихъ. Твой Господь не только могъ нѣкогда стоять предъ очами Его, но былъ благоволеніемъ Отца. „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный“, — слышимъ мы Его неоднократно гласъ, — „въ Которомъ Мое благоволеніе“; но когда твое и мое беззаконіе легло на Него, Онъ долженъ былъ выйти не только изъ святилища, но и вонъ изъ города, на мѣсто Лобное: тамъ скрылъ Богъ отъ Него лицо Свое, такъ что, въ скорби души Своей, Онъ громко воскликнулъ: „Или! Или! лама савахоани“? то есть „Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ“? Но чудный и дивный жребій выпалъ на нашу долю; потому что подобно тому, какъ Израильтянинъ, настоящій грѣшникъ, предъ лицомъ Божиимъ, во святилищѣ, могъ безбоязненно и радостно занять мѣсто своей жертвы и, какъ чистый, оставаться тамъ, въ то время какъ жертва его сгорала внѣ стана, такъ и мы имѣемъ право стоять теперь „на святомъ мѣстѣ“ (Пс. 23, 3). Мѣсто Іисуса предъ лицомъ Божиимъ сдѣлалось мѣстомъ нашимъ. Неправда ли, мы теперь понимаемъ, что Духъ Святой хотѣлъ сказать, напо-

миная намъ слова Посл. Евр. 13, 12: „И Иисусъ, дабы освятить людей кровію Своею, пострадалъ внѣ вратъ“. Онъ удалилъ отъ насъ и отъ лица Божія нашъ позоръ и поруганіе, такъ что мы въ Его святости можемъ стоять предъ Богомъ, и разъ это такъ, братья мои, то „выйдемъ къ Нему за станъ, нося Его поруганіе“ (Евр. 13, 13).

Разсмотримъ же ближе примѣненіе жертвы за грѣхъ въ нашемъ прообразѣ. Посмотрите сначала, что случалось съ ея кровію. Еще теплая, только-что вытекшая изъ жертвеннаго животнаго, раньше, чѣмъ тѣло его было вынесено вонъ, она вносилась во святилище. Это точно говорило, что вѣсть о выполненіи приговора должна была быть принесена, какъ можно скорѣе, во святилище. Тамъ ея кропили семь разъ предъ Господомъ непосредственно предъ завѣсою, часть ея возлагалась на роги жертвенника благовонныхъ куреній, остальная же выливалась къ подножію мѣднаго жертвенника. Кровь есть жизнь, принесенная въ жертву; и эта жизнь, принесенная за грѣшника, повиннаго смерти, производила для него примиреніе во всѣхъ этихъ мѣстахъ, даже до самаго Святого-святыхъ, такъ что ему открывалась дорога прямо въ присутствіе Божіе, какъ мы только что видѣли. На мѣдномъ жертвенникѣ, гдѣ господствовало правосудіе Божіе во всей своей строгости, тамъ свидѣтельствовала она о томъ, что правосудію дано совершенное удовлетвореніе, потому что оно требовало жизни, и жизнь была отдана; на золотомъ жертвенникѣ кровь свидѣтельствовала объ освященіи грѣшника, такъ какъ его непорочная жертва сняла съ него всякое пятно, и теперь онъ могъ здѣсь спокойно поклоняться; и предъ завѣсою она свидѣтельствовала о вновь возстановленномъ общеніи съ Богомъ, потому что отдѣленный отъ Бога грѣшникъ, потерявшій всякое право на общеніе съ Нимъ, умеръ, собственно говоря, въ лицѣ своей жертвы, тотъ же, который жилъ, жилъ теперь уже жизнью жертвы и занялъ ея мѣсто предъ Богомъ.

Это все дивныя истины, и нуждаются ли онѣ еще въ какомъ-нибудь объясненіи? Не думаю; мы всѣ понимаемъ ихъ и понимаемъ именно такъ, какъ онѣ есть. Одного только мнѣ хочется—пригласить всѣхъ и каждого принять

въ нихъ участіе; только бы я сумѣлъ это сдѣлать! Итакъ, о приди же, грѣшникъ, приди! Приди на основаніи невинной жертвенной крови твоего Господа, и приди прямо въ самое присутствіе Божіе; ты найдешь ее всюду, на всемъ твоёмъ пути къ Нему, она и проложила его тебѣ, потому что Христосъ дошелъ не только до завѣсы, но вошелъ и за нее, въ самое небо, чтобы предстать за тебя предъ Богомъ.

Таково было примѣненіе крови жертвы. Остановимся, однако, еще на остальныхъ ея частяхъ.

Мы только что видѣли, какъ поступали съ ея тѣломъ; оно сжигалось внѣ стана, сжигалось въ пепелъ. Разъ на него былъ возложенъ грѣхъ, и оно представляло собой его, то оно и не могло оставаться предъ очами Божіими, — оно должно было быть вынесено вонъ и уничтожено. Благодареніе Богу, что во Христѣ, Который есть самая сущность и этого блага, былъ дѣйствительно положенъ конецъ нашему грѣху; его уже болѣе нѣтъ. Уничтожая Христа, смерть уничтожила грѣхъ; исчезъ онъ навѣки, удаленъ отъ лица Господня. Теперь мы можемъ понять существенную разницу между Новымъ и Ветхимъ Завѣтомъ: въ Ветхомъ Завѣтѣ „жертвами **каждогодно напоминалось о грѣхахъ**“ (Евр. 10, 3), въ противоположность чему въ Новомъ Завѣтѣ „**грѣхи и беззаконія болѣе не вспоминаются Господомъ**“ (Евр. 8, 12), и мы, однажды очищенные, уже не имѣемъ никакого сознанія грѣховъ (Евр. 10, 2).

Но что означали тунъ, почки и сальникъ на печени, предававшіеся огню на жертвенникѣ всесожженія? Это были, очевидно, самыя нѣжныя и благородныя части жертвеннаго животнаго; и такъ какъ Богъ повелѣлъ выдѣлить ихъ для жертвы возношенія, чтобы святой огонь Его сжегъ ихъ, то этимъ Онъ выразилъ свое благоволеніе къ нимъ. Онъ поставилъ ихъ на ряду съ жертвой возношенія, которая отдѣлялась Ему отъ мирной жертвы, принимавшейся Имъ какъ пріятное благоуханіе (Лев. 4, 9. 10.—3, 5). Вотъ чудная черта; она показываетъ намъ, какъ Богъ относился къ самой жертвѣ: она была, по внутреннему своему содержанію, дорога и цѣнна въ очахъ Его, составляла Его отраду, наслажденіе. Въ то же время, какъ Онъ явилъ Свою не-

нависть ко грѣху въ томъ, что не допустилъ сжечь тѣло жертвы на жертвенникѣ Своемъ и повелѣлъ удалить его изъ святилища, Онъ выразилъ и Свое благоволеніе къ непорочности самой жертвы, повелѣвъ, чтобы благородныя части ея въ огнѣ вознеслись къ Нему во святилищѣ. То и другое осуществилъ Онъ и во Христѣ.

Какой же плодъ былъ отъ всего этого для приносящаго жертву? Въ Лев. 8, 15 указаны намъ три драгоценныя истины о послѣдствіяхъ, происходившихъ отъ принесенной жертвы за грѣхъ. Тамъ сказано: Моисей „взялъ крови и перстомъ своимъ возложилъ на роги жертвенника со всѣхъ сторонъ, и **очистилъ** жертвенникъ, а остальную кровь вылилъ къ подножію жертвенника, и **освятилъ** его, чтобы **сдѣлать его чистымъ**“ (Въ другихъ переводахъ слова: „сдѣлать его чистымъ“ замѣнены выраженіемъ „чтобы совершилось примиреніе“). Итакъ, очищеніе грѣховъ, освященіе и примиреніе слѣдовали. такимъ образомъ, за принесеніемъ жертвы за грѣхъ. Не чудныя ли все это блага, не драгоценныя ли дары для грѣшника?

Такъ и во Христѣ. Какъ по вѣрѣ Онъ становится для насъ тѣмъ, чѣмъ Его содѣлалъ Богъ, такъ и эти блага дѣлаются нашей собственностью. Подумаемъ о нихъ хотя немного. Очищеніе грѣховъ значитъ—сдѣлаться безъ грѣха, такъ, какъ бы онъ никогда и не тяготилъ насъ, какъ это понималъ стихотворецъ, когда воспѣвалъ:

„И святость Ангеловъ не такъ чиста
„Какъ я, имѣющій Спасителемъ Христа“.

Посвященіе, т. е. изъятіе изъ каждагодневной жизни, есть отдѣленіе для Бога; примиреніе есть исключеніе всякаго недоразумѣнія, всякой вражды и приводитъ къ непремѣнному усыновленію. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть: Сынъ Отца сталъ на наше мѣсто и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ были мы, именно грѣшнымъ, а мы на Его мѣстѣ сдѣлались сынами и дочерьми Божиими. Не неизслѣдимыя ли это богатства Христовы? Только бы всѣ мы, видѣвшіе сегодня осуществленіе этого чуднаго прообраза во Христѣ, были бы причастниками всѣхъ этихъ благъ!

Но, если бы между нами нашлись души, еще не при-

частныя этимъ благамъ, позвольте мнѣ сказать вамъ, что они уготованы и для васъ. Вы видѣли путь, ведущій васъ къ нимъ: признайте себя предъ Господомъ тѣмъ, что вы есть на самомъ дѣлѣ, именно грѣшниками; придите предъ лицо Божіе со Христомъ, какъ невиннымъ и непорочнымъ Агнцемъ, и представьте Его за себя въ жертву за грѣхъ. Не приходите ни съ какой другой жертвой—это **первая**, подобающая вамъ, которая принесетъ вамъ полное спасеніе, если вы съ дѣтской простотой на нее уповаете. Господь да научить васъ и этому, во славу Себѣ. Аминь.

---

16. Жертва повинности.

- Лев. 5, 14. 15. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: Если кто сдѣлаеть преступленіе и по ошибкѣ согрѣшитъ противъ посвященнаго Господу, пусть за вину свою принесетъ Господу изъ стада овецъ овна безъ порока, по твоей оцѣнкѣ, серебряными сиклями по сиклю священному, въ жертву повинности. За ту святыню, противъ которой онъ согрѣшилъ, пусть воздастъ и прибавитъ къ тому пятую долю, и отдастъ сіе священнику, и священникъ очиститъ его овномъ жертвы повинности, и прощено будетъ ему. Если кто согрѣшитъ и сдѣлаеть что-нибудь противъ заповѣдей Господнихъ, чего не надлежало дѣлать, и по невѣдѣнію сдѣлается виновнымъ и понесетъ на себѣ грѣхъ:
16. пусть принесетъ къ священнику въ жертву повинности овна безъ порока, по оцѣнкѣ твоей, и загладитъ священникъ проступокъ его, въ чемъ онъ преступилъ по невѣдѣнію, и прощено будетъ ему. Это жертва повинности, которою онъ провинился предъ Господомъ“.
  - 6, 1. 2. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: Если кто согрѣшитъ и сдѣлаеть преступленіе предъ Господомъ, и запрется предъ ближнимъ своимъ въ томъ, что ему поручено, или у него положено, или имъ похищено,
  3. или обманетъ ближняго своего, или найдетъ потерянное, и запрется въ томъ, и поклянется ложно въ чемъ-нибудь, что
  4. люди дѣлаютъ и тѣмъ грѣшатъ: То, согрѣшивъ и сдѣлавшись виновнымъ, онъ долженъ возвратитъ похищенное, что похитилъ, или отнятое, что отнялъ, или порученное, что ему поручено, или потерянное, что онъ нашель. Или, если онъ въ чемъ поклялся ложно, то долженъ отдать сполна, и приложить къ тому пятую долю и отдать тому, кому принадлежить, въ

6. день приношенія жертвы повинности. И за вину свою пусть принесетъ Господу къ свя еннику въ жертву повинности изъ стада овецъ овна безъ порока, по оцѣнкѣ твоей. И очистить его священникъ предъ Господомъ, и прощено будетъ ему, что бы онъ ни сдѣлалъ, все, въ чемъ онъ сдѣлался виновнымъ“.

слѣдующая изъ жертвъ Ветхаго Завѣта, подлежащая нашему разсмотрѣнію, именно, жертва повинности, кажется на первый взглядъ и при поверхностномъ отношеніи къ ней очень мало отличающейся отъ предшествующей ей жертвы за грѣхъ Наззанія „жертва за грѣхъ“ и „жертва повинности“ по крайней мѣрѣ для большого числа людей представляютъ одно и то же понятіе. Даже нѣкоторые выдающіеся богословы считали жертву повинности лишь дополненіемъ жертвы за грѣхъ, что, однако, совершенно невѣрно. Вообще, мы слишкомъ мало придаемъ значенія разницѣ въ опредѣленіяхъ, которыми Богъ обозначаетъ наши грѣхи, какъ напримѣръ: грѣхъ, беззаконіе, злодѣяніе, преступленіе, вина и т. д. и все-таки Духъ Святой не безъ намѣренія употребилъ въ Св. Писаніи эти ризличныя опредѣленія. Такъ и здѣсь, какъ мы, надѣюсь, увидимъ впоследствии. Что жертва повинности дѣйствительно предметъ совершенно **новый**, вытекаетъ уже изъ того, что, подобно другимъ различнымъ жертвамъ, она была установлена **новымъ** повелѣніемъ Божиимъ Моисею. Послѣ того, какъ были описаны во всѣхъ отношеніяхъ различные роды жертвы за грѣхъ, Моисей приступаетъ къ описанію жертвы повинности съ обычными словами: „И сказалъ Господь Моисею, говоря“. Это была какъ бы торжественная печать, которая прилагалась во главѣ, или въ началѣ каждаго изъ передававшихся чрезъ Моисея документовъ, а не такъ какъ мы дѣлаемъ, прилагая печать въ концѣ. Я предложилъ бы со вниманіемъ прочитатъ, именно въ этомъ отношеніи, третью книгу Моисея, т. е. Левитъ.

Итакъ, мы снова стоимъ предъ совершенно новымъ предметомъ; это не объясненіе старой предыдущей жертвы за грѣхъ, не продолженіе поученія о ней, но **новое** сред-

ство благодати, которое должно было отвѣчать потребностямъ народа Израильскаго, точно такъ, какъ и всѣ другія жертвы, только въ **новомъ** присущемъ ей, направленіи. И это приноситъ душѣ неизреченное благо, потому что показываетъ намъ, какъ Богъ, въ Своей безграничной любви, уже давно взвѣсилъ и обдумалъ всѣ наши потребности и заранѣе уже предусмотрѣлъ для нихъ все и постановилъ соотвѣтствующія имъ Свои средства. Погрузимся же въ эту любовь и будемъ вкушать ее, что мы достигнемъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что будемъ больше взвѣшивать и изучать святаго постановленія Божіи, истекающія изъ нея и записанныя Имъ для насъ въ этой книгѣ, потому что такимъ образомъ мы живѣе и яснѣе увидимъ все то, чѣмъ мы обладаемъ во Христѣ. Онъ, соединяющій все въ Своей личности, Онъ, неисчерпаемая сокровищница наша, да укажетъ намъ въ Своемъ свѣтѣ новый для насъ драгоценный даръ въ

жертвѣ повинности.

Остановимся и здѣсь, прежде всего, на названіи этой жертвы. Богъ назвалъ ее жертвой „повинности“, или „жертвой за преступленіе“. Вина или преступленіе указываетъ на **личное** участіе въ ошибкѣ, которая произошла черезъ **дѣйствіе** или **упущеніе**. Нельзя же, напримѣръ, обвинять того чахоточнаго въ проступкѣ или приписывать ему вину его преждевременной смерти, если онъ всосалъ свою болѣзнь уже съ молокомъ матери; ему можно было уже предсказать скорую смерть еще прежде, нежели онъ успѣлъ совершить что-либо полезное или вредное для своего здоровья. Совершенно иначе, однако, приходится отнестись къ человѣку, погибающему отъ той же болѣзни, но которую онъ навлекъ на себя личнымъ нарушеніемъ законовъ природы или развилъ ее упущеніемъ необходимаго ухода за собою. Онъ виновникъ, нарушитель закона, пожинаящій въ своей болѣзни плодъ собственныхъ своихъ дѣяній. Такая же разница существуетъ и между грѣшникомъ и преступникомъ, между жертвой за грѣхъ и жертвой повинности. Я былъ, къ сожалѣнію, грѣшникомъ раньше, чѣмъ могъ имѣть понятіе о существованіи какой-либо заповѣди Божіей, которую я бы могъ нарушить или преступить; я уже былъ

имъ, когда вздохнулъ въ первый разъ въ жизни; я имъ былъ по моему происхожденію и рожденію; но преступникомъ я тогда еще не былъ, имъ я сталъ только впослѣдствіи, когда лично принялъ участіе въ неправдѣ предъ Богомъ и людьми. Такимъ образомъ, я былъ грѣшникомъ по рожденію и грѣшникомъ по дѣламъ; для перваго состоянія я нуждаюсь въ жертвѣ за грѣхъ, для слѣдующаго— въ жертвѣ повинности. Мнѣ, тебѣ, всѣмъ намъ нужно имѣть искупленіе, даже если мы не сознаемъ ни одного грѣховнаго дѣянія, даже еслибы мы младенцами ушли изъ этого міра, тѣмъ несравненно болѣе теперь, сдѣлавшись виновниками, преступниками и злодѣями.

Но жертва повинности касается не столько нашего **состоянія**, сколько нашихъ **поступковъ**; это не удовлетвореніе за то, что мы сами по себѣ **есть**, но за то, что мы **дѣлаемъ** или **упускаемъ**. Въ то время, какъ жертва за грѣхъ относится къ присущей намъ испорченности, которой иногда и не приходится обнаруживаться (по крайней мѣрѣ предъ глазами людей), въ то время, какъ она относится, такъ сказать, къ самой сути, самому корню грѣха, жертва повинности относится къ плодамъ, возставшимъ и созрѣвшимъ изъ этого корня. Эти различія обѣихъ жертвъ постоянно ставились на видъ Израильтянину, чтобы, чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ немъ утверждалось сознаніе необходимости въ его искупленіи.

Но какъ мы должны быть благодарны Богу и Отцу за такое ясное откровеніе намъ, что во Христѣ есть спасеніе для каждой отдѣльной стороны нашего глубокаго несчастія. Много разъ приходилось намъ слышать различныхъ серьезныхъ, но не вполне знающихъ славное искупленіе во Христѣ людей, какъ они ограничивали совершенное на Голгоѣ дѣло. Одни думали, что въ Немъ, второмъ Адамѣ, возстановлено лишь паденіе перваго Адама и, какъ они говорили, искупленъ нашъ природный, наслѣдственный грѣхъ, но за личные наши грѣхи мы отвѣтственны сами; другіе, напротивъ, основываясь на сознаніи своей внутренней испорченности, считали необходимымъ принимать, что Христосъ дѣйствительно понесъ на Себѣ лично совершенные грѣхи наши, но, что касается первоначаль-

наго нашего духовнаго состоянія, оно должно оставаться все тѣмъ же, и помочь этому никакъ нельзя. Между тѣмъ эти двѣ жертвы рѣшаютъ эти вопросы; онѣ показываютъ намъ во Христѣ вполнѣ достаточное спасеніе для всякаго направленія нашей испорченности. Какъ ни глубоко паденіе въ Адамѣ, какъ ни ужасна пропасть собственныхъ преступленій,—Исусъ какъ за одно, такъ и за другое—достаточная жертва за грѣхъ и жертва повинности. Съ убѣдительною ясностью показываетъ именно это апостолъ Павелъ въ Рим. 5, 12—21. Приводимъ здѣсь только одинъ 16 й стихъ: „И даръ не какъ судъ за **одного** совершившаго: **ибо судъ за одно преступленіе къ осужденію**; а даръ благодати къ оправданію **отъ многихъ преступленій**“. Драгоценное, славное искупленіе, устраняющее приговоръ, вызванный первымъ паденіемъ, и совершившее нѣчто, еще несравненно большее; оно навсегда уничтожило и наше собственное личное отпаденіе, повторявшееся несчетное число разъ. Да, это даръ неизреченный.

Но, да не думаетъ никто, что выставленіе жертвы повинности на одинъ уровень съ жертвой за грѣхъ не имѣетъ никакого практическаго значенія для жизни по вѣрѣ. Это можетъ быть съ человѣкомъ, никогда еще не придавшимъ серьезнаго значенія своему грѣху предъ лицомъ Божіимъ. Но каждый, кому Духъ Святой однажды раскрылъ глаза на его собственную испорченность, знаетъ насколько больше страданій и горя причиняетъ ему именно его собственная вина, его приступленія и ошибки, нежели его падшее наследственное состояніе. И это понятно, потому что съ нашими собственными дѣлами мы стоимъ предъ проклинающимъ и осуждающимъ закономъ, который нельзя обойти, и неумолимая требованія котораго „Ты долженъ“ или „Ты не долженъ“ мы лично презрѣли или выпустили изъ вида. Черезъ этотъ нарушенный законъ нашъ грѣхъ дѣлается для насъ крайне грѣшнымъ; онъ умножается, т. е. неизбежно навлекаетъ на насъ заслуженный имъ приговоръ, и не будь спасенія отъ этого, отчаяніе было бы концомъ всякаго пробужденнаго грѣшника. Но какимъ блаженнымъ дѣлаетъ его сознаніе, что Христосъ отдалъ **жизнь Свою въ жертву повинности** и, такимъ образомъ, понесъ на

Себѣ всякое дѣйствіе, всякое слово, всякую нечистую нашу мысль противъ Бога и людей; какъ блаженно знать, что смерть Его устранила, какъ послѣдствія грѣховнаго нашего состоянія, такъ и послѣдствія нашихъ грѣховныхъ дѣлъ.

Существовало два рода жертвъ повинности и обоихъ не должны мы выпускать изъ виду. Одинъ родъ этой жертвы удовлетворялъ за преступленія человѣка, совершенныя противъ **требованій Іеговы**, другой же встрѣчалъ **прегрѣшенія человѣка противъ человѣка**. Въ повелѣніи было сказано: „Если кто сдѣлаетъ преступленіе и по ошибкѣ **согрѣшитъ противъ посвященнаго Господу**, пусть за вину свою принесетъ Господу жертву повинности“ (Лев. 5, 15). И далѣе: „Если кто согрѣшитъ и сдѣлаетъ преступленіе предъ Господомъ и запрется **предъ ближнимъ своимъ**“ и т. д. (Лев. 6, 2). Таковы были два предположенія Божія о ней, обозначающія два направленія: одно—въ которомъ человѣкъ стоитъ по отношенію къ Богу и другое — по отношенію къ своему ближнему. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ человѣкъ согрѣшилъ и постоянно внось грѣшитъ, и Богъ долженъ ему это напоминать.

Падшій человѣкъ порвалъ свои сношенія съ Богомъ; отошелъ отъ Бога и, вслѣдствіе этого, Св. Писаніе совершенно безразлично къ тому, на какой ступени нравственности онъ стоитъ, справедливо называетъ его **безбожникомъ**; таково его состояніе, его внутреннее настроеніе; оно проявляется и въ его дѣйствіяхъ и въ поступкахъ: въ нихъ онъ чуждъ Богу, исключилъ Его изъ своей жизни. Богъ же, въ Которомъ не произошло и никогда не можетъ произойти перемѣны относительно и этого творенія Его, несмотря на то, что оно измѣнилось, все таки неизмѣнно требуетъ отъ него того же чистаго, Богу подобающаго поведенія по отношенію къ Нему, Творцу его. Всякое непризнаніе этого своего положенія предъ Богомъ, всякое невниманіе, всякая забывчивость по отношенію къ Богу есть новый дѣйствительный ударъ, направленный мятежникомъ противъ своего законнаго Господина. Тысячи людей никогда не думаютъ объ этомъ и считаютъ себя уже внѣ опасности и неповинными, если они не крали, не грабили, не прелюбодѣйствовали и воздавали всякому должное; т. е.

если они, хотя нѣкоторымъ образомъ, удовлетворили требованіямъ человѣческой нравственности, они думаютъ, что и Господь долженъ быть ими доволенъ. Но посмотрите: здѣсь за каждую отдѣльную вину смерть была жребіемъ виновнаго, и только отдача собственной жизни или жизни замѣстителя, т. е. жертвы его, могла искупить ошибку или упущеніе этого рода. О, еслибы бѣдный, равнодушный къ Богу міръ, наконецъ, постигъ бы это и узналъ свою гибель.

Мы не должны также забыть особенно выдвинуть то, что такъ охотно упускается изъ виду необращеннымъ человекомъ, но здѣсь особенно выдвигается Самимъ Господомъ: это то, что отношеніе къ Нему поставлено на первое мѣсто, мѣсто, **предшествующее** отношенію къ ближнему. Что скажете вы объ этомъ правилѣ Божиѣмъ, друзья мои, вы, которые до сихъ поръ заботились только о томъ, какъ бы только быть правыми передъ людьми? Не чувствуете ли вы въ вашемъ собственномъ сердцѣ, какъ вы несчетное число разъ въ этомъ одномъ случаѣ ставили Бога на задній планъ, почитая Его ниже Его созданія? Да покажетъ вамъ это ясно Духъ Святой!

Но, съ другой стороны, замѣьте при нашей жертвѣ повинности, какъ Господь вступаетъ также и въ права ближнихъ нашихъ. Святости и справедливости въ словѣ, дѣлѣ, помышленіи и дѣйствіяхъ во всѣхъ отношеніяхъ къ ближнему желаетъ Святой отъ меня, отъ тебя, отъ cadaго изъ насъ, не взирая ни на личность, ни на положеніе въ жизни, ни на степень образованія. Онъ называетъ „**преступленіемъ**“ противъ Него, если одинъ человѣкъ причинилъ какую-либо несправедливость другому; это—вина, совершенная противъ Него. Итакъ, жертва повинности ставитъ человѣка предъ обѣими скрижалями закона Божія, предлагая ему прощеніе за преступленія въ обоихъ направленіяхъ. Какъ должна душа наша славить Господа, видя въ смерти Христовой полное спасеніе отъ всякаго рода грѣховныхъ дѣлъ нашихъ.

Замѣтимъ также, какъ Богъ опредѣляетъ здѣсь каждый родъ этихъ двоякихъ прегрѣшеній. О преступленіи противъ Господа, въ текстѣ нашемъ, высказано предположеніе, что

оно совершено по ошибкѣ или по невѣдѣнію. „Если кто сдѣлаетъ преступленіе и по ошибкѣ согрѣшитъ“, говорится въ одномъ мѣстѣ; и въ другомъ: „Если кто согрѣшитъ и сдѣлаетъ что-либо противъ заповѣдей Господнихъ... и по невѣдѣнію сдѣлается виновнымъ“, тогда,—что же слѣдовало тогда? Слѣдовало ли оставить это безъ вниманія? Нѣтъ, напротивъ, сказано, что душа „сдѣлается виновной и понесетъ на себѣ грѣхъ“. Да, какъ святъ Господь! Человѣкомъ это было пропущено, онъ даже могъ быть въ невѣдѣніи о случившемся, но не такъ у Господа; это тотчасъ же заносилось въ то „рукописаніе, бывшее о насъ и противъ насъ“, съ неизгладимымъ обозначеніемъ „злодѣяніе“. Да, возлюбленные, несправедливость есть несправедливость, беззаконіе есть беззаконіе предъ Нимъ, и грѣхъ есть грѣхъ, черное пятно, которое Онъ не назоветъ бѣлымъ, и которое обезображиваетъ и осуждаетъ насъ, даже если совѣсть наша не подозрѣваетъ о немъ; это одинъ изъ скрытыхъ грѣховъ, нуждающихся въ очищеніи и истребленіи посредствомъ крови. Какъ глубоко сознавалъ эту истину апостолъ Павелъ, когда говорилъ: „Хотя я ничего не знаю за собою, но тѣмъ не оправдываюсь“ (1 Кор. 4, 4). Итакъ, наше хожденіе предъ Нимъ неудовлетворительно, даже если мы ходимъ съ чистою совѣстью; святости Своей, покрывающей насъ, удовлетворяетъ только Онъ Самъ, и Онъ одинъ. Но, слава Ему, что Его драгоценная жертва повинности достигаетъ до самыхъ скрытыхъ прегрѣшеній, изглаживая ихъ согласно съ требованіями Всевидящаго и Всевѣдущаго Бога, а не по нашему пониманію и не по нашей совѣсти. Каковъ можетъ быть миръ сердца нашего, когда мы видимъ, какъ глубоко идутъ принятыя Богомъ мѣры въ смерти Христа за насъ.

Теперь мы подходимъ къ прегрѣшеніямъ противъ ближнихъ нашихъ. Здѣсь не сказано, что они могли совершиться по ошибкѣ или по невѣдѣнію, потому что они такъ близки нашимъ собственнымъ чувствамъ, что всякое ограниченіе данныхъ ближнему Богомъ правъ должно быть тотчасъ замѣчено нами. Вѣдь человѣкъ, со своими собственными желаніями и требованіями къ ближнему, самъ себѣ является закономъ, онъ постоянно носить въ себѣ самомъ

и съ собою масштабъ, по которому онъ долженъ обращаться со своимъ ближнимъ, по слову Господню: „Во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки“ (Матѣ. 7, 12). Здѣсь уже больше не можетъ быть рѣчи объ ошибкѣ или о грѣхѣ по невѣдѣнію. И, однако, мы открыто должны сознаться, что у иныхъ доходитъ и до этого. Безъ сомнѣнія, надо глубоко опуститься, ниже обыкновеннаго положенія падшаго человѣка, чтобы безсознательно и по невѣдѣнію совершать противъ ближняго своего грѣхи, перечисленные здѣсь, и другіе, имъ подобные. Тѣмъ не менѣе, это, къ сожалѣнію,—печальная дѣйствительность, что человѣкъ опустился и на эту ступень и пьетъ беззаконіе, какъ воду. Въ началѣ онъ совершаетъ ихъ, можетъ быть упрекая себя внутренно, затѣмъ совершаетъ сознательно, даже обдуманно, и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, у него совершенно не исчезаетъ сознание совершенія грѣха. Бѣдная совѣсть давно убита и не можетъ заронить ни одного луча свѣта въ омраченное сердце. Навѣрно, еслибы падшая душа не нашла бы жертвы повинности во Христѣ Іисусѣ, когда однажды Духъ Святой открылъ ей глаза на ея личное паденіе, она впала бы уже теперь въ безнадежное отчаяніе. Но какъ бы низко ни опустился кто-либо, до какой бы пропасти онъ ни дошелъ, здѣсь есть надежда для каждого. Христось, наша жертва повинности, какъ намъ показываетъ Богъ въ этомъ драгоцѣнномъ прообразѣ Своемъ, взялъ на Себя всякую вину, совершенную вольно или невольно, сознательно или безсознательно, и заплатилъ то, чего Онъ не похищаль, за каждого, уповающаго на Него. Принеси, о грѣшникъ, Богу эту, Имъ Самимъ предназначенную и избранную жертву повинности, и тогда о тебѣ будетъ сказано относительно всѣхъ твоихъ преступленій, какъ объ обремененномъ грѣхами Израильтянинѣ послѣ принесенія имъ жертвы повинности: „Прощено будетъ ему, что бы онъ ни сдѣлалъ, все, въ чемъ онъ сдѣлался виновнымъ“.

Подойдемъ поближе къ жертвѣ, или удовлетворенію, предписанному здѣсь Господомъ.

Прежде всего, посмотримъ, въ чемъ заключалось удовлетвореніе за грѣхъ, направленный противъ Самого Господа. Если что-либо „посвященное Господу“ было осквернено, или несправедливо удержано, или нарушена заповѣдь, касающаяся Господа, Израильтянинъ долженъ былъ явиться съ полнымъ удовлетвореніемъ предъ лицо Господне. Оно состояло изъ трехъ частей: одного овна безъ порока, по оцѣнкѣ Моисея серебряными сиклями, по сиклю священному, полной замѣны посвященнаго, противъ котораго согрѣшено, и еще пятой части сверхъ того. Это было удивительное постановленіе Божіе, но исполненное божественной мудрости. Въ принесенномъ въ жертву овиѣ мы видимъ неизмѣнное, на вѣки установленное правило Божіе: „Безъ пролитія крови не бываетъ прощенія“ (Евр. 9, 22). Грѣхъ, самъ по себѣ, какъ бы незначителенъ въ глазахъ человѣческихъ онъ ни былъ, могъ быть искупленъ единственно смертью: только такимъ путемъ могло быть дано удовлетвореніе правосудію Божію. И это должно было совершиться прежде всего, чтобы то, что стояло между Израильтяниномъ и Богомъ, было устранено и чтобы первый могъ приблизиться къ Господу. Замѣтимъ это и для себя, братія мои, на случай, если и мы безсознательно прикоснемся къ тому, что посвящено Ему, или присвоимъ это, или возьмемъ себѣ въ распоряженіе. Пospѣшимъ съ подобнымъ грѣховнымъ дѣломъ, прежде всего, подъ силу жертвы повинности, предстанемъ немедленно предъ лицо Божіе, но ни въ какомъ случаѣ безъ этой жертвы: только она можетъ вернуть намъ наше благословенное положеніе, которое мы имѣли до согрѣшенія.

Но когда приношеніе было сдѣлано и пламя истребляло овна, не достаточно ли было этого? Никакъ. Богъ требовалъ полного возмѣщенія посвященнаго. Какъ же это? Очень просто: Господь понесъ бы уронъ, еслибъ только наказаніе искупало грѣхъ, отнятое же не было Ему всецѣло и вполне возвращено, поэтому Онъ и требовалъ возмѣщенія и сверхъ того еще прибавленія пятой части, такъ что преступленіе противъ Господа служило Ему не въ уронъ, но даже къ выгодѣ.

О, чудная милость Божія, выражающаяся въ искупле-

ниі Іисусомъ Христомъ; Онъ не только несетъ нашу вину и искупаетъ всѣ наши прегрѣшенія, но возвращаетъ насъ, потерянныхъ для Бога людей, Ему, такъ что Онъ получаетъ Свою собственность обратно. и такъ совершенно и всецѣло, что своевольный и самолюбивый человѣкъ добровольно полагаетъ себя снова на жертвенникъ Божій и посвящается Ему. Онъ, похитившій у Бога права Его, и оскорбившій Его, отнимаетъ теперь, искупленный Христомъ, свои руки отъ себя, своего тѣла, жизни и всего, что имѣетъ, признавая впредь только Его, какъ единственнаго, имѣющаго надъ нимъ власть и право. Такъ, чрезъ искупленіе во Христѣ, Господу возвращается Его собственность, но—о драгоцѣнная мысль!—Онъ получаетъ болѣе, нежели Онъ нѣкогда потерялъ. Не только погибшее созданіе возвращается въ Отцовскій домъ очищеннымъ и освобожденнымъ отъ грѣховъ, но новая тварь, соединенная съ Нимъ, дитя Его, наслѣдникъ Его естества и славы.

Съ другой стороны, эта жертва повинности со своимъ возмѣщеніемъ даетъ чаду Божію, которое **посвящено Богу**, еще другой, очень драгоцѣнный намекъ. „Я—Твой; Ты искупилъ меня Себѣ“,—вотъ лозунгъ и дѣйствительность его съ тѣхъ поръ, какъ его спасеніе стало ему ясно. Онъ отдалъ себя и тѣло свое „въ жертву живую, святую, благоугодную Богу“, и съ этого времени это его „разумное служеніе“ (Рим. 12, 1). Но кто изъ возлюбленныхъ Божіихъ не знаетъ, сколько совершается ими ошибокъ по невѣдѣнію и по упущенію, которыя выясняются сознанию уже тогда, когда они совершены? И сколько оскверненія въ этомъ постоянномъ разумномъ служеніи Богу, сколько посягательствъ на святыню и какъ часто берется нами назадъ то, что было положено Ему на жертвенникъ! Какая неизреченная милость Божія заключается въ сознаниі, что сила крови Іисуса, нашей жертвы повинности, можетъ быть примѣнена и здѣсь! Но довольно ли тебѣ, братъ мой, сестра моя, когда ты знаешь, что то или другое твое прегрѣшеніе истреблено и покрыто кровію Іисуса? Всегда ли имѣлъ ты въ виду, что Господь не долженъ терпѣть никакого урона при этомъ, но что посвященіе твое Ему должно остаться на той же высотѣ и въ той же силѣ и объемѣ послѣ преступленія,

какъ и до него? Это чрезвычайно важный пунктъ. Потому что именно это — достойная сожалѣнія дѣйствительность, на которую слѣдовало бы обратить вниманіе, что часто нечаянныя ошибки дѣтей Божіихъ дѣлаются началомъ ихъ отступленія назадъ. Господу не было возвращено похищенное ими въ той мѣрѣ, какъ оно было прежде, и это уже была новая ошибка; за ней послѣдовали другія, и началось медленное отчужденіе отъ Господа. Это не должно было быть такъ, нѣтъ. отдача Господу не должна терпѣть никакого ущерба отъ какой-нибудь ошибки. Напротивъ, она должна была выразиться сильнѣе, идти глубже. Господь, согласно нашему прообразу, долженъ былъ получить на пятую долю больше прежняго.

Эта пятая доля, которую Израильтянинъ долженъ былъ посвятить Господу сверхъ возмѣщенія святыни послѣ согрѣшенія, очевидно, не была посвящена до совершенія преступленія, такъ что Господь получалъ теперь еще и то, что раньше удерживалось отъ Него. Такъ каждая наша ошибка должна насъ двинуть не назадъ, а впередъ. Часто именно наши ошибки открываютъ намъ, куда еще не простирается господство Господа въ насъ; еслибъ мы предоставили Ему въ такомъ случаѣ тотчасъ же и безусловно это господство, тогда Онъ не потерпѣлъ бы ущерба, и мы извлекли бы изъ нашего несчастія большую пользу.

Обратимся теперь къ удовлетворенію, предписанному за прегрѣшенія противъ нашего ближняго. И здѣсь мы находимъ того же овна, то же вознагражденіе за понесенный ближнимъ убытокъ съ прибавленіемъ къ нему пятой доли. Вознагражденіе и пятая его доля отдавались потерпѣвшему, овенъ же жертвы повинности возлагался на жертвенникъ Господень. Тѣ же самыя истины, которыя выяснились при согрѣшеніи противъ Господа, находятъ свое примѣненіе и при согрѣшеніи противъ ближняго. Удовлетвореніе ближняго должно было быть такимъ совершеннымъ, какъ и то, которое давалось Господу; это намъ снова напоминаетъ, что, по совершеніи нами какого-либо грѣха противъ ближняго, наше отношеніе къ нему должно сдѣлаться еще лучше и искреннѣе прежняго.

Но существуетъ здѣсь и еще одно обстоятельство особенной важности. Удовлетвореніе начинается не, какъ мы

это раньше видѣли, съ кровавой жертвы, съ принесенія овна, но съ воздаянія за отнятое и придачи къ нему пятой доли. Здѣсь надо начать не у мѣднаго жертвенника и во святилищѣ, но съ потерпѣвшаго ущербъ и оскорбленнаго человѣка. Какъ неразумно и грѣховно поступаетъ по этому сердце, воображающее, что грѣхъ, совершенный противъ другого человѣка, противъ ближняго, можно вполнѣ изгладить на колѣняхъ предъ Господомъ. Нѣтъ, сначала дай полное удовлетвореніе брату твоему, возстанови вполнѣ прежнее отношеніе, сдѣлай это даже, если бы тебѣ самому пришлось терпѣть убытокъ, если можно такъ выразиться, сдѣлай свои отношенія на пятую долю лучше, искреннѣе, сердечнѣе, и тогда возложи тяжесть и этого прегрѣшенія на жертву повинности, принесенную за тебя твоимъ Господомъ, и миръ твой сдѣлается совершеннымъ.

Не забудемъ также никогда, что, при прегрѣшеніи противъ ближняго, необходимы оба условія: вознагражденіе и жертва повинности. Перваго, вознагражденія, не было бы достаточно, еслибъ Иисусъ не покрылъ кровію Своею вины твоей; послѣдняя, жертва повинности, не изгладила бы грѣха твоего, если бы тобою не было дано вознагражденіе, потому что Богъ не могъ допустить ни тебя, ни жертвы твоей на жертвенникъ Свой, пока дѣла твои къ брату твоему не приведены въ порядокъ; и они должны быть исправлены прежде всего. Посмотри, какъ Иисусъ отсылаетъ къ оскорбленному брату человѣка, приносящаго даръ свой къ жертвеннику: „Если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и **пойди, прежде** примиришь съ братомъ твоимъ, и тогда прійди, и принеси даръ твой“ (Матѣ. 5, 23. 24).

Въ этомъ прообразѣ жертвы Христа мы видимъ, какъ славно соединено оправданіе и освященіе. Первое не оставлено безъ второго, да оно и не можетъ быть иначе. Искупленіе и пребываніе во грѣхѣ удалены во Христѣ другъ отъ друга, какъ небо отъ земли, и должны такъ остаться. Гдѣ есть истинное искупленіе и очищеніе, тамъ должно послѣдовать и хожденіе во свѣтѣ, или исповѣданіе, — что имѣешь часть во Христѣ, -- неправда, потому что Онъ не слу-

житель грѣха. Не забудемъ этого никогда; и да будемъ мы во всемъ украшеніемъ и этому ученію Спасителя, нашего Бога, святымъ, соотвѣтствующимъ ему хожденіемъ предъ Господомъ (Тим. 2, 10). Онъ же да совершитъ въ насъ это во Славу Свою. Аминь.

---

17. Жертва всесожженія.

- Лев. 1, 1. „И воззвалъ Господь къ Моисею, и сказалъ ему изъ скинии собранія, говоря:
2. Объяви сынамъ Израилевымъ и скажи имъ: когда кто изъ васъ хочетъ принести жертву Господу, то, если изъ скота, приносите жертву вашу изъ скота крупнаго
  3. и мелкаго. Если жертва его есть всесожженіе изъ крупнаго скота, пусть принесетъ ее мужескаго пола, безъ порока; пусть приведетъ ее къ дверямъ скинии собранія, чтобы пріобрѣсть ему благоволеніе предъ
  4. Господомъ. И возложитъ руку свою на голову жертвы всесожженія и пріобрѣтетъ онъ благоволеніе, во очищеніе грѣховъ его.
  5. И заколетъ тельца предъ Господомъ; сыны же Аароновы, священники, принесутъ кровь и покропятъ кровію со всѣхъ сторонъ на жертвенникъ, который у входа скинии собранія. И сниметъ кожу съ жертвы всесожженія, и разсѣчетъ ее на части. Сыны же Аароновы, священники, положатъ на жертвенникъ огонь, и на огнь разложатъ
  8. дрова. И разложатъ сыны Аароновы, священники, части, голову и тукъ на дровахъ,
  9. которыя на огнѣ, на жертвенникѣ. А внутренности жертвы и ноги ея вымоетъ онъ водою, и сожжетъ священникъ все на жертвенникѣ: это всесожженіе. Жертва, благоуханіе пріятное Господу“.

Гл. 6, 8. 9. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: Заповѣдай Аарону и сынамъ его: вотъ законъ всесожженія: всесожженіе пусть остается на мѣстѣ сожиганія на жертвенникѣ всю ночь до утра, и огонь жертвенника пусть горитъ на немъ. И пусть священникъ одѣнется въ льняную одежду свою, и надѣнетъ на тѣло свое льняное нижнее платье, и сниметъ пепелъ отъ всесожженія, которое сжегъ огонь на жертвенникѣ,

    11. и положитъ его подлѣ жертвенника. И пусть

- сниметь съ себя одежды свои, и надѣнетъ другія одежды, и вынесетъ пепель внѣ
12. стана на чистое мѣсто. А огонь на жертвенникѣ пусть горитъ, не угасаетъ; и пусть священникъ зажигаетъ на немъ дрова каждое утро, и раскладываетъ на немъ все-сожженіе, и сожигаетъ на немъ тукъ мирной жертвы. Огонь непрестанно пусть горитъ на жертвенникѣ и не угасаетъ".

ертва, на которой мы остановимъ сегодня наше вниманіе, была главной жертвой всего ветхозавѣтнаго богослуженія. Не напрасно была она поставлена Господомъ во главѣ всѣхъ остальныхъ жертвъ, такъ какъ въ глазахъ Божіихъ она дѣйствительно занимала первое мѣсто. Хотя человѣкъ не могъ впервые явиться предъ Богомъ съ жертвой всесожженія, о которой мы говоримъ, а, смотря по своимъ потребностямъ, долженъ былъ начать или жертвой за грѣхъ, или жертвой повинности, но, тѣмъ не менѣе, эта жертва не могла быть упущена въ послѣдствіи. Ни одно священнодѣйствіе не обходилось безъ нея, какъ справедливо замѣчаетъ **Беръ** въ своей „Символикѣ“, и всякое принесеніе какой-либо другой жертвы сопровождалось жертвой всесожженія. Сама она могла приноситься и часто приносилась одна, безъ другихъ жертвъ, какъ простымъ Израильтяниномъ, такъ и княземъ, священникомъ или цѣлымъ обществомъ. Но, во всякомъ случаѣ, она приносилась одна только тогда, когда дѣло не шло ни о грѣхѣ, ни о винѣ человѣка, ее приносившаго.

По повелѣнію Божію, она горѣла, какъ мы только-что читали, непрестанно за Израиля на мѣдномъ жертвенникѣ въ пріятное благоуханіе Богу, и самый жертвенникъ отъ нея получилъ названіе жертвенника всесожженія. Уже эти обстоятельства, казалось, указывали на то, что она, такъ сказать, включала въ себя совокупность всѣхъ остальныхъ жертвъ, хотя и всѣ другія были необходимы, чтобъ сильнѣе выдвигать отдѣльныя выдающіяся черты совершенной жертвы Іисуса Христа, нежели ихъ могла явить жертва всесожженія. Да руководить нами Самъ Духъ Святой по

Своему изволенію въ разсмотрѣніи нами всего великаго значенія

этой жертвы всесожженія.

И здѣсь мы начинаемъ съ божественнаго опредѣленія, т. е. съ названія жертвы. Вообще, какъ мы уже упомянули объ этомъ, она называется жертвой всесожженія; по-еврейски же „Olah“, по указанію многихъ авторитетовъ (ученыхъ), имѣетъ значеніе **поднятія, подниманія вверхъ**. Въ дѣйствительности, съѣдаемая силою огня, она поднималась въ пламени его къ небесамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія въ нѣмецкомъ переводѣ она названа „всей“ или „цѣльной“ жертвой. Напримѣръ, во Втор. 33, 10 говорится: „Возлагаютъ куреніе предъ лицо Твое и всесожженія (въ нѣмецкомъ переводѣ—„цѣльныя жертвы“) на жертвенникъ Твой“. Также въ Псалмѣ 50, 21 сказано: „Тогда благоугодны будутъ тебѣ жертвы правды, возношеніе и всесожженіе („цѣльныя жертвы“); тогда возложатъ на алтарь Твой тельцовъ“. Такимъ образомъ, какъ самое названіе этой жертвы, такъ и Богомъ предписанный способъ приношенія ея заключали въ себѣ непременно понятіе чего то всеобъемлющаго, совершеннаго. Ни одна изъ остальныхъ жертвъ не поднималась къ Господу всецѣло и безъ всякаго ограниченія, уничтожаемая огнемъ; тамъ бывали только отдѣльныя части, предназначенныя Господу, тогда какъ остальное получали либо священники и приносившій жертву, либо она сжигалась внѣ стана, а не на жертвенникѣ Господнемъ или, какъ его иначе называли, на трапезѣ Господней. Но отъ жертвы всесожженія нельзя было отдѣлить никакой частички, она вся принадлежала исключительно Господу.

Здѣсь мы видимъ Христа, отдавашаго Себя **всецѣло** на страданія и смерть для Отца и только для Него **Одного**. Въ этомъ прообразѣ мы не принимаемся пока въ соображеніе, но **Отецъ**, какъ Онъ Самъ непрестанно повторяетъ въ Евангеліи отъ Іоанна, Пославшій Его. Въ жертвѣ за грѣхъ и въ жертвѣ повинности мы видѣли Его, идущаго навстрѣчу нашимъ вопіющимъ потребностямъ; здѣсь мы находимъ Его, отданнаго **Богу** въ пріятное благоуханіе, и

въ такой степени, что далѣе идти невозможно; Онъ приносить Богу Себя всего, Свое тѣло, душу и Духъ въ неслезанныхъ страданіяхъ и постыднѣйшей, мучительнѣйшей смерти. Онъ принадлежалъ Богу Отцу вполнѣ въ теченіе всей Своей земной жизни, во всѣхъ обстоятельствахъ и искушеніяхъ, потому что всѣ Его силы, Его время и воля, любовь и вся жизнь Его были отданы на служеніе Отцу; но на крестѣ, среди невыразимыхъ смертельныхъ страданій, все это, вмѣстѣ съ самымъ существомъ Своимъ, въ совершенствѣ предалъ Онъ добровольно и въ безграничной любви Отцу Своему. И только Отецъ одинъ въ состояніи вполнѣ увидѣть, постичь и оцѣнить весь объемъ этой безграничной выдачи, этой отдачи до крайности; ни одинъ Ангелъ или Архангелъ, ни одно смертное существо или всѣ вмѣстѣ не въ силахъ понять этого. И какъ бы глубоко искупленные Его ни вкусили совершенную отдачу Христову, какую бы часть ни имѣли въ ней, это составитъ всегда только маленькія капли. Поэтому жертва, которая представляетъ эту сторону полнѣйшей отдачи Христа Отцу черезъ смерть его, и принадлежитъ Отцу всецѣло. Всеобъемлющему принадлежитъ Всенаполняющій. Совершенному—Совершенный, вся жертва цѣликомъ.

Разсмотримъ, теперь, приведенное здѣсь побужденіе для принесенія жертвы всесоженія. У предыдущихъ жертвъ оно выражалось уже въ названіяхъ ихъ, и, кромѣ того, мы находимъ очень опредѣленные повелѣнія Іеговы, требовавшія ихъ. При жертвѣ за грѣхъ и жертвѣ повинности дѣйствовалъ непреложный законъ, по которому или жертва должна была быть предана смерти предъ Господомъ, или же грѣшникъ, нарушитель Божіихъ заповѣдей, истреблялся изъ народа Божія. Здѣсь, напротивъ, не было подобнаго повелѣнія Божія для отдѣльнаго лица, но сказано: „Когда кто изъ васъ **хочетъ принести** жертву Господу“... „**если жертва его есть всесоженіе...** пусть принесетъ“ и т. д. Итакъ, это не была жертва по принужденію, по обязательному предписанію, но **по доброй волѣ** со стороны Израильянина. Но такъ какъ всякая жертва всегда занимала мѣсто приносящаго ее, въ какомъ бы положеніи онъ ни явился: былъ ли онъ грѣшникомъ, или преступникомъ, или, какъ это

было здѣсь, добровольнымъ приносителемъ, то и жертва всесожженія принимала характеръ послѣдняго и являлась какъ жертва добровольной отдачи себя на смерть.

Во Христѣ Іисусѣ мы имѣемъ полное осуществленіе прообраза въ обоихъ вышеуказанныхъ направленіяхъ. Онъ и донынѣ вѣрою дѣлается нашей жертвой за грѣхъ и жертвой повинности, потому что мы другого выхода не имѣемъ; наша нужда дѣлаетъ Его необходимымъ для насъ. Духъ Святой, слово Божіе и наша собственная пробужденная совѣсть указываютъ намъ нашу духовную нищету и вѣчную погибель безъ Него, и наше единственное спасеніе въ Немъ, такъ что намъ не остается ничего другого, какъ броситься къ Нему, Поручителю нашему. Это страшное ожиданіе вѣчнаго осужденія научаетъ насъ всѣми силами ухватиться за Него. Но какъ только мы видимъ, что рукописаніе, бывшее противъ насъ, въ Немъ „истреблено, взято отъ среды и пригвождено ко кресту“ (Кол. 2, 14) и что мы обладаемъ въ Немъ Самомъ полнымъ, совершеннымъ спасеніемъ, намъ уже не нужно никакого принужденія, чтобы непрестанно приносить Богу Христа, какъ наше всесожженіе, какъ жертву пріятнаго благоуханія. Съ этого времени Онъ навсегда становится жертвой всесожженія за насъ на жертвенникѣ Божіемъ, мы уже не появляемся предъ Богомъ иначе, какъ въ Немъ и съ Нимъ, и мы блаженны видѣть эту совершенную, пріятную, удовлетворяющую жертву, разъ навсегда возложенную и навѣки для насъ тамъ оставленную. Такимъ образомъ, Онъ—наша **добровольная жертва всесожженія**.

Съ другой стороны, какъ вполнѣ добровольно отдалъ Онъ Себя цѣликомъ Отцу, какъ жертву всесожженія, возносящуюся на небеса! Другимъ путемъ Онъ не могъ сдѣлаться жертвой благоугодной, „жертвой пріятнаго благоуханія“; потому что могло ли сдѣлаться пріятнымъ Богу какое-либо дѣйствіе, вызванное **давленіемъ, побужденіемъ извнѣ** или даже **принужденіемъ**? Тѣмъ менѣе страданія и смерть Его. Но здѣсь не было принужденія ни съ какой стороны. Собственныя выраженія Іисуса могутъ засвидѣтельствовать намъ это. Послушайте, какъ Онъ въ 10 гл. Евангелія отъ Іоанна постоянно повторяетъ: „Я есмь

пастырь добрый; пастырь добрый **полагаетъ** жизнь свою за овецъ“, — „Жизнь Мою **полагаю** за овецъ“. — „Потому любить Меня Отецъ, что Я **отдаю** жизнь Мою, чтобы опять принять ее“. — „**Никто** не отнимаетъ ее отъ Меня, но Я **Самъ отдаю** ее. Имѣю власть отдать ее, и власть имѣю опять принять ее. Сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего“ (Ст. 12, 15, 17, 18). Кто можетъ читать эти изреченія, не получивъ впечатлѣнія, что Господь, какъ бы всѣми силами, старается разъ навсегда устранить всякую возможность возникновенія мысли, что Онъ былъ какимъ-либо образомъ принужденъ къ отдачѣ Своей жизни. „Никто не отнимаетъ ее“, исключаетъ всякую власть на небѣ и на землѣ; но чтобъ мы все-таки не могли подумать, что Отецъ, можетъ быть, не включенъ въ это слово „никто“, Христосъ въ заключеніе говоритъ намъ, что эту заповѣдь, по которой Онъ имѣетъ власть отдать жизнь и опять принять ее, получилъ Онъ отъ Самого Отца. Итакъ, Отецъ далъ Ему полную свободу. Далѣе, въ Евр. 9, 14 мы читаемъ, что „Онъ Самъ Духомъ Святымъ принесъ Себя, непорочнаго, Богу“. И все Его поведеніе въ тотъ часъ полной отдачи до крайности также свидѣтельствуетъ объ этомъ. Не былъ ли Онъ въ твердомъ сознаніи того, что, еслибы Онъ попросилъ Отца, Онъ послалъ бы Ему двѣнадцать легионовъ Ангеловъ вмѣсто двѣнадцати слабыхъ учениковъ, изъ которыхъ только одинъ попробовалъ защищать Его? Достаточно было бы одного только Ангела, какъ для войска царя Сеннахерима, чтобы уничтожить всѣхъ враговъ Его; но Онъ не просилъ объ этомъ. Не отступили ли назадъ и не пали ли на землю тѣ, которые вскорѣ послѣ этого связали Ему руки, когда Онъ сказалъ имъ: „Это—Я“ (Іоан. 18, 6)? Одно слово Того, предъ **лицомъ** Котораго нѣкогда побѣгутъ небо и земля, и не найдется имъ мѣста, могло бы ихъ всѣхъ уничтожить; однако, Онъ не произнесъ этого слова, но добровольно пошелъ на смерть. Это—рѣшающія истины.

Между тѣмъ, когда приблизилась минута, чтобы Ему сдѣлаться жертвой, кажется, какъ бы Онъ умиралъ не вполне добровольно. Возгласъ: „Отче Мой! если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да

будеть воля Твоя" (Мат. 26, 42), какъ бы подтверждаетъ такую мысль. Однако, не смерть на Голгоѣ стояла такою ужасною передъ Его душой въ Геѣсиманіи, но та смерть, съ которой Онъ боролся здѣсь и къ которой хотѣлъ привести Его сатана, прежде чѣмъ Онъ былъ пригвожденъ ко кресту; предназначенной Ему крестной смертью хотѣлъ Онъ умереть безъ колебанія. Вѣдь съ этой цѣлью оставилъ Онъ и небо, какъ написано: „Посему, Христось, **входя въ міръ**, говоритъ: жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, но тѣло уготовалъ Мнѣ. Всесожженія и жертвы за грѣхъ не угодны Тебѣ. Тогда Я сказалъ: вотъ иду, какъ въ началѣ книги написано **о Мнѣ**, исполнить волю Твою, Боже" (Евр. 10, 5—7). На мѣсто жертвъ, о которыхъ у насъ теперь идетъ рѣчь, и которыхъ не восхотѣлъ Отецъ, но которыя служили только прообразомъ Его, пришелъ **Онъ въ тѣлѣ Своемъ** на землю; этому тѣлу должно было быть преданнымъ, потому что Богъ уготовалъ его на это; съ такимъ сознаніемъ вошелъ Онъ въ этотъ міръ. И всякій разъ, когда Онъ въ послѣдствіи говорилъ о Своей смерти, не чувствовалось ни тѣни сопротивленія съ Его стороны; даже и въ послѣдній вечеръ Онъ рѣшительно всталъ и направился къ саду Геѣсиманскому со словами: „Чтобы міръ зналъ, что Я люблю Отца и, какъ заповѣдалъ Мнѣ Отецъ, такъ и творю: встаньте, пойдѣмъ отсюда" (Іоан. 14, 31). Такъ пошелъ Онъ добровольно, безъ всякаго принужденія.

Приступимъ теперь къ собственному значенію жертвы все-сожженія. Главное значеніе лежитъ въ многократно повторяемыхъ въ текстѣ выраженіяхъ: „Чтобъ **приобрѣсть благоволеніе предъ Господомъ**", и „**приобрѣтетъ онъ благоволеніе**", „это всесожженіе, жертва, благоуханіе пріятное Господу". Это не была, такимъ образомъ, жертва, изображавшая ту сторону смерти Христовой, по которой Онъ отдаетъ за насъ отчетъ предъ требованіями осужающаго правосудія Божія и несетъ на Себѣ наказаніе и проклятіе за грѣхи наши; нѣтъ, объ этомъ здѣсь и рѣчи нѣтъ; но эта жертва представляетъ намъ ту сторону смерти Его, по которой Онъ былъ высшимъ благоволеніемъ Отца и отрадой сердца Его, потому что, въ то время, какъ Онъ несъ на Себѣ проклятіе и заслуженный грѣхомъ приговоръ и, подобно

отверженному, долженъ былъ отойти отъ лица Его, душа Самого Господа восхищалась Его безграничной отдачей, достигшей до этой пропасти; она восторгалась этимъ совершеннымъ и чистымъ послушаніемъ, которое, ради совершенія воли Отца, добровольно подверглось всѣмъ адскимъ мученіямъ. Это упоеніе, названное здѣсь „**благоуханіемъ пріятнымъ**“, и выступаетъ предъ нами въ жертвѣ всежожения.

Возлюбленные, мы привыкли видѣть на крестѣ только то, что мы сами имѣемъ въ смерти Господа: мы ищемъ того, что случилось для насъ, что соотвѣтствуетъ нашимъ потребностямъ и приноситъ нашей душѣ наслажденіе и блаженство; но какъ мало мы останавливаемся на томъ, что получилъ Отецъ чрезъ эту жертву Своего Сына, и этимъ лишаемъ самихъ себя безконечнаго наслажденія, потому что, насколько Онъ благоугоденъ Отцу, настолько благоугодны Ему и мы; благоволеніе, принадлежащее Ему, принадлежитъ и намъ, коль скоро мы „**во Христѣ**“. Поэтому мы должны бы глубже проникать въ эту сторону смерти Христовой. Вѣдь здѣсь проявились въ крайней степени самыя непостижимыя нѣжныя побужденія отдачи Единороднаго волѣ Отца; вѣдь здѣсь стало извѣстно небу и землѣ, людямъ, Ангеламъ и всякой твари, что „ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь“ не могли Его отлучить отъ любви Божіей (Рим. 8, 38, 39), Вѣдь здѣсь счелъ Онъ милость, волю и благоволеніе Отца за лучшее, нежели жизнь (Пс. 62, 4); здѣсь выполнилъ онъ „опредѣленный совѣтъ Божій“ (Дѣян. 2, 23), совершилъ дѣло, которое Богъ Ему поручилъ и этимъ прославилъ и возвеличилъ Отца (Іоан. 17, 4). И какъ Его пищей и питьемъ было творить волю Пославшаго Его, творить ее до смерти, и смерти крестной, такъ пищей и питьемъ Отца было принятіе этого послушанія, этого дѣла. Это была Ему „благоугодная жертва“, „жертва пріятнаго благоуханія“. Да, Онъ имѣлъ въ смерти Возлюбленнаго Своего настолько безконечно больше блаженства, насколько Онъ Самъ превышаетъ насъ. Если мы въ состояніи постигнуть высоту и глубину, широту и долготу величія Его, то

мы постигнемъ также, какъ велико было наслажденіе Его въ смерти Единороднаго. Совершенно справедливо сказалъ одинъ дорогой служитель Божій *): „Крестъ, представленный въ прообразѣ жертвой всесожженія, заключалъ въ себѣ элементъ, который въ состояніи постичь только Духъ Божій. Въ немъ скрыты такія безконечныя глубины, что ни смертный, ни Ангелъ не въ силахъ постичь ихъ. Онъ говорилъ языкомъ, предназначеннымъ исключительно для уха Отца и направленнымъ прямо къ Нему. Между крестомъ на Голгоѣ и престоломъ Божиимъ установилась связь, далеко превосходящая самый высшій разумъ всей существующей твари“. И хотя слово Сына: „Никто не знаетъ Сына кромѣ Отца“ (Матѣ. 11, 27), справедливо **во всѣхъ** отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ оно особенно примѣнимо. Да будетъ Ему слава и вѣчная хвала за то, что въ Немъ заключены сокровища, непостижимыя ни для насъ, ни для кого-либо другого, но составляющія вѣчное благоволеніе Отца! Въ этомъ и наше блаженство.

Но возвратимся къ прообразу и **остановимся нѣсколько минутъ на самомъ жертвоприношеніи, или жертвованіи**. Принесеніе жертвы совершалось неодинаково при различныхъ жертвахъ, что мы хотѣли бы замѣтить, и одинаковыя дѣйствія не всегда имѣли тождественное значеніе, что легко увидѣть, сравнивая различнаго рода жертвы между собою.

Прежде всего, пусть душа наша насладится созерцаніемъ **возложенія на жертву руки**. Предназначенное для всесожженія жертвенное животное (въ этомъ случаѣ оно должно было быть мужескаго пола, безъ порока) приводилось изъ стада во дворъ и ставилось предъ дверью скиніи собранія, вмѣстѣ съ приносившимъ его. Затѣмъ происходило, какъ и при другихъ жертвахъ, обычное возложеніе руки приносящаго предъ лицомъ Господа. Никакого исповѣданія грѣха не произносилось при этомъ устами жертвователя, не проливалось ни одной слезы раскаянія и сердечнаго сокрушенія о накопившейся винѣ или грѣхѣ; не было замѣтно ни одного глубокаго вздоха тоскливаго ожиданія: все это могло происходить при жертвѣ за грѣхъ и

---

*) Макинтошъ.

жертвъ повинности. Нѣтъ, здѣсь видно было радостное лицо, черты котораго выдавали жажду, радостное ожиданіе, потому что этотъ избранный, добровольный и совершенный даръ былъ принесенъ сюда, „**чтобы пріобрѣсти благоволеніе предъ Господомъ**“, и въ надеждѣ на это, рука жертвовавшего покоилась на головѣ его жертвы. Онъ зналъ, что эта благоугодная, пріятная жертва, это пріятное благоуханіе Іеговы принесетъ ему благоволеніе Господне, сдѣлаетъ его самого пріятнымъ благоуханіемъ Ему, только при одномъ условіи: чтобы онъ возложилъ руки на голову жертвы и этимъ выразилъ **свое единство съ ней**. Если она была безъ пятна и порока, если она составляла отраду Божію, то таковымъ былъ въ ней и принесшій ее. Какова была жертва, таковымъ становился впредь и онъ въ глазахъ Божіихъ. Вся цѣна и все достоинство его жертвы всесоженія переходили черезъ возложеніе руки предъ лицомъ Божіимъ на него самого. При жертвѣ за грѣхъ и жертвѣ повинности онъ переносилъ свое состояніе и свое преступленіе на жертвенное животное; здѣсь же, наоборотъ, онъ вмѣнялъ себѣ достоинство своей жертвы. Авель, принесшій нѣкогда жертву всесоженія, пріобрѣлъ, именно этимъ путемъ, благоволеніе Божіе. Сказано: „Богъ засвидѣтельствовалъ о дарахъ его“ (Евр. 11, 4). Онъ никогда не свидѣтельствуешь о чловѣкѣ, но всегда о дарѣ его; каковъ его даръ, его жертва, таковъ и онъ самъ въ глазахъ Божіихъ.

Итакъ, если руки наши покоются на нашей жертвѣ, благоугодной Іеговѣ, на Іисусѣ Христѣ, то мы благоугодны Ему, какъ Сынъ Его. Насколько мы должны быть безконечно блаженнѣе Израиля, приходившаго къ Богу съ кровію тельцовъ и козловъ или съ пепломъ телицы, не могшими по свидѣтельству Духа Божія „никогда истребить грѣховъ“ (Евр. 10, 4, 11); насколько наша жертва всесоженія благоугоднѣе Господу, сравнительно съ всесоженіемъ Израиля, настолько благоугоднѣе Богу и мы. Онъ есть благоволеніе Отца, отрада Его, какъ мы только что слышали; и мы то же самое въ Немъ. Радостно и довѣрчиво покоится рука наша на Немъ въ то время, какъ мы восклицаемъ: „Итакъ нѣтъ нынѣ никакого осуж-

денія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ“ (Рим. 8, 1) и: „Кто будетъ обвинять избранныхъ Божиихъ? Богъ оправдываетъ ихъ. Кто осуждаетъ? Христосъ Іисусъ умеръ, но и воскресъ: Онъ и одесную Бога, Онъ и ходатайствуетъ за насъ“ (Рим. 8, 33. 34). Впредь „мы имѣемъ полноту въ Немъ“ (Кол. 2, 10), „облагодатствованы Имъ въ Возлюбленномъ“ (Еф. 1, 6) и „Христово благоуханіе Богу“ (2 Кор. 2, 15). Блаженное положеніе, достигнуть котораго мы никогда не были бы въ состояніи помимо этого пути. Предъ Богомъ мы являемся тѣмъ, что мы есть, единственно и исключительно черезъ нашу жертву всесожженія; если я не во Христѣ, если ты не въ Немъ, братъ мой, что мы такое тогда? Ничего, и даже хуже того; мы, какъ сказалъ покойный **Вольтерсдорфъ**, „бездна грѣховнаго яда“. Если же мы во Христѣ, чего намъ недостаетъ тогда? Опять-таки ничего! Вся слава, вся святость, все, что угодно Отцу, облакаетъ насъ въ Немъ навѣки. Совершенно вѣрно выражается это словами духовной пѣсни:

„Былинку, прахъ вознесъ Ты, Богъ мой,
„Превыше чистыхъ Ангеловъ небесь:
„И славлю я, спасенный рабъ Твой,
„Тебя за это чудо изъ чудесъ“.

За возложеніемъ руки на жертву всесожженія слѣдовало закланіе и разсѣченіе ея на части. Тотчасъ по возложеніи руки жертвовавшего на его жертву, эта послѣдняя должна была отдать жизнь свою; затѣмъ, съ нея снималась кожа, она разсѣкалась на части, внутренности ея вымывались, чтобы въ пламени жертвеннаго огня вознестись къ небу. Какія драгоцѣнныя мысли скрываются въ этомъ разсѣченіи на части жертвы предъ лицомъ Господа, предписанномъ именно при принесеніи Богу этой жертвы всесожженія. Это была жертва въ благоволеніе Богу. Снаружи каждый могъ изслѣдовать ея красоту и совершенство, но могъ ли каждый видѣть внутренность ея? Никакой человѣческій глазъ не могъ прозрѣть въ совершенство и непорочность ея внутренней жизни, пока жертва не предавалась смерти, и тогда Господь какъ бы говорилъ: „Покажи же теперь, что именно принесъ ты Мнѣ? Снаружи нѣтъ никакого недостатка; око Мое съ благоволе-

ніемъ покоится на твоей жертвѣ; но дай Мнѣ взглянуть на внутреннее"; и кожа снималась, и, какъ бы обнаженное, животное лежало предъ Господомъ. „Видѣ ея прекрасенъ"! казалось, продолжалъ раздаваться голосъ Божій, „но очамъ Моимъ угодно **глубже** испытать даръ твой", и какъ бы въ отвѣтъ на это, голова, грудь, ноги отдѣлялись отъ жертвы редъ очами Божиими; Его око обозрѣвало все. „Хорошо, и очень хорошо, но еще глубже, еще **глубже**", продолжалъ Онъ: тогда вынимались тукъ, почки и внутренности, такъ что не оставалось ничего скрытаго, ничего, что не видѣло бы око Его, что не лежало бы предъ Нимъ, обнаженное и открытое.

Но зачѣмъ было это намъ такъ подробно описано и сообщено? О, конечно, для того, чтобъ мы узнали, какъ Его пламенное око изслѣдуетъ нашу вѣчную жертву все-сожженія и съ какимъ вѣчнымъ благоволеніемъ взираетъ Господь на всю полноту тѣлесныхъ и духовныхъ силъ Христа, на всѣ, полныя любви, побужденія внутренней Его жизни. Мы знаемъ, что Іегова усмотрѣлъ въ Немъ Свое удовлетвореніе, Его взоръ покоится еще на Немъ, и чрезъ Него смотритъ Онъ и на насъ. Можемъ ли мы себѣ представить, какое это благоволеніе?

Приближмся, наконецъ, къ жертвеннику. Здѣсь уже горѣлъ огонь, зажженный сынами Аарона еще раньше, нежели жертва была разсѣчена на части. Уже заранѣе жертвенникъ былъ окропленъ кровію со всѣхъ сторонъ, и вотъ отдѣльныя части возлагались на дрова, чтобы въ медленно пожирающемъ пламени быть поднятыми вверхъ, къ небу; и, разъ будучи зажжены, онѣ должны были продолжать горѣть непрестанно. Такъ исполнялось повелѣніе: „Все-сожженіе пусть остается на мѣстѣ сожиганія на жертвенникѣ всю ночь, до утра" — „Огонь на жертвенникѣ пусть горитъ, не угасаетъ", „огонь непрестанно пусть горитъ на жертвенникѣ и не угасаетъ" (Лев. 6, 9. 12. 13).

Блаженный Израиль, какъ спокойно и безопасно могъ онъ жить вокругъ этого пламени: былъ ли день или ночь, свѣтло или темно вокругъ нихъ—это благоуханіе предъ Іеговой охраняло ихъ; даже больше: это было ихъ ходатайствомъ, склонявшимъ къ нимъ все благоволеніе Божіе.

Горящее всесожженіе былъ драгоцѣнный маякъ, обезпечивавшій имъ вѣчную безопасность, потому что оно непрестанно свидѣтельствовало о томъ, что они благоугодны Тому, Кто обиталъ среди нихъ въ святости и праведности. Но насколько безконечно безопаснѣе и лучше покоимся мы теперь, когда нашъ покой уже не зависитъ больше отъ того, исполняютъ ли священники неуклонно свою обязанность, возлагая каждое утро и каждый вечеръ новое всесожженіе предъ Господомъ; но Онъ Самъ вѣчно предстоитъ предъ лицомъ Отца. Нашъ великій Первосвященникъ навѣкъ принесъ благоуханіе смерти Своей предъ лицо Отца а потому **теперь**—время благопріятное, **теперь**—день спасенія, **теперь**—лѣто Господне благопріятное. Да не потеряется изъ нашего взора это свѣтлое пламя нашей жертвы всесожженія, освѣщающее свѣше ночь этого міра, доколѣ не настанетъ великое утро, и мы не достигнемъ родины, пройдя пустыню.

Но что же скажемъ мы, взирая на всю эту полноту благословеній, изливаемыхъ во Христѣ на народъ Его? Не должны ли и мы воскликнуть, какъ воскликнулъ Моисей предъ концомъ своей жизни, въ послѣдній разъ обозрѣвши народъ свой: „Блаженъ ты, Израиль! кто подобенъ тебѣ, народъ, хранимый Господомъ, Который есть щитъ, охраняющій тебя и мечъ славы твоей“! (Втор. 33, 29). О, только бы мы во всей полнотѣ и съ каждымъ днемъ все больше и больше вкушали эти благословенія, чтобы намъ имѣть силу ходить на высотъ нашего блаженнаго положенія и отдать жизнь нашу въ жертву Ему, какъ Онъ отдалъ Себя въ жертву за насъ Господу въ благоуханіе пріятное. Аминь.

---

18. Жертва благодарности, или мирная жертва.

- Лев. 3, 1. Если жертва его жертва мирная, и если онъ приносить изъ крупнаго скота, мужскаго или женскаго пола, пусть прине-
2. сеть ее Господу, не имѣющую порока. И возложить руку свою на голову жертвы: своей и заколетъ ее у дверей скинии соборанія; сыны же Аароновы, священники, покропятъ кровію на жертвенникъ со всѣхъ
  3. сторонъ. И принесетъ онъ изъ мирной жертвы въ жертву Господу тукъ, покрывающій внутренности, и весь тукъ, который на внутренностяхъ. И обѣ почки и тукъ, который на нихъ, который на стегнахъ, и сальникъ, который на печени: съ почками онъ отдѣлитъ
  5. это. И сыны Аароновы сожгутъ это на жертвенникъ вмѣстѣ со всесоженіемъ, которое на дровахъ, на огнѣ: это жертва, благоуханіе пріятное Господу“.
- Гл. 7, 11. „Вотъ законъ о жертвѣ мирной, которую
12. приносятъ Господу. Если кто въ благодарность приносить ее, то при жертвѣ благодарности онъ долженъ принести прѣсные хлѣбы, смѣшанные съ елеемъ, и прѣсныя лепешки, помазанныя елеемъ, и пшеничную муку, напитанную елеемъ.
  13. хлѣбы, смѣшанные съ елеемъ. Кромѣ лепешекъ пусть онъ приносить въ приношеніе свое квасный хлѣбъ, при мирной
  14. жертвѣ благодарной. Одно что-нибудь изъ всего приношенія своего пусть принесетъ онъ въ возношеніе Господу: это принадлежитъ священнику, кропящему кровію
  15. мирной жертвы. Мясо мирной жертвы благодарности должно съѣсть въ день приношенія ея; не должно оставлять отъ него до
  16. утра. Если же кто приносить жертву по

обѣту, или отъ усердія, то жертву его должно ѣсть въ день приношенія, и на другой день оставшееся отъ нея ѣсть можно.

29. Скажи сынамъ Израилевымъ: кто представляетъ мирную жертву свою Господу, тотъ изъ мирной жертвы часть долженъ
30. принести въ приношеніе Господу. Своими руками долженъ онъ принести въ жертву Господу: тукъ съ грудью долженъ онъ принести, потрясая грудь предъ лицомъ
31. Господнимъ. Тукъ сожжетъ священникъ на жертвенникѣ, а грудь принадлежитъ
32. Аарону и сынамъ его. И правое плечо, какъ возношеніе, изъ мирныхъ жертвъ
33. вашихъ отдавайте священнику. Кто изъ сыновъ Аароновыхъ приноситъ кровь изъ мирной жертвы и тукъ, тому и правое
34. плечо на долю. Ибо Я беру отъ сыновъ Израилевыхъ изъ мирныхъ жертвъ ихъ грудь потрясанія и плечо возношенія, и отдаю ихъ Аарону священнику и сынамъ его въ вѣчный участскъ отъ сыновъ Израилевыхъ“.

огда душа знаетъ, что прощены ей грѣхи и преступленія ея, такъ что она теперь оправдана чрезъ вѣру во Христа Іисуса; когда она увѣрена, что „Господь не вспоманетъ болѣе грѣховъ и беззаконій“ ея, потому что въ ея жертвѣ за грѣхъ и въ жертвѣ повинности они всѣ сожжены въ пепелъ и этимъ навсегда сняты съ нея, и она съ тѣхъ поръ даже видитъ себя благоугодной Господу чрезъ свою жертву всесоженія,—тогда съ силою проявляется глубокая внутренняя потребность, требующая себѣ какого-нибудь выхода; эта потребность заключается въ горячей жадѣ вознести Господу благодареніе въ полной мѣрѣ за Его богатую, переливающуюся черезъ край, милость. Будучи сама переполнена, эта полнота стремится вылиться обратно къ Тому, отъ Кого она изошла, и какъ псалмопѣвецъ даетъ волю этому чувству и потребности сердца, такъ и изъ нея вырывается вопросъ: „Что воздамъ Господу за всѣ благодѣянія Его ко мнѣ“? (Пс. 115. 3).

Душа готова возложить что-либо на жертвенникъ Господень „въ благоуханіе пріятное“, что-либо, способное выразить глубокую признательность за полученное ею и преобладающее ее блаженство. Но что бы это могло быть? Что могло бы дѣйствительно служить Ему въ благоволеніе и воистину быть пріятно Ему? Господь считался и съ этой потребностью сердца и съ этимъ порывомъ освобожденной души Израильянина, и повелѣлъ Моисею совершенно точно написать, какая жертва должна была быть возложена на жертвенникъ Его. въ подобномъ случаѣ. Это была

жертва мирная или жертва благодарности,

описаніе которой мы только что прочли и къ изученію которой мы приступаемъ.

Начнемъ и здѣсь съ ея названія. Большинство новѣйшихъ переводчиковъ вмѣсто „жертва благодарности“ называютъ ее „жертва мирная“, что, во всякомъ случаѣ, ближе всего къ истинѣ. Между тѣмъ, та же самая мирная жертва, только съ прибавленіемъ къ ней помазаннаго елеемъ хлѣба, приносилась Господу изъ благодарности и называлась тогда жертвой „благодарной“ или „мирной жертвой благодарности“ (Лев. 7, 12—15). Еслибъ названія ея были въ зависимости отъ побудительной причины, вызывавшей ея приношеніе, то въ различныхъ случаяхъ она носила бы и различныя названія. Кромѣ вышеприведенныхъ именъ, она называлась бы еще „жертвой обѣта“ и „жертвой по усердію“, такъ какъ часто обѣтъ или усердіе были причиною ея принесенія, какъ это видно въ Лев. 7, 16. Еврейское слово, означавшее эту жертву, указываетъ, по толкованіямъ **Бера**, на возмѣщеніе недостатка, усовершенствованіе, дополненіе, причемъ предметъ возвращается въ положеніе, совершенно тождественное съ первоначальнымъ его состояніемъ. Это по истинѣ драгоцѣнный намекъ. И такъ какъ при приношеніи жертвы рѣчь никогда не шла о какомъ-либо предметѣ, но всегда объ отношеніи Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, то, считаясь съ этимъ, жертва мирная выражала полнѣйшее возстановленіе тѣснаго отношенія между Богомъ и человѣкомъ, которое, согласно сво-

ему прежнему состоянію, непременно должно было заключать въ себѣ дружбу, общеніе, миръ, блаженство. Человѣкъ, Израильтянинъ, приносившій ее съ благодарнымъ, довольнымъ сердцемъ, возвѣщалъ свое, ничѣмъ не омраченное, искреннее общеніе съ Богомъ и Творцомъ.

Такъ Христосъ Распятый служить выраженіемъ совершеннаго мира между нами и Богомъ, а не наши чувства или нашъ опытъ, потому что „Онъ есть миръ нашъ“. Онъ возстановилъ это, ничѣмъ не омраченное блаженное общеніе съ Богомъ, Онъ возвратилъ потерянное блаженство и, благодареніе Господу, блаженство несравненно болѣе чудное, чѣмъ то, которое зналъ первый человѣкъ, потому что въ этомъ новомъ блаженствѣ мы сдѣлались причастны Христу, соединены съ Нимъ на вѣки. Хорошо, братія мои, знать это и напоминать себѣ объ этомъ, но еще несравненно драгоцѣннѣе постоянно покоиться на немъ, поступая сообразно ему въ ежедневной нашей жизни по отношенію къ Богу и людямъ. Конечно, сознаніе, что между нами и нашимъ Богомъ все такъ совершенно возстановлено, что прибавлять къ этому больше нечего, что нѣтъ и тѣни какого-либо несогласія, непрестанно вызываетъ въ сердцахъ нашемъ благодарность, обѣтъ и добровольную отдачу. И каждый изъ насъ долженъ будетъ согласиться, что именно эти движенія сердца и осуществленіе ихъ предъ Богомъ и Отцомъ нашимъ принадлежатъ къ совершенному возстановленію нашего блаженного отношенія къ Нему. Гдѣ нѣтъ благодарности, обѣта и радостной отдачи, тамъ, несомнѣнно, недостаетъ и вѣрнаго отношенія къ Богу, тамъ не все такъ, какъ должно быть; я не говорю, что тамъ недостаетъ чего-нибудь въ отношеніи Бога къ намъ: это отношеніе разъ навсегда сдѣлалось совершеннымъ чрезъ Христа и таковымъ останется на вѣки; но, въ такомъ случаѣ, между человѣкомъ, чадомъ Божиимъ, по отношенію къ Богу его не все въ порядкѣ. Онъ еще не такъ занялъ свое блаженное, приобрѣтенное Христомъ положеніе, что онъ „обогатился всѣмъ“ (1 Кор. 1, 5). Если мы даже и находимъ его, подобно Израильтянину, предъ лицомъ Божиимъ, то все-таки, не съ пѣснью: „Благослови,

душа моя, Господа“, но съ плачевнымъ и жалобнымъ: „Дай, дай и дай“, относящимся къ дарамъ, уже давно даннымъ во Христѣ. Онъ стоитъ во дворѣ со Христомъ, какъ со своей жертвой за грѣхъ и жертвой повинности, но не положилъ еще съ радостью руки своей на Него, какъ на свою жертву всесоженія, чрезъ которую онъ видитъ себя въ благоволеніи Божиѣмъ, благоугодномъ Ему. Онъ уже получилъ во Христѣ нѣчто, даже многое имѣетъ чрезъ Него и въ Немъ, но не полное довольство, не переполненную чашу; потому то такъ мало жертвъ благодарности. Возлюбленные, благодарность и обѣтъ — не что иное, какъ избытокъ нагнетенной, утрясенной, перелившейся черезъ края мѣры, наполненной Богомъ, возвращающійся къ Нему же. И несомнѣнно, что это принадлежитъ къ полному восстановленію нашего блаженнаго, благодатнаго отношенія къ Богу. Скорѣе бы настало время, когда хвала и благодареніе такъ непрестанно будутъ возноситься къ Господу отъ всего народа Его, какъ жертвы всесоженія, пламя которыхъ никогда не угасало на жертвенникѣ Израиля, но поднималось къ Богу день и ночь.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи мирной жертвы, **посмотримъ, прежде всего, изъ чего она состояла.** Если это была обыкновенная мирная жертва, то закалывалось одно изъ предписанныхъ Господомъ животныхъ и приносилось Ему въ жертву (Лев. 3, 1); если же это была жертва благодарности, жертва по усердію или по обѣту, тогда къ этому присоединялись еще прѣсные хлѣбы, смѣшанные съ елеемъ и помазанные имъ и даже одинъ квасный хлѣбъ. Въ этомъ заключается глубокое и благословенное значеніе; оба рода жертвы указываютъ, въ своихъ составныхъ частяхъ, на Христа. Одна часть показываетъ Христа Распятаго; остальные, получающія свое истинное значеніе только по присоединеніи ихъ къ первому приношенію, являютъ какъ Христа Распятаго, такъ и Христа въ теченіе всей Его земной жизни.

Мирная жертва, которая, какъ мы видѣли, означаетъ, сама по себѣ, восстановление нѣкогда попораннаго и порваннаго отношенія между Богомъ и человѣкомъ, должна быть обязательно жертвой **кровавой**, отдавшей жизнь свою на

смерть. Она, во всякомъ случаѣ, не имѣла здѣсь значенія примиренія, потому что Израильтянину не приходилось искать его при подобномъ приношеніи, также не имѣла она значенія удовлетворенія за вину или преступленія, которыя должны были быть прощены уже раньше, но служила **указаніемъ на основаніе**, на которомъ Израильтянинъ имѣлъ свободный доступъ къ Богу, гдѣ онъ находилъ безмятежный миръ и то, что приводило его въ блаженное общеніе съ Господомъ. Онъ вѣдь являлся здѣсь, какъ намъ дальше покажетъ развитіе этой жертвы, какъ дитя, домочадецъ, какъ участникъ радости Божіей. Но эта кровавая жертва должна была здѣсь показать, что вовсе не заслуга, не достоинство человѣка пріобрѣло это и что онъ здѣсь не на основаніи того, что былъ способенъ сдѣлать, что чувствовалъ или что приносилъ съ собою, но все и во всемъ была здѣсь—умершая на его мѣстѣ жертва. Поэтому, какъ смѣло могъ онъ входить, на счетъ пріятной и благоугодной Богу жертвы, во всѣ благословенія, выпавшія на его долю чрезъ нее, независимо отъ того, что онъ былъ лично самъ по себѣ.

Дѣйствительность, что Христосъ и Его смерть есть основаніе и причина нашего блаженства въ Богѣ, а не нѣчто, заключающееся въ насъ самихъ, что Его совершенная отдача была причиной того, что мы усыновлены, стали наслѣдниками, домочадцами Отца Его и членами тѣла Его, а не то, что представляемъ мы сами по себѣ или чувствуемъ,—эта дѣйствительность должна бы постоянно стоять предъ душою нашей или, вѣрнѣе, только она одна и должна бы приниматься нами въ расчетъ. Какимъ свободнымъ сдѣлало бы это тогда наше обращеніе съ Отцомъ, съ какой радостью появлялись бы мы тогда за завѣсой во Святомъ-святыхъ, занимали бы тамъ мѣсто и возвращались бы оттуда всегда съ увѣренностью, что принесенныя нами тамъ молитвы услышаны. Именно наше выкапываніе и исканіе собственныхъ достоинствъ мѣшаетъ намъ овладѣть бѣлыми сокровищами уже перешедшаго къ намъ наслѣдства и жить въ большей полнотѣ благодати, тогда какъ, если бы мы видѣли въ Агнцѣ, принесенномъ за насъ въ жертву, наше совершенное возстановленіе и вполнѣ до-

вѣряли ему, то не было бы границъ благословеніямъ. истекающимъ изъ него, на которыя мы могли бы имѣть притязанія. И въ какомъ обиліи явились бы наши мирныя жертвы благодарности на Его жертвенникъ!

Жертва благодарности, жертва по усердію или по объѣту, была совершенно другого состава. Здѣсь приносились „прѣсные хлѣбы, смѣшанные съ елеемъ, и прѣсныя лепешки, помазанныя елеемъ, и пшеничная мука, напитанная елеемъ, хлѣбы, смѣшанные съ елеемъ“, а также и одинъ „квасный хлѣбъ“ (Лев. 7, 12. 13). Итакъ, тутъ были все вещества, составлявшія принадлежность всякаго домашняго хозяйства Израильтянина. Кадки съ мукою и сосуды съ елеемъ находились въ каждомъ домѣ земли Ханаанской. Израильтянину не приходилось далеко идти или входить въ издержки, чтобы принести Богу жертву благодарности; ему надо было только подѣлиться съ Господомъ своей самой ближайшей собственностью, и это была въ дѣйствительности истинная благодарность, настоящее общеніе.

Но здѣсь лежалъ въ основаніи еще болѣе глубокій смыслъ, потому что и это были тѣни будущихъ благъ, тѣни, указывавшія на Христа. Уже въ мукъ хлѣбовъ предложенія мы видѣли человѣка Христа Іисуса въ Его земной жизни; здѣсь мы Его снова встрѣчаемъ. Какъ въ тѣхъ хлѣбахъ, такъ и здѣсь не должно было быть никакой закваски: таковъ былъ Христосъ безъ пятна и порока; вмѣсто закваски здѣсь является другой элементъ елей, этотъ прообразъ Духа Святого. Итакъ, Христосъ въ земной Своей жизни, въ Своемъ земномъ хожденіи, исполненный Духа Святого, безъ всякаго порока и грѣха, — вотъ что изображала намъ мирная жертва благодарности. Но еще одно кажущееся страннымъ обстоятельство дополняло эту жертву: все это, какъ мы только-что видѣли, должно было сопровождаться еще однимъ „кваснымъ хлѣбомъ“.

Возлюбленные, если прѣсные, безквасные хлѣбы служатъ прообразомъ безгрѣшнаго человѣка, Христа, то хлѣбъ квасный является символомъ насъ самихъ. Хотя нашъ грѣхъ и наша вина сняты съ нашей совѣсти посредствомъ жертвы за грѣхъ и жертвы повинности, однако Св. Писаніе и личный нашъ опытъ свидѣтельствуютъ намъ, что

закваска стараго зла есть еще въ насъ и можетъ снова проявиться, если Христосъ не въ насъ и не дѣйствуетъ въ насъ могущественно. Закваска не можетъ быть въ насъ, не будучи въ состояніи развивать въ насъ свою силу и, когда живой Христосъ господствуетъ надъ нами, подобно тому какъ здѣсь въ прообразѣ одинъ квасный хлѣбъ покрывался многими хлѣбами прѣсными, ея дѣйствующая сила сокрушена и не можетъ быть препятствіемъ, чтобы намъ возложить себя на жертвенникъ Іеговъ въ благоугодную жертву благодарности, въ пріятное благоуханіе. Итакъ, мы являемся въ этомъ квасномъ хлѣбѣ сами, но, какъ носители прѣсныхъ хлѣбовъ, мы, такъ сказать, приносимъ въ своей личности Христа, изобразившагося въ насъ. Христа, Котораго мы представляемъ въ Его чистотѣ, Его хожденіи и Его жизни. Это то, что говоритъ апостоль Павелъ, говоря о себѣ: „И уже не я живу“ („я“ еще существуетъ, но, какъ онъ раньше сказалъ, сораспятое Христу), „но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2, 19. 20). Всѣмъ ли намъ, братія мои, знакомы жертвы благодарности этого рода? Неправда ли, онѣ должны быть благоугодны Богу и онѣ показываютъ возстановленіе въ обоихъ направленіяхъ. Онѣ показываютъ возстановленіе, относящееся къ сторонѣ Божіей **во Христѣ**, отдавшемся **за насъ**, Который, посредствомъ смерти Своей, привелъ насъ къ совершенному общенію и блаженству и открылъ намъ доступъ ко всѣмъ благамъ, безъ всякаго ограниченія: а также и возстановленіе, относящееся къ нашей сторонѣ **во Христѣ**, пребывающемъ **въ насъ**, Который преображаетъ насъ въ Свой собственный святой образъ. Это—та жертва благодарности, благоугодная Богу, благодарность безъ словъ, безъ хвалебныхъ пѣсень, но истинное, пріятное благоуханіе, дѣйствительно восходящее къ Богу.

Между тѣмъ, мы не можемъ продолжать, **не указавъ на способъ приношенія мирной жертвы и жертвы благодарности**. Онъ былъ совершенно другой, нежели у всѣхъ предыдущихъ жертвъ, особенно онъ отличался отъ жертвы всесожженія. При послѣдней все принадлежало жертвеннику Господню, приносившій ее не получалъ ничего, не получалъ ничего и священникъ, кромѣ кожи, поступавшей

въ его собственность. Здѣсь же, напротивъ, какъ приносившій, такъ и священникъ, получали богатыя части отъ Господа обратно, послѣ того, какъ Господь получалъ Свою часть. Это жертвоприношеніе принимало видъ,—и именно это имѣетъ глубокое значеніе,—великой общей трапезы, въ которой Іегова, первосвященникъ, священники и даже приносившій жертву были участниками. Такимъ образомъ, послѣдній былъ здѣсь уже не зрителемъ, какъ при предыдущихъ жертвахъ, но соучастникомъ Божиимъ, въ домѣ Его и за Его трапезой. Неправда ли, мы замѣчаемъ тотъ успѣхъ, который дѣлаетъ Израильтянинъ съ **каждой дальнѣйшей жертвой**, какъ въ возрастѣ въ благодати, такъ и въ наслажденіи блаженствомъ. И какую драгоценную картину о возвращеніи блаженного общенія съ Богомъ должно было представлять изъ себя это вкушеніе одной и той же жертвы!

Но, да будетъ вѣчное благодареніе и хвала Господу за то, что все это не осталось только картиной, прообразомъ, но осуществилось во Христѣ, нашей мирной жертвѣ благодарности, сдѣлавшись истиной, безконечно болѣе глубокой, чѣмъ ее могли представить разсматриваемыя нами тѣни. Онъ, благоволеніе и отрада Отца. Онъ, Который для Него пріятное благоуханіе и пища любви Его, сдѣлался также и моей частью. Не Отецъ только наслаждается, но вмѣстѣ съ Нимъ и я, и все тѣмъ же Христомъ; Онъ, питающій сердце Отца, питаетъ и мое. Здѣсь накрытъ столъ, за которымъ вкушается вѣчная трапеза мира; возстановлено общеніе, какое не можетъ ни узнать, ни вкусить никакая тварь даже въ небесахъ небесъ, потому что даже Ангелы желаютъ проникнуть въ эту дивную тайну: чловѣкъ въ общеніи съ Отцомъ въ Его Сынѣ Іисусѣ Христѣ чрезъ Духа Святого. Не кажется ли, что это превосходитъ всякое наше разумѣніе? Конечно, да! Но такъ должно было совершиться Тѣмъ, Кто можетъ сдѣлать несравненно больше всего, чего мы просимъ или о чемъ **помышляемъ** и Чья любовь превосходитъ **всякое разумѣніе**. Да и могло ли что-либо менѣе значительное, нежели это совершенное спасеніе, возстановленіе невозмутимаго блаженного общенія, быть цѣлью отеческаго предназначенія Божія и соотвѣт-

ствовать неизреченному подвигу души Сына Божія въ Его страданіяхъ и смерти? Нѣтъ, никогда!

Но при этой жертвѣ мы находимъ возстановленнымъ еще общеніе другого рода. Не только Богъ и человѣкъ, но и человѣкъ съ человѣкомъ являются здѣсь соединенными. Отдѣленный отъ Бога, человѣкъ въ своемъ самоисканіи и самолюбіи отдѣленъ также и отъ своего ближняго; глубокая пропасть существуетъ между нимъ и братьями его даже тогда, когда онъ кажется соединеннымъ съ ними любовью, потому что узы, связывающія его съ ними и ихъ съ нимъ, разсмотрѣнныя въ истинномъ свѣтѣ, оказываются самолюбіемъ, въ которомъ онъ все-таки ищетъ и любитъ только **себя**. Возстановленіе Божіе, гдѣ оно осуществляется, должно внести перемену и въ это отношеніе. Именно это мы и видимъ въ этой жертвѣ. Много разъ мы читаемъ о сынахъ Аароновыхъ, что они въ тотъ самый день, когда приносилась мирная жертва благодарности, должны были принимать въ ней участіе. Сыны Аароновы, первосвященникъ и принесшій жертву—всѣ были причастны ей, всѣ они справляли тотъ же праздникъ надъ заколотою мирной жертвой благодарности: она соединяла ихъ всѣхъ.

Не Христосъ ли это, Который соединилъ народъ Свой и именно Своей крестной смертью? Не здѣсь ли заключается центръ его существованія? Гдѣ можно найти хотя одно чадъ Божіе, жизнь котораго не исходитъ отсюда? Такого не существуетъ. Если же это такъ, что они **всѣ** истекли изъ одного и того же источника, **всѣ** изсѣчены изъ одной и той же скалы, **всѣ** извлечены изъ одного и того же глубокаго рва, то, по происхожденію своему, они — одно. Они, воистину, — одно: произошли ли они отъ погибшихъ овецъ дома Израилева, овцы ли они другого двора, двора язычниковъ, лишь только Христосъ призвалъ ихъ они содѣлались одно стадо съ единымъ Пастыремъ; стоявшая посреди преграда разрушена, вражда упразднена плотію Его, Онъ создалъ изъ нихъ „въ **Себѣ Самомъ** одного **новаго человѣка**“ (Еф. 2, 14. 15). Но что еще, кромѣ нашего спасенія, было цѣлью смерти Его, если не то, чтобы „разсѣянныхъ чадъ Божіихъ собрать во-едино“ (Іоан. 11. 52). Еслибы только весь народъ Божій захотѣлъ узнать

это и увидѣлъ бы здѣсь свое возстановленное единство! Другого единства нѣтъ, а еслибъ и нашли какое-либо другое, какое жалкое было бы оно передъ **дѣломъ, совершеннымъ во Христѣ Исусѣ!** Что значитъ **единство** мнѣній, познанія, взглядовъ и понятій и различныхъ установленій, даже еслибы они были совершенно согласны съ Писаніями, предъ **единствомъ съ триединымъ Богомъ и чрезъ Него другъ съ другомъ?** Первое можетъ быть дѣломъ всякаго выдающагося человѣка съ выдающимися способностями, который можетъ собрать вокругъ себя тысячи, можетъ быть даже милліоны людей и, благодаря своему вліянію, убѣдить и объединить ихъ: но это было бы только согласіемъ въ ученіи; второе дѣло, въ которомъ создано не согласіе, но полное соединеніе, существовавшее прежде основанія міра между Единороднымъ и Отцомъ Его (Іоан. 17. 21), не могъ совершить ни одинъ человѣкъ, ни даже всѣ люди вмѣстѣ, это могъ только Богъ, и, о, какую цѣнсю? Эта жертва показываетъ намъ ее—это смерть Единороднаго. Можетъ ли кто-либо жаждать иного единства, кромѣ этого единства во Христѣ, входившаго въ планъ Божій прежде вѣковъ, приобрѣтеннаго Сыномъ жестокими смертельными муками и сообщеннаго намъ посредствомъ Духа Святого? Оцѣнимъ же эту, народу Его данную, славу (Іоан. 17, 22) по истинному достоинству ея, переставъ стремиться къ достиженію иной цѣли, кажущейся намъ лучшей!

Возвращаясь къ мирной жертвѣ, **посмотримъ, какъ происходило ея разсѣченіе.** Оно было заранѣе предусмѣтрѣно и точно опредѣлено Самимъ Господомъ. Вотъ сначала Его часть: „Тукъ, покрывающій внутренности, и весь тукъ, который на внутренностяхъ, и обѣ почки, и тукъ, который на нихъ, который на стегнахъ, и сальникъ, который на печени,—съ почками онъ отдѣлитъ это. И сожжетъ ихъ священникъ на жертвенникъ; это пища огня — пріятное благоуханіе Господу; весь тукъ Господу. Это постановленіе вѣчное въ роды ваши, во всѣхъ жилищахъ вашихъ; никакого тука и никакой крови не ѣшьте“ (Лев. 3, 14—17). Итакъ, **весь тукъ, вся кровь и обѣ почки** составляли принадлежность стола Господня; никто не имѣлъ части въ

нихъ. То были, очевидно, лучшія части, представлявшія собой самыя глубокія внутреннія духовныя и душевныя силы. Тукъ — символъ изобилія, превосходства и совершенства творенія, кровь — символъ жизни и почки — прообразъ сокровеннѣйшихъ наклонностей и движеній души, все эго, вмѣстѣ взятое, представляло собою Христа, какимъ Онъ былъ, со всѣми непостижимыми для насъ, но открытыми одному Богу, свойствами.

Какая драгоценная и блаженная мысль заключается въ томъ, что именно непостижимое для насъ во Христѣ, по своей глубинѣ и безграничности, служить пищей Отцу. Въ Его жизни, страданіяхъ и смерти скрыты такая красота и привлекательность, высота и глубина, такія совершенства и слава, достигнуть которыхъ намъ никогда невозможно: ихъ видитъ одинъ только Іегова и вполнѣ оцѣнить и вкусить ихъ можетъ только Онъ. О, какъ это должно поднять души наши, когда мы знаемъ, что Онъ зрѣтъ всѣ высшія преимущества, вкушаетъ весь избытокъ Его привлекательности, наслаждается сердечными наклонностями Единороднаго Своего, которые не только удовлетворяютъ, но и составляютъ благоволеніе души Его. И какъ возносится наша душа, когда мы съ полной увѣренностью и дѣтскимъ довѣріемъ можемъ сказать: „Все это для меня во благо“! Прибавимъ къ сказанному еще то, что такъ чудно показано намъ здѣсь въ прообразѣ, что Онъ беретъ Свою часть первымъ. Когда я, когда ты, братъ мой, беремъ часть свою во Христѣ, когда мы начинаемъ входить въ наше возстановленное положеніе, между Отцомъ и Сыномъ все, все въ отношеніи къ намъ уже давно устроено; мы не можемъ предварить Его; поэтому мы должны бы съ большой радостью наслаждаться предложенной намъ полнотой нашего Господа.

Но въ чемъ же состоитъ предложенная намъ полнота? Мы видимъ это въ томъ, что Господь удѣлилъ священникамъ и приносившему жертву. Изъ описанія жертвы истекаетъ, что священникамъ принадлежали грудь и плечо, приносившему же жертву — остальные ея части. Для каждаго здѣсь была назначена заранѣе опредѣленная и подходящая часть. Послѣ того, какъ Израильтянинъ отдавалъ

Господу тукъ, кровь и почки, еще отдѣлялись грудь и плечо, и, послѣ потрясенія ихъ предъ лицомъ Господнимъ (т. е. послѣ приведенія въ движеніе во всѣхъ направленіяхъ и этимъ посвященія Ему, части эти дѣлались „великой святыней Господней“), остальное онъ могъ взять себѣ. Священнику же доставалась въ пищу только-что посвященное Господу, оно получалось, такимъ образомъ, прямо отъ Господа и была трапеза со стола Его.

Драгоценныя мысли Божіи лежатъ въ основаніи этого постановленія. Всѣ, приходящіе къ Богу чрезъ Сына, должны уже здѣсь имѣть часть въ Немъ: они **сдѣлались** причастными Христу. Но мѣра различная, питаніе Имъ не у всѣхъ одинаково. Мы будемъ питаться Имъ по мѣрѣ познанія Господа и по мѣрѣ вѣры, чрезъ которую мы вступаемъ въ блаженное, созданное Имъ для насъ отношеніе. Онъ, конечно, по отношенію къ намъ останется всегда Тѣмъ же; вся Его полнота будетъ для насъ открыта: но отъ того, какъ мы отнесемъ къ этой полнотѣ, будетъ зависѣть наше богатство или наша бѣдность. О, если бы мы, подобно священникамъ, брали себѣ лучшее, потому что предъ Нимъ мы всѣ таковы и всѣ безъ различія. Не было между нами разницы, когда мы были внѣ Христа: мы всѣ были тогда грѣшниками; и теперь, во Христѣ, опять нѣтъ никакой разницы: „Нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, Скиѳа, раба, свободнаго; но все и **во всемъ Христосъ**“ (Рим. 3, 23.— Кол. 3, 11). Но какъ немногіе вступаютъ въ **свое полное** наслѣдство и какъ немногіе видятъ свое мѣсто во святилищѣ; они стоятъ вдали, стоятъ во дворѣ; и они имѣютъ часть и питаніе, но мало той твердой пищи, которую Онъ предлагаетъ. Грудь и плечо великаго Первосвященника и жертвеннаго Агнца конечно носятъ и ихъ; но они такъ рѣдко питаются любовью, непрестанно и неизмѣнно исходящей изъ этой груди, и такъ мало укрѣпляются силой, которая скрыта для нихъ въ плечѣ Его и перешла бы на нихъ, еслибъ, сообразно повелѣнію Его, они открыли уста свои, чтобы Онъ наполнилъ ихъ. Да, для немногихъ Христосъ то, чѣмъ Богъ содѣлалъ Его для нихъ, а именно „**Божія сила и Божія премудрость**“ (1 Кор. 1, 24).

Скажемъ еще нѣсколько словъ относительно порядка принесенія мирной жертвы. Жертва за грѣхъ и жертва повинности, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ жертвой всесожженія, предшествовали этой жертвѣ. Двѣ первыя соотвѣтствуютъ потребностямъ грѣшника, такъ какъ его наказаніе совершилось надъ ними; третья жертва отвѣчаетъ требованіямъ Отца, отдавая себя на смерть, исполняя волю Отца до совершеннаго благоволенія; итакъ, судъ Божій уже совершился надъ нами, Его воля всецѣло исполнена, и чрезъ это Его благоволеніе сдѣлалось частью нашей. Если мы вѣрою осуществили это для насъ, то блаженнымъ послѣдствіемъ этого будетъ миръ, совершенно такъ, какъ говоритъ апостолъ: „Итакъ, оправдавшись вѣрою, мы имѣемъ миръ съ Богомъ, чрезъ Господа нашего Іисуса Христа“ (Рим. 5, 1). Вотъ путь Божій, и другого нѣтъ. Но и мы и вы тысячи разъ видѣли людей, желавшихъ проложить себѣ другой путь, они искали мира, стремились къ нему и жаждали имъ насладиться, прежде чѣмъ въ покойномъ довѣріи возложили на Христа свои руки, какъ на свою жертву за грѣхъ и жертву повинности, и прежде чѣмъ увидѣли въ Немъ удовлетвореніе за себя Отцу и успокоились на Немъ. Они хотѣли преждевременно овладѣть тѣмъ, что дается только послѣ. Они начали съ мирной жертвы и не достигли мира, потому что не пошли путемъ Господнимъ.

Другихъ встрѣтили мы, которые приближались съ жертвой благодарности, прежде чѣмъ привели въ порядокъ между ними и ихъ Богомъ во Христѣ вопросъ о своемъ грѣхѣ, наказаніи и оправданіи, они думали, что имѣли миръ. но это было лишь надменностью съ ихъ стороны, потому что онъ не былъ основанъ на смерти Христовой. Къ чему же послужила ихъ благодарность? Конечно. Господь долженъ былъ отвергнуть ее. Быть можетъ, дорогіе друзья, и вы шли до сихъ поръ этимъ путемъ? Остановитесь же тогда, придите, начните оттуда, откуда хочетъ Богъ, чтобы вы начали. Съ той точки, гдѣ вы теперь стоите, съ уровня грѣшника возложите руки ваши на голову Того. Который „не зналъ грѣха“ и Котораго, несмотря на это, Богъ „сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ“ (2 Кор. 5, 21).

Въ ту минуту, когда вы сокроетесь въ **Немъ**, возложивъ на Него все упованіе ваше, не ища ничего другого, вѣчный миръ, полное возстановленіе, чувство любви Христовой и Его Самого сдѣлается вашей вѣчной частью. О, да сдѣлается это теперь же опытомъ вашимъ! Аминь.

---

19. Жертва хлѣбнаго приношенія.

- Лев. 2, 1. „Если какая душа хочетъ принести Господу жертву приношенія хлѣбнаго, пусть принесетъ пшеничной муки, и вольетъ на нее елея, и положить на нее ливана; И принесетъ ее къ сынамъ Аароновымъ. священникамъ, и возьметъ полную горсть муки съ елеемъ и со вѣмъ ливаномъ, и сожжетъ сіе священникъ въ память на жертвенникѣ; это жертва, благоуханіе пріятное Господу. А остатки отъ приношенія хлѣбнаго Аарону и сынамъ его: это великая святыня изъ жертвъ Господнихъ.
4. Если же приносишь жертву приношенія хлѣбнаго изъ печенаго въ печи, то приноси пшеничные хлѣбы прѣсные, смѣшанные съ елеемъ, и лепешки прѣсныя, помазанныя елеемъ. Если жертва твоя приношеніе хлѣбное со сковороды, то это должна быть пшеничная мука, смѣшанная съ елеемъ, прѣсная. Разломи ее на куски, и влей на нее елея: это приношеніе хлѣбное. Если жертва твоя приношеніе хлѣбное изъ горшка, то должно сдѣлать оное изъ пшеничной муки съ елеемъ. И принеси приношеніе, которое изъ сего составлено, Господу: представь оное священнику, а онъ принесетъ его къ жертвеннику. И возьметъ священникъ изъ сей жертвы часть въ память, и сожжетъ на жертвенникѣ: это жертва, благоуханіе пріятное Господу. А остатки приношенія хлѣбнаго Аарону и сынамъ его: это великая святыня изъ жертвъ Господнихъ. Никакого приношенія хлѣбнаго, которое приносите Господу, не дѣлайте кваснаго; ибо ни кваснаго, ни меду не должны вы сжигать въ жертву Господу. Какъ приношеніе начатковъ приносите ихъ Господу, а на жертвенникъ не должно возносить ихъ въ

13. пріятное благоуханіе. Всякое приношеніе твое хлѣбное соли солю, и не оставляй жертвы твоей безъ соли завѣта Бога твоего; при всякомъ приношеніи твоему приноси соль“.

дивительно привлекательную картину рисуетъ намъ Господь о возвратившемся домой блудномъ сынѣ, когда Онъ изображаетъ его, послѣ встрѣчи съ отцомъ, подходящимъ вмѣстѣ съ нимъ къ богатой трапезѣ, гдѣ его ожидалъ откормленный теленокъ, чтобы положить конецъ долгому, долгому времени голода и начать благословенное время изобилія. Это была дѣйствительно поразительная переменѣ; она привела его отъ скупого жителя дальней страны къ щедрому, любящему, примиренному отцу; вмѣсто недостающихъ рожковъ „обилія хлѣба“, и вмѣсто грызущей, безнадежной заботы — полный покой и миръ для будущаго, совершенное возстановленіе его прежняго, блаженнаго состоянія. Господь начерталъ это новое положеніе возвратившагося однимъ штрихомъ пера, говоря: „И начали веселиться“. Именно эту дѣйствительность видѣли мы въ прообразѣ послѣдней, разсмотрѣнной нами жертвы: Отецъ, въ общеніи со Своимъ вернувшимся къ Нему сыномъ, празднуетъ около закланнаго Агнца радостную встрѣчу, возстановленіе блаженнаго общенія и вѣчное ихъ воссоединеніе. Но все ли это? Кончается ли здѣсь вновь созданное отношеніе? О нѣтъ, слава Господу. Это только начало, имѣющее безконечно блаженное продолженіе

Къ сожалѣнію, существуютъ многія души, которыя почти такъ же смотрятъ на это, будто первое изліяніе радости составляетъ все, что имъ возможно получить отъ Господа, потому что, вскорѣ послѣ чуднаго начала блаженства, они опять начали нуждаться, или питались только прошедшимъ, чуднымъ воспоминаніемъ о возвращеніи въ домъ Отца, и, къ сожалѣнію, нѣкоторые годами питались этимъ. Такъ ли оно должно быть, такова ли была воля Господня? Никогда! Вѣдь Самъ Іисусъ сказалъ: „Я есмь хлѣбъ жизни. Приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣ-

рующій въ Меня не будетъ жаждаъ никогда“ (Іоан. 6, 35). Неправда ли, что „никогда не алкать“ и „никогда не жаждаъ“ исключаютъ разъ навсегда и навѣки возможность имѣть въ чемъ-либо нужду? Такъ оно и есть, возлюбленные: мы должны не только начать быть радостными, но должны и продолжать и оставаться въ радости; мы должны насытиться не только одинъ разъ у Его благословенной трапезы, но хлѣбъ Его никогда не долженъ переводиться на столъ Его, сдѣлавшемся теперь и нашимъ; мы должны непрестанно и въ обилии вкушать его. Именно этому и хочеть насъ научить разсматриваемая нами сегодня

жертва хлѣбнаго приношенія.

Какъ при другихъ жертвахъ, такъ и при этой, мы начнемъ съ ея названія. Названія „жертва хлѣбнаго приношенія“ или „хлѣбное приношеніе“ ясно показываютъ намъ характеръ самой жертвы. Она должна была быть божественнымъ питательнымъ веществомъ, предназначеннымъ служить пищей какъ Іеговѣ, такъ и народу Его. Народъ имѣлъ право приносить эту жертву такъ же, какъ и священники и первосвященникъ. Послѣднимъ было даже вмѣнено въ обязанность приносить Господу каждый день подобную жертву хлѣбнаго приношенія, половина которой сжигалась на мѣдномъ жертвенникѣ утромъ, а другая половина—вечеромъ. Они сами не смѣли вкушать ничего отъ своей жертвы хлѣбнаго приношенія, каждая частица ея принадлежала Господу, все съѣдалось огнемъ Его. Иначе обстояло съ жертвой, приносившейся простымъ Израильтяниномъ. Такъ какъ ему не опредѣлялась мѣра муки, ни число хлѣбовъ, то онъ могъ приносить, сколько хотѣлъ. Господь получалъ въ память отъ этого дара опредѣленную горсть муки, или одинъ хлѣбъ, или же одну лепешку вмѣстѣ съ принадлежащими сюда составными частями, какъ то: елеемъ, ливаномъ и солью, тогда какъ оставшимся могли питаться священники.

Это хлѣбное приношеніе проповѣдуетъ намъ Христа, какъ постоянную пищу Отца, и Христа, какъ ежедневное питаніе дѣтей Его. Еслибы мы захотѣли спросить о потребностяхъ Божіихъ или, если можно такъ выразиться, о

голодѣ, испытываемомъ Богомъ, не имѣющимъ нужды ни въ чемъ, то мы, конечно, приписываемъ эти картинныя ощущенія Богу только относительно созданія Его, что дѣлаетъ и Св. Писаніе. По отношенію къ творенію Его, человѣку, горячее, пламенное желаніе напснляетъ Его сердце съ того дня, какъ Онъ призвалъ его къ существованію: онъ долженъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь къ похвалѣ славы Его, сдѣлаться отрадой Его и восхищеніемъ, почему Онъ и сотворилъ его по образу и подобію Своему. Но человѣкъ пошелъ своимъ путемъ, путемъ гибели, оставивъ Того, Кто пламенно желалъ быть его радостью, его славой и блаженствомъ.

Хотя человѣкъ измѣнился и отвернулся отъ Бога, но Богъ не измѣнился, Онъ не отвратился отъ человѣка; Его намѣреніе, сдѣлать человѣка похвалой благодати и славы Своей, осталось твердымъ. Поэтому мы находимъ Его настойчиво ищущимъ человѣка еще въ день его отпаденія и слышимъ Его возвѣщающимъ ему Свое блаженство и спасеніе даже прежде, чѣмъ было объявлено ему наказаніе. Далѣе, мы во всемъ Св. Писаніи видимъ Его, ищущаго съ горячей жадной въ человѣкѣ того, что составляло бы пищу и питье души Его, Его отраду. Вотъ мы слышимъ Его громкую жалобу: „Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говоритъ: Я воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмутились противъ Меня“ (Ис. 1, 2). Не гласъ ли это разбитаго Огцовскаго сердца, для Котораго не открыто ухо тѣхъ, которыхъ Онъ носитъ на сердце, такъ что Онъ долженъ призывать небо и землю, чтобы **они** Его **слушали**? Слѣдовательно, какъ стремится сердце Его, чтобы люди слышали, какъ оно жаждетъ возвращенія вѣроломныхъ и отпавшихъ дѣтей! Въ другомъ мѣстѣ Онъ восклицаетъ: „Горе Мнѣ! ибо со Мною теперь, какъ по собраніи лѣтнихъ плодовъ, какъ по уборкѣ винограда: ни одной спѣлой ягоды для ѣды, ни спѣлаго плода, котораго желаетъ душа Моя“ (Мих. 7, 1). Онъ ищетъ здѣсь, въ Своемъ виноградникѣ, плодовъ, чтобы утолить голодъ, но напрасно. Онъ ищетъ годъ за годомъ плодовъ на Своей смоковницѣ, но напрасно. Онъ ищетъ плодовъ совершенной любви, полной отдачи, никогда, ни при какихъ об-

стоятельствахъ, не ослабѣвающаго послушанія. Трогательно читать обѣтованія и обѣщанія, которыя Онъ даетъ тѣмъ, кто принесъ бы эти плоды; и опять раздирается сердце слышать угрозы, которыя Онъ изливаетъ на тѣхъ, у кого Онъ напрасно ищетъ этихъ плодовъ. Но все напрасно: ни угрозами ни обѣтованіями не вызванъ ни единый плодъ у человѣка. Итакъ, это пламенное желаніе осталось неудовлетвореннымъ; эта пустота осталась незаполненной человѣкомъ, доколѣ не сталъ **человѣкомъ Тотъ**, Кто изображается здѣсь жертвой хлѣбнаго приношенія. Онъ, рожденный прежде всякой твари. Человѣкъ съ неба, представитель и глава Своего новаго поколѣнія, утолилъ во всѣхъ направленіяхъ и отношеніяхъ эту жажду, восполнилъ эту пустоту сердца Отца. Опять и опять раздался съ неба гласъ Отца: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“. Какъ совершенно и всецѣло удовлетворилъ Онъ Отца, выражается въ собственныхъ словахъ Сына, когда Онъ говоритъ намъ, что онъ здѣсь не для Себя, что Онъ постоянно слушаетъ и видитъ только Отца, что Онъ пришелъ съ небесъ не для того, чтобы творить Свою волю, но волю пославшаго Его Отца и творить только то, что творитъ Отецъ (іоаннъ 5, 19. 20. 30.—6, 38.—8, 28.—4, 34). Это было пріятное благоуханіе Господу, пища Его сердца, истинная жертва хлѣбнаго приношенія.

Но какъ Онъ былъ и есть желанная пища Отца, то тоже самое Онъ и для искупленныхъ Своихъ. Онъ—жизнь, средство къ жизни, питаніе для Своихъ. Какъ насущный хлѣбъ, никогда не сходящій со стола нашего, поддерживаетъ жизнь тѣннаго тѣла нашего, такъ должны и мы непрерывно питаться Имъ. „Я хлѣбъ жизни“, вотъ слово, которое Онъ снова и снова повторяетъ намъ въ 6 гл. Ев. Іоанна, чѣмъ Онъ желалъ бы привлечь вниманіе наше къ Себѣ, чтобы мы узнали, какъ необходимо непрестанно вкушать Его. „Ядущій Меня, ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную“, многократно повторяетъ Онъ. О, бѣдные люди, которые, не углубившись въ это слово, примѣнили рѣчь Его къ Вечерѣ Господней, отстранивъ, такимъ образомъ, отъ себя величайшее благословеніе, доступное здѣсь, на землѣ, чаду Божію, именно

возможность питаться каждую минуту Имъ Самимъ Его жизнью, Его силой и всей полнотой Его благодати и богатствомъ Божиимъ. Это то именно выражаютъ эти слова. Прислушаемся только внимательно и замѣтимъ, что наше дѣйствіе здѣсь представлено Имъ въ настоящемъ времени: „Ядущій Меня, піющій Меня“; не ѣвшій раньше или кто будетъ ѣсть, имѣетъ жизнь вѣчную, но кто **теперь**, именно **теперь** это дѣлаетъ. Судя по этому, это должно совершаться ежеминутно: Онъ даже говоритъ намъ, что это должно происходить совершенно такъ же, какъ Онъ непрестанно, въ теченіе всей Своей жизни, питался Отцемъ. „Какъ послалъ Меня живой Отецъ“, вотъ Его правило, которое Онъ даетъ относительно нашего питанія, „и Я живу Отцомъ, **такъ** и ядущій Меня, жить будетъ Мною“ (Іоан. 6, 57). **Такъ, именно такъ**, какъ Его непрерывное питаніе Отцомъ поддерживало въ Немъ жизнь Отца, такъ, именно такъ, и постоянное питаніе Имъ поддержитъ въ насъ жизнь Его. Да будетъ же наша вѣра непрестанно дѣйствительна по этому драгоценному правилу, чтобы жизнь Его въ насъ пребывала, возрастала, умножалась и въ избытокъ истекала изъ насъ, какъ она исходила отъ Него, и чтобы слова „не алкать“ и „никогда не жаждать“ сдѣлались буквальной истиной. Тогда, поистинѣ, достигли бы мы въ Немъ, нашей жертвѣ хлѣбнаго приношенія, дѣйствительно цѣли всѣхъ желаній нашихъ.

Но посмотримъ дальше, какую сторону нашего Господа показываетъ намъ жертва хлѣбнаго приношенія. Мы найдемъ это изъ сравненія ея съ предыдущими жертвами. Глядя на нихъ, мы встрѣчаемъ тамъ всюду животныхъ, предаваемыхъ смерти; здѣсь же и рѣчи нѣтъ ни о смерти, ни о закланіи; тамъ были все жертвы кровавыя, тогда какъ здѣсь не должна была пролиться ни одна капля крови. Итакъ, здѣсь не представляется жизнь, отдаваемая на смерть, но является Христосъ въ Своей земной жизни, какъ мы уже замѣтили при жертвѣ благодарности. Правда, и здѣсь мы читаемъ о мукѣ, которая, для того чтобы сдѣлаться таковою, должна была быть измолота между жерновами; но мы должны вспомнить, что перемалываніе пшеничнаго зерна никоимъ образомъ не есть символъ смерти, но, по словамъ Господнимъ, смерть изображается паденіемъ

зерна въ землю (Іоан. 12, 24). Также печеніе и жареніе, встрѣчаемая здѣсь при приготовленіи хлѣбовъ и лепешекъ, не есть картина смерти, потому что мука при этомъ никогда не пожиралась огнемъ, но обращалась чрезъ него въ съдобный, вкусный хлѣбъ. **Христосъ въ Своей земной жизни**, такимъ образомъ, есть питаніе и пища души нашей.

Особенно отрадно намъ видѣть изъ этого прообраза, какъ Духъ Святой старается показать намъ всѣ стороны нашего Возлюбленнаго, чтобы мы познали всего Христа, наслаждались бы Имъ во всей полнотѣ Его. И неправда ли, какъ радостна для насъ мысль, лежащая въ основѣ этой жертвы, что жизнь нашего Господа и все время земного странствованія Его имѣли въ глазахъ Божіихъ значеніе жертвы, принесенной Ему въ благоуханіе пріятное, точно такъ же, какъ въ послѣдствіи и смерть Его. Это была жертва хлѣбнаго приношенія Господу, услаждавшая душу Его. Одинъ взглядъ на земную жизнь Христа долженъ съ полной ясностью подтвердить это. Не было ли Его воплощеніе отреченіемъ отъ Его божественнаго величія? Апостолъ говоритъ объ этомъ, выставляя на видъ, что „Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу“, но что же Онъ сдѣлалъ? — „Онъ унижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба“ (Фил. 2, 6. 7). Это была одна часть божественной хлѣбной жертвы. Далѣе: не была ли Его подчиненность закону отреченіемъ отъ Своей царской единодержавной власти? Не были ли Его искушенія лишеніемъ Его неприступности и всемогущества? И Его скудость и бѣдность — отреченіемъ отъ Его славы? Мы могли бы такъ продолжать и скоро нашли бы, какъ вся Его жизнь обратилась въ безпрестанное жертвоприношеніе. Можетъ быть, мы никогда еще не разсматривали жизнь Его въ этомъ свѣтѣ: Богъ же, задолго еще до появленія Его на землѣ, представлялъ ее именно такой, и намъ крайне драгоцѣнно знать, что Отецъ такъ смотрѣлъ на жизнь Сына, что душа Его наслаждалась и еще наслаждается ею. Будемъ же и мы такъ смотрѣть на жизнь Его, глубже проникать въ нее въ этомъ свѣтѣ, и тогда мы найдемъ въ ней болѣе, чѣмъ когда-либо, пищи для души нашей.

Обратимся теперь къ различнымъ составнымъ частямъ этой жертвы. Четыре вещества входили въ составъ ея: мука, елей, соль и ливанъ. Остановимся по очереди на каждомъ изъ нихъ.

Итакъ, первой составной ея частью была лучшая пшеничная **мука**. Она была главной частью хлѣбнаго приношенія. Происходя изъ пшеничныхъ зеренъ, выросшихъ изъ земли, она указывала на человѣческую природу Господа, называвшаго Себя Самого пшеничнымъ зерномъ. Здѣсь оно являлось истертымъ до самыхъ мельчайшихъ частей, такъ что лежало открытымъ и обнаженнымъ предъ глазами зрителя, открывая его бѣлизну, чистоту и нѣжность. Истинный прообразъ Христа, Человѣка безъ всякаго недостатка, пророка или чего-либо подобнаго, Человѣка, совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ бы ни трогали, ни осматривали, пересыпали или какъ бы ни употребляли муку, она оставалась все той же, и, какъ лучшая пшеничная мука, не была ни жестка ни неровна; также не мѣнялась она ни по качеству, ни по цвѣту своему, была ли она подъ мельничными жерновами или лежала на мягкой рукѣ священника, находилась ли въ обычномъ домашнемъ хозяйствѣ Израильянина или же на жертвенникѣ Іеговы. Совершенно такимъ находимъ мы и Христа въ Его жизни; Онъ всегда оставался Тѣмъ же, на какомъ бы мѣстѣ и въ какихъ бы обстоятельствахъ, среди какой бы обстановки и подъ какимъ бы вліяніемъ вы ни нашли Его, Онъ всегда любезный, несравненно благой, всегда Себѣ Самому вѣрный Сынъ человѣческій, Котораго невозможно обличить ни въ какомъ грѣхѣ. Намъ приходится постоянно сѣтовать на ошибки, раскаиваться во грѣхахъ и просить прошенія; но Онъ? Ни по отношенію къ Богу, ни къ человѣку невозможно было уличить Его въ какой-либо ошибкѣ, погрѣшности, или въ какомъ-либо грѣхѣ; Онъ былъ совершенъ во всѣхъ отношеніяхъ и соотвѣтствовалъ вполнѣ этому прообразу Своему, чистой пшеничной мукѣ.

Слѣдующей составной частью хлѣбнаго приношенія былъ **елей**. Приносилась ли жертва въ видѣ муки, либо въ видѣ испеченнаго или жаренаго, онъ примѣнялся здѣсь во всякомъ случаѣ. Если хлѣбное приношеніе состояло изъ пече-

наго въ печи, то сначала тѣсто смѣшивалось съ елеемъ, а затѣмъ и выпеченный изъ него хлѣбъ помазывался еще сверху елеемъ, такъ что онъ всецѣло былъ налитъ и за-
литъ имъ.

Какъ извѣстно, елей есть символъ Духа Святого. И здѣсь, въ хлѣбномъ приношеніи, выражены съ поразительной ясностью двѣ чудныя истины относительно Христа и Духа Святого. Это — рожденіе Господа отъ Духа Святого и, затѣмъ, помазаніе чрезъ Него. Христосъ, Господь нашъ, былъ человѣкомъ, истиннымъ человѣкомъ; но, хотя Онъ и родился здѣсь на землѣ, Онъ все-таки не былъ, подобно намъ, отъ земли, даже и тѣломъ Своимъ. Онъ и въ этомъ безконечно отличался отъ людей и не имѣлъ ничего общаго съ ними. Правда, Онъ явился въ подобіи плоти грѣховной (Рим. 8, 3), но Онъ не принялъ ничего отъ этой плоти; Онъ поистинѣ былъ прямой противоположностью первому человѣку, Адаму, который былъ отъ земли и перстный: Онъ былъ второй человѣкъ, Господь съ неба (1 Кор. 15, 47). Даже будучи человѣкомъ, Онъ былъ небснаго происхожденія, потому что Самъ Отецъ уготовалъ тѣло Ему (Евр. 10, 5) силою Духа Святого, какъ это возвѣстилъ Ангелъ Дѣвѣ Маріи, сказавъ: „Духъ Святой найдетъ на тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя; потому и раждаемое Святое наречется Сыномъ Божиимъ“ (Лук. 1, 35). Въ другомъ же мѣстѣ Іосифу дается такое поясненіе относительно Дѣвы Маріи: „Родившееся въ ней есть отъ Духа Святого“ (Матѣ. 1, 20). Это вполне согласуется съ прообразной жертвой хлѣбнаго приношенія, тѣсто которой съ самага начала насыщалось елеемъ.

Вторая истина, являемая намъ елеемъ хлѣбнаго приношенія, это сошествіе Духа Святого на Христа, или помазаніе Его Духомъ Святымъ. Подобно тому, какъ уже налитанный елеемъ хлѣбъ помазывался затѣмъ сверху еще разъ елеемъ, прежде чѣмъ возлагался на жертвенникъ Господень, такъ и Онъ „помазанъ былъ елеемъ радости болѣе соучастниковъ Своихъ“ (Пс. 44, 8). Іоаннъ Креститель свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря: „Я видѣлъ Духа, сходящаго съ неба, какъ голубя, и пребывающаго на Немъ; я не зналъ Его, но Пославшій меня крестить въ водѣ, ска-

залъ мнѣ: на кого увидишь Духа, сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ" (Іоан. 1, 32. 33). И вотъ Его собственное свидѣтельство, данное Имъ въ синагогѣ Назаретской по прочтеніи Имъ слѣдующаго замѣчательнаго мѣста пророчества Исаи: „Духъ Господа Бога на Мнѣ, ибо Господь помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ, послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ; проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе и узникамъ открытіе темницы, проповѣдывать лѣто Господне благопріятное“ (Ис. 61, 1. 2. Лук. 4, 18. 19). Послушайте, что Онъ имѣлъ сказать объ этомъ. „И Онъ началъ говорить имъ: Нынѣ исполнилось Писаніе сіе, слышанное вами“ (Лук. 4, 21). И оно въ дѣйствительности исполнилось, потому что Онъ Духомъ Святымъ проповѣдывалъ, Имъ перевязывалъ сокрушенныя сердца. Имъ творилъ великое множество чудесъ и изгонялъ бѣсовъ (Мат. 12, 28), Имъ побѣждалъ всѣ искушенія, Имъ былъ водимъ и управляемъ (Лук. 4, 1. 14) и Имъ же принесъ Самого Себя въ жертву Богу (Евр. 9, 14). Такъ былъ Онъ рожденный отъ Духа Божія и Имъ исполненный Сынъ человѣческій, жертва пріятнаго благоуханія Богу въ теченіе всей Своей жизни. и Онъ и теперь еще въ этомъ чудномъ видѣ является пищей и питьемъ души нашей.

Слѣдующею частью хлѣбнаго приношенія была **соль**. Безъ нея не могла обойтись ни одна жертва, потому что было сказано: „При всякомъ приношеніи твоёмъ приноси соль“; но самое повелѣніе прибавлять ее ко всѣмъ жертвамъ было дано при жертвѣ хлѣбнаго приношенія, и Господь назвалъ ее при этомъ „солью завѣта Бога твоего“ (Лев. 2, 13). Соль представляетъ собой извѣстную намъ приправу, предохраняющую нашу пищу отъ гніенія и порчи и сохраняющую ея вкусъ и свѣжесть; безъ нея ей постоянно угрожаетъ порча. Называя завѣтъ Божій завѣтомъ соли, Онъ показываетъ намъ, что этотъ союзъ, или завѣтъ никогда рушиться не можетъ, что онъ неврединно и вѣчно стоитъ передъ Нимъ. И такъ какъ Христосъ, наша совершенная жертва, есть Носитель нашего завѣта съ Богомъ, то соль не должна была отсутствовать ни въ какой жертвѣ, представляла ли она Его въ жизни или въ смерти Его.

Пойдите и прослѣдите всю Его жизнь и взгляните на Него въ смерти Его: тутъ есть невидимая сила, не дававшая мѣста никакому разрушенію или гибели; въ Немъ какая-то мощь, являвшаяся дѣйственной даже во всѣхъ тѣхъ, которые уже попали на путь гибели. Какъ соли свойственно сообщать свой собственный вкусъ другимъ веществамъ, въ которыхъ она растворяется, такъ и существо Господа нашего имѣло и имѣетъ свойство дѣлать насъ подобными Себѣ, преобразовать въ Свой образъ, если мы непрестанно вкушаемъ Его, нашу жертву хлѣбнаго приношенія, содержащую въ себѣ эту соль. О, какъ многіе избѣжали чрезъ Него вѣчной гибели, сдѣлались подобными Ему и, въ силу сообщенной имъ божественной природы, сами сдѣлались солью земли. Да будетъ такъ со всѣми дѣтьми Божиими, чтобы окружающій насъ міръ увидѣлъ въ насъ Христа, осолится нашей солью и, такимъ образомъ, избѣжалъ вѣчной гибели.

Наконецъ, къ жертвѣ хлѣбнаго приношенія принадлежалъ еще **ливанъ**. Онъ полагался сверху хлѣба, являясь, такимъ образомъ, какъ существеннѣйшая часть жертвы, главная сладость ея пріятнаго благоуханія. Мы находимъ ливанъ, курящимся въ важнѣйшихъ мѣстахъ скинии собранія; его благоуханіе во святилищѣ возносилось къ Богу отъ золотого жертвенника; онъ тлѣлъ на горящихъ угляхъ кадильницы, когда Ааронъ кадилъ ею передъ Богомъ у завѣсы; когда же одинъ разъ въ годъ онъ входилъ во Святое-святыхъ, то туда допускались лишь кровь и благовонный ливанъ. Здѣсь, мы видимъ, онъ вмѣстѣ съ хлѣбнымъ приношеніемъ попадалъ и на мѣдный жертвенникъ. Слѣдовательно, онъ вездѣ находится въ непосредственной связи съ Богомъ; Онъ одинъ наслаждался его благоуханіемъ. Поэтому мы и не читаемъ здѣсь, чтобы хотя малѣйшая частица его удѣлялась человѣку, но опредѣленно выражено, что **весь** ливанъ долженъ былъ сжигаться на жертвенникѣ (Лев. 2, 2). Ливанъ есть символъ поклоненія, искреннѣйшей отдачи, истиннаго благоговѣнія. И еслибъ мы захотѣли отыскать гдѣ-либо эти сердечныя выраженія и движенія души во всей божественной ихъ чистотѣ, то мы могли бы найти ихъ единственно **во Христѣ**, и въ Немъ только для

Отца **Одного**. Вся Его жизнь протекала въ непрестанномъ поклоненіи, въ непрерывномъ прославленіи Отца и благоговѣннѣ предъ Нимъ. Ему воздавалъ Онъ всю честь, Ему приносилъ всю славу, принесъ, наконецъ, и Себя Самого, все Свое существо. Его неизмѣннымъ стремленіемъ до самаго креста было: „Я не ищу славы Моей, но славы прославшаго Меня Отца“. Онъ могъ, по окончаніи Своего земного поприща, торжественно сказать Отцу: „Я прославилъ Тебя на землѣ, совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить“ (Іоан 17, 4). Ничто не принадлежало изъ всей Его жизни ни Ему, ни кому-либо иному, кромѣ одного Отца: вся внутренняя жизнь Его непрерывно возносилась къ Нему, подобно вѣнію. Вотъ несравненная жертва хлѣбнаго приношенія! И мы имѣемъ право приносить ее Отцу!

Но мы не можемъ идти далѣе, не обративъ вниманія еще на два вещества, запрещенныя при хлѣбномъ приношеніи. Это были закваска и медъ. О закваскѣ мы уже имѣли случай говорить. Она была картиной тайно дѣйствующаго зла. Ему не могло быть мѣста здѣсь. Израильтянину позволялось приносить квасный хлѣбъ, какъ приношеніе начатковъ, потому что его личность всегда носила въ себѣ кое-что отъ этого зла; но не такъ Онъ, Котораго изображала жертва хлѣбнаго приношенія и, вообще, всѣ остальные жертвы. Онъ не имѣлъ ничего злого въ Самомъ Себѣ и не могъ Онъ также совершить его.

Медъ, прообразъ нашей природной привѣтливости и доброты, также долженъ былъ быть исключенъ изъ жертвы. Какими бы хорошими и прекрасными ни были эти качества въ глазахъ нашихъ, они все же не могутъ устоять предъ очами Божиими, какъ сладкій медъ не можетъ вынести дѣйствія огня, не перейдя въ броженіе. Христосъ былъ тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ, черезъ Духа Святого; то, что Онъ творилъ, творилъ Онъ чрезъ Него: даже Его чистая, незапятнанная природа до такой степени подчинялась Ему, что Онъ ничего отъ Себя не дѣлалъ, ничего отъ Себя не говорилъ; все, рѣшительно все, было въ Немъ произведено дѣйствіемъ Божиимъ, плодами Духа Святого. Запишемъ же и мы глубоко въ душѣ нашей, что Господу не благоугоденъ медъ нашей природной привлекательности и доброты, но

только то, что совершенно Имъ Самимъ, можетъ быть употреблено для Него въ жертву пріятнаго благоуханія.

Намъ остается только бросить еще взглядъ на самое приготовленіе хлѣбнаго приношенія. Мы уже нашли, что, когда чистая пшеничная мука приносилась сама въ жертву, то она не требовала никакихъ другихъ приготовленій, кромѣ прибавленія къ ней елея, соли и ливана, и вмѣстѣ съ послѣдними возлагалась тогда на жертвенникъ. Тамъ истреблялъ ее священный огонь. Если же она приносилась Господу въ видѣ хлѣба или лепешки, то мы находимъ, что въ приготовленіи ея принимали участіе печь и сковорода. Другой огонь уже приготовлялъ ее для огня жертвеннаго. Совершенно такъ же видимъ мы и Христа среди двоякаго огня:—одинъ, подготовившій Его, другой Его поглотившій. О, какой уже огонь былъ огонь, приготовлявшій Его въ теченіе всей Его святой жизни! Тамъ былъ жаръ искушеній, пылающія стрѣлы испытаній и всякаго рода страданія и преслѣдованія. Онъ страдалъ въ печи человѣческой ненависти и ихъ страстей, сатанинскихъ хитростей, тайной и открытой лжи, и всегда ради праведности; страдалъ, не облегчая и не уравнивая пути Своего. Самое пребываніе Его среди насъ было уже для Него страданіемъ. Онъ, святой и чистый, носилъ тяжесть природы нашей, нашего образа мыслей, нашего безумія, нашихъ дѣйствій и поступковъ. Послушайте только, какъ однажды Онъ открываетъ Свое сердце и какъ при этомъ выступаетъ наружу, какъ глубоко Онъ чувствовалъ все это: „О, родъ невѣрный! доколѣ буду съ вами? доколѣ буду терпѣть васъ“? (Марк. 9, 19), восклицаетъ Онъ. Ему было страданіе жить съ нами, видѣть наше безуміе и носить его, и все-таки Онъ дѣлалъ это охотно. Св. Писаніе же говоритъ, что „страданіями Онъ навѣкъ послушанію“ (Евр. 5, 8, 9); т. е. среди самыхъ тяжелыхъ испытаній Онъ обнаружилъ совершеннѣйшее послушаніе, безграничную преданность Богу и безукоризненную чистоту. Такъ онъ приготовлялся дѣйствіемъ жгучаго пламени въ жертву хлѣбнаго приношенія стола Господня, въ вѣчное пріятное благоуханіе.

Замѣчательно, что въ то время, какъ Господь принималъ на Свой жертвенникъ чистую пшеничную муку въ

неиспеченомъ видѣ, священники и приносившій жертву могли получать въ пищу лишь печеное хлѣбное приношеніе (Лев. 6, 15 -- 18). Какъ это ясно указываетъ на то, что одинъ только Отецъ зналъ Его, питался Имъ, имѣлъ въ Немъ благоволеніе раньше, чѣмъ горнило страданій обнаружало всѣ превосходства Его; мы же, напротивъ, узнаемъ Его только изъ Его дѣйствій и жизни, хожденія и страданій, при всевозможныхъ трудныхъ обстоятельствахъ и тогда питаемся Имъ; они освѣщаютъ намъ всю Его привлекательность истиннымъ свѣтомъ. О, еслибы и мы находили въ Немъ болѣе вкуса и проникали бы все глубже и глубже въ процессъ Его приготовленія: поистинѣ, это сдѣлалось бы для насъ великой святыней Господней, драгоценнѣйшимъ наслажденіемъ души нашей, подобно тому, какъ жертва хлѣбнаго приношенія сдѣлалась такой для Аарона и сыновъ его.

И какъ эта ежедневная, непрестанная пища обратилась бы въ силу и жизнь въ насъ, какъ она сдѣлала бы насъ подобными Ему, какъ поддерживала бы наше непрестанное пребываніе во святилищѣ, чтобы мы, какъ истинные священники Его, постоянно питались Имъ; да, наконецъ, она обратила бы и насъ самихъ въ „пріятное Христово благоуханіе Богу“ для погибающихъ и для спасаемыхъ! Онъ, Онъ Самъ да содѣлаетъ насъ, по милости Своей, къ этому способными! Аминь.

---

20. Жертва посвященія.

- Лев. 8, 22. „И привелъ (Моисей) другого овна, овна посвященія, и возложили Ааронъ и сыны
23. его руки свои на голову овна; И закололъ его Моисей, и взялъ крови его, и возложилъ на край праваго уха Ааронова и на большой палецъ правой руки его и на
  24. большой палецъ правой ноги его. И привелъ Моисей сыновъ Аароновыхъ; и возложилъ крови на край праваго уха ихъ, и на большой палецъ правой руки ихъ, и на большой палецъ правой ноги ихъ, и покропилъ Моисей кровію на жертвенникъ со всѣхъ
  25. сторонъ: И взялъ тукъ и курдюкъ и весь тукъ, который на внутренностяхъ, и сальникъ на печени, и обѣ почки, и тукъ
  26. ихъ и правое плечо; И изъ корзины съ опрѣсноками, которая предъ Господомъ, взялъ одинъ опрѣснокъ, и одинъ хлѣбъ съ елеемъ, и одну лепешку, и возложилъ
  27. на тукъ и на правое плечо. И положилъ все это на руки Аарону и на руки сынамъ его, и принесъ это, потрясая предъ лицомъ Господнимъ. И взялъ это Моисей съ рукъ ихъ. и сжегъ на жертвенникѣ со всесоженіемъ: это жертва посвященія въ пріятное благоуханіе, это жертва Господу“.

ертва посвященія, къ которой мы сегодня приближаемся, послѣдняя изъ различныхъ жертвъ, приносившихся во дворѣ скинии собранія. Правда, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже и этой рассматриваемой жертвы, въ Св. Писаніи названы еще нѣкоторыя другія, какъ, напри- мѣръ, жертвы возліянія, возношенія и потрясанія. Въ точности же, онѣ были не что иное, какъ отдѣльныя части какой-либо другой жертвы, и поэтому не описываются подробно, а только упоминаются при случаѣ. Напримѣръ,

жертва возліянія, какъ это видно изъ 28-й гл. Чиселъ, ежедневно сопровождала жертву всесожженія и жертву хлѣбнаго приношенія въ видѣ четверти гина вина, которое, вѣроятно всего, возливалось на приносимую жертву. Ежедневная жертва всесожженія была, собственно, жертва сложная, которая могла бы состоять изъ всесожженія, хлѣбнаго приношенія и жертвы благодарности. и къ ней еще призовокуплялось вино, служившее, такимъ образомъ, дополненіемъ къ трапезѣ Господней. **Жертва возношенія и жертва потрясенія** составляли или части намъ уже извѣстныхъ жертвъ, или же добровольные дары изъ какой-либо собственности приносящаго. Такъ, на примѣръ, всѣ приношенія для построения скинии собранія, т. е. матеріалы, необходимые для ея сооруженія и изготовленія ея сосудовъ, были жертвой возношенія Господу; точно такъ же и серебро выкупа, произведенія полей, деньги и т. п. могли быть принесены въ возношеніе Господу.

Что же касается этой **жертвы посвященія**, то она не была поставлена въ ряду другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами жертвъ, но описана намъ при посвященіи Аарона и сыновъ его. Причина для этого была, вѣроятно, та, что она была предназначена только для одного опредѣленнаго класса лицъ, и за нихъ она приносилась только **одинъ разъ** въ теченіе всей ихъ жизни. Это была жертва за священниковъ въ день посвященія ихъ. Тѣмъ не менѣе, она все же одна изъ главныхъ жертвъ и причислена къ нимъ **Самимъ Господомъ**, какъ мы читаемъ въ Лев. 7, 37. 38, гдѣ сказано: „Вотъ законъ о всесожженіи, о приношеніи хлѣбномъ, о жертвѣ за грѣхъ. о жертвѣ повинности, о жертвѣ посвященія и о жертвѣ мирной, который далъ Господь Моисею на горѣ Синаѣ, когда повелѣлъ сынамъ Израилевымъ, въ пустынь Синайской, приносить Господу приношенія ихъ“. Здѣсь мы находимъ ее поставленной даже рядомъ съ другими жертвами и притомъ, какъ самостоятельную, отдѣленную отъ другихъ въ знакъ того, что она занимаетъ равное съ ними мѣсто, имѣя ей одной присущій характеръ, отличный отъ другихъ жертвъ. Да руководить нами Самъ Господь въ изученіи его, дабы наша душа обрѣла новую пищу въ Немъ, нашей истинной

жертвъ посвященія.

Мы опять займемся сначала ея названіемъ. Замѣтимъ при этомъ, что въ нѣмецкомъ переводѣ жертва эта имѣетъ двоякое названіе — жертвы посвященія, или жертвы наполненія. Оба эти названія выражаютъ два факта, совершавшіеся при ея приношеніи надъ Аарономъ и сынами его. Они ею посвящались и, въ то же время, наполнялись для ихъ священническаго служенія.

Во-первыхъ, они посвящались ею Богу, т. е. отдѣлялись отъ своей прежней дѣятельности, своего положенія и званія для другого дѣла и другого положенія и званія. Если ихъ дѣятельность состояла до сихъ поръ въ ежедневныхъ, обычныхъ и домашнихъ занятіяхъ, то впредь для нихъ существовала исключительно священная работа; если они имѣли до сихъ поръ одинаковое мѣсто съ братьями своими въ станѣ, то теперь они должны были приблизиться къ Господу и найти свое мѣсто во святилищѣ; если они были до сихъ поръ простыми, обыкновенными Израильтянами, то теперь они должны были занять высшее и славнѣйшее положеніе, именно положеніе ближайшихъ слугъ и священниковъ предъ Богомъ. Но посвященіе не ограничивалось отдѣленіемъ человѣка отъ его прошлаго и приобщеніемъ его къ новому, вышеупомянутому порядку вещей, но оно заключалось въ достиженіи нужной способности къ новому призванію, которая въ этомъ случаѣ должна была заключаться въ святости предъ Богомъ. Эта святость сообщалась Аарону и сынамъ его чрезъ эту жертву. При всѣхъ остальныхъ жертвахъ, они могли быть очень хорошими Израильтянами, но они не могли занять священническаго положенія; посвященіе производилось исключительно этой жертвой.

Это открываетъ намъ новую, не представленную до сихъ поръ въ отдѣльности, истину Божию, а именно, что Христосъ Распятый не только наша праведность, миръ, пища и питье, но и **освященіе и святость наша**. Своею смертію Онъ разъ навсегда отдѣлилъ насъ отъ низменныхъ, суетныхъ и грѣховныхъ дѣлъ, нѣкогда занимавшихъ нашу жизнь, и этимъ освободилъ насъ для служе-

нія Богу въ святости и праведности, благоугодныхъ Ему (Лук. 1, 74. 75). Онъ содѣлалъ насъ способными предстоять предъ Господомъ, такъ что теперь мы „имѣемъ дерзновеніе входитъ во святилище“ (Евр. 10, 19); изъ занимаемаго нами положенія грѣшниковъ вознесъ Онъ насъ къ Самому Себѣ, **великому** Первосвященнику, насъ покрывающему святостію Своею. Такимъ образомъ, Христосъ есть посвященіе наше; Онъ же и наша святость, освящающая насъ для превосходнаго священническаго нашего служенія предъ Богомъ. И всѣмъ этимъ сдѣлался Онъ для насъ чрезъ всеобъемлющую жертву смерти Своей. Потому, дорогіе мои братія въ Господѣ, намъ недостаточно знать, что смерть эта принесла намъ прощеніе грѣховъ и спасеніе отъ ада; но да содѣлается она и посвященіемъ всѣхъ насъ въ святыхъ Божіихъ для святаго служенія Ему!

Второе обстоятельство, сопровождавшее посвященіе Аарона и сыновъ его, заключалось въ томъ, что руки ихъ при этомъ наполнялись, вслѣдствіе чего жертва эта въ нѣмецкомъ текстѣ и названа жертвой наполненія. Какъ священники Господа, они не могли явиться предъ Нимъ съ пустыми руками, потому что священническое положеніе включало въ себя безпрестанное приношеніе Господу даровъ. Но что же были они въ состояніи принести отъ себя въ благоволеніе Божіе? Ничего Ему благоугоднаго у нихъ не было. Самъ Господь долженъ былъ вложить въ руку ихъ нѣчто такое, что не только обрѣтало милость въ очахъ Его, но низводило Его благоволеніе и на нихъ и на братьевъ ихъ, за которыхъ они ходатайствовали. Жертва посвященія совершала все это. Посвящаемые приходили во дворъ скинии съ руками, **исполненными** грѣха; но Господь далъ имъ повелѣніе, какъ мы это читали въ приведенномъ въ началѣ этой главы текстѣ, возложить свои руки на жертву за грѣхъ, послѣ чего грѣхъ снимался съ нихъ. Затѣмъ, освобожденные уже отъ грѣха, но еще пустыя руки свои они возлагали на жертву всесоженія, дѣлавшую ихъ **благоугодными** Богу: въ заключеніе они возлагали руки свои на жертву посвященія, и становились **освященными**; послѣ того они не возлагали уже рукъ своихъ ни на какую жертву, но жертва возлагалась на руки

ихъ; такъ являлись руки ихъ **наполненными**. (Лев. 8, 14. 18. 22. 26. 27). Черезъ жертву наполненія священники научались приносить Господу жертву, чтобы впредь съ ней являться предъ Богомъ, дабы она говорила предъ Нимъ языкомъ, Ему одному понятнымъ и благоугоднымъ.

И намъ, какъ священникамъ Божиимъ, надлежитъ стоять предъ Господомъ съ наполненными руками. Всегда чѣмъ-нибудь да бываютъ онѣ наполнены; но да не будутъ онѣ никогда исполнены тлѣннаго служенія суеты! Спасенные Имъ и посвященные въ царей и священниковъ, мы должны носить не только сосуды Господни, но и Господа Самого. Онъ, Онъ одинъ долженъ быть нашимъ занятіемъ, въ какомъ бы положеніи и на какомъ бы мѣстѣ въ этой жизни мы ни находились и какое бы дѣло ни исполняли наши тѣлесныя руки, мы посвящены Ему и освящены Имъ, чтобы предстоять предъ Господомъ, неся руками вѣры нашей Христа, и быть Имъ поглощенными.

Что жертва эта имѣетъ совершенно иной характеръ, нежели всѣ остальные, это мы видѣли уже изъ ея названія; но разница эта становится еще очевиднѣе **при сравненіи ея съ другими жертвами**. Возьмемъ теперь двѣ изъ нихъ, непосредственно предшествовавшія ей, т. е. жертву за грѣхъ и жертву всесожженія. Въ обѣихъ изъ нихъ первосвященникъ и сыны его принимали участіе непосредственно предъ жертвой посвященія. Мы знаемъ, что въ жертвѣ за грѣхъ дѣло шло о томъ, чтобы изгладить грѣхъ, въ жертвѣ же всесожженія, напротивъ, о томъ, чтобы приобрести благоволеніе Божіе, и то и другое достигалось этими двумя жертвами; вслѣдствіе этого, при жертвѣ посвященія уже не могъ возникнуть вопросъ о прощеніи грѣховъ и удовлетвореніи, точно такъ же, какъ и о благоволеніи Божіемъ, все это уже было приведено въ полный порядокъ. Сюда присоединялось еще другое, крайне важное обстоятельство, а именно совершенно различное отъ другихъ жертвъ примѣненіе крови. При жертвѣ за грѣхъ и жертвѣ всесожженія она тотчасъ же изливалась на жертвенникъ или около него, или даже вносилась во святилище и Святое-святыхъ, она имѣла главное отношеніе къ Самому Іеговѣ. Совершенно иначе должно было по-

ступить съ кровью жертвы посвященія; она, прежде всего, возлагалась на посвящаемыхъ лицъ, и при томъ (мы опять хотимъ напомнить объ этомъ) на лицъ, уже очищенныхъ, прощенныхъ и содѣланныхъ благоугодными Господу. Въ тѣхъ жертвахъ кровь являлась какъ свидѣтельство совершившейся смерти всегда тамъ, гдѣ приходилось встрѣчаться съ Богомъ; въ этой же жертвѣ, она является какъ свидѣтель смерти самого человѣка, который впредь долженъ встрѣчать Бога и предстоять предъ Нимъ. Человѣкъ являлся съ печатью смерти, какъ умершій, какъ тотъ, чья жизнь уже завершилась; онъ носилъ съ собою одновременно и знакъ умершаго ветхаго человѣка, какъ доказательство того, что ветхій человѣкъ не могъ и не смѣлъ предстать предъ Богомъ. Вотъ самыя характерныя черты этой жертвы.

Какое глубокое поученіе для насъ, братія мои, содѣлавшихся по дарованной намъ милости Божіей священниками Господними! Не видимъ ли мы здѣсь, что смерть Христова должна сдѣлаться въ насъ силой, если мы хотимъ постоянно пребывать во святилищѣ Божіемъ? Предъ Нимъ плоть не смѣетъ явиться, потому что она „вражда противъ Бога“. Смерть Христа должна сдѣлаться въ насъ такой могущественной, чтобъ мы поистинѣ умерли съ Нимъ, и наша ветхая жизнь въ насъ оставалась въ смерти. Недостаточно, далеко недостаточно, всегда лишь напоминать себѣ, что Онъ умеръ за грѣхи наши; развѣ мы не видимъ здѣсь, что смерть Его имѣетъ еще и другую сторону: Онъ умеръ для грѣха, и знакъ этой смерти Его долженъ быть видимымъ на насъ. И не ясно ли поучаетъ насъ, по отношенію этого, апостолъ, напоминая намъ слѣдующій фактъ: „Если мы соединены съ Нимъ подобіемъ смерти Его, то должны быть соединены и подобіемъ воскресенія, зная то, что ветхій нашъ человѣкъ распятъ съ Нимъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное, дабы намъ не быть уже рабами грѣха“ (Рим. 6, 5. 6). Наша жизнь, наше хожденіе, вся наша личность впредь должна носить на себѣ печать единства со Христомъ въ смерти Его, какъ священники носили на себѣ слѣды крови жертвы посвященія. Великіе герои вѣры, предшествовавшіе намъ,

свидѣтельствуютъ, что таково было хожденіе ихъ въ этомъ мірѣ: „Всегда носимъ“ — такъ говорятъ они своимъ братьямъ по вѣрѣ — „въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса. чтобы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ нашемъ“ (2 Кор. 4, 10).

Но вникнемъ глубже въ примѣненіе крови жертвы посвященія. Священная Исторія повѣствуетъ: „Моисей... взялъ крови его, и возложилъ на край праваго уха Ааронова, и на большой палецъ правой руки его, и на большой палецъ правой ноги его. И привелъ Моисей сыновъ Аароновыхъ, и возложилъ крови на край праваго уха ихъ, и на большой палецъ правой руки ихъ, и на большой палецъ правой ноги ихъ, и покропилъ Моисей кровію на жертвенникъ со всѣхъ сторонъ“ (Лев. 8, 23. 24). Славныя божественныя истины скрыты въ этихъ простыхъ словахъ. Черезъ возложеніе рукъ на голову жертвы, посвящаемой смѣрти для того, чтобы они посвящены были Богу, они выражали единство съ нею всей своею личности. Это было дѣло вѣры; но за нимъ слѣдовало буквальное, практическое дѣйствіе, заключавшееся въ томъ, что отдѣльные члены ихъ принимали видимымъ образомъ знакъ совершившейся смерти. Три главные члена всего тѣла избирались въ представителей для остальныхъ.

„Вы воскресли со Христомъ“, „вы умерли со Христомъ“, читаемъ мы въ 3-ей главѣ Посланія къ Колоссянамъ. Такова почва cadaго чада Божія, которое во Христѣ; благо ему, когда оно крѣпко держится за эту славную дѣйствительность и неуклонно стоитъ въ ней. Но, затѣмъ, въ той же самой главѣ немедленно слѣдуетъ то, что необходимо для ежедневной, практической жизни: „Итакъ, умертвите земные члены ваши“. Странная рѣчь; сперва говорится: вы умерли и тутъ же дается приказаніе умерщвлять свои члены! Да, первое изреченіе представляетъ собой почву, на которой я твердо стою ногами вѣры, потому что вѣрую я одно со Христомъ въ смерти Его; второе изреченіе указываетъ на практическое примѣненіе этой смерти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ повседневной жизни, въ каждомъ отдѣльномъ членѣ моего смертнаго тѣла, предназначеннаго дѣйствовать, доколѣ я пребываю здѣсь на землѣ, и могущаго быть употребленнымъ въ орудіе не-

правды. Примѣненная же здѣсь смерть Христова отражаетъ и побѣждаетъ всякое направленное къ тому движеніе.

Здѣсь въ прообразѣ мы находимъ, какъ кровь возлагалась сначала на правое ухо. Ухо представляетъ собой тотъ органъ человѣческаго тѣла, посредствомъ котораго легче всего поддерживается сообщеніе съ внѣшними существами и чрезъ который передается затѣмъ вліяніе на остальные члены. Ухомъ мы внимаемъ голосу Божію, но и голосъ діавола можетъ проникнуть въ насъ чрезъ него же, какъ и нашептыванія и искушенія его; и увы, какія опустошенія оно можетъ произвести во всѣхъ другихъ членахъ, если оно не предано смерти. Подумаемъ только объ Евѣ въ раю. Она открыла змѣю ухо свое, и всѣ члены ея были предоставлены въ его распоряженіе. Сколько времени понадобилось, чтобы увлечь глаза ея? Вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ: „И увидѣла жена;“ затѣмъ заговорилъ вкусъ, разыгралось воображеніе, потому что ей показалось, „что дерево **хорошо для пищи**, и что оно пріятно для глазъ и **вождељно, потому что даетъ знаніе**“, и наконецъ, и рука была готова къ услугамъ и вся она сама, потому что „она **взяла** плодовъ его и ѣла“. Это самое повторяется еще и сегодня при совершеніи почти всякаго грѣха. Какъ совершенно иначе звучала бы эта печальная исторія, еслибъ ухо Евы оказалось мертвымъ и глухимъ для нашептываній змѣя и освященнымъ для голоса Божія. Итакъ, ухо священниковъ носило на себѣ знакъ смерти; ни одинъ отзвукъ внѣшняго міра не долженъ былъ проникать въ него, но только то, что не противорѣчило этой крови.

О, это одна изъ величайшихъ милостей Божіихъ, быть такимъ образомъ отрѣзаннымъ отъ сношеній съ существующимъ внѣ насъ врагомъ, быть такимъ мертвымъ и глухимъ для его нашептываній. Нашъ превознесенный Господь, изображаемый намъ здѣсь въ лицѣ первосвященника, ходилъ въ такомъ положеніи по этому, изобилующему искушеніями міру; Его ухо было мертво и глухо, и Его око слѣпо для него. Іегова призываетъ насъ, чтобы мы наблюдали за Нимъ: „Слушайте, глухіе, и смотрите, слѣпые, чтобы видѣть. Кто такъ слѣпъ, какъ рабъ Мой, и глухъ, какъ вѣстникъ Мой, Мною посланный“? (Ис. 42, 18.

19). Да, у Него не было уха для міра и діавола, о чемъ бы они съ Нимъ ни заговаривали. Посѣвъ сатаны не нашелъ мѣста у Него, ни тогда, когда тотъ призывалъ Его помочь Самому Себѣ, или когда старался заставить Его искушать Бога, или когда рисовалъ предъ Нимъ величіе человѣческое (Мат. 13, 31. 32), или когда вызывалъ Его на самозащиту (Мат. 27, 40 — 42. — 1 Пет. 2, 23). Онъ предпочелъ умереть, нежели послушаться его. О, еслибы всѣ угрозы и льстивые призывы сатаны и міра разбивались о кровь Господа, возложенную на наше ухо! Посредствомъ смерти Его, можемъ и мы, подобно Ему, быть мертвыми и глухими и побѣждать, какъ побѣждалъ Онъ.

Затѣмъ, кровь возлагалась **на большой палецъ правой руки священниковъ**. Это былъ главный членъ того органа, посредствомъ котораго совершаются всѣ дѣла. Смерть жертвы посвященія дала и ему свой характеръ, положивъ на него свою печать. Ни одно нечистое дѣло не должно было больше совершаться этими руками, онѣ должны были быть мертвыми для него, чтобы быть способными наполняться святыми и божественными предметами и научиться обращаться съ ними. Драгоценная картина для всякаго вѣрующаго, которому сказано: „Ночь прошла, а день приблизился; итакъ, отвергнемъ дѣла тьмы“ (Рим. 13, 12) и „не участвуйте въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, но и обличайте“ (Еф. 5, 11), а также, что онъ долженъ „воздѣвать **чистыя** руки безъ гнѣва и сомнѣнія“ (1 Тим. 2, 8). Да, все дѣло нашей жизни должно бы быть во всѣхъ предпріятіяхъ нашихъ только служеніемъ Богу. Даже когда мы исполняемъ земныя наши дѣла, каждая черта нашей дѣятельности должна бы носить надпись „святыня Господня“, какъ увѣщаетъ апостоль святыхъ Божіихъ: „Итакъ, ѣдите ли, пьете ли или иное что дѣлаете, **все дѣлайте** во славу Божію“ (1 Кор. 10, 31). И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „**Все, что вы дѣлаете, словомъ или дѣломъ, все дѣлайте** во имя Господа Іисуса Христа“ (Кол. 3, 17). Драгоценная кровь Христа, возложенная и на наши руки, отдѣлила ихъ этимъ отъ всѣхъ прежнихъ занятій.

За возложеніемъ крови на палецъ руки слѣдовало возложеніе ея **на большой палецъ правой ноги**. Нога, какъ ору-

діе сношенія и соприкосновенія съ міромъ, точно такъ же, какъ и символъ хожденія, была отдана у священниковъ тоже во власть смерти. Для ихъ хожденія не существовало впредь грѣховныхъ путей, ни своихъ собственныхъ, ни пути, называющагося знаменитой золотой серединой, имъ надлежало ходить исключительно путями Господними. Святилище и дворъ Господень—вотъ мѣста, гдѣ должны были впредь стоять и двигаться ихъ ноги, эти священные покои были почва, въ непрестанномъ соприкосновеніи съ которой они должны были оставаться, и всякая тропинка, на которую они не могли ступить окропленной кровію ногой, была исключена для нихъ.

О, дорогіе братія, да отмѣчаетъ эта драгоцѣнная кровь все земное хожденіе наше; да будутъ слѣды ея на каждомъ движеніи нашей души, происходитъ ли оно внутри насъ или выступаетъ наружу; и если въ сердцѣ, постоянно готовомъ къ заблужденіямъ, возникло бы малѣйшее поползновеніе къ уклоненію въ какомъ бы то ни было нечистомъ направленіи, тогда поставимъ сердце наше подъ силу крови Христовой и останемся въ такомъ положеніи, чтобы это поползновеніе было отрѣзано тотчасъ же и навсегда. И еслибъ мы нашли, что мы вышли изъ-подъ этой силы и что не все въ насъ и на насъ носить на себѣ печать смерти Христовой, поспѣшимъ тотчасъ же съ дѣтскимъ довѣріемъ снова вступить въ разъ навсегда воспринятое нами и никогда не прекращающееся посвященіе, чтобы вновь пребывать въ немъ. Тогда снова пути наши будутъ путями пріятными и всѣ стези наши мирными (Пр. 3, 17), потому что наша окропленная нога будетъ ходить только путями Господа, избѣгая путей гибели силою этой крови. Было время, когда „ноги наши были быстры на пролитіе крови“ (Рим. 3, 15), если не чужой, то своей собственной, потому что мы несли свою собственную душу въ погибель; поэтому „разрушеніе и пагуба“ были на путяхъ нашихъ, и мы не знали пути мира; теперь же нога наша окроплена кровію и умерла для тѣхъ путей, и наше жителство на небесахъ, подобно тому, какъ жизнь священниковъ послѣ посвященія протекала во святилищѣ.

Послѣ такого возложенія крови жертвы посвященія на

всѣхъ священниковъ, слѣдовало **окропленіе** ею **жертвенника**. И онъ былъ предварительно **очищенъ** и **освященъ**, какъ мы читаемъ въ той же главѣ, въ 15 стихѣ. Но теперь и на него возлагалась, какъ на священниковъ, кровь жертвы посвященія. Ничто, неподобающее святилищу, не могло больше возлагаться на него или прикасаться къ нему; мы даже читаемъ, что съ этого времени онъ освящалъ жертву, на него возложенную (Матѣ. 23, 19). Онъ стоялъ всецѣло и совершенно на служеніи Іеговы, существовалъ только для Него, и впредь ни одна, не призванная къ тому, рука не смѣла даже носить его.

И вотъ, именно изъ этого, мы видимъ, насколько посвященіе священниковъ и посвященіе жертвенника были сходны между собою, и, зная, насколько ревниво оберегаль Господь отъ оскверненія всѣ принадлежности скиніи собранія, мы можемъ составить себѣ представленіе, какъ святы, славны и высоки были священники въ очахъ Божіихъ. И, однако, все это была лишь тѣнь. Какъ безконечно выше посвященіе, которое Христось сообщилъ кровію Своей искупленнымъ Его; насколько болѣе долженъ заботиться Іегова о томъ, чтобы въ нихъ не оказалось никакой скверны плоти и духа, но, наоборотъ, чтобы они освящали все, съ чѣмъ бы ни соприкасались. О, пусть познаніе, что каждое чадо Божіе есть храмъ Бога живого, созданный для Него и посвященный Ему одному, запечатлится въ каждое сердце съ такою всемогущею увѣренностью, чтобы силы тьмы, если и рѣшатся напасть на него, были бы объяты робостью.

Въ заключеніе бросимъ еще одинъ взглядъ на остальные части жертвы посвященія. Здѣсь мы имѣемъ прежде всего то, что было принесено Господу: тукъ, сальникъ на печени, обѣ почки съ тукомъ ихъ и правое плечо. Это благороднѣйшія части жертвеннаго животнаго снаружи и внѣ; къ нимъ присоединялись еще безквасные хлѣбы и лепешка. Смыслъ всѣхъ этихъ частей намъ уже извѣстенъ изъ предыдущихъ жертвъ: это, какъ мы знаемъ, — Христось, весь Христось въ жизни и смерти Его. Особенность этой жертвы заключается въ томъ, что эти принадлежавшія Господу части, послѣ ихъ отдѣленія отъ жертвеннаго жи-

вотнаго, не возлагались тотчасъ же на жертвенникъ, какъ при всѣхъ другихъ жертвахъ, но Моисей долженъ былъ положить ихъ на доселѣ пустыя руки Аарона и сыновъ его, которыя, такимъ образомъ, наполнялись великой святыней жертвы Господней. Это было замѣчательное дѣйствіе. Чрезъ него они съ этихъ поръ знали, что имъ вѣрялось и чѣмъ Господь наполнилъ руки ихъ. Но еще и другое значеніе лежало въ этомъ торжественномъ дѣйствіи. Какъ они раньше возлагали свои руки на жертву, признавая свое единство съ ней, такъ теперь жертва ложилась на ихъ руки, возвѣщая этимъ, съ своей стороны, единство съ ними. Въ знакъ того, что это въ дѣйствительности было такъ, что они составляли вполнѣ одно цѣлое съ жертвой, вмѣстѣ съ этими частями Господними потрясался и первосвященникъ и священники въ жертву потрясанія Господу. Затѣмъ жертва шла на священный огонь жертвенника, священники же—въ священное служеніе Іеговы. Жертва уничтожалась пламенемъ огня, священники же—въ непрестанномъ служеніи Господу. И это было пріятнымъ благоуханіемъ Ему.

„За нихъ я посвящаю Себя, чтобы они были освящены истиною“ (Іоан. 17, 19), сказалъ Онъ, наша великая жертва посвященія, идя къ Своему жертвеннику всесоженія. Незадолго передъ этимъ Онъ сказалъ, что Отецъ Его освятилъ и послалъ въ міръ (Іоан. 10, 36); теперь посвящался Онъ за насъ. Чтобы исполнить волю Отца, Онъ долженъ былъ быть освященъ, и чтобы намъ исполнять ее, мы тоже должны быть освящены, и Онъ посвящаетъ Себя для насъ въ то время, когда идетъ на смерть. Итакъ. Его отдача въ смерть не была, такимъ образомъ, только нашимъ примиреніемъ, но и освященіемъ, и силой Его смерти мы освящаемся „**воистину**“. Но это будетъ съ нами лишь тогда, когда мы признаемъ себя одно съ Нимъ, какъ Онъ призналъ Себя одно съ нами, и увидимъ себя соединенными съ Нимъ въ смерти Его. Тогда, да, тогда отдали мы тѣла наши въ жертву, тогда уничтожаются они въ служеніи Ему, тогда началось никогда не прекращающееся разумное служеніе наше, и, гдѣ бы мы ни находились, мы всюду будемъ въ истинной священнической дѣятельности.

Блаженна жизнь, пребывать такъ на жертвенникѣ Его и быть Ему пріятнымъ благоуханіемъ!

Это—часть Господа, да не будетъ же она никогда отъ Него удержана! Но, слава и благодареніе Ему, и для насъ есть часть въ этой жертвѣ! Мы читаемъ, что Ааронъ и сыны его въ теченіе семи дней должны были питаться во дворѣ Господнемъ остатками этой жертвы. Ааронъ и сыны его, какая чудная картина о Христѣ и Его народѣ! И Онъ и они отданы въ жертву; и Онъ и они питаются ею; благословенныя послѣдствія улаждаютъ Его сердце и ихъ сердца. Вѣдь сказано же о Немъ: „На подвигъ души Своей Онъ будетъ смотрѣть съ довольствомъ“ (Ис. 53. 11). Да, мы знаемъ, что Онъ смотреть на него и наслаждается имъ. Предъ Нимъ предстояла радость, когда Онъ претерпѣвалъ крестъ (см. Евр. 12, 2 исправленный переводъ) и эта радость, сдѣлалась теперь частью Его. И какая радость, какое довольство должно наполнять Его сердце при видѣ, что въ Немъ искупленные Его посвящаютъ себя въ жертву, въ благоуханіе пріятное Господу! И радость Его не есть ли и наша радость, и довольство Его—довольство наше? Да, конечно, мы радуемся вмѣстѣ съ Нимъ. О, только бы всѣ дѣти Божіи имѣли часть въ наслажденіи этой жертвой посвященія! Только бы многіе захотѣли исцѣлиться отъ безумой мысли, какъ будто полная отдача себя въ смерть съ Нимъ не приносить съ собой ничего, кромѣ скорби, боли и страданій; только бы они узнали блаженство, которое она приносить, именно блаженство, о которомъ весь міръ не можетъ имѣть понятія и котораго не знаютъ и сами эти дѣти Божіи, пока они не возложатъ себя всецѣло на жертвенникъ Его въ благоуханіе пріятное. Онъ да произведетъ это во всѣхъ и на всѣхъ, Себѣ на славу Аминь.

---

21. Куреніе, или жертва куренія.

- Исх. 30, 34. „И сказалъ Господь Моисею: возьми себѣ благовонныхъ веществъ: стакти, ониха, халвана душистаго и чистаго ливана, всего поровну. И сдѣлай изъ нихъ искусствомъ составляющаго масти курительный составъ 35. стертый, чистый, святой; И истолки его мелко, и полагай его предъ ковчегомъ откровенія въ скиніи собранія, гдѣ я буду открываться тебѣ: это будетъ святыня великая для васъ. Куренія, сдѣланнаго по сему составу, не дѣлайте себѣ: святынею да будетъ оно у тебя для Господа. Кто сдѣлаетъ подобное, чтобы курить имъ, истребится изъ народа своего“.

ертва, собственно дополнявшая число семи ветхозавѣтныхъ жертвъ и подлежащая нашему сегодняшнему разсмотрѣнію, ведетъ насъ изъ двора во святилище, отъ мѣднаго жертвенника, у котораго мы такъ долго пробыли, къ жертвеннику золотому. Куреніе было единственной жертвой, возлагавшейся на золотой жертвенникъ и сжигавшейся во святилищѣ. Прообразы объ отдачѣ Единороднаго на страданія и смерть, объ искупленіи вины нашей на крестѣ и о совершившемся дѣлѣ нашего спасенія—всѣ находили себѣ мѣсто во дворѣ, а не во святилищѣ, бывшемъ отраженіемъ неба, какъ и Христосъ, Господь нашъ, пострадалъ и умеръ здѣсь, на землѣ, и не долженъ былъ уже умирать тамъ, во славу. Туда Онъ восшелъ послѣ того, какъ принесъ жизнь Свою въ „жертву умилоствленія“, чтобы съ плодами этого совершеннаго спасенія предстать предъ Отцомъ. Золотой жертвенникъ, стоявшій у завѣсы, въ концѣ концовъ разорвавшейся и уничтоженной, былъ какъ бы носителемъ этихъ чудныхъ плодовъ искупленія, которые Онъ, нашъ великій Перво-

священникъ, полагалъ на него предъ Богомъ подобно благоухонному куренію, дабы они поднялись, какъ пріятное благоуханіе Господу. Мы уже имѣли случай ознакомиться съ золотымъ жертвенникомъ, а потому сегодня намъ предстоитъ заняться драгоценными пряностями, сжигавшимися на немъ и извѣстными въ Св. Писаніи подъ названіемъ

куренія, или жертвы куренія.

Да откроются намъ драгоценности этой единственной въ своемъ родѣ жертвы святилища во всей красотѣ своей, чтобы онѣ побудили насъ преклониться предъ возлюбленнымъ Отцомъ нашимъ съ новымъ, горячимъ благоговѣніемъ.

Прежде всего обратимся къ составнымъ частямъ куренія. Оно составлялось изъ четырехъ изысканнѣйшихъ и драгоценнѣйшихъ пряностей Востока, въ которыхъ мы видимъ—скажемъ это уже заранѣе, — прообразно изображенными, превосходства и совершенства нашего преславнаго Господа; это—тѣ удивительныя качества, которыя достигли въ Его жизни, хожденіи, искушеніяхъ, страданіяхъ и смерти славнѣйшаго совершенства, открытыя и посвященныя одному Отцу. Они были и остаются постояннымъ благоуханіемъ, наполняющимъ благоволеніемъ сердце Отца и—да будетъ Ему вѣчная слава,—наполняющимъ Его сердце къ нашему неизреченному блаженству.

Первое, что мы находимъ здѣсь, **былъ онихъ**, называемый на еврейскомъ языкѣ просто каплями. Онъ добывался въ видѣ душистой смолы изъ деревца приблизительно 12 футовъ вышиною, по-гречески называемаго „стораксъ“. Съ этой цѣлью въ различныхъ мѣстахъ на деревѣ дѣлались глубокіе надрѣзы, изъ которыхъ затѣмъ медленно выступалъ клейкій сокъ, собиравшійся въ капли, мало-по-малу стекавшія въ приготовленные небольшіе сосуды. Онъ представляетъ собой вожелѣнную масть и развиваетъ на угляхъ пріятный ароматъ.

О комъ, возлюбленные, можемъ мы думать при этомъ, какъ не о Немъ, древѣ жизни, явившемъ подъ острымъ ножомъ страданій и смерти благоуханіе Своихъ святыхъ качествъ до высшаго совершенства? Глубокое пораненіе

заставило истечь Его онихъ, благоугодный Богу. Чѣмъ глубже пронзали Его душу и тѣло ножи позора, презрѣнія, отверженія, страданій и смерти, тѣмъ славнѣе истекали изъ Него совершенства Его. Посмотрите на Его безграничную любовь, Его неизмѣнную отдачу, Его безмѣрное терпѣніе, Его божеское милосердіе и всѣ Его чудныя свойства: не подъ сильными ли ударами достигли они вершины и наивысшей точки своего развитія, дальше которой имъ уже некуда было идти. Что болѣе тяжелое и страшное, нежели смерть, могло коснуться ихъ? Ничто иное! И, однако, ни одно изъ совершенствъ не было ею побѣждено, но напротивъ, всѣ они побѣдили смерть, восторжествовавъ надъ нею. Чудный онихъ, несравненное благоуханіе, истекающее для Отца изъ этого древа жизни!

Подобное же значеніе имѣетъ и второе вещество куренія, **называемое здѣсь стакти**. Это была крышка, или скорлупа одной морской раковины, часто попадающейся въ Красномъ морѣ. Она придавала другимъ благовоніямъ особую силу и продолжительность. Но прежде, чѣмъ войти въ составъ благовоннаго куренія, вся раковина этого морского животного должна была быть разрушенной.

Такъ разрушенъ былъ храмъ тѣла Господа нашего, чтобы быть въ состояніи подняться въ сладкомъ благоуханіи къ Отцу. Истинно и то, что въ этомъ разрушенномъ и истерзанномъ образѣ, въ этой отдачѣ до крайности Онъ сообщилъ особую силу каждому изъ Своихъ славныхъ свойствъ. И послѣ того, какъ Онъ прошелъ черезъ смерть, для Него болѣе не остается никакой другой смерти, но вѣчная жизнь и непреходящее бытіе украшаютъ Его навѣки; поэтому и всѣ совершенства Его безконечно продолжительны. Не радуешься ли ты этому, чадо Божіе? Тамъ, во Святомъ-святыхъ, на жертвенникѣ Божіемъ возносится за тебя вѣчная жертва куренія.

Третье вещество, входившее въ составъ куренія, былъ **халванъ**. Онъ описывается, какъ смола, происходящая изъ одного кустарника, растущаго на Сирійскихъ горахъ. Зажженный въ отдѣльности, онъ издаетъ сильный и непріятный запахъ, такой, что дымомъ его изгоняли змѣй. Но примѣшанный къ другимъ пряностямъ, онъ въ значительной степени усиливалъ ихъ благоуханіе.

Это было дѣйствительно странное дополненіе къ куренію. Онъ какъ бы даже въ противорѣчій съ другими частями его и, вмѣсто притягивающихъ, являетъ отталкивающія свойства. Но это только такъ кажется, потому что, въ дѣйствительности, въ нашемъ превознесенномъ Господѣ были совершенства, которыя, казалось, противорѣчили другимъ, обнаруженнымъ въ Немъ, качествамъ; на самомъ же дѣлѣ, благодаря своему противоположному направленію, только дополняли и возвышали другія. Вспомнимъ только Его безпристрастное святое правосудіе относительно Себя, въ силу котораго Онъ предсталъ за насъ предъ Отцомъ и зѣтѣмъ, подобно кроткому агнцу, не отвергающему устъ своихъ, былъ поведенъ на закланіе, принявъ наказаніе за грѣхъ до самой крайности, даже до мукъ адскихъ. Въ устахъ Его нѣтъ ни противорѣчій, ни оправданій, Онъ не требуетъ къ Себѣ ни состраданія, ни милосердія, дабы исполнѣ удовлетворить Отца и Его совершенный законъ. Не забудемъ при этомъ подумать и о Его **безграничномъ милосердіи**, потому что въ то время, когда судъ совершался надъ Нимъ, Онъ былъ **исполненъ милосердія** къ заслужившимъ проклятіе и подпавшимъ погибели. Оба эти проявленія Его совершенства, сіяя одновременно недостижимымъ блескомъ, чудно возвышали другъ друга. Обратимъ наше вниманіе на еще большую противоположность въ Немъ. Въ Псалмѣ 44, 8 мы читаемъ о Немъ: „Ты возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе; посему помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости болѣе соучастниковъ Твоихъ“. Итакъ, мы находимъ здѣсь любовь и ненависть въ одной личности. Онѣ соединялись, какъ видно отсюда, одновременно въ нашемъ дорогомъ Спасителѣ, достигая въ Немъ одинаковой славы и одинаковаго достоинства, потому что, какъ любовь къ правдѣ вмѣнялась Ему здѣсь въ свойство благоугодное Іеговѣ, точно такъ же и ненависть къ беззаконію. Поэтому обѣ онѣ и были основаніемъ и причиной, почему Онъ былъ помазанъ елеемъ радости болѣе соучастниковъ Своихъ. И не сильнѣе ли выдвигалась любовь Его къ правдѣ, благодаря Его ненависти къ неправдѣ и грѣху? И еслибъ возгорѣлась одна его ненависть, кто устоялъ бы предъ ней? Она была бы невыносимой. И, я думаю, именно это

совершенство Его приводило въ трепетъ сатану и духовъ злобы, лишь только они видѣли Его. Этотъ халванъ, находившійся въ Немъ, обращалъ въ бѣгство древняго змѣя, заставивъ его воскликнуть: „Что Тебѣ до насъ, Іисусъ. Сынъ Божій? Пришелъ Ты сюда прежде времени мучить насъ“! Онъ понялъ, что въ этомъ Агнцѣ Божіемъ скрытъ Левъ, который побѣдитъ его и сотретъ главу его.

Наконецъ, къ куренію принадлежалъ еще ливанъ. Это была бѣловатая душистая смола, истекавшая изъ небольшого деревца, футовъ въ 10 вышиною, растущаго въ Аравіи и Индіи, и преимущественно употреблявшаяся при богослуженіи всѣми народами древности. Онъ какъ бы исключительно существовалъ въ употребленіе для Бога.

Въ самомъ полномъ и исключительномъ смыслѣ слова эти можно сказать о Христѣ, Господѣ нашемъ. Въ жизни и смерти, въ любви и страданіяхъ, въ Своихъ рѣчахъ и поступкахъ, даже здѣсь, на землѣ, или тамъ, во славу, былъ Онъ непрестанно возносящійся къ Богу ливанъ, посвященный навѣки и всецѣло одному Своему Отцу. Какимъ чуднымъ благоуханіемъ долженъ Онъ былъ быть для Отца, Онъ, страдавшій для Него, жизнь Котораго представляла собою одно непрерывное, безконечное богослуженіе, въ которомъ изъ cadaго вздоха, cadaго біенія сердца истекало благоговѣніе и прославленіе Бога. И Онъ возложилъ эту жизнь, какъ бы при заключеніи ея, предъ небомъ и землею, на глазахъ всѣхъ, въ жертву куренія на золотой жертвенникъ, когда, въ торжественной мольбѣ къ Нему, воскликнулъ: „Я прославилъ Тебя на землѣ, совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить“ (Іоан. 17, 4). Таково значеніе составныхъ частей жертвы куренія.

Разсмотримъ теперь божественное распоряженіе относительно этого куренія. Прежде всего Моисею было дано повелѣніе взять cadaго изъ нихъ „поровну“. Ни одно изъ этихъ веществъ не должно было имѣть предпочтенія. Правда, мѣра и вѣсъ каждой составной части не были опредѣлены, но тѣмъ не менѣе, относительно другъ къ другу, вѣсъ ихъ долженъ былъ быть всегда одинаковымъ.

Какъ это подходитъ къ Нему, Который Самъ—истинная жертва куренія предъ Богомъ, и особенно ко всѣмъ совер-

шенствамъ Его. Кто былъ бы въ состояніи оцѣнить, измѣрить и взвѣсить всѣ Его достоинства; здѣсь на землѣ не нашлось бы мѣры для нихъ: только Одинъ могъ бы измѣрить ихъ, къ Которому они всѣ стремились, Онъ, Который одинъ только знаетъ Сына. Но все же одно извѣстно намъ, что всѣ они содержали одинаковую мѣру совершенства, и ни одно изъ качествъ Его не выдвигалось на счетъ другого или должно было отступать въ пользу другого. Во всѣхъ отношеніяхъ былъ „весь Онъ любезность“ (Пѣс. Пѣс. 5, 16).

Послѣ того, какъ они были такимъ образомъ соединены, эти вещества должны были быть истолчены въ ступѣ въ порошокъ. Чѣмъ мельче они были истолчены, тѣмъ сильнѣе могло развиваться на горящихъ угляхъ золотого жертвенника ихъ благоуханіе, что собственно и было цѣлью. Но именно для этого каждая пылинка этихъ пряностей должна была перенести тяжелые удары песта.

Да, братія мои, какъ можемъ мы составить себѣ представленіе о томъ, при какихъ изнурительныхъ трудностяхъ, подъ сколькими и внутренними и наружными искушеніями и ударами съ ранняго дѣтства до самой могилы славныя совершенства Богочеловѣка достигали своей полной зрѣлости! Кто можетъ себѣ представить, какъ у Него, Который тоже „преуспѣвалъ въ премудрости, возрастѣ и любви у Бога и человѣковъ“, каждое движеніе души, каждое желаніе, чувство и хотѣніе должны были бороться съ препятствіями,—которыя являлись какъ и у насъ, даже, смѣемъ сказать, безконечно больше чѣмъ у насъ,—чтобы привести ихъ въ исполненіе, несмотря на самые тяжелые удары. И не забудемъ, что при этомъ Онъ никогда не вступалъ **ни въ какія сдѣлки**, какъ это часто дѣлали мы, **никогда не уравнивалъ Свой путь**, даже отвергалъ всякое предложеніе на этотъ счетъ. И мы знаемъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становились удары, до того, пока не кончилась жизнь Его. О, какой порошокъ благовоннаго куренія вышелъ изъ-подъ этихъ ударовъ!

Наконецъ, замѣтимъ еще, какъ Господь заботился о томъ, чтобы всѣ эти благовонныя вещества дѣйствительно обратились бы въ благоугодное Ему куреніе. Оно должно

было быть приготовлено **искусствомъ составляющаго масти** и быть чистымъ и святымъ. Казалось бы, что разъ всѣ составныя части были на лицо, то не требовалось много искусства, чтобы, взявъ всѣхъ поровну, смѣшать ихъ. Но Господь требовалъ здѣсь искусную руку, умѣло обходящуюся съ этими благовоніями, она должна была смѣшать ихъ, наблюдая при этомъ, чтобъ не попало туда ничто нечистое, никакая пылинка какого-либо посторонняго вещества. Оно должно было быть святымъ, отдѣленнымъ и удаленнымъ отъ всего обыкновеннаго и повседневнаго.

Неправда ли, возлюбленные, мы всѣ знаемъ искусно составляющаго масти, небеснаго божественнаго Духа Святого, Который произвелъ во Христѣ всю привлекательность и всѣ превосходства и обнаружилъ ихъ въ должное время и должнымъ образомъ, такъ что они вызвали благоволѣніе Божіе. Онъ удерживалъ всякую нечистую пылинку отъ прикосновенія къ Возлюбленному и славнымъ совершенствамъ Его. О, какъ часто случается, что, даже когда Онъ производитъ въ насъ Свои драгоцѣнные плоды, мы вмѣшиваемся и не призванной рукой беремъ изъ руки Его распредѣленіе и проявленіе ихъ въ свое время, препятствуя, такимъ образомъ, усмотрѣнному и благоугодному Богу равновѣсію. И какъ часто къ нашей жертвѣ куренія примѣшивается еще что-нибудь наше собственное и то, что не смѣетъ и не можетъ возноситься Господу. Поэтому, какъ блаженно знать, что нашъ Господь—совершенная, святая жертва куренія, вполне отвѣчающая всѣмъ требованіямъ Іеговы.

Но какое значеніе имѣло между тѣмъ это куреніе для Израиля? По всему, что мы читаемъ о немъ, видно, что оно возносилось Іеговѣ рукою первосвященника, какъ общая жертва ихъ, и поднималась, какъ благоговѣйное моленіе къ Богу, Царю ихъ. Оно было, собственно, отраженіемъ молитвы или того, что еще выше молитвы, т. е. благоговѣйнаго поклоненія. Въ то время, когда первосвященникъ полагалъ эти благовонія на золотой жертвенникъ внутри святилища, и изъ кадиланицы поднималось облако еиміама, народъ молился внѣ святилища, во дворѣ, примѣшивая, такъ сказать, горячія стремленія сердца своего къ благоуханію, возносившемуся за нихъ къ Господу. Въ Евангеліи

Луки 1, 10 намъ дано слѣдующее описаніе этого тихаго торжественнаго часа, въ то время, когда сожигалась жертва куренія: „Все множество народа молилось внѣ во время кажденія“.

Это показываетъ намъ, въ поучительномъ видѣ, что есть истинное благоговѣніе, какъ оно благоугодно Отцу и въ насъ, и какъ мы, дѣти Новаго Завѣта, смѣемъ вступить нынѣ во святилище и даже въ самое Святое-святыхъ, прямо въ присутствіе Божіе. Мы должны въ нашихъ прошеніяхъ, молитвахъ и благодареніяхъ приносить привлекательность Христа въ жертву Богу. Она открываетъ намъ путь къ Богу; она даетъ намъ возможность радостно стоять въ присутствіи Трисвятого; и ради нея, а не ради нашего достоинства или нашихъ качествъ, мы бываемъ услышаны Господомъ. О, какъ безумны были часто наши начинанія, когда мы дерзали приносить свои собственныя благовонія предъ Бога и пробовали возносить къ Нему наши превосходства, какъ жертву куренія. Благодареніе и славу Ему, что Онъ никогда не допустилъ ихъ далѣе устъ нашихъ и отвергъ ихъ отъ Себя. Будемъ же знать разъ навсегда, что Господь не можетъ ни видѣть, ни слушать или услышать насъ иначе, какъ чрезъ Возлюбленнаго. Если, подобно тому, какъ священники и первосвященникъ стояли во святилищѣ, скрытые въ облакъ жертвы куренія, стоимъ мы окруженные достоинствами и совершенствами Христа, которыя при помощи простой дѣтской вѣры составляютъ нашу полную собственность, тогда мы благоугодны Ему, тогда услышана молитва наша, тогда мы можемъ радостно сказать вмѣстѣ съ апостоломъ: „Мы Христово благоуханіе Богу“ (2 Кор. 2, 15); и наша молитва направится „какъ ѳиміамъ предъ лицо Его, воздѣяніе рукъ нашихъ, какъ жертва вечерняя“ (Пс. 140, 2).

Остановимся еще на мѣстѣ приношенія жертвы куренія. Какъ мы видѣли, ея мѣсто было во святилищѣ, и тамъ, на золотомъ жертвенникѣ. Во дворѣ предъ глазами всего народа день и ночь восходило благоуханіе жертвы всесожженія: здѣсь, съ золотого жертвенника, истекало точно такъ же благовоніе отъ тлѣвшихъ на огнѣ пряностей, что не было видимо народу, потому что сила его развивалась въ непо-

средственной близости Іеговы. Все святилище, не дававшее ему никакого выхода, мало-по-малу наполнялось имъ; скрывая всѣ священные предметы и чрезъ щели и отверстія, кое-гдѣ образуемая завѣсой, куреніе проникало во Святое-святыхъ, поднималось къ престолу благодати и, дѣлаясь все гуще и гуще, покрывало его непроницаемымъ облакомъ благоуханія. Изъ этого облака говорилъ голосъ Бжій съ Моисеемъ, когда говорилъ съ нимъ въ благодати и милости, какъ бы говорилъ кто съ другомъ своимъ. И когда, единственный разъ въ году, въ великій день Очищенія, первосвященникъ вступалъ во Святое-святыхъ, онъ имѣлъ право явиться туда только съ двумя предметами; одинъ—только что пролитая кровь жертвы за грѣхъ, другой—золотая кадильница, полная горящихъ угольевъ, и на нихъ это куреніе, сожигавшееся здѣсь на огнѣ; и въ то время, когда облако покрывало престолъ благодати, покрывала его и кровь. Оба вещества примѣнялись во Святомъ-святыхъ къ одному и тому же мѣсту.

Такъ и со Христомъ, съ Его кровію и со всѣми Его совершенствами. Онъ умеръ здѣсь, на землѣ, такъ сказать во дворѣ, на глазахъ всѣхъ насъ, и кровь Его очистила насъ отъ всякаго грѣха; но, затѣмъ, Онъ вошелъ за завѣсу, куда не проникаютъ наши взоры; но, какое блаженство! мы тѣмъ не менѣе знаемъ, что Онъ предсталъ предъ Господомъ съ своей Собственной кровію и теперь тамъ пребываетъ, чтобы въ безконечномъ благовономъ куреніи открыть предъ Богомъ Свои совершенства. Въ то время, какъ драгоценная кровь Его говоритъ за грѣшниковъ лучше нежели кровь Авелева, всѣ совершенства Его облачаютъ освященныхъ Имъ. Да будетъ Ему хвала! Онъ теперь наполняетъ присутствіемъ Своимъ небеса небесъ. Эта земля была слишкомъ тѣсна, чтобы принять Его, она не была мѣстомъ, гдѣ могло вполнѣ развиваться благоуханіе Его; для этого потребовалось святилище и Святое-святыхъ.

Теперь, возлюбленные, намъ становится ясно, почему Отецъ говоритъ со Своего престола благодати, какъ бы говорилъ кто съ другомъ своимъ: мы облечены облакомъ чудной жертвы куренія и стоимъ такъ передъ Нимъ. Духъ Святой да запечатлитъ это глубоко въ сердца нашемъ, чтобы ни-

когда не исчезло изъ нашего сознанія то, что наше жителство на небесахъ, въ славномъ святилищѣ, гдѣ мы ходимъ не въ нашихъ добродѣтеляхъ, но облеченные въ совершенство Его; что нѣтъ болѣе никакихъ затрудненій на пути нашего свободнаго и радостнаго поклоненія во Святомъ-святыхъ, потому что тамъ навѣки предстоятъ Его совершенства, истинное, угодное Богу благоуханіе нашего куренія. Итакъ, вопросъ: „Какъ могу, какъ дерзну я предстать предъ Нимъ“? разрѣшенъ теперь навѣки.

Но прежде, чѣмъ кончить, мы хотѣли сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно порядка въ приношеніи этой чудной жертвы. Это очень важно относительно драгоценнаго плана Божія о нашемъ спасеніи и относительно нашего пути, которымъ мы можемъ достигнуть Господа. Жертва благовоннаго куренія была послѣдняя въ цѣломъ рядѣ различныхъ жертвъ. Жертва за грѣхъ и жертва повинности, жертва всесожженія, жертва хлѣбнаго приношенія и жертва мирная, такъ же, какъ и жертва посвященія— всѣ должны были предшествовать ей; и только послѣ нихъ первосвященникъ и сыновья его могли принести Господу жертву куренія. Сначала должна была пролиться кровь примиренія и послѣдовать смерть жертвы повинности, замѣстившей Израильянина, за ней слѣдовала отдача себя, со стороны послѣдняго, на полное служеніе, затѣмъ шло торжественное посвященіе себя Іеговѣ, наконецъ только, послѣ всего этого, послѣдовалъ входъ во святилище съ жертвой куренія.

Таковъ путь Божій и до сего дня. Какъ грустно поэтому, что многіе, подобно Озіи, царю Израильскому, начинаютъ не съ того конца, т. е. съ жертвы куренія, не будучи омыты и очищены; они вступаютъ не призванные во святилище Божіе и, подобно ему, гнѣваются при напоминаніи: „Не тебѣ кадить Господу; это дѣло священниковъ, сыновъ Аароновыхъ, посвященныхъ для кажденія; выйди изъ святилища, ибо ты поступилъ беззаконно“ (2 Пар. 26, 18). О, пусть у этихъ бѣдныхъ душъ, которыя никогда не были примирены и облагодатствованы въ Возлюбленномъ, скоро выступить наружу ихъ душевная проказа, какъ у того высокоумнаго царя, потому что только этимъ путемъ возможно помочь имъ.

Да, дорогіе друзья, благоговѣйное поклоненіе никакъ не дѣло грѣшника. Грѣшникъ, конечно, можетъ войти во дворъ и ждать, на основаніи жертвеннаго Агнца, примиренія съ Богомъ, но не можетъ входить во святилище, какъ уже очищенный и освященный, желая принести благоговѣйныя молитвы и поклоненіе Богу. Богъ не можетъ видѣть его, потому что онъ приноситъ съ собой то, что онъ имѣетъ и есть въ самомъ себѣ, и это—мерзость предъ Богомъ. Грѣшникъ можетъ стоять во дворѣ, ожидать благословеній ради Христа и жертвы Его, но онъ не можетъ возсылать Богу никакихъ благоуханій до тѣхъ поръ, пока самъ онъ не сокроется во Христѣ Иисусѣ.

Но ты, чадо Божіе, ты, имѣющій прошеніе грѣховъ и миръ, облагодатствованный Богомъ въ Возлюбленномъ, смотри, чтобы тебѣ не оставаться во дворѣ и не удовольствоваться имъ: твоя обязанность входить во святилище, одѣтымъ въ священническое убранство, и совершать дѣла и хожденіе твои предъ лицомъ Божиимъ, чтобы „на всякомъ мѣстѣ воздѣвать чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнія“. Да горитъ куреніе Твое и да возносится оно непрестанно изъ сокровеннаго святилища твоего сердца во Святое-святыхъ предъ Господа, чтобы оттуда исшелъ, какъ отвѣтъ тебѣ, благословенный голосъ: „Ты возлюбленное чадо Мое, въ которомъ Мое благоволеніе“. Аминь.

ЧАСТЬ III.

Свѣщенство.

---

22. Первосвященникъ.

Исх. 28. 1. „И возьми къ себѣ Аарона, брата твоего, и сыновъ его съ нимъ, отъ среды сыновъ Израилевыхъ, чтобъ онъ былъ священникомъ Мнѣ, Аарона и Надава, Авіуда, Елеазара и Иѳамара, сыновъ Аароновыхъ“.

Вотъ и жертвы, съ ихъ описаніями, прошли по порядку своему предъ нашими духовными глазами. Душа наша насладилаcь ихъ чуднымъ благоуханіемъ, исходившимъ отдѣльно изъ каждой изъ нихъ не только для Господа, но и для насъ. Мы оставляемъ ихъ сегодня и переходимъ къ новому виду прообразовъ, которые все-таки относятся къ тому же превознесенному Господу Христу Іисусу.

Богъ, въ Своей премудрости, нашелъ необходимымъ, чтобы данныя Имъ тѣни будущихъ благъ во Христѣ, — изображая Его насколько возможно ясно и снова и снова приходя на память народу Его, — состояли не только изъ неодушевленныхъ предметовъ, какъ мы видѣли ихъ въ skinи и ея принадлежностяхъ, или изъ различныхъ животныхъ, какъ они еще недавно стояли предъ нами въ видѣ жертвъ, но чтобы и живыя лица съ ихъ достоинствомъ, дарованнымъ Имъ, и со связаннымъ съ нимъ служеніемъ. изо-

бразили мысль Его относительно Его великаго предмета, т. е. Спасителя Христа. Эти лица какъ бы вносили собою жизнь въ священные покои, гдѣ они должны были служить Богу, и давали истинный смыслъ всѣмъ предметамъ и должную ясность, дополняя ихъ значеніе собою, своимъ достоинствомъ и своими дѣйствіями и соединяя множество прообразовъ въ одно большое цѣлое. Уже изъ этого слѣдуетъ, что **священство**, состоявшее изъ этихъ лицъ, занимало главное мѣсто среди прообразовъ.

Среди этого священства выдается одно лицо съ такой силой передъ всѣми другими, что мы должны обратить наши взоры преимущественно на него. Оно является здѣсь великимъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточивается все во святилищѣ, ему подчинены всѣ остальные лица, оно покрываетъ ихъ всѣхъ своимъ славнымъ положеніемъ и своимъ высокимъ саномъ, и всѣ другіе прообразы находятся въ тѣсной связи съ нимъ. Лицо это

первосвященникъ,

который и составитъ предметъ нашей сегодняшней бесѣды.

Какъ стоящій внѣ грѣшникъ, желающій приблизиться къ Богу, нуждается въ жертвѣ, котрая замѣнила бы его въ его печальномъ положеніи и грѣховномъ состояніи передъ Святымъ и Праведнымъ, такъ и вступившій въ общеніе съ Богомъ вѣрующій, въ своемъ состояніи немощи и слабости, нуждается въ первосвященникѣ, который покрылъ бы его своей совершенной личностью во всѣхъ отношеніяхъ его къ Богу и Отцу. Каждой душѣ навѣрно ясно, что этотъ первосвященникъ долженъ быть такъ безконечно превознесенъ надъ человѣкомъ, чтобы своимъ достоинствомъ и славой достигать Бога, и, съ другой стороны, опять-таки такъ безконечно снисходителенъ, чтобы человѣкъ со всѣми своими нуждами и недостатками могъ спокойно приблизиться къ нему и излить свою немощь его сострадательному сердцу. Только во Христѣ Иисусѣ мы вновь находимъ эту чудную, совершенную личность, тѣмъ не менѣе будетъ для насъ безконечнымъ благословеніемъ видѣть ее, черту за чертой, еще въ прообразѣ Аарона. Се-

годня мы остановимся только на нѣкоторыхъ общихъ чертахъ.

Повелѣніе Господа Моисею напоминаетъ намъ, прежде всего, о происхожденіи первосвященника. „Возьми къ себѣ Аарона, брата твоего, и сыновъ его съ нимъ, отъ среды сыновъ Израилевыхъ, чтобъ онъ былъ священникомъ Мнѣ“, — такъ повелѣлъ Господь служителю Своему. „Брата твоего... изъ среды сыновъ Израилевыхъ“, — какъ просто, какъ родственно звучали для Моисея и для всего народа эти опредѣляющія слова Господни, когда дѣло шло о посредникѣ ихъ передъ Богомъ, и какое великое разстояніе составляютъ они съ опредѣленіемъ: „священникомъ Мнѣ“. Это разстояніе было такое же, какъ между внѣшнимъ станомъ, гдѣ жилъ бѣдный, ничтожный, только что избавленный отъ рабства народъ, и святилищемъ внутренней скиніи, откуда говорилъ Іегова. Человѣкъ изъ среды равныхъ ему людей, изъ одного съ ними рода и состоянія, Ааронъ призывался теперь къ высокому положенію, отнынѣ стоять предъ Богомъ за собратій своихъ и быть ихъ представителемъ. Онъ сразу поднялся высоко надъ братьями своими, сдѣлавшись ихъ главою предъ Богомъ, оставаясь въ то же время все тѣмъ же человѣкомъ. Но, чтобы дать ему предъ братьями его то преимущество, которое онъ долженъ былъ имѣть, чтобы замѣщать ихъ, грѣхъ его символически снимался съ него полнымъ омытіемъ его чистою водою въ мѣдномъ умывальникѣ и облаченіемъ его въ одежды „славы и благолѣпія“, такъ что онъ, какъ безгрѣшный и, одновременно, прославленный человѣкъ, представлялъ за братьевъ своихъ предъ Богомъ.

Одинъ изъ народа, взятый изъ среды человѣковъ за людей — вотъ, что снова и снова напоминаетъ намъ, къ богатому утѣшенію нашему, слово Господне, говоря о Христѣ, нашемъ великомъ Первосвященникѣ. Все Посланіе къ Евреямъ, написанное для того, чтобы показать намъ это превознесенное достоинство Его, непрестанно напоминаетъ намъ объ этомъ. „Какъ дѣти причастны плоти и крови, то и Онъ также воспринялъ оныя“ (Евр. 2, 14), сказано намъ тамъ; говорится намъ также, что это такъ должно было быть, „дабы смертію лишить силы имѣющаго державу

смерти, то есть, діавола“. Когда же намъ напоминаетъ, что „не Ангеловъ воспріемлетъ Онъ, но воспріемлетъ сѣмя Авраамово“, то намъ тотчасъ же свидѣтельствуется, что это и есть причина, почему „Онъ и **долженъ былъ во всемъ уподобиться братіямъ**, чтобы быть милостивымъ и вѣрнымъ первосвященникомъ для умилоствленія за грѣхи народа“ (Евр. 2, 14. 17). Такимъ образомъ, иначе быть не могло. И для Него существовало божественное „Долженъ“: **во всемъ уподобиться** братіямъ. Онъ пришелъ „отъ отцовъ по плоти“ (Рим. 9, 5), Онъ былъ „отъ сѣмени Давидова“ (2 Тим. 2, 8), „отъ Дѣвы рожденнымъ Сыномъ“ (Ис. 7, 14), „отраслью отъ корня Іессеева и вѣтвью отъ корня его“ (Ис. 11, 1), Израильтянинъ отъ Израильтянъ, отъ сѣмени Авраамова—вотъ свидѣтельство Писанія. И, слава Ему, Онъ не стыдится называть и насъ „братіями“ Своими и признавать своими дѣтьми; поэтому послушайте только, съ какою радостью Онъ причисляетъ къ Себѣ Своихъ искупленныхъ, говоря: „Вотъ Я и дѣти, которыхъ далъ Мнѣ Богъ“ (Евр. 2, 11—13). И еще да будетъ слава Ему: то, что Ааронъ получилъ посредствомъ жертвы, омовенія и облаченія въ священническія одежды, именно непорочность, чистоту, красоту и славу, есть личная природа, существо и дѣйствительность нашего великаго Первосвященника, потому что **Онъ былъ безъ грѣха** (Евр. 4, 15).

О, мои братія какая это ободрительная мысль, быть въ состояніи взирать на Первосвященника, жившаго нѣкогда среди насъ, **во всемъ уподобившагося** намъ, знающаго наши немощи по личному опыту, Который теперь, возсѣвъ одесную величія Божія, остается человѣкомъ и можетъ сострадать немощамъ нашимъ. Какъ довѣрчиво, какъ смѣло и спокойно, какъ откровенно и свободно можемъ мы, во всякое время, приближаться къ Нему! Разъ что это такъ, то „да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, чтобъ получить милость и обрѣсти благодать для благовременной помощи“ (Евр. 4, 15. 16).

Но, въ то время, какъ по происхожденію своему первосвященникъ былъ подобенъ братіямъ своимъ, **стоялъ онъ, съ другой стороны. по дарованному ему отъ Бога положенію, очень высоко надъ ними.** Онъ не только былъ ихъ предста-

вителемъ предъ Богомъ, но и представителемъ Бога у народа Его. Это было особенно замѣтно на Ааронѣ, первомъ первосвященникѣ. Еще раньше, чѣмъ онъ получилъ свой первосвященническій санъ, о немъ было уже сказано: „И будетъ говорить онъ вмѣсто тебя народу. Итакъ, онъ будетъ твоими устами, а ты будешь ему вмѣсто Бога“ (Исх. 4, 16). Въ то время, какъ Моисей былъ представителемъ Божиимъ, Ааронъ былъ устами его, онъ приносилъ вѣсти Божіи братьямъ своимъ и возвѣщалъ своему народу волю Іеговы. Итакъ, онъ былъ носителемъ слова Его для тѣхъ, которые были родственниками его по плоти.

Объ Іисусѣ мы читаемъ, что задолго передъ тѣмъ, какъ Онъ сдѣлался нашимъ великимъ Первосвященникомъ, Онъ добровольно далъ слѣдующій обѣтъ: „Буду возвѣщать имя Твое братіямъ Моимъ, посреди собранія восхвалятъ Тебя“ (Пс. 21, 23). И чтобы мы не сомнѣвались, что это слово относится именно къ Нему, апостолъ Павелъ примѣняетъ его въ Посланіи къ Евреямъ прямо къ личности Христа (Евр. 2, 12). Онъ былъ Самъ „Словомъ“, и былъ Имъ въ самомъ началѣ (Іоан. 1, 1). Въ Немъ Отецъ высказалъ намъ все Свое сердце, и мы можемъ читать чрезъ Христа всѣ помышленія сердца Отца. Можемъ ли мы удивляться тому, что апостолъ ставитъ эту рѣчь Божію чрезъ Сына выше всѣхъ другихъ откровеній, которыя когда-либо существовали? Именно это дѣлаетъ онъ, когда начинаетъ свое Посланіе къ Евреямъ слѣдующими чудными словами: „Богъ, **многokrato и многообразно** говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ, Котораго поставилъ наслѣдникомъ всего“ (Евр. 1, 1. 2). Итакъ, Онъ былъ носителемъ откровенія Божія для насъ, бывъ на землѣ, и остается имъ и до сего часа; торжественнымъ залогомъ этого служатъ заключительныя слова Его первосвященнической молитвы, когда предъ отшествіемъ Своимъ Онъ сказалъ Отцу: „Я открылъ имъ имя Твое и открою“ (Іоан. 17, 26). Да будутъ наши очи всегда обращены на великаго Первосвященника нашего для откровеній Божіихъ!

Ветхозавѣтный первосвященникъ не только передавалъ народу слова Господни, но онъ же былъ и посредникомъ благословенія Іеговы для народа Его. Когда первосвящен-

никъ, вмѣсто народа, входилъ во святилище, Израильтяне стояли внѣ, устремивъ взоры свои на двери скиніи, и ожидали минуты, когда онъ снова появится, потому что они знали, что онъ вынесетъ имъ оттуда благословеніе Божіе. И лишь только онъ появлялся изъ присутствія Божія предъ народомъ, какъ, поднявъ руки свои надъ ними, онъ провозглашалъ: „Да благословитъ тебя Господь и сохранить тебя! Да призритъ на тебя Господь свѣтлымъ лицомъ Своимъ и помилуетъ тебя! Да обратитъ Господь лицо Свое на тебя и дастъ тебѣ миръ“! (Чис. 6, 24—26). И онъ долженъ былъ дѣлать это не по личному побужденію, но исполнялъ этимъ торжественное порученіе. Господь благословенія посылалъ его со Своимъ благословеніемъ къ народу Своему, ибо Онъ сказалъ: „Такъ пусть призываютъ имя Мое на сыновъ Израилевыхъ, и Я благословлю ихъ“ (ст. 27). Итакъ, не отъ руки Аароновой шло благословеніе, но Самъ Богъ Израилевъ благословлялъ чрезъ него. И какъ чудно, что мы нигдѣ не читаемъ, чтобы первосвященникъ вынесъ изъ святилища, хотя бы одинъ разъ, смертный приговоръ своему народу; онъ никогда не могъ быть вѣстникомъ его.

Какъ чудно свидѣтельствуетъ въ этомъ отношеніи Писаніе о нашемъ великомъ Первосвященникѣ Іисусѣ. „Богъ“, такъ говоритъ оно къ сынамъ Израилевымъ, „воскресивъ Сына Своего Іисуса, къ вамъ первымъ послалъ **Его благословить васъ**“ (Дѣян. 3, 26). Слава Ему! Посланіе Хрисга Богомъ имѣло единственной цѣлью благословеніе. Въ Немъ должны были „благословиться всѣ племена земныя“ (Быт. 28, 14), чрезъ Него „благословеніе Авраамово (т. е. обѣщанное Аврааму) должно было распространиться на язычниковъ“ (Гал. 3, 14). Поэтому мы можемъ теперь радостно присоединиться къ славословію апостола Павла: „Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословившій насъ во Христѣ всякимъ духовнымъ благословеніемъ въ небесахъ“ (Еф. 1, 3). Благословляя, ходилъ Онъ нѣкогда здѣсь, на землѣ, благословляя, вознесся Онъ въ истинное святилище Божіе, и скоро придетъ тотъ часъ, когда Онъ оттуда снова появится, неся благословеніе народу Своему: „Прійдите, благословенные Отца Моего,

наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра“ (Мат. 25, 34), и, подъ Его поднятыми благословляющими руками, народъ войдетъ въ радость Господина своего. Радуйся этому, народъ Господень; зриай на тотъ блаженный мигъ, когда кончится время ожиданія твоего! Восклони главу твою, не содрогаясь какъ міръ, видящій въ Немъ своего Судію со смертнымъ приговоромъ, но подобно томлящейся тоской 'по родинѣ ожидающей невѣстѣ, которая можетъ вступить съ Нимъ въ Отчій домъ!

Но возвратимся къ первосвященнику первой скиніи; онъ былъ, однимъ словомъ, исполнителемъ божественнаго завѣщанія въ Ветхомъ Завѣтѣ, во всѣхъ частяхъ его. Черезъ него Израиль получалъ всѣ обѣщанныя ему Богомъ милости, какія только могли существовать въ томъ домостроительствѣ. Онъ ходатайствовалъ о примиреніи и прощеніи народа предъ Богомъ, чрезъ него приходило оправданіе отъ грѣха, онъ приносилъ имъ миръ, покой и благословеніе, и только чрезъ него было возможно приближеніе къ Богу, онъ одинъ приносилъ Ему благоговѣйное моленіе ихъ въ видѣ восходящаго куренія. Но, при этомъ, мы должны тотчасъ же прибавить, что все это было съ ними прообразно, потому что „священники, которые по заказу приносятъ дары, служатъ **образу и тѣни** небеснаго“ (Евр. 8, 4. 5). Только въ томъ случаѣ, когда Израильтянинъ видѣлъ въ этихъ прообразахъ будущія блага, напередъ усвоивъ ихъ вѣрой, могъ онъ сдѣлаться причастнымъ ихъ благословеніямъ.

Но, напротивъ, какъ мы можемъ радоваться, что нашъ Первосвященникъ „сдѣлался поручителемъ лучшаго завѣта“ (Евр. 7, 22), потому что законъ никого не могъ сдѣлать совершеннымъ (Евр. 9, 9.—10, 1); Онъ же „можетъ всегда спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу, будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать за нихъ“ (Евр. 7, 25). Въ Немъ мы имѣемъ дѣйствительно прощеніе грѣховъ посредствомъ крови Его (Еф. 1, 7); въ Немъ обрѣли мы оправданіе и миръ, да даже Самъ „Онъ есть миръ нашъ“ (Рим. 5, 1.—Еф. 2, 17). Не существуетъ ни одной милости, ни одного обѣтованія, ни одного блага, которое не было бы намъ даровано въ Немъ и съ Нимъ. „Всѣ обѣтованія

Божіи разъ навсегда въ Немъ да, и въ Немъ аминь, въ славу Божію, чрезъ насъ" (2 Кор. 1, 20).

Изъ всего, что мы до сихъ поръ слышали о первосвященникѣ, очень ясно вытекаетъ, что и его санъ былъ выше всякаго другого. Господь возложилъ всю почеть и все достоинство одновременно какъ бы на одно это лицо. Правда, намъ извѣстно, что Моисей раздѣлялъ съ нимъ этотъ санъ, но положеніе Моисея было положеніе исключительное, окончившееся съ его смертью. Первосвященство же продолжалось, пока не отошли всѣ тѣни и не явилась дѣйствительность во Христѣ; это было не исключительное положеніе, но вѣчное право.

Это было наивысшее изъ всѣхъ земныхъ званій, потому что въ немъ отражались три отдѣльныя стороны призванія грядущаго Мессіи. Мессія не долженъ былъ быть однимъ изъ помазанниковъ Божіихъ, какъ всѣ остальные посланныя и засвидѣтельствованныя Богомъ лица. были ли они пророками, священниками или царями: но Онъ долженъ былъ быть Помазанникомъ Божіимъ, единственнымъ въ Своемъ родѣ. Котораго нельзя было бы поставить на одинъ уровень ни съ какой другой личностью, и поэтому Онъ соединялъ всѣ запечатлѣнныя Богомъ званія тѣхъ лицъ въ Себѣ. Однимъ Въ этомъ отношеніи первосвященникъ былъ истиннымъ прообразомъ Мессіи. Когда мы видимъ его въ день помазанія, облеченнымъ убранствомъ отъ Бога, то онъ, поистинѣ, единственный въ своемъ родѣ среди всего народа и во всѣ времена, даже не исключая Моисея, котораго мы никогда не встрѣчаемъ въ такомъ великолѣпнѣи и на котораго никогда не изливался елей помазанія. И, рассматривая пристально, мы открываемъ въ этомъ столь облагодатствованномъ чловѣкѣ прообразъ именно этого троякаго званія Мессіи. Его уримъ и туммимъ, или свѣтъ и право, вложенные въ украшенный драгоценными камнями наперсникъ, покоящійся на сердцѣ его, посредствомъ котораго онъ открываетъ тайны и предначертанія Божіи, дѣлаютъ его очевидно пророкомъ Божіимъ. Священническій кидаръ съ золотой дощечкой, во многихъ мѣстахъ Св. Писанія названный „діадимой святыни“, украшавшій такимъ чуднымъ образомъ голову его и первый получавшій священ-

ный елей помазанія, представляетъ его намъ, какъ царя, предъ Богомъ своимъ; и наконецъ, его остальные „славныя и благолѣпныя одежды“, равно какъ и различное служеніе, которое онъ долженъ былъ исполнять впредь отъ часа посвященія своего во святилищѣ Божіемъ, являютъ его, какъ священника Всевышняго. Въ торжественный часъ передъ всѣмъ Израилемъ и предъ лицомъ Божіимъ на всѣ эти дарованныя ему Богомъ достоинства изливался елей помазанія въ полнотѣ, какъ ни на кого другого; Псалмопѣвецъ говоритъ намъ, что онъ стекалъ „на бороду, бороду Ааронову, на края одежды его“ (Пс. 132, 2). Какъ живо указываютъ эти слабыя тѣни на Того, Который получилъ отъ Господа единственное, совершенно особенное, нежели всѣ другіе, помазаніе, или, по выраженію Господа, былъ помазанъ „елеемъ радости **болѣе** соучастниковъ Своихъ“ (Пс. 44, 8). Онъ указываютъ на того Мужа, о Которомъ Моисей, передъ кончиной, долженъ былъ выразить мысль Божію такими словами: „Я воздвигну имъ **Пророка** изъ среды братьевъ ихъ, такого какъ ты, и вложу слова Мои въ уста Его, и Онъ будетъ говорить имъ все то, что Я повелю Ему; а кто не послушаетъ словъ Моихъ, которыя Пророкъ тотъ будетъ говорить Моимъ именемъ, съ того Я взыщу“ (Втор. 18, 18. 19);—указываютъ на „**Пророка** сильнаго въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ“ (Лук. 24, 19), на „Сущаго въ нѣдрѣ Отчемъ“, намъ явившаго Отца (Іоан. 1, 18), на „не отъ Себя говорившаго“ (Іоан. 1, 18), но „какъ научилъ Его Отецъ Его“ (Іоан. 8, 28). Эти тѣни указываютъ также на Помазанника Божія, Котораго онъ называютъ „**Царемъ, помазаннымъ надъ Сіономъ, горою святою**“, противъ Котораго сначала, конечно, „возстанутъ цари земли и князья будутъ совѣщаться вмѣстѣ“ (Пс. 2, 2—6), но Которому впослѣдствіи „цари Ѳарсиса и острововъ поднесутъ дань, цари Аравіи и Савы принесутъ дары“ и Которому въ концѣ концовъ „поклонятся **всѣ цари**, и будутъ служить всѣ народы“ (Пс. 71, 10. 11). Но, прежде всего, онъ указываютъ на Того, Который не только Первосвященникъ, но Первосвященникъ навѣкъ по чину Мельхиседека, названнаго въ Посл. къ Евр. „Первосвященникомъ **великимъ**“, говоритъ о Которомъ апо-

столъ считалъ за главное (Евр. 8, 1), говорить о Которомъ все еще останется главнымъ до того великаго дня, когда почти двухтысячелѣтнее первосвященническое служеніе, стоявшее на первомъ планѣ, уступить первое мѣсто величію царственнаго Его достоинства.

Братія мои, не удивительно ли, поистинѣ, какъ здѣсь, въ прообразѣ, особенно выдвигается именно это первосвященническое достоинство? Первосвященство имѣетъ, такъ сказать, свое средоточіе въ избраніи Аарона, почему Іегова и повторяетъ разъ за разомъ: „Чтобы онъ былъ **священникомъ Мнѣ**“ (Исх. 28, 1. 3. 4). Затѣмъ, посмотрите только впередъ: съ самой первой минуты избранія Аарона, не стоялъ ли первосвященническій санъ въ теченіе всѣхъ вѣковъ во главѣ всѣхъ другихъ сановъ? Моисея смѣнилъ Іисусъ Навинъ, мужъ духа Моисеева; но ему уже предписывается руководиться указаніями и совѣтами Елеазара, первосвященника (см. Чис. 27, 19—21); онъ подчиненъ ему. За Іисусомъ Навиномъ идутъ судьи, многіе изъ нихъ выдающіеся мужи, но первосвященникъ стоитъ надъ ними. и только въ послѣдствіи появляющееся царское достоинство становится рядомъ съ первосвященническимъ.

Точно такъ же и въ Іисусѣ. Не принимая въ расчетъ времени, въ которое Онъ Духомъ Святымъ говорилъ чрезъ пророковъ и затѣмъ чрезъ всѣхъ Своихъ вѣстниковъ, мы найдемъ, что пророческое Его призваніе здѣсь, на землѣ, было очень кратковременно; Его царское достоинство почти совсѣмъ не выступаетъ, оно подъ покрываломъ, которое не снято еще до сего дня, ожидая славной будущности; но Его первосвященство началось здѣсь на землѣ, въ Геосиманіи, и продолжается еще до сихъ поръ.

И далѣе. Не такъ ли и съ нашимъ духовнымъ опытомъ? Не стоитъ ли великій Первосвященникъ въ началѣ его? Куда же направляются наши взоры прежде всего, когда мы, какъ жалкіе грѣшники, хотимъ приблизиться къ Богу? Конечно къ Нему, Который въ одномъ лицѣ—жертвенникъ, жертва и первосвященникъ. И куда мы смотримъ послѣ того, какъ чрезъ жертву Его получили искупленіе и вошли во святилище, чтобы остальные дни нашей жизни предстоять предъ Богомъ? Не опять ли на великаго Пер-

восвященника, Который „всегда живъ, чтобы ходатайствовать за насъ“? Конечно на Него, Который, хотя и „возсѣлъ уже одесную престола величія на небесахъ“ (Евр. 8, 1), хотя теперь „Ему и дана всякая власть на небѣ и на землѣ“ (Матѣ. 28, 18), все еще **ожидаетъ** „доколѣ враги Его будутъ положены въ подножіе ногъ Его“ (Евр. 10, 13), потому что Онъ поставилъ **это** первосвященническое достоинство впереди всего остального и поставилъ его на первый планъ, совершая служеніе со властью царскаго величія.

Какъ наивысшее служеніе, первосвященство должно было быть **единственнымъ въ своемъ родѣ во всѣхъ направленіяхъ**. И это такъ и было. Оно было **единственное по числу**. Хотя и существовало много священниковъ при одномъ первосвященникѣ, но никогда два священника не возводились одновременно въ чудное первосвященническое званіе. Правда, мы читаемъ, что во время земной жизни Господа нашего было нѣсколько первосвященниковъ, но пути и постановленія Господни были въ то время уже давно оставлены. Только потому, что смерть не оставляла ихъ въ живыхъ, другой первосвященникъ долженъ былъ занимать мѣсто своего предшественника, чтобы представлять въ прообразѣ вѣчность первосвященства; но, если бы нашелся хоть одинъ, могущій устоять передъ смертью, то онъ безспорно навсегда сохранилъ бы это свое званіе.

Слава Богу вовѣки—подобный первосвященникъ нашелся и явилъ Себя: конечно, Онъ долженъ былъ придти по иному чину, и, какъ говоритъ о Немъ Св. Писаніе, Онъ „Первосвященникъ навѣкъ по чину Мельхиседека“ и въ совершеннѣйшемъ смыслѣ слова, „безъ отца, безъ матери, безъ родословія, не имѣющій ни начала дней, ни конца жизни“ и потому, какъ „пребывающій вѣчно, имѣетъ Онъ и священство **непреходящее**“ (Евр. 7, 3. 24). Онъ „**единый** посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Іисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ“ (1 Тим. 2. 5. 6). По чину, по которому Онъ сдѣлался Первосвященникомъ и по божественной клятвѣ, сопровождавшей Его вступленіе въ это званіе, нѣтъ у Него ни предшественниковъ, ни преемниковъ, потому что Онъ „всегда живъ“,

и поставленъ „совершеннымъ навѣки“ (Евр. 7, 25. 28). Какое блаженство, что въ этомъ отношеніи вѣки невозможна никакая перемѣна; Онъ—единый Первосвященникъ и останется имъ до скончанія вѣковъ.

Первосвященническое званіе было **единственнымъ и по своему высокому положенію**. Все, съ начала до конца, было здѣсь Божіе. Отъ Іеговы исходило призваніе, Онъ установилъ посвященіе, дѣятельность, и Онъ утвердилъ это, наконецъ, чуднымъ образомъ. Моисей могъ избрать 70 мужей въ помощники себѣ; онъ могъ назначать главъ колѣнъ, князей народа и поставлять тысяченачальниковъ и сотниковъ, но призваніе Аарона должно было придти прямо отъ Бога; оттого это преимущественно и упоминается въ Новомъ завѣтѣ, когда сказано: „онъ не самъ собою принялъ эту честь“, но былъ призванъ Богомъ (Евр. 5, 4). И всякое дѣйствіе, всякій шагъ во святилищѣ былъ опредѣленъ и назначенъ Іеговой, отъ Него было и торжественное запечатлѣніе этого превознесеннаго званія. Мы уже имѣли случай, при разсмотрѣніи ковчега завѣта, указать на миндальный жезлъ Аароновъ, расцвѣтшій и принесшій плодъ, и хотѣли бы сегодня только напомнить, какъ онъ сразу остановилъ ропотъ народа и убѣдилъ Израиля въ вѣрности избранія Аарона. Къ этому присоединился еще торжественный отвѣтъ Господа на первую жертву, принесенную этимъ служителемъ Его, о чемъ намъ сообщается такъ: „И явилась слава Господня всему народу. И вышелъ огонь отъ Господа и сжегъ на жертвенникѣ всесоженія и тукъ; и видѣлъ весь народъ, и воскликнулъ отъ радости, и палъ на лицо свое“ (Лев. 9, 23. 24). Съ какимъ дѣтскимъ довѣріемъ могъ теперь каждый Израильтянинъ смотрѣть на человека, который былъ мужемъ избранія Божія и во всѣхъ отношеніяхъ носилъ на себѣ печать Его благоволенія; онъ могъ себѣ сказать: „Всѣ мои дѣла предъ Богомъ находятся въ самыхъ лучшихъ рукахъ“.

Итакъ, насколько дѣйствительность стоитъ выше тѣни, насколько Христосъ превознесенъ надъ Аарономъ, настолько довѣрчивѣе можемъ мы возложить на Него упованіе наше. Мы знаемъ, какъ Онъ отъ вѣка и до вѣка засвидѣтельствованъ Отцомъ. Засвидѣтельствованъ въ из-

браніи Своемъ, потому что „и Христосъ не Самъ Себѣ присвоилъ славу быть Первосвященникомъ, но Тотъ, Кто сказалъ Ему: „Ты Сынъ Мой, Я нынѣ родилъ Тебя“ (Евр. 5, 5); засвидѣтельствованъ въ дѣйствіяхъ Своихъ, потому что „на Немъ положилъ печать Свою Отецъ Богъ“ (Іоан. 6, 27); засвидѣтельствованъ чудесами и знаменіями во всей Его земной жизни; засвидѣтельствованъ въ исходѣ Своемъ, потому что Богъ, „Богъ мира воздвигъ изъ мертвыхъ Пастыря овецъ великаго“ (Евр. 13, 20), и засвидѣтельствованъ всему народу Своему, потому что, „бывъ вознесенъ десницею Божіею и принявъ отъ Отца обѣтованіе Святаго Духа“ (Дѣян. 2, 33), излилъ Его на народъ Свой. Каждое принадлежащее Ему сердце знаетъ теперь своего великаго, сострадательнаго Первосвященника и покоится навѣки съ дѣтскимъ довѣріемъ на Его совершенномъ дѣлѣ въ своемъ совершенномъ Ходатаѣ. Покоитесь ли и вы на Немъ, дорогіе слушатели? О, смотрите, чтобы Онъ былъ единымъ основаніемъ вашего спасенія, потому что „нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись“ (Дѣян. 4, 12). Если Онъ дѣйствительно, вѣрное основаніе надежды вашей, скала спасенія вашего, то вы блаженны! Вы можете теперь спокойно и безъ страха приближаться къ Нему, потому что Онъ намъ близокъ, Онъ намъ родственъ и преданъ; для Него нѣтъ ничего невозможнаго, какимъ бы великимъ, труднымъ и невозможнымъ оно ни казалось, потому что Ему дана всякая власть на небѣ и на землѣ, на Него вы всегда можете опереться, Онъ никогда не смѣнитъ, никто другой не займетъ Его мѣста: Онъ остается вѣки Тѣмъ же.

И мы преклоняемъ въ благоговѣніи и поклоненіи предъ Нимъ сердца и колѣна наши! Аминь.

---

23. Священники.

Исх. 28, 1. „И возьми къ себѣ Аарона, брата твоего, и сыновъ его съ нимъ, отъ среды сыновъ Израилевыхъ, чтобъ онъ былъ священникомъ Мнѣ, Аарона и Надава. Авіуда, Елеазара и Иеамара, сыновъ Аароновыхъ“.

Въ нашей прошлой бесѣдѣ мы видѣли только нѣкоторыя общія, главныя черты въ личности первосвященника. Мы вникнемъ болѣе въ подробности, когда будемъ разсматривать въ его облаченіи дарованное ему Богомъ снаряженіе для святаго званія. Но пробѣлъ былъ бы очень чувствительный, еслибы мы тотчасъ же перешли къ ихъ разсмотрѣнію, не упомянувъ сначала о тѣхъ лицахъ, о которыхъ Богъ, въ Своемъ повелѣніи помазать Аарона, упоминаетъ такъ же, какъ и о самомъ Ааронѣ. Правда, онъ былъ и оставался всегда главнымъ лицомъ: правда, все шло по его распоряженію, и отъ него же какъ бы изливалась во всѣ стороны жизнь, проявлявшаяся во всей skinii собранія; но какъ пусто было бы въ тѣхъ священныхъ покояхъ, еслибъ все служеніе должно было производиться одною лишь личностью его и еслибъ только однѣ его руки дѣйствовали и совершали все, какъ во дворѣ и святилищѣ, такъ и во Святомъ-святыхъ. Таково и не было намѣреніе Божіе; нѣтъ, Богъ именно хотѣлъ, чтобъ рядомъ съ нимъ, подъ руководствомъ его и въ то время, когда онъ служилъ во святилищѣ и Святомъ-святыхъ, въ томъ же святилищѣ, или во дворѣ его, или же въ станѣ, а въ случаѣ нужды и внѣ стана, предъ Нимъ совершали служеніе еще иныя святаыя руки. Для этого Онъ по милости Своей избралъ

СВЯЩЕННИКОВЪ.

Имъ мы и посвятимъ нашу сегодняшнюю бесѣду.

Обратимъ наше вниманіе прежде всего, какъ мы дѣлали и при разсмотрѣніи первосвященника, на **ихъ происхожденіе**. Они были, какъ написано въ нашемъ текстѣ, „изъ среды сыновъ Израилевыхъ“ и. такимъ образомъ, изъ одного и того же народа съ первосвященникомъ, изъ одного и того же колѣна и могли въ этомъ отношеніи называться съ полнымъ правомъ его братьями; въ томъ же самомъ стихѣ они также, два раза подрядъ, названы „сынами его“, каковыми они и были въ дѣйствительности. Это было еще болѣе тѣсное родство, они были рождены имъ, были отъ плоти его и отъ костей его. Для каждого священника, который долженъ былъ предстоять предъ лицомъ Божиимъ и служить во святилищѣ, мысль, что онъ связанъ съ первосвященникомъ такими тѣсными узами, тѣснѣе которыхъ уже нѣтъ, что онъ служилъ тамъ не подъ глазами чужестранца, чужого или незнакомца, но въ тѣсномъ общеніи и подъ отвѣтственностью друга и родственника, стоявшаго къ нему ближе, чѣмъ кто-либо другой на землѣ,—должна была быть утѣшительной и драгоцѣнной. Каждый Израилѣтянинъ могъ, съ нѣкоторымъ страхомъ, думать о служеніи священника во внутреннемъ святилищѣ, гдѣ обитаетъ Богъ, Богъ Ревнитель; самъ же священникъ могъ со спокойнымъ сердцемъ и великой радостью направлять шаги свои къ тому мѣсту, гдѣ онъ зналъ, что братъ его, самъ отецъ его стоитъ на служеніи.

Два имени, дорогіе братія, прекраснѣе и пріятнѣе которыхъ для чада Божія не можетъ быть, вложены въ уста великаго Первосвященника въ посланіи, особенно выдвигающемъ Его первосвященническое званіе. Это имена „брата“ и „отца“, которыя Онъ примѣняетъ къ Себѣ Самому въ отношеніи къ искупленнымъ Своимъ. Прочтите съ особеннымъ вниманіемъ слѣдующія слова: „Надлежало, чтобы Тотъ, для Котораго все, и отъ Котораго все, **Приводящаго многихъ сыновъ въ славу**, вождя спасенія ихъ, совершилъ чрезъ страданія. Ибо и Освящающій и освящаемые, всѣ отъ Единаго; поэтому Онъ не стыдится называть ихъ **братіями**, говоря: „Возвѣщу имя Твое **братіямъ Моимъ**, посреди церкви воспою Тебя“... И еще: „Вотъ **Я и дѣти, которыхъ далъ Мнѣ Богъ**“ (Евр. 2, 10—13). Мы уже видѣли

въ предыдущей бесѣдѣ, какъ Онъ въ прообразѣ первосвященника родственъ Своимъ по Своей человѣческой природѣ; здѣсь же указывается на родство Его божественной природы, потому что,—замѣтьте особенно причину, почему Онъ называетъ ихъ дѣтьми и братіями,—„всѣ отъ Единого“ (т. е. отъ Бога), какъ „Освещающій“ (и это Онъ), такъ и „освещаемые“ (это искупленные Его). Какъ Онъ исходитъ отъ Отца, такъ исходятъ отъ Отца и они, потому что и они рождены отъ Отца; но жизнь, сообщенная имъ, есть жизнь великаго Первосвященника. Такъ является Онъ одновременно и Братомъ и Отцомъ ихъ. Неправда ли, дорогія дѣти Божіи, какое счастье сознавать, что мы священники Божіи, и что мы смѣемъ ими быть, потому что, искупивъ насъ, Онъ искупилъ насъ для этого. Въ этомъ драгоценномъ сознаніи лежитъ еще то другое чудное сознаніе, что мы священники въ **сообществѣ съ нашимъ великимъ Первосвященникомъ**, родственнымъ и тѣсно связаннымъ съ нами, что даетъ намъ неизреченную радость для вступленія и непрестаннаго пребыванія предъ лицомъ Бога и Отца нашего. Кровь Его, говоритъ намъ апостолъ Павелъ, доставила намъ дерзновеніе для входа во святилище; первосвященство же Его надъ всѣмъ домомъ Божіимъ даетъ намъ возможность приступать „съ искреннимъ сердцемъ, съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца отъ порочной совѣсти“ (Евр. 10, 19—22).

Посмотримъ, далѣе, на **избраніе ветхозавѣтныхъ священниковъ**. „И возьми къ себѣ Аарона и сыновъ его съ нимъ, отъ среды сыновъ Израилевыхъ, чтобъ онъ былъ священникомъ Мнѣ“, таково было повелѣніе Божіе. Изъ этого повелѣнія прежде всего видно, что, какъ ни высоко стоялъ первосвященникъ Ааронъ надъ своими сослужителями, тѣмъ не менѣе избраніе послѣднихъ совпадало съ избраніемъ его. Не раньше и не позже были они назначены на свое славное служеніе и высокое положеніе, какъ въ тотъ моментъ, когда былъ назначенъ и глава ихъ семьи. Затѣмъ, въ глаза бросается другое, достойное вниманія обстоятельство, и это было то, что они собственно въ **нзмѣ** избирались въ священники. „Чтобъ онъ былъ священникомъ Мнѣ“, повторяется многократно, какъ бы Богъ видѣлъ и

хотѣлъ видѣть только одного первосвященника Аарона, и въ немъ, одномъ упомянутомъ, какъ бы само по себѣ, подразумѣвалъ сыновей его.

Какія чудныя, драгоцѣнныя мысли должны возбуждать въ насъ эти истины, если мы обратимся отъ этой прообразной тѣни ко Христу, истинному Первосвященнику. Если мы можемъ себѣ представить въ теченіе прошедшей вѣчности минуту, въ которую Отецъ назначилъ и избралъ Единороднаго въ первосвященники народа Своего, то мы можемъ также знать, когда было наше избраніе быть священниками Его, такъ какъ наше избраніе совпадало съ избраніемъ Его. Апостолъ въ краткихъ словахъ говоритъ намъ, что это случилось **„прежде созданія міра“** (Еф. 1, 4); онъ также говоритъ намъ, что наше избраніе заключалось въ избраніи Его, свидѣтельствуя, что Богъ избралъ насъ **въ Немъ**, т. е. во Христѣ. Богъ видѣлъ только Христа и видитъ только Его, и въ Немъ, превознесенной Главѣ, всѣхъ членовъ Его. Все, намъ дарованное отъ вѣка, и все, что будетъ еще принадлежать намъ въ вѣчности, получаемъ мы чрезъ Него. И, потому что Богъ призвалъ насъ, говоритъ намъ въ другомъ мѣстѣ апостолъ Павелъ, **„званіемъ святымъ не по дѣламъ нашимъ“**, они не были основаніемъ или побудительной причиной для этого, эта причина находилась въ чемъ то иномъ и относилась ко времени, когда не могло быть и рѣчи о какихъ-либо дѣлахъ нашихъ; причина эта была именно **„Его изволеніе и благодать, данная намъ во Христѣ Іисусѣ прежде вѣковыхъ временъ“** (2 Тим. 1, 9). Чудная спасительная тайна божественной любви, не знающей начала для искупленныхъ Его, какъ и не знающей начала для Единороднаго, имѣющей одно основаніе и одну причину, которыя никогда не могутъ поколебаться, потому что онѣ находятся не въ нихъ, но въ возлюбленномъ Сынѣ Божіемъ! Взирай всегда на эту тайну, чадо Божіе, когда ты совершаешь твое священническое служеніе; помни: не ты призвалъ и избралъ себя и ты стоишь передъ Святымъ Богомъ не въ своемъ собственномъ достоинствѣ, не въ томъ, что ты есть или что имѣешь, но ты **избранъ во Христѣ** и стоишь тоже сокрытый **въ Немъ** передъ Іеговой. А потому „горы сдвинутся и холмы поколеблются, а милость

Его не отступить отъ тебя, и завѣтъ мира Его не поколеблется, говоритъ милующій тебя Господь“ (Ис. 54, 10).

Взглянувъ на избраніе священниковъ, **остановимся** немного и на ихъ **достоинствѣ**. Что касается ихъ достоинства, то очевидно, что они, какъ священники, были высоко подняты надъ народомъ, почему и были отдѣлены отъ него. Со дня призванія ихъ, мѣсто ихъ не было уже болѣе тамъ съ другими въ станѣ, но при дворѣ „великаго Царя“, во святилищѣ Божіемъ и въ близости Его. Преданный Господу царь Давидъ благословляетъ ихъ высокое положеніе, возглашая: „Одинъ день во дворахъ Твоихъ лучше тысячи. Желая лучше быть у порога въ домѣ Божіемъ, нежели жить въ шатрахъ нечестія“ (Пс. 83, 11). Но священники могли пребывать не только во дворѣ или быть привратниками дома Божія; нѣтъ, Господь предназначилъ имъ высшее мѣсто, а именно среди святилища. Псалмопѣвецъ какъ бы завидуетъ имъ въ этомъ преимуществѣ, когда, указывая на нихъ, восклицаетъ изъ глубины сердца: „Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ; они непрестанно будутъ восхвалять Тебя“ (Ст. 5). Итакъ, изъ происхожденія и избранія священниковъ мы знаемъ уже, что они пребывали здѣсь чрезъ первосвященника и ради него и, такимъ образомъ, все достоинство ихъ заключалось въ ихъ великой главѣ, ихъ братѣ и отцѣ. Въ дѣйствительности вся слава, облакавшая его, принадлежала также и имъ и переходила, хотя только отчасти, и на нихъ. Если онъ былъ главой ихъ, то они были членами его, безъ которыхъ онъ не могъ бы быть главою; если онъ былъ для нихъ все во всемъ, то и они, въ свою очередь, дополняли его въ дѣлѣ и служеніи его. Поэтому, священникамъ была приобщена часть чудныхъ качествъ первосвященника, потому что, какъ одежды Аарона, указывавшія на его достоинства, такъ и одежды ихъ частью должны были имѣть сходство съ тѣми одеждами „славы и благолѣпія“. Такимъ образомъ, они носили на себѣ видимые знаки своего положенія.

Безконечно важно для каждого чада Божія вѣрно понять и затѣмъ радостно и спокойно занять свое высокое положеніе, которое оно имѣетъ во Христѣ предъ Богомъ. Опасность, сдѣлаться чрезъ это высокомернымъ, здѣсь со-

вершенно исключена; напротивъ, ничто не можетъ такъ уничтожить и смирить насъ, какъ **дѣйствительное вкушеніе** избытка благодати Божіей. Надменно присвоенная благодать и воображаемое высокое положеніе, правда, могутъ сдѣлать насъ высокомѣрными, но никогда не сдѣлаетъ этого дѣйствительное обладаніе ими, потому что дѣйствительное обладаніе всегда связано съ глубокимъ и непреодолимымъ сознаніемъ: „Все, что я имѣю и что я есмь, все это имѣю я только единственно **въ Тебѣ**, моя великая, превознесенная Глава“. Къ сожалѣнію, существуетъ значительное число дѣтей Божіихъ, не осмѣливающихся занять свое священническое положеніе предъ Богомъ; они почти всегда стоятъ передъ Нимъ въ положеніи жалкихъ грѣшниковъ или, какъ тѣ изъ Израильтянъ тамъ во станѣ, внѣ скиніи, которые восклицають, говоря: „Пусть не говоритъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть“ (Исх. 20, 19), вмѣсто того, чтобы радостно идти впередъ, они со страхомъ отступаютъ назадъ. И все-таки, Господь, когда возлюбилъ и омылъ ихъ Своею кровію, содѣлалъ ихъ „царями и священниками **Богу и Отцу Своему**“ (Откр. 1, 6), Онъ вполнѣ опредѣленно и рѣшительно объявляетъ имъ: „**Вы**—(не должны сдѣлаться таковыми, а теперь уже) „родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди, взятые въ удѣлъ“ (1 Пет. 2, 9); если Онъ, великій Первосвященникъ, избранъ, то и вы, если Онъ—Царь и Священникъ, то и вы съ Нимъ; если Богъ называетъ Его „Сынъ **Мой** возлюбленный“, то и вы сдѣлались чрезъ Него Его собственностью. О, если бы вы только вѣрно поняли и использовали это! Поистинѣ, вамъ бы открылись еще болѣе глубокія тайны и болѣе тѣсныя узы, если бы вы узнали, что вы названы членами тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его (Еф. 5, 30) и даже „полнотой Наполняющаго все во всемъ“ (Еф. 1, 23). Братія мои, будемъ остерегаться, чтобы намъ не отречься, какъ склоняетъ насъ къ этому наше жалкое чувство, отъ положенія, которое Христосъ пріобрѣлъ для насъ кровію Своею, но **осуществлять его** вѣрою, присваивать себѣ и стоять въ немъ, служа Ему, потому что только тогда мы будемъ съ дерзновеніемъ приближаться къ Нему.

Намъ должно быть ясно, что вмѣстѣ съ высокимъ достоинствомъ, **связывались и священническія права**. Какъ много славныхъ преимуществъ имѣли они предъ всѣми братьями своими изъ народа! Какъ служители Божіи, они никогда не могли спуститься до положенія служителей и рабовъ человѣческихъ, они также не должны были платить никакихъ повинностей и податей, кромѣ добровольныхъ даровъ Господу. Съ священническимъ званіемъ наступалъ для нихъ и вѣчный юбилейный годъ. Далѣе, тогда какъ ихъ братья изъ народа проводили дни свои во дворѣ скиніи, предъ ними, разъ навсегда, была открыта дверь во святилище Божіе, гдѣ они могли поклоняться у золотого жертвенника, питаться хлѣбами предложенія, ходить въ священномъ свѣтѣ золотого свѣтильника и созерцать величіе славы Іеговы въ покрывалѣ съ херувимами и завѣсѣ. Что бы ни предложилъ Израильтянинъ за все это, оно было недоступно ему, тогда какъ высоко облагодатствованный священникъ, въ силу дарованнаго ему права, имѣлъ все это даромъ и безвозмездно.

И вотъ, мы хотѣли бы спросить: какое царственное право подобно тому, которое новозавѣтный священникъ раздѣляетъ со своей превознесенной Главой? Онъ живетъ въ „лѣто Господне благопріятное“ (Лук. 4, 19), въ которое всѣ плѣнные освобождаются и всѣ измученные отпускаются на свободу (Лук. 4, 18. 21), потому что это обѣтованіе исполнилось предъ его глазами. Онъ самъ освобожденъ Сыномъ и потому истинно свободенъ и вѣчно пребываетъ съ Сыномъ въ домѣ (Іоан. 8, 35. 36). Онъ стоитъ теперь въ свободѣ, дарованной ему Христомъ, не подвергаясь опять игу рабства (Гал. 5, 1). Онъ зналъ, послѣ того какъ онъ купленъ дорогою цѣною, что его неоспоримое право уже не дѣлаться „рабомъ челоѣковъ“ (1 Кор. 7, 23). И какъ въ высшей степени драгоцѣнно его общеніе со своимъ великимъ Первосвященникомъ, въ сообществѣ съ Которымъ, гдѣ бы онъ ни находился, онъ всегда пребываетъ во святилищѣ и ходитъ во свѣтѣ Его; потому, хотя и среди міра, и окруженный опасностями, онъ живетъ, какъ введенный изъ царства тьмы въ царство возлюбленнаго Сына (Кол. 1, 13). Онъ Самъ вечеряетъ съ нимъ. Онъ—

хлѣбъ жизни его, который остается ежедневной и непрестанной пищей и наслажденіемъ его; чрезъ Него онъ имѣетъ свободный доступъ ко всякой благодати „и хвалится надеждою славы Божіей“ (Рим. 5, 2); да, онъ вступаетъ теперь уже въ присутствіе Бога и Отца своего, чтобы съ очищеннымъ сердцемъ и съ дѣтской вѣрой взи- рать на Него и, наконецъ, когда наступитъ день его, онъ войдетъ во внутреннѣйшее, за завѣсу, куда предтечею за него вошелъ Іисусъ, Первосвященникъ навѣкъ по чину Мельхиседека (Евр. 6, 19. 20).

О, мои возлюбленные братья, это все факты, уготованные для каждаго изъ народа Божія. Скажите, согласны ли они съ вашимъ ежедневнымъ опытомъ? Пользуетесь ли вы въ достаточной мѣрѣ вашими столь **щедро** дарованными вамъ правами? Неправда ли, какими богатыми, радостными, сильными и блаженными были бы вы непрестанно, если бы дѣлали это? Тогда, поистинѣ, какъ говоритъ апостоль, не было бы „недостатка ни въ какомъ дарованіи“, и оставалось бы только **одно** — ожидать явленія Господа нашего Іисуса Христа, дабы узрѣть Его лицомъ къ лицу (1 Кор. 1, 7). Да, только когда мы вѣрою вступаемъ въ эти блаженные права, мы можемъ ходить и служить, какъ священники, потому что тогда всѣ священническіе дары благодати практически усвоены нами. И почему не сдѣлать этого сегодня, почему не именно **теперь**? Потому что, **если** мы дѣти, **то и наслѣдники**; итакъ, значить, уже сегодня, уже теперь, — наслѣдники, именно наслѣдники Божіи, сонаслѣдники же Христу (Рим. 8, 17); завѣщаніе нашего Завѣщателя уже вступило въ силу, потому что Его смерть уже послѣдовала и съ Его стороны больше ничего выполнить не осталось. Теперь дѣло въ насъ, чтобы мы не откладывали это наслѣдство, какъ мы часто дѣлали, по ту сторону гроба, въ вѣчность, — тамъ, безъ сомнѣнія, будутъ неизреченные, славные дары для насъ, — мы должны теперь же осуществлять милости, пріобрѣтенныя и дарованныя намъ для этой жизни. Да покажетъ намъ во свѣтъ Своемъ Духъ Святой, единый, дивный Толкователь этого божественнаго завѣщанія, все, что уже теперь принадлежитъ намъ, и да научитъ Онъ насъ присвоить это себѣ!

Упомянемъ еще о служеніи священниковъ. Какъ они имѣли свое достоинство и свои права, такъ каждый изъ нихъ имѣлъ и свое особенное служеніе, какъ оно назначалось имъ въ свое время и назначалось первосвященникомъ, съ которымъ они и въ служеніи были въ общеніи. Потому мы находимъ ихъ съ нимъ или, по его распоряженію, какъ у мѣднаго, такъ и у золотого жертвенника, мы видимъ ихъ приносящими Господу кровавыя жертвы и также воскуряющими еиміамъ во святилищѣ; они то зажигаютъ священный огонь, то поддерживаютъ уже зажженный; имъ приходится имѣть дѣло какъ съ чистыми, такъ и съ прокаженными Израильтянами; во святилищѣ, во дворѣ, въ станѣ и даже внѣ стана—всюду мы находимъ ихъ дѣятельными по указанію первосвященника, во исполненіе воли Господней.

Не то ли именно, что мы имѣемъ святое служеніе, часто, очень часто упускается нами изъ виду? Сколько разъ стремились мы къ наслажденію, какъ часто настаивали на нашихъ правахъ, не думая, что они настолько даются намъ, насколько мы употребляемъ ихъ въ служеніи Его. Правда, мы знаемъ, что всѣ обѣтованія Божіи, служащія для насъ залогомъ милостей Его, „въ Немъ да и въ Немъ аминь“, но всегда ли мы думали, что они „во славу Божію, чрезъ насъ“ (2 Кор. 1, 20)? Если наша цѣль—прославленіе Бога, если мы желаемъ ихъ исполненія, чтобы быть въ состояніи вѣрнѣе и лучше служить Ему, то они будутъ для насъ всегда наличными деньгами.

Еслибъ мы хотѣли всецѣло покориться Ему и смотрѣли бы на служеніе наше, какъ на совершаемое для Него, то какимъ обширнымъ и разнообразнымъ сдѣлалъ бы Онъ его вскорѣ! Мы „вышли бы къ Нему за станъ, нося Его поруганіе“ (Евр. 13, 13). мы стояли бы среди стана „между мертвыми и живыми“, чтобы прекратилась язва (Числ. 16, 47, 48), „ходящая во мракъ и опустошающая въ полдень“ (Пс. 90, 6). Мы поступали бы подобно Ему, великому Первосвященнику, и, какъ Онъ во дни плоти Своей съ сильнымъ воплемъ и со слезами приносилъ молитвы и моленія Богу о спасеніи нашемъ, такъ и мы приносили бы таковыя Богу и Отцу нашему за погибшій міръ, чтобы онъ былъ спасенъ. Благословенные въ Немъ, мы горѣли и пылали

бы желаніемъ, чтобы и міръ получилъ благословеніе. И какъ бы мы отреклись отъ самихъ себя, видя предъ собой чудный примѣръ Его, который Онъ намъ оставилъ, дабы мы шли по стопамъ Его. Глядя на Его отдачу Самого Себя въ жертву, благоуханіе пріятное Господу, не отдали бы и мы тѣла наши въ жертву живую, святую и благоугодную Богу? Какъ бы скоро мы поняли, что только это можетъ быть единственнымъ разумнымъ служеніемъ Богу, которому, хотя существовало бы начало, но, какъ и должно быть, никогда конца не будетъ. О, если бы всѣ дѣти Божіи совершили эту полную отдачу Господу! О, если бы каждая наша мысль истекала изъ священническаго сердца, каждое наше слово исходило изъ священническихъ устъ, каждое дѣло наше совершалось посвященными руками и наше внутреннее и внѣшнее направленіе жизни свидѣтельствовало объ образѣ мысли нашего великаго Первосвященника: чтобы Онъ, какъ Глава, несущая на Себѣ отвѣтственность за членовъ Своихъ передъ Богомъ, не долженъ былъ бы, при взглядѣ на наше хожденіе, сказать: „Я не нахожу, чтобы дѣла твои были совершенны предъ Богомъ Моимъ“ (Откр. 3, 2).

Еще одно: намъ не хотѣлось бы разстаться со священниками, не бросивъ взгляда на ихъ взаимное отношеніе другъ къ другу. Оно, казалось бы, должно было быть самое лучшее. Не были ли они всѣ дѣти одного отца и, такимъ образомъ, одинаковаго происхожденія? Не одинаково ли было ихъ призваніе и, именно, къ одинаковому достоинству, одинаковымъ правамъ, одинаковому служенію и одинаковой славѣ? И все это давалось имъ единственно изъ милости, даромъ. И не служили ли они одному превознесенному Господу подъ руководствомъ одной, общей главы, первосвященника? Воистину, здѣсь не было ничего, чѣмъ бы можно было другъ друга упрекать, чему завидовать и чѣмъ бы превозноситься другъ предъ другомъ; между ними могло существовать только братское отношеніе, отношеніе полного единства.

Но оставимъ эту картину и перейдемъ къ иной; идите и посмотрите на великаго Первосвященника, смотрите, какъ Онъ стоитъ тамъ, на порогѣ святилища и Святого-

святыхъ, готовый войти за завѣсу, и какъ Онъ еще разъ обращаетъ Свой взоръ на остающееся великое множество священниковъ. Онъ молится и проситъ за нихъ, и что же побуждаетъ Его къ тому, чего жаждетъ Его горячо любящее сердце? Подойдите и послушайте: „**Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ**, такъ и они да **будутъ въ Насъ** едино; да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня“ (Іоан. 17, 21). „**Едино въ Насъ**“—съ этимъ желаніемъ вышелъ Онъ изъ этого міра. И что же? Услышаны ли эти сердечныя воздыханія нашего несравненнаго Ходатая одновременно и съ той и съ другой стороны завѣсы? Ахъ, почти кажется, что они нашли мало отголоска со стороны тѣхъ, за кого они вырывались изъ Его сердца. А между тѣмъ, развѣ они менѣе облагодатствованы, нежели тѣ священники Ветхаго Завѣта? Не дано ли имъ все, что навѣки объединяетъ ихъ? Послушайте только, съ какой увѣренностью говоритъ Онъ Отцу: „Славу, которую Ты далъ Мнѣ, **Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино**“ (Іоан. 17, 22). Итакъ, въ славѣ этой у нихъ нѣтъ недостатка, она имъ дана, и дана уже тогда. Какъ безумно поэтому начинаніе, если они хотятъ теперь создать эту славу единства; не значитъ ли это отрицать Его увѣреніе предъ Отцомъ? Поэтому придите, дорогіе братія, придите и научитесь сознать и эту дарованную славу; признавайте ее за братьями вашими, потому что, давая ее, Христосъ далъ ее всѣмъ: и, прежде всего, ищите ее лишь тамъ, гдѣ ее видѣлъ и желалъ видѣть Онъ Самъ, именно въ чудномъ и славномъ „**въ Насъ**“. И если бы тысячи стоящихъ рядомъ съ вами оспаривали у васъ эту славу, она будетъ сопровождать васъ, она осчастливитъ васъ, потому что, какъ истина Божія, она будетъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе сказываться сердцу вашему, и вы будете болѣе чѣмъ когда-либо возносить священническія моленія за тѣхъ, которые отдѣляются отъ единства во Христѣ:

„Во-едино, Пастырь дивный,
„Собери Своихъ овецъ.
„Дабы былъ въ нихъ Духъ единый,
„Какъ желалъ того Отецъ!

„Чудной истиной святою—
„Эта истина Ты Самъ—
„Тѣсно ихъ свяжи съ Собою,
„Давъ отраду ихъ сердцамъ.
„Дабы намъ, въ Тебѣ сокрытымъ,
„Духъ единый Твой являть
„И людскимъ сердцамъ закрытымъ
„Твое царство возвѣщать.
„Ты, съ Отцемъ Единосушій,
„Свѣтлый свѣточъ въ насъ зажги
„И въ грѣховной мглѣ тонущій
„Міръ имъ ярко озари“. Аминь.

---

24. Хитонъ и верхняя риза.

Исх. 28, 39. „И сдѣлай хитонъ изъ виссона“.

31. „И сдѣлай верхнюю ризу къ ефоду всю
32. голубого цвѣта. Среди ея должно быть отверстие для головы; у отверстия ея вокругъ должна быть обшивка тканая, подобно, какъ у отверстия брони, чтобы не
33. дралось. По подолу ея сдѣлай яблоки изъ нитей голубого, яхонтоваго, пурпураваго и червленаго цвѣта, вокругъ по подолу ея; позвонки золотые между ними
34. кругомъ. Золотой позвонокъ и яблоко, золотой позвонокъ и яблоко по подолу
35. верхней ризы кругомъ. Она будетъ на Ааронѣ въ служеніи, дабы слышанъ былъ отъ него звукъ, когда онъ будетъ входить во святилище предъ лице Господне, и когда будетъ выходить, чтобы ему не умереть“.

Если мы бросили даже только одинъ бѣглый взглядъ на высокое положеніе, достоинство и преимущественныя права первосвященника Израилева, то очень скоро и совершенно невольно у насъ возникнетъ вопросъ: что же собственно давало это высокое преимущество и достоинство, позволявшее человѣку, посредничая передъ Богомъ, заступать своихъ собратій? Былъ ли онъ исключеніемъ изъ нихъ въ какомъ-либо отношеніи? Былъ ли онъ другимъ по рожденію или по своимъ заслугамъ, или онъ обладалъ какими-либо преимуществами передъ другими смертными? Мы можемъ совершенно спокойно отвѣтить на все это рѣшительнымъ „нѣтъ“. Онъ стоялъ на одномъ уровнѣ со всѣми своими собратьями, именно на томъ, который Господь разъ на всегда указалъ словами Св. Писанія, говоря: „Нѣтъ различія, потому что всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей“ (Рим. 3, 22. 23). И все-таки, мы не

можемъ себѣ иначе представить: тотъ, который заступалъ всѣхъ и безбоязненно приближался къ святому Богу, долженъ былъ быть возвышенъ надъ этимъ общимъ уровнемъ, долженъ былъ быть праведнымъ и святымъ, безъ пятна и порока, благоугоднымъ, достойнымъ и чистымъ предъ Богомъ, какъ торжественно свидѣлствуетъ апостолъ, описывая Евреямъ первосвященника: „Таковъ и долженъ быть у насъ Первосвященникъ: святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ“ (Евр. 7, 26). Онъ долженъ былъ соединять въ себѣ божескія и человѣческія качества, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы удовлетворить и Бога и человѣка. Такъ какъ ни одинъ человѣкъ и даже Ааронъ не обладалъ ими, но все-таки представлялъ прообразно грядущаго великаго Первосвященника, Который долженъ былъ имѣть ихъ въ совершенствѣ, то они были символически приобщены ему Богомъ въ священныхъ одеждахъ. Во всемъ, что ни облекало или украшало первосвященника Аарона, во всякой принадлежности его одежды ему сообщалось какое-нибудь качество посредника нашего, какая-нибудь черта нашего Спасителя, и поэтому и здѣсь мы должны искать его превосходство, его великое преимущество предъ другими священниками. Постараемся въ предстоящихъ бесѣдахъ выяснитъ эти крайне драгоценныя черты въ „славныхъ и благолѣпныхъ“ одеждахъ первосвященника. Самъ Духъ Святой да руководитъ нами въ этой благословенной работѣ. Начнемъ прежде всего съ

хитона и верхней ризы.

Итакъ, рассмотримъ хитонъ первосвященника. Въ 39 ст. сказано: „И сдѣлай хитонъ изъ виссона“. Это была одежда, плотно прилегавшая къ тѣлу и притомъ первая, которую Ааронъ одѣвалъ послѣ полнаго омовенія Моисеемъ. Такимъ образомъ, онъ являлся, по отношенію къ омовенію, какъ чистый и омытый, по отношенію же къ хитону, какъ облеченный въ праведность, на что указывалъ свѣтлый, бѣлый виссонъ. Очевидно, что тотъ, кто долженъ былъ заступать другихъ грѣшныхъ и порочныхъ людей, самъ долженъ былъ быть непорочнымъ, чтобы въ немъ не нашлось никакого

недостатка. Праведность должна была быть первымъ качествомъ его, основаніемъ его служенія предъ Богомъ, исходной точкой всѣхъ его дѣйствій. Еслибъ у первосвященника недоставало праведности, то какъ могло бы видѣть его око Божіе? И могла ли успокоиться совѣсть бѣдныхъ грѣшныхъ людей, довѣрявшихся ему, какъ своему заступнику и ходатаю? Никогда! Поэтому Аарону, хотя бы только символически, необходимо было облечься въ ризы праведности.

Но какимъ былъ онъ здѣсь точнымъ прообразомъ Христа Іисуса. не имѣвшаго ни въ чемъ недостатка, обладавшаго всѣмъ совершенствомъ въ полной мѣрѣ; Онъ былъ названъ Самимъ Богомъ „священникомъ Бога Всевышняго“, „по чину Мельхиседека“; и, чтобы мы не сомнѣвались въ томъ, что Онъ хочетъ этимъ сказать, самъ апостолъ даетъ намъ поясненіе: „Во первыхъ“—говоритъ онъ намъ,—„Онъ по знаменованію имени царь правды, а потомъ и царь Салима, т. е. царь мира“ (Евр. 7, 2). Итакъ, праведность стоитъ и у Него во главѣ, Онъ—царь ея. потому что она принадлежитъ Ему въ совершенной мѣрѣ, она составляетъ Его ближайшее качество, область Его неограниченнаго владычества, и поэтому Онъ и можетъ быть благословеннымъ и увѣнчаннымъ славой носителемъ мира для всѣхъ тѣхъ, которыхъ Онъ заступаетъ предъ Богомъ. Апостолъ Іоаннъ не находитъ никакого другого утѣшенія для Его ошибающихся и согрѣшающихъ дѣтей, какъ именно совершенство Господа, когда онъ имъ пишетъ: „Дѣти мои! сіе пишу вамъ, чтобы вы не согрѣшали; а если бы кто согрѣшилъ, то мы имѣемъ Ходатая предъ Отцомъ, Іисуса Христа. праведника“ (1 Іоан. 2, 1). „Намъ могутъ наши недостатки и грѣхи заграждать уста, и наши ошибки заставляютъ насъ молчать передъ Богомъ, но Іисусъ“—хочетъ онъ сказать,—„можетъ ходатайствовать за насъ; Онъ, праведникъ, имѣетъ полное право на это“. Но это еще не все. Не только Самъ онъ праведенъ, но и дѣйствіе Его и дѣло Его ходатайства за грѣшниковъ предъ Богомъ совершенно праведно, потому что „Онъ есть умиловленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра“ (1 Іоан. 2, 2). Онъ—„Господь, оправданіе

наше“ (Іер. 23, 6), „Солнце правды“, несущее намъ исцѣленіе въ лучахъ Своихъ (Мал. 4, 2); и въ немъ Онъ скрываетъ всѣхъ тѣхъ, которые, подобно птенцамъ, собрались подъ крылами Его, найдя себѣ убѣжище подъ ними. Подобно той чистой бѣлой одеждѣ, покрывавшей тѣло первосвященника, облекъ Онъ тѣло Свое, которое есть Церковь Его, въ Свою праведность, и такъ стоитъ она въ Немъ и съ Нимъ предъ престоломъ Божиимъ. Сыны Аарона представляютъ собой вѣрное отраженіе этого, потому что въ такихъ же чистыхъ, бѣлыхъ одеждахъ, какую носилъ и ихъ глава, ходили они предъ Господомъ во святилищѣ; въ этомъ отношеніи они были одѣты одинаково съ нимъ.

Итакъ, какъ спокойно можешь ты быть, чадо Божіе, и какой чудный миръ можетъ быть удѣломъ твоимъ! Взирая на Него, твоего царственного Ходатая, Царя правды и мира, ты знаешь, что никакое око—ни человѣческое, ни ангельское, ни око князя міра сего, такъ сильно желавшее подмѣтитъ въ Немъ что-либо, ни самое око Божіе не откроетъ въ Немъ ни малѣйшаго недостатка; итакъ, ты можешь вполнѣ и всецѣло опереться на Него: Онъ съ торжествомъ доведетъ до конца дѣло твое. Если ты смотришь чрезъ Него на себя и видишь себя сокрытымъ въ Немъ, то ты можешь ликовать за себя вмѣстѣ съ пророкомъ: „Радостію буду радоваться о Господѣ, возвеселится душа моя о Богѣ моемъ; ибо Онъ облекъ меня въ ризы спасенія, одеждою правды одѣлъ меня, какъ на жениха возложилъ вѣнецъ, и какъ невѣсту украсилъ убранствомъ. Ибо какъ земля производитъ растенія свои, и какъ садъ произращаетъ посѣянное въ немъ, такъ (т. е. безъ содѣйствія, помощи съ ихъ стороны) Господь Богъ проявитъ правду и славу предъ всѣми народами“ (Ис. 61, 10. 11). Но твой жребій еще несравненно драгоцѣннѣе: тебѣ не нужно болѣе ожидать его осуществленія въ будущемъ, какъ пророку, но ты можешь сказать: „Господь Богъ уже проявилъ мнѣ правду и славу Свою“.

Но обратимся далѣе ко второй одеждѣ первосвященника—голубой верхней ризѣ. Это было, собственно, длинное, широкое одѣяніе, ниспадавшее складками съ плечъ до самой земли. Весь человѣкъ былъ вполнѣ облеченъ имъ.

Намъ уже извѣстно, что голубой цвѣтъ есть цвѣтъ неба и что всѣмъ, носившимъ его предметамъ онъ сообщалъ оттѣнокъ небснаго. Итакъ, первосвященникъ являлся здѣсь, какъ небсный, потому что былъ весь покрытъ этимъ цвѣтомъ. Хотя служеніе его совершалось здѣсь, на землѣ, но въ этомъ обстоятельствѣ заключалась мысль, что на него слѣдовало смотрѣть, какъ на небсное служеніе. И дѣйствительно, главное служеніе первосвященника происходило во Святомъ-святыхъ, прообразѣ неба, почему кромѣ него никто не имѣлъ туда доступа. И замѣчательно, у священниковъ мы не находимъ этой голубой ризы и вообще никакого голубого знака, что указываетъ на то, что ихъ служеніе касалось только жизни вѣры здѣсь, на землѣ.

Въ дѣйствительности, братія мои, мы отнюдь не можемъ искать здѣсь нашего великаго Первосвященника и Его первосвященническое дѣло: Онъ, правда, былъ здѣсь умирающимъ жертвеннымъ Агнцемъ, но, лишь только пролилась Его кровь, Онъ поспѣшилъ съ ней въ вѣчное Святое-святыхъ, гдѣ съ этой минуты занялъ Свое мѣсто одесную Бога. Нѣтъ, не здѣсь совершается это драгоцѣнное служеніе Господа, не по эту, а по ту сторону завѣсы, въ присутствіи Іеговы. Конечно, Онъ совершаетъ служеніе Свое для тѣхъ, которые на землѣ, но совершаетъ его тамъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ Немъ такъ сильно нуждаемся. Нѣкогда это мѣсто занималъ „клеветникъ братій нашихъ, клеветавшій на нихъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь“ (Откр. 12, 10). Но при появленіи нашего Ходатая онъ былъ низверженъ, и „не нашлось уже для него мѣста на небѣ“. И мы можемъ присоединиться къ торжеству: „Итакъ, веселитесь, небеса и обитающіе на нихъ“ (Откр. 12, 12), потому что Богъ насъ „посадилъ на небесахъ во Христѣ Исусѣ“ (Еф. 2, 6).

При внимательномъ чтеніи Библіи, намъ станетъ очень ясно, что первосвященническая дѣятельность Христа совершается въ небесахъ. Правда, почти кажется, что это не такъ, когда въ 17 гл. Евангелія Іоанна мы уже здѣсь, на землѣ, слышимъ, Его горячую, первосвященническую молитву, звучащую въ ушахъ нашихъ еще прежде, чѣмъ Онъ вос-

шелъ туда, но, прослѣдивъ хорошенько, мы скоро откроемъ, какъ Онъ, увѣренный въ Своей побѣдѣ и Своемъ торжествѣ, предварилъ Себя и, въ духѣ видя Себя уже тамъ, въ присутствіи Своего Отца, приносилъ Ему эту молитву. Слава и благодареніе Ему за то, что Онъ сдѣлалъ это, потому что такимъ образомъ Онъ далъ намъ блаженное предвкушеніе нашего безконечнаго приобрѣтенія, выпавшаго на нашу долю съ тѣхъ поръ, какъ Онъ пребываетъ на небесахъ. Перечтите Его слова, и вы убѣдитесь, какъ, будучи еще здѣсь, предъ завѣсой святилища, Онъ возносился отъ земли и видѣлъ Себя уже въ славѣ предъ Отцомъ. „Я“—говоритъ Онъ въ этотъ торжественный часъ—„совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить“, и все же слово „Совершилось“! Имъ еще произнесено не было. Затѣмъ Онъ продолжаетъ: „И нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самаго славою которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“; въ духѣ Онъ уже вкушаетъ предлежавшую Ему радость (Евр. 12, 2. Въ исправленномъ переводѣ). Далѣе мы слышимъ: „Я уже не въ мірѣ“; такимъ образомъ Онъ стоялъ уже, какъ великій Первосвященникъ, на мѣстѣ Своего вѣчнаго священническаго служенія. Далѣе мы находимъ, что все Посланіе къ Евреямъ было написано, чтобы отвратить взглядъ бѣдныхъ новообращенныхъ Евреевъ отъ земныхъ священниковъ и первосвященниковъ, служившихъ еще тогда прообразами; для этого апостолъ направляетъ взоры ихъ въ небеса и удерживаетъ тамъ, показывая имъ Христа какъ великаго Первосвященника, являющагося служителемъ самыхъ будущихъ благъ. „Главное же, о чемъ говоримъ, есть то: мы имѣемъ такого Первосвященника, Который возсѣлъ одесную престола величія на небесахъ, и есть священнодѣйствователь святилища и скиніи истинной, которую воздвигъ Господь, а не человѣкъ“, — такъ описываетъ апостолъ мѣсто и священническую дѣятельность нашего Господа. И, далѣе, онъ даже говоритъ намъ: „Если бы Онъ оставался на землѣ, то не былъ бы и священникомъ“ (Евр. 8, 1—5), и это должно раз навсегда разрѣшить намъ вопросъ, что небо служить областью Его первосвященнической дѣятельности, на что указываетъ намъ прообразъ. Нѣтъ, на землѣ Онъ не могъ

быть священникомъ: Онъ не принадлежалъ къ колѣну Левія. Онъ былъ, какъ поясняетъ намъ тотъ же апостолъ,—„изъ другого колѣна, изъ котораго никто не приступалъ къ жертвеннику, ибо извѣстно, что Господь нашъ возсіалъ изъ колѣна Іудина, о которомъ Моисей ничего не сказалъ относительно священства“ (Евр. 7, 13. 14). Онъ не могъ быть здѣсь священникомъ, потому что здѣсь служили „образу и тѣни небеснаго“ (Евр. 8, 5); это служеніе долженъ Онъ былъ предоставить другимъ, вѣдь Онъ Самъ былъ сущностью этихъ небесныхъ благъ и пришелъ, чтобы послужить имъ, а это могло совершаться только на небѣ.

Итакъ, направимъ разъ навсегда наши взоры туда, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. Тамъ нашъ Первосвященникъ и Ходатай, тамъ, гдѣ мы нуждаемся въ Немъ, и, слава Ему, Онъ не только носитъ, подобно Аарону, голубую ризу, которую можно было одѣвать и снимать, но Онъ Самъ — „Господь съ неба“, „превознесенный выше небесъ“; тамъ отнынѣ — святилище наше, тамъ — наше истинное поклоненіе, наше истинное Богослуженіе, тамъ — источникъ нашихъ благословеній и „все во всемъ“, тамъ да будетъ и жительство наше!

Возвращаясь опять къ нашему прообразу, я особенно хотѣлъ бы указать на тщательность, съ которой должно было быть отдѣлано отверстіе для головы у голубой ризы. Въ 32 ст. сказано: „Среди ея должно быть отверстіе для головы; у отверстія ея вокругъ должна быть обшивка тканая, подобно, какъ у отверстія брони, чтобы не дралось“. Обшивка около ворота дѣлалась изъ крѣпкой ткани, чтобы она была очень прочна, потому что не только Ааронъ долженъ былъ носить эту одежду, но она переходила еще и къ преемникамъ его. И, дѣйствительно, риза эта переходила отъ одного первосвященника къ другому. Когда Ааронъ окончилъ свое земное поприще, Господь повелѣлъ Моисею: „Возьми Аарона и Елеазара, сына его, и возведи ихъ на гору Оръ. И сними съ Аарона одежды его, и одѣки въ нихъ Елеазара, сына его, и пусть Ааронъ отойдетъ и умретъ тамъ“ (Чис. 20, 25. 26). И Моисей въ точности исполнилъ это божественное повелѣніе. Лица смѣнялись одно другимъ, но отличительные знаки ихъ первосвященническаго до-

стоинства оставались, они должны были изображать нѣчто пребывающее, не преходящее

Если мы, далѣе, примемъ еще во вниманіе, что раздираніе одежды человѣка было выраженіемъ скорби о гибели, несчастіи или незамѣнимой уtratѣ и, такимъ образомъ, означало отчаяніе, какъ будто все погибло. то намъ понятно, почему Богъ желалъ предотвратить это. Никогда у первосвященника въ служеніи его предъ Богомъ не должно было быть минуты подобно тѣмъ, которыя мы находимъ въ жизни другихъ людей. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыхъ изъ великаго числа тѣхъ, которыхъ называетъ намъ Св. Писаніе. Вотъ Рувимъ, не находящій Іосифа во рвѣ; о немъ сказано: „Разодралъ онъ одежды свои, и возвратился къ братьямъ своимъ и сказалъ: отрока нѣтъ, а я, куда я дѣнусь“? (Быт. 37, 29. 30). Нѣчто подобное же читаемъ мы и о престарѣломъ Іаковѣ, когда ему принесли обогренную кровью одежду Іосифа. Онъ узналъ ее и сказалъ: „эта одежда сына моего; хищный звѣрь съѣлъ его; вѣрно растерзанъ Іосифъ“. И разодралъ Іаковъ одежды свои, и возложилъ вретиче на чресла свои, и оплакивалъ сына своего многіе дни“ (Быт. 37, 33. 34). Вспомнимъ затѣмъ объ Іисусѣ Навинѣ и Халевѣ: когда все общество сыновъ Израилевыхъ возмутилось, задумало избрать себѣ начальника и возвратиться въ землю Египетскую, Іисусъ Навинъ и Халевъ изъ страха и въ ожиданіи грядущаго на непокорныхъ гнѣва Божія, разодрали одежды свои предъ лицомъ всего народа (Чис. 14, 6). И затѣмъ еще Іисусъ Навинъ разодралъ одежды, когда при Гаѣ народъ былъ пораженъ рукою сравнительно слабаго врага. То была отчаянная борьба съ Богомъ, что мы видимъ изъ слѣдующихъ словъ: „Іисусъ разодралъ одежды свои, и палъ лицомъ своимъ на землю предъ ковчегомъ Господнимъ, и лежалъ до самаго вечера“ (Ис. Н. 7, 6). И вотъ, подобныхъ случаевъ, случаевъ такого горя и утраты, которые могли бы привести къ раздиранію первосвященническаго одѣянія, не должно было быть между Богомъ и первосвященникомъ; такое раздираніе означало бы, собственно, конецъ и лишеніе этого служенія и этого званія, такъ какъ эта одежда имѣла отношеніе именно къ нимъ. Напрасно искали бы мы въ Ветхомъ Завѣтѣ при-

мѣра, гдѣ первосвященникъ разодралъ бы свою ризу: это было время, въ которое служеніе образу и тѣни небснаго должно еще было продолжаться, и потому, какіе бы тяжелые удары ему ни наносились, знакъ его конца не могъ быть данъ первосвященникомъ. Единственный примѣръ этого рода встрѣчаемъ мы въ Новомъ Завѣтѣ: это случилось въ то время, когда истинный великій Первосвященникъ направлялъ шаги Свои во Святое-святыхъ, чтобы предстать со Своею собственною кровію предъ Богомъ, о чемъ Онъ заявилъ послѣднему служителю образа и тѣни небснаго, сказавъ: „Отнынѣ узрите Сына человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небсныхъ“ (Матѣ. 26, 64). То, что Онъ сидитъ одесную силы, апостолъ и относитъ въ Посланіи къ Евреямъ 8, 1 къ Его первосвященнической дѣятельности. Она дѣйствительно началась, именно, съ этой минуты, а потому должно было случиться, какъ мы читаемъ далѣе: „первосвященникъ разодралъ одежды свои“ (Матѣ. 26, 65). Настало время, когда служеніе образу и тѣни должно было окончиться, и началась дѣйствительность. Христосъ, Агнецъ Божій, подошелъ къ мѣдному жертвеннику, а вслѣдъ затѣмъ, какъ первосвященникъ, за завѣсу.

Итакъ, та голубая одежда не должна была раздираться, и, все-таки, она была, наконецъ, разодрана, потому что была земная. Это было нѣчто видимое, временное, а „невидимое—вѣчно“, говоритъ апостолъ; но все-таки своей прочностью она должна была указывать на вѣчное священство нашего Спасителя. Поэтому остановись и поразмысли, искупленный Богомъ. Подумай: твоему Ходатаю предъ Богомъ не угрожаетъ конецъ, и нѣтъ ни конца, ни утраты или отчаянія Его славному званію и служенію для тебя. Безгранично велика можетъ быть испорченность тѣхъ, за которыхъ Онъ сдѣлался Ходатаемъ, и они могутъ раздирать объ этомъ сердца свои, но Онъ не знаетъ перемѣны и никакой тѣни страха относительно успѣшнаго завершенія Своего славнаго дѣла въ нихъ и для нихъ. Для Сына, поставленнаго „на вѣки совершеннымъ“ первосвященникомъ по клятвенному слову Божію, нѣтъ теперь ничего невозможнаго.

Но дальше, возлюбленные, посмотрите на подолъ этой одежды съ его роскошными украшеніями. „По подолу ея сдѣлай яблоки изъ нитей голубого, яхонтоваго, пурпуроваго и червленаго цвѣта, вокругъ, по подолу ея; позвонки золотые между ними кругомъ. Она будетъ на Ааронѣ въ служеніи, дабы слышенъ былъ отъ него звукъ“ (Ст. 33, 35). По человѣческому разсужденію, могло казаться страннымъ такое украшеніе при торжественномъ богослуженіи: но въ свѣтѣ Божиѣмъ оно полно благословенія.

Прежде всего, посмотрите на золотые колокольчики по всему подолу ризы. Какіе пріятные, нѣжные звуки должны были раздаваться во время шествія первосвященника! Онъ не могъ ступить ни шагу безъ того, чтобы не быть услышаннымъ. Мы читаемъ о многихъ обязанностяхъ первосвященника во святилищѣ и Святомъ-святыхъ: онъ долженъ былъ возлагать каждое утро и каждый вечеръ благовонное куреніе на золотой жертвенникъ, наполнять золотой свѣтильникъ свѣжимъ елеемъ, и по субботамъ онъ же долженъ былъ полагать новые хлѣбы на столъ для хлѣбовъ предложенія; кромѣ того, при каждомъ приношеніи жертвы за грѣхъ, онъ постоянно окроплялъ кровью эти покои; обо всемъ этомъ упоминается въ Св. Писаніи, но нигдѣ мы не читаемъ о томъ, что ему приходилось тамъ говорить. Нѣтъ, Ааронъ не говорилъ ни слова, ни во святилищѣ ни во Святомъ-святыхъ, но облакавшія его одежды съ ихъ украшеніями, изображавшими качества, благоугодныя Богу, говорили, посредствомъ этихъ колокольчиковъ, языкомъ, который Богъ одинъ понималъ и только желалъ слушать. Онъ Самъ повелѣлъ прикрѣпить эти маленькіе звоночки именно къ тому мѣсту одежды, гдѣ малѣйшее движеніе должно было вызвать ихъ звуки. И гдѣ только не слышались эти пріятные звуки? Изъ святилища проникали они съ одной стороны до двора, и съ другой доходили до внутренней части святилища, до Святого-святыхъ, къ Богу. Какъ удивительно должно было себя чувствовать все множество ожидающаго внѣ народа, который не могъ уже видѣть первосвященника своего, лишь только онъ вступалъ въ скинію собранія, когда изнутри, хотя бы только тихо, до ихъ ушей доносился звонъ золотыхъ позвонковъ. Они могли себѣ

тогда сказать: „Теперь онъ священнодѣйствуетъ за насъ“, и: „Если уже здѣсь, во дворѣ, мы слышимъ звонъ золотыхъ колокольчиковъ, какъ дивно должны они звучать вблизи Іеговы, во Святомъ-святыхъ“!

И мы, возлюбленные, видѣли нашего великаго Первосвященника входящимъ во Святое-святыхъ; Онъ скрылся изъ нашихъ глазъ, и ухо наше не слышитъ Его болѣе; но всѣ мы знаемъ, что Онъ говоритъ тамъ, гдѣ прекратятся всѣ языки (1 Кор. 13, 8, которые тоже принадлежать къ тому, что отчасти), говоритъ звукомъ золотыхъ позвонковъ, говоритъ божественнымъ языкомъ однимъ Своимъ появленіемъ, превосходящимъ всѣ языки. Подумаемъ только о личности Его: отъ начала вѣковъ былъ Онъ возлюбленнымъ существомъ Отца, одинаковымъ съ Нимъ, и раздѣлялъ славу Его; и какъ при всемъ этомъ Онъ уничижилъ Себя, сдѣлавшись поверженнымъ въ прахъ Сыномъ чловѣческимъ, Который былъ послушенъ до смерти, и смерти крестной; помыслимъ о Немъ, какъ о Томъ, Который не зналъ грѣха и, все-таки, какъ великій пастырь овецъ, отдалъ жизнь Свою въ жертву повинности, жертву умилоствленія для грѣшниковъ и стоитъ теперь тамъ со Своею собственною кровію; помыслимъ о Немъ во всей Его жизни, Его страданіяхъ, Его полномъ самопожертвованіи до смерти, какъ Онъ изъ горячей, пламенной любви къ Отцу отдалъ Самого Себя въ жертву и съ этою же любовью приводитъ теперь въ исполненіе Его намѣренія, — да, помыслимъ о Немъ такимъ образомъ, и тогда скажите, какимъ всемогущимъ языкомъ говоритъ тамъ Его явленіе. И не доносятся ли отъ времени до времени оттуда и до насъ эти чудные звуки? Не долетаютъ ли отдаленныя звуковыя волны эти изъ небеснаго Святого-святыхъ и до нашего слуха въ потокахъ благословеній, обѣтованій и сладкихъ утѣшеній, намъ передаваемыхъ чрезъ посредство чуднаго другого Утѣшителя нашего, Духа Святого? Да, и я, и ты, и всѣ мы, несомнѣнно, слышали ихъ много разъ. „Оставь его и на этотъ годъ, пока Я окопаю его и обложу навозомъ, не принесетъ ли плода“, такъ ходатайствуетъ предъ Богомъ Его появленіе за одного. „Носи, поддерживай и охраняй его до старости и до сѣдины его“, ходатайствуетъ Онъ за

другого. „Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя“, тихо шепчетъ Онъ третьему; четвертому изъ насъ возвѣщаетъ Его появленіе на небѣ благоую вѣсть: „Если будутъ грѣхи ваши, какъ багряное, какъ снѣгъ убѣлю; если будутъ красны, какъ пурпуръ, какъ волну убѣлю“ (Ис. 1, 18). Пятый утверждаетъ въ увѣренности, что „Онъ однимъ приношеніемъ навсегда сдѣлалъ совершенными освящаемыхъ“ (Евр. 10, 14). Все это—развѣ не звуки золотыхъ колокольчиковъ, доносящіеся до насъ изъ другого міра, изъ Святого-святыхъ, и не Ему ли обязаны мы ими? Необходимо, чтобъ ухо наше оставалось всегда открытымъ и приобрѣло особенную чуткость, дабы ни одинъ изъ доносящихся до насъ оттуда звуковъ не пропалъ даромъ, но сдѣлался намъ вѣчно памятнымъ.

Рядомъ съ золотыми колокольчиками красовались еще на подолѣ голубой ризы **гранатовыя яблоки**. Они чередовались съ золотыми звонками; этихъ миловидныхъ плодовъ должно было имѣться какъ разъ столько же, сколько и золотыхъ колокольчиковъ. „Золотой позвонокъ и яблоко, золотой позвонокъ и яблоко, по подолу верхней ризы кругомъ“—таково было повелѣніе Божіе (ст. 34). Плоды первосвященника должны были вполнѣ соответствовать рѣчи его посредствомъ золотыхъ колокольчиковъ. Онъ долженъ былъ быть плодовитымъ ходатаемъ своего народа предъ Богомъ. Разсматривая ближе привѣщенные къ первосвященнической одеждѣ плоды мы открываемъ въ послѣднихъ чудное сходство съ приобщенными ему отъ Бога свойствами. Я напоминаю вамъ только тѣ четыре облачавшіе его священные цвѣта и значеніе ихъ, и, затѣмъ, посмотрите, какъ эти гранатовыя яблоки имъ соответствуютъ; въ плодахъ этихъ снова встрѣчаются всѣ эти привлекательные цвѣта. Такимъ образомъ, первосвященникъ являлся не мѣдью звенящей и не кимваломъ звучащимъ, но такимъ, рѣчь котораго производила „золотыя яблоки въ серебряныхъ прозрачныхъ сосудахъ“ (Притчи 25, 11),—такимъ, чьи плоды вполнѣ согласовались съ сообщенными ему свойствами.

Все это въ первосвященникѣ Израильскомъ были только тѣни, картина, нарисованный огонь которой не

жжетъ и не свѣтитъ, но указываетъ на дѣйствительность, не только вполнѣ соотвѣтствующую всякой тѣни и всякой вѣрно нарисованной линіи но безконечно превосходящую ее. Блаженны дѣти Божіи, нашедшія во Христѣ Иисусѣ въ силѣ и жизни то, что показано въ этомъ прообразѣ! Они ежедневно познаютъ, какъ перешли отъ тѣни къ дѣйствительности, потому что вкушаютъ теперь плоды своего истиннаго Ходатая: они видятъ ихъ не только изображенными на картинѣ, но и наслаждаются ими, они сдѣлались ихъ пищей и питьемъ. Да, возлюбленные, мы знаемъ, что ни одинъ звукъ нашего Заступника не останется тщетнымъ, что Его ходатайство производитъ плодъ за плодомъ, которые достаются намъ, членамъ Тѣла Его, здѣсь на землѣ, даромъ и безвозмездно. Съ первой минуты Его вступленія во Святое-святыхъ до возвращенія Его оттуда, весь народъ Его и каждая отдѣльная душа получаетъ непрестанный притокъ тѣхъ благословеній, которыя Онъ изливаетъ на нихъ оттуда. „И Я умолю Отца“—обѣщалъ Онъ, оставляя Своихъ искупленныхъ, „и дастъ вамъ другого Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ“ (Іоан. 14, 16); и лишь только Онъ предсталъ предъ Богомъ, какъ этотъ драгоценнѣйшій изъ всѣхъ плодовъ Его ходатайства снизошелъ къ намъ. Апостолъ Петръ, одинъ изъ первыхъ получившій Его, свидѣтельствуетъ объ этомъ слѣдующими словами: „Итакъ, Онъ, бывъ вознесенъ десницею Божіею и принявъ отъ Отца обѣтованіе Святого Духа, излилъ то, что вы нынѣ видите и слышите“ (Дѣян. 2, 33). Только что явившись туда,—Онъ получаетъ, только что получивъ, посылаетъ Онъ намъ Его, другого Утѣшителя, чтобы мы могли пользоваться плодомъ Его ходатайства. И если бы мы вздумали рассказывать другъ другу, какіе чудные плоды, вполнѣ соотвѣтствующіе Его существу, мы ежедневно вкушаемъ, то намъ не достало бы времени на это. И еще больше, посмотрите только, какая драгоценная свобода дана намъ въ томъ, что Онъ позволилъ намъ приходить **чрезъ Него** Самого къ Отцу и просить Его о чемъ мы хотимъ. „И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сдѣлаю, да прославится Отецъ въ Сынѣ. Если чего попросите во имя Мое, Я то сдѣлаю“ (Іоан. 14, 13. 14),—

вотъ торжественное приглашеніе, два раза подрядъ, и увѣреніе въ полученіи желаемыхъ плодовъ. Блаженъ народъ, имѣющій такого Первосвященника предъ лицомъ Божиимъ!

Поэтому всякій, причисляющій себя къ этому народу, взгляни радостно на все это, потому что чего могло бы недоставать даже самому слабому и ничтожному изъ нихъ? Онъ знаетъ, что его Первосвященникъ всегда живъ, чтобы ходатайствовать за Своихъ; и Его уста громко провозгласили: „Я и зналъ, что Ты всегда услышишь Меня“ (Іоан. 11, 42); изъ этого онъ можетъ дерзновенно заключить: „**Когда и въ чемъ** могу я нуждаться“? Если Онъ всегда живъ, если Онъ всегда ходатайствуетъ за меня, если Онъ всегда услышанъ, тогда, воистину, возлюбленные, мое спасеніе совершенно! Да, оно полно, оно совершенно! Пусть же око ваше съ дѣтскимъ довѣріемъ успокоится на Немъ навѣки! Аминь.

---

25. Ефодъ и нарамники.

- Исх. 28, 2. „И сдѣлай священные одежды Аарону, брату твоему, для славы и благолѣпія. И скажи всѣмъ мудрымъ сердцемъ, которыхъ Я исполнилъ духа премудрости, чтобы они сдѣлали Аарону одежды для посвященія его, чтобы онъ былъ священникомъ Мнѣ.
4. Вотъ одежды, которыя должны они сдѣлать: наперсникъ, ефодъ, верхняя риза, хитонъ стяжной, кидаръ и поясъ. Пусть сдѣлаютъ священные одежды Аарону, брату твоему, и сынамъ его, чтобы онъ былъ священникомъ Мнѣ. Пусть они возьмутъ золота, голубой и пурпуровой и червленой шерсти и виссона. И сдѣлаютъ ефодъ изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленой шерсти и изъ крученого виссона, 7. искусною работою. У него должны быть на обоихъ концахъ его два связывающіе нарамника, чтобы онъ былъ связанъ“.

Главной одеждой первосвященника, особенно выдвигавшей его высокой санъ и служившей вѣрнымъ признакомъ его безконечнаго превосходства предъ его сослужителями, священниками, былъ безспорно ефодъ съ его драгоцѣннымъ украшеніемъ. Въ виду этого онъ названъ и описанъ Господомъ первымъ изъ всѣхъ другихъ одеждъ и никакъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ хитонами священниковъ, названіе которыхъ иногда переводится словомъ „ефодъ“, какъ, напримѣръ, въ 1 Цар. 22, 18 и 2 Цар. 6, 14. Въ первомъ изъ стихъ мѣстъ мы находимъ всѣхъ священниковъ въ Номвѣ одѣтыми въ льняные ефоды; въ таковой же былъ одѣтъ и Давидъ; подъ этимъ, очевидно, подразумѣвались священные одежды, которыя тоже иногда такъ назывались, потому что плотно прилегали къ тѣлу. Это—то, что называлось у первосвященника хитономъ,

который мы уже рассмотрѣли и который былъ также и одеждой другихъ священниковъ, служившихъ только во дворѣ скиніи и во святилищѣ. Тотъ хитонъ былъ основаніемъ для **каждаго** священнаго званія и **каждаго** служенія предъ Богомъ, совершались ли они внѣ, во дворѣ скиніи, у мѣднаго жертвенника, внутри святилища, или въ самомъ Святомъ-святыхъ, исполнялись ли они главой или подчиненными ему, т. е. первосвященникомъ или сынами его, священниками, -- всюду ихъ долженъ былъ украшать узкій бѣлый хитонъ, обозначавшій чистоту и праведность. Какъ онъ ни былъ простъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ необходимъ всякому. Но здѣсь говорится не о немъ, здѣсь идетъ рѣчь объ одеждѣ, присущей исключительно первосвященнику и надѣвавшейся поверхъ голубой ризы, что имѣло особенно важное значеніе. Послѣдняя, верхняя риза, возводила первосвященника или, вѣрнѣе сказать, его званіе и служеніе изъ обыкновенной священнической сферы, въ которой онъ находился въ своемъ льняномъ хитонѣ, въ высшую и славнѣйшую; она поднимала его прочь отъ этой земли въ небеса, къ Богу. Она указывала, что служеніе его было неземное, служеніе во Святомъ-святыхъ, въ непосредственномъ присутствіи Божіемъ. Сюда же относился и ефодъ со всѣми его украшениями и поэтому свѣтлая голубая риза должна была быть его основаніемъ. Сегодня, минуя драгоценныя украшения и ихъ значеніе, мы поближе рассмотримъ только

ефодъ и принадлежащіе къ нему нарамники.

Да укажетъ намъ Господь ихъ значеніе.

„Слава и благолѣпіе“ первосвященническаго ефода выражались преимущественно тканью, изъ которой онъ былъ сдѣланъ. Въ немъ мы снова встрѣчаемъ уже извѣстные намъ четыре рода виссона съ ихъ многозначительными цвѣтами. Стоитъ упомянуть здѣсь, хотя вкратцѣ, о ихъ значеніи. Вѣдь здѣсь мы находимъ эти цвѣта облакающими ходатая Израилева, вступающаго въ присутствіе Божіе. Они, вмѣстѣ съ другими славными знаками его, говорятъ языкомъ, направленнымъ къ вѣчному нашему благу, къ блаженству нашему здѣсь на землѣ и въ вѣчности. Мы уже

часто имѣли случай указать, что голубой цвѣтъ есть цвѣтъ неба, пурпуровый изображаетъ человѣческое царское величіе и славу, червленый же, напротивъ,—кровь или жизнь, отданную на смерть, и, наконецъ, бѣлый означаетъ невинность и праведность. Въ нихъ мы уже видѣли Христа, какъ сшедшаго съ небесъ, какъ Царя человѣчества, какъ Праведника, отдавашаго за неправедныхъ жизнь Свою на смерть. Такимъ мы видѣли Его, возлюбленные, во дни Его земного хожденія; но самое многозначительное здѣсь то, что Онъ въ этомъ Своемъ благолѣпіи стоитъ, какъ великій Первосвященникъ на небесахъ, какъ намъ это указываетъ нашъ прообразъ.

Намъ хотѣлось бы обратить ваше вниманіе еще и на то, какъ здѣсь вполне подтверждается наше объясненіе, которое мы дали въ предыдущихъ бесѣдахъ, когда на различныхъ священныхъ предметахъ видѣли эти цвѣта, примѣнивъ ихъ къ личности Іисуса Христа, потому что первосвященникъ, носившій ихъ здѣсь самъ на своемъ тѣлѣ, какъ украшеніе, возложенное на него Господомъ, является, какъ почти никто другой, однимъ изъ самыхъ выдающихся прообразовъ Господа. Мы уже очень ясно видѣли это изъ приведенныхъ мѣстъ Посланія къ Евреямъ.

Только одну существенную разницу, вполне заслуживающую наше вниманіе, мы находимъ между этою тканью, тканью ефода и тканью, употреблявшейся для воротъ скиніи, ея двери, завѣсы и покрывала съ херувимами. Во всѣхъ этихъ послѣднихъ предметахъ нигдѣ не упоминается о золотѣ; ни одной золотой нитки не заключалось ни въ необыкновенно длинныхъ и широкихъ завѣсахъ, закрывавшихъ входы скиніи, ни въ роскошномъ покрывалѣ съ херувимами, непосредственно соприкасавшемся съ позолоченными брусьями. Здѣсь, въ ефодѣ, мы, напротивъ, встрѣчаемъ золото въ равномъ количествѣ съ другими разноцвѣтными нитями ткани, взятыми вмѣстѣ, т. е. золотыхъ нитей было столько же, сколько было другихъ частей разноцвѣтнаго виссона. Это явствуется изъ Исх. 39, 3, гдѣ мы читаемъ: „И разбили они золото въ листы и вытянули нити, чтобы воткать ихъ между голубыми, пурпуровыми, червлеными и виссонными нитями, искусною работою“. Къ

каждой изъ этихъ нитей придавалась отдѣльная золотая нить, такъ что получился ефодъ, весь залитый золотымъ сіяніемъ. Всякому, видѣвшему Аарона, должно было сразу же броситься въ глаза, что его украшала слава, несравненно превосходившая славу, заключающуюся въ другихъ, только что упомянутыхъ священныхъ предметахъ. На какого рода славу указываетъ золото, это намъ уже извѣстно: мы знаемъ, что золото обозначаетъ природу божественную. Какъ первосвященнику, Аарону надлежало одеждами своими представлять какъ человѣческую, такъ и божественную природу. Но, повидимому, божественная природа являлась преобладающимъ элементомъ этого чуднаго сана, потому что въ отношеніи ефода, золото вездѣ ставится на первомъ мѣстѣ.

Останавливая нашъ взглядъ на Іисусъ, мы не можемъ не замѣтить, какъ рѣзко вся земная жизнь Его, начиная отъ яслей до самой могилы, отъ вступленія въ этотъ міръ до исхода изъ него, отличается отъ Его первосвященническаго явленія предъ Богомъ, именно, указанной здѣсь разницей. Здѣсь, на землѣ, видимъ мы въ Немъ Того, Который, хотя и „будучи образомъ Божиимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, но унижилъ Себя Самого“, т. е, какъ бы добровольно **отказался** отъ божественности Своей, принялъ образъ раба, сдѣлался подобнымъ человѣкамъ и по виду сталъ, какъ человѣкъ (Фил. 2, 6. 7); все это вполне соответствуетъ всюду встрѣчающейся въ skinіи цвѣтной виссоновой ткани, въ которой совершенно отсутствовало золото. Но вотъ мы приближаемся къ концу Его земного поприща, когда Онъ уже совершилъ порученное Ему Отцомъ дѣло; какой поворотъ принимаетъ оно здѣсь? Посмотрите, какъ жаждетъ Онъ теперь прежней славы, какъ Онъ молить Отца, чтобы войти въ то положеніе, изъ котораго вышелъ. „Отче“,—говоритъ Онъ во всеуслышаніе предъ учениками Своими—„пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя“; и далѣе: „И нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого **славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра**“ (Іоан. 17, 1. 5). Это было возвращеніе къ божественной славѣ, той, изъ которой Онъ нѣкогда Самъ вышелъ; то не была новая

слава, которую надо еще теперь приобрѣтать, но та, которая принадлежала Ему прежде созданія міра. И лишь только Онъ вступилъ, какъ великій Первосвященникъ, со Своею собственною кровію. „говорящей лучше, нежели Авелева“, въ небесное святилище, на Немъ тотчасъ же выступило вновь и золото Его божественности въ никогда не тускнѣющемъ блескѣ. Стефанъ, первый увидѣвшій Его по вознесеніи Его на небо, видитъ Его во „славѣ Божіей“: Савлъ былъ озаренъ при Его явленіи свѣтомъ, превосходящимъ солнечное сіяніе, который ослѣпилъ его и заставилъ упасть на землю, и Іоаннъ, нѣкогда блаженно возлежавшій у груди Его, увидя Его, теперь палъ, какъ мертвый, къ ногамъ Его; и не забудемъ, что послѣдній видѣлъ Его въ **первосвященническомъ служеніи Его, ходящимъ посреди семи золотыхъ свѣтильниковъ**. Это золото Его божественности дѣлало видъ Его нестерпимымъ для человѣческаго глаза. Предъ Богомъ, Іеговой, Онъ являлся не только какъ Сынъ человѣческій, но и какъ „засвидѣтельствованный отъ Бога различными **силами**“ Сынъ Божій, чтобы хдатаиотвовать за насъ.

Кто изъ всѣхъ дѣтей Божіихъ можетъ постигнуть безконечную полноту блаженнаго утѣшенія, которая можетъ истекать изъ этого явленія нашего возлюбленнаго Господа? Это—Христось, весь Христось, Сынъ человѣческій и Сынъ Божій, со всѣми Его прежними униженіями и лишеніями, съ признаками Его страданій и смерти и знаками Своего тѣснаго, искренняго общенія съ нами; и въ то же время Христось, облеченный славою, которую Онъ имѣлъ прежде бытія міра, сотвореннаго чрезъ Него.—Христось, сіяніе славы и образъ вѣпостаси Его, держащій все словомъ силы Своей и совершающій нынѣ первосвященническое служеніе на небесахъ. Неправда ли, Онъ вполнѣ удовлетворяетъ Отца, удовлетворяетъ Его во всѣхъ нашихъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, удовлетворяетъ Его навѣки! Какъ же Онъ можетъ не удовлетворить тебя, меня и каждого изъ насъ въ отдѣльности? Да, конечно, мы ввѣряемся Ему всецѣло, съ дѣтскимъ довѣріемъ полагаемся на Него. Полный глубокаго благоговѣнія, молясь во прахъ у подножія престола Его, и, въ то же время, полный блаженнаго

довѣрія, каждый изъ насъ взираетъ лично для себя на Него и съ неизреченно счастливымъ сердцемъ говорить:

„Начатокъ новаго, божественнаго рода.
 „Глава и сила Церкви всей,
 „И на меня, какъ члена Твоего народа.
 „Твой миръ, Твой чудный свѣтъ пролей!
 „Тебѣ хочу отдать всѣ силы.
 „Тобой однимъ хочу дышать!
 „Вождемъ моимъ будь до могилы.
 „Дай грѣхъ Тобою побѣждать.
 „И, за меня моля Отца,
 „Дай вѣрнымъ быть мнѣ до конца“.

Другимъ принадлежащимъ къ ефоду украшеніемъ и тѣсно съ нимъ связаннымъ **были оба чудные нарамника**. Въ нашихъ общепринятыхъ переводахъ они нигдѣ не описаны, и въ Исх. 28, 7, гдѣ о нихъ упоминается, говорится только: „У него должны быть на обоихъ концахъ его два связывающіе нарамника, чгобы онъ былъ связанъ“. Изъ всего, что мы можемъ узнать изъ указанія Моисеева, вытекаетъ, что ефодъ былъ одеждой, покрывавшей тѣло первосвященника, начиная отъ груди до колѣнъ; грудь и плечи его не были имъ закрыты. Они между тѣмъ украшались двумя особыми нарамниками, связывавшимися на плечахъ, концы которыхъ проходили черезъ грудь до пояса, къ которому и прикрѣплялись. Они были сдѣланы изъ той же, искусно протканной золотомъ, разноцвѣтной ткани, которую мы видѣли на ефодѣ. Такимъ образомъ, плечи и грудь первосвященника были украшены точно такъ же, какъ и его тѣло, и посвящены порученному ему святому служенію. Это снова требуетъ нашего особеннаго вниманія.

Мы всѣ знаемъ, что плечи въ Св. Писаніи означаютъ **вездѣ средоточіе силы и служатъ символомъ власти**. На нихъ носятъ бремена, какъ пріятныя, такъ и непріятныя. Предоставлять кому-либо въ распоряженіе плечи означало подчиниться, отдать себя съ готовностью на служеніе, и именно со всѣми имѣющимися силами. Такъ, напримѣръ, объ Израильтянахъ, не хотѣвшихъ служить Господу, мы читаемъ слѣдующее: „Они упорствовали и не слушали заповѣдей Твоихъ, и отклонялись отъ уставовъ Твоихъ, кото-

рыми жилъ бы человѣкъ, если бы исполнялъ ихъ, и хребетъ свой („рамена“ въ другихъ переводахъ) сдѣлали упорнымъ, и шею свою держали упруго, и не слушали“ (Неем. 9, 29). Для нихъ служеніе Іеговъ было бременемъ, они не хотѣли посвятить Ему силъ своихъ. Въ другомъ мѣстѣ, мы, напротивъ, читаемъ, что левитамъ, насившимъ вѣроятно на плечахъ ковчегъ завѣта, давалось слѣдующее повелѣніе: „Нѣтъ вамъ нужды носить его на раменахъ“ (2 Пар. 35. 3). Такое ношеніе сравнительно легкаго ковчега имѣло видъ, какъ будто они должны были употреблять большія усилія и какъ будто это служеніе тяготило ихъ. Здѣсь же плечи Аарона, подобно чресламъ его, украшались особымъ первосвященническимъ украшеніемъ и, такимъ образомъ, посвящались на исключительное служеніе предъ Богомъ за народъ. Это имѣло очень глубокое значеніе. Въ этомъ заключалась мысль, что вся сила, которую онъ имѣлъ, духовная ли или тѣлесная, всякое вліяніе, оказываемое его положеніемъ и личностью, всякое тѣлесное или душевное достояніе принадлежало впредъ Богу и, именно, во благо народа Его. И мы неоднократно читаемъ, что этотъ народъ со своими разносторонними потребностями дѣлался часто для Моисея и Аарона почти невыносимымъ бременемъ. Однажды, когда Моисей, казалось, изнемогъ подъ этимъ бременемъ, онъ воскликнулъ: „Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашелъ милости предъ очами Твоими, что Ты возложилъ на меня бремя всего народа сего? Развѣ я носилъ во чревѣ весь народъ сей, и развѣ я родилъ его, что Ты говоришь мнѣ: неси его на рукахъ твоихъ, какъ нянька носить ребенка, въ землю, которую Ты съ клятвою обѣщаль отцамъ его?“ (Чис. 11, 11. 12). Какія вооруженныя и посвященныя рамена требовались такимъ образомъ, чтобы стоять предъ Богомъ на этомъ служеніи!

Однако, возлюбленные, мы знаемъ Одного, Которому этотъ языкъ остался чуждымъ, Который съ полной готовностью отдалъ Себя на служеніе Іеговъ всѣми Своими силами. Онъ не дѣлалъ хребта и плечъ Своихъ упорными, но посвятилъ ихъ на вѣчное первосвященническое служеніе Богу и народу, который далъ Ему Отецъ. Онъ носилъ

и носить его не какъ возложенное на Него бремя, но носить его, какъ нянька, на рукахъ Своихъ, потому что Онъ, воистину, носилъ во чревѣ и родилъ его; Онъ не ищетъ Себѣ помощника, который раздѣлилъ бы съ Нимъ тяжесть, потому что Его рамена достаточно сильны, чтобы вѣчно носить—ее. „Мнѣ“—такъ говоритъ Онъ Своему остающемуся народу, когда Онъ отошелъ, чтобы предстать предъ Богомъ, — „дана всякая власть на небѣ и на землѣ“ (Мат. 28, 18), такъ что „владычество на раменахъ Его“ (Ис. 9, 6), которыя вполне уготованы, чтобы поднимать и носить насъ, намъ во благо.

Какимъ безопаснымъ и скрытымъ можешь ты себя видѣть, слабое и немощное чадо Божіе, даже тогда, когда тебѣ кажется, что ты для Него бремя, потому что несомнѣнно, что тѣ рамена, которыя носятъ на себѣ всю вселенную, на которыхъ покоится владычество, снесутъ и тебя, и немощь твою; будь увѣренъ въ радости, что они поддержать тебя навѣки. Что касается меня, то Его дивное могущество теперь — покой мой, радость моя и истинное мое утѣшеніе; нѣкогда, прежде чѣмъ я зналъ Его, какъ моего Господа и Спасителя, я трепеталъ предъ Его всемогуществомъ и былъ готовъ бѣжать отъ него, еслибъ только нашелъ такое мѣсто, которое скрыло бы меня: теперь же оно—моя твердыня и крѣпость, вѣрное убѣжище отъ всякой нужды и искушенія; оно—военная сила моя, побѣда моя, которою я побѣдилъ міръ и сатану и еще побѣждаю, потому что во Христѣ Іисусѣ, моемъ великомъ Первосвященникѣ, это могущество всецѣло стоитъ на моей сторонѣ.

Однако, не одни плечи, но и **грудь Аарона была покрыта этими роскошными нарамниками.** Грудь, заключающая въ себѣ сердце и съ нимъ всѣ самыя нѣжныя движенія и наклонности, всѣ стремленія, всю жажду и всю любовь, являлась здѣсь какъ бы особенно освященной: такимъ образомъ, Ааронъ отдалъ не только силу свою, но и любовь и всю свою нѣжность на служеніе Богу и Его народу. Вся дѣятельность и всѣ поступки его не должны были быть только обязательными занятіями, но чрезъ нихъ должно было проходить пламя горѣвшей въ немъ любви; словомъ, вся душа его должна была быть вложена въ порученное

ему дѣло. Мы всѣ хорошо знаемъ, что этого никогда не было въ достаточной мѣрѣ ни въ Ааронѣ, ни во всѣхъ его преемникахъ; поэтому Господь и далъ имъ въ этихъ одеждахъ прообразно то, чего у нихъ недоставало, чтобы эти тѣни указывали на грядущаго совершеннаго Первосвященника, Который все это долженъ былъ имѣть въ дѣйствительности.

О Немъ мы читаемъ, что, „возлюбивъ Своихъ, сущихъ въ мірѣ, Онъ до конца возлюбилъ ихъ“ (Іоан. 13, 1); никогда не было колебанія или неустойчивости въ этой святой и посвященной груди, никогда не было ни переменъ ни тьмы, никогда ни малѣйшаго измѣненія, ни тѣни переменъ (Іак. 1, 17); Онъ любилъ всегда и любилъ до конца. Его любовь выдержала испытаніе въ совершенствѣ и вышла, торжествуя, какъ побѣдительница. Его любовь крѣпка, какъ смерть, да она была и крѣпче ея, такъ какъ побѣдила ее: она была люта, какъ преисподняя, въ ревности своей, и такова еще и теперь, потому что не отдаетъ назадъ ничего, чѣмъ она разъ завладѣла. „Стрѣлы ея—стрѣлы огненные“; она—„пламень весьма сильный“. Большія воды старались затушить ее, но со всѣми своими рѣками не залили ее (Пѣс. Пѣс. 8, 6. 7); она живетъ и горитъ въ Его великомъ, обширномъ сердцѣ. Да и могло ли это быть иначе? Не ставитъ ли Онъ любовь Свою **къ намъ** наравнѣ съ любовью Отца Своего **къ Нему**, когда говоритъ намъ о Своей любви: „Какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ. Пребудьте въ любви Моей“ (Іоан. 15, 9). И зачѣмъ намъ говорить о любви Его, какъ о принадлежащемъ Ему качествѣ, когда мы знаемъ, что Самъ Онъ — любовь; она—сущность Его во всемъ, что Онъ дѣлаетъ. Вотъ картина любви. Имъ Самимъ начертанная, чтобы мы могли питаться, наслаждаться, согрѣваться ею, даже навѣки исчезнуть въ ней. „Любовь“,—говоритъ Онъ—„долго-терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, но сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ“ (1 Кор. 13, 4—8). Кто можетъ измѣрить наше блажен-

ство, когда мы такимъ видимъ Его, не забывая при этомъ, что это—изображеніе Его теперь, именно теперь, когда Онъ во славѣ ходатайствуетъ за насъ. Мы только можемъ присоединиться къ пѣвцу, и Ему, Кто Самъ есть любовь. сказать:

„Любовь! Велика
 „И прекрасна тѣхъ участь,
 „Кто тѣнью твоей осянень;
 „Тобою, мой Богъ,
 „Избавленъ отъ смерти,
 „Небесною радостью я окружень“!

Посмотримъ, въ заключеніе, на мѣсто, отведенное ефоду среди первосвященническихъ одеждъ. И это даетъ народу Господню безконечное утѣшеніе. Онъ не надѣвался ни подѣ бѣлый хитонъ, ни подѣ длинную голубую ризу, потому что они совершенно закрыли бы его. Конечно, легова видѣлъ бы его тамъ одинаково хорошо, какъ еслибы онъ красовался поверхъ ихъ, но ни одинъ Израильтянинъ не могъ бы тогда наслаждаться его чуднымъ видомъ, ни одинъ не могъ бы присвоить себѣ утѣшеній, истекавшихъ изъ изображаемыхъ ефодомъ свойствъ, и они не были ничтожны, потому что ефодъ соединялъ въ себѣ, какъ въ одной точкѣ, всѣ главныя качества первосвященника и носилъ ихъ на виду. Вспомнимъ только еще разъ его четыре многозначащія цвѣта, съ его просвѣчивающимъ по всѣмъ направленіямъ золотомъ, и значеніе, которое Богъ вложилъ въ нихъ.

Здѣсь, очевидно, было исполненное любви намѣреніе Божіе, чтобы мы, дѣти Его, узнали бы совершенства и чудныя свойства, которыя Онъ видитъ въ Своемъ возлюбленномъ Сынѣ и котсыя удовлетворяютъ Его. Онъ не хочетъ одинъ радоваться и имѣть благоволеніе въ Возлюбленномъ, когда Онъ въ Своемъ славномъ убранствѣ предстоитъ предъ Нимъ, но и наша душа должна удовлетвориться Имъ. Мы всѣ, возлюбленные, еще слишкомъ много увлекаемся деревомъ познанія добра и зла, все еще надѣемся получить отъ него жизнь и, такимъ образомъ, изслѣдуемъ всевозможныя, скажемъ даже, библейскія тайны и непонятныя мѣста, находя нѣкоторый свѣтъ, нѣкоторсе

поученіе и познаніе, которые не оставляютъ насъ безъ удовольствія и радости; но мы откроемъ, если не видѣли еще до сихъ поръ, какъ крайне мало въ нихъ жизни и силы, если Онъ, чудное дерево жизни, остается въ сторонѣ, и Его скрытыя въ Немъ для насъ жизненныя силы остаются не открытыми, не познанными и не использованными нами. Мы слишкомъ мало вникаемъ въ Него и въ то, чѣмъ Онъ такъ жаждетъ сдѣлаться для насъ, чѣмъ Его содѣлалъ для насъ Богъ. Въ Немъ одномъ—жизнь, и „знать Его“, еще и сегодня, какъ нѣкогда, за двадцать вѣковъ, „значить имѣть „жизнь вѣчную“. Міръ, окружающій насъ, имѣетъ Его по буквѣ, имѣетъ Его, какъ личность историческую, знаетъ нѣчто о Немъ, но не знаетъ **Его Самого**; поэтому, если онъ и много имѣетъ, то имѣетъ только видъ благочестія, но не силу его; мы же не такъ познали Христа: мы именно познали Его, какъ „Божію силу и Божію премудрость“ (1 Кор. 1, 24). Будемъ же остерегаться, чтобы не смотрѣть на то, что мы имѣемъ, подобно міру, только **познаніемъ, по буквѣ**, потому что прочитали и открыли изъ Его слова, какъ бы мы узнали въ этомъ уже Его Самого въ силѣ, и не удовольствоваться этимъ. Къ сожалѣнію, во многихъ отношеніяхъ, Онъ знакомъ искупленнымъ Своимъ лишь по буквѣ, но такъ не должно быть. Знаніе **о Немъ** должно бы повести насъ прямо къ познанію Его Самого; и, подобно тому, какъ первое все болѣе и болѣе возрастаетъ съ каждымъ днемъ нашей земной жизни, такъ надлежало бы непрестанно увеличиваться и послѣднему, и вмѣстѣ съ нимъ—нашей силѣ, нашей жизни и нашей радости, и мы сами должны все болѣе и болѣе преображаться въ Его образъ. Св. Писаніе называетъ познаніемъ **личное, практическое усвоеніе себѣ Господа Иисуса и Его чудныхъ жизненныхъ силъ Его искупленными**; подобное познаніе, во всякомъ случаѣ, не можетъ никогда окончиться, оно должно продолжаться, пока мы не **увидимъ** Его, какъ Онъ есть. Поэтому мы слышимъ, какъ апостоль, исполненный богатѣйшимъ познаніемъ Господа, даже во дни, когда ему одинаково хотѣлось и оставаться во плоти, и разрѣшиться (Фил. 1, 23), исповѣдуется, что его единственное пріобрѣтеніе „познать Его, и силу воскресенія Его, и участіе въ страданіяхъ“, чтобы, — какъ

онъ говоритъ, — „сообразоваться смерти Его, чтобы достигнуть воскресенія мертвыхъ“ (Фил. 3, 10. 11). И Петръ, показывающій намъ, что всѣ блага Божіи мы получаемъ не иначе, какъ чрезъ познаніе Бога и Христа Іисуса (2 Пет. 1, 2. 3), не нашелъ для „принявшихъ съ нимъ равно драгоцѣнную вѣру“[•] никакого иного заключительнаго слова, кромѣ слѣдующаго: „Возрастайте въ благодати и познаніи Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа“ (2 Пет. 3, 18).

Сколько утѣшенія и сколько блаженства теряемъ мы вслѣдствіе того, что мы сами не видимъ красоты Христа, какъ бы выставленной для насъ наружу. Но что бы было, какъ бы мы должны обогатиться, еслибъ непрестанно **внушали** всю полноту неизслѣдимаго богатства Христова. О, если бы и наши бесѣды побуждали насъ къ этому! Да открывается Онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе душѣ нашей, какъ Онъ теперь пребываетъ на небѣ одесную величія Божія, какъ, облеченный во все совершенство и красоту Свою, ходатайствуетъ за насъ, и какимъ видитъ Его Отецъ! Аминь.

---

26. Поясъ.

Иск. 28. 8 „И поясъ ефода, который поверхъ его, долженъ быть одинаковой съ нимъ работы, изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленой шерсти. и изъ крученнаго виссона“.

Сегодня мы приближаемся къ искусно вытканному поясу первосвященника. Онъ принадлежалъ къ ефоду и былъ далеко не маловажной или лишней принадлежностью, какъ мы, жители Запада, легко обходящіеся безъ него въ нашей одеждѣ, могли бы подумать. На Востокъ же, при широкомъ покроѣ одеждъ, поясъ составляетъ, вообще, одну изъ существенныхъ и необходимыхъ частей одежды. Онъ дѣлаетъ человѣка совершеннымъ мужемъ, годнымъ на работу и дѣятельность, и дополняетъ и завершаетъ его нарядъ. Врядъ ли кто-либо появлялся безъ пояса въ обществѣ, едва ли даже показывался кому-либо и едва ли совершалось какое-нибудь дѣйствіе безъ него. Поэтому мы и встрѣчаемъ въ Св. Писаніи цѣлый рядъ очень серьезныхъ и настойчивыхъ духовныхъ увѣщаній и ободреній, имѣющихъ отношеніе къ значенію этой, столь важной для ежедневной жизни, принадлежности одежды жителя Востока и основанныхъ на присущихъ ей достоинствахъ. Желая, напримѣръ, видѣть насъ годными для драгоцѣннаго дѣла Своего здѣсь на землѣ, Онъ говоритъ намъ: „Итакъ станьте, препоясавъ чресла ваши истиною“, потому что это первое для того, чтобы быть готовыми „благословствовать миръ“ (Еф. 6, 14. 15). Такое же увѣщаніе, съ подобной цѣлью, получали и ветхозавѣтные пророки. Такъ, Іереміи, уклонившемуся вначалѣ безпрекословно послѣдовать призыву, прямо говорится слѣдующее: „А ты препояшь чресла твои, и встань, и скажи имъ все, что Я повелю тебѣ. Не малодушествуй предъ ними, чтобъ Я не пора-

зилъ тебя въ глазахъ ихъ“ (Іер. 1, 17). Чтобы дѣти Божіи были готовы къ заранѣе возвѣщеннымъ имъ „Христовымъ страданіямъ и послѣдующей за ними славѣ“, апостоль Петръ увѣщаетъ ихъ слѣдующими словами: „Посему, препоясавъ чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вамъ благодать въ явленіи Іисуса Христа“ (1 Пет. 1, 13). Далѣе, чтобы мы съ полной готовностью ожидали Его возвращенія, Онъ Самъ говоритъ намъ: „Да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи“ (Лук. 12, 35). Къ Самому Господу, идущему на совершеніе дѣла Его, обращенъ возгласъ: „Препояшь Себя по бедру мечемъ Твоимъ, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею. И въ семъ украшеніи Твоемъ поспѣши, возсядь на колесницу, ради истины, и кротости, и правды“ (Пс. 44, 4. 5). Этими и другими подобными мѣстами очень ясно изображено значеніе пояса въ словѣ Божіемъ. Очевидно, что описанный Богомъ, точно такъ же, какъ и другія славныя одежды и даже самые драгоцѣнные камни,

поясъ первосвященника

имѣетъ высокое значеніе. Господь собралъ насъ сегодня вмѣстѣ, чтобы намъ поближе узнать его значеніе.

Итакъ, поясъ первосвященника былъ, прежде всего, знакомъ полной готовности, именно готовности къ работѣ.

Когда первосвященникъ былъ не во святилищѣ, а дома, у своихъ, когда отдыхалъ отъ служенія, тогда онъ снималъ съ себя какъ священныя одежды, такъ и поясъ, чтобы свободнѣе двигаться, но никогда не смѣлъ онъ совершать въ такомъ видѣ дѣло Божіе. Лишь только у него возникала надобность идти въ домъ Господень, какъ тотчасъ же возлагались всѣ священныя одежды, и поясъ заканчивалъ облаченіе. Его домашніе знали, что онъ былъ готовъ, коль скоро надѣвалъ его. И сколько работы ожидало его каждый день; поэтому онъ долженъ былъ быть готовымъ съ ранняго утра. Его прихода ожидало все святилище со своими потребностями и народъ со своими нуждами. На немъ лежала обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы все во всей скинии совершалось въ свое время и въ порядкѣ, указанномъ Богомъ. Прочтемъ только 28 гл. Чи-

сель, и мы тотчасъ найдемъ, какъ того безусловно требовалъ Богъ. Во второмъ стихѣ сказано: „Повели сынамъ Израилевымъ, и скажи имъ: наблюдайте, чтобы приношеніе Мое, хлѣбъ Мой въ жертву Мнѣ, въ пріятное благоуханіе Мнѣ, приносимо было Мнѣ въ свое время“. Итакъ, первосвященникъ долженъ былъ слѣдить, чтобы было принесено всесоженіе, чтобы была очистительная вода въ умывальникѣ. Золотой свѣтильникъ со своими лампадами требовалъ ежедневнаго очищенія и свѣжаго елея, золотой жертвенникъ, каждое утро и каждый вечеръ,—ѳиміама и благовоній, столъ хлѣбовъ предложенія—новыхъ хлѣбовъ, и Святое-святыхъ, чтобы въ свое время кропилось въ немъ семикратно кровію. Ааронъ, опоясанный по чресламъ своимъ, являлся, какъ готовый доброхотно исполнить все.

Какая это была чудная картина, представлявшая Христа на небѣ. Въ этомъ прообразѣ Христосъ является намъ, какъ ушедшій на Свое первосвященническое дѣло. Дѣйствительно ли это такъ, братія мои? Конечно, несомнѣнно такъ. Не въ покоѣ, подъ которымъ мы подразумѣваемъ бездѣйствіе, проводитъ Онъ тысячелѣтія пребыванія Своего во славѣ. Какъ на землѣ Онъ говорилъ: „Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю“, такъ слово это относится къ Нему еще и теперь тамъ, въ небесномъ святилищѣ. Въ Посланіи къ Евреямъ 8, 2 сказано: „Онъ есть священнодѣйствователь святилища и скиніи истинной, которую воздвигъ Господь, а не человѣкъ“. А нѣсколько далѣе говорится: „Но сей Первосвященникъ получилъ служеніе тѣмъ превосходнѣйшее, чѣмъ лучшаго Онъ ходатай завѣта, который утвержденъ на лучшихъ обѣтованіяхъ“ (Евр. 8, 6). Итакъ, Онъ полонъ дѣятельности. Онъ до сихъ поръ еще не снялъ Своего пояса, еще не утомился въ Своемъ дѣствованіи, все еще готовъ на святое дѣло. Когда апостолу Іоанну дано было заглянуть за завѣсу и узрѣть Его, онъ увидѣлъ Его, какъ великаго Первосвященника, одѣтаго, именно, въ разсматриваемыя нами одежды. Вотъ какъ апостолъ описываетъ Его: „Я обратился, чтобы увидѣть, чей голосъ, говорившій со мной; и, обратившись, увидѣлъ семь золотыхъ свѣтильниковъ. И посреди семи свѣтильниковъ подобнаго Сыну человѣческому, облеченнаго въ подиръ и по

персямъ опоясаннымъ золотымъ поясомъ“ (Откр. 1, 12. 13). Здѣсь мы видимъ Его въ полномъ облаченіи, опоясаннымъ для работы среди золотыхъ свѣтильниковъ, готовымъ очищать ихъ и снабжать елеемъ и свѣтомъ. Благословенная мысль! Всякій лучъ свѣта, получаемый тобою и мною, получаемый кѣмъ-либо другимъ въ обширномъ царствѣ благодати Его, всякое насыщеніе, всякое новое преисполненіе силой Его,— все это въ теченіе тысячелѣтій приходитъ на насъ чрезъ Него; всякій разъ, что молитвы наши услышаны Богомъ, всякій отвѣтъ, получаемый нами на нихъ,—все это плоды Его благословеннаго дѣла во славу. Онъ исполняетъ всѣ наши потребности и, въ то же время, идетъ навстрѣчу всѣмъ требованіямъ Іеговы. Нынѣ исполняется слово, предреченное пророкомъ, по которому, „когда душа Его принесетъ жертву умилоствленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное, и воля Господня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою Его“ (Ис. 53. 10). Иисусъ, великій нашъ Первосвященникъ, находящійся въ дѣлѣ,—вотъ въ чемъ наше спасеніе!

Первосвященнической поясъ былъ также знакомъ готовности къ служенію. Не всякая работа бываетъ служеніемъ; но работа первосвященника была, именно, таковымъ. Онъ былъ призванъ какъ служитель Всевышняго и своего народа, который онъ заступалъ. Мы всѣ знаемъ, что онъ пребывалъ во святилищѣ не для себя, не самъ себя онъ туда и поставилъ, но былъ поставленъ Богомъ, какъ мы уже видѣли изъ повелѣнія Божія, даннаго о немъ Моисею; такъ же говоритъ и апостолъ Павелъ Евреямъ, 5, 4: „Никто самъ собою не пріемлетъ этой чести, но **призываемый Богомъ, какъ и Ааронъ**“. Ааронъ имѣлъ на себѣ всѣ признаки служителя. Я думаю, что они состоятъ, преимущественно, изъ трехъ частей: когда **призываешься на дѣло высшимъ** лицомъ, когда **приготавлиешься на то другимъ** и когда **работаешь для другихъ**. Ааронъ имѣлъ честь быть призваннымъ Богомъ, быть Имъ приготовленнымъ и Ему же служить. Объ апостолѣ Петрѣ, котораго Господь хотѣлъ ввести въ подобное положеніе, Христосъ, сказалъ: „Когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ“. До сихъ поръ онъ самъ опоясывался и дѣлалъ, что ему нравилось, былъ самъ себѣ господиномъ; но впредь

такъ не должно было быть, какъ Господь ему поясняетъ: „когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь“ (Іоан. 21, 18). Приготовление, служеніе и воля должны были съ тѣхъ поръ уже быть не Петра, но кого то другого. Точно такъ было и съ первосвященникомъ.

Совершенно такъ было и со Христомъ въ чудномъ дѣлѣ славнаго искупленія съ самаго его начала до дивнаго окончанія. Еще раньше Своего явленія Онъ многократно называется въ Ветхомъ Завѣтѣ рабомъ Господа. Въ одномъ мѣстѣ о Немъ сказано: „Вотъ Отрокъ Мой, котораго Я держу за руку, избранный Мой, къ которому благоволилъ душа Моя. Положу духъ Мой на Него, и возвѣститъ народамъ судъ“ (Ис. 42, 1). И въ другой разъ: „Кто такъ слѣпъ, какъ рабъ Мой, и глухъ, какъ вѣстникъ Мой, Мною посланный? Кто такъ слѣпъ, какъ Возлюбленный, такъ слѣпъ, какъ рабъ Господа“? (ст. 19). Въ томъ именно и состояло Его совершенство, что ни око, ни ухо Его не могло подпасть подъ какое-либо вліяніе, кромѣ Іеговы, Которому Онъ служилъ. И еще сказано: „Вотъ рабъ Мой будетъ благоуспѣшенъ, возвысится, и вознесется, и возвеличится“. И вслѣдъ затѣмъ: „Чрезъ познаніе Его Онъ, Праведникъ, Рабъ Мой, оправдаетъ многихъ, и грѣхи ихъ на Себѣ понесетъ“ (Ис. 52, 13.—53, 11). Такъ было предвозвѣщено о Немъ. Послѣ, когда Онъ былъ на землѣ, кажется, что особенно охотно Онъ смотрѣлъ на Себя, какъ на „**посланнаго Отцомъ**“. Болѣе тридцати разъ указываетъ Онъ на Себя, какъ на Посланника. Посланникъ же является всегда по порученію другого. Да и Онъ Самъ говоритъ намъ, зачѣмъ Онъ пришелъ: „Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ“ (Мат. 20, 28). Еслибъ земнымъ служеніемъ окончилось все, то наша потеря была бы очень велика; но, слава Ему вѣдь: Онъ, опоясанный, на престолѣ и облеченъ всякой властью на небѣ и на землѣ, чтобы выполнять предвѣчныя предначертанія Отца. Однажды служеніе повело Его въ „преисподнія мѣста земли“, но оно уже окончилось; теперь же служеніе Его одесную величія Божія, и оно продолжается.

Нѣкогда Онъ служилъ въ немощи, теперь же въ силѣ и славѣ, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не завершится искупленіе тѣхъ, которыхъ Отецъ далъ Ему, пока весь міръ и все, заключающееся въ немъ, не будетъ положено къ ногамъ Его.

Взглянемъ еще немного на Его славное служеніе для насъ. Подобно тому, какъ первосвященникъ въ Ветхомъ Завѣтѣ принималъ прошенія народа своего, тутъ же принося ихъ Іеговѣ въ благовонномъ куреніи на золотомъ жертвенникѣ, такъ точно приносить и Онъ Богу наши моленія: только чрезъ Него они благоугодны Отцу: Онъ—нашъ Первосвященникъ и нашъ жертвенникъ, освящающій нашъ даръ. Также Онъ одинъ, приносить Отцу дѣла наши, какъ это вытекаетъ изъ Откр. 3, 2, гдѣ Онъ не находитъ совершенными предъ Богомъ дѣла Ангела Сардійской Церкви. И, возлюбленные, не приходится ли Ему ежедневно вновь омывать ноги наши, какъ омывались тамъ ноги священниковъ передъ каждымъ вступленіемъ во святилище? Имѣли бы мы часть съ Нимъ, еслибы Онъ не оказалъ намъ этого служенія любви? Первое омовеніе ногъ въ горницѣ въ Іерусалимѣ отвѣтило бы отрицательно на нашъ вопросъ. И не было ли оно, собственно, чуднымъ прообразомъ того, что ежедневно совершается Имъ теперь для насъ? Взгляните внимательно на это омовеніе, и вы убѣдитесь въ этомъ. Не стоялъ ли Онъ тогда среди Своихъ учениковъ, какъ будто Онъ уже вошелъ за завѣсу? Посмотрите только, съ какимъ сознаніемъ Онъ умываетъ ноги Своимъ ученикамъ. Правда, Онъ стоялъ еще предъ крестомъ, и все-таки въ духѣ Онъ уже одержалъ надъ нимъ побѣду, о чемъ Духъ Святой далъ написать апостолу Іоанну: „Иисусъ, зная, что Отецъ все отдалъ въ руки Его, и что Онъ отъ Бога исшелъ и къ Богу отходить“ (Іоан. 13, 3). Итакъ, въ сознаніи Своего величія и божественной славы, въ сознаніи Своего пришествія и Своего возвращенія въ славу, Онъ препоясалъ чресла Свои для самаго низкаго служенія Своимъ. Возлюбленные, Онъ хотѣлъ разъ навсегда показать всему народу Своему, чѣмъ будетъ дѣло Его для насъ, когда Онъ будетъ дѣйствовать этой данной Ему властью. Въ то же время хотѣлъ Онъ показать намъ путь, которымъ намъ

надлежитъ идти, если мы хотимъ вкусить Его блаженство и радость, которыя Онъ испыталь въ служеніи.

Не такъ ли это, братіе мои? Не всѣ ли мы знаемъ, что это и до сего часа дѣло Его въ насъ? И Онъ будетъ совершать его до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, мы всѣ не будемъ безъ пятна и порока, безъ недостатка или чего-либо подобнаго, и будемъ поставлены въ радости предъ лицомъ Его. Что ты скажешь на это, робкое, застѣнчивое и боязливое чадо Божіе, когда увидишь Его въ могуществѣ, чести, славѣ и величіи Его и вспомнишь, что Его блаженство заключается въ томъ, чтобы взять въ Свою руку дѣло твое, озабочивающее тебя, нужду, подавляющую тебя, и твое недостоинство, приносящее тебѣ неисчислимыя страданія, и такъ направить все это, что тебѣ ничего не останется, какъ только славить и благодарить Его. И какъ могъ бы Онъ поступить иначе послѣ того, какъ Онъ такъ близко, такъ тѣсно связалъ Себя со Своими искупленными, что называетъ ихъ „членами тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его“; и при этомъ наставляетъ насъ, чтобы мы не смущались этого чудеснаго отношенія, но относились бы къ Нему такъ же просто, какъ къ окружающей насъ жизни, потому что Онъ хочетъ, чтобы мы, судя по себѣ, заключали о Немъ, когда говорить: „Никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь Церковь“ (Еф. 5, 29. 30).

Но возвратимся къ нашему прообразу. **Замѣтите, что поясъ первосвященника являлся охватывающимъ все на немъ.** Вообще, на Востокѣ поясъ употреблялся не только для того, чтобы стягивать платье и подбирать его, но еще почти всегда, какъ кошелекъ для цѣнностей. Золото, серебро и всѣ взятыя съ собой въ дорогу цѣнныя вещи прятались за поясъ. Это очень ясно видно изъ повелѣнія Господа, даннаго посланнымъ ученикамъ Его: „Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои“ (Мат. 10, 9). И до сего дня можно видѣть на Востокѣ такое употребленіе пояса. Все имущество, все богатство и украшеніе Аарона заключалось въ одеждахъ, возложенныхъ на него Господомъ. Его поясъ охватывалъ ихъ со всѣми вложенными въ нихъ красотою, съ самой его личностью,

объединяя все. Не было никакой части одежды, никакого украшения, ни драгоценнаго камня, которые не поддерживались бы имъ. Тутъ былъ и бѣлый хитонъ, голубая верхняя риза, нарамники и ефодъ, и роскошный наперсникъ со своими драгоценными камнями, даже самые камни оникса на раменахъ, прикрѣпленные золотыми цѣпочками къ ефоду и нарамникамъ, — все это охватывалось и въ дѣйствительности поддерживалось поясомъ. Такъ представлялъ за народъ свой предъ Господомъ первосвященникъ со всѣмъ, что онъ имѣлъ и чѣмъ онъ былъ чрезъ эти драгоценности въ глазахъ Божиихъ.

Такъ и Иисусъ. Онъ тоже вноситъ всѣ Свои совершенства, всѣ Свои сокровища, все, что Онъ есть и что имѣетъ, въ Свое чудное служеніе, въ Свое благословенное дѣло. Если все это „благолѣпіе“ давалось путемъ прообразовъ прежнему первосвященнику, то Онъ обладаетъ ими въ дѣйствительности, обладаетъ въ такой мѣрѣ, о которой мы не имѣемъ никакого представленія; Онъ обладаетъ ими въ безусловномъ совершенствѣ, какъ они служатъ пріятнымъ благоуханіемъ и вѣчнымъ благоволеніемъ сердца Отца; и, да будетъ Ему слава и благодареніе, Онъ соединяетъ ихъ Своей безконечной, вѣчной любовью, этимъ чуднымъ поясомъ, этими узами совершенства, и предлагаетъ ихъ за насъ Отцу. Онъ и здѣсь нашъ чудный Заступникъ: то, что должны бы совершать мы, но чего здѣсь никогда не будемъ въ силахъ выполнить, совершилъ Онъ, въ вѣчной любви отдавъ Себя отъ всего сердца, отъ всей души, **всѣми силами и всѣмъ духомъ** Іеговъ. И не достаточно ли этого? Да, торжествуй, дорогая душа: этого достаточно, навѣки достаточно!

Онъ повелѣлъ, какъ мы только что видѣли, Своимъ ученикамъ не брать съ собою въ поясы денегъ, золота, серебра и мѣди, потому что Самъ взялся заботиться о нихъ, и они увѣренно должны были идти на Его иждивеніи; такъ можемъ и мы теперь тѣмъ радостнѣе и довѣрчивѣе идти къ Отцу во святилище пустыми, безъ всякаго собственнаго имущества, безъ собственнаго достоинства и безъ собственныхъ заслугъ, мы смѣемъ идти туда на Его счетъ. Въ Его поясѣ заключены „неизслѣдимыя богатства“,

вполнѣ покрывающія всѣ наши потребности, какъ бы велики онѣ ни были.

О, чудная мысль: Онъ и вся Его красота, Онъ и всѣ Его богатства, Онъ и всѣ Его чудныя совершенства и дары безраздѣльно и непрестанно находятся, къ нашему добру и блаженству, въ присутствіи Божіемъ. Какъ спокойно могу я, на основаніи этого, приближаться къ Богу! Какъ безусловно и дерзновенно могу принести, даже самому робкому, радостную вѣсть: „Приди, приди! И для тебя здѣсь есть то, чего ты жаждешь, о чемъ вздыхаешь, а именно свободное, полное, вѣчное спасеніе, даромъ и безвозмездно: только довѣрься Ему какъ дитя“!

Но идемъ дальше. Не забудемъ, что этотъ поясъ былъ также украшеніемъ первосвященника. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ одеждамъ, которыя Господь называлъ то одеждами „священными“, то „славными и благолѣпными“, которыя были сдѣланы людьми, мудрыми сердцемъ, исполненными отъ Господа „духомъ премудрости“ (Исх. 28, 2. 3). Мы также находимъ, что онъ былъ сдѣланъ изъ того же матеріала, какъ и ефодъ, а именно изъ золота, голубого, пурпуроваго, червленаго и бѣлаго виссона. Онъ тоже принадлежалъ къ тѣмъ предметамъ, которые отличали первосвященника отъ священниковъ. Послѣдніе были, безъ сомнѣнія, также препоясаны поясомъ, потому что и они находились во святилищѣ для работы и служенія; они носили свой поясъ поверхъ бѣлыхъ льняныхъ хитоновъ, и онъ былъ изъ такой же бѣлой ткани, но все же имъ недоставало этого искусно вытканнаго первосвященническаго пояса.

Итакъ, если поясъ изображаетъ работу и служеніе, — что мы только что видѣли, хотя мы были настолько робки, что не осмѣливались приписать таковыя нашему Господу во славѣ, потому что могло бы казаться, что мы этимъ умаляемъ Его славу и величіе, — то что же мы скажемъ теперь, когда мы слышимъ, какъ Іегова называетъ этотъ символъ служенія, какъ и другіе символы, „святимъ, славнымъ и благолѣпнымъ“. Его служеніе—святое служеніе, оно славное служеніе, благолѣпное и благоугодное Отцу. Онъ смотритъ на Его служеніе и трудъ, какъ на украшеніе.

возложенное на Возлюбленного, окружающее Его со всѣхъ сторонъ. Онъ опредѣлилъ его таковымъ, за полторы тысячи лѣтъ до явленія Господа, въ этомъ прообразѣ, который мы имѣемъ теперь предъ собою. И въ то время, когда Единородный ходилъ здѣсь по землѣ, что особенно выставлялъ въ Немъ Отецъ, по поводу чего особенно высказывалъ Свое благоволеніе? Не было ли это—Его послушаніе, Его дѣло? Оно было для Него „свято, благолѣпно и славно“. Взгляните только на Отца и на Него, Который непрестанно называлъ Себя „Посланнымъ Отца“, и замѣтите, какъ сопровождаетъ Его благоволеніе Пославшаго Его. Лишь только Онъ въ дѣтской покорности вступилъ въ воды Іордана, лишь только совершилъ то, отъ чего старался удержать Его Іоаннъ, считая это унижительнымъ для Него, тотчасъ же отверзаются небеса, и не только небеса, но и сердце и уста Отца; и при этомъ первомъ открытомъ проявленіи послушанія Сына Онъ громкимъ голосомъ возвѣщаетъ всему міру: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“ (Мат. 3, 17). Затѣмъ посмотрите на Сына Божія на горѣ Ѡаворѣ: Онъ достигъ той минуты Своей земной жизни, когда, весь проникнутый славой Божіей, Онъ уже здѣсь преобразился въ небесномъ величіи; Онъ могъ теперь вознестись, подобно Іліи, на огненныхъ коняхъ и колесницѣ или быть взятымъ на небо, подобно Эноху, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ чище и непорочнѣе была жизнь Его передъ жизнью ихъ; но, вмѣсто того, чтобъ идти во славу съ Моисеемъ и Іліей, Онъ бесѣдуетъ съ ними объ иномъ исходѣ изъ этого міра, объ исходѣ, ожидавшемъ Его въ Іерусалимѣ, о послѣднемъ шагѣ униженія, шагѣ, перенесшемъ Его въ среду „злodeвъ“. И вотъ тутъ вторично раздается голосъ Отца, выражающій Его благоволеніе къ Единородному: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный; Его слушайте“. Въ глазахъ Отца служеніе Сына въ униженіи было славнымъ украшеніемъ; должно ли быть иначе во славѣ?

Точно такъ же смотритъ и Онъ Самъ, носитель этого пояса, на трудъ и служеніе Свое. Не сказалъ ли Онъ еще во славѣ, отдаваясь на то: „Я желаю исполнить волю Твою, Боже Мой“ (Пс. 39, 9.—Евр. 10, 9). И когда Онъ нахо-

дился среди труда здѣсь, на землѣ, это служеніе было радостью Его, такъ что Онъ забывалъ ѣсть хлѣбъ Свой; когда же ученики пригласили Его вкусить хлѣба, Онъ далъ имъ тотъ памятный отвѣтъ, который разъ навсегда опредѣлилъ намъ Его сердечное отношеніе къ Своему служенію. „Моя пища“, сказалъ Онъ имъ, „есть творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его“ (Іоан. 4, 34). Да, Онъ даже взялъ знаки Своего труда и служенія, слѣды креста, раны на рукахъ, ногахъ и ребрахъ Своихъ, съ Собою во славу. Не видитъ ли Его апостолъ Іоаннъ стоящимъ посреди престола, какъ Агнца закланнаго (Откр. 5, 6), и не узритъ ли Его всякое око, и тѣ, „которые пронзили Его“ (1, 7)? Онъ не постыдится этихъ знаковъ, они дороги Ему и дѣлаютъ славу Его еще славнѣе.

И не сталъ ли Его поясъ краскою и славою для васъ, васъ, искупленныхъ и освобожденныхъ Его служеніемъ? Онъ вѣдь истинный Іаковъ, отслуживавшій за васъ полноту лѣтъ, совершенное время служенія, подобно тому, какъ тотъ служилъ за Рахиль семь лѣтъ, которые „показались за нѣсколько дней, потому что онъ любилъ ее“ (Быт. 29, 20). Конечно, знакъ Его служенія—утѣшеніе и блаженство ваше; но, да окажется онъ для васъ также и чуднымъ, какъ примѣръ, которому вы пожелали бы послѣдовать отъ всей души, снисходя, подобно Ему, къ братьямъ вашимъ въ добровольномъ служеніи. Да будетъ украшеніемъ и убранствомъ вашимъ добровольная отдача себя на жертву для нихъ въ глубокомъ смиреніи и духѣ служенія.

Въ заключеніе позвольте мнѣ высказать еще одну не покидающую меня мысль относительно пояса. Однажды Господь сказалъ чрезъ пророка Іеремию: „Ибо какъ поясъ лежитъ близко къ чресламъ человѣка, такъ Я приблизилъ къ Себѣ весь домъ Израилевъ и весь домъ Іудинъ, говоритъ Господь, чтобъ они были Моимъ народомъ и Моею славою, хвалою и украшеніемъ“ (Іер. 13, 11). Не является ли здѣсь въ прообразѣ искупленная кровью Церковь Господня? Воистину, это слово проливаетъ удивительный свѣтъ на эту мысль. Представьте себѣ великаго Первосвященника, такъ окруженнаго народомъ Своимъ, представьте себѣ народъ Его, такъ близко примкнувшій къ

Нему, и представьте себя въ такой тѣсной связи съ Нимъ на Его престолѣ. Конечно, наше сердце преисполнится благоговѣніемъ къ Нему, славой, хвалой и честью, и наши уста наполнятся пѣснопѣніемъ и благодареніемъ при этомъ взглядѣ! Но не заходимъ ли мы слишкомъ далеко, думая такъ о себѣ, принимая это для себя? Нисколько! Все, что мы только что прочли въ Ветхомъ Завѣтѣ, Духъ Святой засвидѣтельствовалъ намъ живѣе въ Новомъ, поучая насъ, что Богъ насъ „оживотворилъ со Христомъ, воскресилъ съ Нимъ и посадилъ на небесахъ во Христѣ Исусѣ“ (Еф. 2, 5. 6).

Да, народъ Его не только окружаетъ Его, нѣтъ, онъ и въ Немъ, онъ украшеніе и краса Его; онъ и побуждаетъ Его къ труду, къ непрерывному служенію Его, потому что вся любовь Его принадлежитъ ему. Имѣйте это всегда въ виду, дорогія дѣти Божіи, во все время вашего земного странствованія, чтобы оно, благодаря вашему славному положенію и Его вѣрному служенію, было жительствою на небесахъ и чтобы вашъ Отецъ могъ сказать о васъ то, что сказалъ объ Единородномъ: „Сии сыны и дщери. Мои возлюбленные, въ которыхъ Мое благоволеніе“. Аминь.

---

27. Два камня оникса.

- Исх. 28, 9. „И возьми два камня оникса, и вырѣжь
 10. на нихъ имена сыновъ Израилевыхъ. Шесть
 именъ ихъ на одномъ камнѣ, и шесть именъ
 остальныхъ на другомъ камнѣ, по порядку
 11. рожденія ихъ. Чрезъ рѣзчика на камнѣ,
 который вырѣзываетъ печати, вырѣжь на
 двухъ камняхъ имена сыновъ Израилевыхъ;
 12. и вставь ихъ въ золотыя гнѣзда. И положи
 два камня сіи на нарамники ефода; это
 камни на память сынамъ Израилевымъ; и
 будетъ Ааронъ носить имена ихъ предъ
 Господомъ на обоихъ раменахъ своихъ,
 13. для памяти. И сдѣлай гнѣзда изъ золота;
 14. И двѣ цѣпочки изъ чистаго золота; витыми
 сдѣлай ихъ работою плетеною, и прикрѣпи
 витыя цѣпочки къ гнѣздамъ“.

Сегодня мы дошли до драгоценнаго убранства, украшавшаго оба плеча первосвященника. Божественное повелѣніе Моисею гласило: „Возьми два камня оникса, и вырѣжь на нихъ имена сыновъ Израилевыхъ; и положи два камня сіи на нарамники ефода“. Это повелѣніе сразу устанавливало тѣсную связь между первосвященникомъ и народомъ Израилевымъ. Если до сихъ поръ мы видѣли ее только на основаніи нѣкоторыхъ намековъ и заключеній или позднѣйшихъ заключеній Писанія, то здѣсь она представлена намъ прямо и непосредственно, являясь вполне очевидной. Драгоценные камни съ вырѣзанными на нихъ именами двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ на раменахъ первосвященника очень ясно являли намъ его, какъ носителя этихъ колѣнъ предъ Богомъ, а ихъ, какъ порученныхъ его заботамъ. Воистину, славная картина!

Что же касается этихъ драгоценныхъ камней, ихъ достоинства и цѣны, то мы, въ настоящее время, не имѣемъ о нихъ точнаго и яснаго понятія, потому что

болѣе чѣмъ вѣроятно, что современный нашъ камень ониксъ не имѣетъ ничего общаго съ ониксомъ Св. Писанія. Еврейское слово „Schoh ham“, говоритъ выдающійся на этомъ поприщѣ англійскій ученый Робертсонъ, переведенное въ этомъ мѣстѣ словомъ ониксъ или онихъ, происходитъ отъ очень рѣдко употребительнаго корня и означаетъ „сверкать блескомъ огня“. Что этотъ камень былъ одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ среди драгоцѣнныхъ камней, вытекаетъ уже изъ того, что онъ упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ Св. Писанія. Онъ долженъ былъ особенно выдѣляться предъ другими, потому что Св. Писаніе находитъ нужнымъ упомянуть о его присутствіи въ раю (Быт. 2, 12). И въ Іов. 28, 16, гдѣ онъ упоминается среди другихъ драгоцѣнныхъ камней, чтобы выдвинуть ни съ чѣмъ несравнимое достоинство премудрости, онъ опредѣляется даже особымъ прилагательнымъ „драгоцѣнный“. Нашъ современный полудрагоцѣнный, непрозрачный, двухцвѣтный ониксъ не только не блестящъ, но и не многоцѣненъ. Обращая теперь наше вниманіе на эти драгоцѣнные

ДВА КАМНЯ ОНИКСА,

мы молимъ Господа даровать намъ свѣтъ, который ясно открылъ бы намъ ихъ глубокое и благословенное значеніе.

Оба эти драгоцѣнные камня, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ видимъ на плечахъ первосвященника, свидѣлствуютъ очень громко о **высокой цѣнѣ Израиля въ очахъ Божіихъ**. Камни, сами по себѣ, если они, по смыслу основнаго слова своего названія, свѣтились блескомъ пламени, должны были быть сокровищемъ, въ полномъ смыслѣ слова, несравненной и необыкновенной цѣны. И, какъ мы уже видѣли, все, что о нихъ говоритъ Св. Писаніе, даетъ намъ право заключить о ихъ высокой цѣнности. Здѣсь мы находимъ ихъ на плечахъ первосвященника, что еще гораздо больше увеличиваетъ ихъ цѣну, но они находились тамъ никакъ не для того, чтобы являть предъ Богомъ **свое** собственное великолѣпіе: они выражали блескъ тѣхъ, чьи имена были вырѣзаны на нихъ. Рувимъ, Симеонъ,

Левій, Іуда, Данъ, Нефеалимъ были вырѣзаны отчетливыми буквами на одномъ камнѣ; и Гадъ, Асиръ, Иссахаръ, Завулонъ, Іосифъ и Веніаминъ—на другомъ. Итакъ, двѣнадцать колѣнъ всего народа Израильскаго являлись на плечахъ перевосвященника предъ Богомъ, какъ одинъ драгоценный камень высокой цѣны; они были вырѣзаны на двухъ камняхъ только для того, чтобы ихъ можно было носить на обоихъ плечахъ. Израиль—драгоценный камень Божій!—вотъ, что говорили эти камни оникса, и говорили не по собственной, произвольной надменности, но по распоряженію Самого Господа. Чѣмъ Израиль здѣсь былъ и являлся, тѣмъ онъ былъ дѣйствительно въ очахъ Божіихъ, такъ какъ Самъ Господь далъ ему эту славу.

Если эти два камня, на которыхъ были вырѣзаны имена, выражали полное единство предъ Богомъ, то двѣнадцать именъ колѣнъ, поставленныя отдѣльно и въ то же время другъ подлѣ друга, являли свое различіе, которое признавалъ за ними Богъ, расположивъ ихъ такимъ образомъ. Какъ отрадно было знать каждому колѣну, что не только Израиль вообще, но и каждое колѣно въ отдѣльности являлось возлюбленнымъ и дорого оцѣненнымъ, какъ различны они ни были между собою. Богъ не дѣлалъ никакой разницы: каждое колѣно сіяло здѣсь одинаковымъ достоинствомъ, въ одинаковой оцѣнкѣ и одинаковомъ великолѣпіи, потому что каждое получило по повелѣнію Божію одинаковое съ другими мѣсто въ одномъ и томъ же драгоценномъ камнѣ. Первородный и младшій, скудно одаренный, какъ выдающійся, малый Веніаминъ, какъ и мощный Іуда—всѣ стояли на одинаковомъ уровнѣ, въ одной и той же оцѣнкѣ и милости предъ Богомъ; такимъ образомъ, имъ не въ чемъ было уничижать своихъ собратій или имъ завидовать.

Неправда ли, возлюбленные, мы понимаемъ славную мысль Божію, которую Онъ вложилъ въ эту тѣнь будущихъ благъ для Своего истиннаго Израиля, народа, искупленнаго Христомъ. Они для Него драгоценные камни безконечной цѣны; какъ „благолѣпные и славные“ камни, видитъ Онъ ихъ во Христѣ, нашемъ великомъ Первосвященникѣ: и это не потому, что они сами по себѣ такъ

достойны, но потому, что Самъ Господь возвелъ ихъ въ это высокое званіе. Какъ написано: „Незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее; для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ. Отъ Него и вы во Христѣ Іисусѣ“ (1 Кор. 1, 28—30). Они во Христѣ Іисусѣ; но они въ Немъ по избранію Божію, чрезъ Него они получили свой удѣлъ въ великой и превознесенной Главѣ, Онъ Самъ ступень за ступенью поднялъ ихъ до высшей славы. Прослѣдите это удивительное дѣло Его, и вы, съ начала до конца, найдете, что это такъ. Апостолъ въ короткихъ словахъ даетъ намъ описаніе его, говоря: „Ибо кого Онъ предугадалъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего, дабы Онъ былъ первороднымъ между многими братіями. А кого Онъ предопредѣлилъ, тѣхъ и призвалъ; а кого призвалъ, тѣхъ и оправдалъ; а кого оправдалъ, тѣхъ и прославилъ“ (Рим. 8, 29. 30). Неправда ли, какое великое, чудное дѣло! Оно начинается въ вѣчности, длится чрезъ всѣ времена и заканчивается снова тамъ, на небѣ; и все во всемъ—Онъ, Онъ и только Онъ, и конечная цѣль—Его прославленіе. „Такъ какъ ты дорогъ въ очахъ Моихъ, многоцѣненъ, и Я возлюбилъ тебя, то отдамъ людей за тебя“ (Ис. 43, 4); вотъ поясненіе, которое Онъ даетъ намъ о Своихъ непостижимыхъ дѣйствіяхъ. Его избранные славны для Него, потому что Онъ Самъ сдѣлалъ ихъ такими. славные драгоцѣнные камни, потому что они дѣло рукъ Его и Его собственная краса, въ которой они сіяютъ, какъ подтверждаетъ намъ носитель ихъ, великій Первосвященникъ: „И славу“,—свидѣтельствуетъ Онъ,—„которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ“ (Іоан. 17, 22). Да, только на раменахъ Его, только въ связи съ Нимъ можемъ мы быть чѣмъ-нибудь къ похвалѣ славы Его.

Смотрѣли ли мы на себя, какъ на подобные драгоцѣнные камни? Усвоили ли мы себѣ радостно то, что мы получили „по Его изволенію и благодати, данной намъ во Христѣ Іисусѣ прежде вѣковыхъ временъ“ (2 Тим. 1, 9)? Если да, то мы и здѣсь найдемъ необходимую намъ силу, чтобы жить въ этомъ мірѣ на высотѣ, прославляющей Его. И еще больше. Смотрѣли ли мы на каждого изъ дѣ-

тей Его, на каждого изъ возлюбленныхъ Божиихъ, къ какому бы народу и къ какому бы колѣну новозавѣтнаго Израиля они ни принадлежали, какъ на сокровище, какъ на драгоценный камень Господа? Не оспаривали ли мы иногда у того или другого изъ этихъ колѣнъ чудныя права и высокую оцѣнку, которыя Господь далъ имъ наравнѣ съ нами? Не случилось ли, хотя, можетъ быть, въ сердцѣ нашемъ, втайнѣ, отводить имъ совершенно иное, низшее, болѣе отдаленное мѣсто? О, если-бы мы хотя разъ пожелали увидѣть, что не одно только имя, но двѣнадцать именъ красуются на одномъ и томъ же драгоценномъ камнѣ на раменахъ Его, и красуются они тамъ, потому что Онъ Самъ помѣстилъ ихъ туда. Да будетъ Ему угодно исправить насъ въ любви Своей чрезъ эту ветхозавѣтную тѣнь, чтобы и въ этомъ отношеніи въ насъ всегда были тѣ же чувствованія, какъ и во Христѣ Исусѣ.

Эти камни на раменахъ первосвященника говорили еще о вѣчной неизмѣняемости ихъ достоинства. Эти имена двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ были связаны совершенно нераздѣльно съ этими неоцѣненными драгоценностями. Не чернилами и перомъ были они написаны на камняхъ оникса, — они могли бы скоро стереться или даже сами по себѣ поблѣтѣть отъ времени; нѣтъ, здѣсь призывались рѣзчики съ твердымъ рѣзцомъ, чтобы глубоко вырѣзать ихъ на блестящемъ фонѣ. Тамъ стояли они незгладимою надписью на вѣчныя времена.

Кто изъ насъ, возлюбленные, не видитъ всей глубины мысли Божіей, вложенной въ это обстоятельство? Это, значитъ, не такъ, какъ полагаетъ иная робкая, боязливая душа, что сегодня она является славной, а завтра ничтожной и даже презрѣнной во Христѣ предъ Богомъ; сегодня на драгоценномъ камнѣ и оцѣненной подобно ему, а завтра она можетъ быть отвернутой по ея личнымъ чувствамъ и своей собственной оцѣнкѣ; нѣтъ ея слава и драгоценность вѣчны, какъ Тотъ, Который подарилъ ей ихъ и Который носитъ ее на раменахъ Своихъ. „Вотъ“, — говоритъ Онъ, — „Я начерталъ тебя на дланяхъ Моихъ; стѣны твои всегда предо Мною“ (Ис. 49, 16). Посмотрите

хорошенько на эти начертанія на рукахъ Его, онъ непрестанно показывалъ ихъ ученикамъ по воскресеніи Своемъ: „Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои“, говорилъ Онъ имъ. Неправда ли, какъ глубоко врѣзались эти начертанія! Руки Его были пронзены, и начертанія прошли насквозь, и никогда не могутъ быть изглажены. Итакъ, вѣчно цѣнно, вѣчно дорого и вѣчно славно для Него даже самое меньшее изъ чадъ Божіихъ; драгоценный камень недостижимой, непреходящей цѣны—каждое колѣно Его собственнаго народа, носимаго Имъ на раменахъ. О, если бы вы видѣли себя глазами вѣры навѣки вырѣзанными такъ, а не въ своемъ собственномъ свѣтѣ, не въ своемъ воображеніи, но въ свѣтѣ этихъ камней, „сверкающихъ блескомъ огня“. Воистину, вы тогда лучше поймете, что эта надпись тамъ несравненно значительнѣе всякаго дара и всякой силы, значительнѣе всякаго успѣха и радости о немъ. Вы будете совершенно согласны съ вашимъ великимъ Первосвященникомъ, когда Онъ будетъ поощрять васъ основать всю вашу радость на этой сверкающей надписи: „Се даю вамъ“,—говоритъ Онъ намъ,—„власть наступать на змѣй и скорпіоновъ, и на всю силу вражію; и ничто не повредитъ вамъ. Однакожъ тому не радуйтесь, что духи вамъ повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ“ (Лук. 10, 20). Они, значитъ, записаны на небѣ и вырѣзаны тамъ на камнѣ, на плечахъ великаго Первосвященника, сидящаго одесную величія Божія и оставившаго намъ обѣтованіе: „Не изглажу имени твоего изъ книги жизни“ (Откр. 3, 5).

Далѣе, эти камни оникса говорили о силѣ, которою носимъ былъ весь народъ Израильскій. Это было поистинѣ чудное мѣсто, назначенное имъ у первосвященника. Онъ носилъ ихъ на плечахъ своихъ съ легкостью, о бремени не могло быть никакой рѣчи. Мы уже раньше видѣли, что именно эти плечи были посвящены на славное служеніе и означали мѣстопребываніе силы человѣка. Здѣсь мы видимъ, какое служеніе было возложено на нихъ: именно, прообразно носить на себѣ народъ Израильскій. Безъ сомнѣнія, плечи Аарона были достаточно сильны для этого; эти камни никогда не могли сдѣлаться для него тягостными, онъ носилъ, не ощущая ихъ, какъ свое украшеніе.

Какое мѣсто для насъ, мои дорогіе братія, находится на вѣчныхъ, всемогущихъ раменахъ Христа Іисуса! Какъ спокойно можемъ мы опереться и покоиться на нихъ со всѣми нашими затрудненіями и со всей тяжестью нашей. Будутъ ли они въ состояніи носить и достаточно поддерживать насъ? Можетъ ли онъ утомиться или изнеможетъ ли когда-либо, даже нося насъ долгіе годы? Никогда! „Развѣ ты не знаешь? Развѣ ты не слышалъ“, спрашиваетъ Онъ каждого изъ насъ въ отдѣльности, „что вѣчный Господь Богъ, сотворившій концы земли, не утомляется и не изнемогаетъ? Разумъ Его неизслѣдимъ“ (Ис. 40, 28). Итакъ, Его созидаящая и сохраняющая сила существуетъ для насъ, на ней мы должны покоиться. Подобно тому, какъ вся сила первосвященника была посвящена Іеговѣ и всецѣло поглощалась служеніемъ Ему, такъ и Христу для выполнения воли Отца дана „всякая власть на небѣхъ и на землѣ“; и Онъ сказалъ намъ, въ чемъ эта воля заключается. „Воля же пославшаго Меня Отца есть та“,—говоритъ Онъ,—„чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить. но все то воскресить въ послѣдній день“ (Іоан. 6, 39). Итакъ, съ какимъ могуществомъ пронесетъ Онъ чрезъ всѣ трудности тѣхъ, которыхъ далъ Ему Отецъ.

Не испытали ли мы хорошо это неутомимое, сильное ношеніе съ перваго дня. какъ узнали Его? Онъ началъ именно съ этого. Что было первымъ Его дѣломъ послѣ того, какъ Онъ, наконецъ, нашелъ насъ, заблудшихъ овецъ? Погналъ ли Онъ насъ впереди Себя или предоставилъ намъ самимъ пролагать себѣ путь? О. нѣтъ, Онъ взялъ каждого изъ насъ „съ радостью на плеча Свои“ и понесъ домой; и Онъ не пересталъ еще нести насъ, братія мои, потому что мы еще не дома. Онъ не бросилъ этого дѣла, несмотря на то, что много лѣтъ прошло уже со дня встрѣчи нашей съ Нимъ; несмотря на то, что намъ казалось, что Онъ неминуемо долженъ бросить начатое Имъ дѣло, потому что съ своей стороны, мы сдѣлали все, чтобъ утомить эти рамена. Какъ часто я ни обдумывалъ это безгранично любвеобильное и неустанное ношеніе, я не могъ сказать ничего другого, какъ только: „Господи! Ты Богъ, а не человѣкъ“! Только эта одна мысль можетъ объяснить

мнѣ Его безконечное долготерпѣніе, съ которымъ Онъ носитъ меня до сей минуты. И что же, будетъ ли это такъ продолжаться? Безъ сомнѣнія, потому что у Него „нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны“ (Іак. 1, 17). Его прямой отвѣтъ звучитъ: „И до старости вашей Я тотъ же буду, и до сѣдины вашей Я же буду носить васъ; Я создалъ, и буду носить, поддерживать и охранять васъ“ (Іс. 46, 4).

Далѣе эти камни оникса на плечахъ первосвященника говорятъ о неприкосновенности положенія Израиля предъ Богомъ. Уже потому, что первосвященникъ носилъ ихъ, они были чудно сохранены; съ нимъ они пребывали во святилищѣ, гдѣ не было дерзкой руки, которая могла бы подняться на нихъ. Кто рѣшился бы проникнуть во святилище, и какая рука дерзнула бы посягнуть на священнаго служителя Бога Израилева, на первосвященника? Но не было ли возможно, чтобы онъ самъ потерялъ ихъ? И здѣсь была приложена забота, чтобы этого не случилось. Мы видимъ ихъ на плечахъ его, но какъ? Сами ли они держатся на этомъ мѣстѣ или требовалось какое-либо напряженіе силы, чтобы удержаться въ этомъ высокомъ положеніи? Что они дѣлаютъ, чтобы оставаться тамъ? Съ своей стороны ничего. Обо всемъ этомъ заботился Господь Самъ. Взгляните только на тѣ золотыя гнѣзда, на ту драгоценную оправу, которая плотно охватила ихъ и обезпечивала имъ это превознесенное мѣсто. Сюда же присоединяются еще цѣпочки изъ чистаго золота, прикрѣпляющія ихъ къ личности ихъ носителя. Они были, такимъ образомъ, неприкосновенными, и потеря ихъ была невозможной.

Да, неприкосновенность и невозможность быть потерянными—вотъ нашъ жребій во Христѣ Іисусѣ. Когда нѣкогда Господь ввелъ въ рай перваго человѣка, этотъ вѣнецъ творенія, отдавъ ему во владѣніе всю землю, тогда человѣкъ занялъ дѣйствительно высокое и превознесенное положеніе: но рай не былъ неприкосновеннымъ, безопаснымъ мѣстомъ для него, пока ему приходилось держаться самому, потому что врагъ могъ проникнуть и туда, и рука его могла и тамъ протянуться за нимъ. Эта жемчужина могла быть уничтожена, этотъ драгоценный камень могъ упасть: онъ и упалъ, и съ нимъ всѣ мы, бывшіе съ нимъ

одно, что мы и сознаемъ, глубоко сокрушаясь. Но насколько славнѣе участь тѣхъ, которые одно со вторымъ Адамомъ, съ „Господомъ съ неба“, Который, вступая во святилище, за завѣсу, взялъ съ Собой туда и Своихъ, посадивъ ихъ съ Собою на небесахъ (Еф. 2, 6). Въ Немъ они уже „приступили къ горѣ Сіону, и ко граду Бога живого, къ небесному Іерусалиму и тѣмамъ Ангеловъ, къ торжествующему собору и церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ Судіи всѣхъ, Богу, и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства“ (Евр. 12, 22. 23). Ихъ теперешнее положеніе уже по ту сторону смерти и воскресенія ихъ Господа, потому что они умерли съ Нимъ, съ Нимъ же воскресли и живутъ Его жизнью, которая сокрыта со Христомъ въ Богѣ (Кол. 3, 1-3). Если это такъ, возлюбленные, кто же можетъ проникнуть туда и похитить у Него, великаго Представителя, хотя бы только одинъ изъ драгоценныхъ камней Его? Есть ли тамъ еще мѣсто для врага и его попытокъ? Конечно, здѣсь можетъ онъ искушать ихъ, рыть имъ ямы и растягивать предъ ними сѣти, онъ можетъ пускать свои палящія стрѣлы на нихъ и на вѣру ихъ, задѣвать любовь и надежду ихъ, и они могутъ снова и снова оплакивать многими слезами свои ошибки; но ихъ благая часть навѣки обезпечена, обезпечена по ту сторону завѣсы, а потому и не можетъ быть отъ нихъ отнята. Ихъ залогъ будетъ сохраненъ на оный день, а вмѣстѣ съ нимъ и они сами (2 Тим. 1, 12), потому что написано: „Господь любитъ правду и не оставляетъ святыхъ Своихъ; вѣкъ сохраняются они“ (Пс. 36, 28). Послушайте только, какъ апостолъ Петръ говоритъ о „возрожденныхъ воскресеніемъ Іисуса Христа изъ мертвыхъ къ упованію живому“; не говоритъ ли онъ, что они возрождены „къ наслѣдству нетлѣнному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесахъ“? И не говоритъ ли онъ сейчасъ послѣ этого, что и сами они, силою Божіею чрезъ вѣру соблюдаютъ ко спасенію, готовому открыться въ послѣднее время“ (1 Пет. 1, 4. 5)? Наслѣдіе хранится на небесахъ, наслѣдники соблюдаютъ силою Божіею, такъ что и наслѣдники и наслѣдіе ихъ непременно сойдутся. Можемъ ли мы пожелать себѣ лучшаго жребія?

Но теперь возникаетъ вопросъ, сами ли мы должны держаться за Того, Кому мы принадлежимъ, или же Онъ долженъ держать насъ? Ахъ, къ сожалѣнiю, мы пробовали ухватить нашей маленькой дѣтской рукой Его великую руку всемогущества и держаться за нее; и тутъ мы узнали по опыту, что она выскользнула у насъ, и мы едва устояли, пока не научились не держать Его, а дать Ему держать насъ, пока не научились положить свою руку въ Его и довѣрять Ему, какъ дитя, что Онъ несомнѣнно удержитъ насъ до конца. Да, возлюбленные, вѣчныя объятiя охватили насъ, какъ тамъ золотыя гнѣзда драгоценные камни; это узы любви привязали насъ къ Нему, какъ тѣ золотыя цѣпочки прикрѣпляли къ первосвященнику двѣнадцать глубоко врѣзанныхъ именъ Израилевыхъ, чтобы они не могли потеряться. „Я вполне увѣренъ“, можешь ты ликовать сегодня, „что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ“ (Рим. 8, 38 39). Нѣтъ, нѣтъ! не наша любовь не допускаетъ разлуки, не наши судорожныя объятiя, но любовь Божія, которая во Христѣ Иисусѣ, объявляя насъ навѣки. И гораздо раньше, чѣмъ хотя бы одно изъ дѣтей Его могло такъ ликовать, Онъ уже высказалъ, что это такъ, что они навѣки сохранны: „Я“ —свидѣтельствуютъ намъ Его праведныя уста, — „даю имъ жизнь вѣчную, и не погибнуть во вѣкъ; и никто не похититъ ихъ изъ руки моей. Отецъ Мой, Который далъ мнѣ ихъ, больше всѣхъ, и никто не можетъ похитить ихъ изъ руки Отца Моего“ (Іоан. 10, 28. 29). Какъ неприкосновенны, какъ защищены, навѣки сохранны поэтому драгоценные камни на раменахъ нашего великаго Первосвященника!

Позвольте мнѣ высказать еще одну мысль по поводу этихъ камней оникса, а именно, что на раменахъ первосвященника они являлись краснорѣчивой картиной **особенной любви Божіей къ Израилю**. Все, что мы видѣли до сихъ поръ, свидѣтельствовало о Его любви къ нимъ, потому что они не имѣли ничего, что не было бы даромъ и добровольнымъ подаркомъ со стороны Іеговы. Ихъ высокое

достоинство и ихъ великолѣпіе Онъ имъ далъ, Его могущество несло ихъ, и они заняли свое обеспеченное положеніе, потому что Онъ далъ его имъ, возложивъ ихъ на рамена первосвященника; но любовь Божія проявилась еще совершенно особенно въ томъ двоякомъ намѣреніи, съ которымъ Онъ помѣстилъ ихъ на это мѣсто. Разсмотримъ, точно, почему они должны были быть на плечахъ первосвященника, такъ какъ Онъ Самъ открываетъ намъ причину. Онъ не заставилъ насъ догадываться о ней, но Самъ высказалъ ее. Разъ въ повелѣніи къ Моисею сказано: „камни эти будутъ на память сынамъ Израилевымъ“, а въ другой разъ вслѣдъ за этимъ говорится, что „Ааронъ будетъ носить имена ихъ предъ Господомъ на обоихъ раменахъ своихъ для памяти“ (Исх. 28, 12). Блаженный Израиль! Всякій разъ, что онъ видѣлъ своего первосвященника или только думалъ о немъ, ему должно было тотчасъ же придти на память его блаженное положеніе предъ Богомъ; таково было желаніе Самого Господа. Какая особенная любовь говорила изъ этого намѣренія Іеговы, какая нѣжная забота, укрѣпить ихъ духъ, поддерживать ихъ радость, выражалась въ этомъ! Съ другой стороны, Онъ хотѣлъ показать имъ что они никогда не выходили у Него Самого изъ памяти, но, подобно тому, какъ первосвященникъ постоянно стоитъ предъ Нимъ, такъ пребывали и они всегда предъ лицомъ Его.

Не это ли, братія мои, должны мы постоянно сохранять въ памяти,—что мы однако такъ часто и скоро забываемъ,—что мы драгоценные камни Господа, драгоценные камни, носимые на благословенномъ мѣстѣ, съ безконечной мощью и силой въ присутствіи нашего Бога, и связанные навѣки узами любви съ нашимъ великимъ Первосвященникомъ. Думать объ этомъ, запечатлѣвать это въ нашей памяти нисколько не будетъ превозношеніемъ съ нашей стороны; нѣтъ, это будетъ только осуществленіемъ намѣренія Божія относительно насъ, потому что Онъ повелѣлъ: „Положи два камня сіи на нарамники ефода; это камни на память сынамъ Израилевымъ“. Если Онъ съ такою любовью далъ намъ это мѣсто, желая, чтобы мы видѣли его, то неужели мы не поднимемъ своего взора, что-

бы видѣть его, или даже закроемъ глаза? А затѣмъ, если мы хотимъ „поступать достойно званія, въ которое мы призваны“ (Еф. 4, 1), то намъ необходимо хорошенько узнать его, постоянно имѣть его въ виду и въ дѣйствительности ему слѣдовать. Никто никогда не занималъ положенія выше своего кругозора; насколько ограниченъ онъ, настолько же ограничено и истинное его положеніе; поэтому необходимо внимательно осмотрѣть и тотчасъ же занять его вѣрою, коль скоро Богъ показываетъ намъ его. О, чтобы мы всѣ получили просвященныя очи сердца нашего, дабы мы познали, въ чемъ состоитъ надежда призванія Его (Еф. 1, 18)!

И что мы скажемъ на то, когда услышимъ, что Богъ желаетъ, чтобы мы знали, что мы возложены на плечи нашего великаго Первосвященника, Ему для памяти? Благословенное положеніе! Если бы мы даже и не узнали или забыли свое призваніе, Онъ не можетъ забыть его, не можетъ забыть насъ. Если даже наши мысли не тамъ, мы все-таки стоимъ непрестанно предъ лицомъ Его въ Возлюбленномъ. Найдется ли еще мѣсто для жалобы, для того ложнаго обвиненія Господа: „Господь меня оставилъ, Господь забылъ меня“? Никогда! Взгляни на великаго Первосвященника съ тѣми драгоценными камнями на раменахъ Его, носящими и твое имя, и слушай внимательно голосъ Іеговы; не звучитъ ли оттуда торжественное опроверженіе твоихъ сѣтованій: „Забудетъ ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя“ (Ис. 49, 14. 15). И къ этому Онъ прибавляетъ: „Не оставляю тебя и не покину тебя“ (Евр. 13, 5). Какъ могъ бы Онъ это сдѣлать? Онъ долженъ бы былъ тогда покинуть Своего Единороднаго Сына, составляющаго одно съ искупленными Своимъ, какъ Онъ одно съ Отцомъ. О, славныя это тѣни, проливающія такой чудный свѣтъ на нашъ вѣчный удѣлъ; только бы наша вѣра брала сущность и дѣйствительность его въ полнѣйшее владѣніе! Тогда вскорѣ всѣ наши стремленія и желанія будутъ обращены только къ одному: увидать Его, Возлюбленнаго, какъ Онъ есть. Онъ же, предпринявшій достигнуть въ насъ эту славную цѣль, да осуществитъ ее во всѣхъ насъ вскорѣ! Аминь.

28. Наперсникъ судный.

- Исх. 28, 15. „Сдѣлай наперсникъ судный искусною работою; сдѣлай его такою же работою, какъ ефодъ: изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленой шерсти и изъ крученаго виссона сдѣлай его. Онъ долженъ быть четырехугольный, двойной, въ пядень длиною и въ пядень шириною. И вставь въ него оправленные камни въ четыре ряда. Рядомъ: рубинъ, топазъ, изумрудъ это одинъ рядъ. Второй рядъ: карбункулъ, сапфиръ и алмазъ. Третій рядъ: яхонтъ, агатъ и аметистъ. Четвертый рядъ: хрисолитъ, ониксъ и яспись; въ золотыхъ гнѣздахъ должны быть вставлены они. Сихъ камней должно быть двѣнадцать, по числу сыновъ Израилевыхъ, по именамъ ихъ; на каждомъ, какъ на печати, должно быть вырѣзано по одному имени изъ числа двѣнадцати колѣнъ. Къ наперснику сдѣлай цѣпочку витыя плетеною работою изъ чистаго золота. И сдѣлай къ наперснику два кольца изъ золота, и прикрѣпи два кольца къ двумъ концамъ наперсника. И вдѣнь двѣ плетенныя цѣпочки изъ золота въ оба кольца по концамъ наперсника. А два конца двухъ цѣпочекъ прикрѣпи къ двумъ гнѣздамъ и прикрѣпи къ нарамникамъ ефода съ лицевой стороны его. Еще сдѣлай два кольца золотыхъ и прикрѣпи ихъ къ двумъ другимъ концамъ наперсника, на той сторонѣ, которая лежитъ къ ефоду внутрь. Также сдѣлай два кольца золотыхъ и прикрѣпи ихъ къ двумъ нарамникамъ ефода снизу, съ лицевой стороны его, у соединенія его, надъ поясомъ ефода. И прикрѣпять наперсникъ кольцами его къ кольцамъ ефода шнуромъ изъ голубой шерсти, чтобы онъ

- былъ надъ поясомъ ефода и чтобы не
 29. спадалъ наперсникъ съ ефода. И будетъ
 носить Ааронъ имена сыновъ Израилевыхъ
 на наперсникъ судномъ у сердца своего,
 когда будетъ входить во святилище, для
 30. постоянной памяти предъ Господомъ. На
 наперсникъ судный возложи уримъ и тум-
 мимъ, и они будутъ у сердца Ааронова,
 когда будетъ онъ входить во святилище
 предъ лицо Господне, и будетъ Ааронъ
 всегда носить судъ сыновъ Израилевыхъ
 у сердца своего предъ лицомъ Господ-
 нимъ“.

Зъ всѣхъ славныхъ вещей, украшавшихъ личность
 первосвященника, ни одна не была столь драгоцѣнна,
 какъ наперсникъ судный на его груди. Почти можно
 бы сказать, что всѣ опредѣленія славы и красы, высту-
 павшія какъ въ построеніи скиніи, такъ и въ одеждахъ
 первосвященника, соединялись въ немъ, какъ въ централь-
 ной точкѣ. Здѣсь мы имѣемъ опять ту же ткань съ ея
 четырьмя священными цвѣтами и вотканными въ нее зо-
 лотыми нитями, какъ на ефодѣ. Наперсникъ представлялъ
 собою вдвое сложенный квадратъ въ пядень длиною, и въ
 пядень шириною, на которомъ покоились расположенные
 въ четыре ряда и заключенные въ чистое золото двѣнад-
 цать драгоцѣнныхъ камней чистѣйшей воды. На каждомъ
 изъ этихъ камней было вырѣзано одно изъ именъ колѣнъ
 Израилевыхъ, сіявшее особеннымъ блескомъ и ослѣпитель-
 ной красотой каждый разъ, что первосвященникъ вступалъ
 во святилище и озарялся свѣтомъ золотого свѣтильника.
 Ко всему этому присоединяется еще таинственный „уримъ
 и туммимъ“, или „свѣтъ и право“, которые Моисей дол-
 женъ былъ возложить въ складывавшійся въ видѣ сумки
 наперсникъ. Снабженное на четырехъ углахъ золотыми
 кольцами, это драгоцѣнное украшеніе прикрѣплялось, съ
 одной стороны, посредствомъ двухъ золотыхъ цѣпочекъ къ
 нарамникамъ, приходя, слѣдовательно, въ связь съ извѣст-
 ными уже намъ камнями оникса, покоившимися на пле-
 чакъ, и, съ другой стороны, привязывалось въ нижней
 части двумя голубыми шнурами къ ефоду, такъ что плотно

прилегалo къ нему. Нѣкоторыя отдѣльныя черты, сообщенныя здѣсь, уже извѣстны намъ, по своему значенію, изъ нашей послѣдней бесѣды, мы не будемъ повторять ихъ, предоставляя вамъ самимъ возобновить это въ своей памяти. Да благоволитъ Господь огкрыть намъ особыя свѣтовыя стороны, вложенныя въ этотъ роскошный

наперсникъ судный,

которыя, навѣрно, побудятъ насъ къ новому благодаренію и поклоненію.

Что касается меня, то форма славнаго наперсника, прежде всего, привлекаетъ къ себѣ мое вниманіе. По всему, что прошло до сихъ поръ предъ моими глазами, во всемъ святилищѣ и во всемъ облаченіи первосвященника, я нашелъ, что здѣсь не дѣлалось ничего произвольно или приблизительно такъ или иначе, ничего не принимало ту или другую произвольную форму. Господь далъ вполнѣ опредѣленный планъ, и Моисей долженъ былъ выполнить его точно такъ, какъ далъ ему Господь, потому что въ каждую его черту Онъ вложилъ Свое священное значеніе. Такъ и этотъ четырехугольникъ, на которомъ стояли имена Израиля, вырѣзанныя на драгоценныхъ камняхъ, имѣлъ особенное значеніе. Онъ былъ вполнѣ похожъ на расположенный вокругъ святилища станъ и на народъ, идущій въ этомъ видѣ чрезъ пустыню. Четыре раза по три колѣна, по направленію четырехъ странъ свѣта, располагались они въ шатрахъ вокругъ скинии, и, четыре раза по три, покоились на наперсникѣ первосвященника ихъ имена, вырѣзанныя на камняхъ. И, какъ мы можемъ видѣть изъ повелѣнія Господня, эти имена были расположены совершенно въ иномъ порядкѣ, нежели на камняхъ, возложенныхъ на плечи первосвященника. Въ 9 и 10 стихахъ нашей главы сказано: „И возьми два камня оникса, и вырѣжь на нихъ имена сыновъ Израилевыхъ. Шесть именъ ихъ на одномъ камнѣ, и шесть именъ остальныхъ на другомъ камнѣ, по порядку рожденія ихъ“; о наперсникѣ же говорится: „Сихъ камней должно быть двѣнадцать, по числу сыновъ Израилевыхъ, по именамъ ихъ; на каждомъ, какъ на печати, должно быть вырѣзано по одному имени изъ числа двѣнадцати колѣнъ“ (Исх. 28, 21). Въ то время,

какъ они стояли вырѣзанными на камняхъ оникса по порядку старшинства ихъ въ домѣ отца, потому что по рожденію они всѣ были равны и въ нихъ не могло быть никакой разницы, мы находимъ ихъ на наперсникѣ судномъ въ военномъ порядкѣ и въ порядкѣ расположенія стана, предписанномъ Самимъ Господомъ колѣнамъ Израилевымъ, гдѣ, согласно Его священному плану, Онъ распредѣлилъ ихъ, сообразуясь съ задачами и способностями каждаго изъ нихъ и совершенно не принимая въ расчетъ ихъ родословія. Въ Числ. 2 гл. мы можемъ въ точности видѣть чудный порядокъ расположенія двѣнадцати колѣнъ въ станѣ Израилевомъ.

Возлюбленные, этотъ четырехугольный станъ, такъ же, какъ и наперсникъ судный на груди первосвященника, есть истинный прообразъ Царствія Божія здѣсь, на землѣ, которое должно распространиться по всѣмъ четыремъ странамъ свѣта и, какъ Господь предсказалъ чрезъ пророка Даніила, оно наполнить, наконецъ, всю землю. (Дан. 2, 35). Въ концѣ вѣковъ „Богъ небесный воздвигнетъ царство, которое вѣки не разрушится, и царство это не будетъ передано другому народу; оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно“ (Дан. 2, 44). Въ настоящее время, конечно, мы видимъ народъ Всевышняго совершающимъ свой переходъ чрезъ пустыню міра сего, разбивая то тутъ, то тамъ шатры свои для того, чтобъ скорѣе снова снять ихъ и перенести военный станъ свой въ другое мѣсто земли, такъ какъ не пришло еще время Господне.

Но какъ безконечно чудно и теперь уже знать, что, хотя разсѣянный во всѣ страны свѣта, народъ Божій находится и въ настоящее время въ борьбѣ, хотя онъ и окруженъ многими, къ нему враждебно настроенными, народами земли, хотя члены его и бываютъ часто далеко отброшены одинъ отъ другого, всѣмъ имъ, однако, отведено одно и то же мѣсто на великой груди Первосвященника и въ любящемъ сердцѣ Его. Ни одно изъ колѣнъ народа Божія не находится въ пренебреженіи, ни одно изъ нихъ не отвержено, не забыто Имъ. Въ какихъ бы отдаленныхъ частяхъ свѣта искупленные Его ни находились, гдѣ бы они

не были скрыты, такъ что никто не можетъ предполагать ихъ присутствія, тѣмъ не менѣе они, всѣ безъ исключенія, покоятся на необъятномъ сердцѣ возлюбленнаго Первосвященника предъ Богомъ. Чудное утѣшеніе: я, ты, всѣ мы, и всѣ дѣти Его на востокъ и западъ, на югъ и сѣверъ, всѣ передъ Нимъ предстоятъ, пребываютъ всегда въ присутствіи Его!

Другое, очень важное обстоятельство этого нагруднаго украшенія первосвященника представляетъ его названіе. Онъ называется **наперсникомъ суднымъ**. 30 стихъ этой главы показываетъ намъ причину, по которой онъ носитъ это названіе; тамъ сказано о первосвященникѣ: „И будетъ Ааронъ всегда носить судъ сыновъ Израилевыхъ у сердца своего предъ лицомъ Господнимъ“. Это данное ему Господомъ названіе именно потому имѣетъ важное значеніе для народа Его, что послѣдній, какъ мы это только что видѣли, постоянно находился какъ бы предъ глазами Іеговы. Не должно ли было это сознаніе постоянного присутствія Божія производить въ нихъ боязнь и страхъ при мысли о своихъ ошибкахъ, слабостяхъ, недостаткахъ и немощи? Не находились ли они предъ лицомъ Господнимъ во свѣтѣ, отъ котораго ничто не оставалось скрытымъ, но все было обнажено и открыто? Конечно, это было такъ. Но всякая боязнь и всякій страхъ тотчасъ разсѣивался при мысли, что не они сами предстояли предъ Богомъ, но первосвященникъ, что не они должны нести свой приговоръ, но ихъ облеченный Самимъ Богомъ и благоугодный Ему ходатай. Они могли сознать себя сокрытыми въ немъ, потому что его совершенство съ избыткомъ покрывало ихъ слабости.

Какой чудный свѣтъ проливаетъ это обстоятельство на нашего Ходатаю тамъ въ небесахъ, какъ ярко оно освѣщаетъ Его непрерывное дѣло во славу! Онъ вѣдь — великій представитель искупленнаго Своею кровію народа, народа, взятаго Имъ въ удѣлъ; Онъ представляетъ другую договаривавшуюся сторону въ чудномъ, заключенномъ навѣки, завѣтѣ благодати Божіей; не народъ Его, нѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не участвуетъ въ этомъ. Поэтому Онъ взялъ всѣ обязательства этого завѣта на Себя и одинъ отвѣтственъ съ

начала до конца за все и за всѣхъ. Нѣкогда Онъ понесъ приговоръ Своего народа, приговоръ смертный, идя, **какъ жертвенный Агнецъ**, чтобы умереть за него на крестѣ; теперь же Онъ, **какъ ходатай**, носить на Своемъ сердцѣ ихъ приговоръ за ихъ ежедневное хожденіе. Онъ—заступникъ, отвѣчающій за ихъ недостатки и немощи, ходатайствующій за каждого изъ Своихъ немощныхъ чадъ. Мы читаемъ о Немъ, именно въ этомъ Его положеніи первосвященника, что Онъ, какъ таковой, исполненъ состраданія „къ немощамъ нашимъ“ (Евр. 4, 15), что Онъ молится за насъ (7, 25) и ходатайствуетъ за насъ (Рим. 8, 34). Какъ высока, какъ утѣшительна эта славная дѣйствительность; душа должна бы торжествовать объ этомъ и съ радостью послѣдовать приглашенію апостола, который ободряетъ насъ: „Посему да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, чтобы получить милость и обрѣсти благодать для благовременной помощи“ (Евр. 4, 16). Мірской разумъ плоти боится, чтобы эта истина не послужила поощреніемъ грѣху, но Духъ Святой только-что показалъ намъ въ послѣднихъ драгоценныхъ словахъ Господа, что она открываетъ двери къ милосердію, могущему сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, и къ благодати, въ силу которой мы можемъ одолѣвать всякое затрудненіе и достигать побѣды. Нѣтъ, не для того, чтобы намъ грѣшить, но для того, чтобы мы не согрѣшали, написалъ Онъ намъ это; если бы это и случилось когда-либо, мы должны знать, что имѣемъ „ходатая передъ Отцомъ, Іисуса Христа, Праведника“ (1 Іоан 2, 1).

Но еще больше, братія мои; силою Господа мы могли бы нѣкоторое время такъ ходить предъ Нимъ и съ Нимъ, что, подобно апостолу Павлу, мы ничего не знаемъ за собою; но тогда мы не должны забывать, что этимъ мы еще „не оправдываемся“ предъ Господомъ (1 Кор. 4, 4), потому что еще могутъ существовать вещи скрытыя, которыя, хотя наше око и не видитъ и наша совѣсть не указываетъ ихъ, все же были бы обнажены и открыты очамъ Божиимъ, еслибъ Онъ не смотрѣлъ на насъ чрезъ Того, Кто, въ состраданіи къ намъ, носить на груди Своей падающее на насъ осужденіе. Да будетъ вѣчная хвала и поклоненіе Ему,

въ Которомъ мы можемъ, безъ страха и робости, занять свое мѣсто предъ Отцомъ.

Далѣе, мнѣ хочется еще замѣтить, что Израиль былъ, такимъ образомъ, представленъ въ первосвященникѣ въ двухъ отношеніяхъ. Мы видѣли Израиля на плечахъ его, вырѣзаннымъ на камняхъ оникса; здѣсь мы встрѣчаемъ его вторично на драгоцѣнномъ наперсникѣ на сердцѣ его. Итакъ, ему приходилось носить этотъ народъ предъ Господомъ въ двухъ отношеніяхъ, а именно, какъ народъ, которому онъ посвятилъ **всѣ свои силы**, и какъ народъ, которому онъ отдалъ **всю свою любовь**. Плечи, носившія на себѣ камни оникса и болѣе ничего другого, принадлежали тысячамъ Израильтянъ, а сердце, бывшее подъ этими сверкающими камнями, должно было только горѣть любовью къ тѣмъ, которые были такъ приближены къ нему именно въ этихъ камняхъ. Какая задача для Аарона и какой ублажающій видъ для Израиля! Насколько Ааронъ и его преемники осуществляли эту задачу, кто можетъ сказать? Но еслибъ они и достигли человѣческаго совершенства, какая была бы отъ этого польза? Ибо, что есть человѣческая сила, что есть человѣческая любовь? И если онѣ и имѣютъ какое-либо значеніе для насъ, то что онѣ предъ Богомъ? Онѣ были тѣни, указывающія на будущія блага.

Поэтому, какое блаженство должно охватить сердца наши, когда мы смотримъ на Него, великій первообразъ, который Ааронъ только отражалъ, и узнаемъ изъ этой тѣни, что не только Его могущество, но и Его безконечная любовь съ ея непостижимой высотой и глубиной, широтой и долготой служить основаніемъ, на которомъ мы такъ безопасно покоимся. Его всемогущество сдѣлалось нашимъ,—это такъ высоко; Его всемогущество и Его благоволеніе сдѣлались нашими,—это еще выше; но самое высокое, превосходящее всякое разумѣніе наше,—это то, что вмѣстѣ съ Его всемогуществомъ и Его горящее любовью сердце всецѣло принадлежитъ намъ. Посмотри, чадо Божіе, какъ тѣ сверкающіе камни покоятся на сердцѣ Его и покрываютъ его; они представляютъ собой Его народъ, Его невѣсту, о которой Онъ сказалъ: „Плѣнила ты сердце Мое, сестра Моя, невѣста“ (Пѣс. Пѣс. 4, 9).

Кто изъ васъ, братія мои, не позавидовалъ громко или хотя тайно ученику, нѣкогда покоившемуся на груди Его, и кому изъ васъ не хотѣлось бы въ дѣтской простотѣ этого мѣста? И вѣдь это было твое мѣсто, чадо Божіе, съ перваго вздоха твоей духовной жизни, потому что Онъ Самъ помѣстилъ тебя туда. О, если бы ты могъ, въ случаѣ если этого до сихъ поръ не было, хотя сегодня узнать этотъ твой славный жребій и войти въ него, направивъ взоръ свой на твоего великаго Первосвященника. Не думай, что это исключительное счастье немногихъ выдающихся и преуспѣвшихъ святыхъ, нѣтъ, напротивъ, ты можешь прочитать вотъ что: „Агнцевъ будетъ брать на руки и носить на груди Своей“ (Ис. 40, 11). Итакъ, слышишь, это мѣсто даже для агнцевъ. Да, та горячая, пламенная мольба, мольба отдѣльныхъ душъ и всей Церкви, невѣсты Христовой: „Положи меня, какъ печать на сердце Твое, какъ перстень на руку Твою“ (Пѣс. Пѣс. 8, 6),—уже давно исполнена. Съ того дня, какъ Онъ занялъ Свое мѣсто, какъ великій Первосвященникъ и представитель предъ Богомъ, Онъ носитъ весь народъ Свой на раменахъ Своихъ и на сердцѣ во всемогуществѣ и любви.

Не слѣдуетъ ли намъ, далѣе, вспомнить еще разницу въ блескѣ драгоценныхъ камней, на которыхъ сіяли эти имена? Посмотрите, какая разница между камнями на плечахъ первосвященника и камнями на груди его! Достаточно одного взгляда, чтобы открыть ее. Тамъ встрѣчается намъ полное однообразіе, здѣсь же—самое разностороннее различіе; тамъ всѣ колѣна являлись въ одномъ и томъ же блескѣ камней оникса; здѣсь каждое колѣно появляется въ другомъ драгоценномъ камнѣ и, такимъ образомъ, въ различной славѣ; въ то время, какъ тамъ возрастъ и рожденіе указываютъ имъ соотвѣтствующее мѣсто, здѣсь существуетъ совсѣмъ не зависящее отъ этого назначеніе. И кто могъ бы сказать, что это, собственно, не должно бы такъ быть, что это вѣроятно недоразумѣніе, ошибка? Никакой ошибки здѣсь быть не могло, потому что здѣсь всюду царилъ чудный порядокъ Іеговы.

Но отразилась ли эта тѣнь, осуществилась ли она на народъ Божіемъ Новаго Завѣта? Конечно. Когда этотъ

народъ разсматривается со стороны его рожденія отъ Бога, то въ немъ нѣтъ никакого различія: въ этомъ отношеніи всѣ равны. Одинъ столь же драгоцененъ и славенъ, какъ и другой. Безконечно дорогая цѣна крови Христовой была одинаково уплачена за всѣхъ и каждого. Каждый возлюбленъ вѣчною любовію, избранъ во Христѣ отъ вѣка; тотъ же Духъ Святой родилъ ихъ, та же жизнь вѣчная наполнила ихъ и та же слава ихъ общей Главы одинаково принадлежитъ всѣмъ. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ различія ни для кого, къ кому бы они ни были раньше! Пусть Рувимъ „бушевалъ, какъ вода“ и потерялъ вслѣдствіе этого свое земное первородство (Быт. 49, 3. 4), но смотри, его имя красуется первымъ въ камняхъ оникса на раменахъ первосвященника; пусть Іосифъ и Веніаминъ пользовались нѣкогда предпочтеніемъ Іакова предъ всѣми, здѣсь они стоятъ по порядку своего рожденія и, такимъ образомъ, они здѣсь послѣдніе, что, однако, не дѣлаетъ никакой разницы, потому что они пользуются одинаковымъ блескомъ съ другими.

Но если мы рассмотримъ дорогой народъ Божій по характерамъ, присущимъ каждому колѣну отдѣльно, по его значенію для Царствія Божія здѣсь на землѣ, по его качествамъ и хожденію, то каждое колѣно, даже каждый отдѣльный членъ колѣна явится, какъ тѣ драгоценные камни на груди первосвященника, въ своемъ особенномъ, ему одному присущемъ блескѣ, на своемъ особенномъ мѣстѣ. Іуда, воинственный и побѣждающій левъ, поставленъ во главѣ, въ первый рядъ, тогда какъ Дану приходится стоять на концѣ; Господь взялъ ихъ изъ середины и поставилъ на то мѣсто, гдѣ они лучше всего могли выполнить планъ Его. И какъ разнообразно блестяли они! Каждый въ своемъ родѣ. То же еще и сегодня. Какое несмѣтное воинство Господне сражается именно теперь за дѣло Того же Господа! Можетъ быть, мы хотѣли бы перемѣстить станъ отдѣльныхъ колѣнъ? Или, можетъ быть, мы закрыли глаза для славы, присущей имъ однимъ? Если это такъ, то мы стоимъ въ противорѣчій съ Тѣмъ, Кто „такъ дивно устроилъ все“. Откроемъ только хорошо глаза свои и, если нужно, помажемъ ихъ глазою мазью Господа, чтобы намъ видѣть, какъ каждое изъ этихъ колѣнъ украшаетъ на-

шего превознесеннаго Первосвященника своимъ особымъ, присущимъ ему одному, блескомъ. Подобно тому, какъ каждая капля росы отражаетъ въ себѣ великое солнце, и отражаетъ его различнымъ свѣтомъ, такъ что мы видимъ во всѣхъ ихъ всѣ семь цвѣтовъ радуги отраженными миллионы разъ, такъ и каждое колѣно Израиля Божія отражаетъ драгоценное Солнце Правды различнымъ, ему одному свойственнымъ образомъ. И не случилось ли тутъ недоразумѣнія или ошибки? Не должны бы были всѣ они сіять однимъ и тѣмъ же свѣтомъ? Нѣтъ, о нѣтъ! Онъ, нашъ возлюбленный Господь, хочетъ послать въ этотъ міръ, чрезъ посредство народа Своего, тысячи лучей Своихъ разнообразныхъ свойствъ и добродѣтелей, Его совершенства и превосходства, чтобы онъ увидѣлъ въ нихъ Его. Могу ли я передать ихъ всѣ, можешь ли ты это сдѣлать или можетъ ли это сдѣлать мое колѣно, или кто-либо другой? Не понадобится ли Ему для этого весь народъ Его? Да, конечно, весь! А если это такъ, то сіяй же ты, колѣно Іудино, въ красноватыхъ лучахъ твоего рубина, и ты, колѣно Иссахарово, — золотистымъ блескомъ топаза; ты же, Завулонъ, сіяй освѣжительнымъ зеленымъ свѣтомъ изумруда; пусть отъ одного исходитъ сіяніе голубого сапфира и пусть другой блеститъ фіолетовыми лучами пріятнаго аметиста, и да покроетъ всѣхъ третій ослѣпительнымъ свѣтомъ алмаза; когда же не хватитъ больше лучей для изображенія совершенства непостижимой красоты великаго нашего Первосвященника, пусть каждый присоединитъ тогда радостно и добровольно данную ему славу; она безусловно нужна для того, чтобы дать полную картину. Будемъ поэтому остерегаться, чтобы не превратить чудное разнообразіе и разносторонность Его драгоценныхъ камней въ мертвое однообразіе, иначе мы неизбѣжно направлялись бы къ тому, чтобы отнять лучшую славу у безцѣннаго сокровища Господня.

Намъ остается еще обратить вниманіе на уримъ и туммимъ на груди первосвященника. Моисею повелѣно было возложить уримъ и туммимъ въ наперсникъ судный, нижній конецъ котораго былъ поднятъ наверхъ, такъ что, сложенный вдвойнѣ, онъ представлялъ собою нѣчто вроде

сумки. Въ нѣмецкомъ текстѣ эти еврейскія названія переведены словами „свѣтъ и право“; другіе переводчики придаютъ имъ значеніе „свѣта и совершенства“; переводъ же семидесяти толковниковъ передаетъ ихъ выраженіемъ „откровеніе и истина“. Намъ совершенно неизвѣстно, въ чемъ, собственно, состоялъ уримъ и туммимъ. Были ли это также драгоцѣнные камни, носившіе эти два многозначительныя имени, или же—жребіи, бросавшіеся предъ Господомъ, отрицавшіе или утверждавшіе поставленные вопросы, было ли это что-либо другое, ничего этого изъ Св. Писанія не видно. Одно только очень ясно для насъ въ словѣ объ этой святой тайнѣ, хранимой на груди первосвященника, что посредствомъ нея Господь открывалъ Свою божественную волю и объявлялъ Израилю Свои рѣшенія. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ объ Іисусѣ Навинѣ, уже не говорившемъ съ Господомъ, подобно Моисею, лицомъ къ лицу, что ему повелѣно было узнавать рѣшенія Господа слѣдующимъ путемъ: „И будетъ онъ обращаться къ Елеазару, священнику, и спрашивать его о рѣшеніи посредствомъ урима предъ Господомъ, и по его слову должны выходить, и по его слову должны входить онъ и всѣ сыны Израилевы съ нимъ, и все общество“ (Чис. 27, 21). Итакъ, во всякомъ затрудненіи, гдѣ требовался новый свѣтъ и новое откровеніе Іисусу Навину и всему обществу Израилеву, имъ было указано обращаться къ уриму и туммиму. Несчастный павшій и отверженный царь Саулъ, который хотѣлъ воспользоваться этимъ же путемъ, чтобы выйдти изъ большихъ затрудненій, не получилъ никакого отвѣта: „И спросилъ Саулъ Господа; но Господь не отвѣчалъ ему ни во снѣ, ни чрезъ уримъ, ни чрезъ пророковъ“ (1 Цар. 28, 6). И всему колѣну Левія, глава котораго былъ носителемъ этой чудной тайны, заключительнымъ благословеніемъ Моисея было желаніе, чтобы она ненарушимо оставалась съ его главой. „И о Левіи сказалъ (Моисей): Туммимъ твой и уримъ твой на святомъ Мужѣ твоёмъ, котораго ты искусилъ въ Массѣ, съ которымъ ты препирался при водахъ Меривы, который говорилъ объ отцѣ своемъ и матери своей: я на нихъ не смотрю, и братьевъ своихъ не признаетъ, и сыновей своихъ не знаетъ. Ибо

они, Левиты, слова Твои хранятъ, и завѣтъ Твой соблюдаютъ“ (Втор. 33, 8. 9). Откровеніе Господа, Его рѣшеніе и воля, познаваемыя и прообразно представленныя въ уримѣ и туммимѣ первосвященника, должны бы были быть—даже съ отреченіемъ отъ самыхъ любимыхъ и дорогихъ имъ на землѣ—исключительнымъ стремленіемъ и желаніемъ Левитовъ, а также и ихъ богатствомъ и наслѣдіемъ. Словомъ, въ уримѣ и туммимѣ своего первосвященника Израиль владѣлъ чудеснѣйшимъ и таинственнѣйшимъ изъ всѣхъ даровъ благодати.

И теперь, гдѣ и что такое нашъ уримъ и туммимъ въ эти дни Новаго Завѣта? Нуждаемся ли и мы въ нихъ или же мы предоставлены самимъ себѣ, чтобы беспомощно проходить чрезъ пустыню міра сего? О, слава нашему Богу и Отцу за то, что мы знаемъ Того, Чье имя „Чудный“ и „Совѣтникъ“, Кто Самъ Себя называетъ „свѣтомъ“ и познать Котораго значитъ не что иное, какъ видѣть Отца и познать Его волю. „Кто послѣдуетъ за Мною“,—такъ говоритъ „святой Мужъ“ нашъ,—„тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“ (Іоан. 8, 12). О, только бы мы пребывали въ томъ, чтобы намъ идти вслѣдъ за Нимъ, дабы мы искали нашъ „свѣтъ и право“ только у этого „святого Мужа“ нашего и научились отречься отъ всего того, что отвлекаетъ насъ отъ Него. Всякая тьма, всякая нерѣшимость, всякое незнаніе пути и воли Его были бы для Него только новымъ случаемъ открываться намъ тѣмъ славнѣе.

Но какъ же будетъ сіять до насъ свѣтъ Его, если Онъ Самъ пребываетъ предъ престоломъ Отца? Да будетъ Ему хвала и поклоненіе! Хотя Онъ обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, но, тѣмъ не менѣе, Онъ, воистину, съ нами „во всѣ дни до скончанія вѣка“. И больше этого. Онъ не только съ нами; нѣтъ, еще славнѣе и драгоцѣннѣе удѣлъ нашъ: Онъ живетъ въ насъ чрезъ Духа Своего (Рим. 8, 10. 11). Духъ же Его прославляетъ намъ Его; Онъ постоянно беретъ отъ Него и возвѣщаетъ намъ (Іоан. 16, 14), такъ что мы открытымъ лицомъ взираемъ на славу Господню и, взирая, преображаемся въ тотъ же образъ (2 Кор. 3, 18). Непрестанно свидѣлствуетъ о

Немъ Духъ Святой, научая насъ всему и напоминая намъ все, что Онъ говорилъ намъ (Іоан. 15, 26.—14, 26), и всегда Онъ готовъ наставить на всякую истину. Онъ есть помазаніе отъ Святого, и, въ силу того, что мы имѣемъ его, намъ можетъ быть сказано: „вы знаете все“ (1 Іоан. 2, 20). О, благословенный Уримъ и Туммимъ! Пребудь же такъ близко къ намъ, какъ тотъ ветхозавѣтный уримъ и туммимъ былъ близокъ къ тѣмъ драгоценнымъ камнямъ, такъ что они покоились на немъ, и не дай намъ омрачать Твой свѣтъ или подавлять твое сіяніе, чтобы намъ не быть, какъ Израиль, потерявшій это сокровище (Ездр. 2, 63) и ходящій теперь во мракъ, по своему собственному пути. Нѣтъ, дай намъ ходить во свѣтъ Твоемъ, доколѣ мы имѣемъ его. Аминь.

---

29. Кидарь съ золотой дощечкой.

Исх. 39, 28. „И сдѣлали кидарь изъ виссона, и головныя повязки изъ виссона“...

28, 36. „И сдѣлай полированную дощечку изъ чистаго золота, и вырѣжь на ней, какъ вы-

37. рѣзываютъ на печати: Святыня Господня. И прикрѣпи ее шнуромъ голубого цвѣта къ кидару, такъ, чтобы она была на перед-

38. ней сторонѣ кидара. И будетъ она на челѣ Аароновомъ, и понесетъ на себѣ Ааронъ недостатки приношеній, посвящаемыхъ отъ сыновъ Израилевыхъ, и всѣхъ даровъ, ими приносимыхъ. И будетъ она непрестанно на челѣ его, для благоволенія Господня къ нимъ“.

ны дошли сегодня до послѣдней изъ первосвященническихъ одеждъ. Кидаромъ его вполне заканчивалось возложенное на него Господомъ чудное украшеніе. Кидарь не представлялъ собою головного убора, какой мы могли бы себѣ представить по нашимъ западнымъ понятіямъ, потому что еврейское слово указываетъ на совсѣмъ другой родъ головного убора, оно происходитъ отъ глагола, означающаго „свертывать“ или „обвивать“, такъ что кидарь первосвященника во всякомъ случаѣ представлялъ собою головную повязку, которая должна была быть не безъ сходства съ современной восточной чалмой. Именно этимъ первосвященническое головное украшеніе отличалось отъ уборовъ священниковъ, которые, хотя и были изъ той же ткани, но имѣли совсѣмъ другую форму, а именно форму чепца, какъ они совершенно вѣрно и названы въ нѣмецкомъ переводѣ Библии. И въ этомъ отношеніи первосвященникъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ и имѣлъ предпочтеніе предъ своими сыновьями. Сюда присоединялась еще золотая дощечка съ знаменательной надписью, которая еще увеличивала это преимущество.

Это должно было быть нѣчто въ родѣ вѣнка изъ искусно вычеканенныхъ золотыхъ цвѣтовъ, на что указываетъ еврейское слово „Tzaz“, или „цвѣтокъ“, такъ что первосвященникъ является увѣнчаннымъ предъ Богомъ. На это, впрочемъ, мы указывали уже и раньше. Что все это исполнено глубокаго, поучительнаго духовнаго смысла, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: да будетъ же благоугодно Господу открыть намъ Свой смыслъ въ первосвященническомъ

кидаръ и его золотой дощечкѣ.

Прежде всего, рассмотримъ въ отдѣльности кидаръ. Онъ былъ, подобно всѣмъ одеждамъ, которыя первосвященникъ носилъ непосредственно на своемъ тѣлѣ, сдѣланъ изъ хорошо извѣстнаго намъ бѣлаго виссона, изображающаго, какъ мы тоже уже знаемъ, чистоту и праведность. Итакъ, съ этимъ кидаромъ онъ являлся сокрытымъ съ головы до ногъ въ эти чудныя качества.

Кромѣ того, покрытіе головы имѣетъ въ Писаніи еще свое отдѣльное значеніе. Точное разслѣдованіе этого вопроса легко дать всякому надлежащій свѣтъ. Мы не намѣрены разсматривать здѣсь всѣ случаи, но хотѣли бы все-таки указать на нѣкоторые изъ нихъ, гдѣ покрытіе головы имѣетъ отношеніе къ положенію предъ Богомъ. Прочтемъ, прежде всего, Лев. 10, 6: „Аарону же и Елеазару и Иеамару, сынамъ его, Моисей сказалъ: **головъ вашихъ не обнажайте** и одеждъ вашихъ не раздирайте, чтобы вамъ не умереть и не навести гнѣва на все общество. Но братья ваши, весь домъ Израилевъ, могутъ плакать о сожженныхъ, которыхъ сожегъ Господь“. Далѣе, Лев. 21, 10—12. „Великій же священникъ изъ братьевъ своихъ, на голову котораго возлитъ елей помазанія и который освященъ, чтобы облачаться въ священные одежды, **не долженъ обнажать головы своей** и раздирать одеждъ своихъ. И ни къ какому умершему не долженъ онъ приступать; даже прикосновеніемъ къ умершему отцу своему и матери своей онъ не долженъ осквернять себя. И отъ святилища онъ не долженъ отходить и безчестить святилище Бога своего. **ибо освященіе елеемъ помазанія Бога его на немъ.** Я Господь,;

Далѣе прочтемъ еще одно мѣсто Новаго Завѣта, а именно 1 Кор. 11, 3—10. „Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христосъ; женѣ глава мужъ; а Христу глава Богъ. Всякій мужъ, молящійся или пророчествующій съ покрытою головою, постыжаетъ свою голову. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая съ открытою головою, постыжаетъ свою голову; ибо это то же, какъ если бы она была обритая. Ибо если жена не хочетъ покрываться, то пусть и стрижется; а если женѣ стыдно быть остриженной или обритой, то пусть покрывается. Итакъ, мужъ не долженъ покрывать голову, потому что онъ есть образъ и слава Божія; а жена есть слава мужа. Ибо не мужъ отъ жены, но жена отъ мужа. И не мужъ созданъ для жены, но жена для мужа. Посему жена и должна имѣть на головѣ своей знакъ власти“.

Эти мѣста Писанія показываютъ намъ, возлюбленные, что покрытие головы означаетъ, въ духовномъ смыслѣ, подчиненность и покорность высшей власти и добровольное признаніе этой высшей власти надъ собою. Въ первомъ изъ этихъ прочитанныхъ мѣстъ Ааронъ и сыны его должны съ полнѣйшимъ подчиненіемъ и покорностью принять изъ руки Господа глубокую и жгучую скорбь, причиненную имъ истребленіемъ огнемъ сыновъ Надава и Авіуда, такъ что имъ даже не было разрѣшено проявить какой-либо признакъ печали, т. е. обнажить голову или разодрать одежды; но они должны были явиться въ такомъ совершенномъ согласіи съ Господомъ, не только какъ будто ничего не случилось, но какъ во дни полного благополучія. Обнаженіе головы Аарона или сыновъ его заставило бы ихъ явиться мужами, стоящими въ противорѣчій съ дѣйствіями Іеговы. Во второмъ мѣстѣ дается на всѣ случаи ясное повелѣніе, чтобы обнаженіе головы, даже при смерти самыхъ дорогихъ его сердцу, никогда не допускалось. Итакъ, та же покорность, та же совершенная подчиненность разъ навсегда. Но особенно ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ вышеприведенное мѣсто изъ Новаго Завѣта. Мужъ, названный тамъ образомъ Божиимъ и славой Его, не долженъ покрывать голову свою; жена же, являющаяся, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ апостолъ Павелъ (Еф. 5,

22. 23) образъ Церкви Христовой, должна, въ доказательство своей полной подчиненности, имѣть на головѣ своей знакъ власти, т. е. появлялась въ собраніи вѣрующихъ съ покрытою головою. Это, кажется, доказываетъ, что покрытие головы первосвященника было знакомъ его подчиненности и покорности Богу. А такъ какъ онъ никогда не смѣлъ обнажать голову и долженъ былъ постоянно предстоять предъ Богомъ, то этимъ Господь показалъ, что въ этомъ положеніи не можетъ быть переменъ даже ни на одно мгновение и что онъ долженъ подчиняться одной только волѣ Божіей.

„Вотъ иду исполнить волю Твою, Боже“, таково рѣшеніе, выраженное Сыномъ еще прежде, нежели Онъ сошелъ на землю. Никто не исполнилъ воли Божіей, никто не подчинился Ему, но всѣ возмутились и попирали ногами волю Господню; поэтому Онъ пришелъ возстановить честь Отца Своего, и во все время Его земного хожденія эти слова остались Его правиломъ, какъ Онъ неоднократно громко свидѣтельствуетъ о томъ: „Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 6, 38). Для Него было пищей творить волю Отца Его и совершать дѣло Его (Іоан. 4, 34). И это дѣло все еще продолжается до сихъ поръ и именно рукою Его, какъ предсказалъ пророкъ (Ис. 53, 10). Онъ, Сынъ, подъ ноги Котораго покорено все, Который сидитъ одесную Отца, облеченный всякою властью на небѣ и на землѣ, исполняетъ предназначенія Отца, Главы Своей, (1 Кор. 11, 3) въ совершенномъ согласіи съ Нимъ. Какое глубокое успокоеніе даетъ это душѣ моей! Въ то время, какъ я, одинъ изъ членовъ Его здѣсь на землѣ, все еще искушаюсь творить мою собственную волю, и этимъ согрѣшаю къ моему глубокому горю, моя превознесенная Глава пребываетъ тамъ, на небѣ, за меня, въ совершеннѣйшемъ согласіи съ Отцомъ, въ полной покорности и отдачѣ Ему. Отецъ видитъ Его и исполненъ благоволеніемъ къ Возлюбленному, а чрезъ Него и ко мнѣ.

Но обратимся къ золотой дощечкѣ. Точно вникнувъ въ чпроитанный нами текстъ, мы скоро увидимъ, что эта дощечка на кидарѣ первосвященника описана очень подробно,

тогда какъ о самомъ кидарѣ упоминается только между другими предметами, какъ бы этимъ намекая, что самый кидарь существовалъ только для того, чтобы носить на себѣ дощечку. Послѣдняя была, безспорно, главной принадлежностью кидара и выразительно названа „діадимой святыни“ (Лев. 29, 6). Какъ мы уже говорили вначалѣ, она, по всей вѣроятности, представляла изъ себя искусно сработанный изъ золота цвѣтокъ. Увѣнчаніе головы цвѣтами было издревле прославленіемъ того человѣка и повело къ увѣнчанію или коронованію драгоцѣнными діадимами въ знакъ высшаго достоинства царскаго величія и славы. Такъ являлся и первосвященникъ, какъ увѣнчанный золотымъ вѣнцомъ священникъ, высоко превознесенный надъ всѣми собратьями его.

Не кажется ли это въ примѣненіи ко Христу противорѣчіемъ? Не видѣли ли мы только, что передъ этимъ, что покрытіе головы обозначало подчиненіе, покорность? Да, это такъ; но именно эти качества во Христѣ Іисусѣ увѣнчаны и прославлены Отцомъ. Кто изъ насъ можетъ прочесть Фил. 2, 6—11, чтобы эта дѣйствительность не сдѣлалась ему ясной, какъ солнце? До 8 стиха мы видимъ нашего Господа сходящимъ съ одной ступени на другую, до тѣхъ поръ, что дальше идти уже некуда, потому что Онъ уже не могъ спуститься ниже крестной смерти. И кто же изъ насъ, читая слѣдующія за этимъ въ 9 стихѣ слова: „Посему и Богъ превознесъ Его“, не скажетъ себѣ: итакъ, Его глубокое униженіе есть причина Его величайшаго прославленія. И Евр. 2, 7—9 эти двѣ противоположности снова стоятъ такъ же близко одна къ другой, какъ онѣ обѣ видны здѣсь на головѣ первосвященника. „Не много (т. е. не долго) Ты унизилъ Его предъ Ангелами“—это указываетъ намъ, очевидно, на Его униженное положеніе; но апостолъ не останавливается, но дополняетъ свое изреченіе: „Славою и честію увѣнчалъ Его, и поставилъ Его надъ дѣлами рукъ Твоихъ“ (7 ст.). И чтобы мы не заблуждались въ пониманіи этого ветхозавѣтнаго мѣста, Духъ Святой еще разъ сопоставляетъ чрезъ апостола обѣ эти противоположности, прямо говоря, что онѣ встрѣчаются во Христѣ, продолжая: „Но видимъ, что за претерпѣніе

смерти увѣнчанъ славою и честію Іисусъ, Который немного былъ униженъ предъ Ангелами" (9 ст.). Итакъ, здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Онъ, первородный между многими братіями, второй Адамъ, стоитъ въ этомъ образѣ, какъ увѣнчанный Ходатай Своего, Ему принадлежащаго, рода предъ Своимъ и нашимъ Отцомъ, предъ Своимъ и нашимъ Богомъ.

Мы, собственно, должны бы были ожидать этого сіяющаго вѣнца на головѣ первосвященника, потому что, рассматривая еще золотые и позолоченные предметы во святилищѣ, изъ которыхъ каждый изображалъ собою Христа съ извѣстной точки зрѣнія, мы видѣли ихъ всѣхъ увѣнчанными. Золотой жертвенникъ, столъ для хлѣбовъ предложенія, золотой свѣтильникъ и ковчегъ завѣта во Святомъ-святыхъ, всѣ они тамъ имѣли вѣнцы; могло ли быть иначе, чтобы теперь, когда весь Христосъ, во всей полнотѣ Своей личности, изображался первосвященникомъ, Онъ явился не увѣнчаннымъ? И какое блаженное наслажденіе для cada Божія въ отдѣльности и для всего собраннаго во-едино народа Господня, видѣть Его такимъ! Видѣть Его „посаженымъ одесную Бога на небесахъ, превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ" (Еф. 1, 20. 21), и притомъ знать, что Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „священнодѣйствователь" будущихъ благъ, предназначенныхъ для насъ.

Прочтемъ же знаменательную надпись дощечки. Посмотрите, возлюбленные, тамъ, на золотой дощечкѣ, глубоко вырѣзаны рѣзцомъ немногія, но столь содержательныя слова: „Святыня Господня". Что же они обозначали? Каково было ихъ содержаніе и какой смыслъ вложилъ въ нихъ Іегова? Почти съ удивленіемъ спрашиваемъ мы: Что же, собственно, придавали они первосвященнику? Не былъ ли онъ самъ святъ, не было ли сдѣлано все, чтобы онъ и являлся таковымъ? И не все ли на немъ было свято? Конечно; свята была каждая вещь, каждая одежда, каждое возложенное на него украшеніе и всѣ дѣйствія его; объ этомъ многократно говорилъ Господь, и, еслибъ это было не такъ, то онъ никогда не могъ бы и явиться предъ

Господомъ. Какое значеніе могла имѣть эта надпись? Не должна ли была эта, приложенная ему въ дощечкѣ, „Святыня Господня“ превосходить ту святость, которая была ему придана одеждами и украшеніями его? Такъ это по моему мнѣнію и было. Что касается меня, то я вижу здѣсь личную собственность Божію, святость, Ему Самому присущую, въ этой дощечкѣ прообразно перенесенную на первосвященника. Это двоякимъ образомъ выразилось въ этой дощечкѣ. Во-первыхъ, самимъ металломъ, золотомъ, означающимъ божественную природу; затѣмъ—словами самой надписи. Итакъ, мы видимъ въ первосвященникѣ двоякую святость: личную, человѣческую, и божественную. Обѣ должны были безусловно находиться въ посредникѣ между Богомъ и человѣками. По своей личной святости онъ имѣлъ право предстать за себя лично предъ Іеговой; въ святости Господней, безконечной, непостижимой и превосходящей всякое разумѣніе, онъ могъ являться и за другихъ.

У Аарона какъ тотъ, такъ и другой родъ святости были извнѣ и должны были быть ему приданы; у Того же, Кто одинъ обладаетъ вѣчнымъ, неоспоримымъ правомъ носить имя „Первосвященника великаго“, и тотъ, и другой присущи Ему по природѣ. Ему не нужно было придать ничего. По Своей человѣческой природѣ Онъ былъ отъ воплощенія Своего посвященнымъ Богу, отдѣленнымъ для Него; по Своей божественной природѣ Онъ былъ и есть „Святыня Господня“. Оба рода святости стояли и стоятъ еще нынѣ на благословенномъ служеніи Отца, во спасеніе Его искупленныхъ. Онъ родился, какъ мы уже неоднократно видѣли, Святымъ Божіимъ; Онъ прожилъ земные дни Свои въ совершеннѣйшемъ отдѣленіи и отдачѣ Отцу и для Него и пребылъ въ этомъ ненарушенномъ посвященіи, несмотря на искушеніе и борьбу, окруженный грѣшниками и грѣхомъ, даже въ страданіяхъ и смерти. Но эта святость была пріобрѣтенная, достигнутая борьбой, дѣло Человѣка Іисуса. Который, еще будучи на землѣ, среди насъ, говорилъ о ней, какъ о еще совершающейся: „За нихъ“,—говорилъ Онъ, — „за нихъ Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною“ (Іоан. 17, 19). Но одновременно съ этимъ Его облакала и вѣчная святость, при-

сущая Ему въ силу тождественности естества Его съ Отцомъ. Вѣдь Онъ былъ Тотъ, о Которомъ говорилъ апостолъ Іоаннъ, что Исаія видѣлъ славу Его, отъ которой серафимы закрывали лица свои и непрестанно поклонялись Ему, восклицая: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ! вся земля полна славы Его“! (Сравни Іоан. 12, 39—41 и Ис. 6, 1—4). Да, Онъ есть „сущій надъ всѣмъ Богъ, благословенный вѣки. Аминь“ (Рим. 9, 5). Неправда ли, братія мои, „таковъ и долженъ быть у насъ Первосвященникъ: святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ“ (Евр. 7, 26)? И да будетъ Ему вѣчная хвала и поклоненіе, мы имѣемъ Его такимъ, Онъ нашъ Первосвященникъ на престолѣ славы и величія. О, какъ это радуетъ и укрѣпляетъ сердце и послѣднее тѣмъ болѣе,

когда мы обратимъ особенное вниманіе также и на цѣль этой дощечки, носящей на себѣ эту чудную надпись. Относительно этого Господомъ было сказано: „И будетъ она на челѣ Аароновомъ, и понесетъ на себѣ Ааронъ недостатки приношеній, посвящаемыхъ отъ сыновъ Израилевыхъ и всѣхъ даровъ, ими приносимыхъ“ (Исх. 28, 38). Какое милостивое мѣропріятіе со стороны Божіей! Кто бы могъ подумать о немъ, если не Онъ Самъ? Мы знаемъ еще изъ прежнихъ бесѣдъ, какъ кровавыя жертвы, приносившіяся Израилемъ по точному божественному постановленію, должны были покрывать грѣхи ихъ; и мы читаемъ, что для cadaго преступленія была назначена жертва: каждый единичный грѣхъ требовалъ смерти и крови какого-либо чистаго, непорочнаго жертвеннаго животнаго. И вотъ Израиль приносилъ ихъ по предписанію, и священники наблюдали за этимъ; но не могли ли случиться грѣхъ, недостатокъ и немощи въ самомъ приношеніи этихъ даровъ и жертвъ и въ жертвователѣ ихъ, когда онъ приносилъ ихъ къ жертвеннику? И даже когда они не приносили жертву за грѣхъ или жертву повинности, какъ грѣшники, но какъ уже очищенные приносили предъ Господа добровольныя жертвы благодарности, хлѣбнаго приношенія или жертвы мирныя, то сколько нечистаго, не благоугоднаго Ему могло видѣть въ нихъ око Господне.

И, конечно, Онъ видѣлъ и называлъ это „недостатками приношеній, посвящаемыхъ отъ сыновъ Израилевыхъ“. Какъ могла такая запятнанная недостатками жертва и такое оскверненное богослуженіе быть угоднымъ Іеговѣ? И гдѣ была та жертва, которая покрывала эти недостатки? Не былъ ли каждый приносимый Израилемъ новый даръ въ опасности быть одержимымъ этими недостатками? Конечно; исповѣдью cadaго должно бы было быть: „**Вся праведность наша, какъ запачканная одежда**“ (Ис. 64, 6). О, какъ чудно, что „Святыня Господня“, возложенная на первосвященника Божія, несла на себѣ недостатки посвященныхъ ими даровъ. То облеченное и вооруженное святыней Господней лицо, стоявшее за народъ свой, простирало эту святость на дары, посвященные въ немощи и недостаткѣ, и дѣлало ихъ благоугодными Іеговѣ.

Не видимъ ли мы уже смыслъ этого славнаго постановленія Божія во Христѣ Іисусѣ, нашемъ превознесенномъ Первосвященникѣ? Мы знаемъ, кровь Его покрываетъ нашу вину; мы стоимъ предъ Богомъ освященные и очищенные Его смертью; но какъ обстоитъ дѣло съ нашей практической святостью, какъ святыхъ, съ тѣмъ, что мы, какъ даръ и жертву, приносимъ во дворъ Его, съ тѣмъ, на что мы сами смотримъ, какъ на святое? Возлюбленные, если мы открытыми глазами смотримъ на эти вещи, то какъ много пятенъ обнаруживаемъ уже мы; а что же тогда Онъ? Не долженъ ли Онъ сказать о большинствѣ нашихъ жертвъ: „Я не нахожу ихъ совершенными“? Приходя къ Нему съ нашими молитвами, какъ часто сами мы усматриваемъ въ нихъ то недостатокъ горячности, то недостатокъ упованія; иногда онѣ были вознесены только для успокоенія, что мы все-таки помолились; но не были ли онѣ часто не болѣе, какъ одни слова? А наше пѣснопѣніе? Сколько стройности и красоты въ напѣвахъ, сколько пріятности и нѣжности въ тонахъ; но гдѣ сердце, которое въ полнѣйшемъ единствѣ соглашалось бы со словами пѣсни? Далѣе, какъ обстоитъ съ нашими богослуженіями? И они, конечно, совершаются обычнымъ порядкомъ; но мы, мы сами часто отсутствуемъ въ нихъ, т. е. нашъ духъ и наши мысли находятся гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, а не въ при-

существованіи Господнемъ. Мы посвящаемъ Ему самихъ себя, наше имущество, наши силы и наше время; но такъ ли это въ дѣйствительности? Отдаемъ ли мы Ему все это на самомъ дѣлѣ, даемъ ли мы Ему это всецѣло и безповоротно? Ахъ, какъ рѣдко! И какъ часто случается, что приносимое нами на Его жертвенникъ оказалось хромымъ, слѣпымъ, вынужденнымъ или принесеннымъ послѣ долгой борьбы! Такъ во всемъ. Это въ дѣйствительности такъ, какъ говоритъ объ этомъ предметѣ Роджерсъ: „Даже къ самому искреннему благочестію нашему примѣшивается столько грѣха и самолюбія, что даже наши слезы должны бы были быть омыты и въ нашемъ раскаяніи слѣдовало бы еще раскаяться! Итакъ, какая милость, что мы можемъ съ полнымъ довѣріемъ поднять глаза наши на Того, Кто Самъ святъ, Самъ „святыня Господня“, Кто носитель всей нашей несостоятельности, немощи, освѣщающій и дѣлающій благоугодными Отцу приносимые чрезъ Него дары наши: еще больше—мы взираемъ на Него, какъ на нашу превознесенную Главу, въ которой мы сокрыты и облечены. Теперь мы знаемъ, что „если, будучи врагами, мы примирились съ Богомъ смертью Сына Его, то тѣмъ болѣе, примирившись съ Богомъ смертью Сына Его, спасемся жизнью Его“ (Рим. 5, 10). Его божественная святость теперь уже болѣе не ужасъ для насъ, какъ было нѣкогда; но она наша радость, наша жизнь, наша святость навѣки.

Но возвратимся къ золотой дощечкѣ первосвященника. **Взглянемъ на то мѣсто, гдѣ мы находимъ эту драгоценную надпись.** „И прикрѣпи его шнуромъ голубого цвѣта къ кидару, такъ чтобъ она была на передней сторонѣ кидара, и будетъ она на челѣ Аароновомъ“, было сказано Моисею. Не правда ли, это было мѣсто, на которомъ она тотчасъ бросалась въ глаза. Кто можетъ смотрѣть на человѣка, не взглянувъ ему въ глаза, не увидѣвъ чела его; и всякій, видѣвшій Аарона, невольно долженъ былъ увидѣть эту золотую діадиму съ ея многозначительной надписью. Чело есть также мѣсто, обнаруживающее внутреннее состояніе человѣка; оно отражаетъ его настроеніе, его направленіе мыслей, и мы можемъ, хотя бы только частью, читать ихъ тамъ. За челомъ скрывается разумъ, духъ, все существо

человѣка. Если бы мы пожелали изучать значеніе тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя говорятъ о челѣ въ переносномъ смыслѣ, то нашли бы, что это совершенно такъ. И вотъ, на челѣ Аарона свѣтились для Іеговы и всего Израиля, какъ знакъ его настроенія, мыслей, внутренняго и внѣшняго существа: „Святыня Господня“. Она стояла впереди всего другого, была характернымъ отпечаткомъ его личности.

И какъ драгоцѣнна для насъ эта мысль, когда мы примѣняемъ ее ко Христу, нашему Первосвященнику! Іисусъ, Святой Божій, святой въ сердцѣ и настроеніи Своемъ, въ духѣ и жизни Своей, святой, какъ Богъ, достохвальный вовѣки, носить за насъ эту святость Свою впереди всего; она отпечатокъ Его во всемъ. Взглядъ Отца видитъ ее, если я могу такъ выразиться, раньше всего и прежде всего другого, и мы тоже должны бы видѣть ее всегда прежде всего. Съ какой радостью, съ какимъ дѣтскимъ довѣріемъ и съ какой полной увѣренностью въ услышаніи молитвъ являлись бы мы постоянно предъ Богомъ, если бы очи наши покоились на Его святости. Поэтому, братія мои, если наша несостоятельность возстаетъ передъ нами, если наша немощь подавляетъ насъ, такъ что мы не можемъ въ радости поднять головы своей, взглянемъ тогда на Іисуса; взглянемъ на Его благословенное чело, покрывающее наши недостатки, и не забудемъ никогда, что Іегова смотритъ на Него, а чрезъ Него и на насъ въ Его совершенствѣ. Безъ сомнѣнія, сокрытые въ Немъ, мы должны являться предъ Нимъ безъ пятна или порока или чего-либо подобнаго, въ Его полное благоволеніе.

Скажемъ еще нѣсколько словъ относительно послѣдняго повелѣнія, касающагося этой дощечки. Господь заключилъ Свое повелѣніе Моисею слѣдующими словами: „И будетъ она непрестанно на челѣ его, для благоволенія Господня къ нимъ“ (Исх. 28, 38). Какое точное повелѣніе Аарону и какое благословенное, спасительное мѣропріятіе для Израиля лежитъ въ этомъ словѣ непрестанно на челѣ его. Богъ никогда не хотѣлъ видѣть Аарона безъ этой дощечки; на немъ всегда долженъ былъ быть этотъ знакъ, вполне покрывавшій предъ Нимъ тѣхъ, за которыхъ онъ ходатайствовалъ,

и не только покрывавшій, но и дѣлавшій ихъ благоугодными. Какая безпредѣльная любовь къ Израилю заключалась въ этомъ повелѣніи Іеговы: они должны были быть вполне угодными Ему, благоугодными со всѣмъ, что они приносили, и благоугодными всегда. И какая это была святость! Ихъ должна была покрывать не какая иная святость, какъ святость Имъ назначеннаго ходатая, которому Онъ придалъ Свою собственную.

Какъ обезпечено для насъ навѣки благоволеніе Отца нашего, когда мы переводимъ нашъ взглядъ съ ветхозавѣтнаго первосвященника на Іисуса. Его дощечка, Его святость не прикрѣплена къ головѣ Его только голубыми шнурами, какъ та прообразная, гдѣ она сегодня была на его челѣ, а завтра могла быть снята; и она тамъ не только по повелѣнію Божію, но она нераздѣльно связана съ существомъ и сущю нашего великаго Первосвященника. Она, какъ Онъ, и Онъ, какъ она, вѣчны и неизмѣнны, а поэтому мы вполне освящены и спасены Имъ. Кровь Его навсегда отвратила гнѣвъ Божій отъ насъ, бывшихъ по природѣ чадами гнѣва; ибо нѣкогда Онъ сказалъ намъ: „И будетъ у васъ кровь знаменіемъ на домахъ, гдѣ вы находитесь, и увижу кровь, и пройду мимо васъ, и не будетъ между вами язвы губительной“ (Исх. 12, 13); но святость Христова навѣки пріобрѣтаетъ намъ благоволеніе Божіе. „Онъ облагодатствовалъ насъ въ Возлюбленномъ“ (Еф. 1, 6). О, если бы мы со всѣмъ бременемъ нашей немощи, бѣдности, недостойнства и нечистоты положились бы всецѣло на Него, Который носитъ насъ на Своихъ могучихъ плечахъ и на Своемъ горящемъ любовью сердцѣ, покрывая насъ Своею вѣчно пребывающей святостью. Съ другой же стороны, да отразится на насъ чудная печать, украшающая чело Его, чтобы всякій, взглянувъ на насъ, могъ тотчасъ же прочитатъ: „Навѣки освященный для Господа“. Аминь.

---

30. Священное муро для помазанія.

- Исх. 30, 22. 23. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: Возьми себѣ самыхъ лучшихъ благовонныхъ веществъ: смирны самоточной пятьсотъ сиклей, корицы благовонной половину противъ того, двѣсти пятьдесятъ, тростника благовоннаго двѣсти пятьдесятъ. Каси 24. пятьсотъ сиклей по сиклю священному, и 25. масла оливковаго гинѣ. И сдѣлай изъ сего муро для священнаго помазанія, масть составную, искусствомъ составляющаго масти: это будетъ муро для священнаго помазанія. 26. И помажь имъ скинію собранія и ковчегъ 27. откровенія, И столъ и всѣ принадлежности 28. его, и жертвенникъ куренія, И жертвенникъ всесожженія и всѣ принадлежности его, и 29. умывальникъ и подножіе его. И освати ихъ, и будетъ святыня великая: все, при- 30. касающееся къ нимъ, освятится. Помажь и Аарона и сыновъ его, и посвати ихъ, 31. чтобъ они были священниками Мнѣ. А сынамъ Израилевымъ скажи: это будетъ у Меня муро священнаго помазанія въ роды 32. ваши. Тѣла прочихъ людей не должно помазывать имъ, и по составу его не дѣлайте подобнаго ему. Оно святыня: святы- 33. нею должно быть для васъ. Кто составитъ подобное ему, или кто помажетъ имъ посторонняго, тотъ истребится изъ народа своего“.

о сихъ поръ мы не встрѣчали, какъ я думаю, еще ни одного прообраза небеснаго, который былъ бы лишнимъ, или смыслъ и значеніе котораго не были бы необходимыми для пополненія образа высокой личности нашего Господа. Тутъ не было ни одного лишняго, но всѣ выполняли свое назначеніе, всѣ были необходимы. Каждая черта этого божественнаго рисунка должна была быть про-

ведена тамъ, гдѣ она находится, и проведена, небеснымъ Художникомъ, чтобы Онъ яснѣе предсталъ предъ нами и чтобы увеличилось наше познаніе о Немъ. Всевѣдушій Строитель небеснаго святилища позаботился о томъ, чтобы въ прообразѣ его, въ земномъ святилищѣ, не оказалось недостатка ни въ чемъ; все стоитъ тамъ по Его плану, все на своемъ мѣстѣ и такъ приспособлено, что Онъ Самъ долженъ былъ найти его совершеннымъ. Мы можемъ быть очень несовершенными въ понятіи, мы можемъ поставить вещи не на должное мѣсто, даже можемъ ошибаться относительно ихъ значенія или вовсе не понимать ихъ смысла, но,—хвала и благодареніе Ему,—мы знаемъ, что Онъ и дѣло Его совершенны, и наша несостоятельность не можетъ быть помѣхой въ Его совершенномъ дѣлѣ. И мы признаемъ здѣсь охотно и открыто, что, чѣмъ дальше мы идемъ и чѣмъ больше наша душа восторгается святыми истинами Его, мы болѣе и болѣе убѣждаемся, какъ безсильны мы проникнуть въ Его божественный смыслъ и передать его такъ, какъ онъ того былъ бы достоинъ.

И если бы отсутствовалъ этотъ новый и славный предметъ, который намъ предстоитъ рассмотреть, то остался бы значительный пробѣлъ въ богатомъ сокровищѣ познанія, предложеннаго намъ скиніей. Мы благодаримъ Господа, что Онъ далъ намъ его, и ожидаемъ съ довѣріемъ, что Онъ Самъ откроетъ въ настоящей нашей бесѣдѣ истинный смыслъ

священнаго мѹра для помазанія.

Разсмотримъ, прежде всего, его составныя части. Главную изъ нихъ, какъ мы видимъ изъ текста, было обыкновенное оливковое масло. Это было произведеніе земли Ханаанской, бывшее тамъ въ каждомъ домѣ въ большомъ употребленіи. Оно служило, главнымъ образомъ, для помазыванія головы, что мы узнаемъ изъ многихъ изреченій Св. Писанія. Такъ, напримѣръ, противопоставляя фарисея Симона той женщинѣ, помазавшей мѹромъ ноги Его, Господь могъ сказать: „Ты головы Мнѣ масломъ не помазалъ“ (Лук 7, 46). Въ томъ же самомъ, хотя и переносномъ, смыслѣ упоминаетъ о немъ и Давидъ, говоря въ Псалмѣ 22, 5 о Господѣ: „Умастилъ елеемъ голову мою“, и въ Псалмѣ 91, 11: „Я ума-

щенъ свѣжимъ елеемъ". Особенно оно примѣнялось въ праздничные дни, тогда какъ въ дни печали его вовсе не употребляли. Итакъ, елей былъ символомъ радости и даже назывался „елеемъ радости“. О Давидѣ мы читаемъ, что когда онъ боролся съ Господомъ о сохраненіи ему сына и печалился, постился и лежалъ на землѣ, елея не было на головѣ его; но лишь только послѣдовалъ ничѣмъ не отвратимый ударъ, „тогда Давидъ всталъ съ земли, и умылся, и помазался“ (2 Цар. 12, 20). Умной женщинѣ изъ Ѳекоя, которая должна была уговорить Давида возвратить Авессалома изъ изгнанія, чтобы возбудить состраданіе царя, Іоавъ сказалъ: „Притворись плачущею, и надѣнь печальную одежду, и не мажься елеемъ, и представься женщиною, много дней плакавшею по умершемъ“ (2 Цар. 14, 2). Эти и другія подобныя имъ мѣста очень ясно показываютъ, что печаль, страданіе и постъ строго отдѣлялись отъ помазанія елеемъ и какъ, напротивъ, радость и блаженство согласовались съ помазаніемъ.

Далѣе елей былъ символомъ благословенія Божія. Такъ благословеніе Господне, призванное Моисеемъ на колѣно Асирова, звучало: „Благословенъ между сынами Асирь; онъ будетъ любимъ братьями своими, и окунетъ въ елей ногу свою“ (Втор. 33, 24). Іовъ называетъ дни своего благоденствія и обилія благословенія Божія днями, когда „пути его обливались молокомъ, и скала источала для него ручьи елея“ (Іов. 29, 6); и грядущее еще время благословенія Израиля обѣщано послѣднему Господомъ слѣдующимъ образомъ: „И будетъ въ тотъ день, Я услышу, говоритъ Господь, услышу небо, и оно услышитъ землю; и земля услышитъ хлѣбъ, и вино, и елей“ (Ос. 2, 21. 22). Изъ этого мы видимъ, что къ истинному благословенію всегда относилось и обиліе елея.

Еще елей былъ особымъ символомъ посвященія Господу, какъ мы видимъ изъ помазанія всѣхъ призванныхъ Богомъ на особое дѣло людей. Вспомнимъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ Саула, Давида, Соломона и всѣхъ царей Израилевыхъ, далѣе, всѣхъ первосвященниковъ и многихъ пророковъ. Затѣмъ елей былъ символомъ силы и жизни, потому что имъ помазывались больные, и

не для украшенія или красоты, но для исцѣленія отъ болѣзни; также у всѣхъ простыхъ Израильтянъ, получавшихъ очищеніе отъ проказы, елей возлагался на край праваго уха очищаемаго, на большой палецъ правой ноги его и на большой палецъ правой руки его, чтобы посвятить ихъ въ чистотѣ для новой наступавшей для нихъ жизни.

Во всемъ, что мы только что слышали объ елеѣ, такъ же, какъ и въ его различныхъ качествахъ, какъ, напримѣръ, въ его мягкости, свѣтильной силѣ, изобиліи въ землѣ Израильской и т. д., былъ онъ, главнымъ образомъ, **символомъ Духа Святого**. Въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ есть безконечное число изреченій, приводящихъ Духа Святого въ связь съ елеемъ помазанія или же символически изображающихъ Его въ видѣ елея. И всегда Іегова Самъ совершаетъ помазаніе елеемъ. О Христѣ мы много разъ читаемъ, что Онъ былъ „помазанъ Господомъ“; именно потому Онъ и былъ Мессія, или Помазанникъ Божій. То же самое читаемъ мы и о чадахъ Его; и Онъ Самъ, Духъ Святой, изображается какъ „изливаемый“; въ одной же главѣ Онъ трижды названъ „помазаніемъ“ (1 Іоан. 2, 20. 27).

Что въ нашемъ прообразѣ, который мы разсматриваемъ, подразумѣвается Духъ Святой, ясно видно изъ всѣхъ обстоятельствъ его примѣненія. Уже то обстоятельство, что мѣру для помазанія непосредственно предшествуетъ прилагательное „священный“, не лишено значенія, оно указываетъ именно на Духа Святого, потому что Ему, даже преимущественно предъ первымъ и вторымъ Лицами Божества, приложимо названіе „Святого“. Также и сравненіе всего вышесказаннаго объ елеѣ съ Духомъ Святымъ указываетъ на чудное сходство съ Нимъ. Мы только что видѣли, что Онъ былъ истинное помазаніе, которое излилось на Христа, нашу прославленную Главу, причемъ Господь назвалъ его „елеемъ радости“ (Пс. 44, 8), потому что чрезъ Него для Сына Божія, какъ и для всякаго члена Его, каждый день существованія здѣсь на землѣ сдѣлался праздничнымъ и радостнымъ днемъ. Безъ Его полноты наши дни—дни поста и печали. И не всѣ ли благословенія, которыми мы наслаждались и еще наслаждаемся, истекаютъ изъ Него? Это „всякое духовное бла-

гословеніе въ небесахъ“ заставило апостола Павла воскликнуть и повелѣло его перу написать (Еф. 1, 3): „Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа“. Да и существуетъ или существовало ли посвященіе Богу безъ помазанія отъ Него? Никогда. Ни собственный обѣтъ съ самымъ твердымъ рѣшеніемъ, ни отдѣленіе отъ міра и господствующихъ въ немъ элементовъ, ни иссопъ, ни святая вода, ни борьба, ни усилія или какое другое напряженіе силъ или какой-либо обрядъ не могутъ посвятить насъ Тому, Кто дорогою цѣною искупилъ насъ, если Онъ Самъ не осѣнитъ насъ Своимъ Святымъ Духомъ. Что же касается силы жить для Него, то только Духъ Святой можетъ „подкрѣплять насъ въ немощахъ нашихъ“ (Рим. 8, 26), и только Имъ мы можемъ „крѣпко утвердиться во внутреннемъ человѣкѣ“ (Еф. 3, 16). Далѣе: только гдѣ Онъ, тамъ и жизнь; безъ Него всюду господствуетъ смерть, засуха, пагуба, несмотря ни на какую религіозность, благочестіе или богословскія познанія. Если нѣтъ этого духа отъ четырехъ вѣтровъ, то сухія кости, одѣтыя жилами, плотію и кожею, могутъ имѣть видъ живыхъ людей, но остаются все-таки „убитыми“; но когда только Онъ войдетъ въ нихъ, то и о нихъ можетъ быть сказано: „И вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили, и стали на ноги свои—весьма, весьма великое полчище“ (Іез. 37, 7—10). И что касается свѣта, истиннаго небеснаго свѣта, то онъ только у Него и приходитъ только чрезъ Него. Онъ одинъ наставляетъ на **всякую** истину и наставляетъ такъ мягко, нѣжно и тихо, какъ тихо было „вѣяніе вѣтра“, отъ котораго Ілія закрылъ милотію лицо свое (3 Цар. 19, 12, 13). И, слава Ему! Онъ сошелъ къ намъ въ такой полнотѣ и въ ней всегда пребываетъ съ нами, что каждый изъ насъ можетъ Имъ исполняться. Какъ я радуюсь, что среди тѣней будущихъ благъ относительно Христа, Его народа и домостроительства Господня въ Новомъ Завѣтѣ отведено и Духу Святому подобающее мѣсто! Иначе и не могло быть, потому что безъ Него все дѣло искупленія Христа сдѣлалось бы невысказаннымъ и было бы напраснымъ.

Обратимся же теперь къ четыремъ благовоннымъ ве-

ществамъ, примѣшивавшимся къ оливковому маслу, чтобы придать ему нужное благоуханіе. Это были самоточная смирна, благовонная корица, тростникъ и касія. Кромѣ смирны они всѣ, къ сожалѣнію, почти неизвѣстны лучшимъ изслѣдователямъ; послѣдніе высказываютъ о нихъ только предположенія и вѣроятности, на основаніи которыхъ мы не рѣшаемся дѣлать какіе-либо выводы относительно значенія, вложеннаго въ нихъ Богомъ. Одно только ясно и драгоцѣнно намъ всѣмъ, что Духъ Святой—пріятное благоуханіе Божіе здѣсь на землѣ и, подобно всепроницающему аромату, хотя и не насильственно, но все-таки непреодолимо оказываетъ свое освѣжающее и ублажающее вліяніе на всякое сердце, въ которое Онъ приходитъ. Не прибѣгая къ силѣ, Онъ дѣлается силой, покоряющей самыя жесткія сердца. Даже мы сами становимся чрезъ Него „Христовымъ благоуханіемъ Богу въ спасаемыхъ и въ погибающихъ“ (2 Кор. 2, 15).

Въ виду того, что четыре изысканнѣйшія благовонныя вещества соотвѣтствуютъ здѣсь четыремъ же благовоннымъ мастьмъ благовоннаго куренія, можно, не безъ основанія, указать, что послѣднее стояло въ тѣсной связи съ мвромъ для помазанія. Къ тому же и описаніе куренія слѣдуетъ непосредственно за описаніемъ мвра для помазанія. Совершенно такимъ же образомъ Духъ Святой, это благоуханіе Божіе, долженъ предварительно снизойти со всѣми Своими качествами въ сердца наши, если изъ нихъ должна подняться къ Богу жертва благовоннаго куренія и поклоненія. Даже и съ нашимъ прославленнымъ Господомъ не было иначе: все Его совершенство и всѣ Его чудныя качества, соотвѣтствовавшія ароматамъ благовоннаго куренія, были плодомъ Духа Святого, какъ мы объ этомъ читаемъ въ Ис. 11, 1. 2: „И произойдетъ отрасль отъ корня Іессеева, и вѣтвь произрастетъ отъ корня его. И почіетъ на Немъ Духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія; и страхомъ Господнимъ исполнится“. Итакъ всѣ чудныя, обнаружившіяся въ Немъ на землѣ совершенства были произведены въ Немъ этимъ Священнымъ Мвромъ свыше.

Но возвратимся къ нашему прообразу и обратимъ вни-

маніе на примѣненіе священнаго мвра для помазанія. Прежде всего, читаемъ мы, должна была помазаться имъ skinія собранія со всѣми ея принадлежностями. Сперва помазывалось жилище Божіе, вслѣдъ за нимъ ковчегъ завета, столъ для хлѣбовъ предложенія, свѣтильникъ, золотой жертвенникъ, затѣмъ мѣдный жертвенникъ и мѣдный умывальникъ. Священное муро для помазанія было примѣнено, такимъ образомъ, во Святомъ-святыхъ, во святилищѣ и даже во дворѣ; такъ это было повелѣно Господомъ. Итакъ, каждая прообразная тѣнь небеснаго носила на себѣ отпечатокъ помазанія муромъ; подобно божественной печати, оно должно было находиться на каждомъ предметѣ. Въ нашихъ бесѣдахъ мы познакомились съ ихъ значеніемъ и видѣли, что каждый изъ нихъ изображалъ какую-нибудь сторону, какую-либо черту характера, какое-нибудь состояніе нашего Господа Іисуса; какими же высокими должны они казаться намъ, когда во свѣтѣ примѣненія священнаго мвра мы видимъ, что каждая черта, каждая сторона, каждое состояніе нашего Господа носило на себѣ печать Духа Святого. Посмотримъ на Его жизнь здѣсь на землѣ, и мы вездѣ найдемъ подтвержденіе этому. Остановимся ли мы на Его воплощеніи, мы читаемъ о немъ, что Онъ рожденъ былъ отъ Духа Святого; коснемся ли вступленія Его въ чудное служеніе, то о немъ сказано, что Духъ Святой сошелъ на Него; обратимъ ли вниманіе на Его проповѣди и дѣйствія, то Св. Писаніе поучаетъ насъ, что все это совершалось чрезъ Него; что касается Его чудесъ, то Онъ Самъ утверждаетъ, что Онъ творилъ ихъ Духомъ Святымъ (Мат. 12, 28); чрезъ Него же принесъ Онъ Себя въ жертву, какъ мы читаемъ въ Посл. къ Евр. 9, 14: „Кольми паче кровь Христа, Который Духомъ Святымъ принесъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ для служенія Богу живому и истинному“. И такъ на каждомъ шагу, на каждомъ поступкѣ и на каждомъ движеніи нашего Господа видна печать Духа Святого.

Но не только отдѣльныя стороны и черты характера Господа носили эту печать; не только единичныя качества и дѣйствія находились подъ Его вліяніемъ или производились Имъ, но Онъ Самъ во всей Своей личности былъ Пома-

заникомъ Божіимъ, какъ указывается и здѣсь, въ прообразѣ: „Помажь и Аарона и сыновъ его, и посвяти ихъ, чтобы они были священниками Мнѣ“ (Исх. 30, 30). Лишь только Ааронъ былъ одѣтъ Моисеемъ во всѣ свои украшенія, какъ тотчасъ же былъ онъ поставленъ предъ Господомъ, и совершилось его помазаніе по указанному Богомъ порядку. Если мы посмотримъ внимательно, то окажется, что собственно только онъ одинъ и былъ помазанъ, т. е. священное муро возливалось только на него одного (Лев. 8, 10—12), тогда какъ сыны его лишь въ послѣдствіи окроплялись имъ (Лев. 8, 30). Значитъ, было такъ,—какъ они въ лицѣ Аарона избирались въ священники, такъ въ немъ же получали и помазаніе.

Возлюбленные, въ полнѣйшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова есть и остается истиной во всѣ времена и для всѣхъ выдающихся изъ Его святыхъ, что Онъ, нашъ Господь, помазанъ былъ елеемъ радости болѣе соучастниковъ Своихъ. Онъ одинъ Христосъ, т. е. Помазанникъ, и хотя мы, какъ дѣти Его, наслѣдуемъ имя Его, называясь христіанами, но и въ этомъ отношеніи имя Его остается превыше всѣхъ другихъ именъ. Это всегда будутъ только капли, что мы получаемъ отъ Духа Святого, въ сравненіи съ Его полнотою. Каковъ сосудъ, такова будетъ и мѣра содержамаго въ немъ. „Въ немъ“,—это мы знаемъ,—„обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно“ (Кол. 2, 9). Онъ былъ тотъ чудный сосудъ, существовавшій единственно для Духа Святого и всецѣло Имъ наполненный; Онъ былъ истинной „скиніей Бога съ человѣками“.

Но кто можетъ сказать, какъ безконечно благодатно душѣ читать въ томъ же словѣ, что „мы имѣемъ полноту въ Немъ“ (Кол. 2, 10), и слышать изреченія Божіи о Немъ и объ искупленныхъ Его, какъ въ Евр. 2, 11, гдѣ сказано: „И Освящающій и освящаемые, всѣ отъ Единаго; поэтому Онъ не стыдится называть ихъ братіями“. Какъ тѣсно, какъ сердечно близки, какъ едино съ Нимъ описаны здѣсь искупленные Его! Да, Онъ первородный между многими братіями, Онъ въ этомъ отношеніи имѣетъ и долженъ имѣть „первенство“ (Кол. 1, 18); Онъ—великій Первосвященникъ среди священниковъ, Глава Тѣла Своего, съ которой сте-

каетъ драгоцѣнный елей на бороду, на края одежды Его (Пс. 132, 2). Отъ Него, Святого, имѣемъ и мы помазаніе, научающее насъ всему и пребывающее съ нами (1 Іоан. 2, 20, 27). Слава святому имени Его!

Намъ остается еще обратить вниманіе на особенно выдвинутую святость священнаго мвра. Когда мы внимательно читаемъ всѣ слова текста, мы получаемъ впечатлѣніе, какъ будто Господь съ особенной ревностью охраняетъ ее. Забудьте, какъ Онъ повторяетъ, называя мвро „священнымъ“, какъ строго Онъ запрещаетъ злоупотреблять имъ, угрожая даже истребленіемъ изъ народа Своего. Мы всѣ знаемъ, что это было наказаніе, назначавшееся въ Израилѣ исключительно за особо тяжкіе грѣхи. Далѣе забудьте, что каждый сосудъ во всемъ святилищѣ, на который возлагалось священное мвро, дѣлался чрезъ это **святыней великой** (Исх. 30, 29), такъ что даже все, прикасавшееся послѣ къ этимъ сосудамъ, въ свою очередь освящалось чрезъ прикосновеніе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что здѣсь идетъ рѣчь о прообразѣ возвышеннѣйшаго рода, и какъ мы, дѣти Новаго Завѣта, имѣемъ дѣло не съ тѣнями небеснаго, а съ самою сущностью, то эти предупрежденія тѣмъ сильнѣе касаются насъ что мы можемъ огорчать и угашать Духа Святого и иногда къ сожалѣнію, даже подражать Ему.

Главнымъ запрещеніемъ для Израиля было запрещеніе помазывать священнымъ мвромъ тѣла людей. Мы были почти готовы, согласно составленному нами заранѣе по этому поводу представленію, спросить: нужно ли это было дѣйствительно понимать буквально? Не долженъ ли былъ по крайней мѣрѣ первосвященникъ быть исключенъ изъ этого правила? Если же мы внимательно прослѣдимъ его при примѣненіи, то мы дѣйствительно найдемъ, что священное мвро никогда не касалось тѣла первосвященника, и возливалось на голову его лишь тогда, когда она была покрыта кидаромъ и украшена діадимой святыни; также и сыновья его окроплялись облеченными въ священныя одежды (Лев. 8). Теперь намъ уже извѣстно, что одежды Аарона и сыновей его придавали имъ то, чего они не имѣли сами по себѣ, т. е. элементъ божественный, даро-

ванный отъ Бога, и именно онъ и носилъ печать священнаго мвѣра для помазанія.

Слава и поклоненіе Богу и Отцу нашему, что Онъ далъ намъ Первосвященника, на Котораго не нужно было ничего возлагать, ни во что-либо Его одѣвать, но Который превознесенъ превыше небесъ; Онъ былъ, воистину, Святой Божій, о Которомъ было сказано еще до рожденія Его, что Онъ отъ Духа Святого и наречется Сыномъ Всевышняго; Который только явился въ **образѣ** плоти грѣховной, но не въ грѣховной плоти; на Немъ могъ покоиться Духъ Святой, и Іоаннъ свидѣтельствуемъ намъ, говоря, что онъ видѣлъ Духа, сходящаго съ неба и пребывающаго на Немъ (Іоан. 1, 32—34). Возлюбленные, Онъ и Самъ подтверждаетъ намъ въ послѣдствіи то, что мы читаемъ здѣсь въ книгѣ Моисеевой, что это священное мвѣро для помазанія не можетъ и не должно касаться плоти, говоря, что міръ не можетъ принять Духа Святого (Іоан. 14, 17). Богъ такъ возлюбилъ міръ, что **отдалъ Сына** Своего Единороднаго, Онъ предлагается ему, и лишь чрезъ принятіе Сына Божія и посредствомъ примиренія съ Богомъ, чрезъ Него открывается ему путь для принятія этого священнаго мвѣра. Иначе и быть не можетъ, потому что человѣкъ по природѣ, ветхій человѣкъ, плоть, до глубины своихъ помышлений есть вражда противъ Бога; эти помышленія суть смерть, закону Божію не покоряются, да и не могутъ (Рим. 8, 6. 7). Плоть всегда противится Духу, всегда возстаетъ противъ Него, и примиреніе здѣсь невозможно; только смерть ея чрезъ принятіе Христа Распятaго даетъ просторъ Духу Святому въ сердцѣ человѣка (Рим. 8, 13). Потому ясно и доказано, что, гдѣ живетъ Духъ Святой, тамъ должна быть новая тварь, человѣкъ отъ Бога, рожденный свыше. Какъ оскорбительно поэтому Богу Духу Святому тѣ кощунственныя притязанія жалкихъ невѣжественныхъ людей, которые, въ силу своего званія, полученнаго отъ такихъ же людей безъ Духа, считаютъ возможнымъ передавать Духа Святого чрезъ рукоположеніе или иной какой-либо религиозный обрядъ другимъ, отчужденнымъ отъ Бога и не принявшимъ Его спасенія людямъ. Самое меньшее, что мы можемъ сказать о нихъ, то: „Не знаютъ, что дѣлаютъ“.

Но и для дѣтей Божіихъ, которыя имѣютъ и знаютъ Его, есть еще опасность примѣнять это священное муро къ плоти человѣческой. Какъ легко нѣкоторые обращаются со словами: „Господь указалъ мнѣ то и то; Онъ повелѣлъ мнѣ то или другое, Онъ послалъ меня“. Несомнѣнно, Господь готовъ руководить каждымъ шагомъ нашимъ, вести насъ, возбуждать или отстранять какую-либо мысль, управляя всѣми силами нашего тѣла и нашей души, и Онъ дѣлаетъ это дѣйствительно, если мы вполнѣ Ему отданы; это только и есть истинное положеніе чада Божія по отношенію къ своему Отцу; но если, въ дѣйствительности, оно руководится своей собственной волей и разумомъ и притомъ приписываетъ это Духу Святому, то это значитъ приводить Его въ связь съ плотью. О, да сохранить насъ Господь отъ подобныхъ поговорокъ и да научить Онъ насъ нѣжно обходиться съ Нимъ.

Для Израиля существовало еще и другое запрещеніе: поддѣлывать священное муро для помазанія. Это легко могло бы случиться въ виду того, что составъ его такъ точно былъ описанъ. Существуетъ ли эта опасность и въ наши дни для народа Божія, для васъ, братія мои, для меня? О, конечно. Какъ часто впадаемъ мы въ искушеніе, желая казаться духовными, не будучи таковыми на дѣлѣ. Вѣдь каждое наше дѣйствіе, если мы не бодрствуемъ, можетъ быть плодомъ ложнаго, поддѣланнаго мюра. Не особенно ли охотно бываетъ дѣятельна плоть тамъ, гдѣ должно бы дѣйствовать одному Духу Святому? Какъ она старается всегда выдвинуться, особенно въ нашихъ открытыхъ дѣйствіяхъ, нашихъ общественныхъ молитвахъ, проповѣдяхъ, собесѣдованіяхъ и преимущественно въ присутствіи людей, мнѣніемъ которыхъ мы дорожимъ. Какъ часто она хочетъ придать всему этому силу и вѣсъ, дать то драгоцѣнное помазаніе, которое исходитъ исключительно отъ Духа Святого. И не проявляется ли она съ особенной силой, когда мы чувствуемъ отсутствіе **содѣйствія Самого Духа Святого?** Пора, чтобы въ нашемъ духѣ прекратилось, наконецъ, всякое лукавство и наше сердце сдѣлалось такимъ нѣжнымъ для Духа Святого, чтобъ мы съ отвращеніемъ отвергали всякое искушеніе подражать Ему, или ставить наше во-

одушевление на Его мѣсто. Воистину, лишь этимъ путемъ можемъ мы подчинить Ему въ дѣйствительности нашъ духъ, душу и тѣло, потому что только тамъ есть просторъ для Него, гдѣ нѣтъ мѣста для плоти.

И теперь, возлюбленные, позвольте мнѣ обратиться ко всѣмъ вамъ съ вопросомъ: есть ли вообще на васъ это священное мвро помазанія? Есть ли оно на каждомъ изъ васъ? Запечатлѣны ли вы Духомъ Святымъ до дня Господня, и залогъ ли Онъ наслѣдія вашего ко спасенію? Если это не такъ, то очень мало значенія въ томъ, что вы немного лучше или хуже того или другого; вы тогда плоть и не что иное, какъ плоть, и не можете ни видѣть Царствія Божія, ни войти въ него; ибо непреложно истинно остается слово: „Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его“ (Рим. 8, 9). Онъ Самъ да уяснитъ вамъ и покажетъ, что это такъ. Аминь.

---

31. Посвященіе священниковъ.

- Лев. 8, 1. 2. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: Возьми Аарона и сыновъ его съ нимъ, и одежды и елей помазанія, и тельца для жертвы за грѣхъ и двухъ овновъ, и корзину опрѣсноковъ, И собери все общество ко входу скинии собранія. Моисей сдѣлалъ такъ, какъ повелѣлъ ему Господь, и собралось общество ко входу скинии собранія. 3. И сказалъ Моисей къ обществу: вотъ, что 4. повелѣлъ Господь сдѣлать. И привелъ Моисей Аарона и сыновъ его и омылъ 5. ихъ водою. И возложилъ на него хитонъ и опоясалъ его поясомъ, и надѣлъ на него верхнюю ризу, и возложилъ на него ефодъ, и опоясалъ его поясомъ ефода и прикрѣ- 6. пилъ имъ ефодъ на немъ. И возложилъ на него наперсникъ, и на наперсникъ по- 7. ложилъ уримъ и туммимъ. И возложилъ на голову его кидаръ, а на кидаръ съ 8. передней стороны его возложилъ полированную досщечку, діадиму святыни, какъ 9. повелѣлъ Господь Моисею. И взялъ Моисей елей помазанія, и помазалъ скинію и все, 10. что въ ней, и освятилъ это. И покропилъ имъ на жертвенникъ семь разъ, и пома- 11. залъ жертвенникъ и всѣ принадлежности его, и умывальницу и подножіе ея, чтобы 12. освятить ихъ. И возлилъ елей помазанія на голову Аарона, и помазалъ его, чтобы 13. освятить его. И привелъ Моисей сыновъ Аароновыхъ, и одѣлъ ихъ въ хитоны, и опоясалъ ихъ поясомъ, и возложилъ на нихъ кидары, какъ повелѣлъ Господь 14. Моисею. И привелъ тельца для жертвы за грѣхъ, и Ааронъ и сыны его возложили 15. руки свои на голову тельца за грѣхъ. И закололъ его и взялъ крови, и перстомъ своимъ возложилъ на роги жертвенника со всѣхъ сторонъ, и очистилъ жертвенникъ,

а остальную кровь вылилъ къ подножію жертвенника, и освятилъ его, чтобы сдѣ-
16. лать его чистымъ. И взялъ весь тукъ, который на внутренностяхъ, и сальникъ на печени, и обѣ почки и тукъ ихъ,
17. и сжегъ Моисей на жертвенникѣ. А тельца и кожу его, и мясо его, и нечистоту его сжегъ на огнѣ внѣ стана. какъ повелѣлъ
18. Господь Моисею. И привелъ овна для всесожженія, и возложили Ааронъ и сыны
19. его руки свои на голову овна; И закололъ его Моисей и покропилъ кровію на жерт-
20. венникъ со всѣхъ сторонъ. И разсѣкъ овна на части, и сжегъ Моисей голову и части
21. и тукъ; А внутренности и ноги вымылъ водою. и сжегъ Моисей всего овна на жертвенникѣ: это всесоженіе въ пріятное благоуханіе; это жертва Господу, какъ
22. повелѣлъ Господь Моисею. И привелъ другого овна, овна посвященія, и возложили Ааронъ и сыны его руки свои на голову
23. овна; И закололъ его Моисей и взялъ крови его, и возложилъ на край праваго уха Ааронова, и на большой палецъ правой руки его, и на большой палецъ правой
24. ноги его. И привелъ Моисей сыновъ Аароновыхъ, и возложилъ крови на край праваго уха ихъ, и на большой палецъ правой руки ихъ, и на большой палецъ правой ноги ихъ, и покропилъ Моисей кровію на
25. жертвенникъ со всѣхъ сторонъ. И взялъ тукъ и курдюкъ и весь тукъ, который на внутренностяхъ, и сальникъ на печени, и обѣ почки, и тукъ ихъ, и правое плечо.
26. И изъ корзины съ опрѣсноками, которая предъ Господомъ, взялъ одинъ опрѣснокъ, и одинъ хлѣбъ съ елеемъ, и одну лепешку, и возложилъ на тукъ и на правое плечо.
27. И положилъ все это на руки Аарону и на руки сынамъ его, и принесъ это, потрясая
28. предъ лицомъ Господнимъ. И взялъ это Моисей съ рукъ ихъ и сжегъ на жертвенникѣ со всесоженіемъ: это жертва посвященія въ пріятное благоуханіе, это
29. жертва Господу. И взялъ Моисей грудь и принесъ ее, потрясая предъ лицомъ Господнимъ: это была доля Моисеева отъ

- овна посвященія, какъ повелѣлъ Господь
30. Моисею. И взялъ Моисей елея помазанія и крови, которая на жертвенникѣ, и покропилъ Аарона и одежды его, и сыновъ его и одежды сыновъ его съ нимъ; и такъ освятилъ Аарона и одежды его, и сыновъ его и одежды сыновъ его съ нимъ.
  31. И сказалъ Моисей Аарону и сынамъ его: сварите мясо у входа скинии собранія и тамъ ѣшьте его съ хлѣбомъ, который въ корзинѣ посвященія, какъ мнѣ повелѣно и сказано: Ааронъ и сыны его должны ѣсть его.
  32. А остатки мяса и хлѣба сожгите на огнѣ.
  33. Семь дней не отходите отъ дверей скинии собранія, пока не исполнятся дни посвященія вашего; ибо семь дней должно совершаться посвященіе ваше. Какъ сегодня было сдѣлано, такъ повелѣлъ Господь дѣлать для очищенія васъ. У входа скинии собранія будьте день и ночь въ продолженіи семи дней, и будьте на стражѣ у Господа, чтобы не умереть; ибо такъ мнѣ повелѣно отъ Господа Бога“.

линную главу прочли мы только, что и притомъ такую, какихъ не много въ Св. Писаніи; потому что, при ближайшемъ размѣтрѣніи ея, мы видимъ, что она содержитъ въ цѣломъ рядъ прообразовъ почти весь планъ Божій относительно нашего вѣчнаго искупленія. Съ перваго стиха во всей главѣ Богъ Отецъ,—Который даетъ всѣ постановленія, предписываетъ точное выполненіе ихъ и повелѣваетъ Моисею своевременно совершать ихъ вмѣсто Него,—стоитъ передъ нами. Отъ второго до двѣнадцатаго стиха въ лицѣ Аарона, первосвященника, является Сынъ Божій, какъ посредникъ между Богомъ и человѣками. и, при этомъ, какъ облеченный и снаряженный на это славное дѣло. Предъ душами нашими возстаетъ заключенный въ это снаряженіе,—къ которому особенно принадлежало священное мѣро,—Духъ Святой, Который освящаетъ и посвящаетъ какъ Сына, такъ и все возведенное зданіе. Итакъ мы видимъ Святого Тріединого Бога, осуществляющаго то чудное дѣло, въ которое желали бы проникнуть сами Ан-

гелы. Непосредственно за этимъ, съ 14 стиха до конца, намъ показано именно это чудное дѣло. Прежде всего мы видимъ тамъ все искупленіе, совершенное Христомъ на Голгоѣѣ, въ видѣ принесенія различныхъ жертвъ, которыя всѣ изображали собою драгоцѣнныя черты одной жертвы Христовой; приближеніе священниковъ показываетъ намъ усвоеніе и участіе каждой отдѣльной личностью истекающихъ изъ этихъ жертвъ даровъ благодати, тогда какъ въ присутствіи всего Израиля мы видимъ тотъ великій сонмъ искупленныхъ, который, прославленный чуднымъ дѣломъ Христа, окружить въ оный день престолъ Божій. Таковъ краткій обзоръ содержащихся въ этой славной главѣ тѣней будущихъ благъ.

Въ сегодняшней нашей бесѣдѣ намъ не приходится вдаваться въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ божественныхъ истинъ; мы остановимся лишь на одной изъ нихъ, а именно на

посвященіи священниковъ,

которое раскрывается во всѣхъ своихъ чертахъ въ этомъ драгоцѣнномъ отрывкѣ Слова Божія и вокругъ котораго группируются всѣ вышеупомянутыя истины.

Прежде, нежели приступить къ разсмотрѣнію посвященія священниковъ, намъ необходимо вспомнить, что раньше совершенія этого священнодѣйствія, давно уже было воздвигнуто Моисеемъ святилище со всѣми отдѣльными частями его и дворъ со всѣми принадлежностями. Сопровождавшее Израиля облако покрыло скинію, лишь только была повѣшена послѣдняя завѣса, и слава Господня наполнила ее, такъ что самъ Моисей долженъ былъ отступить отъ нея, и только когда облако и слава Господня отступила, онъ могъ снова приблизиться къ ней. Съ этого времени отсюда исходили дальнѣйшія повелѣнія Господа Моисею относительно приношенія жертвъ во дворѣ, какъ мы читаемъ въ самомъ началѣ книги Левита. Тамъ въ первомъ же стихѣ говорится: „И воззвалъ Господь къ Моисею и сказалъ ему изъ скиніи собранія, говоря“ (Лев. 1, 1). Отсюда была ему точно опредѣлена каждая жертва, касающаяся потребностей народа и требованій Іеговы; и, та-

кимъ образомъ, наступило время, когда „тѣни будущихъ благъ“ должны были раскрыться предъ глазами Израиля. Недоставало лишь одного, а именно—личностей, которымъ онѣ были бы вручены и которыя управляли бы ими; потому что до сихъ поръ только Моисей встрѣчался намъ въ этихъ священныхъ покояхъ. Эти лица были уже назначены Самимъ Іеговой, нужно было только, чтобы они были отдѣлены отъ среды своихъ братьевъ, облечены силой и славой и посвящены на это служеніе. Съ посвященіемъ ихъ, собственно, послѣдовало заключеніе всего устройства, но, въ то же время, было положено начало ветхозавѣтному богослуженію. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить:

Прежде всего, приготовленія къ этому посвященію. „Возьми Аарона и сыновъ его“ — повелѣно было Моисею, — „и одежды и елей помазанія, и тельца для жертвы за грѣхъ и двухъ овновъ, и корзину опрѣсноковъ. И собери все общество ко входу скинии собранія“. Это долженъ былъ быть чудный высокаторжественный день для Аарона и сыновъ его, когда Моисей, уполномоченный этимъ повелѣніемъ Господа, явился предъ ихъ шатрами и призвалъ идти вмѣстѣ съ нимъ предъ лицо Божіе. Онъ имѣлъ съ собою „славныя и благолѣпныя одежды“ и мѣро священное; телецъ, овны и корзина съ опрѣсноками сопровождали его. Вѣроятно Ааронъ долженъ былъ понимать, о чемъ идетъ дѣло. Онъ и сыны его должны были покинуть шатры свои и обыденныя занятія, выйти изъ среды семей и братьевъ своихъ и перемѣнить станъ Израильскій на славное святилище Іеговы. Какая это была перемѣна и какое новое и высокое положеніе было то, къ которому они призывались, предстоятъ отнынѣ предъ Богомъ Израилевымъ, предъ Которымъ еще годъ тому назадъ трепеталъ отъ ужаса весь народъ. И они должны были не только предстоятъ предъ Нимъ и служить за себя, но и за своихъ грѣшныхъ, невѣжественныхъ собратій, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ немощами. До сихъ поръ они жили среди нихъ и съ ними; теперь они должны были жить для нихъ и стоять между ними и Богомъ. Какая задача! Откуда имъ было взять способность и нужную силу для этого возвышеннаго служенія? Имъ нечего было заботиться объ этомъ: Тотъ, Который призвалъ ихъ, приготовилъ для нихъ уже все снаряженіе.

Это вѣрная картина выступленія избранныхъ Господа изъ стана міра сего, изъ служенія преходящему образу къ славной свободѣ дѣтей Божіихъ. И у нихъ идетъ отъ одного служенія къ другому, когда Господь призываетъ ихъ. Нѣкогда жили они для себя, для своихъ радостей и наслажденій, для близкихъ своихъ или сообразуясь съ міромъ и съ тѣмъ, что въ мірѣ; какъ сразу все это мѣняется съ того дня, когда Господь призываетъ ихъ жить для Него. Онъ становится съ этого времени Господомъ ихъ, и служеніе Ему—радостью ихъ. Такъ было уже издревле. Ушедшій въ дальнюю страну сынъ возвращается въ отцовскій домъ; Самъ Отецъ облакаетъ его въ одежды спасенія, принимаетъ его въ Свое общеніе, чтобы ему пребывать въ домѣ Отца и служить Ему. Каждый изъ насъ знаетъ подобный день чуднаго призванія къ царственному священству Божію, и мы навѣки не забудемъ его.

Но здѣсь было еще больше, возлюбленные, нежели картина чуднаго призванія дѣтей Божіихъ: здѣсь Ааронъ былъ прообразомъ Христа. Развѣ, однако, для Господа нашего существовало подобное время тихой, сокрытой жизни передъ Его вступленіемъ въ Свое славное служеніе? Да, существовало, и мы радуемся, что можемъ взирать назадъ на это время; намъ извѣстны дни, когда Онъ уединенно жилъ среди сыновъ человѣческихъ и съ ними; былъ какъ другіе, дитя среди дѣтей, юноша среди юношей, мужемъ зрѣлымъ среди мужей; жилъ въ обыденномъ семейномъ кругу, извѣдавъ съ домашними Своими ихъ горе и радость, ихъ искушенія и трудности, ихъ труды и работы, ихъ заботы, муки и немощи и многіе годы ѣлъ въ потѣ лица хлѣбъ Свой. Для многихъ этотъ періодъ жизни Его есть время, на которое они мало обращаютъ вниманія, потому что, повидимому, тутъ не случилось ничего особеннаго; но это тотъ славный промежутокъ времени, въ который великій Первосвященникъ Своимъ личнымъ опытомъ прошелъ черезъ всѣ стороны этой жизни и дозрѣлъ предусмотрѣннымъ Самимъ Богомъ путемъ для Своего славнаго дѣла. ко дню, когда Онъ долженъ былъ выступить изъ среды братьевъ Своихъ, уже не для того, чтобы только жить съ ними, какъ доселѣ, но чтобы для нихъ существовать и за нихъ умереть.

Но возвратимся къ величественной картинѣ въ нашей главѣ. Не только Моисей, Ааронъ и сыны его, но и **все общество** переживало въ тотъ день посвященія первосвященника чудное, славное зрѣлище. Израиль, весь Израиль долженъ выйти изъ стана; это—тотъ робкій, боязливый народъ, недавно говорившій Моисею: „Говори ты съ нами, и мы будемъ слушать; но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть“ (Исх. 20, 19); теперь онъ все-таки можетъ подойти въ непосредственную близость къ Іеговѣ, онъ даже приглашается къ тому Самимъ Господомъ, жившимъ среди него во Святомъ-святыхъ. Это былъ первый разъ, что они появлялись здѣсь, вступая во дворъ, и на этотъ разъ для того, чтобы созерцать происходящее въ немъ. Однако, не славу Господню приходилось имъ видѣть, но посредника завѣта Божія, который поставлялся между ними и Іеговой. Они имѣли преимущество видѣть его, малые и великіе, молодые и старые, видѣть во всей его славѣ и великолѣпіи, въ которомъ онъ впредь будетъ заступать ихъ предъ Богомъ. Поистинѣ чудное зрѣлище!

Сдѣлался ли, однако, и истинный Израиль, Израиль по духу, участникомъ этого торжества? Конечно, братія мои. Хотя нашъ великій Первосвященникъ и вступилъ уже за завѣсу и сдѣлался „священнодѣйствователемъ святилища и скинии истинной“, тѣмъ не менѣе, это—чудная дѣйствительность, что Его посвященіе совершилось не за завѣсой, не во Святомъ-святыхъ, но здѣсь, во дворѣ, на глазахъ Его собраннаго народа. Всѣ избранные Его сдѣлались свидѣтелями Его посвященія, потому что только чрезъ Него могли они войти въ освященный дворъ Господень, чрезъ запечатлѣннаго Богомъ Посредника предстать предъ лицо Его. Все относительно Него совершалось предъ нашими очами: здѣсь на землѣ былъ Онъ представленъ Господу и здѣсь открылись намъ всѣ Его совершенства, какъ тамъ Аароновы—Израилю по плоти. И послѣ того, какъ Онъ исходомъ Своимъ проложилъ намъ путь туда, куда наши ноги вѣры никогда не могли бы направить свои шаги, мы стоимъ вмѣстѣ съ Нимъ навѣки предъ лицомъ нашего Бога, чтобы безъ страха созерцать красоту Его.

Второе, въ нашей главѣ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, это — **помазаніе первосвященника**. Какъ различно отъ помазанія сыновъ его совершалось оно. Правда, омовеніе въ мѣдномъ умывальникѣ было общее съ ними въ знакъ того, что онъ выступалъ на служеніе Іеговы, какъ чистый, не имѣющій на себѣ ни пятна, ни порока. Но, далѣе, его превосходство выступаетъ въ каждомъ совершенномъ надъ нимъ дѣйствиіи. Онъ берется изъ среды сыновъ своихъ и прежде всѣхъ облачается въ свои священныя одежды, изъ которыхъ каждая перечисляется отдѣльно, пока не возложенъ на него послѣдній знакъ его первосвященническаго достоинства. И когда онъ стоитъ тамъ, облеченный въ совершенство и великолѣпіе свое, приносить Моисей священный елей помазанія, помазываетъ имъ Святое-святыхъ, святилище, дворъ и все, находящееся въ нихъ, затѣмъ приолижается къ Аарону, чтобы, предъ глазами всего Израиля и сыновъ его, вылить на него весь рогъ елея. Не удивительно ли то, что онъ, въ то время, какъ сыны его стоятъ около него, все-таки помазывается **одинъ**? Какъ естественно показалось бы намъ, если бы и они вмѣстѣ съ нимъ сдѣлались участниками этого святого посвященія; но это не соотвѣтствовало бы тогда помазанію грядущаго великаго Первосвященника. Сообразно съ этимъ, Ааронъ долженъ былъ **первый** получить помазаніе. Еще раньше, чѣмъ одна капля священнаго елея упала на сыновъ его, прежде чѣмъ сожжена была огнемъ мѣднаго жертвенника первая жертва или кропилось кровію ея, онъ стоялъ освященный, помазанный и посвященный предъ ними.

Кто бы не увидѣлъ во всемъ этомъ ясный, славный прообразъ нашего Господа. Онъ былъ чистый, святой, „избранный изъ народа“ (Пс. 88, 21): въ Немъ, поистинѣ, не было никакого недостатка; Онъ не нуждался въ омовеніи, какъ Ааронъ, чтобы очиститься на Свое служеніе и дѣло, и все-таки мы читаемъ о Немъ, что Онъ со Своими братьями предъ глазами всего Израиля вошелъ въ воды Іорданскія. И это случилось дѣйствительно въ минуту, предшествовавшую Его священному помазанію. Іоаннъ удерживаетъ Его; для него что то неслыханное, что ему предстоитъ совершить, но Господь хотѣлъ во всемъ уподобиться

братіямъ Своимъ, также и въ открытомъ исповѣданіи вины и грѣховъ, что было связано съ Его крещеніемъ. И какъ вѣрно говоритъ писатель **Годе**: „Онъ исповѣдывалъ предъ Богомъ, какъ Исаія, Даниилъ и Неемія грѣхи народа, смиливъ Себя за него, но, конечно, съ тою разницею, что Іисусъ сказалъ слово „**мы**“ не съ чувствомъ Своего участія въ общемъ грѣхѣ, но единственно движимый глубокимъ сочувствіемъ. Ничто не можетъ быть человѣчнѣе этого чувства сопричастности, съ которымъ Іисусъ сковалъ въ эту минуту узы, связывающія Его съ обремененнымъ виною человечествомъ. Видъ этого зрѣлища вложилъ въ уста Іоанна Крестителя въ послѣдствіи его великое слово: „Вотъ Агнецъ Божій, Который беретъ на Себя грѣхъ міра“. Онъ узналъ въ Іисусѣ, въ день Его крещенія, святого жертвеннаго Агнца, который, хотя цѣлая пропасть лежала между Нимъ и грѣхомъ, тѣмъ не менѣе добровольно сдѣлалъ грѣхъ всего рода человеческого Своимъ, посредствомъ добровольной связи Себя съ родомъ грѣшниковъ“. Онъ вошелъ въ среду ихъ, чтобы предстоять за нихъ предъ Богомъ. И здѣсь же былъ Онъ помазанъ, среди братьевъ Своихъ, „болѣе соучастниковъ Своихъ“, когда Духъ Святой сошелъ и пребылъ на Немъ. Для Него не нужно было пролитія крови, чтобы предварительно примирить Его, ни всесоженія, которое бы сдѣлало Его благоугоднымъ Богу, и никакого украшенія, которое бы возлагалось на Него, чтобы Ему возможно было предстать предъ Богомъ: Онъ былъ Самъ по Себѣ совершенный и непорочный, и между Нимъ и Богомъ ничего раздѣляющаго не было; поэтому Онъ и могъ быть причастнымъ въ полной мѣрѣ Духу Святому. Какое богатое утѣшеніе и блаженное наслажденіе заключается во всѣхъ этихъ чудныхъ откровеніяхъ для души, которая во всей своей немощи и нищетѣ беззавѣтно положила на Него: о только бы она захотѣла неизмѣнно взирать на Него!

Перейдемъ, однако, отъ посвященія первосвященника къ посвященію священниковъ. Итакъ, Ааронъ былъ помазанъ, онъ стоялъ уже посвященный Господу, прежде, чѣмъ дошла очередь до нихъ. Но посмотримъ внимательно, на какихъ совершенно иныхъ основаніяхъ послѣдовало ихъ помазаніе. Прежде всего они облекались въ тѣ бѣлыя лья-

ная одежды, въ которыхъ Ааронъ являлся, какъ чистый и оправданный предъ Богомъ, и такъ какъ на нихъ не возлагалось болѣе никакихъ одеждъ, то, судя по ходу дѣйствій надъ первосвященниками, можно было ожидать, что теперь будетъ возложенъ на нихъ елей помазанія. Но вмѣсто этого. кровь идетъ на жертвенникъ Божій и во святилище Его: это должно было предшествовать ихъ помазанію. Первыя жертвы, сгорѣвшія на мѣдномъ жертвенникѣ, были, такимъ образомъ, за **нихъ** и должны были быть принесены Іеговѣ въ своемъ **полномъ числѣ** прежде, чѣмъ совершилось ихъ помазаніе. Поистинѣ, это трогательное зрѣлище, когда мы въ духѣ видимъ эту священническую семью подходящую къ мѣдному жертвеннику, чтобы, возложивъ руки на голову подведеннаго имъ тельца, признать свое единство съ этой жертвой за грѣхъ, а затѣмъ видимъ, какъ эта жертва покоряется жребію, который есть смерть. устраняя отъ нихъ ихъ **грѣховное состояніе**. Далѣе то же случается и съ овномъ всесоженія, той жертвой пріятнаго благоуханія Іеговѣ; и здѣсь они простираютъ руки свои надъ головой его, и, когда онъ въ пламени возносился къ Господу, они не только были помилованы, но дѣлались **благопріятными** Ему. Снова выступали они впередъ, чтобы снова заявить свое единство съ жертвой, возлагая еще разъ руки свои на жертву посвященія, кровь которой возлагалась на правое ухо, большой палецъ правой руки и большой палецъ правой ноги ихъ; по совершеніи этого. они стояли, какъ **мертвые для грѣха, освобожденные отъ его власти** И все далѣе, все глубже ведутъ ихъ жертвы благодарности, хлѣбное приношеніе и возліаніе вмѣстѣ съ опрѣсноками, принесенными въ корзину Моисеемъ, пока вся благодать спасенія, въ видѣ этихъ чудныхъ прообразовъ, не станетъ на ихъ счетъ и не изображается въ прообразѣ полнѣйшее единство и общеніе ихъ съ Іеговой. **Тогда и только тогда**, возлюбленные, послѣ того, какъ отстранена всякая тѣнь разногласія между ними и Богомъ, явилось мѣсто для священнаго мѣра и только теперь кропилось оно на нихъ, вмѣстѣ съ кровью, рукою Моисея. какъ печать ихъ посвященія.

Скажите сами, дорогіе братія, какое описаніе и какое

событіе можетъ яснѣе этого, о которомъ мы только что прочитали, напомнить намъ слова Господа, сказанныя Имъ Своимъ скорбящимъ ученикамъ предъ исходомъ Его: „Но Я истину говорю вамъ: лучше для васъ, чтобы Я пошелъ; ибо, если Я не пойду, Утѣшитель не придетъ къ вамъ. А если пойду, то пошлю Его къ вамъ“ (Іоан. 16, 7). Не показываетъ ли это, что наше помазаніе Духомъ Святымъ было совершенно невозможно до возношенія Христа на крестъ? Онъ долженъ былъ раньше взять „грѣхъ отъ среды“, совершить очищеніе, сдѣлать насъ благоугодными Богу и явиться со Своей собственной кровію во Святомъ-святыхъ предъ Богомъ, прежде, чѣмъ этотъ чистый и святой Голубь нашелъ Себѣ мѣсто здѣсь на землѣ, и мы могли сдѣлаться причастниками Ему. „Не придетъ къ вамъ“, — это и до сего дня сохранило силу свою, потому что, какъ было при первомъ изліяніи Его на землѣ, и бываетъ вообще, такъ бываетъ и въ отношеніи всякой отдѣльной души. Онъ не займетъ мѣста въ твоёмъ и моёмъ сердцѣ, пока мы не возложимъ каждый за себя наши руки съ полнымъ упованіемъ на Христа, какъ на истинную нашу жертву за грѣхъ, жертву повинности, всесоженія, благодаренія и жертву мирную,—на Него, какъ на совершенную жертву нашу. и не признаемъ себя одно съ Нимъ предъ лицомъ Божиимъ, какъ тамъ посвящавшіеся священники Божіи. Духъ Святой хочетъ быть и нашей печатью, но что же можетъ Онъ запечатлѣть, когда мы не достигли полного спасенія, вѣчнаго искупленія во Христѣ и не покоимся на немъ? Но лишь только усваиваемъ мы это спасеніе, даруется намъ и святое помазаніе, совершенно также, какъ на сыновъ Аароновыхъ одновременно возлагались кровь и священный елей помазанія.

Замѣтимъ же себѣ это особенно, чтобы всегда, какъ бы ни была слаба наша вѣра, видѣть себя запечатлѣнными Духомъ Святымъ во Христѣ Іисусѣ. Знай же, братъ мой, если кровь Его на тебѣ, то насталъ конецъ твоему грѣховному состоянію, и вина твоя снята съ тебя; ты сдѣлался благоугоднымъ въ Немъ, и Онъ есть миръ твой, пища и питіе твое; въ Немъ же умеръ ты для грѣха и навѣки посвященъ Богу. Духъ Святой, приведшій тебя къ этому спа-

сенію, запечатлѣлъ тебѣ его. Твое положеніе теперь—положеніе священника предъ Богомъ, и ты хорошо дѣлаешь, если постоянно смотришь на себя, какъ на находящагося въ немъ, потому что это поистинѣ будетъ значить брать Господа за слово Его и усваивать себѣ все Его искупленіе. И не правда ли, ты сознаешь, что только это можетъ удовлетворить тебя и только это одно соотвѣтствуетъ славному дѣлу, совершенному для тебя твоимъ возлюбленнымъ Господомъ.

Наконецъ, замѣтимъ предписанія, данныя Господомъ о поведеніи священниковъ послѣ ихъ посвященія. „Сварите“—такъ было сказано Аарону и сынамъ его,—„мясо у входа въ скинію собранія, и тамъ ѣшьте его съ хлѣбомъ, который въ корзинѣ посвященія“ (Лев. 8, 31). Посмотрите на святое занятіе, предстоявшее священнической семьѣ послѣ ея посвященія. Имъ приходилось впредь въ священныхъ покаяхъ имѣть дѣло съ жертвами, принесенными за нихъ. Подобно тому, какъ Израиль, посредствомъ крови агнца отдѣленный отъ Египтянъ, питался тѣмъ же самымъ агнцемъ и ѣлъ опрѣсноки, такъ и посвященные священники во святилищѣ. Та же самая жертва, которая пошла за нихъ на смерть и содѣлала ихъ благоугодными Богу, обращала затѣмъ всѣ дни ихъ въ дни святого празднованія и во времена драгоцѣннаго пированія. И не забудемъ, что не только священники, но и отецъ ихъ и глава, Ааронъ, праздновалъ вмѣстѣ съ ними за этой трапезой.

О, драгоцѣнная доля искупленныхъ, они имѣютъ право вмѣстѣ со Христомъ, своею превознесенною Главою и великимъ Первосвященникомъ, наслаждаться плодами Его подвига и Его искупленія. Въ то время, какъ Онъ—пища и питіе души ихъ, центръ ихъ мыслей и разсужденій и чудное наслажденіе новаго человѣка ихъ, наслаждается Его душа ими, такъ какъ они суть плодъ Его страданій, возмездіе за муки Его. Рѣчь Его, когда Онъ думаетъ о нихъ, такова: „Плѣнила ты сердце Мое“ (Пѣс. Пѣс. 4, 9). Онъ смотритъ на нихъ, какъ на свою „часть“, „добычу“, которую Онъ получилъ, когда душа Его боролась за нихъ и предавалась на смерть; теперь же Онъ съ довольствомъ смотритъ на нихъ, теперь сдѣлались они Его радостью

(Ис. 53, 11. 12). О, только бы наши сердца были поглощены Имъ, какъ Его сердце нами; только бы Онъ былъ нашимъ непрестаннымъ занятіемъ въ славномъ святилищѣ, куда Онъ ввелъ насъ послѣ нашего посвященія: тогда, воистину, никогда, никогда не окончились бы дни нашего празднованія!

Дальнѣйшее повелѣніе звучало: „У входа скинии собранія будьте день и ночь въ продолженіи семи дней, и будьте на стражѣ у Господа, чтобы не умереть“ (Лев. 8, 35). Отнынѣ они были исключительно служителями Іеговы, которые должны были повиноваться повелѣніямъ Его, но должны были ожидать ихъ передъ входомъ Его, пока Онъ не отдастъ ихъ. И хотя бы проходилъ день за днемъ и наступала ночь за ночью, это не была потеря: они стояли, ожидая Его, точно такъ же на святомъ служеніи Ему, какъ если бы они совершали святѣйшія дѣйствія по повелѣнію Его.

О, если бы мы научились, братія мои, этому чудному ожиданію Господа и никогда не бѣжали бы раньше, чѣмъ мы посланы; о, если бы мы научились всегда стоять передъ Нимъ, чтобы слушать премудрость Его, ожидать повелѣній у дверей Его, потому что Онъ Самъ называетъ блаженными поступающихъ такъ: „Блаженъ человекъ“, — такъ говорятъ Его уста правды, — „который слушаетъ Меня, бодрствуя каждый день у воротъ Моихъ и стоя на стражѣ у дверей Моихъ“ (Пр. 8, 34)! Это—священническое служеніе и вовсе не потеря, стоя на стражѣ, ожидать слова Его и повелѣній Его, хотя бы вокругъ насъ совсѣмъ стемнѣло, и лучшіе праздничные дни смѣнились темными и холодными ночами, потому что всегда блаженнѣе по волѣ Его въ бездѣйствіи ожидать Его, нежели совершать по собственной волѣ великія дѣла, негодныя Ему. Такъ въ славномъ священническомъ положеніи: все, все должно исходить единственно отъ Господа; Онъ долженъ распредѣлять самое малое, какъ и самое великое, а мы, какъ искупленные Ему въ цари и священники, должны въ тихой отдачѣ и покорности слѣдовать за Нимъ.

И сколько времени должны они были пребывать въ этомъ ожиданіи? Семь дней, было сказано Аарону и сы-

намъ его; они не должны были выходить въ это время изъ священныхъ покоевъ. Семь—число полноты, совершенства, а потому въ этомъ случаѣ семь дней пребывать у входа скинии обозначаетъ пребывать, пребывать и до конца пребывать въ жилищѣ Господнемъ. Да, Его святое посвященіе должно покоиться на насъ, пока не настанетъ восьмой день, славная заря вѣчности; тогда изъ двора и святилища, гдѣ ходятъ теперь наши ноги, мы войдемъ, вслѣдъ за нашимъ великимъ Первосвященникомъ, за завѣсу, во Святое-святыхъ.

„Тогда исчезнетъ мракъ послѣдній,
„Тогда откроются глаза,
„И прежде мрачный путь пришельца
„Освѣтитъ лучшая заря“.

Тогда мы будемъ смотрѣть не черезъ тусклое стекло, не гадательно, увидимъ не темныя тѣни и небольшой свѣтъ изъ нихъ, но увидимъ Его, какъ Онъ есть, лицомъ къ лицу и—слава Ему—мы будемъ взирать на Него во вѣки вѣковъ! Аминь.

---

32. Странствованіе Израиля со святилищемъ.

- Чис. 4.
1. „И сказалъ Господь Моисею и Аарону,
  2. говоря: Исчисли сыновъ Кааѳовыхъ изъ сыновъ Левія по родамъ ихъ, по семей-
  3. ствамъ ихъ, Отъ тридцати лѣтъ и выше до пятидесяти лѣтъ, всѣхъ, способныхъ къ службѣ, чтобы отправлять работы въ ски-
  4. нии собранія. Вотъ служеніе сыновъ Кааѳовыхъ въ скинии собранія: носить Святое-
  5. святыхъ. Когда стану надобно подняться въ путь, Ааронъ и сыны его войдутъ, и снимутъ завѣсу закрывающую, и покроютъ
  6. ея ковчегъ откровенія. И положатъ на нее покровъ изъ кожъ синяго цвѣта, и сверхъ его накинугъ покрывало все изъ голубой
  7. шерсти, и вложатъ шести его. И столъ хлѣбовъ предложенія накроютъ одеждою изъ голубой шерсти, и поставятъ на немъ блюда, тарелки, чаши и кружки для воз-
  8. ліянія, и хлѣбъ его всегдашній долженъ быть на немъ. И возложатъ на нихъ одежду багряную, и покроютъ ее покровомъ изъ кожи синяго цвѣта, и вложатъ шести его.
  9. И возьмутъ одежду изъ голубой шерсти, и покроютъ свѣтильникъ и лампы его, и щипцы его, и ложки его, и всѣ сосуды для елея, которые употребляютъ при немъ.
  10. И покроютъ его и всѣ принадлежности его покровомъ изъ кожъ синихъ, и положатъ
  11. на носилки. И на золотой жертвенникъ возложатъ одежду изъ голубой шерсти, и покроютъ его покровомъ изъ кожъ синихъ,
  12. и вложатъ шести его. И возьмутъ всѣ вещи служебныя, которыя употребляются для служенія во святилищѣ, и положатъ въ одежду изъ голубой шерсти, и покроютъ ихъ покровомъ изъ кожъ синихъ, и поло-
  13. жатъ на носилки. И очистятъ жертвенникъ

- отъ пепла, и накроютъ его одеждою пурпу-
 14. вою. И положить на него всѣ сосуды его, которые употребляются для служенія при немъ,—угольницы, вилки, лопаткии чаши, всѣ сосуды жертвенника, и покроютъ его покровомъ изъ кожъ синихъ, и вложатъ шесты
 15. его. Когда, при отправленіи въ путь стана, Ааронъ и сыны его покроютъ все святилище и всѣ вещи святилища, тогда сыны Кааѳа подойдутъ, чтобы нести; но не должны они касаться святилища, чтобы не умереть. Сии части скинїи собранія должны носить
 16. сыны Кааѳовы. Елеазару, сыну Аарона, священника, поручается елей для свѣтиль-ника и благовонное куреніе, и всегдашнее хлѣбное приношеніе и елей помазанія,— поручается вся скинїя и все, что въ ней,
 17. святилище и принадлежности его. И ска-залъ Господь Моисею и Аарону, говоря:
 18. Не погубите колѣна племень Кааѳовыхъ
 19. изъ среды Левитовъ. Но вотъ, что сдѣ-лайте имъ, чтобы они были живы и не умерли, когда приступаютъ къ Святому-святыхъ: Ааронъ и сыны его пусть прїй-дутъ, и поставятъ ихъ каждого къ служе-
 20. нію его и у ноши его. Но сами они не должны подходить смотрѣть святыню, когда
 21. покрываютъ ее, чтобы не умереть. И ска-залъ Господь Моисею, говоря: Исчисли и сыновъ Гирсона по семействамъ ихъ, по
 22. родамъ ихъ, Отъ тридцати лѣтъ и выше до пятидесяти лѣтъ, исчисли ихъ, всѣхъ
 23. способныхъ къ службѣ, чтобы отправлять
 24. работы при скинїи собранія. Вотъ работы семействъ Гирсоновыхъ, при ихъ служеніи
 25. и ношеніи тяжестей. Они должны носить покровы скинїи и скинїю собранія, и по-кровъ ея, и покровъ кожаный синій, кото-рый поверхъ его, и завѣсу входа скинїи
 26. собранія, И завѣсу двора, и завѣсу входа во дворъ, который вокругъ скинїи и жерт-венника, и веревки ихъ, и всѣ вещи, при-надлежащія къ нимъ, и все, что дѣлается
 27. при нихъ, они должны работать. По по-велѣнію Аарона и сыновъ его должны производиться всѣ службы сыновъ Гирсо-новыхъ при всякомъ ношеніи тяжестей и

- всякой работѣ ихъ, и поручите ихъ хране-
 28. нію все, что они носятъ. Вотъ службы
 родовъ сыновъ Гирсоновыхъ въ скиніи со-
 бранія, и вотъ, что поручается ихъ хра-
 29. ненію подъ надзоромъ Иѳамара, сына Ааро-
 на, священника. Сыновъ Мерариныхъ по
 родамъ ихъ, по семействамъ ихъ исчисли,
 30. Отъ тридцати лѣтъ и выше до пятидесяти
 лѣтъ, исчисли всѣхъ, способныхъ на службу,
 чтобы отправлять работы при скиніи со-
 31. бранія. Вотъ, что они должны носить, по
 службѣ ихъ при скиніи собранія: брусъ ски-
 нии и шесты ея, и столбы ея, и подножія ея,
 32. И столбы двора со всѣхъ сторонъ и под-
 ножія ихъ, и кольца ихъ, и веревки ихъ
 и всѣ вещи при нихъ и всѣ принадлеж-
 ности ихъ; и поименно сосчитайте вещи
 которыя они обязаны носить".

Божьей помощью мы дошли въ нашей послѣд-
 ней бесѣдѣ до окончанія главныхъ постановленій
 относительно левитскаго богослуженія и имѣли воз-
 можность видѣть торжественное начало этого служенія.
 Этимъ мы могли бы закончить, еслибъ Израиль уже жилъ
 въ Обѣтованной Землѣ, и святилище Господне нашло себѣ
 мѣсто покоя. Но такъ какъ этого не было, то невольно у
 насъ возникаетъ вопросъ: „Что же случилось со святили-
 щемъ, когда поднимался народъ"? Для выясненія этого
 вопроса мы и собрались еще разъ. Для этого намъ не
 придется, какъ мы привыкли дѣлать, заглядывать то въ
 книгу Исхода, то въ книгу Левита; намъ сегодня придется
 открыть слѣдующую страницу этихъ драгоцѣнныхъ откro-
 веній Божіихъ и бросить хотя бы только одинъ взглядъ
 въ книгу Чиселъ. Господь такъ распредѣлилъ Свои слав-
 ныя откровенія въ Пятикнижii Моисеевомъ, что каждая
 изъ этихъ книгъ представляетъ собою какъ бы особенный
 отдѣлъ и носить ей одной свойственный характеръ,
 такъ что различныя драгоцѣнныя истины, имѣющія отно-
 шеніе къ нашему предмету, находятся то въ одной, то въ
 другой изъ этихъ книгъ. Книга Бытія выступаетъ предъ
 нами, какъ книга о сотвореніи и содержитъ въ себѣ начала

всѣхъ вещей и всѣхъ событій, входящихъ въ великій царственный планъ нашего Бога; въ ней не могло заключаться ничего относительно skinii собранія, такъ какъ послѣдняя не принадлежитъ къ началамъ. Вторая книга Моисея, Исходъ, книга объ искупленіи, представляетъ намъ Израиля, какъ онъ, силою пролитой крови агнца, былъ помилованъ и чрезъ это избавленъ отъ ужасной участи Египтянъ, затѣмъ рукою сильною и мышцею простертою Іеговы освобожденъ отъ фараона и выведенъ изъ Египта. Чудный прообразъ славнаго искупленія во Христѣ Іисусѣ. Почти само собою понятно, что эта книга должна была содержать въ себѣ большую часть тѣней грядущихъ благъ. Левитъ, третья книга Моисеева, есть книга объ освященіи и указываетъ намъ путь въ присутствіе Божіе, къ общенію и соединенію съ Нимъ. И въ ней даны намъ драгоценныя указанія относительно skinii собранія. Наконецъ, четвертая книга Моисея показываетъ намъ этотъ спасенный и живущій въ общеніи съ Богомъ народъ въ его странствованіяхъ по пустынѣ; она описываетъ намъ его переходы съ одного мѣста на другое, его отношенія къ Богу и повелѣніямъ Его, его труды и радости, милосердіе и требованія Божіи, долготерпѣніе и наказанія Его, она, по справедливости, можетъ быть названа записной книгой путешествія Израиля, и поэтому она можетъ дать намъ отвѣтъ на нашъ вопросъ. Изъ нея мы и рассмотримъ поближе

странствованіе Израиля со святилищемъ

Израиллю надлежало идти: такова была относительно него воля Божія съ перваго дня, какъ Моисей появился въ Египтѣ; Египетъ не былъ страною ихъ, и когда они оставили его позади себя, снова было сказано: „Скажи сынамъ Израилевымъ, чтобы они шли“ (Исх. 14, 15), потому что всякая пядь земли между Египтомъ и Ханааномъ была чужой землей для нихъ, и пока они не перешли черезъ Іорданъ, имъ не должно было имѣть мѣста покоя. Поэтому они должны были проводить въ шатрахъ дни и ночи свои, и снова разбирать ихъ послѣ того, какъ они только-что успѣли поставить ихъ. И если имъ случалось на какомъ-либо мѣстѣ оставаться подольше, то все же это была оста-

новка только на нѣсколько дней, о которой они не знали, какъ скоро и внезапно она прекратится, для того, чтобы имъ часто напоминалось ихъ положеніе странниковъ. Какіхъ желаемыхъ отрадныхъ остановокъ они ни достигали (потому что Господь посылалъ имъ иногда и ихъ), ихъ мѣстопробываніе все же не было тамъ; они никогда не могли сказать: „Здѣсь хорошо, устроимся по-домашнему“. Да, мы даже видимъ, что долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ не было хорошо для нихъ, Около Синая, гдѣ они пробыли болѣе года, они впали въ идолопоклонство; на мѣстѣ, получившемъ названіе „гробовъ похотѣнія“, они цѣлый мѣсяцъ ѣли выпрошенное мясо; поистинѣ, это была роскошная мѣстность, однако тысячами погибли они тамъ. (Чис. 11). „И жилъ“—читаемъ мы далѣе,— „Израиль въ Ситтимѣ, и началъ народъ блудодѣйствовать съ дочерьми Моава; и приглашали онѣ народъ къ жертвамъ боговъ своихъ; и ѣлъ народъ жертвы ихъ и кланялся богамъ ихъ. И приѣхалъ Израиль къ Ваал-Фегору“ (Чис. 25, 1—3). Воистину, не хорошія свидѣтельства о времени покоя въ пути, потому повелѣніе Господа для сыновъ Израилевыхъ было: иди!

Возлюбленные, это былъ и есть жребій Божій и для искупленнаго Христомъ народа съ перваго дня его образованія до сего дня. Церковь Христова должна идти, и она и до сего часа странствуетъ въ шатрахъ. Скажите сами, гдѣ было ея постоянное мѣсто покоя съ тѣхъ дней, какъ было положено ея основаніе? Конечно, каждый изъ насъ можетъ указать мѣста, славящіеся тысячелѣтнимъ существованіемъ Церкви Христовой, и гдѣ кажется, что она пришла къ покою; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, мы откроемъ, что она вовсе не покоится, а умерла самою жалкою смертію, и что, собственно, осталось не что другое, какъ сухой скелетъ. Это не Церковь Христова, которая можетъ такъ, съ полнымъ удобствомъ, пользоваться покоемъ. Нѣтъ, посмотрите только, какое непрерывное движеніе замѣтно въ томъ маломъ стадѣ вѣрующихъ, которые, воистину, знали своего Пастыря. Оно появлялось то здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ, его путь направлялся то на западъ, то на востокъ и снова или на югъ, или на сѣверъ, и время

отъ времени снова возвращался къ мѣсту своего исхода. О, какими трудными путями должна была проходить она и какими кровавыми слѣдами были они покрыты; и еще до настоящаго часа окружающій ее міръ постоянно напоминаетъ ей, что у нея здѣсь нѣтъ постоянного мѣста. Къ сожалѣнію и она иногда, во дни своего благополучія, забывала идти впередъ и, такимъ образомъ, выпускала изъ виду, что она—странница; и, какъ не могло быть иначе, изъ этого выходила ея пагуба и ущербъ для міра. Еслибъ никогда не наступалъ плотскій покой для Церкви, если бы она продолжала идти впередъ, какъ въ свои прежніе дни, давно была бы, какъ говорилъ ея великій Вождь, принесена радостная вѣсть о Немъ „всякой твари“ и „всему міру“. О, если бы народъ Его, хотя бы въ эти послѣдніе дни, возвратился къ своему характеру странника!

Но какъ обстоитъ со всѣмъ народомъ Господнимъ вообще, такъ обстоитъ и съ каждымъ отдѣльнымъ изъ чадъ Его. Каждое изъ нихъ получаетъ въ руку посохъ странника въ тотъ день, когда оно узнало Христа, какъ своего Спасителя. Оно становится одновременно „странникомъ“ (Пс. 38, 13) и „гражданиномъ“ (Еф. 2, 19), странникомъ Божиимъ здѣсь на землѣ, гражданиномъ Божиимъ на небѣ. Съ этого времени отчизна его уже не здѣсь, но тамъ, гдѣ Господь его; съ этого времени жительство его на небесахъ,

„Въ странѣ блаженства, свѣта,

„Гдѣ солнце не зайдетъ,

„Гдѣ нѣтъ ужъ боли сердцу,

„Гдѣ вѣчный миръ живетъ“.

Правда, встрѣчается и ему, подобно Израилю, что-нибудь дорогое здѣсь на землѣ, Елимъ со своими свѣжими источниками воды и тѣнистыми пальмами мира, но оно не можетъ оставаться здѣсь: его правило, если оно хочетъ, чтобы ему было хорошо, должно оставаться и быть: „идти впередъ“.

Итакъ, Израиль долженъ былъ идти, но не иначе, какъ со своимъ святилищемъ. Таково было условіе Божіе. Мы читаемъ въ нашей главѣ, что въ день, когда станъ Израилевъ поднимался въ путь, Ааронъ и сыны его входили въ скинію собранія, и, начиная со Святого-святыхъ до послѣд-

няго предмета во дворѣ, должны были приготовить все къ путешествію, чтобы всѣ принадлежности жилища Господня могли идти въ путь. Итакъ, Богъ хотѣлъ быть съ ними во время пути ихъ, Онъ хотѣлъ непрестанно пребывать среди Израиля. Того, что еще такъ недавно Моисей ставилъ Ему въ условіе дальнѣйшаго путешествія, говоря Ему: „Если не пойдешь Ты Самъ съ нами, то и не выводи насъ отсюда“ (Исх. 33, 15), теперь крѣпко держался Самъ Господь, жившій среди нихъ въ шатрѣ, прообразно изображавшемъ Христа. Онъ теперь былъ съ ними, полный благодати и милосердія, изъ-за которыхъ Онъ не хочетъ покинуть ихъ, но хочетъ имѣть среди нихъ жилище Свое, и душа Его не отвергнетъ ихъ, но Онъ будетъ вѣчно водить ихъ и ходить съ ними (Лев. 26, 11. 12).

Иегова, идущій съ народомъ Своимъ! Кто можетъ постигнуть объемъ этого неизмѣримаго благословенія? Какой надежный Вождь былъ Онъ въ совершенно незнакомой пустынѣ! Вѣдь они никогда не ходили этимъ путемъ, онъ былъ имъ вполне чуждъ, даже часто приходилось имъ идти и вовсе безъ пути; но что это значило для ихъ Проводника, шедшаго впереди ихъ: они могли вполне довѣриться Ему. Правда, мы читаемъ, какъ Моисей упрашивалъ Ховава, говоря ему: „Не оставляй насъ, потому что ты знаешь, какъ располагаемся мы станомъ въ пустынѣ, и будешь для насъ глазомъ“ (Чис. 10, 31); но этотъ фактъ лишь подтверждаетъ намъ, какъ велика была безпомощность Моисея предъ возстававшими на пути трудностями, коль скоро онъ начиналъ смотрѣть на себя и принимать въ расчетъ свое незнаніе пути; взирая же на Господа, онъ не имѣлъ бы нужды въ присутствіи Ховава. Иное око, око, не дремлющее и не спящее, руководило имъ. Иегова съ Израилемъ — какая сильная защита! Бѣдный боязливый народъ могъ бы съ торжествомъ совершить путь свой, еслибъ онъ всегда считалъ Его, ставилъ Его впереди въ виду враговъ своихъ. Онъ былъ дѣйствительно „колесницею Израиля и конницей его“ (4 Цар. 2, 12). И далѣе, какое богатство имѣли они въ Немъ! Они были нищимъ народомъ, еще недавно бывшимъ рабами, были теперь въ сухой землѣ, въ пустынѣ, но всѣ свои источники они носили съ собою, въ

Немъ. Благодаря Ему, съ Нимъ они не имѣли нужды. Блаженный народъ!

Да, блаженный народъ и ты, народъ Новаго Завѣта! Тотъ, Чей прообразъ мы видѣли во святилищѣ идущимъ съ Израилемъ, идетъ и сегодня въ силѣ и жизни съ воинствомъ избранныхъ Своихъ. Онъ идетъ безъ всякихъ условій, добровольно, изъ любви, понуждаемый къ этому пламеннымъ порывомъ Своего сердца. „Се, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка“ (Мат. 28, 20),—вотъ послѣднія Его слова, которыя Онъ сказалъ безъ вызова и принужденія Своему народу. Да и гдѣ двое или трое собрались, готовые продолжать этотъ путь, то никогда не бываетъ, чтобы тамъ не доставало Его. Только бы они непрестанно пребывали съ Нимъ, какъ Онъ пребываетъ съ ними; только бы не сомнѣвался народъ Божій въ присутствіи среди него Господа, не спрашивалъ: „Посреди ли насъ Богъ нашъ“? Онъ никогда не преминетъ занять Свое мѣсто среди тѣхъ, которыхъ Онъ такъ любитъ, какъ Отецъ любитъ Его (Іоан. 15, 9). Поэтому зри на Него съ вѣрою, зри на Начальника и Совершителя вѣры твоей и, что бы ни было, ты будешь хорошо поведенъ, славно сохраненъ, богато накормленъ и, наконецъ, торжественно доведенъ до родного дома. Радостно направляясь туда, ты можешь постоянно воспѣвать:

„О, какая чудная дорога.
„Гдѣ небесной пищею живешь,
„Гдѣ, небесной влагой напоая,
„Другъ меня къ странѣ иной ведетъ
„И, рукой Своею закрывая,
„Отъ жары и зноя бережетъ“.

Получивъ предписанія относительно своего путешествія, Израиль получилъ также и повелѣніе носить съ собою свое святилище. Хотя здѣсь мы читаемъ, что это должны были дѣлать Левиты, но во многихъ другихъ мѣстахъ Св. Писанія мы находимъ, что они, собственно, были представителями переносцевъ всего народа. Господь видѣлъ въ нихъ всего Израиля на служеніи Своемъ. Въ Числ. 8, 14. 16 Господь оворитъ о всѣхъ Левитахъ: „Итакъ, отдѣли Левитовъ отъ сыновъ Израилевыхъ, чтобы Левиты были Моими. Вмѣсто цовъ изъ сыновъ Израилевыхъ, развѣрзающихъ

всякія ложесна, Я беру ихъ Себѣ“. И такъ, въ лицѣ ихъ, Израиль, путешествуя по пустынѣ, шелъ, какъ нагруженные странники. Какъ тѣ носятъ въ своихъ дорожныхъ сумахъ все свое имущество, такъ и этотъ народъ несъ при себѣ чрезъ пустыню свои богатства, заключавшіяся въ ихъ Богѣ. Какое зрѣлище должны были представлять Левиты, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности или двое вмѣстѣ несли таинственно окутанные предметы. Другіе могли утруждаться преходящими, ничтожными для вѣчности вещами, но они отдавали свои силы на тѣ сокровища, которыя дѣйствительно были достойны, чтобы имъ были пожертвованы все время, сила и жизнь, удобства и всѣ земныя сокровища.

И теперь дѣти Божіи призваны нести чрезъ этотъ міръ Господа и святыню Его; только это цѣль Его, когда Онъ оставляетъ ихъ еще странствовать на землѣ. Каждый изъ нихъ принадлежитъ къ тому народу, который долженъ носить „сосуды Господни“. Окружающій ихъ міръ долженъ увидѣть въ нихъ, что они имѣютъ нѣчто драгоцѣннѣйшее и цѣннѣйшее, нежели всѣ сокровища и блага этого міра; нѣчто, ради чего они готовы отказаться отъ „временнаго грѣховнаго наслажденія“, „сокровищъ Египетскихъ“ и избѣгать всего, что здѣсь велико и славно. Онъ долженъ увидѣть, что Христосъ и Его богатства, Онъ и Его привлекательность, Его міръ. Его радость, наслажденіе Имъ и жажда Его прославленія стоятъ у насъ выше всего. Во всякомъ случаѣ, съ этими драгоцѣнностями не согласуются суета, радость и ничтожества земныя, ни судорожная привязанность къ тому, что нравится плоти и что удобно, потому что нашему Господу угодно употребить оба наши плеча и всю нашу силу для ношенія Своихъ сокровищъ. Поэтому наше рѣшеніе должно быть подобно рѣшенію пѣснопѣвца:

„Какъ путникъ въ отчизну стремится,
„Свободенъ. не связанъ ничѣмъ,
„Не будемъ собирать и носитьъ,
„Чтобъ шагъ не замедлить въ пути.
„Кто хочетъ — носись, убивъ йся,
„Идемъ мы, отрекшись всего,
„Довольные очень немногимъ
„И сверхъ не хотимъ ничего“.

Къ сожалѣнію, Церковь Божія еще часто обременяетъ себя внѣшними предметами, которые не принадлежатъ Христу, и множество отдѣльныхъ ея членовъ носятъ до утомленія и изнеможенія съ тѣмъ, что замедляетъ ихъ шествіе; отсюда ихъ бѣдность въ богатствахъ Христовыхъ и сокровищахъ, которыя пребываютъ вѣвѣкъ, и отсюда столь частое отпаденіе. О, какъ больно будетъ намъ, когда, по окончаніи нашего земного странствованія, мы вдругъ во свѣтѣ Божіемъ увидимъ всю бесполезность и ничтожность внѣшности и узнаемъ, что мы гнались за вѣтромъ и тѣнью, пренебрегая Божіимъ намѣреніемъ и цѣлью, содѣлать насъ носителями Его благъ и Христа Его!

Далѣе мы находимъ, что въ Израилѣ каждый носилъ священные предметы, назначенные ему Самимъ Господомъ. Тамъ не могъ каждый взять себѣ то, что казалось ему пріятнымъ или что первое попало ему подъ руку. Самъ Господь, согласно Своему плану, распредѣлилъ между ними принадлежности Святого-святыхъ, святилища и двора. Среди тысячъ работоспособныхъ Левитовъ ни одинъ не долженъ былъ быть забытъ; потому избиралъ Онъ ихъ по родамъ и семействамъ ихъ. Ихъ было три рода: родъ Гирсоновъ, Кааѳовъ и Мераринъ. По Своему премудрому усмотрѣнію Онъ приставилъ ихъ къ дѣлу Своему не по рожденію или почтенности ихъ, а какъ они пондобились Ему. Поставленные вначалѣ сыны Гирсона, потомки первенца Левіина, которыхъ мы, во всякомъ случаѣ, поставили бы на первое мѣсто, получили второе мѣсто, тогда какъ сыны Кааѳовы, которымъ, собственно, должно бы принадлежать второе мѣсто, были поставлены въ первые ряды. Но мы нигдѣ не читаемъ, чтобъ послѣдніе завидовали первымъ, или чтобъ выдвинутые впередъ считали послѣднихъ ниже себя, потому что тѣ носили предметы меньшей важности; нѣтъ, они покорно принимали свое положеніе и служеніе изъ руки Господа. Всѣ они знали, что они носили „сосуды Господни“ и были служителями Великаго Царя. Они тоже знали, что все, ввѣренное имъ, служило для прообразнаго представленія и прославленія ихъ Господа. И, дѣйствительно, не были ли крючки и петли такъ же необходимы, какъ и покрывала съ изображеніемъ херувимовъ, ко-

торья они соединяли, и шести, гвозди и столбы такъ же необходимы, какъ ковчегъ завѣта и престолъ благодати? Еслибъ не доставало одного, повидимому, самага незначительнаго предмета, то сейчасъ же образовался бы замѣтный пробѣлъ въ великомъ произведеніи, которое было тѣнью будущихъ благъ. Поэтому ни одинъ не могъ сказать другому: „Если ты со своей ношей и отстанешь, то намъ отъ этого не будетъ потери“; не могъ также, съ другой стороны, кто-либо о себѣ подумать: „Въ великомъ шествіи этомъ я чело-вѣкъ лишній“. Нѣтъ, такія мысли огорчили бы Господа, повелѣвшаго изготавить всѣ эти священные предметы и распредѣлившаго ихъ всѣ по Своему усмотрѣнію между Своими слугами.

Какой славный прообразъ для Церкви Божіей въ наши дни. Посмотрите только, сколько замѣчается въ единичныхъ подраздѣленіяхъ ея погони и стремленія къ тому, чтобы стоять или идти впереди въ чудномъ шествіи, вмѣсто того, чтобы точно узнать, какія именно особенныя и драгоценныя стороны Господа ихъ поручены имъ, чтобы открыть ихъ міру. И сколько тщеславія и похвальбы направо и налѣво замѣчается часто изъ-за того или другого особеннаго преимущества въ столь выдѣляющихся рядахъ современнаго намъ народа Божія. Каждое изъ нихъ утверждаетъ, что носить собственно Святое-святыхъ, потому что особенно выдѣляетъ одну изъ многихъ драгоценныхъ истинъ, и почти каждое изъ этихъ подраздѣленій видитъ въ этихъ нагруженныхъ странникахъ возлѣ себя сыновъ Мерариныхъ съ брусьями, шестью и гвоздями и говоритъ имъ, хотя бы только въ сердцѣ своемъ: „Какъ ничтожны твои предметы, какъ мала цѣнность ихъ“! не думая, что только всѣ эти прекрасные предметы, взятые вмѣстѣ, являютъ всего Христа и что всякій, даже самый ничтожный, лучъ славы необходимъ для совершенной полноты ея. И все-таки всѣ они идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ къ одной цѣли и призванные однимъ и тѣмъ же Господомъ. О, если бы скоро настала перемѣна къ лучшему на Сіонѣ! Но какъ радостно отдыхаетъ глазъ въ то же время на единичныхъ тихихъ носителяхъ святынь Господнихъ и на возникающихъ то тамъ, то сямъ среди различныхъ подраздѣленій Церкви ма-

лыхъ группахъ, чувствующихъ себя счастливыми служить Господу какимъ бы ни было образомъ, и которые съ глубокимъ горемъ объ этомъ „бѣдствіи Іосифа“ странствуютъ чрезъ пустыню міра сего.

Еще видимъ мы у Израиля, какъ старательно были скрыты эти драгоценныя святыни при отправленіи въ путь. Никто другой, какъ самъ Ааронъ, первосвященникъ, получилъ повелѣніе входить въ скинію собранію и вмѣстѣ со своими сынами завернуть, самымъ заботливымъ образомъ покрыть и окутать ихъ. Онѣ нуждались въ этомъ покровѣ для своей защиты; также ничей непризванный глазъ не долженъ былъ увидѣть ихъ, даже носившіе ихъ, которые, хотя могли знать, что именно они несутъ, тѣмъ не менѣе не могли наслаждаться, посредствомъ разсматриванія, или видѣть своими глазами ихъ блескъ и высокое достоинство. Видѣть ихъ дано было лицамъ, имѣвшимъ доступъ во святилище Господне. Поэтому посмотрите, какими ничтожными должны были онѣ выглядѣть, когда ихъ видѣли внѣ святилища. Снаружи ничто иное, какъ тѣ покровы изъ барсучьей кожи безъ блеска и цвѣта, безъ вида и красоты; только одно исключеніе среди нихъ составляетъ ковчегъ завѣта со своимъ небесно-голубымъ покровомъ. Гдѣ же было здѣсь золото, гдѣ же блескъ, могущій привлекать взоры человѣческіе? Нигдѣ, рѣшительно нигдѣ не просвѣчивали они наружу. Не была ли отрѣзана, между прочимъ, всякая возможность хвалиться этими священными предметами?

Возлюбленные, не ждите никогда, чтобы внѣ стоящій міръ сталъ восхищаться вашими богатствами. Онъ, Который нѣкогда Самъ ходилъ здѣсь въ покровѣ униженія изъ барсучьихъ кожъ и вышелъ изъ этого міра въ красномъ покровѣ страданій и смерти, покровѣ изъ бараньей кожи, устроилъ такъ, что всѣ блаженства, пришедшія на васъ чрезъ Него, обнаруживаются только въ униженіи. Міръ никогда не увидитъ въ нихъ красоты: онъ не знаетъ цѣны ихъ, да и вы знаете ее только отчасти, и только насколько вы углубитесь въ Него, настолько и эти сокровища будутъ славны для васъ, потому что только тогда вы можете вмѣстить богатство достоинства ихъ. Если же это

не было бы такъ, то какъ легко могли бы мы впасть въ превозношеніе, какъ скоробыли бы готовы хвалиться, такъ что къ намъ могъ бы быть обращенъ вопросъ: „Что ты имѣешь, чего бы не получилъ“ (1 Кор. 4, 7). Или же изъ-за высокихъ откровеній было бы необходимо дать намъ жало въ плоть, какъ апостолу Павлу, въ противовѣсъ, чтобы мы не превозносились. О, придетъ еще время, открыться блеску золота славы, которую мы имѣемъ въ Немъ, когда явится Христосъ, и мы съ Нимъ. Будемъ же спокойно носить сокровище въ глиняныхъ сосудахъ нашихъ. Но это не значитъ, что мы должны завернуть эти сокровища въ платокъ и закопать ихъ въ землю; напротивъ, они должны быть пронесены нами чрезъ весь міръ, отъ одного края земли до другого, и пронесены такъ, чтобы, какъ тамъ на ковчегѣ завѣта, выступалъ наружу ихъ небесный характеръ. Міръ долженъ узнать и почувствовать, что тутъ существуетъ нѣчто, чего онъ не имѣетъ, нѣчто свыше, изъ другого міра. Да научить насъ Господь такъ прославлять Его, чтобъ бѣдный погибающій міръ былъ достигнутъ и приобрѣтенъ для Него.

Нельзя упустить изъ виду еще одну драгоценную мысль, что **каждый изъ тѣхъ носителей святынь имѣлъ ношу, соразмѣрную силѣ его.** Тамъ были болѣе тяжелые и болѣе легкіе предметы; но Господь устроилъ такъ, что болѣе легкіе и славные, называемые Святымъ-святыхъ, носились на плечахъ, тогда какъ болѣе тяжелые могли перевозиться. По мѣрѣ силъ возлагалъ Онъ ношу и по мѣрѣ ноши давалъ Онъ силу. Когда была воздвигнута скинія, начальники народа принесли въ даръ Господу шесть крытыхъ повозокъ, которыя были вручены Левитамъ; какъ мы читаемъ объ этомъ въ Чис. 7, 3—9. Сыны Кааѳовы не получили ни одной; сыны Гирсоновы двѣ, и сыны Мерарины—четыре повозки. Сынамъ Гирсоновымъ приходилось носить тяжелые покровы и ковры шириною въ десять и одиннадцать полотнищъ каждый, причемъ они не могли быть разъединены, для чего нужно было больше силы, нежели для ношенія единичныхъ предметовъ, какъ ковчегъ завѣта, столъ для хлѣбовъ предложенія, золотой свѣтильникъ, золотой или мѣдный жертвенникъ; еще болѣе нуждались въ силѣ сыны

Мерарины, и Господь позаботился о томъ, давъ имъ въ распоряженіе наибольшее число повозокъ, именно четыре. Тѣ тяжелые шести и позолоченные брусья, мѣдныя и серебряныя подножія требовали большой затраты силы, которая и была дана Господомъ.

Такъ же славно распредѣлилъ Онъ все и теперь. Каковъ твой трудъ, каково твое служеніе, такова будетъ и твоя сила, чадо Божіе, и ты, единичная вѣтвь Церкви Христовой. Никогда не придется народу Его жаловаться, что имъ приходится носить слишкомъ тяжелую ношу Господню, какъ бы Господь возложилъ на нихъ бремя выше силъ. Онъ распредѣлилъ какъ ношу, такъ и силы. Поэтому прости руку съ дерзновеніемъ, братъ мой, сестра моя, если бы Онъ далъ тебѣ трудную задачу, потому что тебя ожидаетъ тогда славный притокъ божественной силы. И если тебѣ назначено нести бремя, знай, что это—драгоценные предметы; тогда не озирайся по сторонамъ, ища кого-нибудь, кто могъ бы снять и понести его дальше на себѣ. Сыны Каафовы не могли ничего перевозить, ихъ плечи должны были переносить довѣренныя имъ святыни, и, обремененные ими, они не шли позади, не во второмъ ряду, но впереди. О, если бы мы отыскиали наше истинное мѣсто и бодро взяли за трудъ свой!

Въ заключеніе, посмотрите на славную цѣль странствованія Израиля. Куда же шелъ этотъ народъ? Къ Хориву, въ Кадесъ-Варни, къ горѣ Нево или въ долину Іорданскую? Нѣтъ, ни одно изъ этихъ мѣстъ не было конечной цѣлью ихъ. Къ сожалѣнію, временами они уставали и охотнѣе возвратились бы назадъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ. А между тѣмъ, согласно плану Божію, Израиль шелъ къ мѣсту покоя своего. Этого они не должны бы никогда выпускать изъ виду. Всякій взглядъ назадъ на Египетъ, всякое желаніе сердца найти наслажденіе или желаніе остаться гдѣ-нибудь въ дорогѣ, были въ прямомъ противорѣчій съ шествовавшимъ посреди ихъ Господомъ. Не позади, гдѣ они раньше были, не въ пустынь, гдѣ они теперь находились, былъ покой ихъ, суббота; нѣтъ, онъ ожидалъ ихъ тамъ, куда указывалъ святой перстъ Божій. Поэтому Израиль долженъ былъ, забывая заднее, простираться

впередъ къ тому, что было передъ нимъ. Ихъ сердце должно было быть тамъ, гдѣ было ихъ истинное сокровище, ихъ отчизна; ихъ взоръ долженъ былъ покоиться на невидимомъ, и ихъ ноги стремиться къ нему. Тамъ должны были превратиться ихъ шатры навѣки въ жилища мира, и ихъ skinія въ славный храмъ. Какая славная цѣль, и съ Господомъ среди нихъ, безъ сомнѣнія, достижимая.

О, мои братья, да не исчезнетъ изъ глазъ вашихъ эта цѣль, истинная цѣль земныхъ странствованій! Купите глазной мази у шествующаго съ вами Господа, чтобы сдѣлаться весьма дальноркими, потому что, чѣмъ больше и лучше вы смотрите на нее, тѣмъ сильнѣе и скорѣе будетъ стремиться къ ней сердце ваше. Да, только тамъ нашъ окончательный и совершенный покой, гдѣ мы увидимъ Его, идущаго теперь съ нами, лицомъ къ лицу. Тамъ превратится нашъ странническій посохъ въ пальму мира; этотъ домъ, наша хижина,—въ домъ нерукотворенный, вѣчный; надежда наша смѣнится дѣйствительностью и наша вѣра—видѣніемъ. Еще одинъ шагъ и если надо, еще одинъ, и тогда, да тогда придетъ послѣднее—

„Тогда я брегъ чужой покину,
„Отдавъ себя въ руки Творца,
„Страну желанную достигну,
„И это—родина моя“!

Аминь.

